

Дэвид Гудинг

ВЕРНЫЕ ВЕРЕ

Новое прочтение Деяний святых Апостолов

**WORLD WIDE PRINTING
DUNCANVILLE, USA
1998**

Дэвид Гудинг
Верные вере
(Новый подход к Деяниям святых Апостолов)
Издательство World Wide Printing, Duncanville, USA

Титул оригинала: **TRUE TO THE FAITH**
(A Fresh approach to the Acts of the
Apostoles)
Professor David Gooding

Перевод с английского: *М. Байзерман*
Редакторы: кандидат философских наук *Т. Барчунова*
Д. Никулин
Л. Трофимов

Литературный редактор, составитель
указателя: кандидат филологических наук *Е.А.Куклина*

ISBN 1-890863-77-7

© The Myrtlefield Trust,
русский перевод, 1993
© The Myrtlefield Trust,
English text, 1990

За более подробной информацией о сочинениях профессора Гудинга на русском, украинском, английском, венгерском, чешском, болгарском, польском, испанском и немецком языках обращайтесь по адресу: The Myrtlefield Trust, Post Office box 42, Newtownards, BT23 3FD, Northern Ireland, United Kingdom.

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
МАЙКЛУ И ЭЛИЗАБЕТ
МИДЛТОНАМ*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора русского перевода	5
Предисловие автора к английскому изданию	7
Введение	11
РАЗДЕЛ 1	
Христианство и всеобщее восстановление (Деян 1: 1-6: 7)	33
РАЗДЕЛ 2	
Христианское богослужение и свидетельство (Деян 6: 8-9: 31)	157
РАЗДЕЛ 3	
Христианское учение о святости и его практи- ческое воплощение (Деян 9: 32-12: 24)	235
РАЗДЕЛ 4	
Христианское учение о спасении (Деян 12: 25-16: 5)	289
РАЗДЕЛ 5	
Христианство и языческий мир (Деян 16: 6-19: 20)	351
РАЗДЕЛ 6	
Христианство и защита, и подтверждение благой вести (Деян 19: 21-28: 31)	473
ПРИЛОЖЕНИЕ I	
Является ли христианство по своей сути антисемитичным?	591
ПРИЛОЖЕНИЕ II	
Являются ли Деяния святых Апостолов не только композиционно продуманным художественным произведением, но и надежным историческим источником?	596
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	609

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА РУССКОГО ПЕРЕВОДА

Перевод книги Д.Гудинга на русский язык осуществляется впервые. Основные сложности, связанные с переводом, можно условно разделить на концептуальные и стилистические, хотя, по существу, эти сложности тесно связаны друг с другом.

Основная концептуальная проблема состояла в том, чтобы в переводе сохранить идеи динамики христианства как доктрины и жизненной практики, постепенного отмежевания христианства от иудаизма, его противопоставленности языческим культам и формам культуры, которые и составляют смысл новой интерпретации библейского текста.

По Гудингу, формирование христианства — это не единомоментный акт, а ДРАМА идей и жизненных судеб действующих лиц повествования. Исходя из этой интерпретации, профессор Гудинг предлагает новый принцип структурирования текста Деяний, не совпадающий с традиционным членением на главы. Структурной единицей текста выступает у него не глава, а Раздел, который, в свою очередь, распадается на части, названные автором “Movements”. В английском языке это слово обозначает не только “движения”, но и используется для обозначения частей музыкальных произведений, то есть прямого эквивалента в русском языке не имеет.

Задача редактора состояла в том, чтобы в русском переводе сохранить как идею движения, так и идею этапов, частей этого движения, которая заключена в оригинальном термине “Movements”. Ни один из традиционных терминов (параграф, глава, часть и пр.) не соответствовал этой задаче в силу своей статичности. Неожиданную подсказку я увидела в английском названии библейского текста “The Acts of Apostles”. Acts! Действия! “Действие” в русском языке — это не только движение, усилие, подчиненное определенной цели, а и структурная единица, но — не музыкального

произведения, а драматургического. Так, части Разделов в переводе книги профессора Гудинга (и, соответственно, части Деяний, в интерпретации теолога) обрели название Действий, которое, конечно, удивит читателя, знакомого с теологической литературой.

Я надеюсь, что предлагаемый термин не помешает, а, напротив, поможет понять замысел евангелиста Луки, автора Деяний, и концепцию профессора Гудинга.

Основная стилистическая задача перевода заключалась в том, чтобы не возникало диссонанса между современным, иногда преднамеренно разговорным, языком комментариев и стилистически приподнятым и иногда архаично звучащим языком русского перевода библейского текста.

Насколько хорошо решена эта задача, как принято писать, — судить читателю.

Проблемы, о которых я написала выше, решали переводчик книги и редакторы перевода. Однако в процессе издания этой книги на русском языке возникали и другие проблемы — технические и организационные. Их пришлось решать людям, имена которых не фигурируют на титульном листе. Это — доктор Артур Вильямсон и Майкл Мидлтон, представители британской организации “Мёртлфилд Траст”, которая занимается изданием работ профессора Гудинга, а также Денис и Дуглас Винклеры, американцы из Калифорнии, которые за несколько лет жизни в г. Новосибирске стали настоящими сибиряками. Вложив много средств и массу своего бескорыстного труда и опекая непосредственных исполнителей перевода, они сделали возможным появление книги ирландского теолога на свет.

Я надеюсь, что усилия профессора Гудинга как автора книги и усилия людей, принимавших участие в ее русском издании, не пропадут даром и читатель поймет, как важно быть верным вере.

*Кандидат философских наук Татьяна Барчунова
Новосибирск, 1993 г.*

**ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К АНГЛИЙСКОМУ
ИЗДАНИЮ**

Современный читатель Деяний святых Апостолов, отделенный веками от времени их написания, не может тем не менее оставаться равнодушным к пламенному призыву, который Господь адресовал двенадцати апостолам:

“Идите и ...говорите народу все сии слова жизни”

(Деян 5: 20).

Восставший из мертвых Господь, который призвал апостолов к служению, до сих пор жив. Его цели остались неизменными, его призыв не угас. Святой Дух, который руководил апостолами, когда они формулировали сущность христианской Благой вести, по-прежнему ожидает от всех последователей живого Бога верности этой сущности. Время не стерло смысла неувядающей Жизни и надежды, которые заключены в Слове Божьем. Время не уменьшило их значимости для современного мира, который несмотря на всю свою техническую изощренность по своему духу и поведению людей начинает все больше и больше походить на тот мир, в котором в 1 в. н. э. зародилось христианство. Захлестываемый потоком научных и технических новшеств, современный человек постепенно утрачивает способность хранить знание о прошлом. Знание о прошлом подвергается опасности искажения, а представления о подлинной, исторической сущности христианства становятся настолько шаткими, что, сами того не замечая, люди начинают принимать за христианскую Благоую весть такие формы христианства, из которых сущность его оказывается выхолощенной. Автор надеется, что предлагаемая новая интерпретация Деяний поможет многим читателям осмыслить, а если нужно, — переосмыслить, славу, мудрость, надежду и благоговение, которые по-прежнему несет миру Благоая весть восставшего из мертвых Господа через боговдохновенный труд Луки.

Книга адресована не профессиональным теологам, специалистам по Новому Завету, а любому вдумчивому

читателю. Она построена на убеждении, что Деяния — надежный исторический источник, хотя по причинам, которые изложены в Приложении 2, в мою задачу не входило подробно обсуждать проблему их исторической достоверности. В своей работе я постоянно опирался на три книги: I. Howard Marshall. *Acts* (Leicester: IVP, 1980); F. F. Bruce. *The Book of the Acts*, revised edition (Grand Rapids: Wm B. Eerdmans, 1988); Colin J. Hemer. *The Book of Acts in the Setting of Hellenistic History* (Tübingen: J. C. V. Mohr, 1989) [И. Говард Маршалл. Деяния; Ф. Ф. Брюс. Книга Деяний апостолов; Колин Дж. Хемер. Книга Деяний апостолов в контексте истории эллинизма]. Особого упоминания заслуживает новый блестящий перевод Деяний, который выполнил профессор Брюс для переработанного издания своих комментариев. Он отличается тщательностью и стилистической яркостью.

Большинство лучших комментариев Деяний сосредоточивается на том, как Лука запечатлевает процесс распространения христианской Благой вести и дают читателю географическую, археологическую и историческую информацию, помогающую понять сочинение евангелиста. Эти комментарии, безусловно, представляют интерес. Но задача настоящей работы — несколько иная. Она заключается в том, чтобы проследить методы отбора и организации материала, которыми пользуется Лука. На этом основании делается вывод, что интерес Луки к распространению Евангелия подчинен тому, чтобы донести до нас суть Благой вести и связать причины ее распространения по миру с ее содержанием. Моя задача состояла также в том, чтобы показать, как следует понимать Евангелие сегодня.

В Деяниях зафиксировано одно горестное обстоятельство: конфликт между иудаизмом и христианством, свидетелем которому был Лука. Об этом конфликте нельзя читать сегодня, абстрагируясь от ужасных проблем национальной вражды и геноцида. Поэтому я счел нужным посвятить одно из Приложений книги изложению своих собственных мыслей по этому горестному поводу.

Я хотел бы принести свою благодарность многим людям, но, в особенности, Стюэрту Хэмилтону, доктору

Джону Леноксу, доктору Родерику Мэтьюзу, Майклу Мидлгтону и доктору Артуру Вильямсону, каждый из которых внес свой вклад в создание этой книги. Я благодарю Барбару Хэмилтон за то, что она, несмотря на жесткие временные рамки, прекрасно напечатала рукопись, вложив в это дело много труда и эстетического вкуса. Я благодарю также Дэвида Макиндера за техническую редакцию книги, которая очень выиграла за счет продуманной им системы заголовков и подзаголовков и устраненных им неточностей.

Каждому из этих людей в отдельности и всем им вместе я приношу свою огромную благодарность.

*Дэвид Гудинг
Белфаст*

ВВЕДЕНИЕ

ЗАЧЕМ НУЖНО ИЗУЧАТЬ ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ?

Первая и наиболее понятная причина, по которой мы изучаем Деяния Святых Апостолов (далее — Деяния), заключается, по моему мнению, в том, что они открывают доступ к действительным фактам, относящимся к зарождению христианства и к тому древнему миру, который стал колыбелью христианства. А в наши дни это — очень важная причина.

Нельзя не согласиться с тем, что современному человеку некоторые черты христианства кажутся непривлекательными. Это не относится, конечно, к учению о любви Божьей и Боге Отце, или, скажем, к христианским идеям социальной ответственности, заботы о стариках и детях, к заповеди возлюбить наших ближних и врагов, как самих себя. (Хотя многие и ворчат про себя, что это просто призыв к самосовершенствованию, идеал, который недостижим на практике.)

Однако некоторые аспекты христианства кажутся современному человеку совершенно неприемлемыми. Во-первых, это сверхъестественное начало христианства, представление, согласно которому Иисус является воплощением Бога, что Он воскрес из мертвых и вознесся на небеса и что Он реально придет на землю опять. И, во-вторых, это принцип догматики, который можно было бы назвать “принципом исключения” (dogmatic exclusivism). Он гласит, что спасение может быть достигнуто не иначе, чем через Иисуса Христа:

“Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись”

(Деян 4: 12).

Поэтому сегодня во многих странах Запада традиционное христианство, настаивающее на этих двух принципах, стало непопулярным и количество членов христианских церквей неуклонно падает.

Любого христианина не может не беспокоить подобное положение вещей. Однако не меньшее беспокойство вызывает один из выдвигаемых способов оздоровления, причем выдвигаемых не извне, а изнутри христианского мира. Все чаще различные религиозные деятели и теологи внушают нам, что залогом успешного распространения благой вести может быть “приспособление” ее к строю мыслей современного человека и такая ее интерпретация, которая не приводила бы к непреодолимым трудностям в ее понимании.

Нас уверяют, что это не только возможный, но и вполне безопасный путь. Те разделы христианского учения, которые не может принять наш разум, утверждают они, не являются существенной частью Евангелия. Они относятся к зачаточному этапу развития христианства. Неразрывно связанные с примитивным донаучным мышлением древнего мира, эти разделы составляли естественную, а для своего времени, возможно, и необходимую оболочку, предохранявшую первые ростки истинно христианской жизни и мысли и способствовавшую их развитию. Однако они никогда не представляли собой неотъемлемой части этой жизни. Теперь они могут быть отброшены безо всякого ущерба для нее. Отбросить их даже необходимо, так как современный человек, говорят эти люди, воспринимает их как черты младенческого этапа развития религиозного сознания, предшествовавшего возникновению науки. Более того, поскольку в те далекие времена знания о внешнем мире были весьма ограничены, каждый почитал свою религию единственно верной, совсем как ребенок, который из чувства самосохранения считает единственно надежным в мире человеком своего отца.

Но если христианство, уверяют нас, надеется расположить к себе современного человека, оно должно отбросить ненужную оболочку сверхъестественного, приспособ-

собраться к веяниям науки — то есть, образно говоря, из куколки — стать яркой бабочкой.

Кроме того, утверждается, что христианство не может не считаться с тем, что оно, если продолжить нашу аналогию, — не единственная бабочка в саду. Благодаря расширению нашего познавательного горизонта, мы видим, что существуют и другие, равно привлекательные религиозные системы. Следовательно, внушают нам, пора перестать заниматься обращением в христианство людей других исповеданий, а вместо этого, вступая с ними в диалог, черпать все полезное и сочетать самое ценное из всех религиозных систем, включая и христианство. Единственное, с чем современный человек никогда уже не сможет мириться, — это монополистские притязания отжившего свой век христианского фундаментализма. В древнем мире он процветал, но сейчас у него нет шансов на выживание.

Прежде чем согласиться с этим внешне убедительным рассуждением, давайте обратимся к написанной евангелистом Лукой истории первых шагов христианства — хотя бы для того, чтобы не впасть в красивый самообман, который возникает либо из невежества, либо из забвения ранее известных фактов. Рассказ Луки, прочтенный внимательно и вдумчиво, покажет, по крайней мере, то, что современный мир, несмотря на научный и технический прогресс, в сущности своей, ничем не отличается от древнего мира эпохи зарождения христианства. Предположить нечто иное — означает впасть в глубочайшее заблуждение. На самом деле наш западный постхристианский мир не только не отличается от мира первого века нашей эры, но с каждым днем становится все больше и больше похожим на него.

“Наш современный мир, построенный на научном знании, не верит и не может поверить в возможность воскресения из мертвых”, — заявляет современный человек, неверно полагая, что отличается этим от человека древнего мира.

На самом же деле большинство людей в древности тоже не верило в такую возможность. Философы-эпикурейцы, с которыми Павел беседовал в Афинах (Деян 17: 18), счи-

тали, что мир состоит из атомов, и были сторонниками учения об эволюции. Они верили в существование богов, но, подобно современным богословам, несколько лет назад издавшим книгу “Миф о воплощенном боге”¹, утверждали (правда, по другим причинам), что боги никогда не вмешивались и не будут вмешиваться в дела человеческого мира. Их научная теория гласила, что человеческая душа, как и человеческое тело, состоит из материальных атомов. В момент смерти как атомы души, так и атомы тела мгновенно разлетаются в разные стороны. При этом душа распадается мгновенно, разложение же тела занимает некоторое время. Ничто не вечно, кроме отдельных атомов. Таким образом, исходя из своих научных взглядов, эпикурейцы отвергали возможность воскресения из мертвых. Но несмотря на это, Павел проповедовал им воскресение Христа (Деян 17: 31).

Большинство простых греков верило в бессмертие души. Этому учил Платон, а еще раньше Гомер (если они нуждались в этом). Но никто из них не верил в возможность воскресения тела. Так великий древнегреческий поэт Эсхил утверждал, что это невозможно. Поэтому, когда Павел излагал перед афинянами учение о телесном воскресении Христа, некоторые из них смеялись, что было не слишком-то вежливо (Деян 17: 30-32).

Но не только язычники не могли поверить, не верили или не хотели поверить в возможность воскресения. Лука сообщает нам, что первая организованная оппозиция христианскому благовествованию исходила от иудаизма, со стороны высших священников и клириков Иерусалимского храма. Они тоже не верили в возможность воскресения! Все они, без исключения, были саддукеями (Деян 4: 1-7; 5: 17-18; 23: 6-8). Они не верили ни в телесное воскресение из мертвых, ни в существование ангелов, ни даже в бессмертие души после смерти человека. Более того, для доказательства своей правоты они ссылались на Библию!

Я знаю, что священник, так сказать, с Библией в руках, отрицающий не только воплощение, телесное воскресение

и вознесение Иисуса, но даже и теоретическую возможность таких событий, кажется некоторым людям новым и даже “прогрессивным”, “передовым” и “отвечающим современному стилю мышления”. На самом же деле это явление столь же древнее, как и само христианство. Единственная разница состоит в том, что изначально (хотя и в течение очень короткого периода — 1 Кор: 15) подобные критики находились за пределами Церкви, а не внутри нее.

Поэтому, чтобы трезво оценить современную ситуацию, очень важно познакомиться с тем, что говорит Лука об истоках христианства, Что же касается нежелания поверить в воскресение Христа по различным религиозным, философским, научным или чисто культурным соображениям, то античный мир мало чем отличался от современного.

Если бы апостолы последовали тому совету, который дают наши современные мыслители-авангардисты, и перестали бы проповедовать воскресение Христа, то христианские церкви никогда не пришли бы в упадок — их бы просто не было совсем (1 Кор 15: 12-20)

Рассмотрим теперь отношение критиков к утверждению христианства о том, что единственный путь спасения — это Христос, и никакие иные религиозные или философские представления таким путем быть не могут (Деян 4: 12). По-видимому, подобное утверждение огорчает многих наших современников, они считают, что оно основано на невежестве или даже на высокомерии. Такое утверждение, говорят они, было естественным для античного мира, где христианство выступало в качестве официальной религии монолитной культуры. Человек, ограниченный рамками этой культуры, очень мало знал о внешнем, по отношению к этой культуре мире, и относился к нему как к чему-то чуждому и в любом случае враждебному. Но мы, говорят наши современники, живем в совершенно ином мире. Мы стоим на пути создания культуры, которая объединила бы все человечество. Мы, конечно, обладаем несравненно большими знаниями о других мировых религиях, чем люди античности, в отличие от них мы не можем утверждать, как бы не замечая огромного внешнего мира, что христи-

анство — единственный путь к спасению.

Однако и этот довод основан на заблуждении. Наши критики, вероятно, имеют в виду ситуацию, сложившуюся в эпоху “мрачного”, как его иногда называют, средневековья. Но в I в. н. э. обычный христианин из Греции или Рима знал о других религиях из личного опыта и ежедневного общения значительно больше, чем знает сегодня обычный христианин на Западе. Когда мы читаем у Луки описание Афин с бесчисленными алтарями бесчисленным богам и богиням, мы еще раз убеждаемся в том, что мир, в котором зародилось христианство, был “густо населен” всевозможными религиями и философиями. Здесь была и классическая религия олимпийских богов, в греческом и римском вариантах, с ее прекрасными храмами и торжественными обрядами. Здесь были и мистические религии, которые обещали своим адептам единение с божеством и неповторимый экстатический опыт (1 Кор 12: 2). Очень популярными были и мифы о метемпсихозе, чистилище, перевоплощении, привнесенные в греческую религию и философию из индуизма через посредство пифагорейцев и Платона. Бытовали как сверхаскетические религии (Кол 2: 20-23), так и сверхлиберальные формы религиозной жизни, которые допускали внебрачные половые связи и гомосексуализм (2 Петр: 2; Иуд: 7-8). Были религии, привлекавшие людей уравновешенных, с философским складом ума (2 Кол 2: 8), а были и фанатические формы, которые легко выливались в преследования, мятежи и уничтожение людей (Деян 9: 11-12; 19: 21-40). Были такие религии, которые почитали Христа как Великий Мировой Дух, но не признавали Христа в Иисусе (Ин 2: 18-22; 4: 2-3). Кроме того, во многих городах античного мира, как постоянно упоминается в Деяниях святых Апостолов, уже существовали иудаистские синагоги, часто собиравшие вокруг себя новообращенных из язычников. Существовая среди всего этого скопления религий и культов в течение первых двухсот лет, христианство, разумеется, не было официальной религией монолитной культуры — оно было незначительным, борющимся и часто преследуемым

меньшинством в громадной мировой империи.

Таким образом, христиане исповедовали Иисуса Христа как единственного Спасителя мира вовсе не потому, что у них не хватало сведений о других религиях, а как раз наоборот, потому что другие религии были им прекрасно известны. Христиане знали, что ни одна из этих религий не вела к истинному очищению совести, подлинному миру с Богом, к уверенности в спасении и твердой надежде на будущее как для отдельного человека, так и для всего мира. Они проповедовали Иисуса как единственного спасителя не из-за узости своих взглядов или претензий на монополию, но движимые радостным чувством того, что Бог, воплотившись в Иисуса Христа, сделал все необходимое для спасения человечества. Никакая другая жертва, никакое другое спасение не было подлинным. Впрочем, жертва, подобная этой, никогда и не приносилась, да она и не была нужна. Мир с Богом стал даром, доступным каждому, — свободно и без промедления.

“Пусть так, — скажут нам, — в своем кругу христиане вправе верить во что угодно. Однако современный западный мир представляет собой общество плюрализма, и попытки христиан обращать людей других вероисповеданий в свою веру, противоречащие самому духу христианства, могут привести к ухудшению социальных отношений и гражданским беспорядкам”.

Такая опасность действительно существует, и насилие, которое по-прежнему нередко совершается во имя религиозных убеждений, не может не возмущать здравомыслящего человека. Анализируя причину этого явления, следует остерегаться поверхностных выводов. Очень часто причину ищут в так называемом “фундаментализме”. Но термин, применимый как по отношению к крохотным меннонитским братствам, по своим убеждениям — пацифистским, так и к миллионам воинствующих мусульман, не может обладать большой объяснительной силой. Что же касается христианства, то отнюдь не приверженность основным постулатам Библии приводила, увы, к достаточно частым актам нетерпимости, политической дискри-

минации и кровопролитию на религиозной почве. Напротив, эти акты осуществлялись как прямое неповиновение Христу, запрещавшему прибегать к мечу и творить любое насилие ради какой бы то ни было цели, будь то поддержка христианства или же его защита, увеличение числа членов церкви или же уменьшение количества “еретиков” или “неверных”. Однако имевшие место в прошлом акты неповиновения Христу вряд ли будут сегодня исправлены, если из боязни кого-то обидеть мы будем смягчать или излагать в компромиссной форме принципиальные требования Христа.

И здесь снова нам на помощь приходят Деяния, так как, определяя, каким должно быть отношение к рассматриваемым проблемам, мы вряд ли можем игнорировать опыт апостолов.

В Деяниях часто говорится о том, что римские магистраты и прокураторы нередко испытывали раздражение при первом знакомстве с христианством. Если на вверенной им территории происходили беспорядки, то при расследовании часто казалось, что за ними стоят христиане. Иногда, как это случилось в Филиппах (Деян 16, 16-40) или в Ефесе (Деян 19: 23-41), беспорядки происходили оттого, что поведение христиан сильно возмущало представителей языческих религиозных групп. Однако, гораздо чаще беспорядки инициировались иудеями, как это, например, произошло в Антиохии Писидийской (Деян 13: 50), Листре (Деян 14: 19), Фессалониках (Деян 17: 5-9), Верии (Деян 17: 13), Коринфе (Деян 18: 12-17) и Иерусалиме (Деян 21: 27-26: 32).

В целом римляне были весьма терпимы к другим религиям, но было нечто, что очень сильно их раздражало, именно, когда религиозные верования или традиции вели к гражданским беспорядкам. Лука сообщает нам (Деян 18: 2), что император Клавдий однажды приказал выслать из Рима всех евреев. Как следует из рассказа об этих событиях более позднего римского историка Светония (см. “Божественный Клавдий”, XXV. 4), непосредственной причиной гнева императора были разногласия и беспорядки в иудейс-

кой общине Рима, последовавшие за тем, что одна или несколько синагог города стали христианскими”².

Зная все это, Лука должен был как-то объяснить происходившие события в своем сочинении “О происхождении христианства”, которое он писал для некоего Феофила. Мы не знаем точно, кем был этот Феофил. В Евангелии от Луки он назван “достопочтенным” (Лк 1: 3), что свидетельствует о том, что он был незаурядным человеком. Он мог быть “типичным представителем образованного римского среднего класса”³, который интересовался христианством, но еще не был верующим. Впрочем, он мог быть и верующим. Как бы там ни было, Лука хотел убедить его в том, что христиане никогда не были зачинщиками беспорядков. Они не оскорбляли последователей других религий и не вели себя вызывающе в их храмах (Деян 19: 23-41; 21: 27-29; 24: 10-13). Хотя их часто преследуют, сами они никого не преследуют. Некогда апостол Павел жестоко преследовал евреев, чьи религиозные убеждения вступали в противоречие с его собственными (Деян 7: 58; 8: 3; 9: 1-2). Но это было еще до его обращения в христианство. Став христианином, он не только никого больше не притеснял, но даже не мстил своим постоянным притеснителям (Деян 28: 17-22, особенно последнее предложение стиха 19).

Если же Феофил был проникательным человеком (а так оно, вероятно, и было), Лука должен был ответить на еще более глубокий вопрос. Пусть даже христиане не являются зачинщиками беспорядков в том смысле, что первыми не бросают камней в своих противников и не наносят им физических оскорблений, однако нельзя отрицать, что в своих проповедях и публичных высказываниях они говорят то, что вызывает раздражение как среди евреев, так и среди язычников.

Зачем Петру и Павлу нужно было непременно настаивать на том, что Иисус восстал из мертвых и был Мессией, даже когда они проповедовали в иудейских синагогах, хотя им было хорошо известно, каким мощным средством раскола является это утверждение? Почему бы апостолам было не ограничиться моральной стороной учения Христа

и Его удивительными прозрениями относительно Бога как Отца, то есть теми вопросами, по которым христиане и иудеи могли бы согласиться?

И зачем Стефану нужно было настаивать на том, что Иерусалимский храм всегда был не более, чем частичным и временным средством общения с Богом, а Христос стремился упразднить его? Ведь он понимал, насколько это оскорбляло религиозные чувства и сокровенные верования Его собратьев (Деян 6: 8-8: 3)?

И зачем апостолам нужно было оспаривать древний и почитаемый обряд обрезания как средство спасения язычников и иудеев (Деян 6: 8-8: 3)?

Однажды в Филиппах служанка, наделенная даром прорицательства (Деян 16: 16-39), к чьим пророчествам прислушивался весь город, публично приветствовала Павла и его соратников и провозгласила, что она на их стороне, так как они, якобы, делают общее дело. Почему же Павел отвернулся от нее, отвергнув сотрудничество с ней, осудил ее религию как зло, что привело к большим беспорядкам в городе?

Крупнейшие умы тех времен говорили, что все религии, как бы они ни называли свое Верховное Существо — Зевсом, Яхве, Юпитером, Ваалом или Единым, — имеют в виду одно и то же. Почему же христиане не могли согласиться с тем, что каждая религия своим особым, но все же верным, путем ведет к тому же самому Богу? Зачем нужно было бросать вызов традициям и культуре многих народов, порождать обиду, религиозную вражду и общественные разногласия, постоянно пытаясь обращать представителей других религий в христианство?

Начиная с Юлия Цезаря, каждое последующее правительство Рима издавало специальный эдикт о защите иудаизма, несмотря на его необычность для римлян. Лука свидетельствует о том, что любой римский прокуратор (если он, конечно, не был таким взяточником, как Феликс (Деян 24: 26-27)), был твердо убежден, что христиане имеют полное право проповедовать свои идеи (Деян 26: 31). Однако человек, подобный Павлу, который везде и всегда

так непреклонно настаивал на своей точке зрения что навлекал на себя ярость как со стороны иудеев, так и язычников, выглядел в глазах властей просто сумасшедшим (Деян 26: 24).

Что же заставляло апостолов так поступать? Христиане вряд ли могут сказать, что избранные Христом апостолы, крещенные, исполненные Святым Духом и призванные Господом для основания церкви, вели себя не по-христиански. Как же должен был Лука объяснить их поведение Феофилу, чтобы оправдать их, и тем самым привести его к вере, а если он уже стал христианином, чтобы утвердить его в ней и вдохновить на следование примеру апостолов?

Вся книга Деяний святых Апостолов и является ответом на эти вопросы. Проиллюстрируем это несколькими примерами.

Из объяснений апостола Петра членам синедриона видно, что он проповедовал во имя Иисуса, ими же казненного, не из мести или религиозного фанатизма. Речь шла о спасении всего человечества. Иисус явился спасителем всего человечества (Деян 4: 12). Ради спасения людей Петр и должен был проповедовать Иисуса, несмотря на то, что это кому-то мешало.

Апостолы Петр и Иаков объясняли единоверцам, зачем необходимо было посылать в различные христианские церкви такие письма, которые бы опровергали взгляды якобы уверовавших людей (Деян 15: 5). Эти “уверовавшие” люди учили, что обрезание и соблюдение закона необходимы для спасения. Письма посылались не для того, чтобы одна секта христиан победила другую в каком-то незначительном теологическом споре. На этот раз речь шла не о чем ином, как о спасении человечества. Петр говорил, что убеждение в зависимости спасения от соблюдения какого-либо ритуала или закона обрекает человека на невыносимое духовное рабство (Деян 15: 10-11) в то время, как он может и должен обрести свободу. Нельзя допускать, чтобы религиозная традиция, какой бы священной она ни была, держала человека под гнетом. Допускать это — значит искушать Самого Бога (Деян 15: 10).

Философы правы, когда они относятся к своим собственным гносеологическим, физическим, этическим или политическим системам с определенной долей скепсиса. Даже самая лучшая из них в конечном итоге — всего лишь несовершенная логическая система, основанная на произвольно выбранных аксиомах. Причина, по которой Павел излагал учение о воскресении Христа перед афинским ареопагом с такой непоколебимой уверенностью, состояла в том, что воскресение Христа было не философской системой, а историческим фактом, который дан всем людям как предупреждение о том, что Христос будет их Судией (Деян 17: 30-31). Человек не сможет выбрать себе судью в зависимости от того, какой философии он придерживался при жизни. Каждый из нас предстанет перед Христом. Это совершенно определено, и, призывая всех покаяться и приготовиться предстать перед своим Судией, Павел не собирался почтительно предлагать тему для философской дискуссии — он передавал предначертание Всемогущего Бога, которому нужно подчиниться.

В этом и заключалась сила, которая двигала апостолами нашего Господа Иисуса Христа. Автор Книги Деяний ненавязчиво спрашивает нас: движет ли эта сила и нами?

Примечания

¹ J. Hick (ed.) THE MYTH OF GOD INCARNATE (London: SCM Press, 1977), p. 4 [Дж. Хик, ред. Миф о боговоплощении].

² F. F. Bruce, THE BOOK OF ACTS, New International Commentary on the New Testament (Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans, 21988), p. 347. [Ф. Ф. Брюс. Книга Деяний святых Апостолов. Новое толкование Нового Завета]. На с. 347 этого издания цитируется сочинение Светония “Жизнь Клавдия”. XXV. 4.

³ Глубокий научный анализ личности Феофила см. Ф. Ф. Брюс. Указ. соч., с. 28-30.

ДРУГОЙ ПУТЬ

При чтении Деяний бросаются в глаза две особенности.

1. Христианство вышло из иудаизма, в том смысле, что все первые христиане были евреями, принадлежавшими до своего обращения в христианство к разным иудаистским сектам¹.

2. Христианство начало свой путь не как законченное учение со своими догматами и правилами поведения, как если бы был издан указ, что со следующего воскресенья, с двух часов ночи каждый верующий в Господа Иисуса Христа, где бы он ни жил, должен прекратить следовать предписаниям иудаистов и немедленно начать вести себя по-христиански. Совсем нет. Христианству предстоял долгий путь развития и роста. Приведем простую аналогию. Семечко содержит в зачаточном состоянии все характеристики взрослого растения, но развивается оно только в хорошей почве, под воздействием солнца, ветра и дождя. Точно так же и христианство выросло из иудаизма, при направлении и наставлении Духом Святым, под воздействием проблем и трудностей, которые оно встречало на пути распространения по всему миру свидетельства во имя Иисуса Христа.

Не удивительно, что именно об этом сказал Своим ученикам на Тайной вечере Сам Господь:

“Еще много имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину...”

(Ин 16: 12-13).

Он сошел к ним в день Пятидесятницы, и сошествие Его было мгновенным (Деян 2: 2). Наставление же требовало времени, и одна из задач, которые поставил перед собой в Деяниях Лука, — это описание последовательных стадий этого процесса.

Во-первых, как указал Христос при прощании со Своими учениками (Деян 1: 8), христианству предстояло распространиться по миру. Естественно, что в Деяниях

отражено географическое распространение слова Божьего, и всякое серьезное изучение этой книги связано с рассмотрением целого ряда географических вопросов. Это совершенно необходимо, так как многочисленные, подробные, четкие и удивительно точные географические описания Луки доказывают, что он излагает не миф или религиозную легенду, но действительную историю событий, происшедших в том или ином месте, которое можно указать на карте².

Распространение Евангелия было процессом, который имел, помимо географической, количественную и качественную стороны. Количественно оно выражалось в том, что все большее число людей становилось верующими, качественно — в духовном росте и укреплении вновь образующихся церквей. Сам Лука, ликуя, говорит об этом в итоговых стихах каждого из шести главных разделов своей книги:

- Деян 6: 7 “И слово Божие росло, и число учеников весьма умножилось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере”.
- 9: 31 “Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и, при утешении от Святого Духа, умножались”.
- 12: 24 “Слово же Божие росло и распространялось”.
- 16: 5 “И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом”.
- 19: 20 “С такою силою возрастало и возмогало слово Господне”.
- 28: 30-31 “И жил Павел целых два года... проповедуя Царство Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно”.

Но вскоре становится ясным, что Луку интересует не только распространение Благой вести. Если бы он интересовался только этим, то смог ли бы он обойтись без описания тех усилий, которые предпринимало большинство апостолов, путешествуя с целью евангелизации? Неужели никто из них этим не занимался? Время от времени

в заключительных разделах подчеркивается, как распространялось слово Божие (Деян 6: 7; 12: 24; 19: 20); но разве этому не способствовали наряду с проповедями Павла и проповеди Иоанна? Почему же ни одного слова не сказано о проповедях Иоанна в то время, как то и дело упоминаются проповеди, выступления и речи Павла?

Следовательно, можно сделать вывод, что распространение Евангелия было не главной целью, которую ставил перед собой Лука, отбирая материал. Как же понять, каковы были эти главные цели?

По крайней мере, одну из них выявить довольно просто — по той модели описания события, которая воспроизводится во всех шести основных разделах книги.

Возьмем, к примеру, Раздел 1 (Деян 1: 1-6: 7). Принявшие силу от Святого Духа, апостолы энергично выполняют повеление Христа быть Его свидетелями. Все шло хорошо, тысячи людей обращались в христианство, когда вдруг возникла критическая ситуация: синедрион запретил проповедовать во имя Иисуса. синедрион для иудаистов был высшей религиозной (и, в какой-то степени, гражданской властью), апостолы же не были по своему духу анархистами. Не повиноваться синедриону или пренебречь его решением было очень серьезным шагом, чреватым разного рода предсказуемыми и не предсказуемыми последствиями. Но подчиниться синедриону было невозможно без того, чтобы отказаться от самой сущности христианства, его сердца, жизни и души. Отрицать или замалчивать миссию и божественную сущность живого Господа означало бы предать Христа и открыто восстать против Святого Духа, который придал апостолам силы свидетельствовать о Христе. Компромисс здесь был невозможен. Без колебаний апостолы не подчинились решению синедриона. Так христианство сделало первый шаг отступления от иудаизма. Отступление было связано с вопросом о божественной сущности и мессианстве Иисуса.

По такой же модели построен и Раздел 2 (Деян 6: 8-9: 31). Стефан, первый христианский мученик, просветленный Духом Святым, начал понимать, что жертва Христа на

Голгофе, Его воскресение и немедленное вступление в присутствие Божие на небесах в конце концов приведут к тому, что еврейский храм в Иерусалиме вместе со всей своей сложной системой, включающей священство, жертвоприношения и ритуалы, станет ненужным. За эти взгляды и отстаивание их в публичных дискуссиях Стефан в конце концов предстал перед синедрионом по обвинению, которое грозило ему смертной казнью. Но, когда он узнал об этом, он не попытался отречься от своих взглядов или пойти на компромисс. Для него было очевидным, что христианское понимание пути человека к Богу, которое дал Христос, составляет такую существенную часть благой вести, что компромисс здесь невозможен. Таким образом, Стефан погиб, а христианство сделало еще один значительный шаг в своем отступлении от иудаизма.

Аналогичным образом подается ход событий в Разделе 3 (9: 32-12: 24). Когда Петру пришлось отправиться к язычнику Корнилию с проповедью Благой вести, апостол поначалу не хотел этого. Проповедовать Благоую весть Корнилию означало разделить с ним стол и кров, а это было бы нарушением иудейских принципов святости, в частности, законов о питании, как их понимал Петр. Поэтому потребовалось вмешательство Бога, который научил Петра тому, что ветхозаветные законы о питании, которые Им же, то есть Богом, были первоначально установлены, теперь отменены. Теперь Петр мог идти к язычникам и разделить с ними трапезу. И Петр пошел. Когда мы видим Петра, входящего в дом Корнилия, мы понимаем, что и христианство делает еще один шаг от иудаизма, на этот раз в фундаментальном вопросе теории и практики святости.

Та же модель описания событий повторяется в Разделе 4 (12: 25-16: 5). Обряд обрезания считался в иудаизме необходимым, с точки зрения принадлежности к святому народу, и полезным, если не обязательным, для спасения. Поэтому первые христиане были обрезаны до того, как они стали христианами, и вопрос о роли обрезания в спасении перед ними не вставал. Но когда к вере в Христа пришли

тысячи язычников, этот вопрос встал со всей своей неизбежностью. Некоторые христиане сначала решили, что обрезание все-таки необходимо для спасения и, следовательно, верующие язычники тоже должны быть обрезаны. Но на соборе апостолов и старейшин, созванном в Иерусалиме специально для обсуждения этого вопроса, Петр и Иаков вынесли официальное, авторитетное апостольское определение: обрезание не обязательно для спасения, оно не играет никакой роли в спасении — ни язычников, ни евреев. Невозможно переоценить значение шага, который христианство сделало в это время, еще больше отдалившись от иудаизма.

Сделаем небольшое отступление и поразмышляем над тем, как Лука описывает критические моменты и решения, принятые апостолами и первыми церквами. Он сообщает нам не столько о распространении Благой вести, сколько о том, в чем ее суть и как апостолы шли к формулировке ее содержания. Он сосредоточился на расхождениях между христианством и иудаизмом не потому, что был ограниченным сектантом, а потому, что у него было тонкое чутье историка, умеющего выделять главное. Вопросы, в которых христианство разошлось с иудаизмом, не были второстепенными. Они составляют самую суть Евангелия. Они были настолько важны, что компромисс при их решении был бы предательством по отношению к Христу и лишил бы христианство (если бы оно вообще сохранилось) Благой вести.

Если сказанное верно, то отсюда следуют далеко идущие выводы. Изучение моментов расхождения и проблем, которые возникали в связи с ними, должно показать нам, чем было и остается апостольское христианство, в чем существо Благой вести, от которого мы и поныне не должны отступать, если только хотим сохранить верность Господу Иисусу Христу и сохранить Евангелие для грядущих поколений.

С обязанностью сохранять Евангелие всегда было легче соглашаться на словах, чем выполнять на деле. С этой точки зрения Деяния святых Апостолов помогают понять и после-

дующую историю христианства. Вся история христианства обнаруживает явную тенденцию следовать определенным чертам иудаизма и смешивать благую весть с теми самыми вещами, от которых апостолы и призывали ее отличать.

Викторианский исследователь Ф. Дж. Ф. Хорт описывает эту тенденцию следующим образом:

“...уподобление христианства иудаизму вытекает из признания авторитета Ветхого Завета вместе с отсутствием ясного понимания связи между Ветхим и Новым Заветами... Этот процесс начался в 3 веке н. э. и чрезвычайно усилился после того, как Римская империя стала империей христианской, результаты этого процесса ощущаются нами до сих пор. Элементы этой системы пережили средневековье и были лишь в незначительной степени затронуты Реформацией, очевидно, потому, что ведущие деятели Реформации сами недостаточно хорошо осознавали различие между Заветами и разный характер наставлений в них, вытекающий из Божьего определения времен и сроков, объясненного апостолами”³.

Таким образом, чтение Деяний побуждает нас проанализировать христианство, которое мы исповедуем и практикуем сегодня, чтобы определить, совпадает ли оно с истинным христианством апостолов или над нами по-прежнему довлест охарактеризованная выше тенденция уподобления, или, может быть, даже сейчас у нас появляется искушение допустить компромиссы по каким-то принципиальным моментам Евангелия, которые апостолы отстаивали совершенно бескомпромиссно.

Особенно много поучительного с этой точки зрения содержится в пятом разделе (16: 6-9: 20). В этом разделе описан эпизод в Филиппах (Деян 16: 16-18), который показывает, как возникает опасность смешения пути к спасению со спиритизмом и как Павел боролся с этим смешением и поплатился за это свободой. Затем, возвращаясь к вопросу об одержимости злым духом, Лука рассказывает (Деян 19: 13-19), как в Ефесе сам мир злых духов свидетельствовал о различии между Иисусом и Павлом, с одной стороны, и псевдо-экзорсистом, иудейским заклинателем, с другой. В Деян 17: 8-9 Лука повествует о том, как неко-

торые иудеи пытались очернить Павла перед правителями Фессалоник, доказывая, что проповедь Евангелия преследует, якобы, политическую цель подрыва римской власти. Приводимая в этом фрагменте текста проповедь Павла ясно показывает различие между христианством и любой формой политической деятельности.

Затем, приводя речь Павла перед афинским ареопагом (17: 16 — 34), Лука демонстрирует существенное различие между христианским Евангелием, с одной стороны, и язычеством и греческой философией, с другой. И, наконец, Лука считает очень важным остановиться на эпизоде в Ефесе (Деян 19: 1-7), который показывает отличие духовного опыта учеников Иоанна Крестителя от зрелого духовного опыта верующих в Иисуса Христа.

Сейчас мы не будем подробно останавливаться на этих различиях. Для нас в данный момент важно зафиксировать то, что Лука, описывая события, демонстрирующие отличительные особенности христианства, стремится не только донести до нас историю распространения Евангелия апостолами, он еще раз призывает нас вникнуть в то, как путем отмежевания от языческого спиритизма, политики, религии и философии шел процесс формирования христианства.

То же самое наблюдается и в последнем, самом длинном разделе книги (19: 21-28: 31). Этот раздел существенно отличается по своему содержанию от первых пяти разделов, так как в нем описывается не столько то, как Павел проповедует Евангелие, сколько то, как он публично защищает и отстаивает его, часто — в суде. Апостол постоянно вынужден указывать не на то, что такое по своей сути Благая весть, а на то, чем она не является. Впрочем, для нашей задачи такое отличие не имеет существенного значения. Лука постоянно подчеркивает, что Павел и Евангелие — вовсе не то, что думали некоторые люди по незнанию, и не то, что говорили о них клеветники. Таким образом, Лука постоянно использует прием противопоставления, чтобы показать, какова сущность христианства.

Так, Павел не грабил языческие храмы (Деян 19: 37), не осквернял святых мест иудеев (Деян 21: 28-29; 24: 12), он не

был ни дельцом от религии (Деян 20: 33-35), ни жестким политиком и ни вожаком террористов (Деян 21: 37-39). А Евангелие — вовсе не злостная ересь кучки сектантов, распространяемая неким демагогом, не обладающим соответствующим богословским образованием (Деян 22: 3-5), или же сумасшедшим школяром (Деян 26, 24-26). Это не учение, основанное на нелепом предположении, которое не может принять ни одна уважающая себя богословская школа в иудаизме и ни один светски образованный человек, не совершив при этом интеллектуального самоубийства (Деян 23: 6-10; 24: 14-25; 26: 8). Благая весть основана на самооткровении Бога через Моисея и пророков. Она обоснованно гласит, что является исполнением предначертанного Священным Писанием Израиля замысла искупления. Ее результатом является духовная свобода и облагораживание человека (Деян 26: 18). Она призывает к нравственной чистоте и противостоит разложению (Деян 24: 24-27), бросает вызов ограниченно-националистическому иудаизму (Деян 26: 17) и внушает подлинную и великую надежду всему человечеству (Деян 24: 15; 26: 6, 7, 23).

Не подлежит сомнению, что в последующие века христианский мир часто допускал смешение Благой вести с языческой политикой и философией. В некоторых странах миссионеры сознательно приспособляли языческие обычаи и праздники к христианской церкви. В наши дни широко распространилось увлечение оккультизмом и разнообразными формами индуизма; многие люди подвергаются искушению вступить в некие закрытые общества, которые, исполняя свои обряды, в сущности, поклоняются тем же самым языческим богам, которым поклонялся и древний мир. Существует и другая крайность — попытка соединить Благоую весть с марксизмом, чтобы превратить его в могучую политическую силу.

В свете всех этих тенденций Деяния святых Апостолов — это обращенный ко всем нам призыв честно посмотреть на самих себя, чтобы понять, тождественны ли христианство, которое мы исповедуем, и Благая весть, которую мы несем людям, тому христианству и той Благой вести,

которую утверждали апостолы Господа нашего Иисуса Христа.

Примечания

¹ Строго говоря, называть учеников Иисуса “христианами” до Антиохии (Деян 11: 26) — это анахронизм. Но поскольку этот анахронизм в данном случае не приводит ни к какой путанице, мы позволяем себе эту неточность.

² Для предварительного краткого знакомства с этой темой см.: F. F. Bruce. THE NEW TESTAMENT DOCUMENTS (Leicester: IVP, 1960) [Ф. Ф. Брюс. Новозаветное источниковедение]. Подробную современную трактовку различных историко-географических вопросов см. в: C. J. Hemer, THE BOOK OF ACTS IN THE SETTING OF HELLENISTIC HISTORY, ed. by Conrad H. Gempf (Tübingen: J. C. V. Mohr, 1989) [Дж. Хемер. Книга Деяний святых Апостолов в контексте истории эллинизма].

³ F. J. A. Hort, JUDAISTIC CHRISTIANITY (London: Macmillan, 1898), pp. 1-3 [Ф. Дж. А. Хорт. Иудейское христианство].

РАЗДЕЛ 1

**ХРИСТИАНСТВО
И ВСЕОБЩЕЕ
ВОССТАНОВЛЕНИЕ**

(Деян 1: 1-6: 7)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ДЕЙСТВИЕ 1:

Божественный замысел всеобщего восстановления

(Деян 1: 1-4: 4)

ДЕЙСТВИЕ 2:

Сопrotивление исполнению замысла Христа

(Деян 4: 5-6: 7)

РАЗДЕЛ I

*ХРИСТИАНСТВО И ВСЕОБЩЕЕ
ВОССТАНОВЛЕНИЕ
(Деян 1: 1-6: 7)*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Три центральные темы, подобно горным вершинам, сразу привлекают внимание в первом разделе Деяний: вознесение Христа на сороковой день (Деян 1: 9), сошествие Духа Святого в день Пятидесятницы (Деян 2: 1-4) и второе пришествие Христа (Деян 1: 11; 3: 20), которым откроется великий и славный день Господень (Деян 2: 20).

Яркая слава блистает на этих трех могучих вершинах. Человек, Иисус, был вырван из уз смерти (Деян 2: 24), указал пути жизни и исполнился радостью перед лицом Бога (2: 28). Его воскресение из мертвых озарило лучом бессмертия все человечество. Он явился как Сам Начальник жизни (Деян 3: 15), который дарует полное спасение тем, кто верит в Него (Деян 4: 12). Истинность мессианской программы Ветхого Завета в отношении восстановления народа, планеты, Вселенной ныне уже не подлежит сомнению (Деян 1: 6; 3: 20-21, 24-25). Наступает время (Деян 1: 6-7; 3: 10-21), когда калеки не будут больше сидеть на ступенях Господнего храма, прося милостыню, и будет

восстановлена как нормально функционирующий организм природа (Деян 3: 16). Прообраз этого восстановления уже был дан (3: 1-16). Сам Христос стал краеугольным камнем нового, более справедливого всеобщего храма (Деян 4: 11). Воскреснув и вознесясь, Он ниспослал апостолам Духа Святого — этим даром открылась новая эпоха (Деян 1: 4-5; 2: 16-18, 33-36, 38-39). Существенная часть обетований Ветхого Завета уже исполнилась. В истории человечества был сделан гигантский шаг для окончательного исполнения этих обетований.

Как бы нам ни хотелось поскорее и в деталях увидеть могучие вершины, сначала нам потребуется ближе познакомиться с окружающим нас пейзажем. Если справедливо предположение, что Раздел I заканчивается обобщением в Деян 6: 7¹, тогда можно разделить его на восемь основных частей. Если же классифицировать эти части по темам, то они образуют четыре группы.

1. Периоду между воскресением и Пятидесятницей посвящены два отрывка (Деян 1: 1-14 и 1: 15-26). В первом из них Христос сам готовит своих апостолов к свидетельству всему миру, показав им реальность Своего воскресения и затем коротко изложив им содержание свидетельства и его последовательность. В другом отрывке апостолы и группа верующих, примерно в сто двадцать человек, готовятся к служению, избирая из своей среды нового апостола, свидетеля воскресения Христа, вместо Иуды Искарота (Деян 1: 22).

2. Затем описываются два чуда (Деян 2: 1-47 и 3: 1-4: 4), которые явились поразительным результатом сошествия Духа Святого. Первое чудо состояло в том, что христиане сразу заговорили на незнакомых им ранее языках, второе состояло в том, что Петр исцелил хромого от рождения человека. После каждого из этих событий Петр объясняет его значение толпе и произносит проповедь. И количество верующих растет. Таким образом, оба этих чуда свидетельствуют о Христе, причем первое происходит с самими христианами, а второе — с одним человеком из толпы. Первое обращает наше внимание на сверхъестест-

венную силу, благодаря которой христиане заговорили на незнакомых им языках и которая тем самым усиливает и подтверждает их свидетельство. Второй случай показывает, как Иисус дает спасение тем, кто принимает свидетельство.

Таковы четыре сюжета, объединенные попарно. В этом месте повествования мы достигаем середины раздела, которая знаменуется сменой настроения: иудейские священники во главе с первосвященником храма пытаются задушить новорожденное христианство в колыбели. Несмотря на это христианам удается обращать все новых людей (Деян 5: 14; 6: 7), христиане пользуются уважением в народе (Деян 5: 13), но при этом им приходится нарушать запреты, налагаемые на них синедрионом.

3. Следующие четыре сюжета во второй половине раздела тоже распадаются на пары. Два сюжета связаны с противодействием синедриона (Деян 4: 5-31 и 5: 17-42). В обеих ситуациях апостолов арестовывают и бросают в темницу и затем приводят их в синедрион: в первом случае — двух апостолов, Петра и Иоанна, во втором — всех двенадцать (Деян 5: 29). В каждом случае Лука сначала сообщает о том, что постановил суд, а затем описывает, как апостолы и вся христианская община отнеслись к этим угрозам и наказаниям.

4. Последние два сюжета, так же, как и все предыдущие, объединены общей темой: каждый из них отражает жизнь первой христианской общины в Иерусалиме. Первый сюжет рассказывает о том, как состоятельные христиане время от времени продавали дома или поля и передавали вырученные деньги апостолам для помощи нуждающимся членам общины. В другом отрывке (Деян: 6: 1-7) описывается, как апостолы упорядочили распределение накопленных таким образом средств.

Для полного и правильного понимания излагаемых Лукой событий мы должны внимательно изучить сходства и, что более важно, различия между этими парами сюжетов, каждая из которых объединена общей темой. Присущее Луке чувство гармонии проявляется не только в форме попарного объединения сюжетов, но и в том, что ему уда-

лось путем равномерного отбора материала одинаково подчеркнуть обе важнейшие темы всего первого раздела: значение духовного начала, с одной стороны, и материальной обеспеченности, — с другой.

Данный раздел книги посвящен Пятидесятнице и тому всплеску духовной энергии, который был вызван этим событием. Поэтому неудивительно, что Лука постоянно подчеркивает важность духовного начала. Он говорит о природе, силе и действии Святого Духа, о глубинных духовных переживаниях людей, принявших Его, о том динамичном свидетельстве, которое они должны были донести до других людей, “приняв силу” Святого Духа. Достаточно неожиданно и необычно, что в этом разделе Лука уделяет такое же внимание материальной жизни, как и духовной, говорит о деньгах и пропитании, купле и продаже, домах и полях, поместьях и владеньях. По крайней мере, три из восьми сюжетов полностью или частично посвящены этой теме.

Так, в Деян 2: 44-45 Лука отмечает, что первым и, очевидно, не ожидавшимся результатом обращений, последовавших за проповедью Петра, было то, что

“...все... верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого”.

Не довольствуясь одним упоминанием этого факта, Лука снова возвращается к нему (Деян 4: 32-37), описывая его примерно в тех же словах, но с бóльшими подробностями, упомянув, в частности, некоего Иосию*,

“...у которого была своя земля, продав ее, [он] принес деньги и положил к ногам Апостолов”.

Лука упоминает этот “коммунизм” последний раз в конце первого раздела и уже больше к нему не возвращается. Поэтому можно сделать вывод, что это был временный побочный эффект, вызванный высоким эмоциональ-

* Варнава

ным подъемом, который сопутствовал христианскому движению на первых порах и который естественно угас, как угасает фермент в перебродившем вине. И мы могли бы решить, что Лука отводит этому явлению такое значительное место только в целях исторической точности и достоверности, но при этом отнюдь не считает, что оно было важным, или составляло существенную часть христианства, или, вообще, было чем-то бóльшим, чем временной, второстепенной деталью.

Однако, сделать подобное заключение означало бы пренебречь другой, чрезвычайно существенной, стороной повествования Луки. Говоря о деньгах и пропитании, купле и продаже, домах, полях и владениях, Лука включает в свое повествование три трагических случая злоупотреблений, допущенных членами первой христианской церкви. Вот этот необычный список.

“...но приобрел землю несправедною мздою, и когда низринулся, расселось чрево его [Иуды Искарота], и выпали все внутренности его. И Это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть “земля крови”

(Деян 1: 18-19).

“Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфиною, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому из цены земли? Услышав это, Анания пал замертво, после чего та же участь постигла и его жену”

(Деян. 5: 1-11).

“В эти дни... произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей”

(Деян. 6: 1).

На первый взгляд кажется странным, что Лука стал выставлять напоказ эти постыдные примеры поведения членов ранней христианской общины. Но вскоре стано-

вится ясным, что он описывает их для того, чтобы показать, насколько непримиримым было к ним отношение общины. Но сам тот факт, что Лука так подробно останавливается на этих происшествиях, когда он мог бы не упоминать их вовсе², безусловно, показателен. Он говорит о том, что для первых христиан упорядочивание своего отношения к материальной собственности было необходимым результатом подлинной веры в Иисуса как в Мессию, естественным следствием искреннего отклика на принятие Святого Духа. А раз так, то мы не достигнем подлинного понимания раннего христианства, как его описывает Лука, если мы не обратим должного внимания на его чувство пропорции и гармонии между духовной верой и опытом, с одной стороны, и материальными вещами, — с другой.

И, наконец, еще одна сторона рассказа Луки требует рассмотрения, прежде чем мы сможем двигаться дальше. Деяния являются второй частью сочинения Луки, поэтому они начинаются с резюме первого тома. Интересно, как Лука строит это резюме.

“Первую книгу написал я к тебе Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал...”

(Деян 1: 1-2).

Это резюме отличается поразительной краткостью: всего два стиха заключают в себе все сказанное в первой части книги о рождении, жизни, служении, смерти, воскресении и вознесении нашего Господа. Ничто не выделяется специально, за исключением одной-единственной вещи, и это исключение свидетельствует о ее особой значимости. До своего вознесения, отмечает автор, Христос “...дал Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал”. Евангельский рассказ об этих повелениях приведен в Лк 24: 46-49, и они специально упомянуты здесь, потому что книга Деяний в каком-то смысле представляет собой рассказ об исполнении этих повелений.

Прочитав Деян 1: 1-2, можно было бы предположить, что после обозрения жизни и служения Иисуса до возне-

сения речь идет о том, что произошло после вознесения. Однако это не так. Вместо движения вперед вторая часть стиха текста 1-2 возвращает нас назад, к событиям и действиям до вознесения. А когда, наконец, мы подходим к концу первого сюжета (стих 14), мы узнаем только о последнем событии, которое регистрируется Евангелием, — о возвращении учеников в Иерусалим сразу же после вознесения (ср.: Лк. 24: 52-53 и Деян. 1: 12-14). Таким образом, в резюме охватывается период между воскресением и вознесением и выделяются некоторые моменты, которые мы должны осознать и понять, если мы хотим осмысленно следить за дальнейшим повествованием. Некоторые из этих моментов подробно описаны в Евангелии. Лука допускает, что мы знакомы с этими подробностями и что достаточно резюме, чтобы мы могли восполнить картину. Некоторые же из подробностей не были упомянуты ранее, и то, что они приводятся здесь впервые, говорит об их ключевой роли в понимании Деяний. На них-то и следует обратить особое внимание.

Таблица сюжетов первого раздела дана на страницах 58-61.

Примечания

¹ “И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере” (Деян 6: 7).

² Очевидно, что если бы Лука думал иначе, он мог бы поведать об избрании Матфия, вместо предателя Иуды, не упоминая о том, что на полученные за предательство деньги Иуда приобрел поле, а также об ужасном конце отступника. Автор Деяний мог бы сослаться на обычное отношение первых христиан к собственности без подробного описания проступка Анании и Сапфиры, который был редким исключением. Лука мог бы рассказать о том, что семь слугителей были поставлены для обеспечения справедливого распределения общественных средств и припасов, не извещая весь мир о том, что необходимость в этой должности возникла из-за дискриминации, осуществлявшейся группой христиан по отношению к другой группе.

ДЕЙСТВИЕ 1

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ ВСЕОБЩЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

(Деян 1: 1-4: 4)

Наставление в свидетельстве всем народам (Деян 1: 1-14)

Христос — провозвестник грядущего восстановления

Итак, Иисус был жив! Сейчас нам трудно себе представить ту невероятную радость и благоговение, которые овладели апостолами, когда они обнаружили это. Но мы можем, по крайней мере, обратиться к тем многочисленным доказательствам, которые убедили апостолов в реальности этого события.

Во-первых, это, конечно, явления самого Господа, которые повторялись, по крайней мере, не менее сорока дней. Это были отнюдь не случайные происшествия. Они были настолько регулярны, что, несмотря на всю свою необычность, они стали казаться привычными и естественными (Деян 1: 3).

Затем последовали явления, которые должны были показать людям, что означает быть воскресшим человеком. Апостолы, как и все остальные люди, никогда не сталкивались с подобным феноменом. И, когда Иисус впервые появился перед ними, они испугались, приняв Его за призрака (Лк 24: 36-39).

Тогда Христос показал им, что Он вовсе не бесплотный дух. Его тело было уже не в гробнице — он стоял перед ними. Никаких следов тления! Он был живым, как и любое

человеческое существо. Смерть отступила. Тело, которое до смерти было неотъемлемой частью человеческой личности Сына Божия, не осталось в могиле, но воскресло, его не презрели, но прославили.

Он предложил им осмотреть Свои руки и ноги, которые несли на себе следы гвоздей Голгофы (Ин 20-27), в доказательство того, что Он — Тот Самый Иисус, который был распят на кресте. Однако в этом предложении было нечто большее.

“Но Он сказал им... Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это — Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня”

(Лк 24: 38-40) (выделено мной — Д.Г.).

Сказав это, Он не только отождествил Себя с Тем Иисусом, Которого они знали прежде, Он также сообщил им нечто существенное о природе человека. Он не оспаривал того, что человеческая душа и дух не подвержены смерти. Это действительно так. Но он имел в виду, что для того, чтобы человек оставался самим собой и после смерти, он должен сохранить и свое физическое, материальное тело. И не просто какое-то тело, а именно то тело, которое было у него при жизни, но восстановленное и прославленное. Именно это и имел в виду Лука, говоря о том, что Иисус “явил Себя живым”, когда Он предстал перед Своими учениками (Деян 1: 3).

То, что показал Иисус, не было предназначено для того, чтобы поразить воображение рассказом о потустороннем мире, которая была экзотичной, но не больше. Священное тело, которое предстало перед ними, было провозвестником и образцом великого восстановления всего, которое они и должны были отныне проповедовать всему миру как самую сущность благой вести. Когда-нибудь будет восстановлено все творение. Когда-нибудь каждый верующий обретет такое же прославленное тело, как прославленное тело Господа Иисуса Христа. Но Бог начал этот процесс восстановления вселенной с Человека Иисуса Христа. Апостолы должны были идти в мир и пропове-

довать это великое восстановление не как нечто теоретически возможное, а как действительность, первое проявление которой они уже могли видеть своими собственными глазами и трогать своими собственными руками.

Затем Господь продемонстрировал Своим ученикам еще одну удивительную вещь. Его воскресшее тело было не только реальным — оно могло взаимодействовать по Его воле с нашим физическим миром. Более того, с миром в его теперешнем состоянии, а не только с тем, каким он когда-то станет. Господь может посетить наш мир и вступить с ним во взаимодействие, не дожидаясь полного его преобразования. Иисус попросил пищи. Они подали Ему печеной рыбы, и Он ел перед ними¹. Эта картина возникает у них перед глазами всякий раз, когда они проповедуют Его воскресение. По ней они сверяют свои проповеди. Послушаем, что говорит Петр примерно через год после этого события, обращаясь к Корнилию и уверяя его в реальности воскресения Христа:

“И мы свидетели всего, что сделал Он...”

(Деян 10: 39).

А затем добавляет:

“...нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых”

(Деян 10: 41).

Постепенно апостолы убедились в том, что тело Иисуса все же отличается от того, что было у Него прежде. Оно преобразилось и уже принадлежало другому миру, подчинялось другим законам. Оно может на мгновение появиться в нашем мире, чтобы участвовать в каких-то событиях, а затем исчезнуть. Апостол Павел позднее назовет его “духовным телом” (1 Кор 15: 44)².

Было бы неразумно заниматься догадками о том, что оно представляет собой с точки зрения механики и физики, точно так же, как было бы ненаучно утверждать, что “наука” считает, что все это невозможно. Настоящая наука стремится постигнуть и описать нормальные явления. Определить, имело ли место нечто отклоняющееся от

нормы, — это прерогатива истории. Наука не всезнающа. Она не может объяснить даже наблюдаемое. Но она и не может заведомо отвергнуть возможность отклоняющегося от нормы. Если история предоставляет исчерпывающие доказательства того, что через воскресение Христа в наш падший мир с его закономерностями вошла сила Божья для того, чтобы спасти и преобразовать его, то истинная наука будет строить картину мира таким образом, чтобы она допускала реальность этого события.

Вернемся еще раз к тому краткому обзору, с которого начинается книга Деяний. Повторявшиеся явления и исчезновения Христа утвердили еще два положения, фундаментальных для христианского Евангелия. Во-первых, Его уход не был необратимым процессом: Он мог возвращаться и в самом деле возвращался. И, во-вторых, когда Он возвращался, то пребывал в том же самом физическом теле. Поэтому, когда при Его вознесении ангелы сказали ученикам: “Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо” (Деян 1: 11), те уже были подготовлены к мысли, что при втором Своем пришествии Господь снова предстанет в том же самом телесном облике. И когда впоследствии они учили о возвращении Христа, ставя эту мысль в центр Евангелия (Деян 3: 20), они не описывали нечто непередаваемое, с использованием апокалиптической символики, которую нам пришлось бы демифологизировать, чтобы современный человек смог понять ее смысл. Они ясно и прямо объявляли, что Христос реально явится в наш мир, как он уже неоднократно являлся своим ученикам в течение тех сорока дней. Он придет в сиянии славы, о Его посещении будут знать не только отдельные люди, а весь мир (Откр 1: 7). Он снова предстанет в телесном облике, и Его посещение будет столь же реальным, как и во времена апостолов.

Было и еще одно доказательство, убедившее апостолов в действительности воскресения Господа. Он не только являлся им в течение сорока дней — Он также говорил с ними о Царстве Божьем (Деян 1: 3). До последней минуты

жизни они будут помнить эти беседы, заставившие их изменить свои ошибочные представления, которые едва не убили их веру, когда они увидели Иисуса распятым.

Те представления о Царстве Божьем, которые ранее вызывали у них особый интерес, не относятся, конечно, к числу вопросов о Божественном провидении и о том, как оно управляет миром. Они всегда верили в то, что оно существует вечно и никогда не прейдет. Они верили, что, хотя оно и невидимо, оно может, неожиданно вторгаясь в земные дела, уничтожить злого фараона или смирить гордого Навуходоносора. Однако, понимаемое таким образом, Царство Божье оставляло слишком много зла на земле безнаказанным. Именно это и интересовало апостолов.

Грядущее Царство Божье интересовало их с точки зрения прихода Мессии, который бы установил это мессианское царство на земле. Они читали об этом у ветхозаветных пророков. Они понимали эти пророчества таким образом, что Мессия, установив Свое Царство, не только истребит какого-то ненужного фараона или какого-то гордого сына Набополассара, но уничтожено будет все зло мира, вся земная власть упразднена, и Сам Мессия повсюду учредит свое мессианское царство (Дан, гл. 7). Твердо надеясь на это, они уверовали, что Иисус из Назарета и есть тот самый Мессия, и, следовательно — что вполне естественно — их больше всего интересовало, каковы “времена и сроки” установления Его Царства. Когда наш Господь последний раз пришел в Иерусалим, они были уверены, что Царство Божье, в мессианском смысле, уже скоро наступит (Лк 19: 11-27). Иисус сказал им нечто иное, но тогда они не вняли Его словам. Он сказал им, что сначала он должен отправиться “в дальнюю страну, чтобы получить себе царство”, и только потом Он вернется назад наградить тех слуг, которые оставались верны Ему в Его отсутствие, и затем наказать всех Своих врагов и установить Свое царство. Они слышали, но не слушали, так что, увидев Его распятым, почти утратили веру в Него (Лк 24: 18-21).

Они никогда не забудут, кто, как и когда восстановил их веру. Она была восстановлена не тогда, когда они почувствовали, что через веру в Бога человеческий дух может воспрянуть после любого несчастья, каким бы сокрушительным оно ни было. Это произошло и не тогда, когда они услышали весть о воскресении Иисуса (Лк 24: 1-11). Это произошло тогда, когда они встретили воскресшего Господа и услышали, как Он Сам, отталкиваясь от любого места Ветхого Завета, разъясняет Божественный замысел Мессиианского Царства и последовательность событий, которая должна привести к установлению этого Царства: Мессия сначала должен пострадать, и только после этого он войдет в Свою славу (Лк 24: 26).

Страдания остались в прошлом. Господь опять вознесся. Скоро они увидят, как он вознесется, чтобы уйти в далекую страну. Каково, согласно Божественному замыслу, следующее событие процесса восстановления всех вещей? По словам Иисуса, это — крещение Духом Святым. Что же это такое?

Первый плод духа

Сошествие Духа Святого на апостолов в день Пятидесятницы было событием, не имевшим аналогов во всей предшествовавшей истории человечества. Как христиане поняли позднее (1 Кор 12: 12-13), во вселенной появилась некая новая сущность, которая не существовала никогда ранее: тело Христа.

Деяния святых Апостолов помогают нам понять вселенское значение этого события. Для этого автор Деяний, во-первых, отмечает, что Господь объявил о том, что эта сущность должна возникнуть, и строго наказал Своим ученикам не отлучаться из Иерусалима, пока это событие не произойдет.

Во-вторых, Лука фиксирует, как Христос описывает то, что должно произойти:

“...ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня”

(Деян 1: 4).

Если бы Он сказал просто “обещанного от Отца”, можно было бы подумать, что Он подразумевает те фрагменты из Ветхого Завета, в которых Бог обещает излить Свой Святой Дух (см., напр.: Иоиль 2: 28-29; ср.: Деян 2: 16-18). Однако фраза “о чем вы слышали от Меня” обращает внимание на сказанное по этому поводу Самим Христом, в особенности, на слова, произнесенные в ночь перед Гологофой, которые зафиксированы Иоанном³.

В известной беседе в горнице Иоанна Христос четыре раза упоминает о “пришествии” Духа Святого (Ин 15: 26; 16: 7-8 и дважды в 16: 13). А как-то раз Он произносит удивительные слова: что Он должен уйти, иначе не придет Святой Дух (Ин 16: 7). И вот, восстав из мертвых и собираясь отправиться в дальнюю страну, Он напоминает ученикам о том, что Святой Дух “сойдет”.

Но “сойдет” в каком смысле? Разве Он не действовал в мире с незапамятных времен, подвигая великих святых и воителей на служение Богу? Почему же Христос говорит, что если Он Сам не уйдет, то не придет Дух Святой? Очевидно, что здесь подразумевается совершенно особое, не происходившее прежде пришествие.

Воспользуемся аналогией. Приход нашего Господа в Вифлеем был не первым приходом Второго Лица Триипостасного Бога на землю. В Ветхом Завете говорится о многих случаях богоявления невоплощенного Сына Божия⁴. Тем не менее между прежними многочисленными богоявлениями невоплощенного Бога и единственным в своем роде явлением воплощенного Слова в Вифлееме есть существенная разница. Точно такая же разница существует между многочисленными примерами сошествия Духа Святого во времена Ветхого Завета и сошествием Духа Святого в день Пятидесятницы, когда Дух Святой уже навечно вселился в тело Христово. Тем самым было положено начало новой, совершенно особой эпохе в деятельности Бога на земле.

И это понятно. Боговоплощение было событием, не имеющим аналогов во всей истории творения. Таким же уникальным событием была Голгофа. Никогда прежде мир

не видел, чтобы его Творец был пригвожден к кресту. Последовавшее за этим воскресение было первым в истории человечества со времен Адама. И никогда прежде человечество не переживало того, что оно пережило, когда Человек Иисус Христос вознесся на небо в само присутствие Божье. Следовательно, это стало возможным не благодаря естественному нарастанию некоей тенденции, которая будто бы действовала ранее, а в результате беспрецедентного и до тех пор невозможного сошествия Духа Святого, который навечно вселился в каждого верующего (1 Кор 6: 19) и в церковь (1 Кор 3: 16-17).

В-третьих, Христос подчеркнул новизну грядущей эпохи, указав на уникальность ритуала, который должен был открыть ее.

“...Иоанн крестил водою, а вы чрез несколько дней после сего будете крещены Духом Святым”

(Деян 1: 5).

Напомним, что первое появление Иоанна Крестителя взбудоражило весь народ. Прошли столетия с тех пор, как отзвучали голоса последних пророков Израиля. Голос Иоанна нарушил многовековую тишину. Это был давно предсказанный “глас вопиющего в пустыне”, который объявил о пришествии долгожданного Мессии, Чьим предтечей был Иоанн (Ис 40: 3; Лк 3: 1-6).

Иоанн, по словам нашего Господа, был величайшим из людей (Лк 7: 28). Тем не менее, по собственному признанию Иоанна, между ним и Иисусом была неизмеримая разница. Иоанн Креститель мог только указать на Агнца Божия — Иисус был этим Агнцем. Иоанн мог лишь объявить о грядущей жертве за грехи мира — Иисус принес ее. Иоанн мог проповедовать прощение грехов — Иисус Сам обладал властью даровать прощение. Иоанн требовал покаяния и крестил людей в знак покаяния. Однако, по его собственному признанию (Лк 3: 16), он не мог крестить покающихся и прощенных грешников Духом Святым и тем самым соединять людей с Богом, тогда как Господь Иисус мог и был уже близок к этому. И когда в день Пятидесятницы Он совершил этот акт соединения людей с Богом, Он

совершил то, что ни один другой человек, каким бы святым и прославленным он ни был, не совершал с самого начала творения мира. В день Пятидесятницы началась новая эпоха: искупление в Боге поднимается на качественно новый уровень.

Наконец, Христос указывает на особенный характер приближающейся эпохи, сообщая апостолам об их скором крещении Святым Духом и наказывая им, чтобы они оставались для этого в Иерусалиме вплоть до дня Пятидесятницы. Это говорит нам, по крайней мере, о том, что выбор времени для сошествия Духа Святого был не случайным. Каков же был смысл этого выбора?

Одно из возможных объяснений — это желание наибольшей гласности. День Пятидесятницы был одним из важнейших религиозных праздников. Если божественный замысел состоял в том, чтобы ознаменовать сошествие Святого Духа чудом говорения на разных языках, то не было лучшего времени для совершения этого чуда, чем этот праздник, когда Иерусалим был полон гостей из разных стран, которые могли распознать эти многообразные наречия.

Но наибольшая гласность — не единственное объяснение. Возьмем для аналогии другой важный праздник — Пасху. Его празднование знаменовало избавление Израиля от египетского рабства, то есть историческое событие, которое было общезначимым и существенным само по себе. Таким образом, казалось очевидным, что Пасха не была связана с предсказаниями, которые должны были исполниться в будущем. Но последующая история показала, что она была прообразом куда более серьезных событий. Перед тем, как пострадать на кресте, Господь Иисус Христос указал, что через Его смерть Пасха “совершится” (Лк 22: 15-16), и люди тонкого ума со временем поняли, что смерть Иисуса на Пасху не была случайностью. Это произошло по замыслу Бога, который predetermined еще до сотворения мира, что Иисус должен быть принесен в жертву, как наша Пасха (1 Кор 5: 7), чтобы освободить нас от гораздо более тяжелого рабства, чем рабство фараона.

Пятидесятница была первоначально одним из двух сельскохозяйственных праздников, посвященных началу уборки первого урожая. Когда созревало зерно и начиналась жатва, то первый сноп посвящался Господу (Лев 23: 9-11). Пятьдесят дней спустя (отсюда — название праздника) два первых хлеба, испеченных из муки нового урожая, также должны были посвящаться Богу (Лев 23: 15-17). Сбор урожая — всегда радостное событие в жизни аграрных народов. В Израиле это радостное событие имело еще и особый святой смысл. Евреи верили, что Бог завещал им ценное наследие — землю Ханаанскую, и урожай был для них временем жатвы плодов божественного благословения. Несколько позднее снимали урожай других культур — винограда и прочих фруктов — и ему посвящались другие праздники. Но ничто не могло затмить радость первых двух, когда тяготы и печали холодного времени сменялись пряным запахом первых плодов нового урожая.

Народ Израиля праздновал эти сельскохозяйственные праздники в течение многих веков. Но в тот год, когда Иисус восстал из мертвых, возник более важный повод для торжества. Его воскресение стало первым знаком окончания более сурового времени, чем крестьянская зима, а его прославленное тело было первым плодом небывалого урожая (1 Кор 15: 23). Пятьдесят дней спустя, в день Пятидесятницы, Святой Дух сошел на апостолов, как первый плод завещанного Богом величайшего наследия, как провозвестник и залог окончательного восстановления творения (Рим 8: 18-23; 2 Кор 5: 1-5; Еф 1: 13-14). Ощущение радости и новизны, охватившее Луку под влиянием этого события, дошло и до нас.

Время полного восстановления

Когда Господь снова предстал перед своими апостолами, они спросили Его:

“...не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израиллю?”

(Деян 1: 6).

Насколько важен этот вопрос? В Ветхом Завете говорится, что когда Мессия придет, то Бог исполнит через Него многие обетования. И Иисус действительно исполнил некоторые из них. Особенно важно, что Он претерпел смерть и восстал из мертвых. Теперь же Он объявлял, что обетованное сошествие Святого Духа произойдет в самое ближайшее время. Однако всеобщее восстановление, о котором говорится в Ветхом Завете, включало и многое другое. Так, в известном отрывке из Книги Пророка Иоила, который Петр процитировал в день Пятидесятницы (Иоил 2: 28-32) вслед за сообщением об излиянии Духа Святого, написано, что наступит великий и грозный день Господень, когда Бог “возвратит плен Иуды и Иерусалима”, посетит народы земли и произведет над ними суд, сокрушит их власть над Израилем и восстановит Израиль как центр божественного присутствия (Иоил 3: 1-21).

Естественно возникал вопрос: когда же все это произойдет? Согласно иудаистской интерпретации Ветхого Завета, следовало ожидать только одного пришествия Мессии. Если же теперь христиан призывали поверить и во второе пришествие того же самого Мессии, то для апостолов стало чрезвычайно важным узнать, что именно из божественного замысла исполнится и когда это произойдет. В конце концов, ведь именно им предстояло идти в мир и проповедовать этот божественный замысел. Разумеется, все это относится и к нам. Если мы исповедуем и проповедуем, что за первым пришествием Господа последует второе, нам нужно четко осознавать, какая часть обетованного великого восстановления была выполнена в Его первый приход, какая часть может быть выполнена в Его второй приход, а какая — в промежутке между этими событиями. Ошибочные представления по этому вопросу приводят к непониманию того, чего нам следует ожидать и что проповедовать. Подобное непонимание возникало и у некоторых первых христиан, которые полагали, что великий и светлый день Господень, предсказанный пророком Иоилем, наступит до второго пришествия Христа (2 Фес 2: 1-12).

Таким образом, вопрос, заданный апостолами, очень важен, и мы должны быть им благодарны за то, что они его задали. Однако в некоторых кругах они подверглись суровой критике, да и поныне как значение этого вопроса, так и ответ на него нашего Господа вызывают большие споры. Поэтому давайте обратимся к соответствующему месту из повествования Луки:

“Посему они, сошедшись, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилью? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти; но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли”

(Деян 1: 6-8).

Конечно, критики апостолов смягчают свои слова разного рода благовидными извинениями: Святой Дух, говорят они, еще не снизошел, чтобы научить их лучше. Тем не менее, утверждают эти критики, апостолы внесли совершенно ненужную незавершенность в диалог, Господь недавно говорил о сошествии Духа Святого, который должен был принести своему народу глубокое понимание обетований Ветхого Завета, данных Богом-Отцом (Деян 1: 4), реакция же апостолов свидетельствовала об исключительно буквальном и поверхностном понимании. Господь собирался провозгласить наступление новой эпохи Духа, при которой Его возвышенные свидетели установят духовное царство Христово и принесут духовное благословение всем народам (Деян 1: 8), а не только Израилью. Апостолы же, якобы, напротив, лелеяли приземленную, ограниченную, националистическую надежду, что будет восстановлено материальное и политическое господство Израиля.

Итак, говорили противники апостолов, вопрос их был неправильно поставлен, а Господь его великодушно скорректировал. Во-первых, он отверг их предпосылки: царство израильской нации никогда не будет восстановлено. Затем быстро и неожиданно (Деян 1: 8) он направил их рассуждение в нужное русло. Под “восстановлением царства”,

обещанного Богом через пророков, подразумевается, на самом деле, нынешнее духовное Царство Христово. Уже установленное Его смертью и воскресением, оно должно быть теперь распространено по всей земле посредством миссионерской и пастырской деятельности церкви на данном историческом этапе (Деян 1: 8). Этот этап откроется несколько дней спустя сошествием Святого Духа на апостолов.

При этом оппоненты апостолов обычно заканчивают, по крайней мере, восхвалением, апостолов, а чаще — Святого Духа, который меняет коренным образом их мировоззрение. “Переход от духовного настроя, которым был продиктован вопрос, зафиксированный в стихе 6, к духовному настрою Петра (Деян 1: 38-39), проповедующего раскаяние и прощение всех, кого должен призвать Господь, является одним из величайших свидетельств чуда Пятидесятницы”, — говорит профессор Блейклок⁵.

Однако подобная интерпретация вызывает определенные сложности. Во-первых, на самом фундаментальном уровне интерпретации диалога между Господом и апостолами. Предположим, что Христос действительно подразумевал, что никогда не будет восстановлено царство Израилю. Тогда разговор разворачивался бы примерно так:

Ученики: “Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?”

Христос: “Не ваше дело знать времена или сроки, потому что Отец положил это в Своей власти. Но в любом случае царство Израилю никогда не будет восстановлено”.

Очевидно, что подобный диалог не имел бы никакого смысла. Если царству никогда не суждено быть восстановленным, то о сроках этого восстановления никому не может быть известно, в том числе и Самому Богу-Отцу.

Попытаемся дать другой вариант реконструкции. Предположим, Господь хочет сказать: “Я действительно собираюсь восстановить царство Израилю, но не в том узком смысле слова, который вы имеете в виду. Обещанное восстановление царства Израилю на самом деле означает

установление Моего духовного царства во веки веков, начиная с ближайшей Пятидесятницы”. Тогда дальнейший обмен мыслями должен был бы протекать следующим образом:

Ученики: “Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?”

Христос: “Я не могу вам точно сказать, когда будет восстановлено царство Израилю, потому что Отец положил все подобные вопросы в Своей власти. На самом деле, восстановление царства Израилю относится к провозглашению Моего духовного Царства здесь и теперь, и Я, разумеется, не стану скрывать, когда это произойдет. Это случится через несколько дней, когда Дух Святой сойдет на вас в день Пятидесятницы”.

Однако подобный диалог также лишен смысла. Очевидно, что как бы ни была важна логика разговора сама по себе, есть и еще более существенные вопросы. Обетование о восстановлении царства Израилю лучше всего сформулировано в Мих 4: 8, который является одним из самых примечательных текстов Ветхого Завета. Давайте попробуем понять смысл этого обетования в данном контексте:

“И будет в последние дни: гора дома Господня поставлена будет во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней народы...

И пойдут многие народы и скажут: “придите, и взойдем на гору Господню и в дом Бога Иаковлева, — и Он научит нас путям Своим, и будем ходить по стезам Его; ибо от Сиона выйдет закон и слово Господне — из Иерусалима...

И будет Он судить многие народы и обличит многие племена в отдаленных странах; и перекуют они мечи свои на орала и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать,

Но каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею, и никто не будет устрашать их, ибо уста Господа Саваофа изрекли это...

В тот день, говорит Господь, совоюплю... разогнанное и тех, на кого Я навел бедствие...

И Господь будет царствовать над ними на горе Сионе отныне и до века.

А ты... холм дочери Сиона! к тебе придет и возвратится

прежнее владычество, царство — к дочерям Иерусалима”
(Мих 4: 1-8) (выделено мной — Д. Г.).

Таким образом, в этом отрывке с поразительной ясностью сформулировано обетование о восстановлении владычества. Однако в этом тексте поднимаются еще более важные вопросы, которые заставляют нас на время отвлечься от обетования о восстановлении владычества. Вот эти вопросы.

Неужели из этого красноречивого обещания следует, что в один прекрасный день прекратятся вооруженные конфликты, восторжествует справедливость и воцарится всеобщий мир? Может быть, это метафорическая формулировка идеала, к которому можно только стремиться, но который в принципе недостижим? Или это конкретное обещание Бога? А если это обещание, которое обязательно исполнится, то что, конкретно, оно означает? Как следует его понимать? И, наконец, когда Бог собирается его осуществить?

Этот вопрос, по крайней мере отчасти, напоминает вопрос, заданный апостолами: “Не в сие ли время...?” Только в отличие от апостолов мы имеем в виду сугубо практическую его сторону. Как достойные свидетели Господа Иисуса Христа мы должны отдавать себе отчет в том, какие именно обетования Божии относятся к нынешней эпохе Духа, а какие к ней не относятся; чего мы вправе ожидать от деятельности по евангелизации и социальной помощи, а чего — нет. Мы ни в коей мере не должны переставать надеяться на то, что обещано Самим Богом, но не нужно и строить воздушные замки. Как же тогда следует понимать процитированный отрывок?

Рассмотрим вариант его интерпретации с “духовной” точки зрения: обетование восстановления владычества Дщери Сиона (Мих 4: 8) означает утверждение духовного царства Христа в церкви в день Пятидесятницы. В Мих 4: 6 говорится, что это “восстановление” произойдет в то время, когда народы откажутся от разрешения конфликтов вооруженным путем. Очевидно, что это предсказание не имело буквального характера — ибо какие же народы, роль

которых в истории очень велика, уничтожили свои запасы вооружения до Пятидесятницы, во время нее или после? Следовательно, это нужно понимать в переносном смысле: здесь говорится о перемене в сердцах людей, которая тогда начала происходить и происходит до сих пор, когда люди воспринимают благую весть и примиряются с Богом. Они бросают “свое оружие мятежа против Бога”, примиряются с церковью и больше уже никогда не восстают против своих братьев-христиан.

Итак, это высказывание относится к церкви, так как в день Пятидесятницы народы земли не перестали враждовать друг с другом. Более того, оно не относится к жизни христиан за пределами церкви. Так, в последнюю мировую войну тысячи глубоко верующих людей из армий союзников, с одной стороны, и армий держав Оси, с другой, принимали участие в боевых действиях и убивали друг друга, точно так же, как до них и после них это делали миллионы других в подобных ситуациях.

Понятый таким образом фрагмент из Мих 4: 1-8, несмотря на грандиозные обещания, не оставляет надежды нашему миру, разрушаемому взаимной враждой. А насколько подобная интерпретация приложима к самой церкви? Разве мало религиозных войн в христианском мире?

Очевидно, что дальше продолжать не стоит. Если все пророчество Михея можно свести к данному, “духовному”, объяснению, то нетрудно разувериться в других библейских пророчествах и в проповедовании замысла восстановления как вполне реальной надежды для всего мира.

Попытаемся дать более тонкое и сложное толкование. Итак, обещанное восстановление владычества относится к установлению в день Пятидесятницы духовного царства Христа через церковь. Установление горы дома Господня во главе гор (Мих 4: 1) говорит еще раз о положении церкви и ее мощном влиянии на мир, которого она постепенно достигала со времени Пятидесятницы. Картина, нарисованная в стихах 2-5, — это пророчество о том, что народы, составляющие национальные государства, все больше

ХРИСТИАНСТВО И ВСЕОБЩЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ (Деян 1: 1 - 6: 7)

**ДЕЙСТВИЕ 1: БОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ
ВСЕОБЩЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ (ДЕЯН 1: 1 - 4: 4)**

I. ОТ ВОСКРЕСЕНИЯ ДО ВОЗНЕСЕНИЯ

(Деян 1: 1-14)

Христос наставляет апостолов, чтобы они свидетельствовали о Нем всем народам.

1. В течение сорока дней Иисус с помощью “многих верных доказательств” убеждает учеников, что Он снова воскрес после смерти на Голгофе (Деян 1: 3).

2. Он собирает учеников, чтобы дать им наставления (Деян 1: 2) и повеления (Деян 1: 4); “...и будете Мне свидетелями в Иерусалиме... и даже до края земли” (Деян 1: 8).

3. “...Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями...” (Деян 1: 8).

4. “Все они единодушно пребывали в молитве и молении...” (Деян 1: 14).

**ДЕЙСТВИЕ 2: СОПРОТИВЛЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЮ
ЗАМЫСЛА ХРИСТА (ДЕЯН 4: 5 - 6: 7).**

V. ПЕРВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ СИНЕДРИОНА

(Деян 4: 5-31):

Цель расследования — объяснить чудо исцеления и попытаться положить конец проповедованию во имя Иисуса.

1. Исцеление хромого от рождения человека, которому было более сорока лет, служит неопровержимым доказательством воскресения Иисуса (Деян 4: 9-10, 14, 22).

2. “Ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо... Но, чтобы более не разгласилось это в народе... приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса” (Деян 4: 16-18).

3. “И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением” (Деян 4: 31).

4. “Они же, выслушавши, единодушно возвысили голос к Богу...” (Деян 4: 24).

II. ОТ ВОЗНЕСЕНИЯ ДО ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ (Деян 1: 15-26):

На место отступника Иуды ученики выбирают нового человека для апостольского свидетельства.

Иуда был одним из двенадцати апостолов. “Но приобрел землю неправедною мздой, и, когда низринулся, расперло чрево его, и выпали все внутренности его; и это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та... названа Акелдама, то есть “земля крови” (Деян 1: 16-19).

“Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место” (Деян 1: 24-25).

“Итак надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во все время... был вместе с нами свидетелем воскресения Его” (Деян 1: 21-22).

VI. ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ (Деян 4: 32 - 5: 16):

Суд над двумя недостойными членами укрепляет дух общины.

“...И никто ничего из имени своего не называл своим... ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов... Так Иосия... левит... у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов” (Деян 4: 32-37).

Анания и Сапфира, продав имение, объявили, что передали все вырученные средства апостолам, на деле же утаили некоторую часть денег. Оба они умерли из-за того, что солгали Святому Духу.

“...Для чего ты *допустил* сатане вложить в сердце твое *мысль* солгать Духу Святому?... И великий страх объял всех слышавших это” (Деян 5: 1-11).

“Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа...” (Деян 4: 33).

III. ЧУДО ГОВОРЕНИЯ НА ИНЫХ ЯЗЫКАХ (Деян 2: 1-47):

Петр объясняет народу значение этого чуда, в результате чего обращено три тысячи человек.

1. Воскресение Иисуса из мертвых: “Но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его... Ты [Господи] дал мне познать путь жизни...” (Деян 2: 24-28).
2. “...Покайтесь... и получите дар Святого Духа” (Деян 2: 38).
3. “Итак Он, быв вознесен десницею Божию... Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли” (Деян 2: 33-36).
4. “Слыша это, они умилились сердцем... Петр же сказал им: покайтесь... спасайтесь от рода сего развращенного” (Деян 2: 37-40).
5. “И они постоянно пребывали в учении Апостолов...” (Деян 2: 42).

VII. ВТОРОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ СИНЕДРИОНА (Деян 5: 17-42):

Апостолы вызваны в суд, чтобы объяснить, почему они нарушили запрет проповедовать во имя Иисуса.

1. Чудесное извращение апостолов из темницы: “Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведши их, сказал: идите и ...говорите народу все сии слова жизни” (Деян 5: 19-20).
2. “Свидетели Ему в сем мы и Дух Святой, Которого Бог дал повинующимся Ему” (Деян 5: 32).
3. “Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили... Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя...” (Деян 5: 30-31).
4. “Слыша это, они разрывались от гнева и умышляли умертвить их... Гамалиил... сказал... отстаньте от людей сих и оставьте их...” (Деян 5: 33-38).
5. Апостолы “...не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе” (Деян 5: 42).

IV. ЧУДО ИСЦЕЛЕНИЯ (Деян 3: 1 - 4: 4):

Петр объясняет, чьей властью произведено чудо, число обращенных достигает пяти тысяч человек.

1. Хромого приносят и сдают каждый день у дверей Храма просить милостыню (Деян 3: 2-3).

2. Апостолы, у которых не было с собой денег, дали ему вместо этого высший дар — полное исцеление именем Иисуса (Деян 3: 4-10).

3. Священники "...наложили на них [Петра и Иоанна] руки, и отдали их под стражу..." (Деян 4: 1-3).

VIII. ЕЩЕ ОДИН ВЗГЛЯД НА ЖИЗНЬ ХРИСТИАНСКОЙ ОБЩИНЫ (Деян 6: 1-7):

Разрешена еще одна критическая ситуация, при этом апостолы не отрываются от своего основного дела — благовествования.

1. Некие вдовы "...пренебрегаемы были в ежедневном раздавании потребностей" (Деян 6: 1)

2. Апостолы подчеркивают, что хотя забота о материальных нуждах очень важна, сами они должны сосредоточиться на проповедовании слова Божия (Деян 6: 2-4). Для "ежедневного раздавания потребностей" выбрано семеро служителей (Деян 6: 3-6).

3. "...и из священников очень многие покорились вере" (Деян 6: 7).

станут прислушиваться к учению церкви, и что это, в свою очередь, приведет к лучшему соблюдению Закона Божьего и постепенному стиханию вооруженной борьбы. Таким представлял Себе будущее Господь, когда наставлял апостолов перед их всемирным служением.

Но если таков действительный смысл отрывка из Михея, не должны ли мы все-таки задаваться вопросом о соответствии между обетованием и его исполнением? И если именно этого нужно было ожидать, согласно наставлениям Христа, которые он давал апостолам, то как же нам не впасть в отчаяние? Ни разу на протяжении всех долгих веков со времен Пятидесятницы проповедование благой вести и установление духовного царства Христова не привело к разоружению какого-либо из народов земли, не говоря уже о всеобщем разоружении. Так называемые христианские народы оказываются среди ведущих стран-производителей оружия, смертоносная сила которого постоянно растет; и даже сейчас, когда, к счастью, начинается сокращение вооружений в странах Западного и Восточного блоков, оно осуществляется не в результате распространения благой вести Христа и не вследствие решимости народов изучать и более ревностно соблюдать закон Божий. Надежда на то, что пророчество Михея будет исполнено путем проповедования благой вести, оказывалась до сих пор иллюзией. От этой иллюзии можно избавиться, если в корне пересмотреть интерпретацию этого пророчества.

Отсюда вовсе не следует, что мы как христиане должны стать циниками. Мы всей душой приветствуем решение Организации Объединенных Наций принять пророчество Михея в качестве руководства к действию. Мы приветствуем и поддерживаем любые искренние миротворческие усилия, мы молимся за них. Мы благодарны Богу за прогресс — как настоящий, так и будущий — в отстаивании мира и разоружения в разных частях света.

Однако не будем впадать в самообман. История учит нас, что всеобщий мир подобен сизифову камню. Всякий раз, приближаясь к вершине, он выскальзывает из натру-

женных рук и падает вниз. И что еще тревожнее, в Библии можно увидеть предупреждение о том, что в один прекрасный день такой всеобщий мир вроде бы установится, но это будет мир, подобный затишью перед бурей, который окончится в день Господень страшным ураганом, обрушенным на нераскаявшийся мир (1 Фес 5: 1-3).

Все это очень мрачно, но мы не будем предаваться отчаянию. Пусть наш мир истерзан войной, города трепещут от террора, а целые страны изнурены голодом, нам дана весть истинной надежды, пророчество, внушенное Михею Богом, которое непременно исполнится. Мы должны верить в него, независимо от многочисленных и серьезных данных, свидетельствующих о противоположном. Всеобщая справедливость и мир восторжествуют. Все, что согласно обетованию Бога должно быть восстановлено, будет восстановлено (Деян 3: 21), в том числе царство Израилю в том смысле, в котором это определено Богом. (Мы не имеем здесь в виду сионистское государство Израиль. Подлинное восстановление Израилю и, вообще всему, может прийти только через Мессию.) Но если мы хотим предостеречь себя от ложных ожиданий и последующих разочарований, мы должны хорошо разобраться в вопросе о времени восстановления. Вернемся еще раз к вопросу, заданному апостолами, и ответу Господа.

Прежде всего отметим то, что очевидно: ученики не спрашивали: “Господи, намерен ли Ты восстановить царство Израилю?” Подобный вопрос потребовал бы прямого ответа: “да” или “нет”.

Их же интересовал совершенно другой вопрос. Для них было совершенно очевидным, что царство Израилю будет восстановлено, они не знали только времени восстановления. В греческом тексте акцент делается именно на время: “*Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю?*”⁶ (выделено мной — Д. Г.).

Господь отвечает именно на этот вопрос: “Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти”. Он не отрицает, что собирается восстановить царство Израилю. Он просто замечает, что не может

назвать точного срока, потому что подобные вопросы о временах и сроках находятся в ведении Бога-Отца.

Этому высказыванию Господа есть параллели в других местах Евангелия. В Своем знаменитом пророчестве Он использовал похожие выражения, говоря о времени Своего второго пришествия:

“О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один”

(Мф 24: 36).

Подобная же лексика используется и в другом отрывке, на который мы ссылались выше (1 Фес 5: 1-3), где Павел говорит о “временах и сроках” применительно к наступлению дня Господня, то есть ко второму пришествию Христа.

Таким образом, возникает предположение о том, что в Своем ответе апостолам Христос соотносил восстановление царства Израилю со Своим вторым пришествием, точное время которого неизвестно. Это предположение двумя главами позже подкрепляется словами Петра, из которых видно, что апостол понял ответ Христа именно так. Его слушателями были иудеи, которые, как и он, считали, что восстановление всего, что Господь обещал восстановить, включает, как о том и говорили пророки, восстановление царства Израилю. Вот что он сказал своим слушателям:

“Итак покайтесь и обратитесь [к Богу], чтобы загладились грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа, Которого небо должно было принять до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века”

(Деян 3: 19-21) (выделено мной — Д. Г.).

Далее следует отметить, что в Деян 1: 8 Господь не прерывает речь апостолов, когда они спрашивают о времени восстановления царства Израилю и не переводит разговор на какую-нибудь другую, далекую от данной, тему. Как сказал Петр, обратившись к евреям (Деян 3: 19-26), если они хотят должным образом подготовиться ко

второму пришествию Мессии и собираются разделить с другими народами благословения великого восстановления, они должны покаяться. Укрепленное Святым Духом всемирное свидетельство церкви о Мессии направлено именно на то, чтобы привести все народы, включая Израиль, к этому необходимому покаянию и вере в Христа.

Точка отсчета для всемирного свидетельства церкви

Краткое, но по праву знаменитое, наставление Христа апостолам об их свидетельствовании всему миру было завершено. Не успели еще отзвучать Его последние слова, и ученики еще смотрели на Него, поглощенные Его словами, когда вдруг

“... Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо”

(Деян 1: 9-11).

В этот момент они получили исчерпывающий ответ на вопрос, который послужил причиной наставления апостолов: “Не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь ты царство Израилю?” Вознесение Христа подсказывало следующий ответ: “Нет, не сейчас. На этот раз Он должен уйти. Подобно царю из Его притчи, Он должен теперь отправиться в дальнюю страну” (См. притчу в: Лк 19: 11-27).

Но вознесение было еще не завершено (Деян 1:10), когда перед изумленными апостолами предстали два ангела и заверили их в том, что Он вернется. Царь возвратится. Такое заверение послужило не только исчерпывающим ответом на вопрос, но и высветило им точку отсчета их миссии свидетельства. Окончательное восстановление произойдет не сейчас: царство не будет восстановлено до второго пришествия Иисуса, о времени которого не знает никто. Но то, что Он придет, несомненно. Тогда и

произойдет полное восстановление. Разрыв во времени между первым и вторым Его пришествием необходим не для восстановления царства Израилю, а для всемирного свидетельствования о Христе.

Лука сообщает о том, что явления и исчезновения Господа в продолжение сорока дней после Его воскресения часто бывали мгновенными. В данном случае, однако, все было иначе. На этот раз Он сначала поднялся на определенное расстояние, находясь в пределах видимости, потом Его окутало присутствие славы Божьей, и тогда Он перешел в потусторонний мир. Каким образом это произошло, было скрыто от учеников, и остается скрытым и от нас.

Это постепенное вознесение служило, по крайней мере, трем целям. Во-первых, оно показывало, что таких Его появлений, как раньше, уже не будет. Во-вторых, оно выглядело как простой и в то же время вызывающий благоговение обряд, который символизировал бесконечно более высокую реальность: Иисус из Назарета, Сын Божий, призванный Отцом, вознесен над небесами к славе, которую имел с Отцом до начала мира. И, наконец, в-третьих, это вознесение Иисуса Христа послужило прообразом Его второго пришествия. Ангелы не установили точного времени этого события, так как они знают не больше других, за исключением Бога-Отца. Но они указали на способ Его ухода и они уверили апостолов, что Его возвращение будет таким же.

“Сей Иисус... придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо”

(Деян 1: 11).

Иисус, который был воплощенным Словом Бога, в Котором и через Которого Бог вошел в наше время и пространство, не был докетическим Христом, который бы казался человеком, не будучи им на самом деле. Его природа была столь же подлинно человеческой, сколь и подлинно божественной. Его человеческая природа не была какой-то временной фазой в самооткровении Бога, которая должна смениться “высшей” формой откровения. Самый способ вознесения подсказывает, что Он остается по воз-

вращении в Божественное время и пространство Тем же Самым Иисусом, каким Он был в продолжение Своей жизни на земле и после Своего воскресения, когда Он предложил апостолам убедиться, что совсем не изменился. И коль скоро через Него Бог мог однажды проникнуть и действительно проник в наше физическое время и пространство, нам следует поверить ангелам, которые сказали, что Он вернется вновь, что Его пришествие будет физическим и видимым, то есть таким же, каким было его вознесение. Выполняя дело нашего искупления и став через это подлинным человеком, Второе Лицо Троицы стало тем, чем Оно никогда ранее не было. И останется Им навечно.

После вознесения апостолы вернулись в горницу и присоединились к Марии — матери Иисуса, другим женщинам и братьям Иисуса, ожидая сошествия Духа Святого, который должен был придать им силы для свидетельства о Боге. В ожидании они молились (Деян 1: 12-14).

Примечания

¹ Сравните упоминание о том, что Иисус Христос ел вместе с апостолами, когда Он давал им последние наставления в Лк 24: 41-43 и короткое изложение их разговора в Деян 1: 4, где используется форма *sunālizomenos* (“в то время, как Он ел с ними”), которая представляет собой, по-видимому, исходный вариант чтения, в отличие от формы *sunālizomenos*, которая является страдательным залогом от *sunālizō* (“будучи собранным вместе”, то есть “собранным”) и в отличие от *sunaulizomenos* (“пробывая с”).

² Есть мнение, что, называя тело Христа после воскресения телом духовным, Павел якобы противоречит Евангелию, где говорится, что оно было физическим и материальным. Однако этот довод несостоятелен, так как основывается на непонимании того, что Павел подразумевает под словом “духовный”. Подробный анализ этого вопроса см.: William Lane Craig, *THE BODILY RESURRECTION OF JESUS*, in: R. T. France and David Wenham (eds.), *GOSPEL PERSPECTIVES*, vol. 1 (Sheffield: JSOT Press, 1980), pp. 47-74 [Уильям Лейн Крейг. Телесное воскресение Иисуса. В сб.: Горизонты Евангелия. Под ред. Р. Т. Франса и Д. Венхейма].

³ Существует мнение, что Лука имеет в виду не те поучения, которые были записаны в Евангелии от Иоанна, а лишь те, которые приведены в его собственном Евангелии, напр.: Лк 11: 13. Но ведь Лука не мог сам придумать того, что Господь ссылался на свою собственную более раннюю проповедь. Он просто ссылается на этот факт. В это время Евангелие от Луки еще не было написано, и нам трудно допустить, что воскресший Господь ограничился упоминанием только части Своей более ранней проповеди, которую Луке еще предстояло ввести в свое Евангелие, особенно если иметь в виду два положения из Его наставления: “ждите обещанного от Отца” и “о чем вы слышали от Меня” (ср.: Ин 14: 16, 26; 15: 26; 16: 7, 13-15).

⁴ См., напр.: Быт 32: 24-30; Суд 13: 15-23; Исх 14: 19; 1 Кор 10: 4.

⁵ E. M. Blaiklock, THE ACTS OF THE APOSTLES, Tyndale New Testament Commentaries (London: Tyndale Press, 1969), p. 50, quoting J. R. Lumby, CAMBRIDGE GREEK TESTAMENT, 1894, p. 83 [Дж. Р. Ламби. Греческий текст Нового Завета, издание Кембриджского ун-та. Цит. по: Е. М. Блейклок, ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ, комментарии к текстам Нового Завета].

⁶ Ср. следующее рассуждение: “Смысл вопроса в словах, на которых сделано особое ударение — en toi chronoî toutoî. То, что Царство будет восстановлено Израилю в некотором смысле и в некоторое время, подразумевалось само собой; Господь и не отрицает такое предположение” (H. Alford, THE ACTS OF THE APOSTOLS, THE GREEK NEW TESTAMENT, vol. 2 (London: Rivingtons, 1871) [Х. Алфорд. ГРЕЧЕСКИЙ ТЕКСТ НОВОГО ЗАВЕТА]).

⁷ “Времена отрады” — метафора, означающая “мессианский век” (Бауэр).

Содержание свидетельства (Деян 1: 15-26)

Не прошло и семи недель со дня распятия Господа Иисуса Христа, как апостолы приготовились идти в город и публично свидетельствовать о Нем. Убеденность учеников в том, что они видели Иисуса, прикасались к Нему и разговаривали с воскресшим Господом, не вызывает сомнения. Но одна неясность у них была.

Задача их миссии вполне определена: они должны были свидетельствовать о Христе (Деян 1: 8), в частности же, о Его воскресении, но и не только о нем (Деян 1: 22). Воскресение любого человека было бы удивительным. Но Иисус Христос не был обычным человеком. Значение воскресения Его состояло прежде всего в том, что оно подтвердило все, что Он сделал и предсказал до того, как Он был распят. Следовательно, апостольское свидетельство могло быть осуществлено только тем, кто постоянно находился с Господом и Его учениками, начиная сразу же со времени Его крещения Иоанном Крестителем и кончая Его вознесением (Деян 1: 22). Такой апостол должен был быть очевидцем всего, что говорил и делал Христос — всего, что получило подтверждение через Его воскресение.

Евангелие от Луки (Лк 19: 45-48) сообщает нам, что, когда Иисус был в Иерусалиме в последний раз, Он совершил несколько деяний, но при наибольшем стечении народа Он совершил одно Свое деяние — изгнание из Храма торгующих. Это, как и многое другое, приблизило час Его смерти (Мк 11: 17-18).

Иисус очищал Храм уже второй раз¹. В первый раз Он поверг израильтян в ужас, но очищение храма от осквернявших его людей было вполне естественным для Мессии; вероятно, многие простые люди даже одобряли этот поступок. Однако на этот раз Он фактически обвинил начальников Храма в том, что они настоящие воры и разбойники, которые оскверняют святое место во имя наживы. Это оказалось последней каплей: они решили Его уничтожить, прежде чем Он подорвет их власть над народом и закрепленные законом имущественные права.

В ответ Господь рассказал им притчу, которой изобличил их истинные намерения. Израиль — это виноградник Божий, а первосвященники и религиозные вожди назначены Господом в арендаторы, чья священная миссия заключается в возделывании виноградника, чтобы он плодоносил, доставляя радость его Владельцу. В течение многих лет арендаторы присваивали себе произведенный продукт, но теперь, наконец, пришел Сын Владельца, чтобы взять

то, что Ему причитается. Грех, который первосвященникам и религиозным деятелям было суждено совершить, состоял в том, чтобы убить Наследника Владельца виноградника, и завладеть не только урожаем, но и самим виноградником (Лк 20: 9-18).

Именно это они и сделали. И теперь, менее двух месяцев спустя, апостолы должны были прийти в Храм, увидеть тех же самых арендаторов и толпы людей, составлявших виноградник Божий, и провозгласить, что Иисус воскрес из мертвых и тем самым доказал, что он верный наследник любви и верности людей.

Итак, перед апостолами встала задача! И дело было не в страхе перед толпой, дело было в Иуде. Один из учеников Иисуса был повинен в том же грехе, что и высшее священство. Более того, его поступок был неизмеримо хуже. Он был призван к высшему и священному служению в качестве одного из соратников Мессии, одного из представителей Сына и Наследника. Но, когда Сын и Наследник пришел, чтобы предъявить Свои права, Иуда не только перешел на сторону арендаторов, он осквернил знание, которое он получил, будучи причастным священному служению, и привел арендаторов туда, где был Иисус, чтобы они смогли Его арестовать. Он тоже сделал это из-за денег. И на несправедную мзду он приобрел себе поле (Деян 1: 16-19).

Апостолы, разумеется, могли без труда найти замену Иуде: среди учеников не было недостатка в способных людях, сохранивших верность Господу Иисусу Христу. Но проблема заключалась не в этом. Вся грязная история Иуды была широко известна в Иерусалиме, и имя, которое народная молва дала иудинной земле, сохранило в памяти людей кровавый конец предателя (Деян 1: 19). Можно представить себе, что говорили люди на улицах: “Вот вам и религия... Неважно, идет ли речь о руководителях или о маленькой горстке фанатиков. Стоит только присмотреться к ним внимательнее, и окажется, что всех их интересует одно: деньги, большие дома, поля”.

Вдумчивые люди задавали и более серьезные вопросы. Они рассуждали так: “Вы утверждаете, что Иисус — Сын

Божий, Мессия, Спаситель и Восстановитель, посланный Израилю, чтобы исправить наши ошибки и обличить священников, которые оскверняют священное место из-за собственной наживы. Почему же Он не нашел никого лучшего, чем Иуда, в качестве одного из Своих ближайших соратников, представителей и исполнителей, и даже казначея (Ин 12: 6)? Иисусу пришлось дорого заплатить за это — Он был предан и умер на кресте. Но если Он действительно был Сыном Божиим, то Он должен был знать, что представляет собой Иуда и не выбирать его в ученики. Итак, если Он оказался не способен выбрать Себе лучшего соратника, как же Он собирается восстановить Израиль и установить Царство Божье?”

Когда Петр в конце концов поднялся, чтобы обратиться к собранию, которое насчитывало теперь сто двадцать учеников, он сказал, что предсказания об Иуде были даны Святым Духом в Псалмах 68 и 108. Но, спрашивается, откуда Петру стало известно, что в этих псалмах говорится именно об Иуде и о том, как конкретно реагировать на его предательство?

Лука уже рассказывал об этом (Лк 24: 27, 44-47): Петр узнал об этом, исходя не из принципов толкования Ветхого Завета, которыми пользовались раввины, и не от Святого Духа в день Пятидесятницы, а от Самого Господа Иисуса Христа. Трудно себе представить, чтобы Христос в Своих многочисленных ссылках на закон, пророков² и Псалтирь обошел молчанием Давида, родоначальника царей дома Иуды, тогда как, будучи Мессией, Иисус явился потомком Давида и его духовным наследником. Столь же трудно представить, чтобы Христос не упомянул о том, каким путем Давид пришел к власти, потому что целью обзора ветхозаветной истории, который приводится у Луки, было — показать развитие событий, смысл которых заключался в том, что Мессия должен пострадать, прежде чем Он войдет во славу (Лк 24: 25-26).

Давид, помазанный Богом на царство и избранный, чтобы спасти Израиль в битве с Голиафом и победить во многих других битвах с филистимлянами, был тем не менее,

а может быть, как раз вследствие этого, отвергнут, преследуем и приговорен к смерти государственной властью и вынужден бежать к язычникам. Однако Бог сохранил его и в конце концов вернул домой — сначала в качестве признанного царя Иудеи, а потом Израиля. И потом снова, во время восстания Авессалома, против Давида возмутилось не только большинство народа, но, что особенно примечательно, даже военачальники из колена Иудина. Среди тех, кто перешел к заговорщикам, был друг и советник Давида Ахитофел. Предатель даже посоветовал Авессалому, как лучше выследить и уничтожить Давида (2 Цар 17: 1-4), точно так же, как Иуда посоветовал первосвященнику, как найти и арестовать Иисуса.

Иисус должен был учить апостолов тому, что эти поразительные аналогии между тем, что известно о жизни Давида и Его собственной жизнью, были не случайными: они свидетельствовали о целях и планах Бога, которые можно проследить на протяжении всей истории искупления. И Иисус должен был учить их тому, как этот опыт Давида, не будучи сам по себе пророчеством, был своего рода прототипом того, что должно было реализоваться на более высоком уровне — в страданиях Мессии и конечном оправдании, точно так же, как иудейская Пасха, не будучи пророчеством сама по себе, должна была исполниться в искупительной смерти и воскресении (Лк 22: 16). Кроме того, Он должен был сказать, что некоторые из событий, описанных в Псалтыри, далеко выходят за рамки жизненного опыта царя Давида. Эти события были не просто подобными фактам из жизни Мессии — они были прямым предсказанием того, что с Ним должно было произойти, так как Давид был пророком и его устами говорил Дух Святой (ср. слова Петра в Деян 2: 29-31). Таким образом, именно учение Господа привело Петра к глубокому пониманию смысла и правильному приложению к жизни псалмов 69 и 109.

“Мужи братья! — начал Петр свою речь по поводу предательства Иуды. — Надлежало исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святой устами Давида об Иуде,

бывшем вожде тех, которые взяли Иисуса”

(Деян 1: 16).

“Надлежало исполниться”. Интересно, что в этом случае используется прошедшее время. Петр говорит здесь обо всем событию в целом: о том, что существовал некий Иуда, что он был причислен к ученикам и был наделен высоким доверием как апостол и как он затем низринулся с этой высоты в презренную бездну предательства, продав своего Господа за деньги. Этому надлежало случиться. Но почему? Потому, что в Писании указано, что это должно было случиться, а сказанное в Писании обязательно исполняется.

Это, конечно, не имеет ничего общего с фатализмом. Просто Петр выражает здесь ту же мысль, которую в свое время высказал Христос, когда он сказал:

“Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?”

(Лк. 24: 26) (выделено мной — Д. Г.).

Именно “надлежало”, так как Моисей и пророки, каждый по-своему, — через символы, предзнаменования и пророчества выражали, что этому надлежало быть, и что сказанное в Писании осуществится. Иуда же совершил злодеяние по собственной воле. Господь не принуждал его совершать предательство, точно так же, как он не принуждал правителей Израиля распять Иисуса, когда Его схватили “по определенному совету и предведению Божию” (Деян 2: 23). Поэтому Иуда несет полную ответственность за свое преступление.

“Впрочем, Сын Человеческий идет по предназначению. — сказал однажды Иисус в присутствии Иуды, — но горе тому человеку, которым Он предается”

(Лк 22: 22; ср.: Ин 13: 18-20).

С другой стороны, сравнивая события, произошедшие с Иисусом, с историческим прототипом, нетрудно заметить, что они поразительно схожи. Что же из этого вытекает? Тот факт, что один из апостолов, избранных Самим Господом, перешел на сторону врагов и предал Господа, свидетельствовал не о слабости апостолов, которая якобы тем

самым подрывала утверждение о том, что Иисус был Мессией, предсказанным пророками в исторических сюжетах и поэтических образах Ветхого Завета. Как раз наоборот! Он усиливал это утверждение.

То же самое можно сказать и о поле, которое было куплено ценою предательства. Апостолам не имело смысла надеяться, что жители Иерусалима забудут об Иуде и его “земле крови”, да и Луке не стоило скрывать этот эпизод. Напротив! Нужно было говорить об этом как можно громче! Чтобы все знали и помнили, почему вместо Иуды был выбран другой апостол. Чтобы напомнить тем, кто был склонен к забывчивости, что купленный ценою предательства, на котором Иуда встретил свой жестокий кровавый конец, стал кладбищем. Пророчество Святого Духа, изреченное через Давида, о том, что

“...жилище их да будет пусто, и в шатрах их да не будет живущих”

(Пс 68: 26),

несомненно, подразумевало также (о чем говорит множественное число местоимения — “их”) священников и политических деятелей, с которыми объединился Иуда, чтобы погубить Иисуса. Этому пророчеству было суждено исполниться еще в более широком масштабе, когда Иерусалимский храм был в конце концов разрушен и оставался в запустении в течение многих веков (Мф 23: 38). Однако в случае с Иудой и его полем, ставшим кладбищем, это пророчество уже исполнилось, и весь Иерусалим мог увидеть это и почувствовать горькую иронию и трагическую красноречивость происшедшего.

Было бы вопиющей несправедливостью по отношению к апостолам и, в конечном итоге, к Самому Господу Иисусу Христу, если бы мы решили, что приведенных два отрывка, которые, по мнению апостолов, были даны Духом Святым, произвольно выхвачены из контекста и не имеют ничего общего ни с Мессией, ни с предательством Иуды. Эти отрывки нужно рассматривать как призыв оглянуться назад и рассмотреть их исходный контекст.

В Псалме 68 Давид рассказывает о долгих и тяжелых

испытаниях, и он просит Бога помочь ему — до сих пор безуспешно (Пс 68: 1-3). Он навлек на себя гнев многочисленных и могущественных врагов, которые собираются уничтожить его, хотя и не имеют разумных для того причин (стих 5). Одним из объяснений его преследования является то, что он ревностно служил в Доме Господа и навлек на себя те злословия и поношения, которые люди адресовали Богу (стих 10). Его приверженность Богу была столь велика, а отрицательная реакция на нее со стороны людей так сильны, что даже родные перестали ему сочувствовать и он стал для них “чужим” (стих 8).

И вот последний сокрушительный удар: Сам Бог поразил его (стих 27). И вполне справедливо: Давид открыто признается в своих грехах и безрассудстве (стих 6). Но это навлекло на него волну поношений и преследований (стихи 8, 13, 20-21). Напрасно ожидать от кого бы то ни было сочувствия и утешения: вместо этого его на него изливается желчь и уксус (стих 22). Они преследуют того, кого уже наказал Сам Господь (стих 27).

Вот его молитва:

*“Да не постыдятся во мне все, надеющиеся на Тебя,
Господи, Боже сил. Да не посрамятся во мне нищущие Тебя,
Боже Израилев”*

(Пс 68: 7).

По-видимому, у некоторых людей вера в Бога сочеталась с верой в Давида и во все, что последний совершал как помазанник Божий. Теперь же, когда Бог наказал его, вызвав злорадство его врагов, сторонники Давида могли упасть духом и потерять веру не только в Давида, но, вероятно, и в Бога. Поэтому Давид молит, чтобы Бог спас его (стих 1), освободил и избавил ради его врагов (стих 19) и больше не скрывал от него лицо Свое, но оправдал его и наказал бы врагов по заслугам (стихи 23-25), вплоть до опустошения их жилищ.

Любой из ста двадцати учеников, собравшихся в горнице, не мог не увидеть в жалобах Давида полную аналогию ситуации, в которой они находились сами. Уже после первого очищения Храма некоторые из них вспомнили вы-

сказывание Давида: “Ибо ревность по доме Твоем снедает меня” (Пс 68: 10), когда они увидели сверкающий взгляд Иисуса и бич, который навлек на Него вечную ненависть начальников храма (Ин 2: 17). Его друзья думали, что Он не в себе (Мк 3: 21), а Его братья не верили в Него (Ин 7: 5), однако сейчас они думали иначе вместе со ста двадцатью учениками (Деян 1: 14), и размышления по поводу данного стиха и псалма в целом укрепляли их веру (Ин 2: 22).

Перед тем как принять страдания Христос произнес стих 5 Псалма 68, чтобы подготовить апостолов к тому, что должно было произойти. Слова Давида о том, что “...ненавидящих меня без вины больше, нежели волос на голове моей” (Пс 68: 5), исполнялись неоднократно и в жизни Иисуса (Ин 15: 25). Поэтому Он предупреждал учеников, что они должны ожидать подобного же обращения, когда начнут свидетельствовать о Нем, после того, как Он их покинет (Ин 15: 18-25; 16: 1-4). И сейчас в горнице они размышляли над этим псалмом и должны были вспоминать о своем стыде, который они испытывали, когда Он был приговорен к смерти и распят, вспоминать до тех пор, пока мучительная краска этого стыда не покрыла их лица. Они должны были заново пережить тот град насмешек, который обрушился на голову Иисуса на Голгофе, когда высшее священство стало издеваться над Его утверждением о том, что Он — Сын Божий и что Он способен разрушить храм и создать его вновь (Мф 27: 39-43). Они должны были с содроганием вспоминать желчь и уксус, метафоры в устах Давида (Мф 27: 39-43), которые обернулись трагической реальностью в жизни Христа, и вспоминать охватившее их оцепенение, когда над ними нависла густая тень, готовая поглотить их веру не только в Христа, но и в справедливость Бога. Тень шла от первосвященников, цинично и равнодушно шествовавших мимо креста, на котором Христос взывал к Господу, плача о том, что Тот наказал и оставил Его. Насмешки, упреки, стыд, поношения, преследования Того, Кого поразил Сам Господь, — они слишком хорошо понимали, что именно подразумевает Псалом 68.

Правда, теперь они хорошо понимали, что Иисус, в

отличие от Давида, был наказан не за свои грехи, а за их собственные. Он принял на себя грехи многих и отдал Свою жизнь в искупление этих грехов. Им больше не надо было стыдиться Его, на них больше не лежало бесчестие Его позорной казни (Пс 68: 7). Течение вод не увлекло Его и пучина не поглотила, и пропасть не сомкнулась над ним навеки (Пс 68: 16).

Но уже через несколько дней апостолы должны были идти в мир и встретиться лицом к лицу не только с жителями Иерусалима, но и с начальниками храма, которые послали Иисуса на смерть. Чтобы подготовиться к свидетельствованию, им предстояло заполнить брешь в своих рядах, которая образовалась в результате предательства Иуды. Иначе люди подумали бы, что у них нет надежных и опытных свидетелей, чтобы выполнить эту важную миссию. Они подчинились Духу Святому, повелевшему в Псалме 108 (стих 8): "...и достоинство его да возьмет другой".

"Итак надобно, — сказал Петр, второй раз используя греческий глагол deip, но уже в настоящем времени, — чтобы один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус... был вместе с нами свидетелем воскресения Его"

(Деян 1: 21-22).

Таким образом, очевидно, что в Псалме 68 предсказаны и неприятие Иисуса правящей верхушкой, и судьба предателя, так что отступничество Иуды усилило, а не ослабило силу предсказания о том, что Иисус — Мессия, возвещенный пророками.

Перейдем к анализу другого псалма.

Самый сенсационный процесс в истории

В Псалме 108 царь Давид рассказывает о перенесенных им страданиях юридическим языком. Трижды Давид называет тех, кто преследовал и обвинял его, "противниками" (древнееврейское "satan") (стихи 4, 20, 29). (В русском переводе в стихах 4 и 20 используются другие эквиваленты. — Ред.) Эти противники

“...воздают мне за добро злом, за любовь мою — ненавистью”

(Пс 108: 5).

Давид просит о том, чтобы когда настанет их черед предстать перед судом Божиим, Бог поставил над ними нечестивого и противника (в русском переводе — “дьявола” — прим. перев.) одесную их в качестве обвинителя (стих 6)³.

Этот псалом, создающий прообраз событий, которые произошли с Иисусом, побуждает нас рассмотреть спор между Иисусом из Назарета и официальными представителями иудаизма в терминах судопроизводства. Такой аспект вполне обоснован, так как речь идет о *самом громком* процессе в истории человечества — *cause celebre*. Иисус предстал перед самым настоящим судом в лице первосвященника и синедриона, был осужден, приговорен к смерти и передан римлянам для исполнения приговора. Однако воскресение Христа заставило пересмотреть дело: оно было передано на апелляцию Верховному Суду, который вынес свое окончательное, не подлежащее обжалованию решение в пользу Иисуса. Согласно Пс 108: 25, Он был посмешищем в глазах Своих обвинителей, и, те, проходя мимо креста, “кивали головами своими” (Мк 15: 29-32). Однако Бог “стоял одесную”, т.е. на том месте, которое занимал защитник в древнем суде. Он привел Свои доказательства, выиграл процесс и торжественно оправдал Его, воскресив из мертвых. И ныне

“...да познают, что это — Твоя рука, и что Ты, Господи, соделал это”

(Пс 108: 25-31).

Через несколько дней Дух Святой обнаружит определенные Верховного Суда (Ин 16: 8-11). Он убедит мир в его главном грехе — отказе поверить в воплощенного Сына Божия. Он откроет ему, на чьей стороне правда. Христос “отправился к Отцу”, Бог оправдал Его, то есть Он объявил и доказал, что Он был прав, а священники, судившие Его, — нет. Таким образом, Иисус — Сын и наследник вла-

дельца виноградника.

Более того, как внушал великий утешитель Дух Святой, апостолам, как и обещано было Христом (Ин 15: 26-27), будет предоставлена высокая честь быть Его глашатаями, потому что они были с Христом с самого начала (Деян 1: 21-22). Иуда тоже мог бы иметь такую честь. Вместо этого он выбрал путь отступника. Однако само его отступничество было исполнением Святого Писания, еще одним свидетельством, подтверждавшим предсказания Святого Духа.

Великое отступничество

Однако дело не могло закончиться этим, так как возник еще более фундаментальный вопрос. Предположим, Бог предвидел предательство Иуды, о чем и говорится в Писании, так что когда предсказанное событие произошло, можно было бы сказать, что оно произошло согласно замыслу и предведению Божьему. Но зачем вообще понадобился в этом сценарии предатель? Если бы Христос не выбрал предателя, то не было бы необходимости предсказывать, что Он его выберет. Или, иначе говоря, если бы в Писании не было заранее указано, что один из апостолов станет предателем, то Христу не пришлось бы сначала выбирать Иуду, а потом страдать от него, чтобы Писание исполнилось (Ин 17: 12).

По-видимому, смысл Божественного предопределения заключался в том, чтобы показать сущность греха. Это было чудовищным, что иудейские иерархи, отстаивая свои порочные денежные интересы, пошли на убийство Сына Того Самого Бога, Которому они поклонялись. Еще более чудовищным было то, что христианский апостол по той же самой причине (но ради значительно меньшей суммы) пошел на предательство Наследника всей вселенной⁴. Но эти поступки не были проявлением какого-то неслыханно редкого, исключительного состояния души. Всю эту ситуацию Бог уже предвещал историей жизни Давида, которая была передана в боговдохновенном библейском тексте, с тем, чтобы, когда она повторится в жизни Мессии, она

воспринималась не как простое повторение или совпадение, а как нечто, связанное с роковой и порочной сущностью отношений человечества к миру и Богу.

Христианский апостол Иуда предал Сына Божия, иудейские иерархи арестовали Его, римский прокуратор Пилат был вынужден послать Его на крест. И этот крест, вкопанный в землю, достиг тех пластов, на уровне которых со времени грехопадения залег порок, таящийся там и поныне! Голгофа стала ни чем иным, как жерлом вулкана, через который вышло наружу отступничество всего мира от Бога.

“В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли”

(Ин 1: 10-11).

В этом корень всех мировых бед. Мир, вселенная, принадлежит Владельцу. Человечество — не более чем арендатор и управляющий. Но люди не хотят довольствоваться этой функцией. Они живут так, как будто Владелец не вправе ожидать от них платы в виде любви, послушания, преданности и служения. Они живут так, как будто никакого владельца и нет. Хуже того, каждый из них сам претендует на роль владельца. Они не чувствуют любви к Сыну Владельца, для Которого была сотворена вселенная, Который был участником творения, Который до сих пор поддерживает ее стабильность, Который был ее спасителем и будет когда-то ее восстановителем (Кол 1: 16-20). До тех пор, пока Он находится вдали, мир, разумеется, против Него ничего не имеет. Люди могут даже проявлять некоторую религиозность. Но стоит Ему приблизиться и предъявить Свое право собственности и потребовать то, что Ему причитается, — тогда начинается сопротивление. Люди привыкли жить так, как будто их жизнь находится целиком в их собственности. Они отвергают Его требования как абсолютизм. Они сражаются за свою независимость — даже ценой полного отрицания Сына Божия. Вот что такое “суета сует”.

Христос воскрес. Некогда Он восстановит вселенную, наследником которой Он является. Но пока Он готовится

принять от Отца во владение “отдаленные части земли”, а Святой Дух защищает Его права на мир, Он удостоивает нас чести быть Его свидетелями на этом процессе. Этой чести мог бы быть достоин и Иуда, однако он предпочел другое — деньги, которые нужны были ему для покупки поля.

И он умер там, на этом самом поле. Страшная смерть... Поле его было заброшено, и священники, его сообщники, сделали на нем кладбище. Его горестная “Земля смерти” до сих пор служит предостережением. Если, добиваясь своих собственных маленьких полей в этом мире, мы отрицаем, предаем или продаем Творца и Восстановителя мира, Самого Начальника жизни (3: 15), то не обратятся ли наши маленькие поля в причину нашей смерти и безысходного одиночества?

Найдутся люди, которые будут нам возражать. Они не признают существование Владельца. Они отрицают, что Иисус воскрес из мертвых. Любое улучшение или восстановление на земле, любая надежда человечества зависят только от самого человечества, говорят они.

Они, может быть, и извлекут определенную пользу из размышлений о печальной судьбе Иудиных владений. В Евангелии говорится, что священники действовали из сострадания, определив Иудино поле, под кладбище для странников (Мф 27: 7). Для современного человека вопрос о начале мессианского века связан прежде всего с этими странниками — именно они находятся в центре его внимания, когда обсуждается воскресение и воцарение Мессии в Иерусалиме. Но если Иисус Христос не считается Сыном Божиим, воскресшим из мертвых, то всяческие надежды на другое воскресение напрасны (1 Кор 15: 12-19), так как, по утверждению ученых, наша планета обречена стать не просто кладбищем, а кремационной печью человеческой расы.

Пятидесятница и день Господний (Деян 2: 1-47)

Если правда то, что Иисус Христос — Сын Владельца

виноградника и, кроме того, наследник вселенной, и если Его на самом деле изгнали из Его собственного виноградника и распяли те, кого Он Сам сотворил, стало быть, то, что случилось во время Пятидесятницы, — невысказанная милость. Было бы правдоподобнее, если бы “языки как бы огненные” сошли в этот день с неба, чтобы уничтожить и поглотить сами камни Иерусалима со всем находившимся в городе. А на самом деле эти огненные языки послужили для того, чтобы объявить убийцам Иисуса, что Он восстал из мертвых и сидит одесную Отца, и убедить их в том, что убитый ими Иисус является Господом и Мессией и что отныне — и это самое невероятное — милость и прощение даны им, как и всему человечеству вместе с невиданным ранее даром новой жизни и новых отношений между Богом и человеком.

Но некогда на землю обрушится огонь совсем иного рода. Отвергнув Сына Божьего и Наследника вселенной, люди увидели, что земля не превратилась в совершенно независимое от внешнего мира жилище, и еще меньше — в неприступную крепость, в стенах которой человечество могло бы укрыться от любого вторжения и вмешательства извне. Люди, конечно, могут воображать себя владельцами мира, но они всего лишь — арендаторы, тогда как у подлинного Владельца есть Свои планы относительно переустройства мира. Он не будет ждать вечно того момента, когда Его Сын и наследник вступит в Свои права и сделает землю такой, какой Он хотел бы ее видеть.

Бог не делает тайны из Своих великих замыслов. Подверженность природы увяданию и разложению — только временное явление: природа в конце концов будет освобождена от того, что сейчас кажется неизбежным, и восстановлена (Рим 8: 20-21). Однако поскольку невозможно и бессмысленно освобождать природу от тления и по-прежнему держать ее в зависимости от грешного бунтующего человека, то сначала наступит то, что в Писании названо “днем Господним”. Этому дню будут предшествовать мировые катаклизмы, и он станет днем сурового суда над всеми нераскаявшимися и упорствующими в своих

заблуждениях арендаторами. Их противостояние будет сломлено.

Первыми о дне Господнем, которому будут предшествовать космические катастрофы, заговорили ветхозаветные пророки. Но и Сам Христос использовал похожие выражения, чтобы описывать события, которые ознаменуют Его возвращение.

“И будут знамения в солнце и луне и звездах; а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится. Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий грядущих на вселенную; ибо силы небесные поколеблются. И тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою”

(Лк 21: 25-27).

И апостол Павел написал, что день Господний совпадет с явлением Иисуса Христа

“...с неба, с Ангелами силы его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа, которые подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его”

(2 Фес 1: 7-9; 2: 1-2).

Кроме того, еще через ветхозаветного пророка Иоила Господь дал обетование, что великому и светлому дню Господнему будут предшествовать целых два события, вселенских по масштабам и по значению. Раз Петр так подробно цитирует это пророчество, мы тоже должны познакомиться с ним, чтобы подготовиться себя к грядущему

“И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери аши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего. И покажу знамения на небе и на земле: кровь и огонь и столпы дыма. Солнце превратится во тьму и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный. И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется...”

(Иоиль 2: 28-32).

Иоиель утверждает, что великому дню Господнему будут предшествовать два события, величественных и ярких, оба они будут вселенскими по своему масштабу, но в то же время столь различными между собой, что почти невозможно представить, что они произойдут одновременно.

Одно из этих событий — это ужасные космические и земные катаклизмы. Какое время они займут, до того как наступит день Господний, он не уточняет, но, очевидно, что эти катаклизмы покажут, как будут развиваться события собственно в этот великий день.

Другое событие, которое будет предшествовать этому великому дню, также нарушит ход обыденной земной жизни, но оно будет совершаться не в физической сфере, а в духовной. Это будет не небывалый поток Божьего праведного гнева, но излияние Божьего Духа, не всемирное разрушение, но всемирное спасение, не знамение ужасов суда Божьего, но предвкушение окончательного восстановления и пожинание его первых плодов⁵.

И именно это славное событие, о котором Петр рассказал изумленным согражданам, и происходило на их глазах на улицах Иерусалима. Иудеи убили Сына Божия и Наследника вселенной, однако Его смерть не только не отменила обетований Святого Духа, но даже облегчила их исполнение. Обетование было адресовано им самим, их детям и всем тем, кого призовет Господь из всех народов (Деян 2: 39). И обетование оставалось в силе. Некоторые уже получили этот милосердный дар. Но и другие могли получить его, получить безвозмездно. Дар этот — не что иное, как Дух Святой. Не просто один из даров, которыми Дух Святой наделяет верных Богу людей, но Сам Дух Святой.

“...покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа”

(Деян 2: 38).

(Обратите внимание на то, что слово “дар” используется здесь в единственном числе. — Прим. авт.). Они убили Сына Божия — он предлагал им Святого Духа. Они распяли

Второе Лицо Святой Троицы — Христос предлагает им

Третье Лицо. Они изгнали Сына Божия из виноградника в надежде самим завладеть Его наследием — Он же приглашает их открыть путь Святому Духу не просто в винограднике, но в сердцах их, чтобы унаследовать жизнь вечную, чтобы стать залогом и гарантией бесконечного и неугасимого наследия.

Этот дар предлагается всему человечеству: “... излию от Духа Моего на всякую плоть”. Во времена Ветхого Завета Святой Духа нисходил на избранных и вдохновлял их на какие-то особые дела, требовавшие либо необычайной силы, либо необычайных умений, а также на великие пророчества. Но таких людей было очень немного. Теперь же дар Святого Духа стал доступен всем без исключения: мужчинам и женщинам, молодым и старым.

Более того, теперь уже не следовало бояться этого великого и светлого дня Господня, со всеми его страшными символами и приговорами. Путь спасения остается тем же самым, что был предречен через пророка Иоиля. И путь этот открыт всем:

“И... всякий, кто призовет имя Господне, спасется...”

(Иоил 2: 32).

Только теперь Бог, чье имя они должны призвать, — это Иисус, Которого они распяли. Бог сделал Его Господом и Христом (Деян 2: 36), а главная цель сошествия Духа состояла в том, чтобы доказать, что это именно так.

Свидетельство Святого Духа о Христе

Каждая деталь дня Пятидесятницы говорит о том, что главной целью сошествия Святого Духа было свидетельство о Господе Иисусе Христе. Об этом и говорится в словах, завершающих проповедь Петра:

“Итак твердо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли”

(Деян 2: 36).

Впрочем, об этом говорило и чудо, которое предшествовало его проповеди и подводило к пониманию проповеди. Это чудо говорения на иных языках.

Живое слово всегда будет важнейшим элементом в свидетельстве о Святом Духе. Конечно, этот Дух дает Апостолам силу время от времени совершать многие знамения и чудеса для подтверждения и пояснения сказанного (Деян 2: 43; 3: 6-10; 4: 29-30; 5: 12-16). Но без устного объяснения этих знамений и чудес никто бы никогда не понял, в чем состояло их значение и о чем они свидетельствовали. Без помощи слова никто бы никогда не уверовал в Иисуса как во Христа, а также не понял бы ни истинных условий, ни истинного содержания спасения, которое стало возможным через Него. Таким образом, слово имеет перво-степенное значение, но, поскольку оно произносится человеком, первое, что необходимо, — это обеспечить его адекватность как средства передачи информации.

Поэтому первое великое чудо Пятидесятницы состояло не в том, чтобы подтвердить что-либо — полномочия вестников или истинность послания, как, например, в случае с чудесным исцелением хромого (Деян 3: 1-10). Оно состояло в самом способе сообщения послания. Решающим для восприятия этого события как чуда было не то, что апостолы возвестили о тайнах Божьих на языках, которых они никогда прежде не знали и совершенно не понимали, но то, что содержание сообщения стало понятно собравшимся и каждый из них слышал его на своем родном языке. Толпы собравшихся людей могли сами видеть, что происходит несомненное чудо, что сообщение, которое им вскоре предстояло услышать, предназначено для них и обращено к ним — из какой бы части света они ни были. Если бы содержание сообщения было передано на языке, которого никто не понимал, все восприняли бы его как тарбарщину; в этом событии увидели бы не чудо, но признак душевного расстройства или чего-либо похуже. Естественно, поэтому, что люди, позднее присоединившиеся к собравшимся, — мы знаем, что толпа все увеличивалась — подумали сперва, что слышат нечленораздельное

бормотание, которое они приписали чрезмерному возлиянию. Однако затем фригийцы, переходя с места на место, вдруг услышали связную фригийскую речь, а поскольку говоривший был, несомненно, галилеянином, не знавшим ни слова по-фригийски (Деян 2: 7), это было чудо, говорившее само за себя. То же самое относилось и к представителям других народов⁶.

Речь, которую апостолы держали на разных языках, была посвящена чудесным делам Божиим (Деян 2: 11). В обычных условиях многие из собравшихся отнесли бы эти рассказы о чудесах на счет религиозного рвения и силы воображения говорящих и не восприняли бы их как беспристрастное изображение событий. Однако сейчас сам способ изложения свидетельствовал о чуде Божьем. На глазах у присутствующих в привычный ход земных явлений вторглась сверхъестественная сила Божья. Что же это всё означало?

Петр стал объяснять, что это значило и вскоре заговорил о недавних чудесных событиях. В продолжение последних трех лет привычный ход земных явлений неоднократно прерывался и даже устремлялся в обратном направлении, когда по всей Палестине Иисус Христос являл в деяниях свою силу, знамения и чудеса (Деян 2: 22). Многие из местных жителей стали непосредственными свидетелями чудесных деяний, а съехавшиеся в Иерусалим на празднование иудейской Пасхи наверняка слышали о них из бесконечных разговоров и споров, происходивших в Храме и в городе перед распятием Иисуса (см., напр.: Ин 11: 56; 12: 9, 17-18). Каждый имел хотя бы отдаленное представление об этих деяниях. Ни одно из них не было нелепым нарушением законов природы, ни одно из них не было проявлением слепой силы, фейерверком сверхъестественной энергии. Каждое событие было деянием милосердия, которое несло жизнь и покой, умственное и физическое восстановление, свободу от страха и рабства, радость, уверенность в себе и удовлетворение. Единственным исключением было проклятие смоковницы, однако это деяние, которое, как известно, никому не нанесло вреда, содержало

в себе важный духовный урок. Сила, исходившая от Иисуса Христа, вторгаясь в естественный ход событий, не была враждебной по отношению к природе мира сего. Его чудесные деяния исходили не просто от некоего божества, но от Бога: от Того, Кто, не принадлежа материальному миру, является по отношению к нему не посторонним, но Хозяином⁷⁷.

Попытка политической и религиозной верхушки Израиля представить чудеса Иисуса как обман, совершаемый сатанинскими силами, была совершенно абсурдной (Лк 11: 14-20). Эти чудеса были не только проявлением сверхъестественной силы: они были знаками величия, любви, милосердия и сострадания Божьего. Чудеса физического насыщения, избавления и излечения были и символами духовного спасения, которое Господь предлагает людям как Спаситель мира, ибо не могут они спастись своими человеческими силами. Вся жизнь Иисуса представляла собой канал постоянного проникновения божественной сверхъестественной силы, приносящей спасительную благодать в наш падший, разрушенный, грешный мир. Что могло свидетельствовать о большем милосердии, чем то, что Бог, вручив Израилю Своего Сына, отправил Его на Землю как истинного Мессию и Царя?

И тем не менее народ его отверг и послал на казнь. Петр не желает смягчать красок, описывая это преступление:

“Сего, по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздивши руками беззаконных, убили”

(Деян 2: 23).

Почему же они это сделали? Высшее духовенство пошло на это преступление из соображений безопасности, утверждая, что деятельность Иисуса подрывает существующий государственный порядок. Римский прокуратор Пилат признал это обвинение несостоятельным, а тетрарх Ирод Антипа отказался принять его всерьёз (Лк 23: 11-15). Правда же состояла в том, что учение Иисуса, Его проповеди и деятельность подрывали духовную власть религиозной верхушки, а также ставили под сомнение законность ее

финансового могущества, которое основывалось на существовании храма.

Некоторые из фарисеев пошли на это из соображений безопасности иного рода. Своим неустанным трудом они заработали себе высокую репутацию, так что их почитали едва ли не святыми.

Иисус же заявил, что во многом их святость поверхностна, то есть является лишь суррогатом истинной святости, завеса, скрывающая нравственное разложение, потому что показная святость сочеталась с бессердечной жестокостью и потому, что их поведение представляло собой замаскированное неповиновение слову Божьему, основываясь на искаженном представлении о сущности Божьей (Лк 6: 6-11; 11: 14-12: 12; 13: 10-17; 14: 1-6; 20: 45-47).

Слова Иисуса ущемляли их ложное чувство собственного духовного превосходства и основанную на этом тщетную уверенность в принятии Богом. Кроме того, эти слова грозили подорвать их высокую репутацию в народе.

Что касается простого народа, он радовался чуду насыщения хлебом и рыбой нескольких тысяч человек, и если бы, без конца устраивая благотворительные трапезы, Иисус согласился стать их Царем, народ поддержал бы Его. Однако людей не интересовал духовный смысл чудесных явлений, не занимал вопрос, кем был Иисус на самом деле. Воплощенный Хлеб Жизни, сошедший с неба для того, чтобы установить вечный союз между Богом и человеком, их не интересовал (Ин, глава 6). Они считали, что человек может жить лишь хлебом насущным, и в конце концов уверились, что какой-нибудь политический лидер, вроде Вараввы, будет лучше отстаивать их интересы.

Таким образом, все они вместе и каждый в отдельности по разным причинам пришли к убеждению, что Иисус им помеха и без него станет жить лучше и безопаснее. И вот они открыли врата смерти и, вытолкнув Иисуса, поспешно их захлопнули.

“Но Бог воскресил Его”

(Деян 2: 24).

При этом Господь не вернул Его прежним путем: он

упразднил для Него сами врата смерти. Всем предстояло понять, что смерть не столь неприступна, какой она казалась. Вот почему Бог позволил этому произойти. Более того, в каком-то смысле Он даже преопределил это: “Сего [Иисуса из Назарета], по определенному совету и предвещению Божию преданного...”, — говорит Петр (Деян 2: 23).

Разумеется, это никак не оправдывает их преступления, совершенного безо всякого принуждения. Люди совершили его, даже не подозревая, что в итоге оно лишь подтвердит, что Иисус — Сын Божий.

Но возникает следующий вопрос: если Иисус действительно Сын Божий, то почему Отец не вмешался посредством какого-нибудь впечатляющего чуда, дабы избавить Сына от смерти и таким образом окончательно утвердить Его права? Ответ становится ясным из последующих событий. В Иисусе Бог вознамерился продемонстрировать не только Израилю, но и всему человечеству основополагающий принцип Вселенной: смерть не является постоянным, нерушимым и необратимым законом природы. Смерть не означает ни окончательного поражения добра, ни неколебимого торжества зла. Саддукеи не верили в воскресение, они учили, что смерть является концом всего сущего. Поэтому Бог намеренно позволил саддукеям прибегнуть к их самому грозному оружию. Однако Он сломал его в их руках. Они отдали Иисуса на казнь, Бог же воскресил Его из мертвых (Деян 2: 24).

Итак, народу, не внявшему смыслу предшествующих чудесных событий, было явлено самое убедительное доказательство и деяние: благая весть. Благодать Иисуса Христа, скажет впоследствии апостол Павел, открылась

“...явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление чрез благовестие...”

(2 Тим 1: 10).

Здесь подразумевается не жизнь после смерти, но жизнь и бессмертие. Бог дал Ему возможность познать путь жизни и исполнил Его радостью перед лицом Своим (Деян 2: 28).

Воскресение Христа изменило лик вселенной. Смерть

теперь не только не является необратимым процессом, она не является и неизбежной. Более того, если ее власть была нарушена, уничтожена и отменена по отношению к одному человеку, Иисусу Христу, то же может произойти при определенных условиях и со всеми нами.

“Ибо как смерть чрез человека, так чрез человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут”

(1 Кор 15: 21-22).

Свидетельство Священного Писания о воскресении и прославлении Христа

Сила убеждения рассматриваемой нами проповеди Петра до сих пор исходила непосредственно от Святого Духа, говорившего через апостола. Теперь же Святой Дух повелевает Петру обратиться к другому непререкаемо авторитетному источнику: письменному Слову Божию. Оба этих источника необходимы для действенного свидетельства. Более того, обращаясь к Священному Писанию, Петр, как хороший проповедник, заранее отвечает на возражение, уже возникающее в умах слушателей: “Что это за неслыханная, невероятная, совершенно неправдоподобная история об Иисусе, который якобы воскрес из мертвых?”

“Не такая уж она неслыханная и невероятная, — отвечает апостол. — Уже в Псалме 15 Бог через Царя Давида изрекает пророчество о том, что тело Мессии не останется в гробу для тления. Господь воскресит Его из мертвых. Каждый, имеющий уши, мог услышать. Поскольку же это пророчество исходит от Господа, Мессия никак не может остаться в объятиях смерти. Итак, Иисус, Которого вы распяли, и есть обещанный Мессия, и Бог, как записано в пророчестве, воскресил Его из мертвых”.

“Но ведь, — возражают апостолу, — в Псалме 15 Давид, как известно, говорит о самом себе и выражает уверенность, что Бог не даст ему умереть. Почему вы говорите, что здесь подразумевается не Давид, а Мессия?”

“По одной простой причине, — отвечает Петр. — Если

бы царь Давид говорил здесь о себе самом, его уверенность оказалась бы несостоятельной. Он умер — значит его душа отправилась в ад (Hades), он погребен — следовательно его тело было положено в гроб. И Бог оставил его там.

Вот его гробница. Уберите камень и сами в этом убедитесь. В то же время гробница Иисуса пуста. Следовательно, Давид имел в виду не себя, а Мессию”⁸.

“И все-таки, откуда такая уверенность, что Давид говорит именно о Мессии?”

“По целому ряду причин. Во-первых, Давид был не только царем, но также и пророком (Деян 2: 30). Пророки же обычно предсказывали будущее. Во-вторых, о ком еще может говорить Давид, как не о своем прославленном потомке, о Самом Мессии? И в-третьих, ему дано было обетование, подтвержденное клятвой Самого Бога, что потомство его будет пребывать на престоле вечно (Пс 131: 11). Поэтому вполне естественно, что Святой Дух вдохновил Давида пророчествовать о том, что во исполнение Своего обещания Господь вызовет Мессию из гробницы и навечно отдаст ему царский престол. Во всяком случае, это гораздо более вероятно, чем представить себе, что в этом боговдохновенном псалме Давид говорит лишь о себе самом, и то, преувеличивая, имея в виду какое-то незначительное избавление в своей жизни, которая все равно закончилась смертью”.

Такова, по словам Петра, первая причина, по которой Иисус никак не мог оставаться в объятиях смерти: обетование Господа, приведенное в Священном Писании, непременно должно было исполниться.

Иисус из Назарета и абсолютная жизненная стабильность

Но существует и другая причина, которая выясняется при прочтении всего отрывка из Псалма 15, приводимого апостолом Петром. Возможно, сам апостол не собирался развивать эту мысль в связи с приведенным местом. Однако для нас такого ограничения не существует и мы вольны размышлять над смыслом и логикой отрывка в целом.

Вот он:

“...видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался; От того возрадовалось сердце мое, и возвеселился язык мой; даже и плоть моя упокоится в уповании, ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тления. Ты дал мне познать путь жизни; Ты исполнишь меня радостью пред лицом Твоим”

(Пс 15: 8-11, приведенный в Деян 2: 25-28).

Самое поразительное в этом пророчестве — то, что оно не просто повествует о Мессии, но как бы говорит от имени самого Мессии. Здесь не просто утверждается, что после смерти и погребения Бог вмешается, чтобы воскресить Его. Отрывок представляет собой речь Мессии, вступившего в поединок со смертью. Мессия раскрывает таинство родства с Богом, отменившим власть смерти над ним. Непоколебимый и глубоко сосредоточенный на Боге в Своей любви, душевной энергии, разуме и телесной мощи, Мессия вечно смотрит на Бога с безусловным послушанием и восторгом. Он и есть Святой Бога, абсолютно преданный Отцу и совершенно безгрешный. Он всегда видит Господа одесную, чтобы не поколебаться⁹. Поддержка эта придает Ему твердую решимость, которую не могут разрушить ни сопротивление, ни преследования, ни даже дыхание самой смерти. Его вера в Бога такова, что даже предсмертные муки и одиночество на Голгофе не могут ее перечеркнуть и уничтожить. Подчинение воле Божьей было столь полным, что Господу не оставалось ничего другого, как утвердить эту веру, воскресив Иисуса из мертвых. Как сказал затем автор Послания к Евреям:

“Он во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления могущему спасти Его от смерти. и услышан был за Свое благоговение”

(Евр 5: 7).

Бог перестал бы быть нравственным, если бы отверг такую веру, Он оказался бы вероломным, если бы предал такую безупречную любовь и такое послушание на смерть, распад и разложение. Иисус покорно преклонил голову

перед смертью именно потому, что имел неколебимую уверенность в Боге, на Его устах была благодарственная молитва, плоть же Его пребывала в покое, безопасности и несомненной надежде на то, что Бог откроет Ему путь жизни и исполнит Его вечной радости “пред лицом” Своим.

И Бог воскресил Его из мертвых, показав тем самым, что абсолютная стабильность человечества заключено не только и не столько в физических законах, обеспечивающих существование вселенной, сколько в нравственной сущности Бога-Творца, который является движущей силой всех этих процессов и который управляет ими. Если бы Господь отдал тело Иисуса, чья безгрешная жизнь прошла в непоколебимой преданности Богу и в нерушимом единстве с вечным Творцом, во власть смерти и разложения, то вселенная потеряла бы абсолютную стабильность, и не только небо и земля, но и каждое разумное, нравственное и духовное творение в конечном итоге было бы обречено на распад, так что не осталось бы решительно никакой надежды на существование духовного рая. Воскресение Христа убеждает нас, что подобные опасения напрасны. Господь — это справедливость, верность и истина. Моральный закон остается неизменным основанием жизни.

Таким образом, смерти не удалось удержать Иисуса в своих объятиях: Бог воскресил Его из мертвых. И история подтверждает то, что вытекает из природы Бога: “Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели” (Деян 2: 32), — замечает Петр, и в тот момент, когда он это говорит, слово “все” относится по крайней мере к ста двадцати ученикам¹⁰.

Возвеличение Иисуса и проявление Его божественности

“Но если Иисус и в самом деле восстал из мертвых, почему бы не привести Его сюда и не показать нам, чтобы раз и навсегда убедить всех?”

Легко представить, что кто-то из собравшихся перебивает Петра для того, чтобы задать этот вопрос. Но даже если никто из них на это не отважился, пусть нам простят, если мы это сделаем сами.

Ответ, конечно же, в том, что сказал Петр далее. Свидетельство христиан заключается не только в том, что Иисус из Назарета воскрес из мертвых, но и в том, что по Своем воскресении Он был возвеличен. Прежде всего Иисус был возвеличен физически и телесно: тем, что воссел одесную Бога, предстал перед лицом Божиим. И, во-вторых, он возвеличен тем, что Бог нарек его Господом и Мессией, предоставив ему такое место во вселенной, которое подобает Господу и Христу. Само место и положение утверждают Иисуса в этом качестве. Как ничто другое это может вызвать удивление — Дух Божий сошел на землю для свидетельства! “Сей Иисус, Которого вы распяли” (Деян 2: 36), — не только Мессия, но и Господь в полном смысле этого слова: Он — воплощенный Яхве.

Его возвеличение доказывалось не возможностью появления перед собравшимися (да, и могло ли это свидетельствовать о том, что Он *возвеличен?*), но тем, что именно Он был единственной причиной сошествия Святого Духа, чему все были непосредственными свидетелями.

Теперь Петр возвращается к тому, с чего начал свою проповедь. Сначала он объяснил людям, что чудо, которое произошло у них на глазах, было обещанным сошествием Святого Духа. Но это неизбежно вызывало вопрос: “Почему именно сейчас? Почему после стольких веков ожидания обетованный Дух Святой сошел в этот праздник Пятидесятницы?” Ответ гласит: “Благодаря Иисусу”. И не только потому, что сошествие последовало за смертью, воскресением и возвеличением Иисуса, дабы привлечь к Нему внимание, но и потому, что Он после Своего возвеличения стал источником излияния Святого Духа. Как единственный безгрешный Человек во всей истории человечества Он принес людям высший дар, получив его от Отца вместе с правом наделять этим даром людей по своему желанию. Наличие этого дара свидетельствует не только о Его безгрешной жизни — его смысл гораздо глубже. Святой Дух — вовсе не сотворенная сила, которой управляет более совершенное, сотворенное существо. Святой Дух — несотворенная божественная личность. Ни один человек,

даже безгрешный, не может даровать Его кому-либо. Если Иисус Христос излил Святого Духа — а так оно и было в действительности — то весь дом Израиля мог окончательно убедиться в том, что Иисус из Назарета не только Мессия: Он сам воплощенный Бог.

Однако если все это вытекает из возвеличения Иисуса, то как евреи, воспитанные на монотеизме Ветхого Завета, могут уверовать в такие идеи, не отрекшись от того, чему их учили с детства?

“Очень просто, — снова отвечает Петр на этот незаданный вопрос. — Сам Ветхий Завет учит о возвеличении Мессии в подобных же выражениях. В Псалме 109 Давид говорит:

“Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих”

(Пс 109: 1).

Очевидно, что Давид не имеет здесь в виду самого себя: Давид не может быть самому себе Богом, которого Яхве приглашает воссесть по свою правую руку. Давид также никогда не был вознесен на небо, повторяет Петр. Он имеет в виду своего Господа, то есть Мессию.

Однако самый факт, что Бог должен был призвать Давидова Господа воссесть одесную Него, со всей очевидностью говорит о том, что было время, когда Мессия не сидел на уготованном Ему месте, и Он должен был быть возвышен до него. С другой же стороны, какому обычному существу могло быть предложено место, достойное Бога? В упомянутом отрывке из Псалма 109, таким образом, была предсказана великая истина, таинственный смысл которой полностью открылся позднее, когда Иисус Христос

“...будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус

Христос в славу Бога Отца”

(Флип 2: 6-11).

Возвеличение Иисуса и проблема зла

Возможно, среди собравшихся были сомневающиеся, выдвигавшие следующее серьезное возражение: если Иисус и в самом деле Царь Мессия, где же доказательство существования Его Царства? Когда же положит Он конец существованию зла на земле? А если он до сих пор не нашел разрешения проблемы зла, какой же тогда он Мессия? Этот вопрос звучит для современного человека еще острее, чем для свидетелей чуда в тот день Пятидесятницы. Прошло почти две тысячи лет со дня возвеличения Иисуса. Однако откуда следует, что Он, по крайней мере, пытался решить проблему зла? Люди XX века стали свидетелями гитлеровских концлагерей, сталинских репрессий, полей мертвых в Кампучии и тысяч других злодеяний — такого расцвета зла, какого не было, вероятно, никогда раньше. Очевидно, что Иисус не пытался остановить зло. Как же после этого можно верить в то, что Он и Бог, и Мессия?

И снова мы находим ответ в упомянутом псалме. Бог и не предполагал того, что Мессия сразу же после Своего возвеличения приступит к уничтожению зла. Бог сказал: “Сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих”. Возвеличение Мессии от покорения Его врагов должно быть отделено интервалом, в течение которого Он будет восседать одесную Бога в ожидании срока Своего второго пришествия. И только тогда Его враги падут в подножие ног Его.

То, что об этом интервале сообщается в Священном Писании, — огромная милость для нас, но в еще большей степени для тех, кто внимал тогда словам апостола Петра. Они распяли воплощенного Бога, которому теперь дана была высшая власть над вселенной. А что если бы Он приступил к уничтожению зла сразу же? Как сказал Петр, пришли уже последние дни. Скоро произойдут космические катаклизмы, после которых наступит великий и славный день Господень, заря грядущего мессианского века. Возбла-

годарим же Господа за тот интервал, который Он нам дал.

Окончательное подтверждение

Выслушав эту часть проповеди Петра, около трех тысяч собравшихся “умилились сердцем” (Деян 2: 37) и в тревоге спрашивали апостолов, что им теперь делать. Ответ Петра был действительно благой вестью для палачей Иисуса: дар Святого Духа, обретенный Человеком, Которого они распяли, может стать и их достоянием. Им не нужно будет более опасаться Божьего гнева, который проявится в природных катаклизмах, кровопролитии, огне и клубах дыма, хотя эти предсказанные потрясения непременно наступят. Люди будут навсегда избавлены от вынесенного им обвинительного приговора в день Господень. Вместо приговора они могут испытать Его благодать в прощении и спасении. Им нужно только с подлинным раскаянием признать Иисуса Господом, о котором говорит пророк Иоиль, и обратиться к Нему.

И тогда он даст им (и всем остальным призывающим его евреям или язычникам) обетованный дар Духа Святого, по получении же Духа Святого они будут иметь окончательное подтверждение воскресения и вознесения Иисуса, — подтверждение через личный опыт. И тогда они сами, совершенно того не заслужив, но удостоившись этой чести по заслугам Иисуса, смогут обрести непоколебимое основание своей жизни, несмотря на изменчивость и разложение, которому подвержен мир вокруг них. Это основание возможно благодаря личной связи с Богом, устанавливаемой бессмертным Духом Живого Бога, который они получают здесь и сейчас, и который не покинет их и в загробном мире. И они тоже смогут сказать:

“Он одесную меня, дабы я не поколебался”

(Деян 2: 25).

Этот дар, разумеется, связан с рядом условий. Во-первых, необходимо получить прощение грехов. Принятие Духа Святого знаменует собой глубоко личный союз между человеком и Святым Богом: оба начинают жить одной

жизнью. Такие отношения не могут иметь места там, где нет честного осознания греха и вины, а также полного освобождения от этого бремени.

Следовательно, поскольку слушателей Петра ожидало прощение, им предстояло покаяться, и не только в грехах вообще, но и в конкретном грехе: во лжи и неповиновении Иисусу Христу и посланному Его Отцу. Более того, покаяние должно быть подлинным и проявляться в поступках. Оно не может быть коллективным, но только индивидуальным и должно выражаться не в одних лишь словах, но и в делах:

“покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, — и получите дар Святого Духа”

(Деян 2: 38).

Два обстоятельства смущало некоторых людей в условиях Петра. Во-первых, почему не указана необходимость веры, как в других случаях (напр., Деян 10: 43; 13: 39; 16: 31; 20: 21)? Ответ, очевидно, заключается в том, что люди, к которым обращался апостол, уже уверовали в Иисуса как в Господа и Христа. Если бы они не веровали, то и не спрашивали бы у апостолов, что им теперь делать.

Во-вторых, как мог Петр утверждать, что для получения прощения и дара Духа Святого надо сперва креститься? Разве это не противоречит сказанному в другом месте (напр., Деян 10: 44-48) о том, что сначала надо уверовать, потом получить прощение и дар Духа Святого, а затем уже креститься? Не может ли порядок, на который указывает апостол, повлечь за собой ошибочное мнение о том, что прощение и дар Святого Духа как бы *гарантируются* обрядом крещения, а не основываются исключительно на вере?

Ответ связан с тем положением, в котором находились собравшиеся. Многие из них несколько недель назад были в городе и криками высказались за распятие Иисуса. Теперь же они утверждали, что покаются. Однако Петр не мог принимать этих слов на веру. Не хотел этого и сам Бог. Подобно Иоанну Крестителю, Петр потребовал от присутствующих, чтобы те сотворили “достойные плоды пока-

нения” (Лк 3: 8). Во всеуслышание они говорили о том, что Иисуса следует предать смерти, теперь же, если они действительно раскаиваются, пусть докажут это также всенародно, крестившись во имя Иисуса. Они должны были обособиться от “рода сего развращенного” (Деян 2: 40). Нельзя заявлять о своем раскаянии в смерти Иисуса, по-прежнему находясь в рядах Его убийц. Они должны были осудить свои прежние взгляды и позицию и притом сделать это всенародно, так же как они отстаивали их ранее. Если же они были не готовы к этому, то и Бог не мог принять покаяние всерьез, а без покаяния не может быть и прощения.

Новая община Мессии

Итак, воспринявшие благовестие Петра были крещены, повествует Лука. Но это было не всё. Они не только навсегда обособились от тех, кто по-прежнему соглашался с распятием Иисуса: они стали также членами новой общины, образовавшейся в Иерусалиме, общины верующих в Иисуса. В этом случае нельзя было занимать нейтральную позицию. Если вы веровали в то, что Иисус является Мессией, надо было присоединиться к апостолам, стать их учеником, участвовать вместе с другими верующими в хлебопреломлении в знак того, что Иисус умер за наши грехи, и в знак единства верующих в Господе Иисусе, а также принимать постоянное участие в общинных богослужениях.

То, что апостолы продолжали совершать чудеса, не только принесло им уважение народа, но и знаменовало собой рождение новой общины верующих по мере того, как они ежедневно, на виду у всех, встречались в храме и вокруг них собиралась все увеличивавшаяся группа обращенных. Когда же сразу уверовало около трех тысяч человек, многие из которых, как было сказано в начале главы, были приезжими, расходы на содержание верующих резко увеличились. Средства местных верующих оказались на пределе. Во имя вновь обретенной любви и верности Богу эти люди отдавали свои доходы в общий котел и продавали свою собственность, если это было нужно, что-

бы кому-то помочь.

Так на иерусалимской земле родилась община, о которой Иисус сказал, что “врата ада не одолеют ее” (Мф 16: 18). Отличительной чертой этой новой общины было само основание, на котором она была воздвигнута: а именно, убеждение в том, что восставший из мертвых Иисус является Господом и Христом.

Примечания

¹ О первом очищении Храма Иисусом см.: Ин 2: 13-22, в особенности стих 22; о втором очищении см.: Лк 19: 45-48, С. Blomberg, *THE HISTORICAL RELIABILITY OF THE GOSPELS* (Leicester: IVP, 1987), pp. 171-3 [Бломберг. Евангелие как исторический источник]. Автор перечисляет шесть серьезных причин, говорящих в пользу того, что Христос дважды очистил иерусалимский храм, первый раз — в начале и второй раз — в конце своего земного служения.

² В древнееврейском тексте Ветхого Завета к разделу Пророков относятся исторические книги (Книга Иисуса Навина, Книга Судей Израилевых, Первая и Вторая книги Пророка Самуила, Первая и Вторая книги Царств (в русском издании четверем последним книгам соответствует Первая, Вторая, Третья и Четвертая книги Царств), а также великие и малые пророки.

³ Сравните с ролью “сатаны” в сцене суда у пророка Захарии (Зах 3: 1-5).

⁴ Финансовые злоупотребления в христианской общине от первых веков до наших дней намного превосходили аналогичные злоупотребления в обществе иудаистском.

⁵ Обратим внимание на то, что пророк Иоиль нигде не указывает, сколько времени пройдет между сошествием Духа Божьего на все сотворенное и космическими катастрофами; в его пророчестве второе явление следует за первым безо всякого упоминания о каком-либо временном промежутке между ними. Пророк перечисляет оба события вместе, одно за другим, только потому, что оба события предваряют “великий и славный день Господень”, свидетельствуя об окончании “плена” Израиля и полном восстановлении последнего. (Иоил 3: 1, 18-21). Сравните приведенное место со следующим отрывком из пророка Исаии, где упомянуты одно за другим

“лето Господне благоприятное” и “день мщения Бога нашего” (Ис 61: 2) без указания на временной интервал между ними. И в то же время наш Господь объявил о том, что первое из этих событий, то есть, “лето Господне благоприятное” исполнилось в Его время, а второе — нет, причем Он так и не уточнил, когда же оно исполнится (Лк 4: 19-21).

⁶ Согласно некоторым толкованиям, Деян 2: 8 (“Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились...”) означает, что апостолы говорили на своем исконном арамейском языке, а чудо заключалось в том, что слушатели воспринимали эти слова каждый на своем наречии, то есть без перевода. Однако в Деян 2: 4 ясно сказано, что апостолы “начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать”, причем это произошло *до того, как собрался народ*. Чудо произошло с говорящими, а не со слушающими, и смысл его состоял в том, чтобы явить сошествие Духа Святого на апостолов, а вовсе не на слушателей.

⁷ C. S. Lewis, *GOD IN THE DOCK, Miracles* (London: Collins Fount, 1979), p. 20 [К. Льюис. Бог на скамье подсудимых, глава “Чудеса”].

⁸ Словосочетание “оставить... в аде” (abandon to Hades) может вне контекста описывать два несколько различных действия. Можно сказать о взбунтовавшейся команде корабля, что она оставила своего капитана на необитаемом острове в Тихом океане, если она выдворила его с корабля, высадила его на берег и оставила его там. В этом случае словосочетание “не оставленный на необитаемом острове” будет означать, “не высаженный на острове”. Но если проходящий мимо острова корабль найдет капитана на острове, но откажется взять его с собой и уплывет, тогда “оставленный на острове” не будет означать, что капитана на него высадили, а будет означать, что его не взяли с собой.

Выражение “оставить... в аде” в Пс 15: 10 может в связи с Давидом подразумевать только первое значение. Но значение это вряд ли согласуется с контекстом псалма, так как прямо противоположное “быть оставленному в аде” является путем жизни, который ведет в присутствие Божие, дает “полноту радостей”, так как именно здесь, одесную Господа, становится доступным “блаженство... *вовек*”. Попытка связать эти выражения с какими-то эпизодами из жизни Давида (например, с тем, что он пережил какую-то опасность и затем смог, вернув-

шись к нормальной жизни, наслаждаться присутствием Божиим, находясь в скинии) было бы серьезным искажением значения этих выражений.

Начальник жизни и восстановление природы (Деян 3: 1-4: 4)

За чудом, которое произошло в день Пятидесятницы, в ближайшие же недели последовали многие другие чудесные события, но лишь одно из них описывается подробно. Столь важное значение придается этому событию, вероятно, потому, что оно завершает благовестие, начатое апостолами в день Пятидесятницы. Чудо говорения на разных языках подтвердило свидетельство апостолов о том, что Иисус из Назарета восстал из мертвых, однако проповедь Петра не давала однозначного ответа на вопрос о возможности воскрешения других людей (хотя и содержала на это намек). Покаявшимся предлагалось прощение и дар Святого Духа, то есть чисто духовные дары, обретаемые вслед за покаянием. Этими дарами верующие будут пользоваться уже в этой жизни, здесь и сейчас. При этом ничего не говорилось о каких-либо будущих дарах физического свойства.

Впрочем, в этой части благовестия, которую мы сейчас рассмотрим, будет сказано, во-первых, о полном физическом исцелении хромого от рождения человека и, во-вторых, о связи воскресения и прославления Христа с надеждой на всеобщее восстановление.

Проблема врожденных пороков

Однажды в час молитвы апостолы Петр и Иоанн отправились в храм и по дороге увидели хромого, сидящего у ворот храма. Человек этот был хромым от рождения, и его друзья каждый день приносили его ко вратам храма просить милостыню. У него было выгодное место. Молитва, обращенная к любящему и сострадающему Творцу, как правило, смягчала сердца людей, в особенности евреев,

побуждая проявлять любовь и сострадание по отношению к увечным — во всяком случае, в гораздо большей степени, чем религиозные и философские учения, рассматривавшие страдание как заслуженную и неизбежную карму пострадавшего.

Хромой попросил апостолов, чтобы они подали ему милостыню, однако на этот раз у них не оказалось денег. Разумеется, если бы у них были деньги, они бы с радостью поделились ими с нищим, — так же должны поступать и мы в аналогичных обстоятельствах. Но любая милостыня, а также любовь и забота, предложенная во имя страдающего Творца, могла бы в лучшем случае облегчить, но отнюдь не устранить тяготы и лишения хромого. Вид увечного от рождения человека сам по себе довольно печален, тому же, кто верует в любящего Творца, вид калеки, беспомощно сидящего на пороге храма Божьего, напоминал об одном мучительно остром вопросе. В самом деле, если действительно существует всемогущий и любящий всех Творец, как же допускает он существование увечных от рождения людей? Почему в мире есть умственно или физически неполноценные люди, которые нуждаются в сострадании других?

Благочестивые и верующие люди удовлетворяются тем ответом на этот вопрос, который содержится в Библии, а именно: духовная, умственная и физическая ущербность человеческого рода — следствие грехопадения; и даже в таком, пусть и неполном, виде это более благородное и утешительное объяснение, нежели мрачная теория, учащая, что мы имеем дело с единственно возможным результатом действия безличных и слепых сил, случайно производящих из косной материи одушевленные существа, обреченные в конце концов на бессмысленное уничтожение теми же слепыми безличными силами. Но даже если мы примем ту точку зрения, что ущербность человеческой природы является следствием имевшего место восстания человечества против своего Творца, в сердце продолжают бушевать неразрешенные вопросы. Разве до Создателя не доходят стоны увечной твари? А если так, неужели Он

ничего не может сделать для этой твари, кроме как призывать нас проявлять заботу и сострадание? И если он действительно бессилен что-либо предпринять, как же мы, пока еще наслаждающиеся здоровьем, можем молить Его в храме о любви и сострадании? Разве жалобы и стоны увечных за воротами храма не заглушают наших молитв?

Даже если все христиане в мире отдадут все свои деньги и станут работать, не покладая рук, ради облегчения страданий несчастных, это все же не будет исчерпывающим ответом на такого рода вопросы. Если бы весь смысл благовестия перед лицом мировых скорбей заключался в том, что мы должны вести себя как добрые самаряне и делать все от нас зависящее, чтобы помочь друг другу, то наше Евангелие заслуживало бы не благодарности людей, а в лучшем случае сожаления, если не презрения. У христианства должен быть лучший ответ, если оно хочет достоверно говорить от имени всемогущего и любящего всякое творение Создателя. Разумеется, такой ответ у христианства есть.

Поскольку у апостолов не было с собой денег, Петр дал хромому то, что имел. Именем Иисуса Христа Назорея он совершил чудо, полностью исцелив несчастного человека. Естественно, тот пришел от радости в совершенный восторг и вслед за апостолами вступил во двор храма, “ходя и скача, и хваля Бога”. Все это, конечно, не могло не вызвать радости, но мы, читая эту историю, не получаем ответа на наш вопрос. Более того, она его усложняет. Если воскресший Христос действительно наделил апостолов способностью совершать порой подобные чудеса — а я в этом ничуть не сомневаюсь — почему же Он не повелел, чтобы его ученики оставили все дела и занялись исключительно исцелением, чтобы избавить страну от всех болезней? Лука отмечает ниже (Деян 5: 12-16), что апостолы излечили всех больных, которых приносили им из Иерусалима и окрестностей. Отчего же Христос не отпустил им еще лет двадцать для того, чтобы излечить всех больных Римской империи? Столь великое деяние, несомненно, заслужило бы упоминания во всех светских сочинениях по истории христианства!

Между тем мы не располагаем никакими данным о том, чтобы апостолы предпринимали такие попытки.

И, разумеется, люди, столпившиеся во дворе Иерусалимского храма, в особенности же те, кто знал хромого, увидев, что произошло чудо, отправились вслед за апостолами, пытаясь понять, что произошло.

Вероятно, вид бывшего хромого, который ходил, скакал и славил Бога, глубоко их задел. Они посещали синагогу с детства и каждую субботу слушали чтение закона пророков (Деян 13: 27). Пророки довольно часто прибегают к языку поэтических метафор, повествуя о приближении мессианского века. Возьмем для примера следующий отрывок из пророка Исаии:

*“Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся.
Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет
петь”*

(Ис 35: 5-6).

Разумеется, скептики и атеисты отрицали подобную возможность как несбыточную фантазию. Однако истинно верующие в Израиле верили в это обетование. Простодушные люди воспринимали его буквально, более искушенные видели здесь поэтическую метафору. И те, и другие находили в отрывке несказанное утешение и надежду, так же, как тысячи иудаистов (и христиан) на протяжении всех этих горьких веков и до сего дня.

Но что же все-таки произошло? Хромой скачет! Неужели это начало мессианского века? Обетования пророков исполняются у них на глазах? И вот так буквально?

Ответ Петра устраняет все сомнения: нет, это еще не начало мессианского века. В день Пятидесятницы Петр привел собравшимся отрывок из пророка Иоила, откуда следовало, что ныне наступили последние дни текущего века (Деян 2: 17). Заря грядущего, мессианского века еще не занялась. Чтобы покончить с последними сомнениями, в конце своей новой проповеди апостол говорит, что мессианский век всеобщего восстановления не наступит до тех пор, пока не вернется Мессия (Деян 3: 20-21).

Совершенное ныне чудо, подобно многим чудесным

деяниям, сотворенным Самим Господом, является лишь знаменем, заранее указывающим на наступление грядущего века, образцом предстоящего всеобщего восстановления, проявлением “сил будущего века” (Евр 6: 5). Это было внушительным свидетельством в пользу того, что мессианский век однажды наступит. Однако с еще большей настойчивостью вставал вопрос: почему не сейчас? Если у Петра и Иоанна хватило сил исцелить одного хромого, то почему не исцелить всех калек? Разве хорошо с нравственной точки зрения, не говоря уже о христианской, располагать такой властью и не воспользоваться ею для облегчения страданий всего человечества? Пусть апостол Петр сам даст необходимые объяснения.

Совершенная цельность и Начальник жизни

Сначала апостол упрекнул собравшихся уже за то, что те удивились происшедшему (“*мужи Израильские! что дивитесь сему?*”), а также и за то, что они подумали, будто апостолы совершили исцеление благодаря своей собственной силе или набожности (Деян 3: 12).

Тогда (как, впрочем, и сейчас) бытовало представление, что праведники, ведущие святую жизнь и занимающиеся духовным совершенствованием, приобретают особое благочестие, которое позволяет им совершать чудеса. Идея эта время от времени принимала гротескные формы как в иудаизме, так и в христианстве. Но она не имела ничего общего с истинной верой. Это вполне языческий взгляд. Какие бы чудеса ни совершали христиане, они были не более, чем орудием в руках воскресшего Бога, прибегавшего к их помощи там и тогда, когда Ему было угодно. Ни один истинный христианин никогда не совершил и не полагает, что может совершить чудо с помощью силы, обретенной личными заслугами, ни один истинный христианин никогда не совершал чуда с помощью некоей врожденной, якобы независимой силы, позволяющей ему совершать чудеса, когда заблагорассудится, заранее оповещая о том, что он намерен совершить. Скорее это при-
суще адептам парапсихологии.

Во всяком случае, после всех проповедей со дня Пятидесятницы и после всех совершенных чудес у окружающих не было оснований дивиться новому чуду или гадать о его происхождении. В глубине души они и так знали то, что Петр собирался им сказать. Однако в их да и в наших интересах следовало снова объяснить собравшимся все неразумие и порочность их недавнего злодеяния. И когда Петр закончит свою новую проповедь, станет совершенно ясно, почему наш мир еще далеко не рай, а также почему до сих пор еще не пришел черед мессианского века и всеобщего восстановления.

Итак, Петр приступил к объяснениям:

“Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса...”

(Деян 3: 13).

Такое начало выдает в нем хорошего оратора. Петр сознательно напоминает слушателям о факте, имеющем огромное историческое значение — об уникальности существования Израиля среди других народов. Сначала апостол упоминает Авраама как родоначальника и главу еврейского народа, затем — патриархов (Деян 3: 13, 25), приводит пророчества Исаии о Рабе Божьем, ссылается на многих пророков (Деян 3: 18, 21, 24, 25), особо выделяя Самуила (Деян 3: 24) и Моисея (Деян 3: 22), и в конце снова возвращается к Аврааму и к его обетованному семени, а также к Сыну Божьему (Деян 3: 25-26).

Какая блестящая вереница имен! В истории никакого другого народа нет ничего подобного. Значение упомянутых исторических личностей невозможно переоценить. С ними связана первая ступень в осуществлении замысла Божьего об окончательном примирении творения с Творцом и о начале мирного века.

Израиль вышел на сцену истории позже других народов древности. Евреи сформировались как нация через призвание Авраама и утверждение его семени — таков был ответ Бога на идолопоклонство — языческую интерпретацию вселенной, под влияние которой попали все остальные существовавшие тогда на земле народы. Со стороны Госпо-

да это было движение протеста, свидетельствовавшее всему человечеству о том, что мир и рай на земле не могут основываться ни на обожествлении материи и природных сил или процессов, ни на поклонении обожествленным душевным состояниям и физическим инстинктам человека: сексу, жадности, самоутверждению и агрессии. Идолопоклонство ложно. Жизнь идолопоклонника протекает во лжи. Вселенная же является созданием единого истинного Бога Творца. Рай может быть построен лишь на глубокой взаимосвязи между Создателем и человечеством.

Затем явился Моисей и следом за ним череда пророков, протестовавших не столько против языческих народов с их идолопоклонством, сколько против самого Израиля. Пророки учили, что мир и благословение Божье никогда не будут сопутствовать религии, пусть и сугубо монотеистической, если она оказывается безнравственной, не стремящейся к правде, святости и праведности — ни в области политики, ни в жизни отдельного человека, ни в сфере его отношений с другими людьми. Многочисленные революции и перевороты, пережитые языческими народами, показывают то же самое: даже если они осуществляются на относительно здравых принципах, они не приводят к избавлению от главных пороков человеческой природы и в самых ярых своих сторонниках.

Бог не спешил покончить со всеми этими “движениями протеста”. Внешние условия длярая могли в принципе возникнуть по мановению Божию. Однако рай без населяющих его людей был бы бессмысленной затеей. Человечество должно было убедиться, что именно Божий, а не человеческий замыселрая осуществим на практике, но Божий рай не достигим только посредством боговдохновенных откровений и заповедей. Для его достижения человечество должно пройти суровую школу исторического опыта.

Тем не менее, с самого начала — на что апостол Петр не преминул указать собравшимся (Деян 3: 25) — с того момента, как Господь заключил Свой завет с Авраамом, в замысле Божьем обнаружилось другое направление:

намерение благословить человечество и восстановить падшее творение. Важнейшей целью заключенного завета с патриархом было следующее: “и в семени твоём благословятся все племена земные”.

Сначала представлялось, что упомянутое Творцом выражение “твое семя” относится к народу, которому предстояло произойти из чресел Авраама. В каком-то смысле это именно так. Однако в то время как история шла своим чередом, евреи вновь и вновь совершали нравственные и духовные прегрешения, настолько тяжкие, что лишь память о завете, заключенном с их отцами, Авраамом и прочими патриархами, поддерживала надежду на то, что настанет день, когда все народы земли благословятся в семени Авраама.

Прошли века, и обетование обрело более конкретные очертания. Моисею, избавившему Израиль от ярма египетского рабства, было дано откровение:

“Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня”

(Деян 3: 22; ср., Втор 18: 15-20).

Спустя несколько веков Исаия был призван возвестить о том, что несмотря на то, что еврейский народ оказался неспособным служить Господу, Бог воздвигнет Раба Своего, Который не только искупит грехи Израиля, но и окажется Спасителем мира (Деян 3: 13, 26; Ис 49: 1-6).

По словам Петра (Деян 3: 21, 24), всех пророков, начиная с Самуила, связывает одна общая тема, представленная в образах, обетованиях и пророчествах: Бог пошлет Спасителя, Царя, Раба, Мессию и некогда восстановит все то, что от Его имени обещали восстановить пророки. И тогда займется заря века мира и благоденствия.

Теперь апостолу предстояло вскрыть ужасный гноящийся нарыв, отравлявший память собравшихся. Этого Раба, заявил Петр, звали Иисусом. Бог призвал Его и послал к вам (Деян 3: 26), а вы отреклись от Него и убили (Деян 3: 13-15), Господь же прославил Его, воскресив из мертвых и посадив одесную Отца на небесах (Деян 3: 13).

Можно представить себе то оцепенение, негодование,

возмущение и чувство вины, которые охватили собравшихся: “Как ты можешь утверждать это с такой уверенностью? Какое имеешь ты право так говорить?”

Тем не менее доказательство было перед ними. Калека стоял, ходил и прыгал у них на глазах. “Мы не могли излечить его нашей силой и набожностью. Имя Иисуса и упование, связанное с этим именем и возлагаемое на это имя, как мы теперь видим, полностью исцелило хромого”. И затем Петр предложил им подробный разбор их вины: вот Иисус,

1. *“...Которого вы предали и от которого отреклись пред лицом Пилата, когда он полагал освободить Его”*

(Деян 3: 13).

В день Пятидесятницы Петр обвинил присутствующих в том, что они расправились с Иисусом “руками беззаконных” (то есть язычников) (Деян 2: 23). Теперь Петр ставит вопрос несколько иначе. Апостол напоминает о том, что они предали Слугу Божьего в руки язычника Пилата, а прокуратор не нашел на Нем вины, не хотел казни и стремился всеми силами освободить схваченного. Однако, они, сыны Завета, и представители богоизбранного народа, среди которого должно было произрасти обетованное семя и явиться Раб Божий для благословения язычников, отвергли Его. Они объявили язычникам, что Он является лжепророком, и, более того, настояли на том, чтобы Он был распят руками язычников. А без Него они уже не могли достоверно показать язычникам, в чем состоит надежда на будущее. Не случайно, по-видимому, в это время они совсем перестают заниматься обращением язычников.

2. *“Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу”*

(Деян 3: 14).

Пилат предложил им выбрать между Иисусом и Вараввой, полагая, что хотя бы по моральным соображениям (независимо от того, нравился или не нравился им Иисус лично) они никогда не предпочтут Варавву. Вынужденные же выбирать между святым, совершенным Праведником

и человеком, который был готов даже на убийство ради осуществления своих политических целей, они предпочли убийцу. Многие делают аналогичный выбор и поныне. Сегодняшние убийцы нередко назавтра становятся министрами, что, разумеется, не приводит к покою и благоденствию.

3. *“...а Начальника жизни убили”*

(Деян 3: 15).

Данное высказывание показывает самоубийственное безумие восставших против Бога и отвергших назначенного им Спасителя человечества. Никакая церковная благотворительность, никакие чудеса исцеления, никакое богослужение в храме не может привести людей к вечной жизни и к раю до тех пор, пока они отвергают Начальника жизни.

Разумеется, апостол Петр не был антисемитом, как ими не были и еврейские пророки классического периода, со слезами обличавшие грехи народа. Петр был верным сыном Израиля, готовым незамедлительно признать, что народ и даже его правители, которых, казалось бы, трудно было заподозрить в неведении, поступили так, пребывая в заблуждении (Деян 3: 17).

Более того, в голосе апостола звучали нотки примирения, когда он заметил, что Бог допустил их неведение для того, чтобы Мессия пострадал и умер на кресте, как это задолго до свершившегося предсказывали пророки (Деян 3: 18).

Исаия объяснил, почему должно пострадать Рабу Божию. Раз “многих” ждало оправдание, Он должен был понести их грехи (Ис 53: 11).

Он должен был получить раны за их грехи и претерпеть мучения за их беззакония. Его наказание должно было принести им мир, а Его ранами они могли исцелиться и примириться с Богом (Ис 53: 5).

Бог не собирался отменять Своего завета с Авраамом. И согласно этому завету, Отец, воскресив Сына Своего Иисуса, прежде чем простереть свое благословение на другие народы, первым делом послал Его благословить

Израиль (Деян 3: 25-26). Господь придерживался поставленной Им цели: близилось время всеобщего восстановления, которое Он predetermined от сотворения мира и которое предрек устами пророков (Деян 3: 21), время, когда

“...и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих”

(Рим 8: 21).

Тогда никому и никогда уже не придется приводить физически или умственно неполноценных людей к воротам храма Божьего, чтобы они просили милостыню и взывали к милосердию.

Если только присутствующие захотят, грехи их могут быть прощены и их можно будет ввести в царство Мессии, несущее покой и славу. Дверь покаяния открыта для всех, и по милосердию Божьему на совершение покаяния отпущен срок: Мессия, вознесенный на небо, не сразу сойдет на землю для того, чтобы уничтожить Своих врагов и утвердить Свое Царство (Деян 3: 19-21).

С другой стороны, Мессия непременно вернется (Деян 3: 20).

Покаяться необходимо. Сам Моисей предупреждал, что:

“Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня; слушайте Его во всем, что Он ни будет говорить вам. И будет, что всякая душа, которая не послушает Пророка Того, истребится из народа”

(Деян 3: 22-23).

Господь не будет вечно ждать часа установления Царства мира, в котором будет править Мессия.

Урок, который должны извлечь мы

Нам по-прежнему нужно внимать христианскому благовестию Петра. Нас по-прежнему окружает разрушенный мир, нуждающийся в сострадании и заботе со стороны церковной общины. И мы, христиане, должны отдать ему все, что имеем, так как

“...кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия?”

(1 Ин 3: 17).

Впрочем, следует предостеречь от распространенной ошибки, когда верующие полагают, что их христианская забота и есть благая весть. Тогда их благотворительность выходит из берегов и проповедь Евангелия в ней тонет.

Современные люди желают слушать объяснение природы своих грехов и призыв к покаянию и вере во Христа не более охотно, чем собравшиеся во дворе храма во время проповеди Петра. Они имеют свое представление о том, что такое христианство и христианская мораль. “Если бы вы были настоящими христианами, — говорят нам, — вы оставили бы ваши поучения и догмы, проповеди и попытки обращения грешников на путь праведный, сосредоточив все силы на помощи бедным и больным в истинном духе Иисуса”. Действительно, мир нуждается в благотворительности Церкви, но он не желает слушать о Спасителе. Столкнувшись с Христом, Святым и Праведником, люди предпочитают грех, выбирают убийцу, отвергают необходимость спасения и Самого Спасителя. Мир хотел бы попасть в рай без покаяния и пользоваться милостивым служением Божьим без Слуги Божьего.

Но так не бывает. Наша планета — не создавшая сама себя машина, в которой обнаружилась небольшая несправность, подлежащая устранению с развитием наших знаний и техники при условии международного сотрудничества и искренних усилий со стороны каждого. Наша планета и вся вселенная созданы Творцом и нуждаются в Спасителе. Никакие технические достижения, никакая медицинская или социальная помощь, экономическая теория, политическое благоразумие или просвещение не смогут устранить противоречия, решить все проблемы и создать рай на земле, пока мир отчужден от Своего Творца и отвергает предназначенного ему Спасителя (Деян 3: 20).

Мы должны твердо знать, что утверждение царства Мессии, наступление “времен отрады” и всеобщее восста-

новление, которое предрекали пророки, — все это произойдет только после второго пришествия Христа (Деян 3: 20-21). Давайте прислушаемся к ясным утверждениям Священного Писания и не будем обманывать себя ложными ожиданиями.

И не будем же прекращать проповедования. Беды нашего мира неисчислимы: но прежде всего и острее всего он нуждается в покаянии и примирении с Богом (2 Кор 5: 20). Давайте также убедимся, что мы проповедуем именно Евангелие, а не абстрактную мораль. Мы живем в грешном и мятежном мире, однако во Христе Господь проложил для человека новый путь, и ныне путь к прощению и воссоединению с Богом открыт для каждого. Не будем стыдиться нашего упования, но будем показывать его жизнеутверждающий и радостный характер. Мир будет насмехаться над нами, называя наше упование журавлем в небе. Но какова надежда на будущее нашей планеты у людей, предоставленных самим себе, — об этом лучше спросить у космологов. Без Бога и Мессии судьба каждого человека беспросветна и мрачна. Можно ли утешить тридцатилетнюю мать семейства, умирающую от рака, обещанием того, что в будущем наступит новый более совершенный социальный и политический порядок? Надежда, действительная надежда, для нее и для всего сущего — во Христе. Творец, создавший наш мир и нас самих, предусмотрел восстание человечества против божественного порядка. У Него есть замысел искупления, соответствующий действительному положению дел и важности поставленной задачи. Замысел этот уже давно начал исполняться. И вскоре ликование восстановленного творения наполнит вселенную.

Столкновение мировоззрений

Собравшиеся слушали апостола Петра в одном из двориков храма. Внезапно появились начальники стражи, арестовали Петра и Иоанна и заключили их в тюрьму (Деян 4: 1-3). Это был переломный момент, потому что именно тогда образовался разрыв между официальным иудаизмом

и ранним христианством, разрыв, позднее превратившийся в непреодолимую пропасть. Вот почему в этом эпизоде Лука обращает особое внимание на тех, кто предпринял первую попытку преследования христианства, и на причины, побудившие их к этому.

Оговорим с самого начала, что это не были представители всего еврейского народа. Помимо начальников стражи среди тех, кто арестовывал апостолов, были, по словам Луки, также священники и саддукеи (Деян 4: 1). Фраза “священники и саддукеи” предполагает, что последние были мирянами, а не священниками. Саддукеи, принадлежавшие к узкому замкнутому кругу местной аристократии, происходившей из нескольких знатных родов, отнюдь не были типичными представителями народа.

Священники, явившиеся вместе с начальниками стражи, возможно, были даже главными священниками, то есть весьма высокопоставленными священниками, занимавшими ответственные посты в храме и вместе с первосвященником ведавшими ходом богослужения и хозяйственной деятельностью храма. Они не были типичными представителями священства, в своей массе тяготевшего к фарисеям. Первосвященник и главные священники принадлежали к религиозной аристократии, которая всеми силами стремилась к тому, чтобы занятие высших церковных должностей оставалась привилегией узкого круга членов семьи и ближайших друзей (Деян 4: 6). Они также, по словам Луки, принадлежали к саддукеям (Деян 5: 17).

Во времена Нового Завета в число членов синедриона входило немало фарисеев. Один из них был Гамалиил, призывавший иудейских руководителей не преследовать христиан (Деян 5: 34), — фарисеи ограничивали своеволие саддукеев. Тем не менее, духовная аристократия саддукеев, пользуясь поддержкой светской аристократии саддукеев же, обладала реальной властью, располагая в синедрионе большинством голосов.

Председателем синедриона был первосвященник. Более того, он был единственным посредником между Богом и народом, потому что только он имел право входить во Свя-

тое Святых в день искупления. Первосвященник действовал от имени народа во всех переговорах с царской и римской администрацией и считался в значительной мере ответственным за поведение народа. Кроме того, он являлся высшей духовной властью для евреев, проживавших в других странах, и в возглавляемый им Храм приезжали паломники со всего мира, привозя деньги, десятину и пожертвования.

Итак, первые противники ранних христиан принадлежали к могущественной партии саддукеев, они ополчились против новой религии по целому ряду причин. Во-первых, учение апостолов находилось в прямом противоречии с религиозными воззрениями саддукеев. Апостолы учили о воскресении мертвых (Деян 4: 2), одним же из центральных положений идеологии саддукеев было отрицание возможности не только такого воскресения, но и вообще жизни духа после смерти (Деян 23: 8).

Более того, саддукеи во многом были людьми от мира сего. На протяжении нескольких веков они подвергались глубокому влиянию рационалистичной культуры эллинизма. В сочетании с религиозно-политической властью это усилило в них интерес к светской жизни и охладило религиозный пыл. Они были состоятельными людьми, получали большие доходы от своего служения в храме, располагали широкими связями в высших кругах иудейского и языческого общества, были образованны, утонченны и изысканны. Их устраивал мир таким, каков он есть. Они не видели в нем больших недостатков. Позднее Павел скажет, что они возлюбили мир сей. Это был единственный мир, в существование которого они по-настоящему верили.

И тут объявились какие-то христианские апостолы, которые морочили людям голову своими эсхатологическими пророчествами и нелепыми надеждами на установление царства Мессии, основывая все эти предрассудки на вере в реальность воскресения. Такое поведение оскорбляло эллинистское здравомыслие и ставило под сомнение их образ жизни, их мировоззрение и законные интересы.

Впрочем, в этом учении было нечто и похуже. В конце

концов не только христиане, но и фарисеи верили в воскресение и в существование человеческого духа после смерти. Саддукеи терпимо относились к этим идеям. Однако христиане говорили не только о воскресении мертвых вообще, но они учили народ и проповедовали “в Иисусе воскресение из мертвых” (Деян 4: 2).

Если бы народ поверил заявлениям апостолов, положение духовной аристократии могло бы стать крайне шатким. Иисус обличал их перед народом, в этом самом храме, обвинив в воровстве, обирании людей и кощунстве, ибо они торговали в Доме Божьем. Именно саддукеи были главными зачинщиками заговора против Иисуса, закончившегося Его распятием. Они ловко использовали свой политический капитал для того, чтобы шантажировать Понтия Пилата, ловко настроили народ выбрать убийцу Варавву вместо Иисуса (Ин 19: 14-16; Мк 15: 11). Если бы люди поверили, что казнь Иисуса была убийством, что Иисус на самом деле был Мессией, что Бог воскресил Его из мертвых и что придет день, когда Христос вернется, дело могло принять опасный оборот. Поскольку саддукеи не верили в будущий суд над каждым, мысль о том, что Иисус является Господом, Чье имя они должны ныне призывать, дабы избежать грядущего суда в великий и славный день Господень, — мысль эта казалась им нелепой. Однако стань она достоянием народа, над ними нависла бы серьезная опасность. Нужно было удержать народ, сделать так, чтобы он не поверил христианским проповедникам (Деян 4: 17; 5: 28). В Иерусалиме уже была целая община новообращенных, насчитывавшая несколько тысяч человек и находившаяся под контролем апостолов. Сегодняшняя проповедь могла значительно увеличить число покаявшихся (Деян 4: 4). Пора было положить конец этой ереси. Вот почему саддукеи на виду у всех арестовали апостолов Петра и Иоанна и отправили их в тюрьму.

Даже из этого краткого изложения видно, что мировоззрение христиан имело значительно больше точек соприкосновения с мировоззрением фарисеев, чем со взглядами саддукеев. Приведем следующие слова Павла:

“Мужи братья! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят”

(Деян 23: 6).

Эта общность сохранялась во все века истории Церкви. Даже и поныне многие верующие (и не только христиане) убеждены, что священник, то есть человек, совершающий обряды и приношения, не может считать, что после смерти нет ничего — ни воскресения, ни последнего суда. “Какой тогда смысл в религии, — говорят они, — если дело обстоит именно так?”

Саддукеи ответили бы на это, что смысл религии заключается в том, чтобы каждый человек и народ в целом угождали Богу в своей земной жизни, а также в том, чтобы влиять на политическую, общественную, деловую и семейную жизнь людей в соответствии с заповедями Божьими, изложенными в Пятикнижии Моисея.

В последние десятилетия в некоторых частях христианского мира наметилась тенденция возврата к религиозному мировоззрению в духе саддукеев. Странники так называемого светского христианства, громко заявившего о себе в шестидесятых и семидесятых годах нынешнего века, в богословском отношении пошли еще дальше саддукеев. Разного толка теологии освобождения (*liberation theology*) были реакцией на аристократическое саддукейство людей, сделавших карьеру священника во имя личного обогащения и введивших в заблуждение относительно своих доходов не только мирян, но и священников низшего ранга². Когда же речь заходит о втором пришествии Христа и о веке справедливости, мира и изобилия на земле, мировоззрение сторонников теологии освобождения скорее напоминает саддукейство, нежели христианство.

Зачастую это скорее вопрос акцентов, нежели принадлежности к той или иной богословской школе. В Великобритании, во всяком случае, в радиопроповедях смысл христианских надежд и упований крайне редко излагается с той ясностью и выразительностью, которые так отличают только что рассмотренную нами проповедь Петра. И это

не оттого, что само христианство не достигло более глубокого понимания смысла воскресения, возвеличения и второго пришествия Христа. Дело скорее в том, что многие “христиане” в глубине души вернулись к мировоззрению саддукеев.

Примечания

¹ E. Schurer. THE HISTORY OF THE JEWISH PEOPLE IN THE AGE OF JESUS CHRIST, vol. 2, revised and edited by G. Vermes, F. Millar, M. Black (Edinburgh: T. & T. Clark, 1979), p. 412 [Е. Шурер. История еврейского народа во времена Иисуса Христа, том 2, издание исправленное и дополненное].

² Ср.: J. Jeremias, JERUSALEM IN THE TIME OF JESUS (London: SCM Press, 1969), pp. 106 — 108 [Дж. Джеремиас. Иерусалим во времена Иисуса].

ДЕЙСТВИЕ 2 ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ БОЖЕСТВЕННОМУ ЗАМЫСЛУ (Деян 4: 5-6: 7)

Выбор точки опоры

Повествование Луки достигло определенного рубежа; давайте прервемся и подведем некоторые итоги.

Вернемся еще раз к началу Раздела 1 (см. сс27-28), где мы перечислили четыре важнейшие группы эпизодов. Теперь мы видим, что все они пронизаны идеей всеобщего восстановления. Так, на вопрос о его времени, поставленный в первом эпизоде, следует прямой ответ в четвертом:

1. *“Посему они, сошедшись, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилью? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки ...”*

(Деян 1: 6-7) (выделено мной — Д. Г.).

4. *“... да придут времена отрады от лица Господа, и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа, Которого небо должно было принять до времен совершения всего ...”*

(Деян 3: 20-21) (выделено мной — Д. Г.).

5. *“На другой день собрались в Иерусалим начальники их и старейшины и книжники и Анна первосвященник и Каиафа и Иоанн и Александр и прочие из рода первосвященнического и, поставивши их посреди, спрашивали ...”*

(Деян 4: 5-6) (выделено мной — Д. Г.).

8. *“И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере”*

(Деян 6: 7) (выделено мной — Д. Г.).

Одной из общих идей, связывающих эти четыре сюжета, является отношение иудейского священства к ранним христианам. В частности, мы увидим, что именно первосвященник, главные священники и члены первосвященнического рода (в отличие от обычных священников) питали особенно сильное предубеждение против апостолов. И это вполне понятно, ведь наряду со светской аристократией они составляли правящий класс иудейского общества, и растущее влияние учеников Христовых на людей внушало им зависть (Деян 5: 17) и страх (Деян 5: 28).

В предшествующие века, как это всегда бывает со всеми духовными должностями по мере их институционализации, сан первосвященника стал объектом игры политических аферистов и интриганов и его святость сильно поблекла. Некоторые “неконформистские” секты в иудаизме отказывались признавать нынешних носителей этого сана. Тем не менее власть первосвященника среди подавляющего большинства еврейского народа оставалась нерушимой как на родине, так и за границей, и всегда вызывала если не уважение, так послушание. Учение Иисуса Христа, а теперь и Его апостолов могло подорвать авторитет первосвященника в народе.

В Евангелии от Луки подчеркивается, что простые люди были весьма расположены к Иисусу (Лк 21: 37-38) и только в последнюю минуту высшему духовенству удалось настроить их против Него. В рассматриваемых главах Деяний святых апостолов Лука подчеркивает ту же самую мысль: простой народ вначале был расположен к апостолам и христианам. Это касалось даже тех, кто не принимал их учения. Если бы христианским проповедникам удалось убедить евреев в том, что распятие Иисуса было в сущности убийством Мессии, авторитет первосвященника, несомненно, рухнул бы, что привело бы к непредсказуемым политическим последствиям. Каким бы высоким и твердым ни

казалось положение высшего духовенства и светской аристократии, они не могли игнорировать происходящего в среде простых людей (Деян 4: 2, 17, 21; 5: 17, 25-26). Правящие круги почувствовали, что их авторитет пошатнулся, и его следует укрепить, заставив народ повиноваться. Таким образом, основным пунктом обвинения, брошенного апостолам, было то, что они склоняли народ к неповиновению властям,

“но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога?”

(Деян 4: 19).

“Петр же и Апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человеку”

(Деян 5: 29).

Подобные слова, повторяемые вновь и вновь по тому или иному поводу, подобно непрекращающимся ударам колокола, усиливали эту мысль. В Деян. 5: 36 описывается приход лжепророка Февды, о последователях которого сказано: “Все, которые слушались его, рассеялись и исчезли”. Теми же словами названы сторонники некоего Иуды Галилеянина (Деян 5: 37). По другому, более радостному, поводу Петр замечает, что Бог дал Духа Святого “повинующимся Ему” (Деян. 5: 32), и далее мы читаем, что многие священники “покорились вере” (Деян. 6: 7).

Данный конфликт между апостолами и высшим иудейским духовенством ставит небезынтересный вопрос о природе раннего христианства: было ли оно, во всяком случае в начале своего пути, движением, для которого характерно непризнание официальных духовных властей? И в чем же состояла причина окончательного раскола между иудаизмом и христианством? Быть может, христианство представляло собой лишь популистское и, в сущности своей, анархистское движение?

В связи с этим следует заметить, что апостолы, согласно решению суда, были признаны простыми, необразованными мирянами (Деян 4: 13). Для выступления против высшего духовенства и всего синедриона таким людям

нужна была незаурядная смелость и немалая выдержка, так как пойти на такой шаг нелегко.

Однако самое главное заключается в том, что первые христиане твердо верили в то, что написано в Ветхом Завете, и поэтому духовные учреждения Израиля имели для них божественный авторитет. Для них был решительно неприемлем революционный или анархистский подход к духовным вопросам, и от них нельзя было ожидать подобного влияния на народ. Надо сказать, что во всей книге Деяний не приводится ни одного случая, когда бы апостолы возбуждали народ против синедриона. Даже говоря людям о том, что на их правителях лежит ответственность за распятие Христа, ученики считали нужным привести смягчающие эту вину обстоятельства (Деян 3: 17).

Более того, сам Христос предостерегал их против духовной анархии:

“На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи. Итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают”

(Мф 23: 2-3).

Что бы апостолы ни думали о грехах отдельных представителей сословия толкователей Священного Писания, они уважали как само это сословие, так и авторитет Писания, на которое те ссылались.

То же относится и к священству. Однажды апостол Павел, уязвленный вопиющей несправедливостью председателя синедриона, перед которым держал ответ, стал осуждать его в сильнейших выражениях (Деян 23: 1-5), однако тотчас же извинился, узнав, что председателем является первосвященник, и привел ветхозаветное (Исх 22: 28) законоположение: “Начальствующего в народе твоём не злословь” (Деян 23: 5).

И все же, несмотря на предостережение Христа против религиозной анархии, апостолы решительно воспротивились повелениям первосвященника и, как мы вскоре узнаем, не подчинились решению высшего государственного органа власти. Что же побудило их отважиться на столь дерзкий шаг?

Гнев против Бога: первое расследование синедриона по делу (Деян 4: 5-31)

Власть и воскресение

Совет, перед которым предстали апостолы Петр и Иоанн, состоял из начальников, старейшин и книжников. Это были люди, поднаторевшие в проведении расследований, и они открыли судебное заседание, спросив, как бы ничего не зная о происшедшем и ожидая любого ответа:

“Какою силою или каким именем вы сделали это [чудо]?”

(Деян 4: 7).

Разумеется, они прекрасно знали ответ: Лука как раз сообщил, что причина ареста апостолов заключалась в том, что

“они учат народ и проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых”

(Деян 4: 2).

На самом же деле члены синедриона готовили почву, чтобы затем потребовать от апостолов отказаться от утверждения о том, что между церковной властью, ее мирским служением и верой в телесное воскресение Иисуса из Назарета существует нерасторжимая связь.

Судьи не имели бы ничего против, ограничься апостолы помощью бедным и немощным или совершением нескольких чудес. Если бы обвиняемые согласились дать неопределенный ответ о том, что совершили чудо именем и властью всемогущего Бога, любящего Отца и Создателя всех людей, судьи пришли бы в восторг и закончили на этом заседание. Но им невыносимо было слышать утверждения апостолов о том, что существует неизбежная нерасторжимая связь между совершенным чудом и воскресением Иисуса, другими словами, о том, что Иисус есть Христос. В конце концов, прежде всего на этих судьях лежала вина за казнь Мессии. Члены Совета полагали, что у стоявших перед ними необразованных людей не хватит духа в присутствии синедриона и первосвященника назвать последнего анти-

христом и потому богопротивником.

Ответ апостолов был бескомпромиссным и непреклонным. Историю нельзя забыть или извратить, подменить личность живого Бога Иисуса, вознесшегося на небо, традиционным и общеизвестным образом Бога. Точно также они не отделяли свои добрые общественные поступки от Евангелия Иисуса Христа:

“Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен!; то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он пред вами здрав”

(Деян 4: 9-10.)

Очевидно, что апостолы считали, что христианские поступки, сами по себе, то есть без проповеди о Христе, не являются достаточными.

Власть и Священное Писание

Не выглядело ли поведение апостолов смешным? Разве не было нелепым предположить — а со стороны необразованных мирян нелепо вдвойне — что самые видные религиозные и духовные представители народа совершили столь ужасную ошибку: во-первых, не приняли Мессию, когда Он к ним пришел, и во-вторых, распяли Его? Можно было бы подумать, что эти представители высшего духовенства являлись не правомочными носителями своего сана, а проходимцами, притеснявшими простых священников, людьми, которых интересовало только получение доходов от храмового служения.

Разве можно было себе вообразить, что эти люди, будучи законодателями в духовной сфере, могли совершить такую ужасную и непоправимую ошибку, как отвержение и казнь Мессии? К сожалению, апостолы могли ответить на этот вопрос положительно, и их следующая фраза предвосхищает этот ответ. Они приводят стих псалма 117:

“Камень, который отвергли строители, соделался главою угла”

(Пс 117: 22).

(Другими словами, массивный блок, который клался в основание возводимого здания, принял на себя вес всей постройки и образовал ее угол). В контексте ветхозаветного отрывка, откуда взят приведенный стих, псалмопевец говорит о вратах Господа (стих 20), о жертвоприношении (стих 27) и доме Господнем. Вся эта картина связана с Храмом, и каждый ее образ следует представлять в этом свете. Кем же могли быть “строители”, как не ответственными за Храм, то есть первосвященником, начальником стражи и другими главными священниками? И кем же мог быть “глава угла”, как не Самим Мессией? В символическом виде этот отрывок рассказывает о том, что однажды первосвященник и высшее духовенство отвергнут Мессию, в их религии для Него не найдется места, но несмотря на это, Бог своим вмешательством поставит Мессию основанием религиозной жизни народа, краеугольным камнем храма вселенной.

Именно в этом смысле Петр сказал:

“Он [Иисус] есть камень, пренебреженный вами зияющими, но сделавшийся главою угла”

(Деян 4: 11).

Цитата эта была беспощадно точной.

Власть и спасение

Теперь апостол Петр, по существу, уже ответил на поставленный перед ним вопрос. Как мы помним, его спросили: “Какою силою или каким именем вы сделали это чудо?” Апостол ответил, что немощный был “исцелен” или “спасен” именем Иисуса (Деян 4: 9). Однако Петр не остановился на этом — исцеление хромого было примером “спасения” в чисто физическом смысле слова (поэтому иногда в полном соответствии с контекстом, его переводят как “избавление от уродства” или “исцеление”, но те же самые принципы относятся к спасению и в высшем смысле этого слова). Если бы апостол ограничился уже сказанным, то первосвященник мог бы ослабить впечатление от процитированного псалма, выдвинув (если не вслух, то, по

крайней мере, про себя) следующий аргумент: несомненно, Иисус является большим авторитетом для апостолов, но было бы ошибкой думать, что Он — единственный путь к Богу и спасению. Отвергая Иисуса, люди тем не менее могут прийти к Богу, то есть возможны и другие пути к Богу.

Но апостол не разделяет этого взгляда и дополняет свое суждение следующим:

“... и нет ни в ком ином спасения; ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись”

(Деян. 4: 11-12).

В каком-то смысле Петр вновь сформулировал догмат, веру в который разделяли вместе с ним все члены синедриона или, по крайней мере, разделяли на словах:

“Я, Я Господь, и нет Спасителя кроме Меня. Я предрек, и спас, и возвестил; а иного нет у вас... Ко Мне обратитесь и будете спасены, все концы земли; ибо Я Бог, и нет иного”

(Ис 43: 11-12; 45: 22).

Будучи строгими монотеистами, они не стыдились признать единственность Бога перед лицом нелепого, безнравственного и жестокого поклонения языческим богам, которые, по сути своей, являются продуктами обожествления природы. Эти божества никому не могут дать ни морального, ни духовного спасения, оставляя человека беспомощным и отчаявшимся. Иудаизм был и остается достойным восхищения за свою борьбу и победу над искушением синкретизма, опасного тем, что он, во-первых, ведет к отказу от монотеизма, полагая его узким и догматичным, и во-вторых, настаивает, на том, что все религии в сущности равны и нет никакой разницы между Яхве и языческими богами. Языческие религии отличаются от монотеизма в понимании этики и морали, в понимании смысла жизни и предназначения человека, однако их главное отличие состоит в том, что они не затрагивают вопроса спасения.

В этом синедрион мог бы согласиться с апостолами². Дело в том, что Петр не настаивал, что наряду с Яхве сле-

дует обожествить простого человека. Отнюдь, нет... То, что Бог однажды провозгласил устами Исаии, Он подтвердил еще раз, вознеся Иисуса, посадив Его одесную Себя и доказав, что Он является не только Мессией, но и Господом. Все это означало, что Иисус — воплощенный Яхве. Согласно этому определению, не могло быть другого спасения, как только через Христа. Отвергнуть Иисуса означало отвергнуть Бога — а к этому времени каждый из членов синедриона, не исключая и самого первосвященника, уже отверг Иисуса.

Когда простой необразованный человек говорит представителям высшего духовенства, что они, будучи устроителями религиозной жизни народа, совершили ужасную ошибку, утвердив несправедливый приговор, это может плохо для него кончиться. Но сказать профессиональным религиозным деятелям, что вся их религия ничего не стоит, что они не спасены и никогда не спасутся, если не смирятся, не раскаются и не доверятся Тому, Кого недавно приговорили к смерти, — означало обречь себя на высшую меру наказания. Тем не менее для апостолов вывод этот логически вытекал из проповедуемого ими Евангелия. Они утверждали, что можно принять высший духовный сан, освященный многовековой традицией и связанный с пышными обрядами и торжественной литургией, исповедовать единого истинного Господа и при этом не обрести спасения. Именно в это верили апостолы и во имя воскресшего Христа провозглашали это во всеуслышание.

Последнее свидетельство

Интересно заметить, что, услышав такие речи, члены Совета не пришли в ярость и не потребовали казни апостолов (что случилось во время второго судебного заседания) (Деян 5: 33). Несмотря на то, что они были не согласны с мыслями апостолов о спасении, они были поражены их поведением. В своей жизни они допрашивали сотни людей и хорошо разбирались в человеческой психологии. Их потрясла смелая манера говорить, неожиданная для необразованных людей. Откуда взялась их уве-

ренность в понимании религиозных вопросов и цитировании ветхозаветных книг в подтверждение своих идей? Надо было найти объяснение столь удивительным познаниям простых необразованных людей. И тут члены синедриона вспомнили, что люди эти были с Иисусом (Деян 4: 13), который однажды уже привел их в замешательство, процитировав тот же самый отрывок из псалма (Лк 20: 17). Само происходящее подтверждало слова Святого Духа о том, что Он научит их, что говорить, когда они предстанут перед властями. Правители Израиля, отвергнув свидетельство Иисуса, услышали ныне свидетельство Святого Духа. Он будет для них последним свидетелем (Лк 12: 10-12). За то, что они отвергли Иисуса, они еще могли быть прощены. Но не могло быть прощения тому, кто сознательно отвергает последнего Божьего свидетеля — Духа Святого.

Однако в тот момент они совершенно были уверены в том, что их “духовный” авторитет и статус судей позволит добиться от апостолов послушания, — в конце концов, те были только простыми людьми. Правда, судьи не могли отрицать явного чуда — о нем знал весь Иерусалим. Не могли они также и опорочить это чудо (Деян 4: 14-16). Тем не менее им казалось, что достаточно будет противопоставить апостолам весь свой духовный и профессиональный авторитет, и можно рассчитывать на то, что сыграют свою роль страх и уважение, которые простые люди неизменно питают к ученому сословию: апостолы придут в замешательство. Поэтому члены Совета решили их запугать (Деян 4: 17). Они понимали, что подвергнуть их наказанию теперь было бы ошибкой. Хромому было более сорока лет: не могло быть и речи о гипнозе. Произошло подлинное чудо, и люди славили за него Бога. Наказать апостолов, которые фактически это чудо совершили, означало запретить народу прославлять Бога: было бы очень трудно вынести такое постановление и при этом сохранить уважение народа (Деян 4: 21-22). Итак, члены Совета решили пригрозить апостолам (Деян 4: 17), и это были не пустые угрозы, так как в распоряжении судей имелись суровые средства наказания. Однако их тактика не срабо-

тала:

“... Петр и Иоанн сказали им в ответ: сүдите, справедливо ли пред Богом — слушать вас более, нежели Бога?”

(Деян 4: 19).

У апостолов не было другого выбора. Господь Иисус дал им повеление проповедовать слово Божие и быть Его свидетелями (Деян 1: 2, 4, 8). Они не могли повиноваться Ему, не бросая при этом вызова синедриону. Нельзя было повиноваться Совету без того, чтобы не отвергнуть заповеди Божьи. В свою очередь это поднимало вопрос о том, кем был Иисус. Если бы Христос был просто религиозным реформатором, утверждавшим, подобно многим Его современникам, что известный ему первосвященник незаконно носит свой сан; если бы Он был лишь пророком, или простым священником, протестовавшим против протекционизма высшей духовной аристократии, против тирании и насилия³, чинимого над рядовыми священниками; если бы Он был раввином, предлагавшим очередное толкование Пятикнижия, то не приходится сомневаться, что апостолы под влиянием критики подчинились бы запрету синедриона во имя порядка и религиозного единства и попытались бы перейти к тактике постепенных реформ.

Однако Иисус не был ни реформатором, ни пророком, ни раввином. Бог показал, что Он — Господь и Христос. Он был воплощенным Господом, который был вознесен, чтобы стать высшим авторитетом и верховной властью над вселенной. Первосвященник в силу своего сана (пусть и опороченного нынешним его обладателем) пользовался авторитетом в духовных вопросах благодаря тому, что Сам Бог призвал его к этому служению, как об этом сказано в Ветхом Завете. Если Иисус Христос был воплощенным Богом, то любое отрицание Его власти вело бы к отрицанию любой возможной власти первосвященника. Отвергнуть Господа Иисуса ради уважения к сану первосвященника и ради сохранения спокойствия и единства в религиозной общине было для апостолов делом невозможным. Это разрушило бы самое основание Церкви (Мф 16: 13-18), и, хуже того, стало бы изменой Тому, Который по милости

Бога стал Господом и Христом.

Последний суд

Как бы то ни было, бросить вызов представителям высшей духовной власти для необразованных людей значило решиться на крайний шаг. Поэтому весьма интересно и поучительно рассмотреть молитву, которой укрепила себя первохристианская община, услышав от апостолов о запрете, наложенном на них синедрионом (Деян. 4: 23). Из нее становится ясным, каков был для христиан тот высший авторитет, к которому они обращались в случае споров и разногласий.

Во-первых, они обращались через головы первосвященников и старейшин к Самому Создателю:

“Владыко Боже, сотворивший небо и землю и море и все, что в них!”

(Деян 4: 24).

Во-вторых, они взывали к авторитету Священного Писания, боговдохновенных книг, на основании которых можно оценивать решения и поступки первосвященника, священников и старейшин:

“Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым...”

(Деян 4: 25).

Апостолы и первые христиане не сомневались в том, что члены синедриона совершенно иначе понимают Священное Писание. Но, очевидно, что христианская община считала себя вправе и даже почитала своей обязанностью оценивать решения духовных вождей народа в свете Писания, в той его интерпретации, которую дал им Сам Христос.

В-третьих, первые христиане основывали свои суждения не на случайных фразах, произвольно вырванных из контекста, а на обстоятельном анализе текста Библии применительно к своей ситуации. Они привели целый отрывок из второго псалма:

“Зачем мнутятся народы, и племена замышляют тщетное?”

Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его”

(Пс 2: 1-2).

Затем в своей молитве перед Богом они подробно изложили, насколько согласованные действия царя Ирода и прокуратора Понтия Пилата, язычников и народа Израиля соответствовали положению, описанному в псалме (Деян 4: 25-28).

В-четвертых, в свете данного отрывка из Писания они истолковали смысл происшедших событий. С одной стороны, распятие Иисуса было predetermined “рукой и советом” Божьим, с другой же стороны, оно было “восстанием против Бога”, выступлением против Святого Сына и Помазанника Божьего Иисуса (Деян 4: 25, 27-28). В этом вопросе христиане никак не могли пойти на компромисс, ибо речь шла о чести Бога и Его Мессии.

Наконец, они просили Бога о знамениях, которые бы подтверждали то, во что они верили, но не ради себя, а во имя Господа Иисуса. Они просили о знамениях двоякого рода: во-первых, чтобы Бог дал им силы не упасть духом перед угрозами синедриона и благовествовать смело и бескомпромиссно, несмотря ни на какие препятствия, и, во-вторых, чтобы Сам Бог творил новые чудеса, но не чудеса вообще, а чудеса именем Своего Святого Слуги Иисуса (Деян 4: 29-30). Апостолы объявили как народу (Деян 3: 16), так и синедриону (Деян 4: 10-12), что хромой исцелен именем Иисуса; а запрет синедриона касался вовсе не чудес, а того, чтобы “не говорили об имени сем никому из людей” (Деян 4: 17). Сами по себе сверхъестественные действия еще ни о чем не говорят: по пришествии сатаны сотворится немало знамений и ложных чудес (2 Фес 2: 9-10). Христиане же просили о том, чтобы чудеса совершались именем Господа Иисуса, чтобы было прославлено (vindicated) Его имя, прославлено независимо от практической полезности самих чудес.

И молитва первой христианской общины была услышана:

“И, по молитве их, поколебалось место, где они были

собраны, и исполнились все Духа Святого и говорили слово Божие с дерзновением”

(Деян 4: 31).

Примечания

¹ Слово “исцелен” употребляется здесь в смысле “спасен”; таким образом, намечается связь между данным отрывком (Деян 4: 9-10) и Деян 4: 12.

² Хотя стоит заметить, что во времена императора Антиоха Епифана первосвященники и поддерживавшая их небольшая партия, возбудив ярость всего народа, откровенно отстаивали эллинизм и способствовали распространению в Израиле этой чуждой населению культурной традиции, заключавшей в себе помимо прочего также и религиозный синкретизм.

³ См.: J. Jeremias, JERUSALEM IN THE TIME OF JESUS (London: SCM Press, 1969), pp. 180-181, 190, 196-198. [Дж. Джеремиа. Иерусалим во времена Иисуса.]

Искушение Духа Господнего: взгляд на жизнь христианской общины (Деян 4: 32 - 5: 16)

Итак, первый сюжет Действия 2 был связан с проявлениями вражды по отношению к первым христианам, следующий сюжет посвящен той же теме. В рассмотренном выше сюжете вражда исходила извне — на этот раз противодействие возникло внутри Церкви. В первом случае описывается, как земные цари подняли мятеж против Господа и злоумышляли против Него (Деян 4: 25-26), ненависть эта вылилась в открытое восстание против “Господа и Христа Его”. Во втором случае вражда исходит от сатаны (Деян 5: 3), использующего безвестную дотоле супружескую пару мнимых христиан — Ананию и Сапфиру, действия которых характеризуются как ложь Духу Святому (Деян 5: 3), ложь Богу (Деян 5: 4) и искушение Духа Господня (Деян 5: 9). Первый сюжет связан с вопросом об авторитете и устанавливает принцип, по которому в случае расхождения между

повелениями правителей и заповедями Божьими апостолам следовало скорее нарушить предписание властей, нежели послушаться Господа. Второй сюжет также связан с представлениями об авторитете, он подтвердит тот факт, что над Церковью простирается власть Бога, которая осуществляется Святым Духом через апостолов Господа Иисуса Христа.

Таким образом, основной сюжет в этой части Деяний святых апостолов — это рассказ об Анании и Сапфире. Два обстоятельства помогут нам разобраться в значении поступка этой семейной пары. Во-первых, Лука предваряет данный эпизод рассказом об обычаях первохристианской общины (Деян 4: 32-37) и далее описывает отношение разных людей к общине в Иерусалиме (Деян 5: 12-16). Во-вторых, из структуры повествования следует, что Лука сопоставляет историю Анании Сапфиры с историей Иуды Искариота (см. стр.29). Это сопоставление весьма поучительно.

Обычаи первохристианской общины

Лука упоминает о повседневной жизни иерусалимской общины трижды: первый раз в Деян 4: 32, второй — в Деян 4: 33-35 и третий — в Деян 4: 36-37. Во всех трех случаях речь идет о вопросах собственности, но каждый раз с разными оттенками, которые нужно различать.

В первом случае говорится, что верующие делились друг с другом всем, что имели. Автор объясняет, почему они это делали и что подразумевается под выражением “делились всем”: “У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа”. Всепобеждающее чувство духовного единства заставило их изменить свое отношение к собственности. Никто больше не называл принадлежавшего ему своим: они не считали, что должны пользоваться своей собственностью только сами. Каждый хотел, чтобы другие члены общины пользовались его собственностью, как если бы она принадлежала им всем. Это был внезапный душевный порыв. Не было никакого принуждения. Никто не говорил, что это было необходимым условием спасения или критерием подлинно христианского отношения к собствен-

ности. Действия христиан были естественными и добровольными.

Но, не желая недооценить порыва первых христиан, мы считаем необходимым отметить, что сходные чувства множество раз овладевали христианами и впоследствии. Стоит только верующим осознать реальность спасения и ощутить свое единство с братьями во Христе, как они становятся готовыми поделиться с ними всем, что имеют. И наоборот, когда Церковь утрачивает чувство реальности спасения и ощущение единой семьи Божьей, в членах ее начинает преобладать эгоистическое, собственническое отношение к материальным вещам.

Во втором сюжете эта тема углубляется, хотя и не следует приписывать этому сюжету большего значения, чем то, которое в нем заключено. В стихах 33-35 описана сила проповеди апостолов и великая благодать, сошедшая на всю общину, ибо:

“Не было между ними никого нуждающегося”

(Деян 4: 34).

Если бы апостолы проповедовали, что Иисус является Мессией и все уверовавшие в Него становятся Его “братьями” и в то же время невозмутимо наблюдали жалкое существование этих “братьев Мессии”, это неизбежно подорвало бы силу их свидетельства.

Лука рассказывает, откуда брались средства для нуждающихся:

“...ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду”

(Деян 4: 34-35).

Лука не утверждает, что каждый, владевший домом или землей, немедленно по обращении в христианство продавал имущество и приносил вырученные деньги апостолам. Ведь если бы все продали свои дома, где бы они жили? Если бы таковым было условие вступления в общину, то в скором времени каждый из пяти тысяч обращенных, не говоря уже об их семьях, остался бы без крова и Мария, мать Марка,

не могла бы пригласить апостола Петра к себе домой, когда тот вышел из тюрьмы (Деян 12: 12).

Очевидно, что выражение “все, кто владели землями или домами”, относится к тем, кого мы сегодня назвали бы “землевладельцами”, или “собственниками”. По-видимому, происходило следующее: время от времени, когда возникала острая нужда, кто-нибудь из этих более или менее состоятельных людей — не обязательно все сразу — продавал часть своей недвижимости или участок земли и отдавал вырученные деньги общине для помощи бедным христианам.

Обратим внимание на следующую деталь. Лука не говорит, что землевладельцы, продав часть своей недвижимости, отдавали вырученные деньги непосредственно бедным. Он отмечает, что деньги “полагались” к ногам апостолов и уже потом распределялись среди бедных. Такой порядок ведения дел был мудрым и имел символическое значение. Никакой закон не запрещал людям, если бы они того пожелали, передавать деньги бедным христианам непосредственно. Однако в этом случае существовал определенный риск: нуждающиеся находились бы в слишком большой зависимости от нескольких богачей. Гораздо лучше было, чтобы бедные получали помощь из общего фонда Иерусалимской церкви.

Но “полагание денег к ногам апостолов” имело и иное, гораздо более глубокое значение. Ведь апостолы были официальными представителями и, так сказать, наместниками Самого Господа. Принося им деньги, верующие не просто принимали участие в благотворительной деятельности: отдавая приношения Богу, они признавали Его высшее право на все, чем они владели. Христос был для них не просто Учителем: Он был их Искупителем, приобретшим их со всем их имением (1 Кор 6: 20). Он был Мессией Израиля: весь виноградник до последней ягоды принадлежал Ему. Он был вознесен и воссел одесную Отца: Ему принадлежала вся вселенная. Вполне естественно, что первые христиане воплощали радость обретенной веры в своих делах.

В третьем случае Лука упоминает Иосию, прозванного Варнавою. Необычность этого случая в том, что он был левитом (Деян 4: 36-37). Учитывая то, что он был также уроженцем Кипра, можно предположить, что ему никогда не приходилось служить левитом при Иерусалимском храме. Теперь же, продав принадлежавшее ему поле и отдав вырученные деньги Господу, сложив их к ногам апостолов, Варнава поступил в духе древнего закона, гласившего:

“Но колону Левиину Моисей не дал удела: Господь, Бог Израилев, Сам есть удел их, как Он говорил им”

(Ис Нав. 13: 33).

В последующих главах Деяний этот левит предстанет перед нами как человек, особо преданный Господу, готовый оставить дом и нести миру благую весть о Христе. Он являет собой разительный контраст с Иудой, который отказался от данного ему священного сана апостола и на деньги, полученные за предательство Христа, купил себе поле (Деян 1: 16-18).

Исключительность проступка Анании и Сапфиры

И вот, на фоне этого внезапного порыва преданности Христу и Его ученикам, Анания и Сапфира совершили свой проступок. Суровость последовавшего наказания заставляет нас предположить, что проступок был чрезвычайно серьезным. Чтобы убедиться в этом, давайте разберем этот случай подробно.

Во-первых, Анания и Сапфира не были обязаны отдавать свой участок земли и отдавать деньги церкви. Апостол Петр не оставляет никаких сомнений на этот счет:

“Чем ты владел, не твое ли было...?”

(Деян 5: 4).

Разумеется, — его, ибо обращение в христианство не отменяет права частной собственности. Если бы христианину не позволялось владеть частной собственностью, то ему было бы запрещено и передавать ее кому-либо другому.

Во-вторых, добавляет Петр, “...приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось?” (Деян 5: 4, то есть “не в твоём ли распоряжении находилось?”).

Разумеется, так оно и было. Даже если Анания и Сапфира продали принадлежавшую им собственность с целью отдать вырученное Господу, вовсе не обязательно было передавать деньги апостолам, чтобы те решали, как ими распорядиться. Они имели право распределить эти деньги на любые благотворительные цели по своему желанию.

В связи с этим нам предстоит выяснить, какие именно требования предъявлял Господь к Своим ученикам. Он сказал:

“Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником”

(Лк 14: 33).

Здесь встают два вопроса:

1. Что входит в понятие “все, что имеет”? Здесь есть опасность свести его к одной лишь материальной собственности. Это неверно. Если, как бывает в некоторых странах, человека отрывают от семьи и посылают в изгнание за то, что он стал христианином (так случилось с одним из моих друзей), то он, согласно Лк 14: 26, должен быть готов проститься с женой и детьми.

2. Если, став христианином, мы должны отречься от всего, что имеем, то в чью пользу мы отрекаемся? Очевидно, в пользу Господа. Например, женщине-христианке сказано, что ее тело принадлежит не ей, а Богу (1 Кор 6: 19-20). Однако, после того, как она уступила Ему исходное право владения, Господь сохраняет за ней, а не за кем-то еще право собственности в отношении своего тела. Ведомая Господом, она имеет право решать, за кого ей выйти замуж. Будучи христианкой, она вовсе не должна выходить замуж за любого верующего, который просит ее руки.

Точно так же обстоит дело и с материальной собственностью.

Когда мы уступаем абсолютное право собственности Господу — таков наш долг — Он дает нам возможность

решать, конечно, в согласии с Его волей, как нам следует распоряжаться тем, чем мы владеем: сколько именно должно быть потрачено на себя и семью, сколько — отдано Церкви, на евангелизацию, на благотворительные цели и т.д. Об этом-то и напомнил Анании апостол Петр.

Если же под передачей Господу подразумевается более узкий смысл — передача денежных средств христианской общине в отличие, например, от покупки нового костюма или машины, — то и в этом случае Анания был вправе, продав участок земли, часть выручки передать Церкви, а часть использовать на свои нужды.

В чем же тогда состоял грех, в котором обвиняли Ананию и Сапфиру? Прежде всего в том, что они солгали Богу (Деян 5: 4). Сложив деньги к ногам апостолов, они объявили о том, что всю выручку от продажи передают Господу, когда же их прямо спросили, действительно ли они передают все вырученные деньги, они еще раз подтвердили это (Деян 5: 8). Однако такое заявление означало, что теперь вырученные от продажи деньги принадлежат Господу в узком и строгом смысле слова. Грех их, таким образом, состоял в незаконном присвоении или растрате собственности, которая отныне принадлежала Богу¹. Пророк Малахия называет это “обкрадыванием Бога” (Мал 3: 8), а апостол Петр говорит о лжи Святому Духу и утаивании из цены земли (Деян 5: 3).

Сколько бы ни было дурно свершившееся само по себе, это не было самым ужасным из совершенного Ананией и Сапфирой. В конце концов, если бы они частным образом дали Богу обет в том, что отдадут все деньги, но потом передумали и ничего бы не отдали апостолам, это было бы серьезным грехом против Господа, однако не имело бы последствий для присутствия в церкви Бога Духа Святого, а в те времена этот вопрос живо интересовал всех, начиная от простых людей, толпившихся на иерусалимских улицах, и кончая членами синедриона. Что за сила исполнила апостолов в день Пятидесятницы и заставила их говорить на иных языках, которых они никогда не изучали? Какая сила позволила апостолам Петру и Иоанну даровать

хромому полное исцеление? Быть может, личная праведность апостолов? (Деян 3: 12). Ответ на вопрос “Какою силою или каким именем вы сделали это?” (Деян. 4: 7) хотел знать и народ, и циничные члена Совета. Что за “великая сила” позволяла ученикам Христовым свидетельствовать, причем столь успешно? (Деян 4: 33). Сами апостолы, разумеется, утверждали, что это была сила Божья, сила Святого Духа, нисходящая на землю для свидетельства о воскресении и прославлении Иисуса, через апостолов и других учеников Христовых, которые выступали как посредники благовестия. Но было ли это правдой? Или просто каким-то случаем религиозного экстаза и массового гипноза?

В этом контексте поступок Анании и Сапфиры был столь же злонамерен, как и поступок Иуды. Сатана вложил в сердце Иуды намерение предать Иисуса Христа (Лк 22: 3-4; Ин 13: 2, 27). Теперь же сатана вложил в сердце Анании мысль обмануть и солгать Духу Святому (Деян 5: 3). Как и Иуда, землевладелец решился на это из-за денег. Если бы Анания вышел сухим из воды, это бы бросило тень на все, произошедшее со времени Пятидесятницы, другими словами, это бы поставило то, что за свидетельством церкви стоит Бог Дух Святой. Подобно сынам Израилевым в пустыне (Числ 14: 22), Анания и Сапфира искушали Духа Господня, несмотря на все знамения и чудеса, недавно сотворенные Богом во имя Иисуса (Деян 5: 9), причем делали это сознательно. Если бы они на самом деле были бедными людьми, под давлением благочестивого порыва окружающих объявившими о великой жертве, которую не могли себе позволить, и если для того, чтобы не ударить в грязь лицом перед всеми, они бы к своему стыду несколько преувеличили сумму пожертвования, вероятно, к ним было бы проявлено снисхождение.

Однако в данном случае это было не так. Они сознательно искушали Господа из желания узнать, как далеко смогут зайти в этой опасной игре, оставаясь невредимыми.

Несомненно, они слышали о том, что Иисус восстал из мертвых и вознесен, что он Господь и Христос. Они чув-

ствовали силу благовестия, видели чудесные знамения и слышали голос Святого Духа в своем сердце. Они знали предостережение о грядущем дне Господнем и хотели избежать суда, став для этого членами церкви, исповедующей Христа. Тем не менее все оказалось фальшью. Они не были готовы к беспрекословному послушанию и преданности Господу Иисусу Христу, они только притворялись. Вообразив, будто можно обмануть апостолов, они начали опасную игру. На деле же они искушали Духа Господнего, лгали Богу и обманывали Святого Духа. Святой Дух разоблачил их лицемерие, утвердив себя и свое присутствие в церкви. Анания и Сапфира предстали перед судом Божиим.

Почему они пошли на это? Очевидно, потому, что, подобно сынам Израиля в пустыне, не были истинными верующими. Но пусть последнее слово останется за Лукой:

“У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее”

(Деян 4: 32).

Очевидно, что если так поступали истинно верующие, то ни Анания, ни Сапфира не относились к их числу.

Последствие Божьего суда

Последствием Божьего суда над Ананией и Сапфирой стал “великий страх”, объявший как членов церкви, так и людей, церкви не принадлежавших (Деян 5: 5, 11, 13). Но страх этот был совершенно необходим. Он, конечно, не способствовал обращению в истинную веру, как поясняет Лука в Деян 5: 13-14, однако и не позволял присоединяться к общине людям без истинной веры, тем, кого привлекали лишь чудеса, совершаемые апостолами (Деян 5: 15-16), или же материальные выгоды, которые они надеялись получить, став членами христианской общины.

“Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их. Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин...”

(Деян 5: 13-14).

Верно, что первые христиане были вынуждены отвергнуть авторитет высшего духовенства и синедриона. Тем не менее их никак нельзя считать духовными анархистами: В церкви существовала власть: это была власть Бога, Святого Духа, живущего и действующего среди верующих.

Может возникнуть вопрос: если в случае с Ананией и Сапфирой определение Божьего суда было вынесено ясно и недвусмысленно, почему этого не происходило в последующие века и не происходит сегодня? Ответ, по-видимому, заключается в том, что наказание Анании и Сапфиры было исключительным случаем, необходимым для подтверждения присутствия Духа Господнего в церкви. Но ни сошествие Святого Духа, ни суд над Ананией и Сапфирой не возвещали о начале дня Господнего, так же как исцеление хромого не было началом всеобщего восстановления. День этот неизбежно наступит, но время его еще не пришло. Господь Иисус Христос будет судить живых и мертвых при Своем явлении (2 Тим 4: 1). Сегодня плевелы еще не отделены, но их черед настанет. И никто, разумеется, не может обмануть Господа. Будем же помнить о жене Лота, а также об Анании и Сапфире.

Бунт против Бога? Второе расследование синедриона (Деян 5: 17-42)

Отныне благая весть стала распространяться не только в Иерусалиме, но и в его окрестностях. Идея воскресения, которую провозглашали ее проповедники (Деян 5: 20), была исключительно привлекательной, а чудеса, которыми сопровождалась проповедь, собирали стекавшихся со всего Иерусалима и окрестностей людей, ищущих исцеления (Деян 5: 15-16). Все это наполняло высшее духовенство глубокой завистью (Деян 5: 17) и страхом (Деян 5: 28). Они решили предпринять еще одну попытку подавить христианское движение. Поэтому они вновь арестовали апостолов, на этот раз — всех двенадцать, и передали их синедриону.

Повинны в крови Иисуса?

Обвинение, выдвинутое против апостолов, показало, насколько велико было раздражение священнослужителей из-за того, что ученики Христа проигнорировали запрет проповедовать во имя Иисуса. Впрочем, раздражение это смешивалось со страхом:

“...и вот, вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь Того Человека”

(Деян 5:28).

Первосвященник и члены Синедриона явно опасались, что те самые люди, которых они убедили громко требовать распятия Иисуса, теперь, под влиянием проповеди апостолов, обратят свой гнев против духовных властей и даже прибегнут к насилию, обвинив их в смерти Иисуса. Мы знаем, что этого не случилось — более того, христиане никогда к этому не призывали. Однако теперь, читая речь первосвященника, в которой он выражает свои опасения, мы не можем не думать о гитлеровском геноциде в отношении евреев и об обвинении против христиан, — пусть преувеличенном и по большей части несправедливом, — что своим утверждением о том, что “евреи убили Иисуса”, христиане становятся ответственными за антисемитизм и геноцид. Все, что будет сейчас сказано, несколько не поколеблет нашей уверенности в том, что христианский мир каким-то образом виновен в антисемитизме (см. Приложение 1, сс 591-595). Тем не менее ответ апостола Петра на обвинение первосвященника не потерял своего значения и уместен даже сегодня.

Во-первых, Петра уж никак нельзя было обвинить в антисемитизме. Он был таким же верным сыном Израиля, как и любой из членов синедриона, и не большим антисемитом, нежели пророки Исаия и Иеремия, когда они обличали грехи своего народа. Но историю невозможно переписать заново или повернуть вспять.

“Бог отцов воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесивши на древе”

(Деян 5: 30).

Здесь апостол обращается не ко всему народу, а лишь к высшему духовенству и членам Совета. То, что именно они заставили прокуратора Понтия Пилата казнить Иисуса, — неопровержимый факт; настояв на распятии, они подвергли Иисуса самому постыдному и бесславному наказанию, какое было им известно. Согласно их закону (Втор 21: 22-23), человек, повешенный на дереве, проклят Богом.

Итак, историю невозможно переписать заново, но зачем же тогда ворошить прошлое и муссировать эти факты, проповедуя сотням людей? К чему иному, кроме разжигания ненависти и желания мести это может привести? Почему бы не подчиниться запрету и не предать этот случай забвению? “Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам” (Деян 5: 29), — говорит Петр. Бог отцов наших (где здесь антисемитизм?) воскресил Иисуса, которого вы умертвили, и возвеличил Его. Бог отменил ваше решение, и Он хочет, чтобы об этом было засвидетельствовано во всеуслышание. Вы принародно приговорили Иисуса к позорной смерти, которая означает для человека проклятие Божье, а теперь мешаете Господу обнародовать Свое оправдание Иисуса из-за того, что это ставит вас в неловкое положение? Сам Бог желает, чтобы мы засвидетельствовали Его решение, и нам следует выполнять Его веления, а не ваши.

Кроме того, не стоит бояться гласности. Бог не жаждет мести и не пытается посеять мстительность в людских душах:

“Его [Иисуса] возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов”

(Деян 5: 31).

Весь народ Израиля, как простые люди, так и священники, нуждается в прощении. И прощение это может быть даровано всем без исключения, но не вопреки распятию Иисуса, но именно благодаря Ему.

Разумеется, для дарования прощения необходимо одно условие: покаяние как раскаяние в убийстве Иисуса и как признание необходимости спасения. Такое покаяние пред-

ставляет собой не требование ненавистного деспота, но скорее щедрый и великодушный дар. Бог возвысил Иисуса, чтобы дать Израилю покаяние (Деян 5: 31). Безмерно милосердие Божье, когда Он позволяет нам прийти к Нему с покаянием.

Мы свидетельствуем, продолжает апостол Петр, что прощение Израиля стало возможным именно через смерть и возвеличение Иисуса Христа. Более того, в этом можно убедиться не только со слов апостолов. Есть более великий и непосредственный свидетель. Бог уже ниспослал тысячам израильтян Духа Святого. Все члены синедриона могут получить Духа Святого и вместе с Ним прощение, примирение и покой с Господом при одном простом условии: послушании и повиновении Богу через Господа Иисуса Христа (Деян 5: 32).

Совет Гамалиила

Услышав ответ Петра, члены синедриона пришли в бешенство — столь отличное от угрызений совести и раскаяния собравшихся в Иерусалиме в день Пятидесятницы (Деян 2: 37). Их охватила ярость, какую испытывают ссорящиеся в кульминационный момент ссоры. В глубине души они чувствовали, что апостол сказал правду, однако не собирались раскаиваться, находя для себя все новые оправдания и пытаясь любой ценой заставить замолчать своих обвинителей. В сердцах их кипела ярость, и они решили предать апостолов смерти (Деян 5: 33).

Однако наряду со свидетельством апостолов члены Совета получили два предостережения.

Во-первых, учеников Христовых арестовали накануне, чтобы они провели ночь в тюрьме, а наутро предстали перед синедрионом. Когда члены Совета собрались, они послали слугителей привести задержанных. Однако слугители вскоре возвратились и доложили, что, несмотря на надежные затворы и стражу у дверей, камера оказалась пустой.

Не успели члены синедриона прийти в себя от изумления, как им сообщили новое неприятное известие: апостолы

находятся во дворе храма и, как ни в чем не бывало, проповедуют жизнь и бессмертие через воскресение Христа (Деян 5: 20,25). Услышав это, начальник стражи, который отвечал за порядок в храме, сам отправился со служителями и привел апостолов в суд.

Лука повествует о том, что ночью ангел Господень открыл ворота темницы, вывел узников на волю и наказал им отправиться в храм и возвестить народу слово жизни (Деян 5: 19-20). Главные священники были саддукеями (Деян 5:17), не верившими ни в воскресение, ни в ангелов, ни в духов (Деян 23: 8). Поэтому не удивительно, что они попытались найти рациональное объяснение новому чуду. Тем не менее, они не меньше других были смущены и озадачены и не могли понять, что все это означало (Деян 5: 24). Они вновь оказались свидетелями необычных событий. Хотели они того или нет, но история повторялась. Прошло только три месяца с тех пор, как они поставили стражу вокруг гробницы Иисуса, чтобы быть уверенными в том, что мертвое тело не исчезнет. Однако на утро третьего дня стражники доложили, что гробница пуста. Тогда им тоже пришлось искать рациональное объяснение (Мф 28: 11-15). Параллель между двумя удивительными явлениями была очевидна.

Так и должно было быть, ведь это был акт божественной милости по отношению к тем, кто не только не хотел раскаиваться, но, преследуемый воспоминаниями о распятии Иисуса, стремился пресечь распространение слова Божия, казнив Его учеников. Таково было своевременное предостережение: не усугублять своей и без того ужасной вины новым чудовищным преступлением, пытаясь добиться невозможного. Они убили Иисуса и поставили стражу возле Его гробницы, но как сказал апостол Петр в день Пятидесятницы:

“... Бог воскресил Его [Иисуса], расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его. Ибо Давид говорит о Нем... Ты дал мне познать путь жизни”

(Деян 2: 24, 25, 28).

Жизнь, отныне вдохновлявшая апостолов, жизнь, о

которой они свидетельствовали перед народом, была бессмертной жизнью воскресшего Христа. Можно было заключить апостолов в тюрьму, даже отдать их на смерть, но жизнь эту нельзя ни прервать, ни уничтожить. Если члены синедриона не хотят покаяться, то есть принять Начальника Жизни и предлагаемое Им прощение и жизнь, то пусть, по крайней мере, не усугубляют своей вины, пытаясь прервать распространение слова жизни.

Второе предостережение исходило от одного из членов Совета, Гамалиила, учителя закона, человека, которого очень уважал народ. В отличие от председательствующего первосвященника, высшего духовенства и аристократов, которые все без исключения принадлежали к партии саддукеев, он был фарисеем (Деян 5: 34). Следовательно, он был последователем учения о воскресении и допускал такую возможность теоретически, но не в данном конкретном случае с Иисусом (по крайней мере, пока). Его совет синедриону воспринимается многими как образец двуличного поведения, но как бы там ни было, это был хороший совет тем, кто решительно отказывался от покаяния. Во всяком случае его совет спас жизнь двенадцати невинным людям, которых члены синедриона собирались казнить. Поэтому выступление Гамалиила можно только приветствовать. Он — олицетворение еврейского народа, который в большинстве своем так и не уверовал ни в Иисуса как Мессию, ни в Его воскресение, ни в Его божественность, ни в спасение, которое Иисус несет человечеству. Но этот народ в то же время порицает Его распятие и выступает против преследования людей за религиозные убеждения, в том числе, против преследования христиан.

Совет Гамалиила вкратце сводился к следующему. Приведя два примера недавних политических беспорядков, во время которых двое смутьянов, возглавивших мятежи, потерпели полное поражение, Гамалиил заявил членам синедриона, что им нет нужды пытаться подавлять новое движение христиан. Если это движение не от Бога, то оно естественно сойдет на “нет”. Если же, напротив, оно от Бога, тогда все попытки сокрушить его ни к чему не

приведут. Хуже того, сами преследователи могут оказаться богопротивниками (Деян 5: 35-39).

Членов синедриона удалось убедить, и на какое-то время они отказались от мысли казнить апостолов. Разумеется, они вновь прибегли к дисциплинарным мерам, бичевали апостолов и вторично запретили им проповедовать от имени Иисуса. Однако все это оказалось не только бесполезным, но и привело к совершенно обратному эффекту. Следуя наставлению Господа Иисуса (Лк 6: 22-23), ученики Христовы возрадовались тому, что их сочли достойными перенести позор ради Его имени и продолжали свидетельствовать еще более мужественно и неумоимо, чем прежде (Деян 5: 40-42).

Тем более грустно читать то, что Павел пишет в Послании к Фессалоникийской церкви о евреях Иудеи (но не всего мира) — подчеркнем, что в контексте речь идет о вождях народа, в особенности саддукейской аристократии, как духовной, так и светской:

“Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас гнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и чрез это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца”²

(1 Фес 2: 14-16).

Это Павел говорит, так сказать, в семейном кругу, обращаясь к тем, кого он сам привел к вере и кто теперь переживал гонения. Для сравнения следует привести два отрывка. В первом содержится замечание из его обращения к Римской церкви:

“В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные Божии ради отцев”

(Рим 11: 28).

Второй отрывок — это объяснение, которое Павел дал руководителям иудейской общины в Риме о том, почему он потребовал императорского суда:

“Они [римляне], судивши меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти. Но так как Иудеи противоречили, то я принужден был потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ”

(Деян 28: 18-19).

Все остальное стало достоянием истории. Римляне разрушили храм в 70 г. н.э. Разумеется, это не могло положить конец иудаизму, сумевшему приспособиться к новым условиям, в которых это учение стало в значительной степени религией синагоги и Священного Писания. Однако с падением храма первосвященник, высшее и низшее священство утратили свое былое влияние и постепенно ушли в небытие.

Гонение на христиан: еще один взгляд на христианскую общину (Деян 6: 1-7)

Заключительный сюжет Раздела 1 изложен очень кратко (Деян 6: 1-6). Включение этого сюжета в Раздел 1 обусловлено двумя соображениями. Во-первых, Лука сам обозначил композиционную границу после Деян 6: 7. Во-вторых, упомянутый сюжет хорошо сочетается с остальными, обсуждаемыми в Разделе 1 и необходим для его завершения с точки зрения композиции.

Второй сюжет посвящен Иуде, его предательству Христа из-за денег и покупке на эти деньги поля. Четвертый — повествует о хромом, ежедневно просившем милостыню у ворот Храма. Шестой — рассказывает об Анании и Сапфире, солгавших Святому Духу о стоимости проданного ими поля. Заклучительный сюжет также показывает отношение христианской общины к деньгам и материальным ценностям. В нем описывается, каким образом поступила община, узнав о злоупотреблениях, возникавших при ежедневном распределении пищи³.

Содержание этого, заключительного, сюжета хорошо сочетается с содержанием рассказа об исцелении хромого

и дополняет его. Мы видим, что первые христиане с большой ответственностью относились к своему общественному долгу, как по отношению к посторонним (случай с хромым), так и по отношению к членам своей общины (случай с ежедневным распределением пищи среди христианских вдов). Оба этих сюжета напоминают нам о том, что общественному долгу следует занимать в нашем сердце должное место, не нарушая при этом правильных пропорций, не захватывая самое важное место, по праву принадлежащее в сердце христианина благовествованию и изучению Слова Божьего.

В рассказе об исцелении хромого показано, что люди в Иерусалиме с благодарностью воспринимали помощь христиан и что апостолы готовы были делиться не только деньгами (когда они у них были), но и гораздо более ценным из того, чем владели. Однако, когда народ собрался послушать, как апостол Петр объяснит произошедшее чудо, тот не захотел, чтобы они решили, что помощь бедным и исцеление больных составляют главное содержание христианства. Отнюдь. Главным для Петра была проповедь Евангелия. Апостол указал собравшимся, что они убили Начальника Жизни, и что теперь прежде всего им нужно покаяние и вера в Спасителя. Только вера в Христа может обеспечить им спасение, совершенно необходимое, если они хотят быть готовыми к Его второму пришествию.

Отказаться от проповеди благой вести и ограничиться благотворительной помощью и заботой о физическом здоровье этого грешного мира, забыть о том, что главное — это узнать, как примириться с Богом и обрести бессмертие, — значит допустить серьезное искажение в системе ценностей. Предпочесть благотворительность благовестию значит нарушить долг как перед Богом, так и перед человечеством.

В заключительном рассказе содержится подобный же урок, но на сей раз он связан с внутренней жизнью церкви. Читая его, мы видим, что первые христиане проявляли большую заботу о членах своей общины. Так, например, у

них существовал обычай раздавать пищу вдовам. Более того, когда обнаружилось, что некоторых вдов при этом постоянно обделяют, что речь идет едва ли не об умышленной дискриминации, апостолы посоветовали общине назначить опытных и исполненных Святого Духа людей для справедливого распределения общественных фондов. Помощь верующим должна быть хорошо организована, нельзя в этом деле полагаться на волю случая. Однако — и в этом главный урок рассказа — сами апостолы не сочли возможным выполнять подобную работу. Приведенное ими объяснение показывает, что они понимали, каково их главное предназначение:

“Не хорошо нам, оставивши слово Божие, пещись о столах; итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости: их поставим на эту службу; а мы постоянно будем в молитве и служении слова”

(Деян 6: 2-4).

Для того, чтобы мы лучше запомнили этот урок, Лука добавляет фразу, служащую композиционной границей:

“И слово Божие росло, и число учеников весьма умножилось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере [то есть, обратились к вере — прим. перев.]”

(Деян 6: 7).

Зависимость между ростом церкви и усилиями по распространению и толкованию слова Божьего, разумеется, не случайна, поэтому нам следует сверять нашу жизнь и деятельность с этим повествованием о зарождении христианства. Как же можно охарактеризовать сегодняшнее положение христианства в мире? Сегодня многие церкви как будто утратили веру в то, что Евангелие способно обратить грешников, превратить их в учеников Господа Иисуса Христа. Поэтому они сосредоточивают усилия на благотворительности, предлагая свою помощь страждущему человечеству. Однако грешники принимают такую помощь, не подозревая о том, что это лишь небольшая

часть христианской жизни, и не чувствуя никакой необходимости обращения ко Христу ради спасения. Действительного обращения не происходит, и число членов церкви уменьшается.

Так же обстоит дело и с внутрицерковной жизнью. Благотворительность может легко подчинить себе всю жизнь церкви, и, подобно кукушке, избавляющейся от своих птенцов, вытеснить из жизни общины проповедь и молитву. Некоторые утверждают, что в наши дни найдется немного общин, которые будут приветствовать проповеди, сопровождаемые серьезным и последовательным комментарием слова Божьего — ныне ценятся более поверхностные и актуальные толкования. Быть может, это и правда. Но если это так, можно ли ожидать, что верующие станут учениками в апостольском смысле этого слова, о котором и повествует Лука? И если сама церковь считает невыносимо скучным слушать слово Божье, разве можно надеяться, что посторонние будут внимательно слушать свидетельство такой церкви? А раз слово Божье не проповедуется и не распространяется, как можно ожидать роста числа учеников, не говоря уже о том, чтобы этот рост был быстрым?⁴

Примечания

¹ В греческом тексте этот смысл передается словом, которое означает “удержать”.

² Совершенно иной перевод последнего предложения предлагается в работе: С.С. Caragounis, KINGDOM OF GOD, SON OF MAN AND JESUS' SELF-UNDERSTANDING (part 1), Tyndale Bulletin 40 (1989), pp. 12-13. [Карагунис. Царство Божье, Сын Человеческий и самопознание Иисуса].

³ Некоторые полагают, что в греческом тексте имеются в виду деньги, а не пища. Возможно, что речь идет и о том, и о другом.

⁴ Для дальнейшего чтения по вопросам, затронутым в первом разделе Деяний апостолов, мы рекомендуем следующие книги. О чудесах: С.С. Lewis, MIRACLES AND RELIGION AND SCIENCE. In: GOD IN THE DOCK (London: Collins Fount, 1979), pp. 11-26, 46-50. [К.С. Льюис. Главы “Чудеса” и

“Религия и наука” из книги “Бог на скамье подсудимых”]. О вознесении в буквальном, историческом и символическом смысле: В. М. Metzger, *THE ASCENSION OF JESUS CHRIST IN HISTORICAL AND LITERARY STUDIES* (Leiden: E. J. Brill, 1968), pp. 77-87; P. Toon, *HISTORICAL PERSPECTIVES ON THE DOCTRINE OF CHRIST'S ASCENSION*, *Biblioteca Sacra* (1983), pp. 195-205, 291-301; (1984), pp. 16-27, 112-119. [Б. М. Метцер. Вознесение Иисуса Христа в истории и литературоведении. Питер Тун. Исторические перспективы учения о вознесении Христа]. Об отношении современной науки к событиям воскресения в противовес концепции демифологизации либеральных ученых: Т. Ф. Torrance, *SPACE, TIME AND RESURRECTION* (Edinburgh: Handsel Press, 1976); *THE GROUND AND GRAMMAR OF THEOLOGY* (Belfast: Christian Journals Ltd, 1980), pp. 17-20; *THEOLOGICAL SCIENCE* (Oxford: Oxford University Press, 1978), pp. 334-337. [Т. Ф. Торранс. Пространство, время и воскресение; Основные понятия и принципы богословия; Богословие].

РАЗДЕЛ 2

**ХРИСТИАНСКОЕ
БОГОСЛУЖЕНИЕ И
СВИДЕТЕЛЬСТВО
(Деян 6: 8-9: 31)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ДЕЙСТВИЕ 1:

Евангелие и богослужение в ортодоксальном иудаизме

(Деян 6: 8-9: 31)

ДЕЙСТВИЕ 2:

Евангелие и неортодоксальное богослужение самаритян

(Деян 8: 4-25)

ДЕЙСТВИЕ 3:

Евангелие страдающего слуги

(Деян 8: 26-40)

ДЕЙСТВИЕ 4:

Евангелие Сына Божьего

(Деян 9: 1-31)

РАЗДЕЛ 2

ХРИСТИАНСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ И СВИДЕТЕЛЬСТВО (Деян 6: 8-9: 31)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Итак, мы переходим ко второму этапу отмежевания Христианства от иудаизма. На сей раз размежевание касалось целого ряда сложных вопросов. Однако, обобщая, можно сказать, что речь шла о христианском богослужении и свидетельстве.

Второй Раздел состоит из четырех Действий. Первое Действие посвящено преследованию, осуждению и мученической кончине Стефана (Деян 6: 8-8: 3). Особенно интересен суд над ним и его последнее слово, в котором он выражает свое отношение к храму (Деян 6: 13- 14).

Второе Действие рассказывает о распространении слова Божьего среди самаритян (Деян 8: 4-25). Как известно, самаритяне и евреи враждовали друг с другом, главным образом, — из-за разногласий в отношении храма и богослужения. Самарянка из города Сихаря ясно выразила это в беседе с Господом Иисусом:

“Отцы наши поклонялись на этой горе [Гаризим]; а вы [евреи] говорите, что место, где должно поклоняться,

находится в Иерусалиме”

(Ин 4: 20).

В первых двух Действиях рассматриваются вопросы богослужения: в одном случае — отношение христианства к Иерусалимскому храму и богослужению ортодоксального иудаизма, в другом — отношение христианства к секте самарян, которые, почитая Пятикнижие Моисея Словом Божиим, в то же время отвергали Иерусалимский храм, введя вместо этого богослужение на горе Гаризим в Самарии.

В третьем Действии описывается история обращения эфиопского вельможи, который приезжал в Иерусалим для поклонения и, возвращаясь домой, читал пророчество Исаии (Деян 8: 26-40).

Иерусалимский храм был не только местом поклонения иудеев, но и впечатляющим свидетельством для всех окрестных языческих народов. Эфиопский сановник принадлежал к тем образованным людям античного мира, которые, разочаровавшись в грубом языческом политеизме, испытывали благоговение перед Иерусалимским храмом — храмом, в котором не было идолов — свидетельствующим о едином истинном Боге. Что нового по сравнению с иудаизмом могло сказать таким людям христианство, станет ясно из содержания этого рассказа.

Четвертое и последнее Действие повествует об обращении Савла из Тарса (Деян 9: 1-31). Привлекает внимание следующая деталь. Посылая некоего Ананию для врачевания ослепшего Савла, Господь дает посланцу следующее наставление:

“...Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами и царями и сынами Израилевыми”

(Деян 9: 15).

Таким образом, история эта также связана со свидетельством, которое нес Израиль языческому миру.

Как мы только что заметили, на протяжении веков иудаизм свидетельствовал о едином истинном Боге окружа-

ющим народам. Это было особенно заметно во времена эллинизма и римского владычества, когда тысячи евреев эмигрировали в разные страны Средиземноморья, а некоторые из них даже заняли там высокие должности¹. Однако христианское миссионерское движение, вышедшее из Израиля, оказалось уникальным по своему охвату, силе и последствиям. Одним из стоявших у истоков этого движения был Савл Тарсянин, и мы рассмотрим его судьбу с тем, чтобы узнать, почему в этом человеке произошла такая разительная перемена, превратившая неустанного гонителя христиан, пытавшегося остановить распространение новой веры за пределами Иудеи (Деян 9: 2), в величайшего в истории Израиля миссионера.

Рассмотрим теперь бросающиеся в глаза общие мотивы второго Раздела.

В первом сюжете говорится о том, что Савл Тарсянин разделяет ответственность за убийство Стефана:

“И, выведши за город, стали побивать его [Стефана] камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла”

(Деян 7: 58).

В заключительном сюжете Савл предстает перед нами обращенным; он никого никогда уже не будет преследовать, напротив, он начинает пропагандировать веру, которой прежде пытался положить конец.

Есть и другое сходство, гораздо более существенное. В начале первого сюжета Стефан говорит:

“Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии...”

(Деян 7: 2).

В начале же четвертого сюжета Лука повествует о том, что “внезапно осиял его (Савла Тарсянина) свет с неба” (Деян 9: 3). Сходство в описании и записи очевидно, рассмотрим значение этого. Явление Бога славы Аврааму было тем духовным опытом, который стал основой зарождения еврейского народа. Невозможно переоценить значение этого события, — последствия его ощутимы и поныне.

Но обратим внимание на то, чем оно завершается: оно завершается выделением Авраама из языческого мира для того, чтобы через него образовался народ, который будет отличаться от прочих народов земли. Евреи стали единственным народом, свидетельствовавшим о едином истинном Боге и отвергавшим языческий политеизм.

“...Выйди из земли твоей и из родства твоего и из дома отца твоего, и пойдя в землю, которую покажу тебе”

(Деян 7: 3).

Небесный свет, озаривший Савла, знаменовал собой очередной этап в истории Израиля, этап не менее важный и значительный. Но свет этот увлек Савла в совершенно противоположную сторону от Авраама. “Еврей от Евреев” (Флп 3: 5), он был как бы оторван от сынов Израиля и послан к язычникам, чтобы возвещать имя Божье и между прочими народами и царями (Деян 9: 15).

На первый взгляд может показаться, что второе Действие противоречит первому. Однако это не так. На самом деле это Действие дополняет и завершает первое. Бог призвал Авраама из язычников для того, чтобы в конечном итоге в нем благословились все племена земные (Быт 12: 3). С пришествием же Мессии, а также с обращением и началом миссионерской деятельности Савла Тарсянина, через его проповеди и послания многие миллионы язычников на протяжении веков приходят к вере в Бога Авраамова.

Разумеется, оба этапа были необходимы для распространения слова Божьего на земле. Призыв Авраама из языческого мира не означал, что с этого момента весь мир за исключением Авраама и его домочадцев брошен Богом на произвол судьбы и погиб бесповоротно. С другой стороны, тенденция отхода от первоначального знания о едином истинном Боге к многобожию и идолопоклонству была в то время практически повсеместной. Для восстановления истинного знания о Боге на земле и соответствующего этому знанию морального поведения Господу пришлось вновь начать с одного человека, открыться Ему, установить особые отношения с потомками этого человека и образо-

вать из этого человека целый народ, который будет ревностно держаться веры в единого истинного Бога.

Это оказалось трудно осуществимым, потому что, как говорят ветхозаветные пророки, народ израильский постоянно отступал от истинного знания Бога под влиянием идолопоклонства и безнравственных обычаев языческих народов. Но если бы этого не было сделано, вряд ли состоялось бы и последующее откровение Бога через Христа. Бессмысленно говорить миру, что Иисус является Сыном Божиим, если все народы придерживаются лишь ложных и извращенных представлений о Всевышнем. Однако, однажды начавшись, битва за человека должна была закончиться победой Господа, причем победой полной. После возвращения Израиля из вавилонского плена еврейский народ уже никогда больше не возвращался к идолопоклонству. Сегодня многие евреи оказываются агностиками или даже атеистами, однако со времен плена и вплоть до своего разрушения храм оставался (а еврейские синагоги по всему миру остаются до сих пор) столпом монотеизма².

Сколь бы успешно ни был проведен в жизнь замысел Божий об обращении Израиля, вторая часть замысла — распространить знание и личную веру в единого истинного Господа среди языческих народов — требовала иной тактики. Настало время для того же Бога славы предстать перед другим евреем, дабы направить его в обратном направлении — от Израиля к другим народам. Не ради влияния отдельных обратившихся язычников в еврейский народ, которое и без того происходило на протяжении многих поколений, хотя и не получило большого распространения, — но ради приобщения самих языческих народов к почитанию единого истинного Бога. Это и было совершено Господом, когда небесный свет воссиял над Савлом Тарсянином, и Савл был уполномочен стать апостолом язычников. С тех пор прямо ли, косвенно ли, но благодаря его проповедям и посланиям миллионы язычников отказались от идолопоклонства. Они не стали евреями ни в смысле принадлежности к сынам Израиля, ни в смысле

принадлежности к синагоге, но уверовали в Бога Авраама, Исаака и Иакова, единого и единственного истинного Бога.

Произошедшее на макроуровне истории человечества истинно также и на микроуровне нашего личного опыта. Бог славы предстал перед Авраамом, сделав его странником. Небесный свет озарил Савла, сделав его миссионером. Сомневаюсь, можно ли быть хорошим миссионером, не став странником. Авраам порвал с языческим миром не потому, что ему дана была система запретов и заповедей о воздержании. Он сделал это потому, что ему открылась высшая слава Бога Живого и было дано видение вечного града Божьего, где Аврааму было уготовано место. Образы эти были столь притягательны, что он оставил землю своего рождения, признав себя странником и пришельцем на земле (Евр 11: 13). Как бы мы могли успешно проповедовать Евангелие в современном языческом, поклоняющемся идолам мире, если бы подобное видение славы Божьей не открыло прежде и нам, что все, что от мира сего, не есть от Отца (1 Ин 2: 16), поставив иные, более великие цели, показав образ жизни, отличный от образа жизни тех, чье мировоззрение привязано к земле?

Предположим однако, что мы разделяем мировоззрение Авраама и наша душа воспринимает этот мир так же, как и Его душа. Ясно, что этого мало — теперь, подобно Павлу, мы должны стать миссионерами и идти в мир, нести ему весть о едином истинном Боге. Мы не можем утверждать, что нас озарил небесный свет, до тех пор, пока мы, подобно Павлу, не почувствуем сострадание к тем, кто сидит во тьме.

Однако вернемся к обсуждаемому вопросу о связи между Действиями Раздела 2. Мы уже указали на общий мотив первого и четвертого Действий. Рассмотрим теперь, что объединяет второе и третье Действия.

В описании благовествования Филиппа в Самарии много места отведено некоему Симону, который с помощью волшебства и магии выдавал себя за великого пророка — типичный образчик религиозного шарлатанства! Однако многие самаряне из разных слоев общества внимали каждому его слову и отзывались о нем с великим

почтением. По их словам, в нем была “великая сила Божия”. Для любого верующего еврея, неважно, иудея или христианина, подобные слова показались бы богохульством. Но следует заметить, что для большинства евреев и поныне утверждение христиан о том, что Иисус является Сыном Божиим, является точно таким же богохульством, если не гораздо большим. Почему же мы так уверены, что суждения самарян о Симоне глубоко неверны? Что мешает нам согласиться с мнением некоторых иудейских ученых о том, что Иисус был всего-навсего одним из раввинов-”чародеев”, имена которых сохранила история иудаизма, а слава Его оказалась раздутой учениками из числа язычников до степени богохульства?

Один из возможных ответов на этот вопрос приведен в третьем Действии. Там рассказано о том, как Филипп свидетельствовал эфиопскому вельможе об Иисусе как страдающем слуге Господнем, о котором пророчествует Исаия в пятьдесят третьей главе своей книги (Деян 8: 32-35). Христиане безусловно верят в то, что Иисус творил чудеса, и каждое из них имело исключительно важное значение. Их вера основана на высшем чуде Его воскресения. Однако необходимо признать, что Иисус завоевал миллионы сердец вовсе не благодаря Своим чудесам. Это удалось совершить другому Иисусу, страдающему слуге Господнему, Агнцу, которого отвели на заклание и который был безгласен перед стригущим Его, — распятому Христу, который был изъязвлен за грехи наши и мучим за беззакония наши, Чьими ранами мы исцелились. Между Ним и Симонами этого мира не может быть никакого сравнения.

Ниже следует небольшая таблица избранных эпизодов, которая позволяет представить содержание второго Раздела как единое целое и показывает связь между составляющими его четырьмя Действиями.

Таблица основных эпизодов Раздела 2:
**ХРИСТИАНСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ И
СВИДЕТЕЛЬСТВО**
(Деян 6: 8 - 9: 31)

**I. СМЕРТЬ СТЕФАНА; ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
ЦЕРКВИ САВЛОМ (Деян 6: 8 - 8: 3)**

1. “Бог славы явился отцу нашему Аврааму... и сказал ему: выйди из земли твоей и из родства твоего...” (Деян 7: 2-3).

2. Явление Ангела Господня Моисею в неопалимой купине в пустыне возле горы Синай. Моисей слышит глас Господний: “Я Бог отцов твоих... Я вижу притеснение народа Моего... и нисшел избавить его...” (Деян 7: 30-34).

3. “*Стефан*... возрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога. И сказал: вот, я вижу... Сына Человеческого, стоящего одесную Бога. Но они... стали побивать *его* камнями” (Деян 7: 55-58).

II. ФИЛИПП И ОБРАЩЕНИЕ САМАРЯН (Деян 8: 4-25)

1. Чародейство Симона в Самарии (Деян 8: 9)

2. “Находился же в городе некоторый муж, именем Симон... выдавая себя за кого-то великого; Ему внимали все, от малого до большого, говоря: сей есть великая сила Божия” (Деян 8: 9-10).

**III. ФИЛИПП И ОБРАЩЕНИЕ ЭФИОПСКОГО
ВЕЛЬМОЖИ (Деян 8: 26-40)**

1. Иерусалим и его Священное Писание (Деян 8: 27-28)

2. “Как овца веден был Он на заклание, и, как агнец

пред стригушим его безгласен, так Он не отверзает уст Своих. В уничижении Его суд Его совершился...Евнух же сказал Филиппу: прошу тебя сказать о ком пророк говорит это? о себе ли, или о ком другом? Филипп... благовествовал ему об Иисусе” (Деян 8: 32-35).

IV. ОБРАЩЕНИЕ САВЛА-ГОНИТЕЛЯ (Деян 9: 1-31)

1. Савл, который неумоимо преследовал учеников Господа, слышит голос с неба: “Я Иисус, Которого ты гонишь” (Деян 9: 4-5).
2. “Когда же он [Савл] шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба... ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое пред народами...” (Деян 9: 3; 15).
3. “И тотчас стал проповедовать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий... Иудеи согласились убить его” (Деян 9: 20-2).

Примечания

¹ Подобно Онии IV и Досифею при Клеопатре II и Хелкии и Анании при Клеопатре III в Египте.

² Если не считать короткого периода при Антиохе Епифане.

ДЕЙСТВИЕ 1

ЕВАНГЕЛИЕ И БОГОСЛУЖЕНИЕ В ОРТОДОКСАЛЬНОМ ИУДАИЗМЕ

(Деян 6: 8-8: 3)

Приливная волна новой жизни, которая мощным потоком разлилась по страницам первого Раздела Деяний, не ослабевает и во втором Разделе. Всего на протяжении нескольких глав повествования мы видим, как Евангелие распространилось по Иудее и Самарии и первый луч восходящего христианства коснулся Эфиопии. Мы увидим также, что Бог избрал особого апостола, подготовил его к новому служению и послал свидетельствовать о Христе всему языческому миру.

Для жизни характерно не только поступательное движение, но и взросление, совершенствование: из мира детства в мир взрослых, от ухаживания за куклами к ухаживанию за своими или чужими детьми, от школьных уроков к взрослым занятиям и обязанностям, от управления каретами и дилижансами к изобретению паровозов, автомобилей, самолетов и космических кораблей.

Так же обстоит дело и в духовной жизни. Некогда Израиль был младенцем — в историческом и духовном смысле это было совершенно новое явление в истории человечества. Во времена младенчества Израиля Господь любил этот народ сильно и страстно, сопереживая ему. Бог вывел сыновей Израиля из рабства в Египте, даровал им независимость и отдал в удел землю Ханаанскую. С тех пор каждый год еврейский народ с благодарностью вспоминает пасхальную жертву, ставшую символом его свободы. Ежегодно он справляет Праздник Кущей и Пятидесятницу,

вновь и вновь испытывая радость обретения своего удела. Детство свое этот народ провел, кочуя по пустыне, в юности завоевал Ханаан и устроил свою жизнь в обетованной земле, а когда в период царей и имперской славы достиг совершеннолетия, сменил переносной ковчег Завета, сопровождавший народ Божий в его скитаниях по пустыне, на постоянный, величественный храм, воздвигнутый из камня.

Ныне, с пришествием Мессии, Сына Божия, наступила пора зрелости, расцвета сил. Жертвоприношения тысяч пасхальных ягнят были заменены жертвой Самого Агнца Божия, испеченные из молодого зерна скромные пироги Пятидесятницы — пришествием Святого Духа, первого плода небесного наследия. Даже на величественный каменный Иерусалимский храм упала тень: скоро его затмит неизреченная слава чертога Божьего на небесах.

Дурное изменение отрицает, предает и разрушает добрый плод прошлого и настоящего, истинная перемена признает его и заменяет лучшим. Противиться неоправданным изменениям правомерно, однако порицать истинную перемену и противостоять ей, как поступали многие евреи, — значит обращать добрый плод прошлого и настоящего во зло. Мальчик, который не может или не хочет оставить свои игрушки для того, чтобы пойти в школу, делает свои игрушки символом человеческой трагедии.

Именно это и произошло с высшим иудейским духовенством, “зиждителями” Иерусалимского храма. Когда Бог послал Сына Своего для того, чтобы Он стал краеугольным камнем нового, всеобщего, духовного храма, “зиждители” пытались Его убить. И апостол Петр должен был сказать, что тот самый камень, который они отвергли, Господь сделал главою угла нового Божьего храма (Деян 4: 11). Затем явился Стефан и предостерег высшее духовенство, что, отвергая Христа в качестве краеугольного камня и предпочитая прежний Иерусалимский храм, они сделали выбор в пользу устаревающего богослужения, которое вскоре исчезнет. Их страх перед переменами был так велик, что они убили Стефана за эти речи.

Так Стефан стал, вслед за Господом, первым христиан-

ским мучеником. Человек решается на подвиг мученичества лишь в том случае, если исповедуемые им истины и принципы дороже для него самой жизни, и Стефан умер за то, что указал на различия в отношении к Богу, существовавшие между иудаизмом и христианством.

Стефан, разумеется, был не первым заметившим, что в практике иудейского богослужения в Иерусалимском храме есть нечто ненормальное. Строгая в религиозном отношении иудейская секта ессеев из Кумрана, возле Мертвого моря, уже давно прекратила всякое участие в храмовом богослужении.

“Для сектантов, — говорит Геза Вермес, — Иерусалимский храм был проклятым местом, его территория считалась нечистой, священники — самозванцами, а литургический календарь — незаконным”¹.

Таким образом, члены кумранской общины сознательно отказывались участвовать в тогдашнем храмовом богослужении. Тем не менее их отношение к храму решительно отличалось от отношения Стефана. Они протестовали, собственно, не против храма как такового и богослужения в нем, а против многочисленных злоупотреблений, питая надежду на то, что придет время, когда богослужение в храме вернется к своей первоначальной чистоте и вновь будет совпадать с ветхозаветными заповедями в их собственном понимании. Когда же это случится — а они были уверены, что так оно в конце концов и будет — члены кумранской общины были бы готовы с радостью вернуться в храм.

В отличие от кумранитов, первые христиане поначалу были гораздо большими ортодоксами. Они по-прежнему с радостью продолжали ходить в храм и принимали участие в богослужении (Лк 24: 52-53; Деян 2: 46-3: 1). Но затем появился Стефан и стал провозглашать такие взгляды, логическое развитие которых привело бы его единоверцев-христиан к полному отказу от храма, с его священством, жертвоприношениями и обрядами. В отличие от ессеев он не возмущался тем, что храм и богослужение существенно отклонились от Священного Писания и нуждаются в

реформе: он провозгласил, что все ветхозаветное богослужение устарело и вскоре совершенно исчезнет. За высказывание таких революционных (для ортодоксальных иудеев того времени) и оскорбительных идей он предстал перед высшим религиозным судом, был обвинен, приговорен к смерти и казнен.

Вот каковы были обвинения, выдвинутые против Стефана:

“...Этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон; Ибо мы слышали, как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей”

(Деян 6: 13-14).

На основании этих конкретных примеров против Стефана было выдвинуто и обвинение более общего характера: что он “говорил хульные слова на Моисея и на Бога” (Деян 6: 11). Понятно, что обвинение это было очень серьезным: если бы оно было доказано, виновного ждала смертная казнь (Лев 24: 16). Лука сообщает о том, что эти обвинения носили вымышленный характер и что свидетели обвинения были просто подкуплены (Деян 6: 11, 13). На основании четырех Евангелий мы можем прийти к такому же выводу. Нигде не засвидетельствовано, что Иисус якобы говорил, что разрушит Иерусалимский храм Своими руками — крайне маловероятно, чтобы и Стефан утверждал нечто подобное².

С другой стороны, интересно, что ни разу на протяжении своей пространной речи (во всяком случае, в том ее виде, в каком она приведена у Луки) Стефан не пытался оправдаться, что никогда не говорил, что Иисус разрушит храм в буквальном смысле слова. Похоже он не считал эту часть обвинения достойной внимания, так как вторая его часть была справедливой. Он действительно утверждал, что Иисус из Назарета изменит или, точнее, уже изменил заповеди, переданные народу самим Моисеем. Для членов синедриона подобное утверждение звучало не менее кощунственно, ибо они верили, что наследуемые ими заповеди Моисея были вручены ему Самим Богом. Они верили

также, что книги Священного Писания, в которых изложены эти законы, были написаны благодаря непосредственному вдохновению Божьему. В глазах членов синедриона утверждение о том, что Иисус Христос изменил или изменит эти заповеди, было очевидным богохульством. Главной же задачей Стефана было показать, используя отрывки того же Писания, что его утверждения не были богохульством ни против Бога, ни против Моисея.

В связи с этим перед нами встает несколько вопросов. Почему Стефан считал, что Господь Иисус изменил или изменит законы Моисея о храме и об отношениях между человеком и Богом? И в чем заключались эти изменения? Почему, несмотря на очевидное негодование большинства соотечественников, Стефан упрямо продолжал развивать эту тему? И почему, даже представ перед судом, он придавал этим изменениям столь большое значение, что предпочел скорее умереть, нежели отречься от своих убеждений?

Предыстория свидетельства Стефана

Для того, чтобы понять взгляды Стефана можно не изучать его речь перед синедрионом, потому что в ней, как мы уже заметили, он не пытается объяснить, какие перемены произвел и произведет Христос. В его намерение входило лишь показать, что утверждение о необходимости грядущих перемен не является богохульством. Чтобы воссоздать ход мысли Стефана, придется обратиться к другим источникам. Известны три таких источника.

Во-первых, личное его общение с Христом. Во-вторых, то, что он узнал от апостолов и других христиан Израиля о словах Христа, сказанных Им в проповедях на этой земле о Своей смерти, воскресении и вознесении, а также о храме. И в-третьих, значительно более поздний источник: Послание к Евреям. Кем бы ни был автор Послания, ясно, что подобно Стефану, он свободно владел греческим языком, и, как указал профессор В.Мэнсон, развил идеи, впервые высказанные Стефаном³.

Что означало для Стефана прощение его грехов

Сначала нам следует рассмотреть отпущение Стефану грехов через Господа Иисуса Христа.

Мы не знаем точно, когда Стефан впервые уверовал в Иисуса Христа и из чьих уст впервые услышал евангельскую проповедь. Однако если Деяния могут хоть в какой-то степени рассматриваться как исторический источник, любая проповедь, которую он мог слышать, должна была соответствовать следующему образцу: изложение определенных фактов жизни Иисуса (то есть Его распятие, воскресение и вознесение), свидетельствующие о Нем как о Господе и о Мессии, и затем — обещание полного прощения грехов и дара Святого Духа всем искренне покающимся и уверовавшим в распятого, воскресшего и прославленного Иисуса (Деян 2: 38; 3: 19; 10: 42-43; 13: 38-39). Таким образом, после своего обращения ко Христу Стефан вкусил восторг отпущения грехов. Сердце Его исполнилось чувством единения с Богом, когда Святой Дух свершил в нем то, для чего был послан: изливать в наши сердца любовь Божию (Рим 5: 5).

Для Стефана это знаменовало собой начало новой жизни. Разумеется, будучи религиозным евреем, он и раньше знал об отпущении грехов и испытывал его в жизни. Однако никогда прежде отпущение грехов не подразумевало веру в человека, который воистину жил на этой земле, поскольку нигде в Ветхом Завете не говорится, что отпущение грехов может быть получено через веру в Моисея или, скажем, в Илию. Тем не менее, радость прощения, которую Стефан ныне испытывал пришла к нему не после того, как он уверовал в Иисуса, даже не потому, что он уверовал в Иисуса: она пришла к нему через Иисуса (Деян 4: 30; 10: 43; 13: 39), так как Стефан узнал, что Иисус, Сын Человеческий, имеет полное право отпускать грехи и это право подтверждено чудом Его воскресения (Лк 7: 48-49; Деян 4: 30).

Вскоре Стефан узнал, что Христос дарует отпущение грехов и в другом смысле. Лука отмечает, что первые христиане "...постоянно пребывали в... преломлении хлеба..." (Деян 2: 42).

Под “преломлением хлеба” Лука подразумевает нечто большее, нежели участие в ежедневных трапезах: разве они не делали это прежде, еще не будучи христианами? Лука хочет сказать, что первые христиане постоянно отмечали Вечерю Господню, то же начал делать и Стефан, став членом Церкви. На каждом причастии христианская община вспоминала слова Господа Иисуса:

“И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов”

(Мф 26: 26-28).

И, когда Стефан поинтересовался, а он не мог не поинтересоваться, что имел в виду Иисус, говоря: “сие есть Кровь Моя нового завета”, — апостолы пояснили ему то же, что в свое время объяснили Луке (Лк 22: 20): новый завет — тот обетованный завет, который был обещан Господом через пророка Иеремию (Иер 31: 31-34). Стефан обладал развитым историческим чутьем: в этом мы можем убедиться из его речи перед синедрионом. Трудно представить, чтобы он, постоянно слыша упоминание о новом завете, не размышлял о его значении, глубоко и подолгу. В древнем мире вообще и в практике Ветхого Завета в частности заключение союзов сопровождалось пролитием крови жертвенных животных. Таким образом был заключен и завет Бога с Израилем через посредство Моисея (Исх 24: 5-8). Можно было ожидать, что и новый завет будет заключен подобным же образом. На Вечере Господней Христос постоянно напоминал Стефану, что новый завет был заключен пролитием Его крови на Голгофе.

Рано или поздно перед Стефаном должен был встать вопрос: каково соотношение между новым и ветхим заветами? Автор Послания к Евреям, как известно, хорошо представлял себе это соотношение, кратко выразив его следующим образом:

“Говоря: “новый”, показал ветхость первого; а ветшающее

и стареющее близко к уничтожению”

(Евр 8: 13).

Впрочем автор стремится подчеркнуть, что пришел к такому выводу, основываясь на ясных свидетельствах Ветхого Завета, где Бог говорит, что новый завет *будет не таким, как ветхий*, потому что последний не привел к ожидаемым результатам (Иер 31: 32) и должен быть теперь заменен заветом новым, заключенным на других условиях. Стефан, безусловно, придерживается тех же взглядов, что и автор Послания к Евреям. Он убежден, что не было бы необходимости в Новом Завете, если бы прежний не обветшал. Но в своих отношениях с Господом народ Божий не может руководствоваться одновременно двумя различными заветами. Поэтому Стефан, подобно автору Послания к Евреям, приходит к заключению, что ветхий завет отменен. Иисус Христос изменил традицию, переданную Моисеем. Мессия является ходатаем лучшего завета, утвержденного на лучших обетованиях (Евр 7: 22; 8: 6). Стефан высказал это всенародно и продолжал проповедовать свои взгляды, несмотря на жестокую критику и в конце концов отдал свою жизнь, чтобы отстоять одно из главных положений христианства. Ведь самой сутью Евангелия были условия дарования прощения и сопричастности Богу через Новый завет, заключенный благодаря жертве Господа нашего Иисуса Христа.

Христос и новый храм

От апостолов и других верующих евреев Стефан должен был слышать о высказываниях и деяниях Христа в отношении Иерусалимского храма. Очищение храма Иисусом не было забыто в народе. И действительно, когда во время заседания синедриона лжесвидетели обвинили Христа в том, что Он сказал:

“Могу разрушить храм Божий и в три дня создать его “

(Мф 26: 61).

Позднее Стефана обвинили в том, что он повторил

приведенные выше слова, на самом деле лжесвидетели неверно истолковали слова Господа:

“...Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его”

(Ин 2: 19).

Евангелист Иоанн сообщает, что даже ученики Христа поначалу не поняли, что Он имеет в виду храм Своего тела, и лишь после воскресения Иисуса до них дошел смысл Его слов (Ин 2: 22). Подобный же вывод сделал и Стефан. Он убедился, что Христос провозгласил существование нового храма, при этом Иисус не просто заявил, что пока Он обитает на земле, тело Его будет живым храмом Господу. Он сказал, что храм тела Его воскреснет из мертвых и будет “восстановлен” как храм. Это высказывание решительно изменило отношение Стефана к Богу. Религиозный еврей, он привык верить во всемогущество Божие, как это выражено, скажем в удивительном Псалме 138. В течение столетий по провидению Божьему Израиль владел зданием, храмом, местом на земле, где присутствие Господне ощущалось по-особому, местом, “которое изберет Господь, чтобы пребывало там имя Его” (Втор 16: 2), куда могли прийти ищущие Бога, чтобы обрести Его. Так поступали миллионы верующих на протяжении поколений, ища и обретая Господа. Однако во время пребывания Господа нашего на земле, тело Его представляло собой храм, в котором верующие могли обрести Бога еще непосредственной, чем в Иерусалимском храме. И ныне, после своего воскресения и вознесения, живой и прославленный Господь Иисус остается тем “местом” во вселенной, где верующие могут обрести Бога: Стефан обнаружил это на своем собственном опыте. Захотев приблизиться к Богу, он встретился лицом к лицу с живым Христом. Ему больше не казалось, что для того, чтобы в наибольшей степени приблизиться к Господу, надо идти в Иерусалимский храм.

По правде говоря, в храме он никогда не мог по-настоящему приблизиться к Богу. Господь обнаруживал Свое присутствие в сокровенном святилище, в Святая Святых. Простые верующие не имели права даже приближаться к этому месту. Они не могли войти даже в святилище, не

говоря уже о Святом Святых. В первое святилище могли входить только священники, но даже и для них путь в Святое Святых был закрыт. Единственным исключением был День Очищения, когда первосвященник имел право откинуть завесу, прикрывавшую в обычное время вход во второе святилище, войти внутрь и предстать непосредственно перед Богом. Затем он должен был окропить кровью жертвенных животных ковчег завета и крышку, которые символизировали престол Божий на земле (животные приносились в жертву за грехи народа). Для верующих, собиравшихся во дворе храма, это был самый торжественный момент богослужения, потому что первосвященник действовал от их имени. Если Бог принимал его, и первосвященник возвращался живым, значит Господь принимал и их, во всяком случае в этом году, до следующего Дня Очищения. Однако сколь глубоко они ни ощущали сопричастность Богу, они никогда не могли приблизиться к Богу, войти в Святое Святых. Дверь храма всегда была для них закрыта, и завеса скрывала присутствие Божье.

Само собой разумеется, что Стефан хорошо понимал роль и значение этой завесы. Поэтому его очень заинтересовал рассказ учеников Иисуса о том, что в момент смерти Христа на Голгофе завеса во храме раздралась надвое, сверху донизу (Мф 27: 51). Радость и благоговение охватили Стефана, когда он услышал от апостолов, что после того, как Мессия умер, пролил Свою кровь за их грехи и воскрес вновь, они были свидетелями его телесного вознесения, вступления не во Святое Святых Иерусалимского храма, но на самое небо. Он дошел с ними до Вифании и, подобно священнику, поднял руки для того, чтобы благославить их. Пока Иисус стоял в этом положении, Он был вознесен на небо, чтобы предстать там перед Богом. И в конце своей речи перед синедрионом, Стефан удостоился увидеть то, во что он уже уверовал прежде: Сына Человеческого, стоящего одесную Бога (Деян 7: 56), во свидетельство того, что Господь приглашает первомученика к себе. Немало времени прошло с тех пор, как Стефан с радостью откликнулся на это приглашение. Став христианином, он

почувствовал, что воскресший Христос, благословлявший верующих при Своем вознесении, продолжает благословлять их и поныне. Он не отверг и не забыл их. Христос предстал перед лицом Божиим как их Спаситель и представитель, подобно тому, как первосвященник Израиля входил в Святое Святых как представитель еврейского народа. Бог принял Иисуса в качестве Ходатая за народ Божий, принял Его ходатайство целиком и навсегда. Значит, и сам народ Божий принят Господом целиком и навсегда! Ныне через Христа верующие, по словам апостола Павла, имеют беспрепятственный “доступ к Отцу, в одном Духе” (Еф 2: 18), или, как говорит автор Послания к Евреям (10: 19-22):

“...имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам чрез завесу, то есть плоть Свою...”

(Евр 10: 19-22).

Иначе говоря, путь, которым введен в небесную скинию Христос, открыт и для каждого верующего, и каждый не только может войти в это Святое Святых тотчас же, но и призван сделать это без колебаний. Возможно, Стефан не продумывал эту мысль столь же тщательно, как апостол Павел или автор Послания к Евреям. Однако, как и они, он с радостью по неотъемлемому праву каждого истинного верующего принял великое благословение Божье: непоколебимую уверенность в том, что уже здесь и сейчас он полностью прощен и принят Богом.

Стефан не мог не знать пророчества Христа о разрушении Иерусалимского храма, однако оно не огорчало его. Храм больше не вызывал у него прежнего интереса. В течение многих веков храм был для Израиля “притчей”, “образом и тенью небесного”, “тенью будущих благ” (Евр 9: 9; 8: 5; 10: 1). Когда же с пришествием Христа эти блага стали воплощаться в жизнь, тень их стала более не нужна. Верующие понимали, подобно Стефану, что Сын Божий умер за их грехи, вознесся на небо и ныне является их представителем и Первосвященником перед Отцом, в значительной степени утратили интерес к древнему обряду, когда иудейский первосвященник, то есть просто человек,

пусть и в богато украшенных одеждах и со степенной походкой, отодвигал обычную завесу и исчезал на несколько минут в дальней комнате земного святилища.

В некотором смысле было бы неверным утверждать, что Иисус Христос разрушит храм, и Стефан никогда не говорил этого. В определенном смысле Христос уже разрушил храм. Первые христиане не сразу это поняли, и Бог их не торопил. Но чем лучше они осознавали смысл искупления, которым были обязаны Христу, тем настойчивее Господь через Своих боговдохновенных служителей, таких, как автор Послания к Евреям, призывал их оставить храм. Увековечивать обычай, по которому войти в Святое Святых и предстать перед лицом Божиим можно было только раз в году, да и то не всякому человеку, а лишь первосвященнику, в то время как на деле Бог приглашает всех верующих без различия предстоять перед Ним во скинии небесной каждый день их жизни, — увековечивать такой обычай означало бы отодвигать в тень или даже вообще отрицать Евангелие. Продолжать приносить жертвы ради получения прощения грехов, в то время как Христос уже даровал нам вечное искупление и полное прощение грехов, приняв единовременную жертву на Голгофе, — означало бы посеять смятение среди народа Божия: принимает ли его Господь? Настаивать же на условиях и положениях ветхого завета после того, как сам Бог отменил их, учредив завет Новый, — означало бы делать тщетными усилия Самого Всевышнего.

Первым христианам, которые в большинстве своем были религиозными евреями и с крайним почтением относились к древним традициям, связанным с Иерусалимским храмом, нужно было какое-то время для того, чтобы усвоить новые понятия, сделать соответствующие выводы. И время это было им предоставлено. Между тем Стефан уже воспринял их. Ради Евангелия, ради понимания и радостного принятия народом Божиим спасения он ясно и многократно излагал свои мысли, не идя ни на какие компромиссы и обнаруживая великую силу Духа Святого (Деян 6: 10) до тех самых пор, пока под градом камней не закончил свою

земную жизнь.

Речь Стефана перед синедрионом

Можно, впрочем, возразить, что если бы Стефан действительно думал так, как мы только что предположили, в своей речи перед синедрионом он бы коснулся хотя бы некоторых из рассмотренных нами вопросов, дабы объяснить членам Совета, почему и каким образом он пришел к убеждению, что Иисус Христос изменил традиции, идущей от Моисея. Можно утверждать и обратное: раз Стефан не упомянул в своей речи ни одного из приписанных ему выводов, значит подобные мысли были ему не свойственны, и все наши предположения оказываются если не неверными, то по крайней мере неуместными.

Утверждать так — значит не понимать цели речи Стефана и характера его аргументации. Высшее духовенство совершенно не интересовало, как и почему Стефан пришел к мысли о том, что Иисус Христос отменил все уставы Моисея, касающиеся храма, священства и жертвоприношений. Уже само предположение о том, что Иисус упраздняет храм, неважно каким образом и на каких основаниях, было для синедриона кощунством и отрицанием самооткровения Божьего через Моисея. Стефан поставил перед собой задачу показать, что это не так. Первомученик показал это, сославшись на историю и характер самооткровения Господа согласно непререкаемому авторитету, то есть самому Ветхому Завету. В своей речи Стефан выдвигает несколько положений. В сжатом виде их можно представить так.

Во-первых, как показано в Ветхом Завете, само откровение Божье Израилю не было единократным, — оно передавалось через разных людей и в разные времена: через Авраама в Харране (Деян 7: 2-3) и затем в Ханаане (Деян 7: 5-8), через Иосифа (Деян 7: 9-14), через Моисея сначала в Египте (Деян 7: 17-29), затем в земле Мадямской (Деян 7: 30-35) и снова в Египте (Деян 7: 36), в пустыне и в особенности на горе Синай (Деян 7: 36-38;44), через Иисуса

Навина, царей Давида и Соломона (Деян 7: 45-47), впоследствии — через Амоса (Деян 7: 42-43), Исаию (Деян 7: 48-49) и других пророков (Деян 7: 52) и, наконец, через Самого Мессию (Деян 7: 52). Таким образом, само откровение Божье имело не статичный, а динамичный характер. С другой стороны, несмотря на подобный характер откровения, передававшегося через разных людей в разное время, в нем открывался, говорил и действовал Тот же Самый Бог⁴.

Во-вторых, каждый этап самооткровения Божьего Своему народу, составляющий целую эпоху, приводил к всплеску веры и послушания, возникало новое движение, новый шаг вперед, новое, всеохватывающее ощущение намерений Господа искупить грехи человечества.

Так, видение славы Божьей заставило Авраама оставить языческих богов Месопотамии и Харрана и отправиться в неведомый путь, полагаясь на водительство Божье. Прибыв же в Ханаан, патриарх получил от Господа обетованное потомство: родился новый народ (Деян 7: 2-8).

Позже, в откровении патриарху Иакову (Быт 46: 2-4), Бог повелел ему отправиться в противоположном направлении, то есть, покинуть Ханаан и пойти вместе со своей большой семьей в Египет, где тот смог убедиться, сколь чудесным образом Господь предвосхитил их нужды. Бог заранее послал Иосифа к фараону, дабы спасти сынов Израиля от голода, сохранить и обеспечить всем необходимым, а также создать подходящие условия для того, чтобы эта большая семья превратилась в племя и со временем стала народом (Деян 7: 9-16).

Но приведя Иакова и всю его большую семью в Египет, Бог вовсе не намеревался оставлять их там навсегда. В соответствии с Его замыслом, объявленным Аврааму (Деян 7: 6-7), пришло время, когда сыны Израиля снова должны были тронуться в путь. Предвосхищая их потребности, Господь охранил Моисея и дал ему лучшее образование, которое только было возможно получить в Египте (Деян 7: 19-22), а затем явился ему в виде неопалимой купины и затем на горе Синай для того, чтобы Моисей вызволил на-

род Израильский из египетского рабства и провел через пустыню в Ханаан (Деян 7: 30-38).

Откровение Израилю через Моисея было гораздо более полным, нежели откровение через Авраама, Исаака, Иакова и Иосифа, и жизненный опыт нации был соответственно значительно большим. Господь помог Израилю сделать значительный шаг вперед, впервые показав ему, что значит Бог для избранного им народа и что означает быть народом Божиим. Бог научил Моисея, как построить скинию свидетельства (Деян 7: 44). Скиния эта, осененная славой божественного присутствия (Исх 40: 34-38), оберегаемая божественным обрядом, украшенная дорогими, имеющими символическое значение предметами и оживляемая торжественными церемониями, была, тем не менее, лишь первым этапом божественного самооткровения. Позднее, после завоевания Ханаана, которое начал Иисус Навин и завершил Царь Давид, Господь дал Давиду наставления, исполненные сыном последнего, Соломоном, о том, как заменить переносную скинию свидетельства на более величественный и неколебимо торжественный каменный храм (Деян 7: 45-47). Достаточно перечесть соответствующие главы из Третьей книги Царств и Второй книги Паралипоменон, чтобы понять, насколько строительство храма углубило и расширило представление Израиля о славе Божьей и о величии спасения.

Тем не менее ни слова эти не были последним словом Божиим, ни величественный каменный храм не был идеальным храмом Божиим. Это было просто невозможно, ибо, по определению,

“...Всевышний не в рукотворенных храмах живет...”

(Деян 7: 48).

Поэтому, предвидя как разрушение храма Соломона, так и восстановление храма евреями, возвратившимися из вавилонского пленения, Бог устами пророка Исаии послал народу Божьему полное откровение о Своем величии, о Себе как о трансцендентном Господе-Творце, дабы верующие поняли, какой вид храма только и может Его удовлетворить:

“Небо престол Мой, и земля подножие ног Моих; какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего? Не моя ли рука сотворила все сие?”

(Деян 7: 49-50).

Даже храм Ирода, несмотря на все свое невиданное дотоле в Израиле великолепие, должен обветшать и быть оставлен ради совершенной скинии Божьей:

“...скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек... ббльшею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, то есть, не такового устроения”

(Евр 8: 2; 9: 11).

Это вовсе не было христианским антисемитизмом. Не могло это также быть и сектантством в рамках иудаизма. Данный взгляд был проекцией в отдаленное будущее, провозглашенный авторитетным пророком Израиля Исаией и понятый наиболее просвещенными евреями. Истинный иудаизм, остававшийся верным духу Ветхого Завета, всегда учил о том, что самооткровение Бога дается постепенно и не позволяет народу Божьему предаваться отдыху и успокоению, пока он не достигнет божественного идеала.

В-третьих, изложенная Стефаном история эпохи Ветхого Завета ясно показала, что, несмотря на динамизм самооткровения Божьего, оно никогда не было случайным, несогласованным или произвольным. Ведомый Господом Израиль получал различные наставления, однако несмотря на очевидные различия в ориентациях, Бог оставался верен Своей первоначальной цели. Открывая славу Свою Аврааму и через него всему народу Божьему, Господь стремился укрепить в верующих послушание и почтение. Заставив патриарха Авраама покинуть Месопотамию ради Ханаана, Бог затем сообщил ему, что его потомки будут вынуждены уйти из Ханаана в Египет и обосноваться на несколько столетий там. При этом нельзя сказать, что Господь действовал непоследовательно, отказываясь от первоначального замысла или изменял его. В конце Своего обра-

щения к Аврааму Бог сказал:

“...и после того они выйдут и будут служить Мне на сем месте”

(Деян 7: 7)

Века, проведенные сынами Израиля в Египте, вдали от земли обетованной, свидетельствовали не об отказе Бога от поставленной цели, а о подготовке к ее исполнению на другом, более высоком уровне. Видение славы Божьей заставило Авраама покинуть Месопотамию ради Ханаана, где он был подвигнут на великое служение Господу (Быт 12: 7, 8; 13: 4, 18; 22: 5, 9). Видение Моисеем божественной славы посреди неопалимой купины и на горе Синай побудило сыновей Израиля отправиться из Египта и после долгих странствий дойти до Ханаана, чтобы служить Богу так, как служил Ему Авраам. Однако в отличие от Авраама, у которого не было в Ханаане наследственного удела и который, кочуя по земле обетованной, воздвигал алтарь из камней там, где в данный момент оказывался его шатер, сыны Израиля, вернувшись в Ханаан, принесли с собой прекрасную скинию завета. Окончательно завладев землей, они определили постоянное место богослужения для всего народа, поставив там эту скинию с алтарем⁵.

Точно так же, когда после воздвижения скинии Моисея и еще более величественного храма Соломона, Бог объявил через пророка Исаию, что никакое земное здание не может по-настоящему служить местом пребывания трансцендентного Творца, Господь отнюдь не думал отвергать саму идею обитания среди Своего народа и связи этого народа со Всевышним. Поэтому в скинии завета и в храме Бог не только в некотором смысле обитал среди Своего народа, но и, как уже было упомянуто, допускал одного человека предстать перед лицом Божиим на земле.

Утверждая, что Иисус Христос ныне упразднил Иерусалимский храм, Стефан хотел сказать, что Господь, не меняя Своего первоначального замысла и Своей цели, приступил к исполнению Своих намерений на несравненно более высоком уровне.

“И сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога”

(Деян 7: 56).

Не мудрено, что лицо его в этот момент напоминало членам синедриона лик ангела! (Деян 6: 15). Сын Человеческий, Которого увидел Стефан, был ни кем иным, как Иисусом, реальным Человеком, еще недавно ходившим по земле. Ныне тот же самый Иисус, телесно воскресший из мертвых и телесно вознесенный на небеса, пребывал одесную Бога. Он сделал это не только во имя Себя Самого. Будучи Сыном Человеческим, идеальным Человеком, Он заключал в Себе весь народ Божий. Если Он смог войти и был принят в этом верховном небесном святилище, то же самое произойдет и с верующими в Него. Эта мысль была совершенно новой, она потрясала и восхищала. Однако она не отрицала и не отвергала представлений, побуждавших первосвященника раз в году входить в самое священное место на земле, — напротив эти представления получили дальнейшее развитие и, следовательно, изменились, достигнув бесконечно более высокого уровня.

В-четвертых, Стефан исчерпывающе ясно объяснил, что хотя каждый этап божественного самооткровения всегда соответствовал исполнению первоначального замысла на все более и более высоком уровне, на каждой новой стадии откровения Господь обычно призывал Израиль поступать иначе, чем до сих пор. Ребенок, которому при помощи цветных кубиков объяснили основной арифметический принцип сложения, не откажется от этого принципа, когда от кубиков перейдет к компьютерам, — он откажется от кубиков.

Итак, Бог привел Авраама из Месопотамии в Ханаан. Господь потребовал, чтобы Исаак остался на земле обетованной вместо того, чтобы отправиться в Египет (Быт 26: 2-3). Однако на следующем этапе исполнения божественного замысла Всевышний заповедал Иакову сделать прямо противоположное, то есть пойти в Египет (Быт 46: 2-4). Бог, разумеется, дал понять патриарху, что первоначальная цель остается неизменной, и сыны Израиля в конце концов

вернутся назад. Веря этому обетованию, Иаков и его сыновья завещали похоронить себя в Ханаане (Деян 7: 15-16). Но если бы Иаков стал оспаривать справедливость указания идти в Египет, ссылаясь на то, что его деду было велено отправиться в Ханаан, а его отцу — оставаться в земле обетованной и не идти в Египет, он выказал бы не верность божественному слову и замыслу, но свою несостоятельность в приверженности божественной цели и продолжающемуся божественному самооткровению.

Нечто подобное случилось и с Моисеем, призванным вывести сынов Израиля из Египта. Другой мог бы сказать, что коль скоро Бог некогда заповедал Иакову переселиться в Египет со всем своим родом, было бы ошибкой бежать из Египта и устремляться в Ханаан. Такой подход свидетельствовал бы не о верности, открывшейся воле Божьей, а лишь о достойной сожаления привязанности к прошлому. Более того, начать свой путь в землю обетованную, но при этом то и дело вспоминать с сожалением о Египте, как делали некоторые из сыновей Израиля (Деян 7: 39) — означало на деле отдаляться от Бога Живого.

То же происходило ныне и с современниками Стефана. Они утверждали, что коль скоро Бог заповедал Моисею воздвигнуть скинию, а царям Давиду и Соломону — храм, говорить о том, что Христос ныне упразднил храм, исполнив божественный замысел на следующем, более высоком уровне, — кощунственно по отношению к Богу и Моисею. Подобные утверждения были ошибочны и порочны, свидетельствуя не о верности божественному слову, а о неприятии принципа последовательного самооткровения Божьего, который засвидетельствован этим словом.

По-видимому, некоторые из современников Стефана возражали на это — как, впрочем, и сегодня некоторые возражают, что учение о последовательном самооткровении Божьем крайне опасно, ибо дает возможность любому новоявленному лжепророку узаконить любую теорию или практику, хотя бы она и находилась в явном противоречии со словом Божьим, опираясь лишь на субъективные суждения самого псевдопророка. Бесспорно,

христианский мир жестоко пострадал от этого зла. Якобы по водительству Святого Духа в христианство проникали все-возможные небиблейские и антибиблейские традиции, теории и поступки, которые с самого начала находились в явном противоречии с Библией и в конце концов вытесняли ее.

Некоторые либеральные теологи в особенности любят говорить, что Иисус Христос отменил многие ветхозаветные заповеди и дал новое истолкование остальным и, поступив таким образом, Он дал нам пример для подражания — мы не должны верить и следовать всему Новому Завету как таковому. Мы должны внимательно изучить слова Христа и Его учеников, чем-то руководствоваться, иное отвергать, и давать новое истолкование третьему в свете любой философии или мировоззрения, которые в данный момент внушают наибольшее доверие.

Вряд ли стоит объяснять, что учение Стефана о последовательном самооткровении Божьем ничем не напоминало подобную солянку. Пятый важный вывод, который можно сделать из его истолкования ветхозаветной истории, состоит в том, что после заключения союза с Авраамом на каждой новой ступени исполнения божественного замысла Господь, призывая Израиль к радикальным переменам в жизни народа, объявлял этот замысел и обещал его осуществление задолго до реального претворения в жизнь. Наказ, который патриарх Иаков получил через откровение Божье о переселении из Ханаана в Египет (Быт 46: 2-4) со всем своим родом соответствовал тому, что было сказано Аврааму задолго до описываемых событий (Деян 7: 6). Ему было известно и то, что через четыреста лет после переселения Моисей выведет сыновей Израиля из Египта обратно в землю обетованную (Деян 7: 17).

Также и пришествие Мессии не стало неслыханной новостью. Моисей объявил об этом за много веков до того, как это событие произошло (Деян 7: 37). Говорили об этом и все пророки (Деян 7: 52).

Представление о том, что земной храм в Иерусалиме не воплощал в себе Божий замысел о последнем и вечном

храме, не было выдумано христианами и впервые провозглашено Стефаном. Бог объявил об этом через пророка Исаию много веков назад (Деян 7: 48-50).

Стефан мог бы также добавить, как это сделал позднее автор Послания к Евреям, что Новый Завет, новое священство по чину Мелхиседека и отмена жертвоприношений животных ради несравненно большей жертвы — обо всем этом было написано у пророков и в Псалтири задолго до осуществления через Иисуса Христа (Евр: главы 7-8, 10).

С другой стороны, в тексте Нового Завета (ни в словах Христа, ни в словах апостолов) вы не найдете даже и намек на то, что с течением времени отдельные компоненты евангельского учения будут отменены ради чего-то лучшего. Нигде не сказано, например, что причастие (или хлебопреломление) когда-либо станет ненужным, и его придется оставить ради другого символического обряда, указывающего другой и притом лучший способ отпущения грехов. Как раз говорится наоборот — христиане призваны соблюдать Вечерю Господню,

“Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет”

(1 Кор 11: 26).

Наше собственное понимание откровения, переданного нам Сыном Божьим, должно, конечно, постоянно углубляться

“...Доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова...”

(Еф 4: 13).

Что же касается самого откровения Божьего, то ясно говорится, что оно раз и навсегда доверено святым (Иуд 3). Новый Завет, разумеется, не умалчивает и о следующем этапе самооткровения Божьего, который начнется с пришествием нашего великого Бога и Спасителя Иисуса Христа (1 Ин 3: 2). Однако до второго пришествия Мессии мы не ожидаем и не принимаем никаких изменений. Мы призваны хранить “добрый залог Духом Святым, живущим

в нас” (2 Тим 1: 14). Во Христе “сокрыты все сокровища премудрости и ведения” (Кол 2: 3). Выше Него ничего нет.

Вернемся теперь к речи Стефана. Члены синедриона намеревались осудить его за богохульство, вывести во двор и побить камнями. Поступая так, они считали себя защитниками Слова Божьего, опекунами истинной веры и суровыми преследователями ереси. Возможно, они были искренни. На самом же деле все было как раз наоборот, и в этом состоит шестой вывод, который можно сделать из истолкования Стефаном ветхозаветной истории. На каждом новом этапе самооткровения Божьего Израиль неизменно отвергал того, кому Господь поручил сообщить Свое откровение для того, чтобы спасти народ Божий или побудить его изменить свои обычаи под стать новому откровению.

Иосиф, которому Господь поручил спасти сынов Израиля в Египте, оказался там потому, что был ненавидим своими братьями за посылаемые ему Богом сны (Быт 37: 8). Он был ненавидим настолько, что был продан ими на чужбину (Деян 7: 9).

Моисей, которого Бог послал для избавления сынов Израиля от гнета и несправедливости египетского плена, также сначала отвергнутый соплеменниками (Деян 7: 25-29), вынужден был бежать в землю Мадиямскую. И даже когда Бог открыл Себя Моисею, сначала в неопалимой купине, а затем на горе Синай, и Моисей вывел свой народ из Египта, сыны Израиля все равно отвергли его, изменив единому истинному Богу, обратившись к идолопоклонству и с благодарностью вспоминая Египет (Деян 7: 38-41).

Первое поколение, которому была дарована скиния, в значительной степени пренебрегало ею в течение сорока лет скитания по пустыне, предпочитая монотеизму грубое идолопоклонство, которое перенималось им у окружающих языческих народов. Много веков спустя пророк Амос напомнил своим современникам о таком отношении к святилищу, потому что они были повинны в подобном еретическом отношении к храму настолько, что Бог уже не мог этого перенести и изгнал десять колен израильтян в

Ассирию, а два остальных — в Вавилон (Деян 7: 42-43). Жестоко преследовались один пророк за другим, ведь они предвещали, что некогда Господь приведет израильтян к покаянию, возвратит их обратно в землю обетованную и пришлет к ним Праведного Мужа, Мессию, Который поведет их по дороге праведности ради имени Своего.

Таким образом, предав и убив Иисуса, высшее духовенство, занимавшее господствующее положение в народе и синедрионе, отнюдь не показало себя преданным защитником откровения Божьего и проводником истинной веры. Они оставались верными себе до конца — в отказе признать в Иисусе Мужа Праведного сквозило упрямство нераскаявшихся людей, враждебных Духу Святому, слепых и глухих к Евангелию, подобно тому как их отцы были слепы и глухи к закону и пророкам (Деян 7: 51-53).

Стефан говорил со своими обвинителями прямо и неприязненно. Членов синедриона вывело из себя то, что вместо отказа от своих воззрений Стефан продолжал утверждать, что Иисус изменил и продолжает изменять обычаи, переданные народу Божьему Моисеем и упразднил храм со всеми его обрядами. И когда Стефан объявил, что видит небо отверстым и Сына Человеческого, стоящего по правую руку Бога, они не выдержали: менее чем через час Стефан был мертв.

Но уже через несколько лет, а именно в 70 г. н.э. храма уже не существовало и садуккейский род первосвященника, как и все остальные священнические роды, постепенно пришел в упадок.

Все же здесь, по-видимому, еще рано ставить точку. Сколь бы серьезными ни были обвинения Стефана против старейшин, умирая первомученик громко закричал, так, чтобы все могли слышать, что он прощает своих обидчиков:

“Господи! не вмени им греха сего”

(Деян 7: 60).

Даже в его речи перед синедрионом, если внимательно перечитать ее, содержится луч надежды. Братья Иосифа, те самые, которые продали его в рабство, в конце концов

признали в нем спасителя своего рода, покаяться и примирились с ним (Деян 7: 11-14). Соплеменники Моисея, поначалу отвернувшись от него, так что он должен был бежать в землю Мадиамскую, все же по возвращении его признали в нем своего предводителя, который должен был вывести их из Египта. И хотя после откровения Божьего, данного Моисею на горе Синай, народ вновь отвернулся от своего вождя и отказался пойти за ним в землю обетованную, новое поколение поверило ему и вступило в свое наследственное владение, отданное им Господом. Предав Иисуса и отдав Его на казнь римлянам, израильяне совершили тяжкий грех наподобие своих отцов, и мы можем быть уверены, что некогда народ Израиля, опять же следуя образу, унаследованному от отцов, примет Мессию. Они признают в нем Спасителя, большего, чем Иосиф, они будут слушать его как Пророка, большего, чем Моисей, и они получат через Христа полное благословение, которое Бог обещал дать Аврааму и его потомкам.

Заключение

Нам остается лишь отметить, сколь отлично отношение христианства и иудаизма к факту разрушения храма.

Когда во время Своего последнего путешествия В Иерусалим Господь Иисус взглянул на город и подумал о бедствиях и несчастьях, которыми будет сопровождаться его разрушение, Он не выдержал и заплакал (Лк 19: 41-44). И таковым же является отношение каждого истинного христианина.

Израиль не просто пережил разрушение Иерусалима и храма — он пережил его, оставшись народом, вера которого в Бога не надломилась в результате катастрофы. Истинные христиане могут этому только радоваться. Израиль, по словам Павла, может быть врагом благовестия, но в отношении избрания он возлюблен Богом ради отцов, “ибо дары и призвание Божие непреложны” (Рим 11: 28-29).

Да, они преткнулись! Но “неужели они преткнулись, чтобы *совсем* пасть?” — спрашивает апостол (Рим 11: 11). Наступит день, когда “весь Израиль спасется” (Рим 11: 26),

спасется народ как целое, а не как остаток, сохранившийся по избранию благодати в настоящее время (Рим 11: 5). А про вечный город наш Господь говорит, что

“...и Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников”

(Лк 21: 24).

Одной из причин сохранения Израиля после разрушения Второго храма, как отмечает рабби Исидор Эпштейн, было учреждение синагоги:

“Была учреждена Синагога с ее тщательно разработанной литургией, которая могла теперь заменить храм, как место молитвы и богослужения. Более того, идея устного закона позволила сочетать стремление к развитию и переменам с приверженностью традиции, для того, чтобы по-настоящему приспособить жизнь евреев к новым обстоятельствам... Был принят целый ряд мер для решения запутанных проблем, возникших от того, что многие обряды были связаны с храмом и первосвященником. Литургия и другие божественные службы были заново отредактированы и приспособлены к новым условиям, так, например, жертвоприношения животных были заменены молитвами, были также введены сугубые прошения о скором восстановлении храма и древнего Иудейского государства”⁶.

Христиане готовы признать, что позаимствовали у евреев идею синагоги, поскольку первые церкви во многом напоминали синагоги, особенно в том, что касалось церковного управления⁷. Однако принцип замены жертвоприношений животных молитвами, положенный в основание вновь учрежденной синагоги, указывает на непримиримое и красноречивое различие между иудаизмом и христианством. Разрушение храма, единственного места, где израильтянин мог приносить жертву за грех, оставило иудаизм без искупительной крови. Неловкость и ненормальность этого положения станут заметны при рассмотрении основного обоснования искупительной жертвы, приведенного в Законе:

“Если кто из дома Израилева и из пришельцев, которые живут между вами, будет есть какую-нибудь кровь, то об-

--рашу лицо Мое на душу того, кто будет есть кровь, и истреблю ее из народа ее; потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает”

(Лев 17: 10-11).

До сих пор ортодоксальный иудаизм строго соблюдает запрещение есть кровь, почитая эту заповедь за неизменный и неизменяемый закон Божий. Однако основная причина этого запрещения, как гласит Слово Божие, состоит в том, что Господь предназначил кровь “для жертвенника” ради искупления души. Несмотря на это указание, иудаизм, продолжая соблюдать запрет, не вдается более в объяснения истинной его причины. Иудаизм отступил от идеи искупления кровью, заменив ее молитвой. Между тем ясно, что молитва не равноценна пролитой крови, и она не может служить достаточной заменой принесению невинной жизни в жертву на алтарь ради искупления вины. Пожалуй, утверждать, что иудаизм отступил от идеи искупления кровью, было бы не совсем справедливо. Вынужденное прекращение жертвоприношений животных было вызвано разрушением храма. Если бы храм продолжал существовать, можно не сомневаться, что, по крайней мере, ортодоксальные иудеи до сих пор приносили бы в жертву животных над храмовым алтарем ради отпущения грехов. И, как напоминает нам И. Эпштейн, верующие в синагоге до сих пор возносят молитвы за скорейшее восстановление храма и, следовательно, практики жертвоприношений.

Христианство же, в отличие от иудаизма, не отвергло заповеди Божьей о том, что всякий грех должен быть смыт пролитием крови. Конечно, христианство признает и утверждает, что

“...невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи”

(Евр 10: 4).

Жертвоприношения животных были сродни долговым распискам. Они признавали наличие долга (то есть греха), обещали уплату, указывали, каким образом должен быть уплачен долг. Однако сами по себе ничего не стоили. С

другой стороны, их нельзя было просто отложить в сторону, забыв об их существовании. Записанные в них обязательства должны были быть выполнены в срок.

Именно это и сделал Господь Иисус. Он оплатил бесчисленное количество долговых расписок религиозных евреев, подписанных принесенными ими жертвами животных, оплатил весь долг сразу, пролив Свою кровь и принеся себя в жертву. А теперь, когда весь долг полностью уплачен, можно спокойно уничтожить долговые расписки. Это не означает, что можно просто забыть об их существовании, не исполнив обещаний и не уплатив долга. Когда Господь праздновал с учениками Свою последнюю Пасху, он сказал им:

“Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания; ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божиим”

(Лк 22: 15-16).

Иудаизм просто отказался от кровавой жертвы, Христос же ее совершил.

Но каково было отношение христианства к разрушению храма, с его жертвоприношениями, первосвященником и священством? Если верить Стефану и автору Послания к Евреям, первые христиане не делали из этого неуместной трагедии. У них по-прежнему был Первосвященник, но он был неизмеримо выше любого из потомков Аарона. У них было святилище, — конечно, не на земле, святилище более великое и прекрасное, чем любой земной храм, святилище, Первосвященником в котором стоит Христос, куда допускается каждый верующий в Него. Прекращение жертвоприношений животных ради получения отпущения грехов тоже не могло казаться им катастрофой. Через жертву Христа они уже получили полное отпущение грехов, и им не было никакой нужды в продолжении жертвоприношений ради спасения. Зачем жертвовать чем-либо ради того, чем уже и без того обладаешь?

Однако общеизвестно, что в дальнейшем христианство, к сожалению, в значительной мере отказалось от своей прежней опоры на Евангелие и во многом возвратилось к

ветхозаветному иудаизму, даже к тем его компонентам, которые в иудаизме уже упразднены.

Возьмем священство. Согласно Евангелию и Новому Завету, каждый из верующих в Господа Иисуса является священником и не может быть и речи о том, чтобы разделять народ Божий на два лагеря: клир и мир (Откр 1: 6, 5: 10; 1 Петр 2: 5, 9). Подобно иудаизму, у христиан в соответствии с Евангелием может быть только один первосвященник, и этот первосвященник — Сам Христос.

Но в последующие века христианский мир не довольствовался Евангелием. Он вернулся назад, введя священство по образцу, заимствованному у прежнего иудаизма. Он поделил неделимый народ Божий на два лагеря: священнослужителей и мирян. Затем, опять-таки в соответствии с древним иудаизмом, “священнослужители” были поделены на три категории: “дьяконы” (“левиты”), “священники” и “земной первосвященник”. Тем самым образовалось противоестественное положение, которого иудаизм не знал: появилось два первосвященника одновременно: один на небе, другой на земле.

Подобно иудейским священникам, многократно приносившим жертвоприношения, дабы получить отпущение грехов, христианский мир также воздвиг алтари в своих храмах, превратив причастие в жертву и убедив “священников” в том, что эту жертву можно и должно неоднократно приносить на алтари ради отпущения грехов как духовенства, так и мирян.

Еще одна аналогия: Иерусалимский храм был поделен завесой на две части: Святое и Святое Святых. Христианский мир принялся строить свои святилища на манер храма: сначала неф, где, стоя или сидя, могли находиться миряне, и затем алтарь, специально огороженный и иногда закрытый красивой завесой, а иногда отделенной стеной, где во время богослужения могли находиться только священники, дьяконы и хор. Не удивительно, что простые верующие, которым было запрещено входить в Святое Святых земного храма приходили к выводу, что никак не могут быть уверены, вступят ли они в храм Небесный в будущем, не говоря

уже о возможности сразу, через кровь Христа, войти с верою в Святое Святых Царства Божьего.

Интересно, что бы сказал по этому поводу первомученик Стефан, если бы дожил до наших дней? Очевидно, он не назвал бы подобное отношение безобидным или не вполне удачным подражанием старине. Он верил, что различие между иудаизмом и христианством по данному вопросу столь велико, является настолько важной и неотъемлемой частью Евангелия, связанной со спасением человечества через жертву Христа, что был согласен скорее умереть, нежели обойти молчанием истину. И если он считал отказ иудаизма сделать новый шаг к восприятию полного и окончательного откровения Божия отступлением от Бога Живого, то как он должен был бы относиться к повороту христиан в сторону древнего иудаизма?

Наметились признаки того, что в последние десятилетия христианский мир начал очищаться от вековых наслоений древнего иудаизма. Но предстоит еще долгий путь, прежде чем он приблизится к истинной полноте Евангелия, без компромиссов и умалений, оставаясь в таком положении всегда и не делая более ошибочных шагов в сторону.

Примечания

¹ Geza Vermes, "Dead Sea Scrolls", THE INTERPRETER'S DICTIONARY OF THE BIBLE, Supplementary Volume (Nashville: Abingdon, 1976), p. 215 b. [Толковый словарь Библии. Заметка Геза Вермес "Рукописи Мертвого моря"].

² В действительности Христос сказал следующее: из-за того, что Израиль в лице своих руководителей отверг посланного Богом Мессию, продолжая упорствовать в своем неприятии, несмотря на воскресение и вознесение Иисуса, Господь попустит врагам Израиля разрушить Иерусалим и храм (Мф гл. 24). В этих словах не было ничего кощунственного. Пророк Иеремия в свое время предвещал современникам, что из-за их грехов Бог попустит разрушение первого храма. Так и случилось при вавилонском царе Навуходносоре. Иеремия и не думал утверждать, что лично он, Иеремия, разрушит храм, не говорил этого и Христос.

³ W. Manson, THE EPISTLE TO THE HEBREWS (London,

1951), chapter 2, "Stephen and the World-Mission of Christianity" [В. Мэнсон. Послание к Евреям. Глава 2 "Первомученик Стефан и всемирная миссия христианства"].

⁴ См.: Евр 1: 1-2: "Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне..."

⁵ Фраза "...выйдут [из той страны] и будут служить Мне на сем месте", приведенная Стефаном в Деян 7: 7, не встречается в Быт 15: 14. Первомученик добавил ее, взяв за образец слово Божье к Моисею (Исх 3: 12), как доказательство того, что еще во дни Авраама Бог предвидел события времен Моисея и позднейших эпох, необходимые для исполнения Своего замысла. Ради чего Авраам и был призван.

⁶ I. Epstein, *Judaism* (Harmondsworth: Penguin Books, 1959, pp. 112-113. [И. Эпштейн. Иудаизм].

⁷ Для христиан было бы гораздо лучше, если бы они в дальнейшем этим и ограничились, вместо того, чтобы брать за образец храм с его первосвященником, священством, левитами, мирянами и повторяющимися "кровавыми жертвами".

⁸ Данное место приведено в английском переводе по изданию THE HOLY SCRIPTURES ACCORDING TO THE MASORETIC TEXT [Традиционный (масоретский) текст Священного Писания]; данный перевод сверен с предыдущими изданиями и часто содержит ссылки на иудейских комментаторов (Philadelphia: The Jewish Publications Society of America; Cambridge: Cambridge University Press, 1917).

ДЕЙСТВИЕ 2

ЕВАНГЕЛИЕ И НЕОРТОДОКСАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ САМАРЯН (Деян 8: 4 - 2)

Следующий сюжет второго Раздела Деяний посвящен проповеди Евангелия в Самарии Филиппом. Нетрудно установить логическую связь между этим и предыдущим сюжетами. Так же, как и у евреев, у самарян был свой храм по крайней мере до 128 г. до н.э. (по другим сведениям до 108 г. до н.э.), когда иудейский первосвященник Иоанн Гиркан приказал его разрушить. В отличие от иудейского храма, храм самарян находился не в Иерусалиме, а на горе Гаризим. Несмотря на то, что в описываемое время храм не существовал, самаряне по-прежнему почитали священным то место, где он прежде находился. Географическое положение храма имело для них огромное значение, ибо было выбрано неслучайно и весьма почиталось, чему были свои религиозные и этнические причины (Ин 4: 20).

Так же как и для евреев, сошествие Святого Духа открывало самарянам уникальную возможность подняться на гораздо более высокую ступень богослужения по сравнению с той, на которой они находились ранее. Самарянский храм был воздвигнут, под стать Иерусалимскому храму, из камня и имел свое постоянное местоположение на горе Гаризим. Дар Святого Духа, пребывающего в христианине, превращал любого самарянина, принявшего этот дар в храм духовный. Географическое положение теряло, таким образом, прежнее свое значение. По словам нашего Господа, обратившегося к самарянке,

“...поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу”

Ин 4: 21).

Время это уже пришло, благовестие Филиппа предлагало самарянам источник воды живой (Ин 4: 14), дар Святого Духа через веру в Господа Иисуса, который позволил бы им служить Богу наилучшим образом. Только через такое служение можно найти путь к сердцу Господа. Как замечает Иисус в той же беседе с самарянской,

“Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе: Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине”

(Ин 4: 23-24).

Но самаряне находились в большом затруднении. Что до евреев, то им оказалось мучительно трудно поменять свое традиционное богослужение, на богослужение высшего порядка, ставшее возможным через жертву Христову. В самом деле, большинство евреев оказалось не в состоянии сделать этот шаг. Многие же самаряне, напротив, выразили великую радость и готовность оставить свой прежний порядок богослужения ради нового. К сожалению, в их традиционном богослужении существовали настолько серьезные ошибки, что даже когда они уверовали в Господа Иисуса и были крещены в Его имя, ошибки эти какое-то время не позволяли им сделать требуемый шаг. Святой Дух, благодаря которому они только и могли по-настоящему познать Отца и поклоняться Ему в духе и истине, оставил их до тех пор, пока они ни осознали своего прошлого греха, не раскаялись в нем и не отреклись от него (Деян 8: 14-17).

В чем же заключались их ошибки? Почему они были столь серьезны? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны внимательно изучить следующий сюжет.

Предыстория евангелизации Самарии

Если, как мы видели из предыдущего сюжета, почитание Иерусалимского храма было для большинства евреев не-

пременным слагаемым ортодоксальной веры, можно сказать, что вера самарян была весьма далека от ортодоксальности. У них не было решительно никакого благоговения перед еврейским храмом. Не потому, что самаряне были язычниками — они вовсе не были язычниками, веруя в того же единственного истинного Бога, что и евреи, почитая Пятикнижие Моисея боговдохновенным Словом Божиим. Самаряне верили, что некогда Бог пошлет Своего Мессию, Который станет Спасителем мира¹, верили также и в наступление Судного Дня, приносили религиозные жертвы, как того требовал закон Моисеев.

Но они отвергали Иерусалим с его храмом. При этом они рассуждали не так, как кумраниты. Последние, как мы помним, вовсе не отвергали Иерусалимский храм как таковой — они лишь полагали, что многочисленные злоупотребления священников и нарушения в порядке службы делают невозможным для них участие в храмовом богослужении. Самаряне же вовсе не почитали Иерусалимский храм святым местом.

В отличие от Стефана они не считали, что земные храмы, левитское священство и жертвоприношения животных упразднены раз и навсегда и вскоре исчезнут. Действительно, ко времени благовестия Филиппа у них уже давно не было своего храма. Однако у них все еще оставался первосвященник, они продолжали приносить в жертву животных на том месте, где когда-то стоял храм, и у них не было намерений отказываться от этой традиции².

Самаряне не возражали против внешнего вида Иерусалимского храма, или действий его первосвященника³. Их позиция заключалась в следующем. Вместе с иудеями самаряне соглашались с указанием Моисея во Втор 12: 4-18, что во святой земле может быть только одно место, где можно правомочно совершать жертвоприношения. Они просто напрасно не верили, что заповеданное Богом место — это Иерусалимский храм. По их мнению, таким местом была гора Гаризим.

Как заявила Христу самарянка:

“Отцы наши поклонялись на этой горе [Гаризим]; а вы

[евреи] говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме”

(Ин 4: 20).

Религиозные разногласия между двумя народами восходят к эпохе возвращения евреев из вавилонского плена: увидев, что самарянское богослужение во многом находится под влиянием идолопоклонства, иудеи отказались позволить самарянам принимать участие в восстановлении Иерусалимского храма. Позднее самаряне полностью отошли от идолопоклонства, однако евреи все равно не общались с ними из-за того, что самаряне сохраняли приверженность храму на горе Гаризим.

Постепенно религиозные разногласия между двумя народами углубились и стали подобны гноящейся ране. Во времена земной жизни Господа нашего эти разногласия нередко приводили к разнообразным столкновениям. Евреи, как мы уже упомянули, разрушили самарянский храм; самаряне платили им той же монетой.

Страк и Биллербек приводят такой пример;

“Рабби Исмаил бен Хосе отправился в Иерусалим помолиться. Когда он проходил мимо платана [на горе Гаризим], его остановил самарянин. Он спросил у путника: “Куда ты идешь?” — Тот ответил: “В Иерусалим на молитву”. На это самарянин сказал: “Неужели лучше молиться на навозной куче, чем на этой благословенной горе?”⁴

Между 6 и 9 гг. н.э. некие самаряне пришли в Иерусалим во время Пасхи и разбросали в храме кости — поступок кощунственный, рассчитанный на то, чтобы в наибольшей степени осквернить иудейское святилище.

Когда же Христос со своими учениками хотел заночевать в самарянской деревне, жители деревни “не приняли Его, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим” Это до такой степени вывело из себя Иакова и Иоанна, что они готовы были призвать огонь с небес для истребления негостеприимных хозяев (Лк 9: 51-56). А в 52 г. н.э. самаряне даже убили нескольких иудейских паломников в местечке Эн-ганним. Евреи, разумеется, не остались

в долгу.

Религиозные распри вызывают в современном мире отвращение и требования положить им конец, в особенности учитывая то обстоятельство, что история христианского мира являет гораздо более печальных примеров таких распрей, нежели история взаимоотношений евреев и самарян. Люди устали от ожесточения и насилия во имя религии. Они проклинают обе стороны, убежденные, что истинная духовность связана со взаимной любовью и уважением, и что догматические вопросы, лежащие в основе разногласий, не достойны обсуждения.

Но не таково было отношение Христа к подобным разногласиям. Иисус не упускал случая своими словами и поступками подчеркнуть, что отнюдь не разделяет ненависти и застарелой вражды евреев к самарянам, напоминая о любви Божьей к этому племени (Лк 10: 30-37; 17: 11-19; Ин, гл. 4). Однако, несмотря на все Свое расположение и уважение, Христос всегда твердо и решительно указывал им на ошибочность их позиции. И, когда самарянка упомянула о многовековом конфликте между двумя народами, Иисус ответил ей:

“Вы [самаряне] не знаете, чему кланяетесь; а мы [евреи] знаем, чему кланяемся...”

(Ин 4: 22).

Ясно, что Он имел в виду невежество самарян в вопросах Священного Писания, вызванное тем, что народ этот отвергал все книги Ветхого Завета, кроме Пятикнижия Моисеева. Весткот так перефразирует слова Господа, обращенные к самарянке:

“Ваша молитва... обращена к тому, Кого вы не знаете, так как вы не знакомы ни с книгами пророков, где Он открывает Себя народу Божьему, ни с историей этого народа. Вы знаете, кому нужно возносить молитвы, но вы совершенно не знаете Его”⁵.

Невежество самарян было достойным сожаления, но при этом оно являлось и наказуемым, ибо полная ответственность за него лежала на самих самарянах.

Глубочайшее заблуждение, в котором они сами были

виновны, имело и другие серьезные последствия. Если бы они познакомились с книгами первых и последних пророков, а также с Писаниями (то есть со вторым и третьим разделами Ветхого Завета), они нашли бы там ответ на вопрос, где следует приносить жертвы и поклоняться Богу. Так, в 2 Цар 5: 6-10 и главе 7 они бы прочли, что Господь заключил завет с Давидом, царем Иудеи и Иерусалима, что Бог обещал этому царю Свое особое расположение, которое распространяется и на потомков Давида, что сыну Давида Соломону Господь поручил построить храм Имени Божьему (2 Самуил 7: 13). Из других исторических книг Ветхого Завета, а также из Пророков и Псалтири они бы узнали, что Бог избрал местом строительства храма именно Иерусалим (см., напр.: Пс 131, особенно ст. 13-14 и Зах, гл. 3 и 4).

В оправдание самарян обычно говорится, что ко времени раскола между ними и евреями даже последние считали каноническим и потому внушающим доверие одно лишь Пятикнижие Моисеево. Самаряне приняли Тору именно потому, что в те времена она уже была каноном Священного Писания, но, отвергнув Иерусалим, они не признали последующих книг канона, исходивших из того же источника. Однако современные научные исследования говорят о том, что раскол произошел не во времена Неемии, как предполагали ранее, а позже. Несмотря на то, что самаряне воздвигли свой храм около 400 г. до н.э. окончательный их разрыв с иудаизмом и Иерусалимом произошел лишь во время правления Хасмонеев, возможно, уже после разрушения их храма Иоанном Гирканом примерно в 120 г. до н.э.⁶ К тому времени уже были написаны сочинения Пророков, первых и последних, и, скорее всего, все Писания. Окончательный отход самарян от иудаизма и их отречение от Иерусалима с храмом были делом рук самарянских вождей, священников и учителей, поэтому нельзя обвинять простых людей, подобных самарянке у колодца Сихарь в недопонимании сказанного в Священном Писании⁷.

Следовательно, те, кто отрекался как от Иерусалима, так и от двух из трех разделов Ветхого Завета, отдавая

предпочтение горе Гаризим, совершали вдвойне серьезный проступок. Во-первых, это означало неподчинение волей Божьей в отношении места богослужения. Кроме того, это запутывало или вовсе отрицало важнейший вопрос о Спасителе мира, о том, откуда и когда Он явится. Спаситель говорит:

“Вы [самаряне] не знаете, чему кланяетесь; а мы [евреи] знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев”

(Ин 4: 22) (выделено мной — Д. Г.).

Самаряне верили, что некогда Бог пошлет Мессию, так как это предрек Моисей в Пятикнижии:

“Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь, Бог твой...”

(Втор 18: 15).

Однако с течением веков Бог добавлял обет за обетом и пророчество за пророчеством, указывая когда, где и каким образом родится обетованный Мессия и Спаситель мира, чтобы люди знали, где Его искать, где ждать, как распознать Его, когда Он явится в мир. Среди прочего было сказано, что Спаситель произойдет из рода царя Давида (Ис 11:1), будет рожден в родном городе Давида Вифлееме Иудейском (Мих 5: 2) и, объявив Себя Царем Израиля, войдет в Иерусалим, град Давидов (Зах 9: 9).

Отвергнув Иерусалим как святой город, отказавшись от обетов Божьих и пророчеств, содержащихся в двух из трех разделов Ветхого Завета, самаряне пребывали в достойном сожаления и весьма опасном невежестве. Разумеется, народу этому, много пострадавшему от евреев, было невероятно трудно побороть свое столь глубокое и длительное предубеждение против обидчиков и согласиться с тем, что “спасение от Иудеев”. Несомненно, этими словами Господь Иисус вовсе не оправдывал и не извинял надменность, гордыню, высокомерие и злобу евреев, так ничему и не научившихся. Однако, если самаряне и в самом деле желали обрести спасение и радость и принять Духа Святого, позволявший им познать истинное богослужение, столь угодное Господу, они должны были признать, что Спаситель мира произо-

шел из евреев, а не из самарян, что земной столицей этого Царя был Иерусалим, а не гора Гаризим, что Он назвал Иерусалимский храм “домом Отца Моего” (Лк 2: 49; ср.: 19: 46), то есть, что Он тот самый Еврей, о Котором было заповедано за много веков до произошедших событий в тех книгах Священного Писания, которые самаряне отвергли.

Филипп, Самарийский город и принятие Святого Духа самарянами

Весть о том, что их соотечественники из городка Сихарь уверовали в Иисуса как в Мессию (Ин 4: 39-41), несомненно, облетела все поселения Самарии. Этим объясняется тот успех, которым сопровождалось благовестие Филиппа, пришедшего в некий самарийский город⁸. Следуя примеру Господа, апостол действовал весьма осмотрительно. Он не допускал нападок на самарян, не напоминал им вновь и вновь о давней распре, не думал он и защищать авторитет Иерусалимского храма. Он проповедовал Христа, говорит Лука (Деян 8: 5), и Бог подтвердил его проповедь, совершив через него множество чудес.

Многие уверовали. Но затем произошла странная вещь: Святой Дух не сошел на новообращенных (Деян 8: 15-16). Уверовав во Христа, они не получили Святого Духа, как его получали язычники перед крещением (см. случай с Корнилием, Деян 10: 44-48; 11: 15-17, а также замечания апостола Петра в Деян 15: 7-9). Не получили они Святого Духа ни во время, ни после крещения, как это произошло с евреями в день Пятидесятницы (Деян 2: 38). В конце концов Святой Дух им был дарован, но это произошло позже.

Почему? Многие пытались ответить на этот вопрос, будет лучше, если мы сначала рассмотрим, что произошло и, по-видимому, должно было произойти до того, как Бог послал им дар Святого Духа. К самарянам должны были прийти апостолы из Иерусалима (обратим внимание на точность выражений Луки) помолиться за них и возложить на них руки. Со своей стороны самаряне должны были

согласиться на это. И вот тогда, — и только тогда, — Господь готов был открыто подтвердить подлинность их обращения, даровав им Святого Духа (Деян 8: 14-17).

И вновь мы спрашиваем, — почему? Очевидно, Филипп был замечательным проповедником: в следующем далее рассказе об обращении эфиопского вельможи (Деян 8: 26-40) нет и намека на то, что крещение Филиппа должно было быть подтверждено Иерусалимскими апостолами, чтобы обрести полную силу. Более того, нигде больше в Деяниях нет примеров того, чтобы апостолы приходили из Иерусалима и возлагали руки на новообращенных, прежде чем последним посылался дар Святого Духа.

Ответ на вопрос очевиден: период ожидания и публичное возложение рук были необходимы, чтобы самаряне признали свою зависимость от Иерусалима и воссоединились с Иерусалимскими апостолами. Давней неприязни к Иерусалиму должен был быть положен конец. При этом никто не призывал их отправиться на поклонение в Иерусалимский храм: и святость этого храма, и святость горы Гаризим утрачивала силу. Бог не заявлял при этом что отныне и навсегда Иерусалим должен быть признан центром вселенской Церкви. От них требовалось лишь признание того, что Спаситель сказал самарянке из Сихаря: с исторической точки зрения, “спасение от Иудеев”, и оно передается через Иерусалим.

Миру дан лишь один Спаситель и одно спасение (Деян 4: 12). В мире, где раздается столько голосов приверженцев самых разнообразных религий, чрезвычайно важно четко и объективно, в соответствии с историческими данными, засвидетельствовать, кто же является этим единственным Спасителем. В течение столетий Бог предоставлял эти данные: призвание Авраама, создание особого народа, учреждение Закона Божьего, порядка искупления грехов и богослужения через Моисея, наконец, помазание Давида, Царя Иудейского и Иерусалимского, предка и прообраза Мессии, и многочисленные пророчества, рассеянные по многим векам, о рождении, месте рождения, служении, смерти, воскресении и вознесении Мессии. Христианское

Евангелие — не философия, которую, основываясь на всеобщих абстрактных принципах, может создать и разработать любой более или менее одаренный человек, кем бы он ни был и из какой бы страны ни происходил. Как заметит впоследствии апостол Павел, Евангелие — это благовестие Божие,

“которое Бог прежде обещал чрез пророков Своих, в святых писаниях, о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти...”

(Рим 1: 1-3).

Евангелие — результат долгого, объективного, исторического и географического процесса, каждый стык которого выверен Богом, пославшим благовестие.

Исторически благая весть неотделима от Иерусалима. По словам евангелиста Луки, когда между Своим воскресением и вознесением Христос наставлял апостолов на всемирное служение, Он говорил:

“...так написано, и так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима”

(Лк 24: 46-47).

Благовестие навеки неразрывно связано с определенными историческими событиями, произошедшими в Иерусалиме.

Если бы самарянам позволено было получить Духа Святого без покаяния в своей застарелой неприязни к Иерусалиму и без признания всех тех библейских пророчеств, которые указывали, что Мессия произойдет “от семени Давида”, над ними нависла бы реальная угроза, ибо им было бы легко представить, что можно уверовать в Иисуса и принять Духа Святого без покаяния. И тогда христианство могло бы существовать в двух формах: христианство евреев, основанное историческим Иисусом, неотделимое от Иерусалима, и христианство самарян, с неким Иисусом и святым духом, которые бы не имели с Иерусалимом ничего общего, со “спасением” “не от Иудеев”.

Самарянский вариант христианства был бы, разумеется, ложным. Подобные ложные культы существуют даже сегодня: объявляя себя христианскими, они много говорят об Иисусе и о Святом Духе, на деле же они отрицают либо физический и исторический факт смерти Иисуса в Иерусалиме, либо факт Его телесного воскресения, либо оспаривают авторитет иерусалимских апостолов. Такой Иисус и такой дух святой явно не согласуются с исторической действительностью.

Мы говорим не о воображаемых опасностях. Через Моисея Господь заповедал, чтобы народ Божий приносил жертвы лишь в определенном месте, которое выбрал Сам Бог. Это объяснялось не местническим чувством религиозной исключительности, а замыслом создать защиту от реальной опасности поддаться соблазну лживых хананейских культов, существовавших по всей Палестине, когда туда пришли евреи. В те донаучные времена особенно легко было дать увлечь себя суеверием, магией и демонизмом языческих религий. В двенадцатой главе Второзакония ясно указано, что именно для защиты Израиля от этих ложных представлений Бог повелел Своему народу учредить один-единственный центр, в котором можно было бы увековечить учение о едином истинном Боге. Правда, Израиль нарушил этот завет и учредил иные незаконные капища. О последствиях такого поступка свидетельствуют изгнание десяти колен сынов Израиля вкупе с синкретизмом, характеризующим ранний этап развития религии самарян. Верно и то, что само богослужение Иерусалимского храма оказалось искаженным, храм был разрушен в эпоху пленения и нуждался в восстановлении. Однако при всем этом подлинная традиция была не забыта и Иерусалим оставался избранным Богом местом, где о Нем свидетельствовали книги Священного Писания, лишенный языческих символов храм и установленный свыше порядок жертвоприношений и богослужения.

Самаряне отвергли избранный Богом Иерусалим с его храмом, а также два из трех разделов Священного Писания. Поэтому не удивительно, что к тому времени, когда к ним

пришел Филипп, они дорого заплатили за свою ошибку, поддавшись речам волхва по имени Симон, который подкупал легковверный народ смесью магии и спиритизма, выдавая себя за кого-то великого. Изумленные его волхвованием, самаряне по ошибке решили, что Симон “сей есть великая сила Божия” (Деян 8: 10). Даже до прихода Филиппа, начавшего проповедовать истинного Мессию, самаряне не должны были поддаваться обману этого языческого спиритизма. Разумеется, иудейские первосвященники Анна и Каиафа не являлись олицетворением праведности и духовности, однако в их храме и богослужении не было места людям вроде Симона. Если бы самаряне не отвергли большую часть Ветхого Завета, они нашли бы там описание истинного Мессии, что помогло бы им изблечить Симона с его языческими представлениями о природе Божьей, с его отнюдь не библейской терминологией и демоническими силами.

Более того, весьма поучительно, что волхв этот, услышав об Иисусе и увидев чудеса, совершенные Его именем, сразу “уверовал” во Христа и крестился во имя Его. Но последующие события показывают, что Симон не имел ни малейшего представления о том, кем был Иисус на самом деле и что именно отстаивал, а также о том, какова природа Святого Духа. “Иисус” и “Святой Дух” были для него всего лишь двумя демоническими силами, более могущественными нежели те, которыми владел он сам, однако того же рода. Он готов был заплатить значительную сумму, чтобы эти силы укрепили его могущество, позволив обрести еще большую власть над людьми, учредить собственную религию и увеличить доходы.

Таким образом, Бог преподал самарянам полезный и спасительный урок, отказавшись подтвердить их покаяние и веру в Господа Иисуса до тех пор, пока те не повиновались и не воссоединились с апостолами из Иерусалима.

Заключительные размышления

Мы уделили немало времени первым двум сюжетам второго раздела Деяний, много больше, чем уйдет у нас на

рассмотрение двух оставшихся. Все же задержимся еще немного, чтобы понять, в чем рассмотренные истории дополняют друг друга.

Рассказ о Стефане учит тому, что откровение Господне совершается во времени, Бог проявляет себя в истории и призывает нас удостовериться, что мы следуем за Ним, принимаем все более полное откровение о Его Сыне, а не ограничиваемся современным иудаизмом и не довольствуемся смесью христианства с ветхозаветным иудаизмом.

Рассказ о Филиппе содержит иной, но равно важный вывод: истинное христианство укоренено в истории, и мы не имеем никакого права отрываться от этих корней. Мы не можем оставаться верными Христу и христианству, не признав боговдохновенности и правомочности Ветхого Завета. И прежде всего мы не можем отвергать учения и полномочий иерусалимских апостолов, если стремимся исповедовать Христа. Отвергающие боговдохновенность и правомочность Ветхого Завета, отстаивающие христианство, лишенное исторической почвы и вырванное из контекста событий, приведших к зарождению христианства, проповедуют нечто, не имеющее ничего общего с истинным христианством. Они обрубают корни, соединяющие их с историей. То, что они проповедуют, в лучшем случае является смесью христианской этики с враждебным ей, по своей сути языческим (хотя бы и в современном варианте) философским мировоззрением, порой вполне под стать суевериям Симона-волхва.

Примечания

¹ Они называли его Таheb; один из возможных переводов — “восстановитель”.

² До сих пор существуют две общины самарян — возле Сихема (современный Наблус) и в Холоне, пригороде Тель-Авива. На Пасху они по-прежнему приносят в жертву овцу на святом месте на горе Гаризим.

³ Roger Beckwith, *THE OLD TESTAMENT CANON IN THE NEW TESTAMENT CHURCH* (London: SPCK, 1985), p. 130. Роджер Беквит в книге “Ветхозаветный канон в Церкви Нового Завета” недавно напомнил нам, что, согласно Иосифу

Флавию, “самарянский храм был воздвигнут по образцу храма в Иерусалиме” (“Иудейская война” 1. 2. 6 и 1. 63; “Иудейские древности” 11. 8. 2; 11. 310; 13. 9. 1; 13. 256), что самарянский первосвященник происходил из рода первосвященника иудейского от отлученного члена рода и что семьи многих самарянских священников, подобно первосвященнику, происходили из Иерусалима (“Иудейские древности” 11. 8. 2, 4, 7 и 11. 306-312, 322-324, 346f).

⁴ Strack-Billerbeck, *Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrash*, vol. 1 (Munich, 1922-28), p. 549. [Штрак-Биллербек. Комментарий к Новому Завету с точки зрения Талмуда и Мидраша]. Цит. по: L. Morris, *THE GOSPEL ACCORDING TO JOHN* (Grand Rapids, MI: Wm B. Eerdmans, 1973), p. 268, n. 51 [Л. Моррис. Евангелие от Иоанна].

⁵ B. F. Westcott, *THE GOSPEL ACCORDING TO ST JOHN* (London: John Murray, 1989), p. 72. [Б.Ф. Весткотт. Евангелие от Иоанна].

⁶ См.: Bruce K. Waltke, *THE SAMARITAN PENTATEUCH AND THE TEXT OF THE OLD TESTAMENT*, in J. Barton Payne (ed.), *NEW PERSPECTIVES ON THE OLD TESTAMENT* (Waco, TX: Word Books, 1970), pp. 225-226; Roger Beckwith, *THE OLD TESTAMENT CANON IN THE NEW TESTAMENT CHURCH* (London: SPCK, 1985), pp. 130-131 [Брюс К. Валтке. Самарянское Пятикнижие и текст Ветхого Завета. В кн.: Дж.Бартон Пейн (ред.). Новые перспективы изучения Ветхого Завета; Роджер Беквит. Ветхозаветный канон в Церкви Нового Завета].

⁷ Самарянское Пятикнижие содержит некоторые существенные отклонения от масоретского текста и от текста Септуагинты. В этих расхождениях гора Гаризим названа святым местом храма Божьего. Крайне маловероятно, чтобы эти отрывки представляли собой оригинальный текст Ветхого Завета. См.: Брюс К. Валтке. Цит. соч. С. 225-26. Несомненно, самаряне подделали оригинальный текст, чтобы оправдать предпочтение, отдаваемое ими горе Гаризим.

⁸ Многие рукописи говорят о главном городе Самарии, Севастии, в которой в описываемое время проживало в основном языческое население. Маловероятно, чтобы Лука имел в виду Севастию — он бы назвал этот город. Возможно, здесь подразумевалась Гитта, родина Симона. Лучше сослаться на те рукописи, которые рассказывают о некоем “городе в Самарии”.

ДЕЙСТВИЕ 3

ЕВАНГЕЛИЕ СТРАДАЮЩЕГО СЛУГИ (Деян 8: 26-40)

Третий рассказ второго раздела Деяний еще короче второго, в нем только пятнадцать стихов по сравнению с двадцатью двумя стихами предыдущего сюжета. Причем, для того, чтобы понять основную мысль третьего рассказа и определить его место в связи с общей направленностью второго раздела Деяний, совсем не обязательно погружаться в исторический контекст описанных событий.

Как и предыдущие сюжеты, этот рассказ, по крайней мере, вначале, связан с Иерусалимским храмом: важный эфиопский правительственный чиновник посетил Иерусалим, чтобы помолиться в храме. На обратном пути, сидя в колеснице, вельможа читал книгу пророка Исаии, которую, по всей вероятности, купил в Иерусалиме (Деян 8: 27-28). Это обстоятельство обращает наше внимание не только на богослужение и отношение к Богу в иудаизме, но и на его свидетельство о Господе перед окружающими языческими народами. В этом свидетельстве было два основных элемента: храм и Библия. Каждый из них по-своему уникален. В отличие от храмов окрестных народов, в Иерусалимском храме не было никакого изображения божества, что отражало представление Израиля о едином, невидимом и трансцендентном Творце, производило большое впечатление на вдумчивых язычников вроде этого эфиопа, будучи разительным контрастом с интеллектуальной несостоятельностью и моральной распущенностью политеизма, господствовавшего в древнем мире.

Трудно определить, сколько таких благоразумных языч-

ников пришло к вере в Бога Живого через храмовое свидетельство. Многие язычники, в том числе и занимавшие видное общественное и политическое положение, приносили жертвы в Иерусалимском храме. Впрочем, это еще не означало ни их безоговорочного принятия иудейского монотеизма, ни их личной веры в истинного Бога:

“Жертвоприношение в каком-нибудь известном святилище нередко служило лишь выражением благочестия, присущего всем народам, являясь знаком уважения к данному народу или городу и никоим образом не означало, что жертвователь исповедует данную религию. Если подобное происходило в других знаменитых святилищах, то почему Иерусалим должен был быть исключением? У евреев и у иудейских священников со своей стороны не было причин отвергать проявление уважения по отношению к их Богу, даже если это был лишь знак вежливости”¹.

Многие язычники глубоко оскорблялись, видя, что евреи не собираются отвечать любезностью на любезность и проявлять уважение к богам других народов. Их задевали также те бескомпромиссные выражения, в которых иудейские учителя, основываясь на заповедях Ветхого Завета, обличали пороки и распущенность языческого общества, ведь языческие храмы и священники обычно не придавали значения подобным “пустякам”. Несмотря на это, Иерусалимский храм посещало множество таких язычников, которые, хотя формально не обратились в иудаизм и не стали иудеями, тем не менее испытывали глубокую симпатию к вере Израиля, а также люди, которые, подобно эфиопскому вельможе, сознательно искали нечто лучшее, чем то, что мог предложить им языческий политеизм.

Однако тот факт, что по пути домой эфиопский сановник читал книгу пророка Исаии, напоминает нам, что в иудейском свидетельстве языческому миру было нечто еще более притягательнее, чем храм, а именно — Библия. Местом, где постоянно звучало свидетельство Библии, была синагога местной еврейской общины. Нередко еврейская община была слишком мала, чтобы содержать синагогу, — так, очевидно, в Филиппах был лишь молитвенный дом, в котором апостол Павел встретил одних лишь жен-

щин (Деян 16: 13-14).

В других местах, скажем, в Александрии, существовали и процветающие еврейские общины. Но невзирая на размер общин, во времена Нового Завета евреи основывали синагоги по всему античному миру.

Влияние их было значительным. Деяния свидетельствуют, что бывшие язычники, обращенные в иудаизм, были среди гостей из Рима, собравшихся в Иерусалиме в день Пятидесятницы (Деян 2: 11); их можно было встретить в синагоге Антиохии Писидийской (Деян 13: 43). Хотя сегодня используемые Лукой выражения “боящийся Бога” и “чтущий Бога” толкуются по-разному, очевидно, что римский центурион Корнилий из Цезарии (Деян 10: 2), Лидия из города Фиатир, торговавшая багрянницею, — Павел и Сила встретили ее в Филиппах (Деян 16: 14) и Тит Иуст, римский гражданин, живший в Коринфе (Деян 18: 7) — все они уверовали в истинного Бога Израиля. Центурион из Евангелия от Луки (Лк 7: 5) даже построил в своем городе синагогу. Более того, по сообщению Иосифа Флавия, в первой половине 1 в. н.э. царица Елена из Адиабены и ее сын Изат приняли иудаизм. Вероятно, немалое число подданных последовало их примеру. По некоторым данным, даже Флавий Клеменс, дядя императора и римский консул в 95 г. н.э., а также его жена Флавия Домитилла, возможно, исповедовали иудаизм.

Следовательно, с точки зрения христианства нельзя приуменьшать значение миссионерского свидетельства иудеев среди язычников или отрицать то, что именно вера в истинного Бога и в Слово Божье сделала их выдающимися миссионерами:

“...вера в грядущее повсеместное распространение истинной религии, в приближение срока, когда “Господь будет царствовать над всей землей” и “Господь будет един, и имя Его единым”, побуждала иудеев проповедовать среди язычников почитание единого истинного Бога с верой и послушанием, согласно Его откровению и сделала иудаизм первой великой миссионерской религией средиземноморского мира”².

История обращения эфиопского вельможи ясно указы-

вает на разницу между христианством и иудаизмом, затрагивающую самую суть христианства и определяющую характер христианского миссионерства. Когда Филипп подошел к колеснице эфиопа, сановник читал следующее место из книги пророка Исаии:

“как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст Своих. В унижении Его суд Его совершился, но род Его кто разъяснит? ибо вземется от земли жизнь Его”

(Деян 8: 32-33; процитирован отрывок из Ис 53: 7-8).

Эфиопский вельможа не мог понять смысла этого отрывка и поэтому с открытым сердцем обратился к Филиппу за разъяснением:

“...Прошу тебя сказать: о ком пророк говорит это? о себе ли, или о ком другом?”

(Деян 8: 34)

И Филипп, конечно, отвечал так, как подобает христианину:

“Филипп отверз уста свои и, начав от сего Писания, благовествовал ему об Иисусе”

(Деян 8: 35).

Филиппу не составило труда доказать, что страдания Христовы, суд синедриона над Ним и распятие Иисуса в точности соответствовали пророчеству Исаии. Но не довольствуясь этим, Филипп также поведал благую весть о том, что Иисус восстал из мертвых. Вслед за апостолами Петром (Деян 3: 17-18) и Павлом (Деян 3: 27-37) Филипп утверждал, что не просто воскресение Христа наперекор перенесенным страданиям и крестным мукам доказывает, что Он Мессия, но и сами эти страдания свидетельствуют о Нем как о Мессии, ибо являются исполнением предсказаний пророков об уделе Мессии.

Если бы Филипп ограничился сказанным, он уже изложил бы ту часть благой вести, которая сама по себе овладевала умами и сердцами миллионов верующих из всех народов и питала их упование: речь шла о смирении Мес-

сии, Который, несмотря на обладание божественной силой Царя Небесного, возлюбил врагов Своих до того, что

“Он истязуем был, но страдал добровольно, и не открывал уст Своих”

(Ис 53: 7)

Царь Небесный добровольно предпочел умереть не только за Своих соотечественников и друзей, — хотя Он умер и за них тоже, — но и за всех людей из всех народов, даже и за врагов Бога и человека, за тех, кто распял Его.

Однако мы можем быть уверены заранее, что Филипп не остановился, поведав эфиопскому сановнику то, что Христос безропотно снес все страдания, сколь бы ни было возвышенно само по себе. Лука отмечает, что Филипп начал с отрывка, который в тот момент читал эфиоп — и это было разумно. Но трудно предположить, как делают некоторые, не объясняя, какое отношение имеют к Иисусу другие стихи в главе 53 книги пророка Исаии. На основании других отрывков Филипп мог продемонстрировать не только то, что Христос пострадал безвинно, но и то, что Его страдания заменили наши, были искуплением наших грехов:

“Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали как овцы, совратились каждый на свою дорогу; и Господь возложил на Него грехи всех нас... Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное... чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих, и грехи их на Себе понесет”

(Ис 53: 5-6, 10, 11).

И в этом — истинное Евангелие. Ранние христиане не менее страстно, нежели иудеи, исповедовали святость Бога, настаивая на исполнении Его закона, утверждали, что человеческий грех — зло. Обратите внимание на первые три главы Послания к Римлянам апостола Павла. Ранние христиане настаивали также на том, что после примирения с Богом, искупления, прощения и оправдания верой в

Господа Иисуса, в своей жизни верующий должен всегда неуклонно руководствоваться теми нравственными ценностями, которые разделял Христос. Но не в этом Евангелие, посредством которого враги Божьи примирились с Ним, грешники были прощены, и преступники оправданы.

“Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам.. которым и спасаетесь... Ибо я первоначально преподавал вам, чту и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был и что воскрес в третий день, по Писанию...”

(1 Кор 15: 1-4)

Вот что является не только Евангелием, но и побудительным источником христианского миссионерства. Существует очевидная причина того, почему немногие решаются стать миссионерами, исходя из Закона Божьего и христианской этики, — это наше собственное безграничное несовершенство. Кто я, чтобы убеждать других людей в необходимости вести нравственную жизнь? С другой стороны, каждый из нас может свидетельствовать: хотя я и остаюсь грешником, Христос умер за меня и через Свою смерть даровал мне отпущение грехов и вечное искупление, добавляя, что если Христос возлюбил и спас даже меня, Он непременно спасет и каждого, кто покается и доверится Ему.

Вряд ли можно сказать, что современный иудаизм стремится к миссионерству. Тому, несомненно, есть множество причин. Одна из них заключается в том, что он лишен благой вести, и ему нечего предложить человечеству. Его свидетельство о едином истинном Боге и протест против современного идолопоклонства по-прежнему верны и столь же необходимы, как и во времена Исаии. Отстаиваемая им ценность человеческой жизни и внимание, которое он уделяет этическим вопросам, основываясь на переданном нам Законе Божьем, трудно переоценить. Однако когда иудаизм сталкивается с важнейшей проблемой человечества — виной за нарушение Закона Божьего, на сегодняшний день у него нет удовлетворительного ответа. В прошлом такой ответ был и заключался он в системе жертвоприношений, предписанных Богом для исполнения

наряду с Законом. Жертвоприношения эти были лишь символами покаяния, но все же имели определенное реальное значение. С разрушением же храма иудеи утратили даже и эти символы, не приобретя взамен ничего существенного. Благовую весть, затронувшую сердце эфиопского сановника и позволившую ему уверовать, иудаизм отверг, оставшись без вести об искуплении и без искупительной жертвы, — словом без Евангелия.

Однако и христианский мир нередко подвергается опасности потерять веру в Евангелие и лишиться миссионерского рвения. Верующие начинают поговаривать о том, что современный мир сильно изменился и благая весть о том, что “Христос умер за грехи наши... и в третий день воскрес”, спасшая эфиопа и коринфяне и утвердившая в I в. н.э. церкви по всему миру, — благая весть эта не может спасти современных грешников. Поэтому, когда таким верующим предоставляется случай обратиться к миру, они проповедуют христианскую этику. Они увещевают духовно не возродившихся помогать бедным, укреплять семейную жизнь, добиваться справедливости, однако забывают сказать им о том, что Христос умер за наши грехи, дабы мы были спасены (ибо мы нуждаемся в спасении), оправданы и обрели мир с Богом. Поэтому мир остается в неведении относительно спасения, все меньше людей обращается в истинную веру, и Церковь утрачивает свой миссионерский дух. В той мере, в какой она утрачивает миссионерский дух, она перестает быть христианской.

Примечания

¹ E. Schurer, *THE HISTORY OF THE JEWISH PEOPLE IN THE AGE OF JESUS CHRIST*, vol. 2, revised and edited by G. Vermes, F. Millar, M. Black (Edinburgh: T. & T. Clark, 1979), p. 309 [И. Шурер. История еврейского народа во времена Иисуса Христа].

² G.F. Moore, *JUDAISM*, vol. 1 (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1927), pp. 323-24 [Дж. Ф. Мур. Иудаизм].

ДЕЙСТВИЕ 4

ЕВАНГЕЛИЕ СЫНА БОЖЬЕГО

(Деян 9: 1-31)

Четвертый и последний сюжет второго раздела Деяний посвящен обращению Савла из Тарса. Этот сюжет развивает прежнюю тему свидетельства иудаизма языческому миру. Савл Тарсянин, величайший миссионер всех времен, вышел из иудаизма. С другой стороны, Савл не сразу стал миссионером, эта перемена произошла с ним после его обращения к Христу. Эта история раскроет перед нами еще одно существенное отличие христианства от иудаизма.

В Деяниях обращение Савла описано трижды. Второе (Деян 22: 3-21) и третье (Деян 26: 9-23) описания принадлежат самому Савлу и приведены с его собственных слов. Первое описание принадлежит Луке. Оно напоминает отчет о путешествии и может быть разбито на три части:

1. Путешествие Савла в Дамаск (Деян 9: 1-9).
2. Пребывание Савла в Дамаске (Деян 9: 10-22).
3. Савл возвращается в Иерусалим и отправляется в Тарс (Деян: 9: 23-30).

Из самой этой схемы уже ясно, что обращение Савла вовсе не было незначительным изменением в его прежней вере, некоей добавкой к иудаизму. Перемена была радикальной. Исходная цель его путешествия в Дамаск так и не была выполнена. Видный и энергичный лидер (Деян 9: 1-2) внезапно ослеп и был за руку отведен в Дамаск. Он пробирался наощупь по улицам города и ожидал указаний своего нового господина — первоначальная цель путешествия была оставлена навсегда, и посещение Дамаска приобрело совершенно иной характер.

Совершенно иным, незапланированным оказалось и возвращение Савла в Иерусалим. Молодым человеком ушел он из родного Тарса в Иерусалим — центр своих религиозных устремлений, — чтобы изучать основы иудаизма. Путешествие в Дамаск, во время которого с ним произошло знаменитое обращение, он предпринял для того, чтобы привести обратно в Иерусалим христианских еретиков. Скверным было уже то, что новая христианская ересь продолжала существовать в пределах Иерусалима. И Савл немало сделал для того, чтобы искоренить ее. Но видеть, как она стала распространяться по Иудее, Самарии и уже дошла до Дамаска, ему было просто невыносимо. Еретиков надлежало вернуть в Иерусалим и заставить подчиниться указаниям синедриона (Деян 9: 2) до того, как они заразят синагоги диаспоры. На это и были направлены основные усилия Савла. Иерусалим в его глазах являлся центром, откуда происходило правоверное учение, отвечающее устремлениям мирового еврейства.

Однако Савл вернулся в Иерусалим с пустыми руками, будучи уже сам “еретиком” и следуя учению, которое еще недавно он грозился уничтожить (Деян 9: 2). Более того, вскоре обстоятельства, а вернее воля Господа привела Савла к тому, что он вынужден был во многом против своего желания (Деян 22: 17-21) покинуть Иерусалим и вернуться в Тарс. Иерусалим больше никогда не будет для него постоянным местом пребывания. Местом этим оказывается Тарс, а затем Антиохия, ибо он стал миссионером для язычников, которые никогда не подчинялись и не стали бы подчиняться иерусалимскому синедриону, которые, даже уверовав в истинного Бога Израиля, никогда не стали бы иудеями.

Внешние последствия обращения Савла были весьма драматичными. Сущность же этого события состояла в истинном перевороте и возникновении принципиально нового понимания Бога. Разумеется, еще до своего обращения Савл страстно верил в единого истинного Бога, его нельзя было заподозрить ни в идолопоклонстве, ни даже в синкретизме, в отличие от некоторых первосвященников в

эпоху, предшествовавшую восстанию Маккавеев. Он был верным и истинным наследником откровения Божьего Аврааму. Откровение это вызволило Авраама из среды язычников и освободило его от языческих представлений о природе Божьей, сделав основателем еврейского народа. Вера в того же самого единого истинного Бога сделала Савла “Евреем от Евреев” (Флп 3: 5). Когда язычники соглашались отказаться от своих ложных представлений о природе Божьей, уверовать в Бога Израиля и обратиться в соответствии со строгими правилами фарисеев, он готов был приветствовать их как истинных сынов Завета. Однако при этом он вовсе не собирался идти на компромисс. Савл не мог допустить, чтобы Яхве считался тем же, чем был Зевс у греков или Ваал у сирийцев, то есть одним из названий верховного божества в сонме других богов. Но больше всего заботило его то, что некоторые из его соплеменников пали до того, что оставили славные традиции монотеизма, в которых были воспитаны, дабы воздавать божественные почести Иисусу из Назарета. Вступившись за священную честь имени Божьего, он из одной лишь искренней ревности готов был со всею силою преследовать христиан.

В этом и заключалась трагедия Савла. Верный своему представлению о Боге, он был настолько убежден, что его цельное понимание монотеизма было единственно правильным и исчерпывающим, что поначалу противился всяким попыткам Самого Бога научить его большему. Савл был настолько уверен в истинности своих представлений о Боге, что отказывался признать существование реального Господа. Когда же исповедуемый им Бог воплотился в человека, Савл жестоко преследовал Его и тех, кто в Него уверовал, тем самым показав себя не только неверующим, но, по его собственному позднему признанию (1 Тим 1: 12-17; Рим 5: 10), врагом, гонителем и обидчиком Бога. Разве его хула была менее серьезным преступлением, чем языческий политеизм? До конца жизни он не забыл о своих действиях против воплощенного Бога, Его учеников и святых (1 Кор 15: 9; Еф 3: 8; 1 Тим 1: 12-17), и это навсегда избавило его от чувства превосходства над бывшими

язычниками, ставшими его братьями по вере во Христа.

Встреча Савла с воскресшим Господом Иисусом

Когда его озарил небесный свет, и голос сказал: “Савл, Савл! что ты гонишь Меня?” (Деян 9: 4), Савл тут же невольно обратился к говорящему, назвав Его Господом. Какой бы смысл Савл ни вкладывал в это слово, будучи застигнутым врасплох, очень скоро он убедился в том, что Иисус, Которого Савл инстинктивно назвал Господом, в действительности есть Господь в самом высочайшем смысле слова.

Поначалу Савл получил известность как неутомимый гонитель христиан. Люди эти имели обыкновение молиться Иисусу, и это называлось “призывать имя Божье” (Деян 9: 14). В данном случае речь идет о христианине по имени Анания. Обращаясь к Иисусу (ср. Деян 9: 17 с 9: 10-16), он называет Его Господом:

“Господи! я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме; и здесь имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твое”

(Деян 9: 13-14).

Более того, евреи, в том числе евреи Дамаска, были хорошо осведомлены о том, что христиане во время своих богослужений призывают имя Иисуса (Деян 9: 21), ведь это было одной из причин их преследования. Выражение “призывать имя Господа” часто употребляется в Ветхом Завете в значении “молиться Богу”. Ни разу во всем Ветхом Завете ни один израильтянин не призывает имя ангела по той простой причине, что евреям запрещено молиться ангелам. Когда израильтяне стали “призывать имя Ваала”, это было расценено как прямое вероотступничество, так как при этом вместо Бога молились Ваалу, и пророк Илия казнил всех, кто так поступал (3 Цар 18: 16-46).

Поэтому можно понять ненависть Савла к первым

христианам. Как позднее писал римский писатель Плиний, призывая имя Иисуса, христиане молились Ему как Богу. Савл знал об этом, считая это кощунством. Он направлялся в Дамаск для того, чтобы подавить новую ересь, когда внезапно его озарил небесный свет и чей-то голос обратился к нему. Савл тотчас же понял, что это богоявление и, обратившись к говорившему, назвал Его Господом. Через некоторое время он узнал, что это и есть Господь Иисус.

Но недостаточно сказать, что в ту самую минуту, когда Савл услышал голос с небес, его представление о Боге радикально изменилось. Когда Бог славы предстал перед Авраамом, патриарх мгновенно осознал бесконечное превосходство истинного Бога над богами языческого мира, не лишёнными человеческих слабостей. Ныне же, когда свет истинного богопознания в лице Иисуса Христа озарил Савла, будущий апостол с искренним изумлением увидел, что бытие истинного и живого Бога бесконечно превосходит даже то истинное, но все же неполное откровение, которое Господь давал патриархам и пророкам Израиля.

Когда Моисей обнаружил, что горящий куст не сгорает и стал спрашивать Господа “как Твое имя?”, он тоже понял к своей несказанной радости, что Бог его отцов не просто образ отдаленного прошлого и не просто Господь с небес, Которому нет дела до мира земного, но что Бог “сошел на землю”, чтобы избавить народ Свой от порабощения (Исх 3: 8) и разделить с ним его страдания. Никакие преследования фараона не смогли уничтожить этот народ.

С изумлением и страхом лицезрел Савл неувядающую славу воскресшего Господа и слышал Его голос: “Я Иисус, Которого ты гонишь” (Деян 9: 5).

Увидев Иисуса, Савл ослеп физически и духовно. Иными словами, несмотря на все его прежние знания и представления о Боге, которыми он так гордился и дорожил, Савл обнаружил, что находится во тьме. Когда Бог явился на землю, подобно миссионеру, неся благовест, чтобы “взыскать и спасти погибшее” (Лк 19: 10), Савл не признал Его. Под именем Иисуса жил Господь среди людей и погиб в страшных муках на голгофском кресте, однако Савл не

нашел ничего замечательного в этой жизни и смерти. И ныне, вернувшись на небо, Господь разделял страдания гонимых во имя Его, верующих, учеников, святых, тогда как Савл, лидер ортодоксии, оказался в ненавистной роли современного фараона!

Сердце эфиопского вельможи было покорено, когда он понял смысл послания о смиренном Отроке Господнем, Который, как агнец, был отведен на заклание, но был безгласен перед стригущими Его, изъязвлен за грехи наши и мучим за беззакония наши. Но этот смиренный отрок — наш прославленный Господь, Иисус из Назарета — Бог во плоти. Видение Его славы поставило Его врага Савла на колени, милосердие же Его спасло ему жизнь. Властью Своей Бог повелел Савлу продолжать путь в Дамаск и ждать там дальнейших указаний. Так Савл Тарсянин обнаружил истинную сущность Бога.

Иисус Христос принимает Савла и дает ему особое поручение

Интересный и поразительный факт: чтобы задержать Савла в пути и поставить его на колени, Христос предстал перед ним лично, безо всякого посредника, но чтобы примирить Савла с Богом, ниспослать на него Святого Духа, восстановить ему зрение и поручить ему особую миссию, Иисус не является ему лично, но посылает посредника — своего ученика Ананию. Более того, для приготовления Савла к приходу Анании и для подтверждения того, что Анания действительно посланник божий, Савлу было дано еще одно видение в дополнение к посетившему его по дороге в Дамаск (Деян 9: 11-12).

Посредник нужен был здесь, как и в других подобных случаях, которые мы разбирали выше, для того, чтобы Савл имел возможность выказать подлинное раскаяние и веру. Люди, собравшиеся в Иерусалиме в день Пятидесятницы, многие из которых публично кричали Понтию Пилату, чтобы он распял Иисуса, должны были публично креститься во имя Иисуса Христа и тем самым отделиться

от Его убийц в доказательство искренности покаяния (Деян 2: 38-40). Самаряне должны были показать, что раскаиваются в том, что прежде отвергали Слово Божье в отношении Иерусалима, подчинившись иерусалимским апостолам, которые возложили на них руки (Деян 8: 14-17). А теперь и Савл должен был дожидаться, чтобы пришел Анания и возложил на него руки, — иначе он не мог исполниться Святого Духа, принять крещение, восстановить свое физическое зрение и получить свою особую миссию (Деян 9: 17).

Почему это должно было произойти именно так? Потому что Савл совершил особо тяжкий грех, заключавшийся в крайней ненависти к Господу Иисусу. Савл исторгал смертоносные угрозы против учеников Господа (Деян 9: 1), причинил много зла святым Божиим в Иерусалиме (Деян 9: 3). Именно Савл посеял страх среди призывавших имя Божье (Деян 9: 21), именно он добивался взятия под стражу христиан в Дамаске (Деян 9: 21).

Но вот он обратился к Иисусу, прославленному Богом Отцом, как к своему Господу. Был ли он искренен? Правда ли, что это слово исходило из раскаявшейся души? Или же это был лишь внешний, временный отзвук, насильно исторгнутый из него против воли, под оглушающим впечатлением от увиденного? Как это можно узнать? Очень просто! Если Савл действительно признал в Иисусе Господа, то он должен войти в общение с народом Божиим, то есть с теми самыми верующими, которых презирал и готов был преследовать до конца. Савл должен был признать их своими братьями и не только принять их, но и принять участие в их личных и общественных делах.

Анания, которого Господь призвал быть Своим посредником в данном случае, не принадлежал к апостолам. Насколько мы знаем, он не занимал высокого положения в Церкви. Он был, если можно так выразиться, “простым” верующим. Он не упоминается в Священном Писании прежде и лишь однажды — потом (Деян 22: 12). В его действиях не было никакой магии. Когда он возложил руки на бывшего гонителя Иисуса из Назарета, презиравшегося

народом, этот жест в точности соответствовал произносимым им при этом словам: “Брат Савл!” (Деян 9: 17). А последующие его слова показывали, как возникли эти новые отношения и что составляет их жизненную силу:

“Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел [сюда], послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа”

(Деян 9: 17).

В этом и заключен основной принцип истинного обращения: к вере во Христа, вере, дарующей спасение, можно прийти только через личное исповедание Иисуса как Господа, что и сделал Савл. И если эта вера подлинна, она приведет к принятию в народ Божий. Можно интересоваться птицами и не иметь никакого отношения к местному отделению общества любителей природы. Можно даже и не общаться ни с одним из членов этого общества и все-таки быть настоящим любителем природы. Однако нельзя воистину принять Христа без того, чтобы не вступить в общение с Его народом. Народ этот — Его ученики, Его святые, призывающие Его имя: принявшие один и тот же Святой Дух. Они стали частью одного тела (1 Кор 1: 2; 12: 13). Невозможно принять Святого Духа, отказавшись при этом быть членом единого тела. Если вы искренне любите Христа, вы не можете не любить также и Его святых. Невозможно соединиться с Христом, не присоединившись в то же время к Его народу.

Другим свидетельством подлинности обращения Савла был его ответ на призвание Господом. До своего обращения Савл полагал, что ему

“...должно много действовать против имени Иисуса Назорея”

(Деян 26: 9).

Теперь же, когда он, ослепший, лежал в комнате в Дамаске, Анания принес ему наказ от Господа: Савл должен возвещать имя Иисуса перед языческими народами и царями и сынами Израиля, и ему предстоит жестоко пострадать за исповедание этого имени (Деян 9: 15-16). По словам Луки,

ОН

“... тотчас стал проповедывать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий... доказывая, что Сей [Иисус] есть Христос”

(Деян 9: 20; 22).

Конечно, всегда можно сказать, что случай с Савлом был исключением. Действительно: ведь он стал апостолом. Но в высшей степени важное для него в принципе важно и для нас: всякое истинное обращение непременно предполагает личное полное принятие Иисуса как Господа и Бога. Как известно, для многих людей путь к Христу оказывался весьма долгим, как, например, для слепорожденного героя известного рассказа из Евангелия от Иоанна (Ин, гл. 9). Многие люди обращаются постепенно, усваивая одну истину за другой¹. Но до тех пор, пока вы не уверуете лично и полностью в Иисуса как Господа и Бога, нет и не может быть полного и подлинного обращения, а также истинного христианства. Если Иисус не является воплощенным Богом, он не несет нам спасения. Моральные принципы, жизненный пример и проповедь — все это очень возвышенно, но спасения не дает. Если бы Иисус был лишь пострадавшим Отроком Господним, но не был бы Сыном Божьим, то Его смерть не смогла бы искупить наши грехи, Он не смог бы ни даровать верующим в Него Духа Святого, ни соединить миллионы верующих в Своем теле².

Наконец, Савл был готов не только публично исповедовать божественность Иисуса, но и пострадать за свое исповедание. Подходящий случай вскоре представился, причем здесь были замешаны не только мирские, но также и религиозные и теологические интересы. Это случается часто. Но даже и поныне готовность пострадать ради Его Имени является важнейшим условием подлинного обращения.

Бегство Савла из Дамаска, возвращение в Иерусалим и отбытие в Тарс

Далее Лука вскользь упоминает о третьем обстоятельстве, превратившем “Еврея от Евреев” Савла в апостола

язычников. Обстоятельство это заключалось в том, что соплеменники отвергли свидетельство Савла и стали его преследовать.

Когда Савл вернулся в Иерусалим и постарался войти в общение с христианами, те вначале сторонились его, опасаясь, что он не настоящий христианин (Деян 9: 26). Однако благодаря стараниям Варнавы его все же приняли и он доказал свою искренность бесстрашным принародным свидетельством во имя Господа Иисуса. Более того, теперь, когда самый зачинщик гонений обратился ко Христу, церкви в Иудее, Самарии и Галилее обрели покой и росли духовно и количественно (Деян 9: 31). Судя по его собственным словам (Деян 22: 17-21), Савл предпочел бы остаться в Иерусалиме. Однажды он молился во храме и пришел в исступление. Тогда Господь предстал перед ним, сказав, что евреи Иерусалима не примут свидетельства его, поэтому он должен оставить Иерусалим и нести Евангелие язычникам. Савл стал протестовать, ибо был большим ревнителем веры Израиля, в прошлом он много, больше, чем кто-либо другой, способствовал ужесточению гонений на христиан. И ныне, раз он, Савл, удостоился личного откровения Божьего, неужели народ Израиля не выслушает его или, по крайней мере, не отнесется к нему с уважением? Но все было бесполезно. Вынужденный бежать из Дамаска, поскольку тамошние евреи покушались на его жизнь (Деян 9: 23-25), он должен был оставить и Иерусалим, опасаясь мести Еллинистов (Деян 9: 29-30).

Подобная история повторялась в разных местах вновь и вновь, причиняя апостолу бесконечную душевную скорбь (Рим 9: 1-2). Однако в том, что ряд евреев в Иерусалиме, Дамаске и во всем мире уверовал в Иисуса как в Господа, он видел залог того, что Бог не отверг сынов Израиля, участь которых Он знал заранее. Придет день, когда весь Израиль будет спасен. Тем временем по мудрости Божьей самый отказ евреев принять благую весть ускорял ее распространение среди язычников. Обращение же миллионов язычников к вере не в какого-нибудь из прежних языческих богов, но в Бога Авраама, Исаака и Иакова, Бо-

га, Который в последние дни говорил через Своего Сына, в конце концов должно вызвать в израильском народе здоровую ревность и раскаяние. С их глаз когда-нибудь спадет пелена, как она спала с глаз Савла. Они тоже узрят Господа и будут помилованы (Рим 11: 1-31).

Однако, наученный своим жизненным опытом, Савл ясно видел, что должно произойти, чтобы Израиль был помилован. В каком-то смысле сам Савл всегда был верующим в Бога “всею доброю совестью” (Деян 23: 1). Но коль скоро Иисус Христос — воплощенный Бог, значит в течение ряда лет Савл был неверующим, непокорным хулителем Бога. Его обращение означало прежде всего, что Павел понял: прежде он был неверующим, хотя и думал, что верил в Бога. То же должно однажды произойти и с народом израильским.

Объясняя замысел Божий об окончательном обращении возлюбленного им Израиля, Савл писал в послании к римским христианам, прежде бывшим язычниками:

“Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы”³

(Рим 11: 30-31).

Слово, которое в греческом тексте соответствует “непослушанию”, обозначает не столько нарушение заповеди, сколько уклонение от послушания веры. Когда Савл напоминает народам об их прежнем непослушании, он имеет в виду сказанное прежде (Рим 1: 18-28): Бог однажды уже открыл себя народам, но их не устроил такой Бог, и они отказались принять Его и поверить Ему. Теперь же, когда Господь открыл Себя еще более, в Иисусе, Он уже не устраивал евреев, и они отказались принять Его и поверить Ему. Разумеется, это несчастье, но Господь в конце концов обратит зло в добро. И Павел делает следующий вывод.

“Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать”

(Рим 11: 32).

Первый неперенный шаг к истинной вере и, следовательно, к спасению заключается в признании того факта, что до сих пор человек был неверующим. Для религиозных людей этот шаг дается с большим трудом. Так было и с Савлом Тарсянином. В течение нескольких лет он ни за что не хотел признавать это, но по дороге в Дамаск сдался и признал, что несмотря на всю свою искреннюю веру в Бога, в том единственном смысле, который только и имел значение, он никогда не был верующим. И в этот самый момент он обрел веру, прощение и спасение. Все это имеет отношение и к нам, кем бы мы ни были: язычниками, евреями или христианами по названию (1 Тим 1: 12-16).

Примечания

¹ Примером такого постепенного прихода к вере может служить обращение К.С.Льюиса, описанное в его книге SURPRISED BY JOY (London: Collins Fount, 1977) [Радостное удивление]

² Обратим внимание на то, что здесь Анания употребляет выражение “Твои святые” (Деян 9: 13). Ученики могут быть у каждого: они могут быть у Моисея, они появились и у Савла вскоре после его обращения (Деян 9: 25). Однако на языке Библии святые бывают только у Бога: сравните следующие места:

“Стопы святых *Своих* Он [Господь] блюдет” (1 Цар 2: 9) (Выделено мной — Д. Г.);

“Соберите ко мне святых *Моих*” (Пс 49: 5) (выделено мной — Д. Г.);

“...отдали тела святых *Твоих* зверям земным” (Пс 78: 2) (выделено мной — Д. Г.).

В разговоре с воскресшим Иисусом Анания использует выражение “Твои святые”. Подобно другим христианам, Анания с самого начала полностью верил в Иисуса как Господа и Бога.

³ Английский перевод отрывка Рим 11: 30-32 приведен по книге С. Е. В. Cranfield, A CRITICAL AND EXEGETICAL COMMENTARY ON THE EPISTLE TO THE ROMANS, vol. 2 (Edinburgh: T. & T. Clark, 1979), p. 572 [К. Э. Б. Крэнфилд. Критический и экзегетический комментарий к Посланию к

Римлянам].

⁴ Для дальнейшего знакомства с темами, затронутыми во втором Разделе, можно прочитать статью: I. Howard Marshall, CHURCH AND TEMPLE IN THE NEW TESTAMENT, Tyndale Bulletin 40. 2 (1989), pp. 203-22 [И. Г. Маршалл. Церковь и храм в Новом Завете].

РАЗДЕЛ 3

**ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ
О СВЯТОСТИ
И ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЕ
ВОПЛОЩЕНИЕ
(Деян. 9: 32-12:24)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Действие 1:

Благая весть выходит за пределы социально обособленной еврейской общины
(Деян 9: 32-11: 18)

Действие 2:

Благая весть освобождается от еврейского административного централизма и политической обрядности
(11: 19-12: 24)

ЧАСТЬ 3

*ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ
О СВЯТОСТИ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЕ
ВОПЛОЩЕНИЕ*

(Деян: 9: 32-12: 24)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы приступаем к рассмотрению третьего из важнейших моментов расхождения между иудаизмом и христианством. Если говорить в самом общем виде, то он касался учения о святости и его практическом воплощении. Это расхождение стало возможным тогда, когда христианство, выйдя за пределы иудейского мира, стало достоянием язычников.

Конечно, апостолы помнили заповедь Господа о том, что они должны быть Его свидетелями “даже до края земли” (Деян 1: 8) и должны научить все народы (Мф 28: 19). Однако до сих пор в этом направлении было сделано очень мало. И теперь, когда они начали осознавать свою ответственность за распространение Евангелия, на их пути возникли некоторые застарелые препятствия, которые надо было преодолеть, отместить прочь.

Повествование данного Раздела состоит из двух Дейст-

вий. Первое Действие посвящено миссионерскому и пастырскому путешествию апостола Петра из Иерусалима в Лидду, Иопию, Кесарию и обратно в Иерусалим (Деян 9: 32, 38; 10: 1, 24; 11: 2). В нем приведены четыре эпизода, расположенных попарно. Посещение Лидды и Иопии составляет первую пару, события в Кесарии и продолжение их в Иерусалиме составляют другую пару. Основное содержание данного Действия — это тот громадный шаг вперед, который сделало христианство, когда Петр стал благовествовать Корнилию в Кесарии.

Корнилий был язычником, и таковыми же были его домочадцы и друзья. Будь на то воля Петра, он бы никогда не переступил порог дома Корнилия и не ел бы с ним за одним столом даже ради того, чтобы привести его к Христу. Это шло вразрез с религиозной традицией и личной верой Петра, противоречило ветхозаветным законам о святости. Учение о святости было, если угодно, препятствием для распространения благой вести!

Поэтому на данном этапе развития христианства Сам Бог Своим прямым вмешательством открыл Петру, что учение о святости и его практическое воплощение в иудаизме и христианстве принципиально отличны друг от друга. Будучи христианином, Петр мог свободно общаться с язычниками, сидеть с ними за одним столом, он даже обязан был делать это ради того, чтобы нести им благою весть. Петр повиновался и отправился выполнять свою миссию. И когда он вошел в дом Корнилия, христианство сделало огромный шаг от иудаизма к своему расцвету. Многовековой барьер, глухая стена враждебности, разделявшая еврейский и языческий мир, уже поколебленная до основания голгофским крестом, рухнула. На ее месте воцарился новый мир единства во Христе (Еф 2: 14).

Второе Действие, как и первое, состоит из четырех рассказов, объединенных попарно. Первая пара рассказов повествует об основании Церкви в Антиохии и ее делах (Деян 11: 19-26; 27-30), вторая пара — о взятии Петра под стражу по распоряжению царя Ирода Агриппы и о последствиях этого события (Деян 12: 1-19, 20-24). Общая тема

всех четырех рассказов — гонения и их связь с распространением Евангелия.

Первых два сюжета показывают, как гонения на христиан невольно способствовали распространению Евангелия. Гонения положили конец возможно существовавшим чаяниям первых христиан оставаться в Иерусалиме и Иудее, выплеснув их в бескрайний языческий мир. В результате гонений инициатива благовествования среди язычников и управление им выскользнули из рук Иерусалимской церкви. Поэтому Евангелие к язычникам приходило никак не через представителей еврейской общины, обосновавшейся в Иерусалиме. В итоге по возникновении первой церкви за пределами Израиля, подавляющее большинство которой составляли язычники, эта церковь ни в малейшей степени не зависела от Иерусалима, так как она располагалась в другом государстве.

Два следующих сюжета второго Действия также связаны с гонениями. Гонения эти учинялись по инициативе Ирода Агриппы I, руководствовавшегося старым обрядовым понятием о том, что государство имеет право вмешиваться в вопросы вероисповедания своих граждан, подавляя малые религиозные движения, чтобы заручиться поддержкой представителей господствующей религии. В данном случае Ирода поддерживали иудеи, опиравшиеся на Ветхий Завет в обоснование использования гражданской власти для подавления ереси. В повествовании описывается, как Бог вмешивается, чтобы показать свое неодобрение подобных действий и чтобы избавить свой народ от гонений. Во имя сохранения ортодоксии и поддержания чистоты религии гонения были более не допустимыми. Они приводили к извращению святости, в чем вскоре предстояло убедиться.

Поскольку основная задача рассматриваемого раздела Деяний — показать различие между христианской и иудейской трактовками учения о святости и его практическом приложении, следует прежде всего отметить ту черту, которая является общей для этих трактовок, а именно, большое значение, придаваемое добрым делам. Великая иудейская традиция сострадания — раздача пожертвований и совер-

шение благотворительных дел — едва ли нуждается в описании: она известна всему миру. Но некоторым христианам нелишне напомнить, что истинное христианство придает совершению добрых дел не меньшее значение.

В Деян 9: 36 упоминается женщина по имени Тауифа (или “Серна”), которая “была исполнена добрых дел” и помогала бедным. Особенно же она преуспела в шитье платья для вдов.

В Деян 10: 2, 4 рассказывается о язычнике Корнилии, оказывавшем нуждающимся щедрую помощь, — его подарки бедным “пришли на память пред Богом”.

Можно вспомнить и описание поступков Господа Иисуса, высшего вершителя добра, предваряющее проповедь Петра в доме Корнилия:

“Вы знаете... как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благотворя и исцеляя...”

(Деян 10: 37-38).

Затем, в Деян 11: 27-30 рассказывается о том, как недавно основанная Антиохийская Церковь посылает деньги в помощь голодающим христианам Иудеи.

Святость нельзя характеризовать только через отрицание как НЕсовершение дурных поступков и НЕприкосновение к нечистым предметам; хотя крайне отрицательное отношение к духовно нечистому чрезвычайно полезно, как полезно отрицательное отношение к микробам в хирургии. Святость имеет также и положительное наполнение: это посвящение себя Богу, исполнение Божьих дел, в том числе и оказание помощи другим людям.

Небольшая таблица позволяет выделить важнейшие сюжеты третьего Раздела Деяний и поможет понять, каким образом они связаны между собой, а также каково их место в третьем Разделе в целом (с. 236).

Мы узнаем из этого Раздела, что апостол Петр получит, по его собственному признанию, даже не один, а два важнейших урока, — объясняя, в чем они заключаются, он использует примерно одни и те же слова. В третьем рассказе он говорит:

“Истинно (по-гречески — ep`alētheias) познаю, что Бог неллицеприятен”

(Деян 10: 34).

И затем, в седьмом рассказе:

“Теперь я вижу воистину (по-гречески, alēthōs), что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский”

(Деян 12: 11).

Общность выражений и то место, которое занимают эти два рассказа в повествовании требуют их сопоставления и внимательного рассмотрения. Первый вывод, который сделал апостол, хорошо известен. Он оказал и по-прежнему продолжает оказывать огромное влияние на развитие христианства и на проповедь Евангелия всему миру. Что касается второго вывода, то возникает вопрос: имеет ли он столь же большое значение, продолжает ли он влиять на нашу жизнь так же, как и первый? Или же второй урок представляет теперь лишь исторический интерес?

Мы замечаем и определенное словесное сходство между четвертым и восьмым сюжетами. В четвертом говорится о том, что иерусалимские христиане, выслушав отчет Петра о его путешествии, “успокоились и прославили Бога” (Деян 11: 18). В восьмом упоминается о том, как царь Ирод принимал делегацию граждан Тира и Сидона и в беседе с ними не прославил Бога, за что был поражен ангелом (Деян 12: 21-23). Контраст очевиден. Можно было бы считать, что дело заключается здесь только во внешнем словесном оформлении. Однако имеет смысл посмотреть, не ли между двумя сюжетами более глубокой связи.

Сходно не только расположение этих сюжетов, но и роль, которую они играют в соответствующих Действиях. Четвертый сюжет, в котором иерусалимские евреи-христиане спрашивают Петра о его посещении дома Корнилия, служит естественным продолжением третьего, повествующего о самом посещении. Восьмой сюжет, смерть Ирода, столь же естественно продолжает сюжет седьмой, рассказывающий о гонениях Ирода на Иерусалимскую

**Таблица основных эпизодов Раздела 3:
ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О СВЯТОСТИ И ЕГО
ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ**
(Деян 9: 32-12: 24)

<p>ДЕЙСТВИЕ 1: Благая Весть выходит за пределы социально обособленной еврейской общины (Деян 9: 32-11: 18).</p>	<p>ДЕЙСТВИЕ 2: Благая весть освобождается от еврейского административного централизма и политической обрядности (Деян 11: 19-12: 24)</p>
<p>1. ЕНЕЙ (Деян 9: 32-35)</p> <p>Путешествие Петра (Деян 9: 32)</p> <p>Святые (Деян 9: 32)</p> <p>Исцеление парализованного: все жители Лидды и Шарона обращаются к Господу</p> <p>2. ТАВИФА (Деян 9: 36-43)</p> <p>Благотворительная деятельность: шитье одежды для вдов</p> <p>3. ПЕТР И КОРНИЛИЙ (Деян 10: 1-48)</p> <p>Конец религиозного и общественного разделения между евреями и язычниками</p> <p>4. ПЕТР: ИТОГИ (Деян 11: 1-18)</p> <p>“...обрезанные упрекали его” (Деян 11: 2)</p> <p>“...они успокоились и прославили Бога” (11: 18)</p>	<p>5. АНТИОХИЯ 1 (Деян 11: 19-26)</p> <p>Ученики рассеиваются от гонений и отправляются в путь (Деян 11: 19)</p> <p>Ученики стали называться христианами (11: 26)</p> <p>“Были же некоторые из них Кипряне... которые говорили Еллинам, благовествуя... и великое число, уверовав, обратилось к Господу (Деян 11: 20-21)</p> <p>6. АНТИОХИЯ 2 (Деян 11: 27-30)</p> <p>Благотворительная деятельность: помощь голодающим</p> <p>7. ИРОД И ПЕТР (Деян 12: 1-19)</p> <p>Политическая дискриминация на религиозной почве</p> <p>Молитва всей церкви (Деян: 12: 5)</p> <p>Видение? Ангел! (Деян 12: 7-9)</p> <p>Петр: “И теперь я вижу воистину...” (Деян 12: 11)</p> <p>8. ИРОД: ИТОГИ (Деян 12: 20-24)</p> <p>“Ирод был раздражен на Тирия и Сидонян” (Деян 12: 20)</p> <p>Ирод “говорил к ним... но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу...” (Деян 12: 21-23).</p>

церковь. Оба продолжения заканчиваются торжествующей нотой: в четвертом сюжете иерусалимские христиане снимают свои возражения против благовествования среди язычников; в восьмом умирает преследователь иерусалимской церкви, и это кладет конец гонениям.

Оба продолжения являются кульминацией соответствующих Действий. Первое Действие начинается с рассказа Петра о путешествии; четвертый сюжет подводит итог этому триумфальному путешествию, описывая возвращение Петра в Иерусалим. В начале второго Действия упоминается о преследованиях, вспыхнувших в Иудее и Иерусалиме после убийства Стефана, а также о том, как отразились эти гонения на судьбе Иерусалимской церкви. Далее описывается новое гонение на церковь, учиненное царем Иродом. В восьмом сюжете по божественному провидению гонения прекращаются в результате бесславного конца главного притеснителя. Впрочем, остается вопрос: связаны ли между собой четвертый и восьмой сюжеты тематически. В этом нам предстоит еще разобраться.

Каждый рассказ Луки, конечно, по-своему интересен и важен. И пусть читателю не покажется, что отдельные истории значительнее остальных, как по содержанию, так и по объему. Однако тщательный отбор материала и его организация в третьем Разделе позволяют убедиться, что, по крайней мере, для самого автора это повествование не представляло собой случайного собрания совершенно разных по своему значению деталей. Каждый сюжет был отобран и организован так, чтобы он был органичной частью книги в целом.

ДЕЙСТВИЕ 1

БЛАГАЯ ВЕСТЬ ВЫХОДИТ ЗА ПРЕДЕЛЫ СОЦИАЛЬНО ОБОСОБЛЕННОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ

(Деян 9: 32-11: 18)

Первое, и основное, Действие третьего Раздела Деяний посвящено путешествиям Петра, то есть Лука счел важным и необходимым показать, что апостол Павел был не единственным миссионером (Ср.: 1 Кор 9: 5). Путешествия Петра способствовали тому, что он соприкоснулся с языческим миром и смог выполнить Божью волю — открыто и ответственно нести благовест язычникам. Его посещение дома Корнилия, вероятно, было не первым случаем, когда еврей-христианин приходил к язычнику. Суть не в этом. Именно посещение дома Корнилия апостолом Петром привело к развернутой формулировке как в Писании, так и в догматике принципов, обосновывающих такое общение и позволило раз и навсегда утвердить эти принципы на высшем уровне.

Однако перед тем, как перейти к описанию знаменательного посещения, Лука приводит два эпизода, относящихся к самому началу миссионерского путешествия Петра. Краткость этих эпизодов означает то, что несмотря на их важность, они в некотором роде предвворяют основное повествование. Первый из эпизодов состоит всего лишь из четырех стихов, второй — лишь из восьми. Поскольку в главном повествовании речь идет о святости, интересно

узнать, что говорят о ней вступительные эпизоды.

Еней (Деян 9: 32-35)

“Случилось, что Петр, обходя всех, пришел к святым, живущим в Лидде”

(Деян 9: 32).

Так начинается Лука этот рассказ. Обратите внимание на слово “святые”, то есть “освященные”. Говоря о своих братьях по вере, Лука использует разные выражения. Его любимое выражение — “ученики”: этот термин встречается около тридцати раз. Название “христианин” появляется очень редко: отмечено, когда впервые ученики стали называть себя этим именем (Деян 11: 26), и в дальнейшем оно встречается только однажды (Деян 26: 28). Слово “святые” также используется нечасто: первый раз — в Деян 9: 13, затем — в Деян 9: 32, еще раз — в Деян 9: 41 и наконец — в Деян 26: 10 и более в тексте Деяний не встречается¹. Можно предположить, что Лука использует термины “ученики”, “святые” и “христиане” как синонимы, не задумываясь о коннотациях каждого из этих слов. Но то обстоятельство, что дважды в предварительных сюжетах встречается слово “святые”, причем как раз перед долгим и обстоятельным разговором о святости, едва ли можно назвать случайным. Оба упомянутых сюжета повествуют о святых христианах-евреях. Оба они связаны с чудом, и оба чуда способствуют тому, что все большее число простых людей обращается к Господу, ибо свидетельствуют, как Господь Иисус Христос может прославить святость.

Впрочем, оба упомянутых эпизода не лишены и различий: в первом рассказывается о мужчине, во втором — о женщине. Женщина эта при жизни совершила много добрых дел. В то же время мужчина не мог этим похвалиться: он был парализован и в течение восьми лет был прикован к постели. Конечно, в том, что он был неспособен к какому-либо труду, не было его вины. Тем не менее было тяжело смотреть на взрослого человека, который не может себя обслуживать.

“Еней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей”

(Деян 9: 34), —

говорит ему Петр (другой возможный вариант перевода этого фрагмента с греческого — “встань и приготовь себе еду”). Еней немедленно встал. И, когда жители Лидды и Шарона увидели, что бывший калека исцелен и может работать, в частности, обслуживать самого себя, они “обратились к Господу” (Деян 9: 35).

Этот человек был физически немощен и получил исцеление через физическое чудо. Но с нашей стороны не будет ошибкой предположить, что, как и в других случаях чудодейственного исцеления, это чудо содержит в себе важный урок. Чудо умножения хлебов и рыбы означает, что наш Господь открывает Себя как Хлеб Жизни (Ин, гл. 6). Наделение слепого зрением указывает на способность Господа сообщать человеку и зрение духовное (Ин, гл. 9). Возвращение калеке способности двигаться и работать означает, что этот человек действительно получил отпущение грехов (Лк 5: 17-26). То же самое произошло и в случае с исцелением Енея. Прежде всего это исцеление служило проявлением сверхъестественной физической силы, свидетельствовавшей о реальности воскресшего Христа. Но здесь, очевидно, было и нечто большее. Данное чудо, разумеется, не означает, что всякий инвалид или паралитик немедленно исцелится, как только станет христианином. Жизнь показывает, что это не так. Но чудо свидетельствует о способности Христа побуждать народ Божий, как образно говорится в Евр 12: 12-13, укреплять опустившиеся руки и ослабевшие колени. И, как сказано далее,

“...и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось”

(Евр 12: 13).

Христианская святость нередко отталкивает нехристиан. Верно, что каждый верующий призван быть святым. Христиане “освящены... единократным принесением тела Иисуса Христа” (Евр 10: 10). В этом смысле одни верующие

не более святы, нежели другие. Апостол называет “святыми” членов Церкви в Коринфе, охваченной раздорами, погрязшей в прегрешениях (1 Кор 1: 2). Они для него такие же святые, как верующие в Риме (Рим 1: 7) и Филиппах (Флп 1: 1) и где бы то ни было.

Однако это лишь одна сторона дела. Истинная святость рано или поздно проявляется, так как это отнюдь не форма безволия, которое приводит к тому, что люди остаются духовно незрелыми и потому зависимыми от других же людей, обремененных “трудностями” и “проблемами”. Истинная святость носит утверждающий характер — она энергична, активна, являет зрелость и самостоятельность в вопросах духовной жизни. Наш Господь Иисус Христос имеет власть освятить нас в этом смысле, освободить нас от нездоровой пассивности и безволия, придать нам силы для работы, которую Он нам поручает, желая, чтобы мы показали миру, что есть истинная христианская святость.

Тавифа (Деян 9: 36-43)

Тавифа не была калеккой: “она была исполнена добрых дел и творила много милостынь” (Деян 9: 36). Более того, едва ли будет ошибкой предположить, что благотворительности она научилась в иудаистской общине, то есть еще до того, как уверовала в Христа.

У христианства нет монополии на добрые дела. Истинный иудаизм имеет долгую и устойчивую традицию великодушной заботы о бедных, утверждавшуюся в народе в течение многих поколений как Моисеем, так и пророками. Что же мог добавить Христос к импульсу практической святости, источником которого явился иудаизм?

В повествовании говорится о том, что Тавифа умерла, но явился Петр и воскресил ее. Возможно, он просто привел ее в сознание, как это было в других случаях, описанных в Евангелии.

Но даже в этом случае возвращение к жизни должно было стать для нее удивительным, незабываемым событием, воспоминание о котором остается у нее на всю жизнь. Попробуем представить себе эту ситуацию. Тавифа помо-

гала ближним, но ее настигла смерть, положив конец ее работе. И вот она открывает глаза и видит перед собой апостола Петра, который помогает ей встать и ведет в соседнюю комнату. Там ее окружают люди, ради которых она трудилась всю свою жизнь, приветствуя ее с бесконечной радостью и признательностью. Здесь же развешена сшитая ею одежда, которую апостолу показывают вдовы (Деян 9: 39). Какая благодарность, какие почести, какое признание! Если какой-либо женщине суждено было увидеть впечатляющий результат и непреходящее значение своей работы, такой женщиной была Тавифа после своего воскресения. Это событие, безусловно, придало ей дополнительный стимул трудиться не покладая рук в течение всей оставшейся жизни.

Можно, при желании, относиться к этому событию как к музейному экспонату истории древнего мира, как к удивительному чуду, довольно редкому даже во времена земной жизни нашего Господа и Его учеников, не говоря уже о последующих временах.

Однако подобное отношение обеднит нас. Воскрешение Господом Лазаря (Ин, гл. 11), так же, как воскрешение Петром Тавифы, было лишь оживлением, но Господь прибегнул к этому воскрешению, как к символу более значительных событий, прежде всего Своего воскресения и вечной жизни, а затем полного воскресения святых при втором Своем пришествии. И если подобный смысл вкладывал Иисус в воскрешение Лазаря, то едва ли будет ошибкой сделать такой же вывод относительно воскрешения Тавифы. Наш труд для Бога и людей имеет ценность постольку, поскольку добрые дела совершаются в этой жизни. Но его влияние и значение не заканчиваются с прекращением этой жизни. Исторический факт воскресения Христа, наше собственное славное воскресение, или преобразование, грядущее с Его вторым пришествием, убеждают нас в том, что наш труд в Господе не напрасен (1 Кор 15: 50-58). Подобно Тавифе, мы ещё увидим результаты нашей работы.

Поэтому мы обретаем уверенность, нужную для упорного труда и предостережение не ограничиваться простым

ремесленничеством. Когда придет Господь, мертвые воскреснут и станут рядом с живыми для встречи Господа,

“ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое”

(2 Кор 5: 10).

Если наша работа выдержит это испытание судом Христовым, то нашей радости не будет конца. Она как бы учетверится: во-первых, от осознания, что мы угодили Господу; во-вторых, от того, что мы увидим вечную признательность и дружеское расположение тех, кому оказали помощь на земле (Лк 16: 9); в-третьих, от того, что мы увидим, как плоды нашей земной деятельности переносятся в жизнь вечную; и, наконец, потому, что нам будет дана награда от Самого Спасителя (1 Кор 3: 12-14).

Однако вполне вероятно, что наша работа перед судом Господа будет признана недостойной и будет предана огню. Однако верующий и в этом случае будет спасен, так как спасение — дар и ни в коем случае — не награда за выполненную работу. Правда, верующий будет ощущать огромную потерю. И она будет усилена вчетверо: во-первых, от сознания того, что верующий не угодил Господу; во-вторых, от того, что он упустил возможность обрести себе вечных друзей и их благодарность; в-третьих, потому, что не увидит плодов дела всей своей жизни; в-четвертых, потому, что остается без награды (1 Кор 3: 15).

Итак, нам следует заботиться о том, чтобы наша святость имела такой же практический смысл, как и святость Тавифы, и чтобы полная уверенность в нашем воскресении позволяла бы нам постоянно “преуспевать в деле Господнем” (1 Кор 15: 58).

Петр и Корнилий (Деян 10: 1-48)

На первый взгляд, может показаться странным, что именно забота о святости первоначально препятствовала распространению благой вести первыми христианами. Но именно так и обстояло дело. Если бы Петр был предо-

ставлен самому себе, он бы никогда в жизни не переступил порог дома необрезанного язычника и не сел бы с ним за один стол. Его восприятие мира помешало бы ему сделать то, что противоречило ветхозаветным законам о святости. Петр и его соотечественники, соблюдавшие эти законы, были в своих собственных глазах “святыми”, те же, кто не соблюдал их, считались “нечистыми”. Для “святого”, который хотел угодить Богу своей святостью, было невозможным общаться и садиться за стол с “нечистыми” людьми. Следовательно, если для проповеди Евангелия требовалось войти в дом язычника и разделить с ним трапезу, это было неосуществимым: представления о святости не допускали ничего подобного.

Первое желание, которое возникает у человека, узнавшего обо всем этом впервые, — отбросить целиком подобное понятие о праведности либо как бессмысленное, либо как нечто еще более худшее и отнести его на счет ограниченности Петра и узкого круга его единомышленников-евреев. Однако делать этого не следует. Вполне возможно, что они преувеличивали требования ветхозаветного Закона из опасения нарушить его. Однако Закон этот был дан Богом. Обратим внимание на одну деталь. Когда Господь давал Петру Свой наглядный урок, а апостол противился Божьей воле, Бог внушал ему: “Встань, Петр, заколи и ешь” (Деян 10: 13), а не говорил ему, к примеру: “Петр, ну, не будь ты таким ограниченным. Забудь эти глупые суеверия и запреты. Ешь и веселись”. Конечно, Он никак не мог так сказать. Бог сам утвердил эти законы, и Он ни в коем случае не винил Петра в том, что апостол стремился сделать все от него зависящее, чтобы соблюсти их. Он сказал ему, что эти законы теперь отменены (Деян 10: 15).

Однако это в свою очередь ставит перед нами другой вопрос. Зачем вообще Бог давал эти законы?

Смысл ветхозаветных законов о питании

Согласно весьма распространенному воззрению, Бог установил законы, касающиеся питания, заботясь о здо-

ровье народа Божьего, дабы приучить верующих соблюдать правила гигиены. Считается, что в те далекие времена, когда люди не обладали научными представлениями о микробах и вирусах и у них не было холодильников, предохраняющих мясо от порчи, Бог запретил человеку есть определенные виды животных, птиц, рыб, чтобы защитить Свой народ от болезней, которые могли переносить эти животные.

Однако это объяснение неубедительно. Господь Иисус во время Своей земной жизни отменил эти запреты (Мк 7: 19). Он сделал это не потому, что наука и техника настолько продвинулись в Его время вперед, что теперь можно было безопасно употреблять любую пищу, даже ту, которая прежде представляла угрозу для здоровья! Та пища, которая была опасна для человека во времена Моисея, оставалась опасной и во времена Иисуса Христа. Если же теперь запреты были отменены, то это произошло потому, что отныне

“всякое творение... освящается словом Божиим и молитвою”

(1 Тим 4: 4-5),

как позднее сказал апостол Павел.

Гораздо лучше значение законов о питании раскрывается в словах Иисуса Христа, когда Он объясняет причину их отмены:

“... ничто, извне входящее в человека, не может осквернить его... Потому что не в сердце его входит, а в чрево, и выходит вон, чем очищается всякая пища... исходящее из человека оскверняет человека. Ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство. Все это зло изнутри исходит, и оскверняет человека”

(Мк 7: 18-23).

Из этого высказывания видно, что именно нравственная нечистота заботила нашего Господа. Именно поэтому Он подчеркивает, что материальная пища, попадая в тело, не

может осквернить человека ни морально, ни духовно, ибо она попадает в желудок, а не в сердце². Тот факт, что ученики поначалу не поняли Его (Мк 7: 15-18), и Он должен был вторично объяснять свои слова, показывает, что апостолы не сразу научились видеть эту разницу. Они полагали, что употребление “нечистой пищи” оскверняет человека нравственно, хотя на самом деле это вовсе не так³. Именно запрет Бога на определенные виды пищи осквернял человека, евшего ее, а не сама пища. И именно этот принципиальный момент был явлен Петру в его видении. Когда Петр возразил, что в жизни не ел ничего скверного или нечистого, голос ответил ему:

“Что Бог очистил, того не почитай нечистым”

(Деян 10: 15).

Но что означает фраза: “Бог очистил?” Разве теперь пища очищена от ядовитых веществ и вирусов, так что в свинине больше не заведется ленточный червь? “Господь очистил” означает, что Он снял прежние ограничения. Теперь Петр и его единомышленники могут употреблять в пищу то, что раньше находилось под запретом, причем могут делать это с чистой совестью.

Но коль скоро мы пришли к выводу, что именно Божий запрет сделал определенные виды животных нечистыми, а отнюдь не находящиеся в самой пище ядовитые вещества, все же остается вопрос: почему Господь первоначально наложил на Израиль определенные ограничения в питании?

Ответ таков: Он сделал это для того, чтобы путем введения понятия ритуальной чистоты и нечистоты преподать им некий урок.

Немного отвлечемся от этих законов о питании. Израиль как народ был отделен от всех остальных народов, чтобы иметь особые отношения с Богом и исполнить свою особую роль среди других народов. Как сказал об этом языческий пророк Валаам:

“...вот, народ живет отдельно, и между народами не числится”

(Числ 23: 9).

Как на Синае увещевал народ Израиля Бог:

“Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов: ибо Моя вся земля; а вы будете у Меня царством священников и народом святым”

(Исх 19: 5-6).

В соответствии с особой ролью, отведенной израильтянам, им, таким образом, было заповедано блюсти нравственную и духовную чистоту, отделяя себя от “нечистых” языческих народов. Налагая запрет на такие преступления, как прелюбодеяние, идолопоклонство, нечестность, детоубийство, демонизм и кровосмешение, которые были частым явлением среди хананеев, Господь заключает:

“Не оскверняйте себя ничем этим; ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас. И осквернилась земля, и Я воззрел на беззаконие ее, и свергнула с себя земля живущих на ней... чтоб и вас не свергнула с себя земля, когда вы станете осквернять ее, как она свергнула народы, бывшие прежде вас”

(Лев 18: 24-28).

Таковы были моральные и духовные запреты. Для их усиления Бог добавил законы, обеспечивающие ритуальную чистоту:

“Отличайте скот чистый от нечистого и птицу чистую от нечистой, и не оскверняйте душ ваших скотом и птицею и всем, пресмыкающимся по земле, что отличил я, как нечистое. Будьте предо Мною святы, ибо Я свят Господь, и Я отделил вас от народов, чтобы вы были Мои”

(Лев 20: 25-26).

Эти ритуальные законы привели как к положительным, так и к отрицательным последствиям.

Их положительной стороной было то, что они укрепили представление Израиля о себе как народе, посвященном Господу и в этом отношении отделенном от других народов. Сколь бы чистыми в моральном и духовном смысле ни были другие нации, ни одной из них не суждено было сыграть такую роль, как Израилю. Роль Израиля как

царства священников была поистине уникальна. Ритуальные ограничения в принятии пищи лишь подчеркивали и утверждали, что израильтяне посвящены Богу в особом смысле, будучи особо “святыми” посредством своих ритуалов.

Отрицательной стороной этих законов было затруднение общения с языческими народами, так как израильтяне не могли есть пищу, приготовленную язычниками. Это не только упрочивало сознание того, что Израиль является избранным народом, но и постоянно напоминало о том, что израильтянам не следует соприкасаться с морально и духовно “нечистыми” язычниками.

Разумеется, далеко не все язычники были столь порочны и развращены, как хананеи. Тем не менее многие из них были известны своими дурными нравами. В этом-то и состояла проблема: как защитить Израиль от их влияния? Для этого Богом была воздвигнута стена между Израилем и всеми языческими народами.

Так же поступает и отец по отношению к своему ребенку: развратников, которые могут причинить вред ребенку не много, но тем не менее достаточно, чтобы имело смысл запретить детям брать у незнакомого человека деньги или сласти, или садиться с ним в машину.

Данную аналогию можно продолжить. Родители вправе запретить молодой девушке посещать злачные места. Они поступают так не потому, что считают свою дочь намного лучше других девушек, но как раз наоборот — они знают, что их дочь ничуть не лучше других. Она такой же человек, как и все остальные, и ее можно испортить, как других. Если положить хорошее яблоко среди червивых, оно их не исправит, напротив, они его испортят.

Павел учит, что Израиль, подчинившийся закону, был подобен ребенку (Гал 4: 1-3) и Бог относился к нему соответственно. Он окружил его непроницаемой стеной ритуальных законов о питании, чтобы напомнить ему о том, что он богоизбранный народ, а также, чтобы оградить его, насколько это возможно, от дурного влияния языческого мира. Необходимость такой стены и ее значение могут

быть определены исходя из истории народа: когда он ее не замечал, то становился столь же развращенным, как и другие народы.

Отмена ветхозаветных законов о питании

Сооружение стены было явно ограниченным и ненадежным способом изоляции и защиты израильтян. Во-первых, она давала им ложное основание полагать, что они по своей природе лучше язычников. В Ветхом Завете есть ясное указание на то, что выбор народа Божьего обусловлен не его превосходством над другими народами, но одной лишь любовью Господа. Во-вторых, эта стена как бы стирала различия между нравственной и духовной святостью, с одной стороны, и ритуальной святостью — с другой. Даже ученики Иисуса пришли в изумление, когда Господь указал, что никакая пища сама по себе не оскверняет человека ни морально, ни духовно, ибо попадает не в сердце человека, а в желудок (Мк 7: 14-23). А природа человека такова, что он всегда находится перед искушением увлечься внешней стороной ритуальной святости и пренебречь единственно подлинной — внутренней, т.е. моральной и духовной святостью и тем самым уподобиться тем фарисеям, о которых Господь сказал:

“...Ныне вы, фарисеи, внешность чаши и блюда очищаете; а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства”

(Лк 11: 39).

И в-третьих, возведение стены приводило израильтян к ложному заключению о том, что как бы они не грешили, они неизменно остаются любимцами Божиими, тогда как язычников Господь отвергает, сколь бы праведными они ни были. Павел вынужден был напомнить своим соотечественникам:

“Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием. Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание? И необрезанный по природе, исполняющий закон, не осудит

ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании?”

(Рим 2: 25-27)

Непризнание этого принципа евреями вело к многочисленным недоразумениям и вызывало вражду к ним со стороны язычников. Язычники и без того испытывали зависть и обиду из-за того, что Израиль объявил о своей особой близости к Богу и о своей уникальной роли в истории человечества. Им было трудно примириться с обособленностью Израиля и с его снисходительным отношением к другим народам. Когда какой-либо еврей вел себя совершенно беспринципно в деловом отношении и все-таки мнил себя “святым” и достойным сидеть за столом с другими евреями, а представитель другого народа, даже будучи безукоризненно честным и принципиальным в деловых вопросах, не считался достойным общества этих “святых”, его возмущению, раздражению и гневу не было предела.

С воплощением Сына Божьего “пришла полнота времени” (Гал 4: 4). Теперь народ Израиля вышел из детского возраста и должен был быть взрослым и привыкать к новому отношению к себе. Прежде всего должны были уйти в прошлое законы о питании. Мы уже видели, что их отменил Сам Господь (Мк 7: 18-23). Ученики не сразу поняли значение этого события, но даже поняв, не все они спешили подчинить ему свою жизнь. И вот наступил переломный момент, когда Евангелие должно было стать достоянием и языческих народов, и потому ничто не должно было служить ему препятствием или затуманивать его смысл. Петру был дан личный наглядный урок отмены законов о питании Самим Господом, благодаря которой он был теперь свободен войти в дом язычника Корнилия, сесть с ним за один стол и проповедовать Евангелие.

Предположим, произошло бы невозможное — Петр не усвоил урока. Корнилий был человеком глубоко порядочным и богобоязненным. Происходя из язычников, он отказался от идолопоклонства своих предков и почитал единого истинного Бога Израиля; его уважала даже еврейская городская община. Он щедро помогал нуждающимся

и постоянно молился Богу. Более того, он слышал о Господе Иисусе Христе и желал ближе познакомиться с Его учением. Тем не менее он не был обрезан и не соблюдал законы о питании, а по сему не мог быть “святым”. Поэтому Петр отказался бы сесть с ним за один стол и даже войти в его дом. С другой стороны, вспомним тех фарисеев и саддукеев, которых осудил Господь. (Однако не будем забывать о том, что не все фарисеи были порочны и осуждены.) В душе они были жадны, лицемерны и жестоки, — они были настолько далеки от Бога, что решились убить Его Сына. И все-таки они считались “святыми”! И Петр, если бы его, конечно, когда-нибудь пригласили на их трапезу, мог бы спокойно сесть с ними за один стол!

Но пришло время переменить прежний порядок. Господь, установивший законы о питании, теперь отменил их. Он очистил (то есть объявил чистой) всякую пищу. Петр не должен был почитать нечистым (то есть негодным для ритуальной пищи “святых”) еду, которую очистил Сам Господь. Апостол мог теперь входить в дом к язычнику и садиться за один стол со всеми, кто бы там ни находился. Раз это больше не почиталось нарушением заповеди Божьей, то и не могло уже осквернить ни его душу, ни его совесть, так как пища сама по себе не могла проникнуть в сердце Павла и осквернить его морально или духовно.

Поэтому, когда Петр входил в дом Корнилия, христианство сделало огромный шаг, далеко отступив от иудаизма. Однако, если новая религия отказалась от такого важного компонента иудейской святости, что же она поставила на его место? Стена, отделявшая евреев от остального мира, была задумана для достижения определенных практических целей. Пусть она и не была оптимальным путем решения проблем, но все же было лучше жить с ней, чем без нее. Мир не изменился. Он остался оскверненным грехом, чуждым Богу и благодати. Неужели христианство просто сломало стену, сняло ограничения и объявило, что различие между чистым и нечистым не имеет никакого значения? Конечно, нет! Христианство предъявит более высокие нравственные требования, чем иудаизм, требования, более

реалистичные и, вместе с тем, предполагающие большую ответственность. Но в то же время оно сможет придать верующим такую опору святости, которой никогда не знал иудаизм.

Христианский путь святости

В оставшейся части первого Действия мы будем говорить о христианском пути святости. Этому посвящена проповедь Петра в доме Корнилия и его дальнейшие объяснения, которые он дает своим христианским братьям в Иерусалиме.

Когда Петр вошел в дом Корнилия, хозяин вышел ему навстречу и в знак почтения пал перед ним на колени. Апостол немедленно его поднял. Так состоялся первый урок: “Я тоже человек” (Деян 10: 26). Петр был евреем, но это не имело значения: он был таким же человеком, как и язычник. Люди не делятся на низших и высших. Есть лишь один класс: человеческие существа.

Петр был апостолом. Но, несмотря на это, он не мог позволить Корнилию стать перед ним на колени в знак почитания его миссии. Несмотря на свою миссию, Петр оставался таким же человеком, как и Корнилий.

Затем апостол признался в том, что ему самому Господь недавно преподавал урок, изменивший его взгляды:

“...Вы знаете, что Иудею возбранено общаться или сближаться с иноплеменником; но мне Бог открыл, чтоб я не почитал ни одного человека скверным или нечистым”

(Деян 10: 28).

Часто бывает так, что человеку, который открыто признает, что совершал ошибки и вынужден был изменить свое мнение, легче, чем кому-либо другому, стать учителем других.

Но давайте сначала разберемся, какой урок преподавал Господь апостолу Петру.

“...мне Бог открыл, чтоб я не почитал ни одного человека скверным или нечистым”

(Деян 10: 28).

Урок, который Господь преподавал Петру в видении, касался пищи: Господь снял все прежние ограничения и объявил всякую пищу чистой. Следовательно, апостол уже не должен был считать какую-либо пищу оскверненной, непригодной для святых. Но затем Бог дает Петру еще один урок: ни один человек не может считаться скверным или нечистым⁴.

Что это означает? Неужели то, что в мире больше не осталось скверных людей? Как же тогда понимать слова Павла, что некоторые люди

“...дошедши до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытностью”

(Еф 4: 19).

И Петр дает похожее описание нравов язычников, которые предавались

“...нечистотам, похотям... пьянству, излишеству в пище и питии и нелепому идолослужению...”

(1 Петр 4: 3).

Есть ли у нас основания подозревать Петра в противоречии самому себе? Чтобы понять, что апостол имеет в виду, надо внимательно вдуматься в контекст данного высказывания. Будучи израильтянином, Петр почитал себя “святым” по определению, так как принадлежал к “святому” народу, соблюдал ритуальные запреты и исполнял ритуальные омовения. Язычники же, по определению, были “нечистыми”: они не принадлежали к избранному народу, и апостол почитал их скверной, так как они не были обрезаны, не соблюдали законов о питании и не исполняли ритуальных омовений. Именно таковым было положение вещей до того, как на глазах апостола оно стало меняться. Поскольку Бог отменил все пищевые запреты, язычники не могли более считаться “нечистыми” из-за того только, что предпочитали определенные яства. На более глубоком уровне это изменение означало, что коль скоро Бог лишает Израиль особых привилегий, уничтожая стену, отделявшую евреев от язычников, то больше не существует, по определению, “скверных”, язычников и, по определению,

“святых” израильтян. Еврей и язычник отныне стоят на одной доске. Нет более людей или народов второго сорта.

Когда Петр зашел в дом, он обратился к собравшимся с такими словами:

“...Истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему”

(Деян 10: 34-35).

Можно ли считать это еще одним уроком? И если да, то как апостол его понял? Ведь мы только что слышали, как Корнилий объяснил, что побудило его пригласить Петра: ровно четыре дня назад во время молитвы к нему явился ангел и сказал:

“Корнилий! услышана молитва твоя, и милостыни твои воспомянулись пред Богом”

(Деян 10: 31).

Это объяснение показало Петру, что добрые дела остаются добрыми делами, а страх Божий — страхом Божиим, кто бы ни совершал эти дела и кто бы ни выказывал этот страх. Неважно, кто этот человек по национальности — Господь не может принимать благие дела, совершенные евреем, и не принимать благих дел, совершенных язычником. Господь не отвергнет истинного страха Божия и не отвернется от молитв язычника потому только, что это язычник, а также не примет страх Божий и молитвы только на основании еврейского происхождения верующего. Для Господа между верующими нет никакой разницы — да и никогда не было. И это — не какая-то новость. Богоизбранность Израиля касалась его миссии, посвященности Господу и святости, а отнюдь не нравственной сферы. Грех Израиля считался таким же грехом, как и грех язычника. Добрые дела евреев и язычников приветствовались в равной мере.

Таким образом, Петр усвоил то, о чем позднее поведал в Послании к Римлянам апостол Павел: Бог

“... воздаст каждому по делам его... Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых Иудея,

потом и Еллина! Напротив слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых Иудею, потом и Еллина! Ибо нет лицемерия у Бога”

(Рим 2: 6,9-11).

Главный смысл обсуждаемого высказывания Петра (впрочем, как и высказывания Павла) не в том, что человек любой национальности заслуживает и получает спасение через добрые дела. Так как этот принцип, принцип нелицемерия Бога, применяется и в других местах:

“...Правда Божия чрез веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих [то есть и евреев и язычников]; ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией”

(Рим 3: 22-23).

Главный смысл того, что он здесь говорит, заключается в том, что Бог оценивает и принимает добрые дела людей беспристрастно и совершенно независимо от национальности.

К счастью, Петр усвоил этот урок еще до того, как стал проповедовать в доме Корнилия. Какой неудачей было бы, если бы он вошел в его дом и начал свою проповедь, заявив, что Корнилий — “нечистый” язычник и что даже его праведные дела имеют такую же малую ценность, как и грязные лохмотья. Так как на это Корнилий мог бы ответить: “Ты что-то путаешь, так как недавно мне явился ангел и сказал, что Бог слышит мои молитвы и помнит мои благодеяния!”

Не надо смешивать две разные вещи. В свете Божьих понятий об абсолютной святости добрые дела каждого человека не лучше грязных лохмотьев. Разумеется, если мы станем полагаться в деле спасения на праведность своих дел, то, согласно закону Божьему, останется только одна возможность: осудить наши дела и нас самих. Не будем забывать: хоть ангел и сообщил Корнилию, что Бог помнит его благие дела, но также сказал ему, что он по-прежнему нуждается в спасении (Деян 11: 13-14). Да и сам Корнилий не думал утверждать, что его добрые дела сделают его достойным спасения. Когда сотник услышал о возможности получить отпущение грехов и спасение через Христа, он не

возразил Петру: “Я вовсе не нуждаюсь в спасении: мои праведные дела ничем не хуже твоих”. Напротив, он смиренно признал, что нуждается в отпущении грехов и в спасении и надеется получить их только верой в Иисуса Христа.

Однако тот факт, что сами по себе добрые дела не приводят к спасению, не означает, что Богу совершенно безразлично, совершает ли их человек, хотя бы пытается совершить, или нет. Боюсь, как бы у читателя не сложилось неверного впечатления, что спасение никоим образом не зависит от благих дел, что вовсе нет никакой необходимости совершать добрые дела, что они не имеют никакого значения ни до спасения, ни после, так как спасение “не достигается добрыми делами”. Боюсь, чтобы подобные мысли не породили расы христиан-евангелистов, которые будут думать, что они неизмеримо лучше всех остальных, относящихся к неспасенной части человечества уже потому, что являются верующими, учениками и святыми, даже если в личной жизни, в деловых отношениях и благотворительности они значительно хуже тех, кто не считает себя спасенным.

Истина в том, что Богу угодны благие дела и Он заинтересован в том, чтобы люди, даже еще не будучи спасенными, их совершали. Так, Господь помнил милостыни Корнилия (Деян 10: 31), Он увидел в них выражение желания сотника угодить Господу. Корнилий был богобоязненным человеком, он искал Господа, искал личного спасения и связи с Богом. Его дела свидетельствовали о его глубокой искренности. В ответ Бог послал ангела, который объяснил ему, как найти евангелиста, способного указать путь к спасению.

Спасение не достигается благими делами, но добрые дела являются результатом спасения. Христианин живет в ожидании

“... блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам”

(Тит 2: 13-14).

Вместо того, чтобы начать свою проповедь с напоминания о том, что Корнилий грешник, нуждающийся в спасении, Петр избрал совершенно иной подход. Он рассказал о Евангелии как благовестии о мире через Иисуса Христа (Деян 10: 36). Оно послано народу Израиля — этим подтверждается особая роль Израиля как вестника. Однако при этом Иисус Христос — Господь для всего человечества.

Как говорит Павел:

“...один Господь у всех, богатый для всех призывающих Его”

(Рим 10: 12).

Затем апостол описал жизнь и деяния Господа Иисуса Христа. Петр напомнил собравшимся, что все началось с проповеди Иоанна Предтечи, призывавшего людей к покаянию и сообщившего им о близком пришествии Господа. И вот Он явился. Бог помазал Иисуса Духом Святым и силою:

“...и Он ходил, благодворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом; потому что Бог был с Ним”

(Деян 10: 38).

Как это прекрасно! Корнилий был человеком, искренне стремившимся к тому, чтобы делать добро и помогать бедным. И вот Петр знакомит сотника с высшим творцом добра, Которого Корнилий принимает с восхищением и любовью. Уже в этот момент Христос объединяет еврея и язычника. Подлинных поборников нравственности, людей разных национальностей и происхождения, которые действительно любили добро и стремились совершать благие дела, должна была восхищать и восхищала доброта Иисуса Христа.

“И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме...”

(Деян 10: 39).

Так говорил апостол, специально избранный для этой цели (Деян 1: 8, 21-22).

И вдруг, как гром среди ясного неба:

“...Его убили, повесивши на древе”

(Деян 10: 39).

Кто это сделал? За что? На говорящего обрушивается лавина вопросов. В этой фразе столько непонятного! Несомненно, Лука приводит лишь краткое изложение, а не подробный отчет о произнесенной проповеди. Но даже и в этом случае краткость выражения представляет собой нечто не совсем обычное. Какое тяжелое признание! Петр не говорит прямо: “Его убили евреи”. Ответственность с евреями должны разделить и другие лица: Ирод, Пилат. Однако насколько тяжело было еврею признаться перед язычниками, что евреи, этот святой, избранный Богом народ, ревнитель истинной веры и праведности, призванный сыграть особую роль в истории человечества, убили высшего Творца добра! И не просто убили, а повесили на древе. Такое наказание предназначалось только для самых страшных преступников. Повешенный на древе считался проклятым Богом (Втор 21: 22-23).

Как могло человеческое сердце, как могла религиозная совесть отвратиться от пути истинного, чтобы осудить самую непорочную душу на земле как самую порочную? Чего тогда стоят эта избранность, эта “святость” и презрительное отношение к другим народам? О какой вере, о каких добрых делах можно тогда говорить? И это не чужие обвиняют евреев — еврей сам исповедуется перед язычниками в том, что его народ сделал с Иисусом!

Но чем лучше язычники? Да ничем! В последние десятилетия еврейская общественность все громче и настойчивее выступает против того, что она называет порочным христианским антисемитизмом. Утверждается, что христианское учение навязывает каждому новому поколению представление о том, что “Иисуса убили евреи”. Надо сказать, что в этом утверждении есть доля правды. Христианский мир повинен в достойной сожаления гордыне и жестокости. Однако гордыня и жестокость — достояние людей порочных и злых. Каждый истинный христианин без колебаний признает, что, на самом деле, он не лучше тех евреев, которые отдали Иисуса на распятие. Да, они замыш-

ляли Его убийство и использовали римлян для того, чтобы пригвоздить Его к кресту, но каждый настоящий христианин скажет, что Иисус распят и из-за его личных грехов. В этом и состоит сущность Евангелия: Иисус Христос несет наши грехи в Своем теле на крест. Ненависть к Богу, проявившаяся в распятии воплощенного Господа, — это то злое начало, которое таится в сердце каждого человека, будь то еврей или язычник.

Здесь, у подножия креста Христова, евреи и язычники находятся на одном уровне: похвалиться и гордиться нечем, никто не имеет преимуществ. Всех объединяет общая греховность.

*“Сего Бог воскресил... и дал Ему являться... свидетелям...
которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых”*
(Деян 10: 40-41).

Проповедовать воскресение — значит проповедовать свершившийся факт. Эта вера не имеет ничего общего с воплощенной в некий миф надеждой, что в ином мире, после смерти, пороки этого мира будут исправлены. Вера — это исповедание свершившегося факта. Бог изменил приговор людей: Его Сын воскрес из мертвых — физически и телесно.

О свидетелях этого воскресения сказано, что они ели и пили с Сыном Божиим после того, как Он восстал из мертвых (Деян 10: 41). Как знаменательно, однако, то, что ныне Бог призвал Петра отправиться есть и пить с язычниками!

Ныне свидетели воскресения должны были объяснить значение этого события:

“И Он повелел нам проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых”

(Деян 10: 42).

Мы так часто слышали эти слова, что они, возможно, уже потеряли для нас силу удивлять и радовать. Но прислушаемся: не “Бог будет судьей”, но “Иисус из Назарета” будет судьей. Бог назначил Его быть Судией, ибо будучи

Человеком, Иисус остался безгрешным. Он воистину Человек, ибо жил в нашем мире. Суд Его всегда справедлив, потому что Он никогда не ищет Своей воли (Ин 5: 30). Он — мерило для сравнения. Ни один язычник не сможет сказать: “Я такой же, как и ты. Какое ты имеешь право осуждать меня?” Но и еврей не может чувствовать своего превосходства: в конце концов именно евреи отдали Иисуса на распятие.

И еще одна удивительная вещь, на сей раз — радостная:

“О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его”

(Деян 10: 43).

Всякий верующий получит именно *прощение*, а не осуждение, сколь бы ни велика была вина евреев или язычников. Здесь опять нет различия между теми и другими, потому что единый Господь у всех, и Он щедро благословляет каждого, кто призывает Его:

“...всякий, кто призовет имя Господне, спасется”

(Рим 10: 12-13).

Это и составляет основу истинной христианской святости, той, что пребывает у подножия креста. Евреи и язычники оказываются там в равном положении: и те, и другие согрешили перед Богом, несмотря на веру и добрые дела. И те, и другие равно получают прощение как безвозмездный дар через смерть и воскресение Иисуса Христа. И тем и другим нечем гордиться друг перед другом. Остается лишь вместе радоваться.

Это — первая составляющая истинной святости, трезвое осознание греха и затем — прощения. Однако есть и вторая составляющая. Во время речи Петра на собравшихся послухать его благовестие снизошел Святой Дух. Верующие из евреев, прибывшие с апостолом, изумились, ибо сопостствие Святого Духа показало, что Господь принял покаявшихся и верующих язычников совершенно так же, как Он принимал покаявшихся и верующих евреев. Бог даровал им Духа Святого по вере их в Господа Иисуса Христа. Мессия и Его смерть, принесшая искупление верующим, была

не только единственной, но и вполне достаточной основой их веры. Каждого принимает Христос через веру в Него, и не нужно никакого дополнения к этому, да оно здесь и невозможно. И вот тогда, на основании очевидного свидетельства их веры, Петр велел им креститься водой. Коль скоро Господь принял их, так же должны были поступить и евреи-христиане (Деян 10: 44-48).

Петр: итоги (Деян 11: 1-18)

Лука приводит продолжение этой истории, которое позволяет нам лучше понять значение выдающегося события — сошествия Святого Духа на верующих язычников.

Когда Петр вернулся в Иерусалим, некоторые евреи-христиане стали упрекать его за то, что он вошел в дом к необрезанным и ел с ними (Деян 11: 1-3).

Петр терпеливо и обстоятельно рассказал, как было дело: об уроке, данном ему Богом в видении, о приходе посланных Корнилием, которому ангел повелел позвать апостола, и наконец, о замечательном событии: даровании Богом Святого Духа язычникам. Апостол вспоминает об этом событии так:

“Когда же начал я говорить, сошел на них Дух Святой... Бог дал им такой же дар, как и нам... кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?”

(Деян 11: 15-17).

Он сказал своим братьям: “Так хотел Бог. Я не мог способствовать этому. Я только благовествовал. Бог же сделал все остальное”. Хорошо сказано, Петр!

Для нас же особенно важно, как именно описал апостол это сошествие Святого Духа.

“Тогда вспомнил я Слово Господа, как Он говорил: Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым”

(Деян 11: 16).

В этом заключается вторая составляющая истинной святости после отпущения грехов через смерть и воскре-

сение Иисуса Христа: сила, даруемая Святым Духом для ведения истинно непорочной жизни в свидетельстве о Господе.

Теперь мы начинаем понимать, почему Бог разрушил стену, которой Он некогда окружил Израиль. В те дни верующие еще ничего не знали о крещении Святым Духом, о том, что сходящий на них Дух Святой может давать силу для ведения святой жизни. Следовательно, самое лучшее, что можно было в то время сделать, — отделить народ Божий стеной, которая не позволяла бы ему соприкасаться с порочным языческим миром. Однако у такого отделения были свои недостатки. Наличие внешней стены не делало Израиль чистым изнутри. А какой смысл в святости, если ее можно достигнуть, лишь путем изоляции от реального мира?

Искупление человечества и его очищение через смерть Иисуса Христа позволило Святому Духу сойти на каждого верующего и наделить его духовной силой жить праведной жизнью. Таким образом, Дух Жизни во Христе Иисусе может освободить нас из-под власти греха и смерти. Требования Закона могут быть исполнены в тех, кто идет не путем плоти, а путем Духа. Теперь, когда стена рухнула, и в верующих живет Святой Дух, христианин свободен отправиться, куда захочет, и нести Слово Божие любому человеку.

К этому нужно кое-что добавить. В то время Петр и его соратники, ученики Христовы, могли не осознавать в полной мере все значение того, что креститься в Духе Святом могли как евреи, так и язычники. Но уже через несколько лет Павел в своем боговдохновенном Послании напишет:

“Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом”

(1 Кор 12: 13).

Стены, отделявшей евреев от язычников, более не существовало: они были теперь объединены одной жизнью, заключенной в едином теле Христовом.

В этом, таким образом, и состоит отличие христианской святости от иудейской.

Вернемся к христианам-евреям в Иерусалиме. Услышав рассказ Петра, они забыли все свое недовольство и восславили Бога (Деян 11: 18). Надо отдать им должное: потерять привилегированное положение, которое они занимали в течение столетий, вероятно, было для многих мучительным испытанием. Однако они выдержали его с честью. Получив неизъяснимую и безмерную благодать Божью во Христе как безвозмездный дар, они почувствовали себя столь богатыми, что смогли позволить себе поделиться своим богатством с другими. Они воздали Богу хвалу, превознося Его как великого Господа, милость которого ни с чем не сравнима:

“Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь”

(Деян 11: 18).

Не правда ли, выражение “и язычникам” звучит несколько странно? Почему не просто “язычникам”? Давайте перефразируем это выражение и тогда мы увидим всю ту неисчерпаемую благодать, о которой оно говорит: “Видно, и нам дал Бог покаяние в жизнь”.

Этим славным итогом и заканчивается Действие 1.

Примечания

¹ Слово “освященные”, которое встречается в Деян 20: 32 и 26: 18, разумеется, связано со словом “святой”.

² Употребление краденой пищи, безусловно, оскверняет человека, так как безнравственность кражи оскверняет его сердце. Однако пища сама по себе осквернять не может.

³ Несомненно, нарушение заповеди Божьей оскверняет человека и морально и духовно. В этом и состоит причина отмены Господом законов о питании. Отныне ученики могли употреблять любую пищу, так как пища сама по себе не оскверняет. Вот, как говорит об этом Павел:

“Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто” (Рим 14: 14).

⁴ Обратите внимание на терминологию. Слово “святой” противостоят в Ветхом Завете два понятия. Так, день субботний свят в том смысле, что он посвящен Господу. Другие дни, которые не настолько посвящены Господу, не обязательно являются “нечистыми”, — это просто обычные, будние дни. То же самое можно сказать и об утвари. Храмовые сосуды, предназначенные для церковной службы, считались священными (и, кроме того, разумеется, должны были быть чистыми). Другие же, обычные, сосуды, не предназначенные для службы, вовсе не считались нечистыми, хотя, впрочем, и могли стать таковыми. То же и с хлебом. Хлебы предложения в скинии Завета были *наиболее* святыми. Их могли есть только священники. Однако отсюда не следовало, что простой хлеб, который употребляли в пищу все израильтяне, был “нечистым”. То же самое Павел говорит и о еде: “...Всякое творение Божие хорошо и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою” (1 Тим 4: 4-5).

ДЕЙСТВИЕ 2

БЛАГАЯ ВЕСТЬ ОСВОБОЖДАЕТСЯ ОТ ЕВРЕЙСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРАЛИЗМА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБРЯДНОСТИ (Деян 11: 19 - 12: 24)

Подобно первому Действию, второе Действие посвящено распространению благой вести в языческом мире. Так же, как и в первом Действии, речь здесь пойдет о препятствиях, которые первоначально стояли на пути распространения благой вести и о том, как эти препятствия были устранены. Как и в первом, во втором Действии — четыре сюжета. В предыдущем Действии связующим звеном было миссионерское путешествие апостола Петра. В данном случае таким связующим звеном выступает гонение на христиан. В первых двух рассказах повествуется о том, как гонения на христиан вопреки желанию их инициаторов способствовали распространению Евангелия. Последних два эпизода посвящены тому, как распространение благой вести могло прерваться в самом начале, если бы не вмешательство Бога. Вполне естественно, что местом действия всех четырех сюжетов является Иерусалим.

Основание Антиохийской церкви (Деян 11: 19 -26)

В первом Действии подробно показано, как апостол

Петр официально открыл ворота веры язычникам, а также, как, побудив Петра прийти в дом Корнилия, Бог поставил и разрешил ряд вопросов, связанных с понятием святости.

Однако из текста Деяний Апостолов следует, что первое действительно массовое обращение язычников в христианство и основание первой церкви, большую часть которой составляли неевреи, произошло не под руководством Петра или кого-либо из учеников Христа. Да и впоследствии деятельность этой церкви протекала вне зависимости от Иерусалимской церкви.

Факт этот заслуживает самого пристального внимания. И чем больше мы над ним размышляем, тем более замечательным он нам представляется. Здесь описывается нечто совершенно небывалое: в Антиохии произошло не просто учреждение еврейской христианской синагоги, куда язычники могли быть допущены только после признания всех еврейских традиций, а основание общины, в которой люди как евреи, так и язычники были на равных. Это было таким новшеством, что для обозначения членов этой общины понадобилось ввести новое название: “христиане” (Деян 11: 26). Лука не сообщает нам, существовали ли подобные общины где-либо прежде. Согласно тексту Деяний, это была первая церковь, основанная вне Иерусалима и Иудеи. (Лука на упоминает о том, что произошло после дня Пятидесятницы в Самарии или в Риме (Деян 2: 10).)

Напомним, что Господь наделил своих апостолов полномочиями свидетельствовать о Христе в Иерусалиме, по всей Иудее и Самарии и “даже до края земли” (Деян 1: 8). Можно было ожидать, что, следуя Божьей воле, апостолы в Иерусалиме, по крайней мере, организуют нееврейскую миссию, даже если и не будут вести ее сами. Ведь это было так важно!

На самом же деле все произошло совершенно иначе. Апостолы в Иерусалиме и не основали, и не управляли, и не руководили никакой миссией. Церковь в Антиохии была основана сама по себе; Иерусалимская церковь поначалу даже и не знала о ее существовании.

Столь необходимая новому движению миссия была

учреждена в результате гонений, вспыхнувших вслед за казнью Стефана. Как сказано в Деяниях:

“...Все, кроме Апостолов, рассеялись по разным местам Иудей и Самарии”

(Деян 8: 1).

Лука не объясняет нам, почему апостолы остались позади. Возможно, они хотели покинуть город последними, подобно капитану тонущего корабля; возможно, они приложили все усилия и пошли на все возможные жертвы ради того, чтобы даже в подобных обстоятельствах сохранить Иерусалимскую церковь. Это могло занимать все их помыслы и требовать сосредоточения всех сил до тех пор, пока гонения не прекратились и многие верующие, рассеявшиеся по Иудее и Самарии, не возвратились в Иерусалим, и не стали предметом их пастырской опеки.

Как бы то ни было, даже те из верующих, кто в результате гонений оказался в Финикии, на Кипре и в Антиохии, очевидно, не собирались заниматься евангелизацией язычников. Вначале они проповедовали Евангелие только среди иудеев (Деян 11: 19). Но неожиданно те из них, кто родился на Кипре и в Киринее, начали проповедовать перед Еллинами, благовествуя Господа Иисуса (Деян 11: 20). С ними была рука Господня, замечает Лука, что и объясняет успех проповеди. Сам Господь был учредителем этой миссии, призывая, направляя, руководя и внушая надежду на успех:

“...И великое число, уверовав, обратилось к Господу”

(Деян 11: 21).

Следующее примечательное обстоятельство заключается в действиях Иерусалимской церкви, когда там впервые услышали о произошедшем в Антиохии. Церковь направила в Антиохию Варнаву (Деян 11: 22). “Когда посланник прибыл в город,— продолжает автор Деяний,— он увидел благодать Божию”. Варнава с радостью убедился, что основание Антиохийской церкви произошло благодаря Божественному вмешательству и было проявлением Божьей милости.

И он призвал верующих всем сердцем принадлежать...

Кому? Иерусалиму? Нет! Богу! (Деян 11: 23) Эта деталь имеет исключительно важное значение. Так как в ней проявилось то, что Евангелие поднялось на неизмеримо более высокий уровень, когда евреи и язычники образовали неразделимую основу христианской церкви (а не еврейской христианской синагоги). Это событие произошло без помощи или разрешения Иерусалимской церкви. Ведь Варнава не говорит: “Что ж, я рад тому, что произошло. Пусть все останется так, как есть. Впрочем, перед тем, как предпринять этот шаг, вам, конечно, надо было посоветоваться с Иерусалимом; во всяком случае до того, как основывать церковь. Я прошу вас в будущем быть более осмотрительными, придерживаться мнения Иерусалима и советоваться с ним прежде, чем предпринимать дальнейшие инициативы”.

Ничего подобного он не сказал. Если бы верующие в Антиохии ждали, пока Иерусалимская церковь пришлет к ним миссионеров для обращения язычников, они бы ждали до сих пор. Конечно, нельзя утверждать наверняка, но раз в Деяниях не сказано ни слова, можно предположить, что Иерусалимская церковь не учредила ни одной миссии для обращения язычников.

Итак, Варнава посоветовал новым христианам держаться Господа. Лука отмечает, что посланник дал этот совет потому, что был “муж добрый и исполненный Духа Святого и веры” (Деян 11: 24). Его доброта выразилась в том, что Варнава не огорчился и не позавидовал, когда эти никому не известные верующие отважились на такой значительный шаг, не посоветовавшись с Иерусалимом. А его вера выразилась в том, что он сразу увидел в этом деле Божью благодать, поняв, что Господь, который хранит Своих слуг и помогает им, будет и дальше поощрять, возглавлять, направлять и защищать Свое дело, если только новые христиане и эта новая Церковь доверятся Богу. Верность Господу Иисусу требует согласия с учением и деяниями апостолов, где бы эти апостолы в данную минуту ни находился. Но верность Господу Иисусу Христу не требует от церкви в Сирии или где-либо в другом месте

организационного подчинения Иерусалимской церкви. Главенствующее положение Иерусалима в иудаизме нельзя было автоматически переносить в христианство. Отныне верующие не нуждались ни в указаниях, ни в управлении со стороны Иерусалимского центра. Когда мы увидим ниже, какие важные инициативы были предприняты Антиохийской церковью (Деян 13: 1-3), мы сможем еще лучше понять мудрость совета Варнавы.

Затем для укрепления церкви в Антиохии Варнава разыскал в Тарсе Савла и в течение целого года они собирались в церкви и учили верующих, число которых было весьма велико (Деян 11: 25-26). Мы знаем, что Савл, оставив Иерусалим, отправился в Тарс. Однако Варнава распознал в нем особое дарование проповедника и привлек его в помощь новой нееврейской общине. Поэтому он и нашел его, и они вместе непрестанно учили верующих Слово Божье. Итак, истинный путь к духовному росту и расширению церкви состоит в приверженности Богу, а не церковным властям. Но в то же время независимость от центра не должна вылиться в ложно понятую самодостаточность. Следует принимать помощь посланных Богом учителей. “Приложиться к Господу” не означает следования своим собственным идеям и фантазиям, это означает потребность в упорном и систематическом изучении Божественной мудрости.

Следующая интересная черта данного повествования заключается в том, что именно в Антиохии ученики Христовы впервые приняли имя христиан. Это была замечательная находка. “Мессия” переводится на греческий язык как “Christos”, то есть Христос. Перевод этот уже давно использовался евреями, говорившими по-гречески. Однако понятие “христианин” в смысле “верующий во Христа или служитель Христа” было совершенно новым и в равной мере относилось как к еврею, так и к нееврею. В связи с этим следует сделать важное замечание. В предыдущем Действии было показано, как была разрушена стена, отделявшая евреев от язычников. Однако отсюда вовсе не следует, что после этого исчезли *все* барьеры между людь-

ми. Отныне существует новое разделение: не между евреями и язычниками, а между христианами любого происхождения, с одной стороны, и не верующими в Христа евреями и язычниками, — с другой.

Антиохийская церковь и помощь нуждающимся (Деян 11: 27-30)

В первом Действии третьего Раздела мы говорили о том, что в еврейском представлении о святости большое место занимают добрые дела и помощь нуждающимся. Мы убедились в несостоятельности иудейского представления о святости и в необходимости его замены христианской святостью. Для этого должна была исчезнуть стена, отделяющая еврейский мир от языческого, и отменены законы о питании, которые в значительной мере затрудняли взаимодействие двух миров. И вот мы видим, что в Антиохии на началах христианской святости основана церковь.

Возникает вопрос: будет ли этот принцип действенным? Как он повлияет на общественное сознание? Не приведет ли следование этому принципу к отказу верующих от своих нравственных и общественных обязанностей?

Ни в коей мере! Посмотрим, что произошло в Антиохии. Услышав пророчества о грядущем голоде по всему миру, ученики решили, очевидно, по собственной инициативе, послать посильную помощь своим братьям в Иудею (Деян 11: 27-30). Это был благородный жест, действительное выражение единства всех верующих во Христе, независимо от их национальной принадлежности. В каком-то смысле искренняя и оперативная помощь антиохийских христиан производит большее впечатление, чем доброта Тавифы (Деян 9: 36-43), ибо им пришлось преодолевать барьеры религиозной гордыни, предрассудков и вражды, этнических различий, а также физического пространства. И поныне единство во Христе, существующее между верующими во всем мире вопреки национальным, этническим, социальным, образовательным и политическим барьерам,

представляет собой поразительную картину.

По иронии судьбы, гонения на христиан, вспыхнувшие вслед за убийством Стефана, обратились против их инициаторов. Сначала гонения привели к тому, что Иерусалимская церковь серьезно сократилась. Однако это не означало уменьшения христиан в мире, наоборот, христианство продолжало распространяться, о чем свидетельствовало основание Антиохийской церкви, которая помогла выстоять церкви в Иерусалиме.

Преследование церкви Иродом. Освобождение Петра (Деян 12: 1-19)

И вновь мы сталкиваемся с фактом гонений, и вновь объектом их является Иерусалимская церковь. И на этот раз преследователи посрамлены. Правда, теперь само дело и его следствия заключаются в другом. На сей раз инициатором гонений выступает царь Ирод, убивший мечом Иакова (Деян 12: 2). Лука не объясняет, что послужило поводом для казни, однако известно, что она вызвала одобрение иудеев:

“Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра”

(Деян 12: 3).

Итак, налицо факт политического преследования на религиозной почве.

Политическая дискриминация на религиозной почве в наше время, т.е. в XX веке, все больше и больше воспринимается как преступление, по крайней мере, в пределах христианской цивилизации. Но не следует забывать, что в прошлом подобная практика была распространена в христианском мире и была почти повсеместной. Она была источником неисчислимых жестокостей и репрессий. Поэтому стоит задуматься о тех предпосылках, которые лежали в основе подобной дискриминации, делали ее достойным делом не только в глазах древних иудеев, но и в глазах многих поколений христиан, продолжают оправдывать ее

перед некоторыми нашими современниками.

В жилах Ирода Агриппы I текла и еврейская кровь. Хотя род Иродов и происходил из эдомитян, что не прибавляло ему популярности среди евреев, бабушкой его была принцесса Мариамна, из знаменитого царского рода Хасмонеев. Поэтому понятно, что, после того как в 41 г. н.э. римский император Клавдий передал правление Иудеей царю Агриппе, включив ее тем самым в состав его царства, царь постарался сделать все, чтобы завоевать признание иудеев.

Профессор Ф.Ф. Брюс сделал предположение о том, что причина, по которой царь Ирод поднял руку только “на некоторых из принадлежащих к Церкви” (Деян 12: 1), а не на всю Иерусалимскую церковь, по-видимому, заключалась в том, что эти люди, в том числе Петр и другие апостолы одобряли разрушение стены, отделявшей евреев от язычников и сами участвовали в этом. Благодаря этому язычники приобретали те же привилегии, которые имели и евреи (так, во всяком случае, это представлялось последним), не переходя в иудаизм¹. Если эта догадка верна, то перед нами — очередной всплеск вражды иудеев против христиан.

Иудеи сохраняли некий *modus vivendi* с христианством до тех пор, пока христиане соблюдали все привилегии, возвышавшие их над неиудеями. Однако теперь, когда иудеи увидели, что есть Евангелие в действительности и что христианская святость подразумевает, в частности, отмену всех прежних иудейских привилегий, первоначальная вражда к Евангелию вспыхнула с новой силой.

Действительно ли дело обстояло подобным образом или же враждебность иудеев объяснялась прежней, но сильнее разгоревшейся, ненавистью против христиан — не важно. Важно то, что иудеи ополчились против самой сущности христианской благой вести. Речь шла не о какой-то незначительной компоненте христианской веры или жизни, по поводу которой христиане могут с истинно христианским смирением пойти на компромисс ради мирного сосуществования с иудаизмом.

Разумеется, в оправдание казни лиц, виновных в

серьезной ереси, и использования для этой цели государственной власти иудеи могли ссылаться на авторитет Библии. Во Втор 17: 2-7 утвержден закон, по которому виновный в идолопоклонстве, будь то мужчина или женщина, должен понести высшую меру наказания. Этот же закон установлен и во Втор 13: 6-18, где также говорится, что если целый город в Израиле будет признан виновным в идолопоклонстве, то весь остальной народ должен вооружиться, разрушить этот город до основания, истребить всех его жителей, уничтожить все их имущество. Следовательно, израильтяне могли утверждать, что христиане, почитая Христа как Бога, повинны в крайней форме идолопоклонства, в поношении имени Божьего и поэтому гражданские власти имеют право предать их казни. Подобными же воззрениями руководствовался и христианский мир на протяжении веков, когда церковные и духовные власти присваивали себе якобы дарованное Богом право уничтожать еретиков, передавая их гражданской власти для приведения приговора в исполнение. Считалось, что гражданские власти должны были оказывать содействие духовным властям, следившим за чистотой государственной религии.

Но здесь возникали определенные сложности. Древний Израиль был теократией, установленной Самим Богом. Не только все первосвященники, но и многие из израильских царей были “помазанниками Божьими”. Каждый подданный государства должен был исповедовать государственную религию. Каждый грудной ребенок мужского пола восьми дней отроду подвергался обрезанию. Каждый ребенок, не прошедший этого обряда, считался “отщепенцем”. Религия и политика рассматривались как две стороны одной медали. Государство было священным. В подобных условиях ересь оказывалась преступлением против государства, имевшего право и обязанность карать преступников.

Однако к 1 в. н.э. Израиль уже давно не был священным государством. Десять колен народа были рассеяны, и даже колено Иудино лишилось всякой политической власти,

Северное царство было уничтожено ассирийцами, южное — вавилонянами. Дом Давида прекратил свое существование. Даже после возвращения из вавилонского пленения, несмотря на восстановление Храма и Иерусалима, монархия так и не была восстановлена. Оставим в стороне вопрос о том, были ли “Божьими помазанниками” цари из династии Хасмонеев, но к периоду, который мы сейчас рассматриваем, эта династия более не существовала. Ирод Великий наверняка не был уже помазан Богом. Он не был даже настоящим израильтянином, так как происходил из идумеев и, по Втор 17: 15, вообще не мог претендовать на иудейский трон.

Итак, в этот период евреи не имели своего политического вождя — царя из дома Давидова — и произошло это отнюдь не случайно. Сам Бог сократил дни израильского дома Давидова, забрал власть из рук израильских царей и передал ее язычникам, изгнавшим народ с его родины. Все это случилось вследствие грехов израильтян и их мятежа против Бога. Далее произошло нечто еще более худшее: Израиль отверг и казнил истинного Царя из дома Давидова, помазанника Божьего, Мессию Иисуса. В свете всего сказанного Ирод Агриппа I, ставленник римского императора Клавдия, никак не мог быть помазанником Божьим, уполномоченным казнить еретиков и хранить веру и религиозные обряды Израиля.

Таким образом, Израиль давно уже утратил всякое право использовать свою государственную власть (тем более, что она оказывалась в распоряжении язычников или полуязычников) для казни людей, которых духовные вожди Израиля считали еретиками. Более того, Ирод приказал арестовать Петра во время пасхальной недели (Деян 12: 4). Достаточно только вспомнить, что символизировала собой Пасха, чтобы оценить горькую иронию этого события. Праздник Пасхи символизировал религиозную свободу, свободу почитать Бога в согласии со своей совестью. Некогда сыны Израиля пребывали под властью язычника — египетского фараона. Именем Бога предводитель народа Моисей потребовал у фараона:

“...Отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение”
(Исх 10: 3).

Фараон предлагал различные компромиссные варианты, однако Моисей настоял на том, что лишь полная религиозная свобода, позволяющая всему народу почитать Бога в соответствии со своей совестью и верой, может удовлетворить Господа и предводителя народа.

Ныне же, во время очередной Пасхи, Израиль поощряет своего полуязыческого правителя отказать евреям-христианам в праве почитать Бога согласно со своей совестью и даже в праве на саму жизнь.

Мы можем быть уверены в одном: подобная политическая дискриминация на религиозной почве не имеет ничего общего с истинной святостью и не быть угодной Богу. Сами израильтяне, когда были вынуждены жить в других странах в изгнании, испрашивали разрешения у правителей и нередко получали свободу исповедовать свою религию. Когда же им в этом отказывали, вереница мучеников свидетельствовала об их благородном протесте. Однако именно ту религиозную свободу, которую отстаивал пророк Даниил, заплатив дорогую цену за себя, своих единомышленников и свой народ, которую отстаивало каждое поколение евреев во многих странах мира, в том числе и в так называемых христианских странах, — эту самую свободу и попирали иудейские современники Петра, радуясь, что в ней отказано первым христианам Иакову и Петру.

Христианский мир едва ли правомочен занимать позицию обвинителя по отношению к древнему иудаизму. Когда со временем церковь вступила в несправедливый союз с государством, последнее само стало считать себя священным, полностью приняв за образец традицию иудаизма. Именно церковь, получив в свои руки государственную власть, использовала ее для разжигания вражды, а затем и для преследования евреев², и в конце концов она стала преследовать христиан-еретиков или подозреваемых в ереси. Те же методы, которые применял иудаизм для сохранения своего священного государства, стал затем использовать и христианский мир. В иудаизме одним из

способов государственного воздействия на подданных для принятия ими государственной религии было предписание подвергать обрезанию каждого новорожденного мужского пола. В христианском мире аналогом обрезания стало крещение. В разных странах и в разные времена крещение младенцев предписывалось гражданским законодательством под страхом смерти или лишения гражданских прав. Не будем сейчас вспоминать жестокость и несправедливость, имевшие место на религиозной почве сравнительно до недавнего времени. О них и без того сказано достаточно. Однако не следует забывать ни исторических фактов, ни ложных обрядовых предпосылок, которые к этим событиям привели. Подобная обрядовость не имела ничего общего с истинной святостью. Объединить церковь с государством и использовать политическую дискриминацию для сохранения господствующего положения церкви и чистоты(!) государства — подобный замысел полностью противоречит христианской святости.

Однако вернемся к Петру. Он был свидетелем казни Иакова и теперь сам оказался за решеткой (Деян 12: 4). Нетрудно представить, о чем он думал и что чувствовал в эти тягостные дни. Петр был не только настоящим руководителем Иерусалимской церкви со дня Пятидесятницы; он показал, как преодолеть вековую преграду между языческим и еврейским миром, принеся Евангелие язычникам, принимая верующих нееврейского происхождения как подлинных христиан и не требуя от них присоединения к еврейской общине. И вот начались гонения. Убит Яков. Сам Петр, без вмешательства Бога, был бы обречен. Повидимому, апостол не боялся смерти. Но, продолжай он упорствовать в своих христианских взглядах и новых идеях, которые внушил ему Господь и которые помогли в обращении язычников, многие из его еврейских братьев последовали бы за ним и погибли бы тоже. С точки зрения здравого смысла, он был бы виноват в их гибели.

Что делать? На одной чаше весов была истина — благая весть, которая могла принести спасение множеству язычников. Возможен ли здесь компромисс?

На другой чаше весов был значительный авторитет иудейской церковной элиты, за которой шло большинство иудеев, а также царь и стоящая за ним государственная власть. Когда Петр и Иоанн только начинали проповедовать именем Иисуса, а синедрион запретил им это, апостолы нарушили запрет без колебаний. Теперь же в этот спор вмешалась гражданская власть. Поддерживаемая Римом, она возглавила гонения. Мы не можем сказать, что именно чувствовал Петр, ибо он ничего не сообщил нам об этом. Но мы знаем, что чувствовал Лютер, ожидая встречи с папским нунцием и испанским императором. Он задавался вопросами: может ли он быть правым, а все эти важные лица — нет? прав ли он в том, что пошел против самого императора? имеет ли он право предпринять шаги, которые внесут раскол в христианский мир?

Хотя мы и не знаем, что именно ощущал в этой критической ситуации апостол Петр, мы можем предполагать, какое облегчение он почувствовал, выйдя на свободу и что это освобождение для него означало. Об этом-то он нам рассказал. Его освобождение было настоящим чудом. Сначала Петр решил, что ему это привидилось (Деян 12: 9). Но, оказавшись за воротами тюрьмы и начав дышать холодным ночным воздухом, он пришел в себя и сказал:

“...Теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский”

(Деян 12: 11).

Обратим внимание на смысл этих слов. Можно было бы сказать: “Неужели я действительно вышел на свободу или это только сон? — Ну да, я в самом деле вышел из тюрьмы”. Для Петра же этот вопрос заключался в том, как именно он вышел из тюрьмы, кто вывел его оттуда? Произошло настоящее чудо. И сотворил его Господь. Ясен и смысл произошедшего: подобно тому, как Господь своим вмешательством воскресил из мертвых Иисуса и тем самым отменил решение синедриона, посрамил сговор иудейских вождей с Понтием Пилатом и царем Иродом, так же и ныне Господь вмешался, чтобы нейтрализовать политическую

дискриминацию и религиозные преследования царя Ирода Агриппы, а так же для того, чтобы осудить и опровергнуть иудейскую обрядность. Сам Бог освободил Петра, а вместе с ним и Евангелие. Еврейское государство более не обладало монополией на принятие решений по вопросам веры, тем более не имело оно права насаждать государственную религию в противовес истинному откровению Божьему. Евангелие беспрепятственно могло теперь беспрепятственно нести благословение Авраамово язычникам (Гал 3: 14), а язычники могли принимать этого, не принимая иудаизма. Теперь Евангелие принадлежало всему миру, оно вышло за границы еврейского государства и вышло из-под контроля правителей Иудеи. При этом следует ясно осознавать, что Бог вывел Евангелие из-под контроля еврейского государства вовсе не для того, чтобы поставить его в зависимость от какого-либо другого государства.

То, что апостол Петр понял, когда стоял, вдыхая холодный ночной воздух, было не менее важным, чем то видение, которое заставило его отправиться к Корнилию, войти в его дом и проповедовать там Евангелие. Решение Бога отправить Петра к язычнику Корнилию освободило Евангелие от пут иудейской обособленности с ее жесткими законами о питании. Освобождение апостола из тюрьмы избавило благовестие от пут иудейской обрядности — от контроля со стороны государства. Оба этих божественных акта были совершенно необходимы для того, чтобы благовестие пришло ко всем народам. Как могло бы Евангелие распространяться, будь оно полностью подвластно иудейскому государству? Или любому государству вообще? Даже и сейчас некоторые государства, особенно государства регламентированного типа (в частности, коммунистические), страшатся благой вести, видя в ней или “руку капитализма и западной демократии”, или “руку коммунизма” — в зависимости от типа государства. Но если Слово Божие суждено проложить путь к сердцам людей всех национальностей, оно должно быть свободным от любых политических сил, от любых государственных структур. Благая весть должна объединить евреев и язычников, но

это единство во Христе, а отнюдь не международный политический союз. Нет сомнения в том, что Евангелие несет идею добрых дел, благотворительности и гражданской ответственности. Нигде это не показано ярче, чем в данной части Деяний. Но благотворительность и другие добрые дела непосредственно вытекают из самого благовестия, из спасения через Христа. Евангелие не является следствием или вспомогательным инструментом какой-либо политической теории — оно не служит орудием какого-либо правительства или политического движения.

Вернемся к апостолу Петру. Когда он понял, что его освобождение из тюрьмы — явь, а не видение, он отправился в дом Марии, матери Иоанна, "называемого Марком" (Деян 12: 12). Там собрались верующие, молившиеся за освобождение Петра. Когда раздался стук в дверь и прозвучал голос апостола, они были так удивлены, что не сразу отворили ему дверь. Этой маленькой группе верующих, которая еще оставалась в Иерусалиме, трудно было поверить, что Бог совершит такое большое чудо ради освобождения Петра и благой вести. Это показывает, что первые христиане не склонны были ежедневно и ежечасно ждать чудес. Много лет спустя, рассказывая Луке о событиях этой ночи, они говорили ему, что для них невероятность этих событий была так же велика, как и для других людей.

Наша вера в чудо зависит, в первую очередь, от характера и надежности свидетеля и документа, который сообщает о чуде. Но она зависит также и от степени правдоподобности описания. Если бы кто-нибудь сказал, что Бог послал ангела помочь Петру найти оторванную пуговицу, то в силу несоответствия целей и средств нам было бы очень трудно поверить этому.

Таким образом, наша вера в чудесное избавление апостола Петра из темницы зависит, во-первых, от нашей оценки надежности исторического свидетельства исполненного Духом автора книги Деяния Луки. Но она зависит также и от нашей оценки важности произошедших событий. Некоторые комментаторы высказывают предположе-

ние, что эпизод с ангелом представляет собой лишь поэтическую метафору, смысл которой в том, что, хранимый провидением Божиим, Петр был тайно освобожден каким-то человеком из тюремного начальства, который сочувствовал апостолу. Но этого объяснения явно недостаточно. Во-первых, Лука ясно говорит, что явился ангел (Деян 12: 7-10). Во-вторых, только божественное вмешательство могло спасти положение. Точно так же, как законы о питании были даны Израилю Богом, Богом же дано было Израилю и обрядовое правление, при котором гражданская власть укрепляла религиозную веру и обряды. Когда Бог отменял законы о питании, люди должны были понять, что это именно происходит посредством божественного вмешательства. Ничего хорошего для Петра не вышло бы, если бы он заявил своим единомышленникам в Иерусалиме, что, по его мнению, законы о питании можно теперь нарушать. Бог должен был решить этот вопрос Сам, взяв инициативу из рук Петра и излив Дух Святой на язычников. Точно так же, если Бог хотел, чтобы люди увидели, что Он лишил обрядовую Иудею божественного авторитета, он мог воспользоваться единственным способом — Своим прямым вмешательством. Одного лишь мнения Петра, даже подкрепленного авторитетом всех других апостолов, было бы недостаточно.

Что же касается степени важности описываемого события, то здесь следует сказать следующее: высвобождение веры, проповедования и применения Евангелия на практике из-под контроля еврейского государства — и из-под контроля любого другого обрядового государства — было следующим по своей значимости событием после эвангелизации мира.

Разумеется, все это не убедило Ирода Агриппу. Он пришел к выводу, что исчезновение Петра произошло либо по неосмотрительности охраны, либо из-за их прямого пособничества. Ирод велел казнить ни в чем неповинных охранников (Деян 12: 19), добавив еще несколько погибших к общему числу жертв обрядового государства, правители которого не были поставлены Богом.

Ирод: итоги (Деян 12: 20-24)

Ирод Агриппа I даже не был настоящим евреем. Если бы иудейская обрядовость по-прежнему находился под покровительством Бога, то его избрание на царство противоречило бы Ветхому Завету (Втор 17: 15). Это тем не менее не помешало торжеству иудеев, когда он использовал свою политическую власть, чтобы предотвратить дальнейшее распространение Евангелия и расправиться над членами церкви (Деян 12: 1-5). Но если религиозные вожди, получившие свою власть не от Бога, призывают гражданскую власть выступать в роли арбитра в религиозных делах, им не стоит удивляться, если гражданская власть начинает вести себя подобно Богу.

Именно так и повел себя Ирод Агриппа I. Однажды в ходе политических переговоров он разыграл грандиозный спектакль, чтобы произвести впечатление на народ. В парадном царском облачении он уселся на трон и произнес речь (Деян 12: 21). Слушатели приветствовали его слова, воздавая ему божественные почести:

“...а народ восклицал: это голос Бога, а не человека”

(Деян 12: 22).

Ирод Агриппа благосклонно отнесся к их идолопоклонству и бессмысленной лести,

“Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер”

(Деян 12: 23).

Обращает на себя внимание композиция рассказа Луки. Мы уже упоминали о явной параллели между Деян 11: 18 — “Выслушавши это, они успокоились и прославили Бога...” и Деян 12: 21, 23 — “В назначенный день Ирод... говорил к ним... Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу...”.

Но противопоставление это еще углубляется. В Деян 11: 1-18 повествуется о крещении Святым Духом как евреев, так и язычников. Крещение это тотчас же привело к установлению невиданного на протяжении всей истории

человечества единства верующих разных национальностей. Несмотря на это, современники этого события едва ли могли осознать это поразительное следствие крещения. Одному лишь апостолу Павлу, да и то много позднее, открыт был его чудесный смысл, и Лука узнал о них до написания Деяний. Павел объяснял коринфянам:

“Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом”

(1 Кор 12: 13).

Тело, которое упоминает апостол, — это Христос, нечто новое и уникальное в Божьем мире, которое явилось на свет в день Пятидесятницы, тело Христово, этот удивительный организм, который возник, когда на собравшихся снизошел Дух Божий и они вкусили Его. Таким образом, они оказались в Духе Божьем и Дух Божий — в них (Рим 8: 9). В результате появилось некое новое тело, Главой которого стал Человек Иисус, членами же — верующие в Него. Причем все они жили одной жизнью и, не теряя своей неповторимой особенности и призвания, были уже не каждый сам по себе, но, вместе с Господом Иисусом Христом и другими верующими, составляя часть единого организма, тела Христова. Так человек стал причастным Богу!

Какой печальной и абсурдной подделкой кажется на этом фоне Ирод — человек, который пытается вести себя как божество (Деян 12: 20-23). Выдавая себя за бога, он поддается соблазну, нашептанному человеку еще на заре истории великим искушителем: “...и вы будете, как боги...” (Быт 3: 5). Перед нами образчик власти того духа, который найдет полное свое выражение в лице Антихриста, “сына погибели”; когда этот человек греха и сын погибели явится на землю, он станет противиться и превозноситься

“выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога”

(2 Фес 2: 4).

Можно провести и еще одно сравнение. Если разбить

Деяния на шесть Разделов, то эпизод обожествления царя Ирода и его смерти придется на конец третьего Раздела, то есть на самую середину книги. Центральной точкой Евангелия от Луки является Лк 9: 50, поскольку со следующего стиха — Лк 9: 51 начинается путь Господа Иисуса Христа в Иерусалим, приведший Его обратно к небесной славе, из которой Он вышел. Интересно отметить, что последний эпизод первой половины Евангелия от Луки — это прославление Человека Иисуса на горе Преображения (Лк 9: 28-36).

Контраст между указанными сюжетами очевиден. В Евангелии от Луки Человек Иисус

“...когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею”

(Лк 9: 29),

затем явилось облако славы присутствия Божия и раздался голос из облака:

“Сей есть Сын Мой Возлюбленный...”

(Лк 9: 35).

В Деяниях же человек Ирод Агриппа I облачается в царские одежды, восседает на троне, произносит торжественную речь, принимает божественные почести и после всего этого — пожирается червями (Деян 12: 20-23)!

Разумеется, эти текстовые сходства и различия могли появиться и произвольно. Но, поскольку в обоих эпизодах описываются исторические события, которые Лука должен был отразить, нет никакой причины, запрещающей нам сравнивать и противопоставлять эти эпизоды. Многовековой прогресс человечества, возросшая до невероятных пределов сила, ставшая доступной ему в последние десятилетия, нарастающая тенденция к слиянию мира в единое целое, в котором будут противостоять друг другу лишь несколько крупнейших религий и философских учений, необходимость, ощущаемая гражданскими властями, положить конец экстремистским религиям и учениям, адепты которых в припадке фанатизма готовы взорвать мир, — все это может заставить определенные круги пойти по пути

римских императоров. Перед ними стояла задача объединения империи, в которой соседствовали различные религии, а также прекращения противоборства и кровопролития, приведших к падению римской республики. Средством к решению этой задачи явилось обожествление государства в лице его главы и предоставление приоритета поклонению главе государства перед всеми другими религиями. Если подобное когда-нибудь произойдет, это, несомненно, приведет к временному перемирию, которое однако будет достигнуто ценой самого страшного духовного рабства, какое когда-либо знало человечество.

Примечания

¹ F. F. Bruce, *THE BOOK OF THE ACTS*, New International Commentary on the New Testament (Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans, 1988), pp. 233 — 234 [Ф.Ф. Брюс. Книга Деяний святых Апостолов, новый комментарий к тексту Нового Завета].

² См.: E.M. Smallwood, *FROM PAGAN PROTECTION TO CHRISTIAN OPPRESSION* (The Queen's University of Belfast, 1979) [И. М. Смолвуд. От защиты язычников к притеснениям христиан].

РАЗДЕЛ 4

**ХРИСТИАНСКОЕ
УЧЕНИЕ
О СПАСЕНИИ
(Деян 12: 25-16: 5)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ДЕЙСТВИЕ 1:

Проповедование Благой вести о спасении
(Деян 12: 25-14:28)

ДЕЙСТВИЕ 2:

Споры об условиях спасения
(Деян 15: 1-16:5)

РАЗДЕЛ 4

ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ (Деян 12: 25 - 16:5)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы приступаем к обсуждению четвертого основного момента расхождения между иудаизмом и христианством. На этот раз расхождение происходит на почве вопроса о спасении — его условий и предпосылок.

Вопрос этот составляет самую сущность Евангелия. Как известно, имя “Иисус” означает “Спаситель”. Оно было дано нашему Господу, как объяснил ангел Иосифу,

“...ибо Он спасет людей Своих от грехов их”

(Мф 1: 21).

Таким образом, благая весть — это, по существу, весть о спасении. Как сказал апостол Павел:

“...Я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть Сила Божия ко спасению всякому верующему...”

(Рим 1: 16).

На первый взгляд может показаться странным, что рассуждения апостолов о точных условиях спасения и даже

их догматические формулировки по этому поводу излагаются во второй половине книги Луки. Правда, уже в Деян 5: 31 наш Господь провозглашен Спасителем: “Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов”. В Деян же 4: 11-12 прямо сказано, что “...и нет ни в ком ином спасения; ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись”.

С самого начала говорится, что для спасения людям необходимо покаяться и уверовать. Но вплоть до данного, четвертого, раздела Деяний нигде не сказано о том, требует ли спасение выполнения каких-либо других условий, например, обрезания и соблюдения закона Моисеева.

Этот композиционный принцип может быть легко объяснен, и он имеет свою практическую сторону. Дело в том, что первыми, кто уверовал в Иисуса как Мессию, Сына Божьего и Спасителя, были евреи. Каждый из этих верующих мужского пола еще в детстве подвергся обрезанию. Каждому верующему с самого раннего детства внушали, что главным делом его жизни является соблюдение закона Моисеева. Поэтому, когда эти люди покаяться в грехах и уверовали в Спасителя, многие из них продолжали думать, как их обрезание и соблюдение закона связаны с их спасением. Перед ними стоял вопрос: являются ли обрезание и соблюдение закона первым необходимым условием спасения, то есть таким, что без него вы не можете быть спасены, как бы искренне вы ни покаяться и ни уверовали в Спасителя; или они должны производиться уже после спасения как выражение любви и верности Богу.

Но затем, по мере распространения благой вести, сотни язычников стали каяться и уверовали в Господа Иисуса Христа. Ни один из них не был обрезан и не соблюдал закона Моисеева. Тем не менее они называли себя христианами, ходили на христианские собрания и даже, как это произошло в Антиохии, основывали церкви.

Понятно, что, как только начался этот процесс, тотчас же в умах многих людей должен был возникнуть вопрос, требующий срочного ответа: может ли язычник спастись

без обрезания и соблюдения заповедей? И если может, то какую роль в спасении играет обрезание? Не является ли оно вовсе излишним, как, возможно, и закон Моисеев?

Когда этот вопрос был поставлен, стало очевидно, что на него следует дать однозначный ответ. Христианству следовало сформулировать свое учение о спасении. И оно сделало это, и тем самым сделало еще один шаг от иудаизма.

Четвертый раздел охватывает текст Деяний с 12: 5 по 16: 5. Пятым стихом 16 главы обозначена одна из композиционных границ Деяний. Мы выделяем в данном фрагменте текста два Действия. Первое Действие начинается с того, что Варнава и Савл возвращаются из Иерусалима в Антиохию (Деян 12: 25) и отправляются в свое первое совместное миссионерское путешествие (Деян 13: 1-4). В этом путешествии Лука описывает четыре главных эпизода: путешествие на Кипр, в котором особо подчеркивается обращение проконсула Сергия Павла в Пафе, несмотря на проiski иудейского лжепророка Елима (Деян 13: 4-12); проповедь Павла в Антиохии Писидийской и связанные с этим события (Деян 13: 13-52); проповедь апостола в Иконию, Листре и Дервии, причем особое внимание здесь уделено чуду, совершенному в Листре, и его последствиям (Деян 14: 1-20); и, наконец, возвращение через Листру, Иконию, Антиохию Писидийскую, Памфилию, Пергию и Атталию обратно в Антиохию, где апостолы рассказали о своем путешествии в церкви (Деян 14: 21-28).

Второе Действие посвящено другому путешествию — на этот раз из Антиохии в Иерусалим и обратно (Деян 15: 1-35). Затем описывается начало третьего путешествия (15: 36-16: 5). В этом Действии также четыре эпизода. В первом рассказывается о том, как из Иудеи в Антиохию прибыли лжеучителя и как из-за этого возник ожесточенный спор, как Павел, Варнава и некоторые другие были уполномочены церковью отправиться к апостолам и старейшинам в Иерусалим, чтобы посоветоваться по поводу возникших осложнений (Деян 15: 1-5). Во втором эпизоде повествуется о созыве Иерусалимского собора и о решении, которое

было на нем вынесено (Деян 15: 6-21). В третьем эпизоде речь идет об определении Собора, которое было адресовано верующим в Антиохии и всем христианам, а также о том, как это определение доставила особая делегация, в состав которой вошли Павел и Варнава (Деян 15: 22-35). В четвертом эпизоде говорится о том, как, проведя некоторое время в Антиохии, Павел и Варнава решили посетить братьев в тех местах, где они проповедовали во время своего первого миссионерского путешествия. Однако в результате острых разногласий каждый из них отправился своим путем, причем Варнава взял с собой Марка, а Павел — Силу и Тимофея (Деян 15: 36-16: 5).

Таким образом, четвертый раздел состоит из двух Действий, в каждом из которых по четыре эпизода. Тематическая таблица этого раздела, в которой даны важнейшие моменты каждого из этих эпизодов, приведена после Предварительных замечаний.

Далеко не случайно, что материал, образующий четвертый Раздел расположен симметрично. Здесь видно намерение Луки представить подробное описание одного из основных догматов христианской веры, рассказать, каким образом он был впервые сформулирован.

Возьмем самый очевидный пример — композиционную границу, которая приходится на Деян 16: 5. На первый взгляд, это может показаться странным. Лука не провел этой границы ни в Деян 14: 28, где описывается окончание первого миссионерского путешествия Павла, что выглядело бы вполне уместным, ни в Деян 15: 35, где говорится о возвращении Павла из Иерусалима. Вместо этого автор Деяний начинает повествование о втором миссионерском путешествии Павла, продолжает его некоторое время (Деян 15: 36-16: 4), и лишь затем обозначает границу (Деян 16: 5), прежде чем вернуться к прерванному рассказу о том же самом путешествии. Зачем автору понадобилось обозначать композиционную границу именно в данном месте?

Одна из причин состоит, вероятно, в том, что к этому моменту (Деян 16: 4) Павел посетил лишь те города, в которых уже бывал вместе с Варнавой во время их первого

миссионерского путешествия. Новый маршрут начинается с 16: 6). Но обращает на себя внимание другая, более важная причина. В Деян 15: 1-5 повествуется о том, как Павел вместе с Варнавой стояли не на жизнь, а на смерть против обязательного обрезания язычников и как затем апостолы единодушно решили, что обязательность обрезания погубит учение о спасении. И вдруг в Деян 16: 1-3 Павел подвергает Тимофея обрезанию! Непоследовательность Павла настолько бросается в глаза, что в сравнении с ней никакого значения не имеют вопросы, когда и где был обрезан Тимофей, во время первого, второго или двадцать второго миссионерского путешествия. Поступок Павла следует сопоставить с борьбой апостолов против обрезания в Антиохии и Иерусалиме. Для того, чтобы читатели могли провести подобное сопоставление Лука и делает композиционную границу в Деян 16: 5, описывая оба события в одной части.

Конечно, более тщательное изучение материала убеждает нас в том, что на самом деле поведение Павла вполне последовательно. Как в Антиохии, так и в Иерусалиме некие лжеучители настаивали на том, что обрезание совершенно необходимо для спасения. Поэтому Павел вместе с Варнавой непреклонно боролся с ними. Однако Тимофей был обрезан не для того, чтобы получить спасение, ибо он знал, что и без того спасен. Он был обрезан ради уважения к традициям как евреев, которые были христианами, так и евреев, которые не были христианами, уверенных в том, что для спасения требуется соблюдение всех предписаний закона.

Приведем еще один пример кажущейся непоследовательности. Во втором эпизоде мы видим, что в своей проповеди, произнесенной в Антиохии Писидийской, Павел излагает тезис об оправдании верой, а не делами закона (Деян 13: 38-39). Однако в третьем эпизоде (Деян 14: 13-18) апостол решительно настаивает на необходимости исполнять одну из важнейших заповедей закона: “Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим”.

Таким образом, при помощи тщательного отбора и

Таблица основных эпизодов Раздела 4:
ХРИСТИАНСКОЕ УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ
 (Деян 12: 25-6: 5)

ДЕЙСТВИЕ I. Проповедование Благой вести о спасении (Деян 12: 25 — 14: 28)	ДЕЙСТВИЕ 2: Споры об условиях спасения (Деян 15: 1 — 16: 5)
I. ИЗ АНТИОХИИ В ПАФ (Деян 12: 25-13: 12)	5. АНТИОХИЯ 1 (Деян 15: 1-5)
<p>Лжепророк Вариисус (Деян 13: 6) пытается отратить язычника от веры (Деян 13: 8);</p> <p>Павел поражает лжепророка слепотой (Деян 13: 9-11)</p>	<p>Лжеучители из Иудеи проповедуют в Антиохии, что нет спасения без обрезания (Деян 15: 1)</p> <p>Павел и Варнава вступают в острый спор со лжеучителями (Деян 15: 2)</p>
2. В АНТИОХИИ ПИСИДИЙСКОЙ (Деян 13: 13-52)	6. ССБОР (Деян 15: 6-21)
<p>“Из его-то [царя Давида] потомства Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса” (Деян 13: 23);</p> <p>“...вам [потомкам Авраама, которые чтут Господа] послано слово спасения сего” (Деян 13: 26)</p> <p>“Я [Господь] положил Тебя [Иисуса] во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли” (Деян 13: 47);</p> <p>Давид (Деян 13: 22, 34-37) и Моисей (Деян 13: 39)</p> <p>Цитата из Ветхого Завета о язычниках (Деян 13: 46-48)</p>	<p>“... мы [евреи-христиане] веруем, что благодатью Господа Иисуса Христа спасемся, как и они [язычники]” (Деян 15: 11)</p> <p>Давид (Деян 15: 16) и Моисей (Деян 15: 21)</p> <p>Цитата из Ветхого Завета о язычниках (Деян 15: 14-19)</p>
3. ИЗ ИКОНИИ В ДЕРВИЮ (Деян 14: 1-20)	7. СОБОРНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ (Деян 15: 22-35)
<p>“...неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников” (Деян 14: 2)</p> <p>Павел и Варнава удерживают язычников от идолопоклонства (Деян 14: 11-18)</p>	<p>“... мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души” (Деян 15: 24)</p> <p>Апостолы призывают христиан из язычников “воздерживаться от идоложертвенного и крови...” (Деян 15: 29)</p>

4. ВОЗВРАЩЕНИЕ (Деян 14: 21-28)

“...утверждая души учеников, увещавая пребывать в вере и поучая что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие” (Деян 14: 22)

По прибытии в Антиохию Павел и Варнава, собрав церковь, “... рассказали все, что сотворил Бог с ними, и как Он отверз дверь веры язычникам” (Деян 14: 27)

8. ВОЗВРАЩЕНИЕ (Деян 15: 36 — 16: 5)

В результате острых разногласий Павел и Варнава расстаются. Павел подвергает Тимофея обрезанию! (Деян 15: 36 — 16: 3)

“И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом” (Деян 16: 5)

компоновки материала Лука демонстрирует полное соответствие между учением о спасении и делами, свидетельствующими о спасении, так же, как это делает Павел, в чем можно убедиться, сопоставив два четких богословских утверждения из его Послания к Римлянам:

“...мы признаём, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона”

(Рим 3: 28)

и

“...чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу”

(Рим 8: 4).

Обратимся еще раз к таблице эпизодов четвертого Раздела. В первом эпизоде рассказывается о том, что противодействие вере и учению Господа пришло извне, от людей, не принадлежавших к христианской общине (Деян 13: 8, 12) — и это вполне естественно. В пятом эпизоде оказывается, что ложный взгляд на учение о спасении проповедовался людьми, входившими в христианскую общину (Деян 15: 1-5). Можно сказать, что Лука просто честно пересказывал достопамятные события. На самом же деле он сделал гораздо больше. Ложные представления о спасении не исчезли навсегда лишь потому, что их отвергли апостолы, старейшины и вся Иерусалимская церковь. Они существуют

столько, сколько существует христианский мир, благополучно дожив до наших дней. Следовательно, правдивое повествование Луки как бы увещевает нас выверить наши собственные взгляды на этот вопрос. В наши дни, точно так же, как и во времена Луки, чрезвычайно опасно смешивать учение о спасении, данное апостолами со взглядами мнимых христианских учителей, проповедуемыми в мнимой христианской церкви. Опасности этой можно избежать лишь путем непосредственного обращения к апостольскому писанию.

Разумеется, в этом кратком предисловии мы не упомянули о всех сходствах и различиях между двумя этапами движения христианства, которые составляют содержание четвертого Раздела.

Ограничившись пока краткими замечаниями, мы подробнее остановимся на значении этих этапов в соответствующих частях комментариев.

ДЕЙСТВИЕ 1

ПРОПОВЕДОВАНИЕ БЛАГОЙ ВЕСТИ О СПАСЕНИИ (Деян 12: 25-14: 28)

Из Антиохии в Паф (Деян 12: 25-13: 12)

Если третий Раздел Деяний святых Апостолов связан с общественным, политическим значением евангельского учения о святости и его практического воплощения, то четвертый Раздел посвящен евангельскому учению о спасении как таковому.

Поэтому речь идет об этом учении уже с самого начала. Предваряя рассказ о первом миссионерском путешествии Павла, Лука говорит:

“В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учителя: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четверто-властника, и Савл”

(Деян 13: 1).

В то время, как эти пророки и учителя молились Господу и постились, Святой Дух произнес:

“Отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их”

(Деян 13: 2).

Позднее Павел опишет свою деятельность в следующих словах:

“...я поставлен проповедником и Апостолом... учителем язычников в вере и истине”

(1 Тим 2: 7).

Вполне естественно, что верующие, которых Господь определил в пророки и учителя, служили Богу, ожидая, что Он наставит их в том, как приступить к такому большому делу, как проповедь среди язычников, обучение их основам христианской веры. Столь же естественно, что верующие, посланные Святым Духом для выполнения этой великой задачи, были избраны из среды этих самых пророков и учителей. Так бывает весьма часто. Даром осознавать стоящие задачи и находить пути их решения обладают скорее отдельные люди, нежели церковь в целом. Счастливы те, кто в подобной ситуации пользуется доверием, благословением и поддержкой церкви в работе, на которую они посланы не самой церковью, а Святым Духом (Деян 13: 4).

Посланники прибыли в Селевкию, а оттуда отплыли на Кипр. На Кипре они начали проповедовать Слово Божье в синагогах города Саламина. Стоит обратить внимание на множественное число — “в синагогах” (Деян 13: 5). Оно означает, что Варнава и Савл проповедовали не один раз. После этого они пересекли весь остров и оказались в Пафе. До сих пор автор Деяний ни словом не обмолвился, что это были за проповеди, какой прием встретили проповедники. Но теперь он упоминает важную деталь, связанную с пребыванием посланцев в Пафе, поскольку эта деталь имеет прямое отношение к избранной теме: в Пафе учение Павла о спасении вызвало отпор некоего лжепророка (Деян 13: 6-12).

В Пафе находилась римская администрация острова, а также резиденция проконсула, которым в этот период был Сергей Павел. Лука называет его “мужем разумным” (Деян 13: 7), пославшим за Варнавой и Павлом, так как он хотел услышать Слово Божье. Между тем, в окружении проконсула был иудей по имени Вариисус. К сожалению, он не имел ничего общего с пророком Даниилом, уверенном в самооткровении Бога в Ветхом Завете и бесстрашно свидетельствовавшим о Боге Живом во мраке языческого мира. Этот Вариисус величал себя пророком, что однако не мешало ему заниматься самой настоящей языческой черной магией и спиритизмом.

Подобно многим людям, в том числе и христианам, он обнаружил, что спиритизм является средством проникновения в мир духов, которые могут вступать в общение с человеческими существами. Именно потому, что речь шла о реальном, а не выдуманном мире, Бог строго запретил сынам Израиля вступать с ним в связь (Втор 18: 9-14). Однако мир бесов притягивает к себе множество людей. Он кажется им гораздо более реальным, чем мир Бога и Библии. Бог и Библия обращены к нашей совести и нравственному чувству, чего не скажешь о спиритизме. Последний апеллирует к человеческому стремлению властвовать. Его пророчества позволяют, как полагают адепты спиритизма, предвидеть трудности, потери или ущерб и вовремя их избегать. Он дает людям власть господствовать над обстоятельствами и, если нужно, над другими людьми. Спиритизм ничего не говорит о морали, не требует покаяния. Поскольку люди ощущают реальность мира духов в том смысле, что он действительно существует и обладает определенной силой, они не задаются вопросом об истинности этого мира в нравственном и духовном смысле, о том, пребывает ли этот мир в духовной связи с Творцом, Который и есть Истина.

Духи мира спиритизма, несмотря на свою реальность, не имеют никакого отношения к истине. Они восстают против Истины. Когда речь заходит о морали и духовности, бесы эти предстают духами обольщения, таковыми же являются и распространяемые ими учения (1 Тим 4: 1-2). Вот почему во время пребывания Господа на земле, самый громкий и яростный протест со стороны бесов против него звучал именно тогда, когда Господь проповедовал Слово Божье в синагогах (Мк 1: 21-27). Бесы всегда будут нападать на истину Божью, пока они в состоянии это делать, в особенности же они будут пытаться навязывать церкви свои ложные идеи о личности Христа (1 Ин 2: 18-23; 4: 1-6; 2 Ин: 7). Бесы поражают воображение человека при помощи чудес, которые свидетельствуют о сверхъестественной силе, а также при помощи пророчеств, которые порою сбываются, дабы проще было обмануть легковерных. Вот почему

христианское учение, евангельское учение, изложение слова Божьего и истины настолько важны для евангелизации язычников. Главная ошибка христиан в том, что они порой утрачивают веру во всемогущество Слова Божьего как стержня евангелизации, ибо в конечном счете вопрос заключается не в том, можем ли мы вступать в связь со сверхъестественными силами, а в том, что есть истина.

Однако вернемся к Вариисусу или Елиме, волхву, как он назван в Деян 13: 8. Елима не был, разумеется, ортодоксальным иудеем, он был самым настоящим вероотступником. Не удовлетворившись тем, что сам оставил Слово Божье, этот волхв, как можно предположить из его связей с потусторонним миром, из всех сил старался отвратить от веры также и проконсула. Еще раз обратим внимание на терминологию Луки: вера, о которой сказано в Деян 13: 8, есть основание божественной истины, открывающейся человеку. В намерение Елимы входило не просто отвратить проконсула от принятия веры во что бы то ни стало, но именно от веры в божественную истину. Потому Павел и проклял его как орудие дьявола, ибо таковым он в действительности и был, и объявил, что Бог на время лишит волхва дара зрения. Так оно и случилось (Деян 13: 11).

Это был наглядный урок, наказание оказалось соразмерным преступлению. Проконсул, родившись в беспросветном невежестве язычества, наощупь тянется к свету божественной истины и просит Павла и Варнаву указать ему путь. В это же время Елима, намеренно совратившийся “с прямых путей Господних” (Деян 13: 10), пытается удержать проконсула во тьме. Поэтому волхв поражен слепотой, и теперь должен полагаться на помощь поводыря, дабы ужас его положения дал ему почувствовать, пока еще не поздно, всю порочность его деятельности и душевного состояния.

Пошло ли это наказание впрок или нет, мы точно не знаем, так как автор Деяний ставит в центр повествования проконсула, сообщая, какое впечатление произвели на него упомянутые события. И снова небесполезно отметить, какие слова использует автор:

“Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь

— чему бы вы думали, силе Божьей? Нет — учению (выд. мной — Д.Г.) Господню”

(Деян 13: 12).

Лука не находит нужным указать, сколь глубока была вера проконсула, а также уверовал ли еще кто-нибудь из его окружения. Он подчеркнул то, что считал наиболее важным: значение *веры* как орудия благовествования (Деян 13: 8), то есть, *слова* Божьего (Деян 13: 5,7), другими словами *учения* Господня (Деян 13: 12) или христианского учения. Запомним это хорошенько. Елима изменил иудаизму. Однако, и в христианском мире достаточно изменников. Поэтому Павел предупреждает нас:

“Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским... проповедуй слово... Ибо будет время, когда здорового учения принимать не будут...”

(1 Тим 4: 1; 2 Тим 4: 2-3).

В Антиохии Писидийской (Деян 13: 13 - 52)

В Антиохии Писидийской, в местной синагоге, обстановка была совершенно иной. Иудаизм был представлен в ней с лучшей стороны: верующие изучали и проповедовали слово Божье, допуская язычников, привлеченных благой вестью Ветхого Завета, присутствовать на богослужениях. На многих из язычников это производило неизгладимое впечатление, и они уверовали в единого истинного Бога и молились вместе с иудеями, хотя и не приняли формально иудаизма (Деян 13: 16). Следуя традициям гостеприимства, руководители синагоги пригласили евреев Павла и Варнаву обратиться к собранию. Павел начал проповедовать, выбрав тему, занимающую центральное место в христианском учении: спасение через Господа нашего Иисуса Христа.

Оправдание верой не связано с делами закона

После пространного вступления апостол перешел к главной теме:

“...Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса”

(Деян 13: 23).

Павел пояснил собравшимся, что ныне спасение предлагается каждому из них:

“Мужи братия, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога между вами! вам послано слово спасения сего”

(Деян 13: 26).

Более того, когда апостол достиг кульминационной точки своей проповеди, он указал, что под “спасением” понимает не то, чего можно добиться через соблюдение закона Моисеева, а Божий дар по вере во Христа — прощение грехов и полное оправдание (Деян 13: 38-39).

Павел еще до начала своей речи знал, каким будет результат прямого, убежденного и недвусмысленного противопоставления Христа Моисею, оправдания верой — оправданию через попытки соблюдать закон. Можно было заранее представить реакцию этих верующих на сообщение о том, что, несмотря на все их религиозное рвение, они по-прежнему нуждаются в спасении. Это было все равно, что растревожить осиное гнездо. Если бы апостол решительно осудил грехи верующих и призвал каждого из собравшихся приложить все усилия к более строгому соблюдению закона Моисеева, едва ли кто-либо посмел бы ему возражать. В конце концов, это был бы обычный язык пророков и проповедников, принятый в религиозных собраниях, а в среде иудейских учителей принято выражаться открыто и жестко. Но учение о том, что верующие никогда не смогут быть оправданы по закону Моисееву, сколь бы искренними и самоотверженными ни были их усилия, показалось многим из них насмешкой над искренним стремлением человека делать добро. Верующие были возмущены. Учение об оправдании одной лишь верой в Иисуса, без участия дел, по мнению многих, подрывает устои нравственной жизни, и иудеи отвергают это учение как нравственно несостоятельное и противоречивое.

Поэтому вступительную часть своей проповеди Павел

посвятил тому, чтобы показать, что учение об оправдании и спасении верой не является недавним изобретением христиан: учение это изложено еще в Пятикнижии и у пророков Ветхого Завета (Рим 3: 21).

Учение о спасении верой в законе и у пророков

В качестве доказательства своего основного положения Павел привел три примера из истории Израиля, связанных со спасением. При этом он предупредил присутствующих, что речь идет, так сказать, о спасении, уровнем ниже духовного спасения, которое предлагает нам Христос. Тем не менее в каждом из этих примеров Бог действует как Спаситель, поэтому разбор этих примеров помогает уяснить те условия, на которых Господь дарует спасение, о каком бы уровне спасения ни шла речь.

Во-первых, апостол упомянул об избрании Богом Израиля и введении его в Ханаан. Это был долгий процесс, занявший примерно четыреста пятьдесят лет (Деян 13: 21)¹. На каждом повороте этой долгой дороги именно Бог спасал сынов Израиля, тогда как сами они ничего не могли сделать для своего спасения. Прежде всего Господь избрал патриархов. Избрание это, как гласит Ветхий Завет, не имело ничего общего с их заслугами (Втор 9: 6-8). Затем, верный обету, данному Аврааму прежде, чем у того родился сын, Бог умножил небольшой род потомков Авраама, превратив его в многочисленный народ, который Он сохранил в Египте, несмотря на преследования, и чудесным путем вывел на свободу, тем самым спасши его от уничтожения в египетском плену (Деян 13: 17). И затем

“...около сорока лет времени питал их в пустыне”

(Деян 13: 18).

Каждый иудей, участник собрания, понял, куда клонит Павел. Несмотря на чудесное избавление из египетского плена, произошедшее по воле Божьей, все поколение переселенцев, за исключением двух-трех человек, изменило Богу. И лишь благодаря благодати Божьей и Его милости незаслуживший того народ был спасен от полного уни-

чтожения в пустыне (Исх 32: 10-14; 34: 5-10), и следующее поколение переселенцев водворилось в Ханаане. И снова Господь пришел на помощь, сокрушив семь народов, населявших Ханаан, и отдав землю сынам Израиля в наследие. Завоевание Ханаана не могло даже начаться без того, чтобы Бог не сотворил новое чудо, разделив воды Иордана и разрушив стены Иерихона. Все последующие завоевания Израиля были следствием этих первоначальных актов божественного “спасения”.

Такова первая аналогия. Создание народа от Авраамова семени через Сарру, народа, не имевшего еще никаких заслуг перед Господом, избавление его от рабства, дарование ему политической свободы, прощение непослушания в пустыне и, наконец, дарование национального наследия и водворение в свой удел — все это сопровождалось божественными актами спасения, которого народ Израиля вовсе не заслуживал. Ни в одном из этих случаев евреям нельзя поставить в заслугу соблюдение закона. Втор 9: 4-6 так подытоживает сказанное:

“...не говори в сердце твоём, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею землею... Не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их... Посему знай, что не за праведность твою Господь, Бог твой, дает тебе овладеть сею доброю землею”.

Второй пример спасения благодатью

Затем апостол переходит ко второму примеру из Ветхого Завета.

“...после сего, около четырехсот пятидесяти лет, давал им судей до пророка Самуила”

(Деян 13: 20).

Судьи нашего времени председательствуют в судах и определяют меру наказания для осужденных. Израильские же судьи, о которых говорит Павел, спасали и избавляли свой народ.

“Когда Господь воздвигал им судей, то Сам Господь был с

судьею и спасал их от врагов их во все дни судьи...”

(Суд 2: 18).

Согласно Книге Судей, несмотря на то, что Израиль завладел землей обетованной, он никогда не был тверд в соблюдении Закона Божьего. Более того, почти каждое поколение нарушало свой завет с Богом, следуя жестким, нелепым обычаям идолопоклонства окрестных народов (Суд 2: 10-23; 3: 5-7). Как следствие, снова и снова израильтяне попадали в зависимость от этих народов, становясь их слугами и рабами. Если бы национальное спасение евреев зависело в те дни от соблюдения закона, они бы оставались рабами и до сего дня. Но, когда в отчаянии израильтяне взывали к Богу, Он воздвигал из их среды спасителей и избавителей (Суд 3: 9, 15). Разумеется, эти люди были судьями народа в том смысле, что они обличали его грехи и призывали к покаянию. Однако их деятельность этим не ограничивалась. Исполненные Святым Духом (Суд 6: 34), они избавляли народ от ярма угнетателей. Вся Книга Судей представляет собой по существу не рассказ о Божьем благословлении народа, достойной соблюдающего закон, но драматическое повествование о постоянном уклонении Израиля с правого пути, о наказании Господом греховного народа, а также о милостивом прощении и спасении израильтян благодатью Божьей.

Третий пример даруемого Богом спасения: через поставленного Им Спасителя

С течением времени Израиль перестало удовлетворять то, каким образом Бог каждый раз спасает его, и израильтяне дерзко потребовали у Господа царя, который бы правил ими и спасал бы их от врагов (1 Цар 12: 8-12). Для того, чтобы показать, что ни у них, ни у избранного ими царя нет ни мудрости, ни силы спасти народ, Бог дал им в цари Саула (Деян 13: 21), который привел страну к катастрофе. Дважды Саул склонял народ к сознательному непослушанию Богу в критических ситуациях. Затем он оказался не в состоянии сразиться в единоборстве с фили-

стимлянским богатырем Голиафом. Более того, когда Давид одолел Голиафа и тем самым спас честь народа, а также и царскую честь, Саул отверг и стал преследовать избранного Богом спасителя, изгнав его из страны. Затем царь предался ворожбе и в конце концов привел народ к сокрушительному поражению от филистимлян, а самому ему пришлось покончить с собой. Собравшиеся хорошо помнили эту историю. Господь заменил Саула, которого народ прочил во спасителя, и назначил им спасителя по Своему выбору:

“... поставил им царем Давида, о котором и сказал, свидетельствуя: нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева, который исполнит все хотения Мои”

(Деян 13: 22).

Царь Давид также был далеко не безупречен. Однако он никогда не был изменником, наподобие Саула, исполнив то, во имя чего Бог поставил его: избавил Израиль от филистимлян и других врагов и заложил основы мирного царствования Соломона. Более того, в этом качестве он стал прообразом обетованного Мессии. В последующие века, посылая больших и малых пророков, Господь неоднократно обещал, что пришлет Мессию как последнего и высшего Спасителя народа. При этом Бог указывал, что обещанный Мессия будет из рода Давида. Каждый иудей, постоянно посещавший синагогу, был знаком с этими мессианскими пророчествами.

Иисус — высший Спаситель

Затем Павел затронул самую суть Евангелия: обетованный Спаситель уже явился! Спаситель Иисус Христос происходил из рода Давида в полном соответствии с обетованием. Для того, чтобы подготовить народ к приходу Мессии, Господь послал Иоанна Крестителя, который призвал евреев к покаянию и, будучи истинным предтечей Сына Божьего, должен был представить Его народу (Деян 13: 23-25).

“Мужи братия, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога

между вами! вам послано слово спасения сего”

(Деян 13: 26).

До сих пор все шло довольно складно. Однако теперь Павел должен был сообщить антиохийцам, которые по дальности расстояния могли не знать о странных событиях, произошедших в Иерусалиме, нечто довольно странное: этот Спаситель, Иисус, за Которого так горячо ратует апостол, был казнен по единодушной просьбе религиозных жителей и правителей столичного града Иерусалима. Удастся ли ему убедить людей?

Апостол и не думал скрывать фактов, как если бы они были слабым звеном в цепи его доказательств. Прежде всего, смерть и воскресение Иисуса ясно свидетельствуют о Нем как о Мессии. Однако еще более важно то, что для Господа они оказываются средствами, при помощи которых Он обеспечивает спасение в наиболее полном смысле этого слова. Пророки учили, что Мессия будет отвергнут народом. Исаия выразил это совершенно определенно (Ис, гл. 53), и не только это. Уже история Саула и Давида, описанная в первой книге Царств, содержит ясную провиденциальную аналогию: Давид, будучи спасителем народа, поставленным Богом, так же, как мы видели, был отвергнут Саулом и изгнан из страны. Не признав в Иисусе Мессию и оставаясь глухими к голосам пророков, жители Иерусалима и их начальники попыткой заставить Иисуса замолчать исполнили все сказанное о Нем в Святом Писании (Деян 13: 27-29). Он удостоился именно такого приема, которым, по словам пророков, Израиль должен был удостоить Мессию. При этом их нельзя обвинить в том, что израильяне потворствовали Иисусу, напротив, они тщились доказать, что Он не является Мессией!

После отвержения и изгнания Саулом Давид вернулся и стал царем. Но то же самое произошло и с Иисусом! Бог воскресил Его из мертвых, и ученики, пришедшие с Ним из Галилеи и, следовательно, хорошо Его знавшие, неоднократно видели Его по воскресении и свидетельствовали об этом перед народом (Деян 13: 31).

Несмотря на произошедшее, Павел тем не менее не

обвинял и не проклинал израильтян за то, что они распяли Иисуса: смерть и воскресение Иисуса, по мнению апостола, несли в себе благовестие. Они и были благовестием.

“И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса...”

(Деян 13: 32-33).

Итак, Израиль совершил самый постыдный из всех своих грехов: он отдал на казнь своего Мессии и Спасителя, посланного Богом! Несмотря на это, Господь, во исполнение Своего обетования, воскресил Его из мертвых, и через Него передал благую весть о спасении Израилю в целом и антиохийской общине в частности. Более того, ныне, по воскресении из мертвых, Иисус будет жить вечно. Это и есть наш Спаситель, Который победил саму смерть. В Нем Господь обратил преступление Израиля в неожиданное и вечное преимущество. Разве это не было наиболее славным примером из всех, какие знала история спасения Израиля Богом (Деян 13: 32-34)?

Свидетельство Ветхого Завета о воскресении Мессии

Но все это не было полетом фантазии Павла. В Писании наряду с пророчеством о том, что Мессия умрет, содержится и пророчество о Его воскресении. Павел ссылается на три фрагмента из Писания.

Сначала он обращается к Пс 2: 7. Псалом начинается с описания восстания народов против Господа и против Мессии (Пс 2: 1-3). Но в ответ на их нечестивое поведение Господь говорит:

“Я помазал Царя Моего над Сионом, святою горою Моею”

(Пс 2: 6).

Затем вступает Мессия — Помазанник Божий:

“Возвещу определение: Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя”

(Пс 2: 7).

Описание, приведенное в Псалме 2, говорит Павел, как

нельзя лучше соответствует событиям жизни и смерти Иисуса. Иудейские религиозные вожди объединились с языческими правителями, царем Иродом и наместником Понтием Пилатом для того, чтобы предать Иисуса смерти.

“И, не найдши в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его”

(Деян 13: 28).

Иисус умер на древе (Деян 13: 29), что по иудейскому закону считалось худшей и позорнейшей казнью (Втор 21: 22-23). Когда же Он умер, Его сняли с древа, как того требовал закон и положили в гроб (Деян 13: 29). Какое надругательство и над Мессией, и над Самим Господом: Закон Божий использован для казни и погребения Помазанника Божьего! Насколько же очевидным становится то, что закон не может изменить глубокой враждебности по отношению к Богу и не способен превратить грешника в святого.

И Бог дал свой ответ. Как говорится в Псалме, Он помазал Царя Своего над Сионом, святою горою Своею. И Мессия, утвержденный фактом Своего воскресения, возвестил определение Господа, дабы весь мир понял, что означает Его воскресение и вознесение:

“Господь сказал Мне: Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя”.

Первый великий шаг в спасении есть, таким образом, спасение самого Мессии от смерти (Евр 5: 7) и Его прославление на небесах, где Он сидит одесную Отца как Князь и Спаситель мира².

Последующие цитаты помогают апостолу развить мысль дальше. Уже в Ветхом Завете рассказывается о нескольких случаях воскресения (3 Цар 17: 19-23 и 4 Цар 4: 20-37). Однако все это лишь примеры приведения людей в чувство после обморочного состояния. Воскресшие люди в конце концов умирали. Воскресение Мессии, подчеркивает Павел, — неизмеримо более высшего порядка: единожды воскреснув, Он уже никогда не умрет и не обратится в тление (см.: Деян 13: 34, где цитируется Ис 55: 3).

Бессмысленно философствовать о смерти и тлении,

пытаясь утешить себя тем, что это естественные процессы. Некоторые люди заболевают и даже начинают умирать, еще не родившись, и в этом нет ничего естественного. Попробуйте сказать молодой женщине и матери двадцати восьми лет, которая только что узнала, что она больна раком, что смерть и тление представляют собой просто естественные процессы! Смерть вовсе не “естественна” для человека. Она — враг, появившийся у человеческого рода из-за его греха, враг, омрачающий жизнь тенью глубокого несчастья, когда человек, наделенный пониманием того, что жизнь прекрасна, поражается неизлечимой болезнью и смертью.

Рассмотрим цитируемое Павлом место из Ис 55: 3 в более широком контексте, для того, чтобы узнать, что сказал Бог древнему Израиллю о благом спасении, которое ждет как израильтян, так и весь мир:

*“Жажущие!
идите все к водам;
даже и вы, у которых нет серебра,
идите, покупайте и ешьте;
идите, покупайте без серебра и без платы вино и молоко.
Для чего вам отвешивать серебро за то, что не хлеб,
и трудовое свое за то, что не насыщает?
Послушайте Меня внимательно, и вкушайте благо,
и душа ваша да насладится туком.
Приклоните ухо ваше, и придите ко Мне;
послушайте, и жива будет душа ваша;
и дам вам завет вечный, неизменные милости, обещанные
Давиду.
Вот, я дал Его свидетелем для народов,
вождем и наставником народам.
Вот, ты призовешь народ, которого ты не знал,
и народы, которые тебя не знали, поспешат к тебе
ради Господа, Бога твоего, и ради Святого Израилева,
ибо Он прославил тебя”*

(Ис 55: 1-5).

Вот в чем, оказывается, заключалось благое спасение Божье. Но какие именно “неизменные милости” Господь обещал Давиду? Павел связывает их с пророчеством по поводу Мессии, о которых Давид говорит в Пс 16: 9-11.

Связь между этими отрывками подчеркивается с помощью разных форм одного и того же корня на иврите. Можно попытаться выразить эту связь следующим образом. У Исаии Бог говорит о Своем спасении так:

“...милость Моя не отступит от тебя, и завет мира Моего не поколеблется”

(Ис 54: 10).

Далее он описывает их как “неизменные милости, обещанные Давиду”, потому что о них говорится в псалме, написанном Давидом, когда Господь пророчествовал его устами и обещал свою верность как Бога потомку Давида, Мессии. В Псалме 15, где, по мнению Павла, и содержится это обещание, говорится о том, что Бог совершит для “Святого Своего”:

“... Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление”

(Пс 15: 10).

Слово “святой” связано с выражением “неизменные милости” из Ис, гл. 55. Слово это толкуется как “хранящий верность и посвященный Тебе”. Сопоставим два приведенных отрывка, и мы придем к тому, о чем уже говорили прежде (см. с. ...). Непокосимая верность, преданность и послушание Мессии Господу (Пс 15) и то, что Мессия удостоивается такой же преданности от Бога, свидетельствуют о благоволении и доброте Господа к Мессии (Ис, гл. 55), так как Всевышний не позволяет Мессии увидеть тление, но, воскресив Его из мертвых, указывает Ему путь бессмертия, наполняет Его радостью и вечным блаженством в деснице Божьей (Пс 15: 10-11).

Павел утверждает, что обещание не увидеть тления не могло относиться к Царю Давиду: Давид умер, был погребен, и его тело подверглось тлению, потому что он был грешным человеком, как и все мы. На Иисусе же нет греха, и Его безгрешная верность Богу привела к Его немедленному воскресению для вечной жизни. И не только к Его личному воскресению, но и к воскресению каждого из нас в свое время (Деян 13: 32-33). Через веру в Христа и мы

некогда получим дар воскресения и бессмертия, потому что этот дар входит в замысел спасения. Таково спасение, которое удовлетворяет самым глубоким человеческим инстинктам: жизнь не может быть навсегда побеждена тлением и смертью.

Сущность спасения

Однако уверенность в спасении не может немедленно прийти ко всем, ибо совесть, как и Святое Писание, свидетельствует, что коль скоро есть воскресение, должен также быть и страшный суд. А поскольку многие не уверены в том, какой вердикт вынесет им Бог, то и самая мысль о суде рождает в них беспокойство и страх. Но, — и здесь мы приближаемся к самой сущности спасения и, пожалуй, к самому удивительному, что заключено в его идее — никому не нужно жить в такой неопределенности.

Послушаем, что говорит Павел, подойдя к кульминационной точке своей проповеди. Вот главное его утверждение:

“...да будет известно вам... что ради Его [Иисуса] возвещается вам прощение грехов”

(Деян 13: 38).

Бог хочет, чтобы мы узнали, что прощение грехов возможно. И когда мы поверили в Христа, Бог хочет возвестить, что мы прощены. Нет никакой неопределенности ни относительно самого прощения, ни относительно путей и методов, которыми мы его обретаем. Можно выразить это коротко, соединив две фразы из провозглашенного Павлом: “ради Иисуса — возвещается вам”. Это — прямой, непосредственный, личный дар воскресшего Господа каждому, кто поверил в Него.

Кто-то может сказать, что все это достаточно ясно. Но это не было достаточно ясным Павлу. Предложенное отпущение грехов могло и может сейчас держать некоторых людей в неопределенности относительно их конечного принятия Богом. Прощение кажется им неполным, несообразным, иногда повторным и отнюдь не окончательным.

Сегодня они прощены за какой-то грех и даже могут быть более или менее уверены, что и на следующей неделе получат прощение за некие грехи, однако они остаются неуверенными в окончательном решении Господа: примет ли Он их или отвергнет?

Они не знают и воображают, что по эту сторону вечности ответа на этот вопрос быть не может.

К счастью, истина заключается как раз в противоположном: ответ узнать можно, причем — здесь и сейчас. Сам Бог хочет, чтобы он стал известен. И поэтому следующее высказывание гласит:

“...и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им [Иисусом Христом] всякий верующий”

(Деян 13: 39).

Итак, сущность прощения Божьего определяется словом “оправдывается”. Следует иметь в виду четыре момента, касающихся использования слова “оправдывать” в Писании. Во-первых, как на иврите, так и по-гречески “оправдать” означает не “сделать кого-либо праведным”, а “объявить кого-либо праведным”. Во-вторых, оправдание дает только Бог. В тот самый момент, когда человек уверовал в Иисуса, Господь объявляет его праведным, то есть свободным от любого обвинения, которое могло бы быть ему предъявлено в Божьем суде (Рим 8: 33). Он объявляется праведным в Боге, то есть принятым им. В-третьих, под оправданием в этом смысле следует понимать не постепенно разворачивающийся процесс, это и не решение, которое вынесено сегодня, но, вероятно, может быть отменено завтра, и тогда его нужно будет добиваться вновь. Оправдание — это единичный акт, который никогда более не повторится, потому что не нуждается в повторении. В тот момент, когда человек обретает веру в Христа, Бог выносит свое решение: “оправдан во всем!” Это решение, вынесенное однажды, уже не может быть пересмотрено. В-четвертых, действенность решения зависит только от Христа: Его смерть и воскресение раз и навсегда освобождают верующих от бремени грехов и уже не допускают никакой воз-

возможности нового осуждения или отвержения Богом (Рим 8: 34). Итак, получив оправдание верой, говорит Павел, мы обретаем уже здесь и сейчас вечный мир с Богом (Рим 5: 1).

Реакция на предложение спасения

По-видимому, к концу своей проповеди апостол заметил на лицах собравшихся темные тучи, потому что внезапно он стал еще более серьезным.

“Берегитесь же, чтобы не пришло на вас сказанное у пророков: смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам”

(Деян 13: 40-41).

У некоторых людей очень странное представление о ценностях. Они очень высоко оценивают религию, которая обязывает к нравственной жизни, но не дает чувства полного приятия Богом. И в то же время они не только презирают, но и отвергают спасение, которое приносит прощение и полное приятие Богом сейчас и какие-то надежды на будущее. Подобное отношение широко распространено сейчас, но для иудеев во времена Павла и, в частности, для общины в Антиохии Писидийской оно имело особый знаменательный смысл. Им предстояло увидеть обращение язычников в невиданом количестве. Уже в следующую субботу практически весь город соберется послушать Слово Божье. Какой прием окажет людям синагога? Уже в то время многие неевреи, в том числе и люди именитые, посещали синагогу. И синагога, в которой проповедовался закон Моисеев, была хорошей подготовительной школой, которая помогла им впоследствии отвергнуть язычество и поверить в истинного Бога, просветила их настолько, что они осознали свою потребность в спасении, прощении и оправдании. Неужели синагога не возрадуется спасению этих язычников?

Более того, если Павел правильно сказал, что под “неизменными милостями, обещанными Давиду” (Ис, гл. 55)

подразумевается воскресение Иисуса из мертвых, то можно ожидать, что и другая часть пророчества исполнится. Пророчество гласит, что воскресший Мессия привлечет к Себе всех язычников в мире, которые стекутся к Нему, как овцы к пастырю. Итак, после проповеди Павла и последующих его бесед с людьми, язычники Антиохии Писидийской в небывалом числе — почти весь город — собрались в следующую субботу, чтобы послушать новую проповедь Павла (Деян 13: 42-44). Не об этом ли говорил Исаия? Но даже если не об этом, то неужели синагога не возрадуется, увидев столь большое число язычников, пришедших послушать слово Божье?

Нет, не возрадовалась! Иудеи не только возмутились проповедью Павла и Варнавы, но и стали открыто поносить как обоих проповедников, так и то, что они говорили (Деян 13: 45). Лука говорит, что они вели себя так из зависти, и это можно понять. В христианском мире тоже случается подобное. Некоторые религиозные деятели, являясь знатоками богословия, но не имея личного опыта спасения, проповедают честность, любовь, заботу о ближнем, общественный долг и практически никогда — спасение. Такие деятели могут завидовать и публично критиковать евангелистов, которые привлекают множество людей, проповедуя спасение. Впрочем, Лука говорит, что еврейской общиной Антиохии Писидийской овладело нечто более серьезное, нежели просто зависть.

“Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам”

(Деян 13: 46).

Слова жесткие, но справедливые! Павел и Варнава не говорят: “По нашему мнению, вы, люди, не спасете даже самих себя”. Они констатируют объективный факт: “Вы сами себя делаете недостойными вечной жизни”. Бог дарует вам вечную жизнь. Это и есть спасение. Отвергнуть весть о спасении и придерживаться одной только религиозной морали — значит отвергнуть этот дар вечной жизни. Мож-

но сделать это вызывающе, а можно — с показным смирением: “Я не думаю, чтобы кто-либо на свете знал, что способен даровать вечную жизнь”. Но суть от этого не меняется: “сами себя делаете недостойными вечной жизни”.

Соппротивление иудаистов вести о спасении не могло помешать ни осуществлению пророчества Исаии, ни той поддержке, которую Павел и Варнава оказали Мессии в Его миссии в отношении язычников.

“...мы обращаемся к язычникам; ибо так заповедал нам Господь: “Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли”

(Деян 13: 46-47).

Слыша это, говорит Лука, язычники радовались. И это можно понять. Они прославляли слово Господне (Деян 13: 48). Это тоже вполне понятно. Нравственность и полезна, и необходима, подобно гигиене и чистоте. Но, так же как чистота и гигиена, она не может быть высшей целью и смыслом жизни. Смыслом жизни является ежедневное личное общение с Богом, вечные отношения с Ним.

Одной лишь нравственностью этого достичь нельзя — необходимы спасение, прощение и оправдание. Неудивительно, что благовествование побуждало язычников к вере и поклонению Богу неизмеримо сильнее, чем прежнее проповедование закона. И неудивительно, что слово Господне продолжало распространяться (Деян 13: 49).

Однако иудеи, сообщает Лука, использовав свое влияние, возбудили городские власти против проповедников и с их помощью изгнали их за пределы Антиохии Писидийской (Деян 13: 50). Возможно, они выдвинули против Павла обвинение в том, что проповедование благодати (Деян 13: 43; 14: 3), то есть оправдания верой, независимого от дел, санкционированных законом, было внутренне противоречивым. Это — достаточно простой путь извратить благую весть, он и сейчас часто используется. Но следующий эпизод, описанный Лукой, служит опровержением этого обвинения.

Из Иконии в Дервию (Деян 14: 1-20)

Кратко описав благовествование Павла в Иконии, где апостол также учил о спасении благодатью Божьей (Деян 14: 3), и отметив растущее сопротивление иудеев, заставившее апостолов бежать в Листру, Лука приступает к изложению центральной части третьего эпизода. В Листре Павел исцелил хромого от рождения человека.

Эффект этого исцеления был подобен электрическому разряду. В конце концов люди в Листре были язычниками, причем далеко не столь искушенными, как в других местах. Они точас возопили на местном наречии:

“...Боги в образе человеческого сошли к нам”

(Деян 14: 11).

Решив, что Варнава — Зевс, а Павел — Ермий (Гермес), они под предводительством жреца местного святилища Зевса принесли к городским воротам венки и привели волов, чтобы совершить жертвоприношение “богам в образе человеческого” (Деян 14: 8-13).

Нетрудно вообразить, какое представление разыграл бы Симон волхв, оказавшись на месте Павла и Варнавы. Он приказал бы одураченным жителям Листры воздвигнуть на общественные пожертвования храм в свою честь. И до конца своих дней этот пройдоха уже ни в чем не знал бы недостатка.

Однако Павел и Варнава не были шарлатанами. В то же время их учение об оправдании верой через благодать Божью не было антиномичным, то есть не было неразрешимым противоречием. Действительно, они учили, что невозможно быть угодным Богу посредством соблюдения закона и спасение обязательно приходит посредством благодати. Но из этого не следовало, что они побуждали людей нарушать закон. Здесь, в Листре, подверглась испытанию первая и главная заповедь закона:

“Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим”

(Исх 20: 3).

Без малейших колебаний Павел и Варнава бросились в

толпу, умоляя людей не нарушать первую заповедь закона. Они убеждали этих язычников не менее энергично, чем это делали бы самые ортодоксальные иудеи, в пагубности политеизма и идолопоклонства, призывая их оставить язычество и поклоняться единому истинному Богу — Творцу (Деян 14: 14-18).

Едва апостолы успели убедить язычников прекратить жертвоприношение (Деян 14: 18), как, по словам Луки, явились некие иудеи из Антиохии Писидийской и Иконии. “И когда они увидели, что Павел и Варнава убеждают язычников соблюдать Закон Божий, то уже больше не пытались нападать на апостолов, так как не хотели, чтобы у язычников складывалось впечатление, что иудеи против соблюдения Закона. Они присоединились к Павлу и Варнаве, убеждая язычников почитать единого истинного Бога”.

Думаете, это было так? Увы, нет! Лука сообщает нам нечто совсем иное. С выразительной краткостью он отмечает:

“Из Антиохии и Иконии пришли некоторые Иудеи и, когда Апостолы смело проповедовали, убедили народ отстать от них, говоря: они не говорят ничего истинного, а все лгут. И, возбудивши народ, побили Павла камнями и вытащили за город, почитая его умершим”

(Деян 14: 19).

Можно было бы, наверное, понять внезапный переход от чувства благодарности к ненависти в настроении толпы. Многие из них хранили обиду на Павла за то, что апостол не позволил им совершить жертвоприношение, а также восприняли его призыв обратиться от “... ложных [богов] к Богу Живому” (Деян 14: 15) как оскорбление своей религии и своего жреца. Поэтому иудеям из Антиохии Писидийской и Иконии удалось сравнительно легко направить уязвленную гордость и возмущение толпы против апостола.

Но как можно понять действия иудеев, которые натравили на Павла язычников? В этом случае можно сказать лишь то, что бывают времена, когда некоторые религиозно

настроенные люди предпочитают, чтобы другие оставались погрязшими в язычестве, идолопоклонстве, грехе и мирской суете, а не обрели спасения.

Так религиозная мораль без подлинной веры может стать открытым врагом спасения!

Возвращение (Деян 14: 21-28)

Происшествие в Листре показывает следующее: христианское учение о спасении посредством Благодати Божьей через веру в Христа настаивало на соблюдении нравственного Закона Божьего не менее, а даже более сильно, чем это делали некоторые иудаисты. А теперь, в заключительной части первого Действия, мы познакомимся с другой стороной христианского учения. Прощение, оправдание и приятие Богом, вечная жизнь — все это совершенно безвозмездные дары. Однако получившие эти дары могут осознать, что плата за них, на самом деле, высока. Придя в себя после побоев, которые могли стать роковыми, Павел — удивительный человек! — отправился из Листры в Дервию. Он проповедовал там Евангелие и приобрел много учеников (Деян 14: 20-21). Путешествие подходило к концу. Из Дервии Павел и Варнава повернули обратно. Они возвращались через Листру, Иконию и Антиохию Писидийскую. По пути в Антиохию (Сирийскую), в свою родную церковь, они проповедовали в Пергии. Но о чем они там проповедовали и каково было воздействие слова Божьего на слушателей, об этом Лука ничего не говорит.

Однако Лука сообщает, что апостолы основали церкви в Листре, Икони и Антиохии Писидийской, а также то, о чем они при этом говорили и как действовали. Они утверждали души учеников, увещывая их пребывать в вере (Деян 14: 22). Мы опять встречаемся здесь с понятием “вера”, под которым подразумевается христианское учение и которое столь характерно для данного раздела Деяний. Обратим также внимание на выражение “пребывать в вере”. Спасение дается благодатью. Это дар Божий каждому верующему. Доказательством, что человек является истинно верующим, служит его пребывание в вере. Это как раз то,

что сказал наш Господь уверовавшим в Него:

“Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики”

(Ин 8: 31).

Он указал также, что те, кто не пребывает в Его слове, не являются и никогда не были детьми Божиими. Эта мысль встречается во всех посланиях апостолов. “Пребывание в вере” не является условием оправдания. Это — естественное следствие и необходимое свидетельство истинной веры.

Кроме того, Павел и Варнава напомнили новообращенным, что вход в Царство Божие сопряжен со многими скорбями (Деян 14: 22). Опять же необходимо заметить, что сами по себе скорби не дают нам права войти в вечное Царство и не открывают перед нами небесные двери. Вхождение в это Царство есть дар. Однако если мы примем этот дар, мир сей и его князь рано или поздно ввергнут нас в пучину скорбей. Как сказал Иисус:

“В мире будете иметь скорбь”

(Ин 16: 33).

Апостол Иоанн добавляет:

Не дивитесь, братия мои, если мир ненавидит вас”

(1 Ин 3: 13).

Павел сам олицетворяет собой пример того, чему он обучал своих учеников. До своего обращения, когда он пытался прийти к Богу посредством соблюдения закона, он не знал никаких скорбей. Он сам преследовал людей и был причиной их скорбей. Когда же он понял, что общение с Богом — это дар, и принял этот дар, вся его жизнь стала бесконечной цепью несчастий (Фил, гл. 3).

В конце концов Павел и Варнава прибыли домой, в Антиохию. Они собрали общину и рассказали, что сотворил через их посредство Господь с целью обращения язычников. Когда апостол Петр после аналогичного путешествия возвратился в Иерусалим и стал отчитываться в том, что сотворил Господь посредством апостола, община, состоявшая из христиан-евреев, сказала следующее:

“...Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь”

(Деян 11: 18).

Тогда как Павел и Варнава, сообщая о своей поездке церкви в Антиохии, говорят о том, как Бог “отверз дверь веры язычникам” (Деян 14: 27). Разница между этими фразами небольшая, но очень существенная с точки зрения главной темы четвертого Раздела, темы спасения и оправдания благодатью Божьей через веру в Иисуса Христа, независимых от соблюдения закона. Соблюдение закона является следствием веры, как и готовность заплатить за то, что мы становимся учениками Божьими.

Примечания

¹ NIV дает правильный перевод: “Все это заняло около четырехсот пятидесяти лет”, где выражение “все это” охватывает весь процесс, описание которого начинается со стиха 17. (В русском издании переведено фразой “после сего” — Деян 13: 20. — Прим. перев.).

² Многие комментаторы считают, что фраза “воскресив Иисуса” (Деян 13: 33) относится к явлению Господа нашему народу при Его крещении, а выражение “Ты Сын Мой” — обращение Бога Отца к Богу Сыну. (В некоторых рукописях по ошибке добавлено: “Я ныне родил Тебя”.) Однако толкование Псалма 2, приведенное в Деян 4: 24-28, наводит на мысль, что ранние христиане понимали Пс 2: 4-7 в том смысле, что слова Господа относятся ко времени после распятия, а не до него (то есть подразумевают воскресение и вознесение, а не крещение).

ДЕЙСТВИЕ 2

СПОРЫ ОБ УСЛОВИЯХ СПАСЕНИЯ

(Деян 15: 1-16: 5)

На протяжении всего первого Действия данного Раздела мы видели сопротивление, на которое наталкивалась благая весть. То же самое мы увидим и во втором Действии. Но будут и определенные отличия. В предыдущем Действии речь шла о сопротивлении иудеев — как правоверных, так и отступников. В настоящем Действии речь пойдет об оппозиции внутри самой христианской общины. В первом Действии мы видели, как Евангелие проповедовалось простым общедоступным языком, часто — перед большими скоплениями нехристиан. Во втором — мы увидим, как благая весть формулируется на языке теологии внутри самой христианской церкви.

Из Антиохии в Иерусалим (Деян 15: 1-5)

На первый взгляд может показаться совершенно поразительным, что оппозиция христианскому учению о спасении могла в те первые годы христианского движения возникнуть в рамках самой христианской церкви. Однако дело обстояло именно так. Лука говорит:

“Некоторые, пришедшие из Иудей [в Антиохию], учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись”

(Деян 15: 1).

Павел и Варнава немедленно подвергли критике это утверждение. В данном случае неуместно было проявлять терпимость. Речь шла о сущности Евангелия, об основных

условиях спасения. Промолчать в эту минуту означало проявить неверность по отношению к Божьей истине, к спасению и свободе людей. Как скажет впоследствии Петр, это была попытка не только искусить Господа, но и возложить на выи учеников невыносимое иго (Деян 15: 10). Существует много второстепенных вопросов в христианстве, которые должны быть открыты для обсуждения христианами разных убеждений. Однако вопрос о предпосылках и условиях спасения не относится к их числу. Павел и Варнава не хотели стоять в стороне, пока пришельцы учили верующих:

“...иному благовествованию, которое впрочем не иное, а только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово...”

(Гал 1: 6-7).

Если бы люди осознанно приняли это так называемое “благовествование”, это означало бы, что Христос не имеет для них никакого значения. Добавка этого “благовествования” к подлинному Евангелию столь противоречила фундаментальному принципу последнего, что ее принятие привело бы к полному искажению Евангелия, так как подразумевало бы, что Христос умер напрасно, оставив людей без спасения и обременив его игом рабства (Гал 2: 21; 5: 1-4). У Павла и Варнавы “произошло разногласие и немалое состязание” со сторонниками этого псевдоевангелия, которым апостолы упорно возражали (Деян 15: 2).

В результате этих споров Павлу и Варнаве вместе с другими верующими было поручено отправиться в Иерусалим и там посоветоваться по этому вопросу с апостолами и пресвитерами (Деян 15: 2). Причиной было не отсутствие у Павла всех необходимых апостольских полномочий говорить об условиях и предпосылках спасения, без согласия с другими (см.: Гал 1: 1, 11 -2: 10), а то, что лжеучителя пришли из Иудеи и, несомненно, намекали, что апостолы и пресвитеры в Иерусалиме разделяют их точку зрения. Об этом свидетельствует тот факт, что, когда апостолы и пресвитеры писали свой ответ Антиохийской церкви, излагая свои взгляды на этот вопрос, они начали послание с от-

речения от лжеучителей:

“Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души...”

(Деян 15: 24).

Проходя по пути в Иерусалим через Финикию и Самарию, Павел и Варнава рассказывали

“...об обращении язычников, и производили радость великую во всех братиях”

(Деян 15: 3).

Вполне естественно, что верующие, спасшиеся сами, были рады услышать весть о спасении других. И чем более далекими от христианства были эти люди до своего обращения — а для евреев язычники были очень далекими — тем радостнее было слышать о произошедшей с ними перемене. Точно также реагировали и иерусалимские братья, услышавшие рассказ Павла и Варнавы.

За исключением некоторых.

“Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезать язычников и заповедывать соблюдать закон Моисеев”

(Деян 15: 5).

Первое, что необходимо заметить относительно этого требования, это то, что оно шло изнутри самой церкви. Оно было выдвинуто теми, кого Лука называет верующими. Впоследствии нам еще предстоит выяснить, в каком смысле можно называть их верующими, так как их заявление далеко не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Если бы мы не знали о них ничего другого, мы могли бы предположить, что эти “верующие” фарисеи имели в виду следующее: “Мы признаем, что раз язычники покались и уверовали в Господа Иисуса Христа, то они спасены, оправданы и приняты Богом только на основании своей веры. Но теперь, само собой разумеется, надо научить их, как жить так, чтобы быть угодным Богу, а это значит пройти обрезание и соблюдать закон Моисеев”.

Но они не имели в виду ничего подобного. Они были

согласны со лжеучителями, пришедшими из Иудеи в Антиохию. Они утверждали, что надо пройти обрезание и соблюдать закон Моисеев для того, чтобы обрести спасение. Мы можем судить об этом по словам Петра, которые он произнес, когда апостолы и пресвитеры собрались для обсуждения этого вопроса, и Петр поднялся, чтобы высказаться по этому поводу. В его понимании, вопрос, поставленный фарисеями, состоял не в том, как должны вести себя получившие спасение язычники, а каковы в принципе условия спасения для язычников и евреев (Деян 15: 10-11).

Нас не должно удивлять, однако, что этот вопрос обсуждался первыми христианами. Христианский мир обсуждал и продолжает его обсуждать и поныне. Никто сегодня уже не говорит, что нужно пройти обрезание, чтобы быть спасенным. Однако очень многие считают, что аналогом обрезания является в христианстве крещение младенцев, которое якобы способствует новому рождению, что оно настолько необходимо, что умерший некрещенный младенец не может попасть в рай. А взрослых же крещение-де очищает от грехов и совершенно необходимо для спасения, за исключением таких случаев, как смерть разбойника, который умирал на кресте рядом с Иисусом и его крещение было физически невозможно. Тогда Бог использует другие пути.

Еще более распространенной является точка зрения, согласно которой для спасения необходимо соблюдать не столько ритуальную, сколько моральную часть закона Моисеева. Вот почему и клир, и мир часто отвергают как очевидно абсурдное положение о том, что люди уже в этой жизни могут быть уверенными, что верующий был, есть и будет спасен. Абсурдность этого положения кажется им очевидной потому, что, как они говорят, спасение зависит от соблюдения морального закона, а человек не может знать, сделал ли он для спасения достаточно, чтобы спокойно предстать перед Страшным судом. Заявлять о том, что ты уже спасен, считают они, значит уподобляться студенту, который заявляет, что сдал выпускные экзамены еще до того, как они начались.

Действительно, Новый Завет относит некоторые моменты спасения в будущее, такие как воскресение нашего тела (Фил 3: 20-21; Рим 8: 23-25), спасение от гнева Божьего:

“Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его [Иисуса Христа], спасемся Им от гнева”

(Рим 5: 9) (выделено мной — Д. Г.).

Однако даже эти аспекты спасения, явно отнесенные в будущее, не оставляют места для неопределенности. В этом же самом отрывке Павел указывает, что благодаря неиссякаемой любви Божьей, раз мы уже оправданы верой, то мы можем быть уверены в спасении от грядущего гнева Господня еще больше, чем в том, что

“Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками”

(Рим 5: 8-9).

В 1 Послании к Фессалоникийцам Павел говорит, что мы ожидаем Христа как избавителя от грядущего гнева (1 Фес 1: 10). И ожидая Его второго пришествия, мы должны знать, что

“...Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения чрез Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас...”

(1 Фес 5: 9-10).

Верующий, чьи труды будут признаны несостоятельными и не выдержат Христова суда, потерпит страшный урон, но он никогда не потеряет спасения: сам он будет спасен (1 Кор 3: 15), так как его спасение никогда не зависело от его трудов, и потому никогда не было неопределенным.

Более того, хотя некоторые моменты спасения необходимо относятся к будущему, другие же для каждого верующего уже произошли в прошлом. Таковы оправдание и обретение вечной жизни. Поэтому Павел мог смело сказать тем, кого он обратил в веру:

“...благодатию вы спасены чрез веру...”

(Еф 2: 8-10).

Произнесенные много веков назад, эти слова истинны и

сегодня: верующий спасен от наказания за грех, спасен от власти греха и когда-то будет спасен от самого присутствия греха.

Для Павла и Варнавы вопрос, впервые поднятый в Антиохии и затем обсуждавшийся в Иерусалиме, ни в коей мере не был чисто богословским вопросом. Он касался людей, их мира с Богом, их чувства принятия Богом, свободы, радости. Пока шел спор, перед глазами апостолов всплывали лица язычников, которые обратились к Богу благодаря их проповедям. Они покаяться и поверили в Христа: были ли они тем самым спасены? Конечно, они не были обрезаны. Если бы спасение зависело от обрезания, тогда бы они не были спасены. А если бы спасение и принятие Богом зависело от решения Страшного Суда, которое бы выносилось на основании соблюдения в течение всей жизни морального закона, тогда, конечно, неопределенность была бы исключена: они никогда бы не были спасены. Так как для Бога никто не может быть объявлен праведником на этом основании (Рим 3: 20).

Иерусалимский Собор (Деян 15: 6-21)

Высказывание Петра об истинном учении о спасении

Собор начался с долгого спора. После этого спора встал Петр и вынес свое суждение. У него было на это право как апостола. Но он не стал ссылаться на это право, чтобы волевым актом положить конец затянувшейся дискуссии. Вместо этого он сослался на некоторые свидетельства, которые дал Бог для правильного понимания ситуации.

Первым таким свидетельством был выбор Петра в качестве проповедника, способного донести до язычников благую весть и обратить их в веру (Деян 15: 7). Петр имел в виду случай с Корнилием. Вспоминая, как Господь дал апостолу особое откровение, чтобы подготовить его к новому поприщу, вспоминая целый ряд чудесных “совпадений”, снявших последние сомнения относительно присутствия Святого Духа, мы неизбежно приходим к выводу, что Бог намеренно выделил Петра, поручив ему нести Еван-

гелие язычникам.

Вступительные слова Петра содержали в себе очевидный намек: если бы учение “верующих из фарисеев” о том, что для спасения необходимо обрезание и исполнение всех предписаний закона было истинным, то почему же Бог послал не их, а Петра в дом Корнилия? Более того, в результате проповеди Петра необрезанные язычники уверовали в Господа Иисуса Христа, в то время как огромное число обрезанных и соблюдавших закон иудеев не уверовало.

Однако Бог не только избрал Петра для проповеди Евангелия язычникам. Вторым Его свидетельством было следующее. Когда они уверовали, Он использовал прямое Свое вмешательство, чтобы показать им, что Он принимает их, даровав им Духа Святого. Невозможно было оспаривать, что это было действием Самого Бога, так как Петр не имел к этому никакого отношения. Конечно, ни один человек, будь он даже избранным апостолом, не способен даровать божественный Дух Господа. Только тот, кто сам является Богом, может это сделать. В данном случае сошествие Духа Святого не сопровождалось даже возложением рук, как это произошло, например, в Самарии (Деян 8: 17-18). Петр продолжал говорить и не успел он закончить проповеди, как Святой Дух сошел на слушавших Слово Божие в доме Корнилия (Деян 10: 44). Не было никакого торжественного обряда. Никто из дома Корнилия не был обрезан. Они даже не были крещены. Никто из них никак себя не проявил. Никто их не опекал, не возлагал на них рук, они не подписывали никаких деклараций и не делали никаких публичных признаний. Они уверовали, внимая благой вести. И Бог тотчас же послал им Своего Духа, дав тем самым понять и им самим, и всем присутствующим, что он их принимает. Они были оправданы. Они были спасены. Они получили мир с Богом.

Теперь же, на Апостольском соборе, Петр должен был показать, что все эти события означали.

Во-первых, послав Святого Духа язычникам, Бог “...не положил никакого различия между нами и ими” (Деян 15:9). Во-первых, говорит Павел, мы были уже обрезаны, когда

Господь послал нам Своего Духа. Они же — не были. Тем не менее он даровал им Святого Духа, точно также, как и нам. Отсюда следует, что обрезание не существенно для принятия Святого Духа.

Во-вторых, каждый, кто соединяется с живым Христом, исполнившись Духа Божьего, получает не просто помощь для спасения, а *само* спасение.

В-третьих, очевидно, что Бог не вселяет Своего Духа *Святого* в нечистые сердца. Таким образом, если Господь послал Святого Духа Корнилию и его домочадцам, Он сделал это не потому, что не знал их сердец: Ему прекрасно известно, что лежит на душе у каждого (15: 8). Значит, Он очистил их настолько, что Дух Святой мог быть им дарован. Как же это было сделано? Очевидно, что не путем обрезания, так как они не были обрезаны. Да и как в принципе эта хирургическая операция может очистить сердце? И не посредством крещения, ведь они еще не были крещены, когда обрели Духа Святого. А когда крещение состоялось (Деян 10: 46-48), оно стало лишь подтверждением того, что верующие уже исполнены Святого Духа, само крещение не вело к сообщению Святого Духа.

Как же все-таки были очищены сердца этих людей: кто очистил их, какими средствами и когда? Петр отвечает на все эти вопросы.

Во-первых, это делает именно Бог (Деян 15: 9). Это сделали отнюдь не язычники путем соблюдения жесткой духовной дисциплины, которое в определенный момент сделало их достойными принятия Святого Духа. Нет, именно Бог очистил их сердца. Во-вторых, средством очищения служила для Бога их вера (Деян 15: 9).

Именно в этом смысле говорится, что сами верующие очищают свои души (1 Петр 1: 22). Но чтобы разобраться, что это означает, мы должны понять это в контексте ответа на третий вопрос: когда Бог очищает сердца верой? Может быть это долгий процесс постепенного укрепления веры, в результате которого люди достигают определенного уровня чистоты, необходимого для принятия Святого Духа? Нет! Бог, замечает Петр, "...не положил никакого

различия между нами и ими...” (Деян 15: 9).

Чтобы окончательно уяснить этот вопрос, вспомним, что апостол Петр говорил об этом раньше:

“...Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа”

(Деян 11: 17) (выделено мной — Д. Г.).

Чем чревато ложное учение о спасении

В этот момент Петр обратился к “уверовавшим фарисеям” с очень суровыми словами:

“Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?”

(Деян 15: 10).

“Искушать Господа” очень опасно. Это значит, грубо говоря, испытывать Божье терпение, глядя, как далеко можно зайти в своей безнаказанности, прежде чем Господь призовет к ответу. Подобное поведение запрещено законом (Втор 6: 16). Какова связь между этим запретом и тем вопросом, который обсуждался на Соборе? Если Бог очистил сердца необрезанных посредством веры и был настолько удовлетворен результатом, что смог даровать им Святого Духа, то было бы неслыханной дерзостью и оскорблением Богу (какими бы добрыми намерениями вы ни руководствовались) утверждать, что очищение, которое Бог произвел Сам, посредством веры, не является достаточно хорошим и не может привести к спасению и принятию Богом, и должно быть дополнено обрезанием и соблюдением закона.

Как долго можно оскорблять Бога подобным образом, открыто нарушая Его волю и тем самым рискуя обрушить на себя суровое проклятие? Казалось бы, соблюдение обрядов и всех предписаний Закона ради спасения является образцом высокой нравственности и святости, достойных всяческого поощрения. На самом же деле это было и остается прямым вызовом Богу.

Во-вторых, такое поведение бессмысленно. Ни мы, ни

отцы наши не могли вынести этого бремени, заявляет Петр (Деян 15: 10). Он говорил так на основании своего горького личного опыта. (И это говорил не просто христианин, который чего-то еще не понял, а иудей, который сам прошел этот путь.) И дело было даже не в том, что соблюдение каждого нюанса закона, особенно так, как его понимали строгие раввины 1 века н.э., было невыносимым бременем, но и в том, что подобная жизнь не могла в принципе принести душевного покоя и чувства принятия Богом, даже если ценой невероятных усилий и самодисциплины вы, казалось бы, уже начали приближаться к поставленной цели. Все, чего можно было здесь добиться, — это ощутить чувство превосходства над теми, кто не проявил подобного старания и прилежания. Но это не тот путь, который может привести к миру с Богом. А это, в свою очередь, превращает задачу соблюдения закона в бесконечную обузу.

Все это верно и по сей день. Ни один человек не достиг мира с Богом и чувства принятости Богом на основании соблюдения закона. Таким способом мы не можем этого достичь. Это не то условие, при котором Бог посылает Своего Святого Духа. Предполагать или учить противоположному — означает возлагать на людей ярмо рабства.

В конце концов, спасение — это спасение. Это избавление от рабства, а не требование тяжелого труда. Вспомним аналогично, которую привел Павел в Антиохии Писидийской (Деян 13: 16-23). Спасение сынов Израиля из Египетского плена не требовало дополнительного труда, сверх того, который вменялся им как рабам. Нет, спасение и свобода были дарами Божьей благодати, и были даны им в силу могущества Бога. То же можно сказать и об отпущении грехов, оправдании и даровании Святого Духа.

“Итак, как говорит Павел, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства”

(Гал 5: 1).

Петр подводит итоги

С точки зрения истории, богословия, вероучения и,

наконец, жизненных проблем, заключительная часть речи Петра имеет такое колоссальное значение, что необходимо проанализировать ее фразу за фразой.

“...Мы веруем...”, — сказал Петр, и под этим “мы” он имел в виду всех апостолов и пресвитеров без исключения. Очевидно, что каждый истинный христианин должен безоговорочно присоединиться к их пониманию сущности веры.

“...Мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа...” Под благодатью апостол *не* имел в виду, что Господь милостиво позволяет нам совершать обряды, соблюдать закон и вершить добрые дела, которые, как нам хочется надеяться, в один прекрасный день сделают нас достойными принятия Богом и спасения. Именно так и думали “некоторые из фарисейской ереси уверовавшие”. Однако Петр имел в виду нечто прямо противоположное. “Благодатью” — значит, *не* обрядами, церемониями, добрыми делами или соблюдением закона.

“...мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они”

(Деян 15: 11).

Сказав это, апостол утвердил два принципа. Во-первых, если необрезанные язычники получают спасение, не пройдя обрезания, то эта процедура не обязательна для спасения. Во-вторых, если обрезанные получают спасение точно таким же образом, как и необрезанные, то обрезание не только не является необходимым условием спасения, но и ничего не *дает* для спасения, равно как и соблюдение закона.

Закончив свою речь, Петр сел на место. Давайте представим, как могли отнестись к его словам “уверовавшие фарисеи”. Прежде они настаивали на том, что обрезание и соблюдение закона необходимы для спасения. Они подразумевали, что их вера в спасение, по крайней мере, частично, основана на этом. Но это очень серьезный вопрос. Дело в том, что веровать одновременно и в Христа, и в закон невозможно. Если добрые дела хотя бы в небольшой степени яляются условием спасения, то это уже не спасение

по благодати (Гал 5: 2-4). Тогда, если до Собора их вера в спасение состояла частично в вере в обрезание и соблюдение закона, были ли они спасены? Они верили в это, говорит Лука (15: 5), верили в том смысле, в каком они верили, что Иисус был Мессией. Но в вопросе о спасении их взгляды были совершенно противоположны христианской доктрине спасения в том виде, в каком она была сформулирована Петром. То же, во что люди верят, имеет большое значение. Будем надеяться, что они покаяться, уверовали и приняли спасение благодатью как дар от Господа Иисуса Христа.

Петр говорил так авторитетно и убедительно, что когда он сел на место,

“...умолкло все собрание и слушало Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников”

(Деян 15: 12).

Рассказ Павла и Варнавы был захватывающе интересным, однако вовсе не предназначался в качестве разрядки после жаркого богословского спора. Он был частью доказательства истинности доктрины спасения благодатью через веру. Давайте удостоверимся в том, что мы понимаем его связь с обсуждаемым вопросом. Первыми великими миссионерами, принесшими Евангелие языческим народам, были люди, которые считали, что очищение сердца, необходимое для принятия Святого Духа и Его свидетельства о принятии человека Богом, достигается верой. Оно достигается верой в том смысле, что человек воспринимает благую весть, обретает веру, затем исполняется Духом Святым и тем самым спасается. В это верил Петр, в это верили Павел и Варнава, и Господь подтвердил их веру знамениями и чудесами, среди которых не последнее место заняли те чудесные результаты спасения, которые стали заметны в жизни обращенных ими людей.

Вердикт Иакова

Наконец, свое заключение объявил Иаков: он согласился

с учением о спасении, сформулированным Петром, Павлом и Варнавой. Есть определенные текстологические проблемы с его цитатой из Ам 9: 11-12, однако основная линия аргументации достаточно ясна¹.

Иаков начал свою речь, выразив согласие с тем, как Петр (будучи израильтянином, Иаков называет апостола его прежним именем Симон) описал призвание Господом Своего народа из среды язычников. Для евреев подобное заявление могло вначале показаться странным, если не абсурдным. Евреи считали Израиль “народом Божиим”. Очевидно, отец нации, Авраам, происходил из язычников, однако Бог возвал его вместе с его потомками из язычников — то есть они перестали быть язычниками и таким образом превратились в Израиль, особую нацию, удел Божий (Исх 19: 5-6). Иаков же имел в виду следующее, ныне Бог начинает призывать народ Свой из среды язычников. Им не придется переходить в иудаизм: они будут таким же уделом Божиим, оставаясь при этом неевреями. Для многих евреев и для некоторых евреев-христиан эта идея была пугающе новой. Однако Иаков указал, что на самом деле в ней нет ничего нового. Бог объявил о том, что собирается сделать это, через пророков много веков назад (Деян 15: 18). Поэтому нас не должны удивлять те чудесные дела, которые Господь сотворил через Петра: слова пророков, сказал Иаков, полностью согласуются с ними.

О чем же говорили пророки? Они говорили о двух вещах: во-первых, что настанет время, когда Бог восстановит падшую скинию Давида. Во-вторых, что восстановление скинии Давида приведет к тому, что большое число язычников взыскует Господа (если отталкиваться от точного смысла цитаты, которую приводит Иаков) или что в скинию Давида войдет множество народов (если следовать масоретскому тексту).

Образ “восстановленной скинии Давида” часто оказывается трудным для понимания. Некоторые думают, что под “скинией Давида” следует понимать народ Израиля и слова Иакова означают, что большое число язычников войдет в новый духовный Израиль. Другие придерживаются мне-

ния, что “скиния Давида” подразумевает новую духовную скинию или храм, где евреи и язычники будут вместе молиться Богу (Еф 2: 14-22). Иные же заявляют о том, что данный образ символизирует грядущее восстановление Израиля, которое будет сопровождаться, как они полагают, массовым обращением язычников.

Однако на самом деле этот образ не относится ни к народу Израиля, ни к иерусалимскому Храму, которые продолжали существовать во времена Иакова и еще не клонились к упадку. Метафора эта подразумевает царский дом Давида и судьбу его династии, прекратившей свое существование еще во времена Навуходоносора, который положил ей конец в вавилонском пленении².

Иаков хотел сказать, что ныне настало время восстановить скинию Давида, то есть его царский дом и династию, как предвещали пророки.

Какой смысл вкладывает Иаков в эти слова? Тот же самый, что и Павел, приводивший обетования пророка Исаии. Напомним, что в Антиохии Писидийской Павел цитировал слова Исаии:

“Я дам вам милости, обещанные Давиду, верно”

(Деян 13: 34;).

Затем апостол объяснил, что эти обещанные милости были ниспосланы при воскресении из мертвых Господа Иисуса Христа, который будет жить вечно. Как мы уже говорили выше, в пророчестве Исаии говорится о том, что, даровав эти обетованные милости, Господь поставит Мессию

“...свидетелем для народов, вождем и наставником народов. Вот, ты призовешь народ, которого ты не знал, и народы, которые тебя не знали, поспешат к тебе...”

(Ис 55: 3-5).

Таким образом, Иаков повторил слова Павла о том, что настанет день, когда великое число язычников обратится к Господу и станет призванным им народом, “Его народом”. И произойдет это после восстановления царской династии Давида, то есть после рождения Иисуса Мессии

во граде Давидовом, а точнее, после Его воскресения из мертвых (см. также Деян 2: 25-31; 2 Тим 2: 8)³.

Интересно также и то, что в понимании Иакова *не следовало* из пророчества Амоса. Иаков не говорит, что мощный поток язычников, устремляющийся к Мессии, этот новый народ имени Божьего из не-евреев, когда-либо станет частью Израиля⁴. Он говорит нечто противоположное. Он согласен с Петром, что язычникам не нужно подвергаться обрезанию и жить в соответствии с еврейскими традициями для того, чтобы достичь спасения и стать народом Божиим. Иаков также говорит, что, по его мнению, не следует принуждать их к обрезанию и еврейскому образу жизни даже *после* спасения. (Можно предположить, что он не стал бы этого говорить о новообращенных еврейской национальности.

“Посему я полагаю, — заявил он, — не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, давленины и крови...”

(Деян 15: 19-20).

Влияние решения Иакова на учение о спасении благодатью

Решение Иакова, разумеется, не содержало в себе никакого умышленного или неумышленного противопоставления учению Петра о спасении благодатью. Иаков уже выразил свое полное согласие с ним. Чтобы понять смысл его советов, вспомним, что именно он просит делать верующих из других народов. Все его советы носят запретительный характер. Он перечисляет то, от чего следует воздерживаться, ни словом не упоминая о положительных обязанностях верующего, как то: “возлюби Бога твоего всем сердцем твоим, и всем помышлением твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими, и возлюби ближнего, как самого себя”. Но даже и предписания запретительного характера не касаются таких морально значимых нарушений, как убийство, лжесвидетельство, воровство, алчность. Иаков не имел в виду важнейшие нравственные заповеди

закона. Он даже не предлагал наставлять спасенных язычников в том, что они должны все более и более ревностно следовать предписаниям закона, обретя силу сошедшего на них Святого Духа — несмотря на то, что такое намерение было бы убедительным и своевременным и вряд ли кто-нибудь из участников Собора решился бы его оспорить. Апостол, по его собственным словам, размышлял о том, что

“...закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу”

(Деян 15: 21).

Таким образом, жившие во всех этих городах язычники имели представление о законе — его постоянно проповедовали в синагогах. Благодаря же общению с евреями они узнавали о внутренних представлениях евреев, которые жестко регламентировали их поведение: евреи не ели пищу, предложенную в жертву идолам; у них были более строгие правила относительно заключения браков, чем у окружающих народов²; они не ели мясо задушенных животных и не употребляли в пищу кровь. Трудно было ожидать, что верующие из язычников будут следовать этим правилам. Однако если бы язычники не уважали эти особенности своих братьев по вере, нормальные отношения между евреями и язычниками были бы невозможны. Такое положение могло привести к тому, что в городах, где евреи составляли меньшинство, возникли бы две различные христианские группировки; причем одна из них не могла бы поддерживать нормальные, честные отношения с другой, что говорило бы против Евангелия. Если бы христиане-евреи пошли против совести и стали бы вести себя согласно законам язычников, это тоже принесло бы огромный духовный вред. Итак, Иаков просит верующих из других народов отказываться в случае необходимости от ряда обычаев из уважения к представлениям других верующих, а также ради авторитета Евангелия и его распространения. Павел позднее писал о том же обращенным им людям (1 Кор, главы 8-10; Рим, глава 14).

Соборное определение (Деян 15: 22-35)

И вот апостолы и пресвитеры со всей церковью (заметим, — вопрос обсуждается не одними апостолами и даже не апостолами и пресвитерами — его рассматривает вся церковь) выбирают из своей среды двух представителей, дабы те отправились с Павлом и Варнавой обратно в Антиохию. Они должны были передать письмо, адресованное новообращенным христианам неевреям в Антиохии, Сирии и Киликии.

В своем послании Собор, во-первых, отрицает всякую связь со лжеучителями, которые пришли в Антиохию из Иудеи, утверждая, что имеют полномочия от Церкви. Эти самозванцы “...смугили вас *своими* речами и поколебали ваши души” (Деян 15: 24).

Обвинение было очень серьезным. Оно напоминает высказывание из Деян 14: 2, где Лука описывает поведение враждебно настроенных иудеев из Иконии, пытавшихся не допустить того, чтобы язычники слушали проповедь Евангелия:

“А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников”.

Распространять среди христиан сведения о том, что спасение достигается благими делами, значит не просто по-иному излагать христианскую веру: каждое положение этого лжеучения представляет собой нападки на истинное христианство, не менее воинственные, чем нападки его внешних врагов.

Во-вторых, Собор дает Павлу и Варнаве лучшую из возможных характеристик, указав, что они были

“человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа”

(Деян 15: 26).

В-третьих, Собор подчеркивает, что он безоговорочно и совершенно однозначно признает истинность благой вести, проповедуемой Павлом и Варнавой. Верующие из

других народов не обязаны подвергаться обрезанию и соблюдать закон для спасения, как утверждали лжеучителя.

“Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого...”

(Деян 15: 28).

“Необходимыми” были те менее значительные требования, которые сводились к уважению представлений и норм поведения еврейских членов общины (Деян 15: 29).

В должное время посланцы с письмом прибыли в Антиохию. Приезд Иуды и Силы, двух выборных представителей из Иерусалима, и само содержание послания вызвали воодушевление и радость, а также укрепили дух уверовавших язычников (Деян 15: 30-32).

Ими была одержана большая победа, хотя они, может быть, и не понимали ее масштабов. Отныне и на все последующие века были определены условия и предпосылки спасения: спасение и оправдание даруются благодатью Божьей через веру, а не по делам закона. Не существует двух различных Евангелий: одно — для евреев, другое — для язычников, каждое — для своего направления христианства.

Есть только одно Евангелие, и все подлинные христиане согласны в этом. Иаков и Петр были единомышленны в этом вопросе с Павлом и Варнавой. Каждый, кто проповедовал иную точку зрения, — а были и такие, — подвергал себя открытому осуждению со стороны всех апостолов и пресвитеров без исключения.

Возвращение (Деян 15: 36-16: 5)

Разногласия между Павлом и Варнавой

Истории христианства известны случаи, когда за великими победами следовали незначительные, но досадные и болезненные поражения. После того как Павел и Варнава провели какое-то время в Антиохии, они решили вновь отправиться в путь, чтобы посетить своих братьев в тех городах, в которых они проповедовали слово Божье, и

посмотреть, как у них обстоят дела (Деян 15: 36). Но между ними возникло такое серьезное разногласие, что они решили расстаться. Эти люди, которые так непоколебимо и единодушно выступали в жарком споре со лжеучителями, теперь спорили друг с другом.

Однако как бы ни были огорчительны противоречия между ними, мы должны постараться понять их смысл и их истинный масштаб.

Во-первых, рассмотрим предмет спора. Это не были догматические вопросы христианской веры. По таким вопросам, как мы знаем из предшествующих Действий у Павла и Варнавы, как и у всех остальных апостолов, не было никаких разногласий. Дело касалось практических вопросов в выполнении Божьих дел. Варнава хотел привлечь к участию во втором миссионерском путешествии молодого человека по имени Иоанн Марк (Деян 15: 37). Павел же был против этого. Он ссылался на то, что Иоанн Марк отстал от них во время их первого миссионерского путешествия (15: 38). Павел, очевидно, считал, что такая безответственность и непостоянство делали его ненадежным спутником. Павел не подвергал сомнению спасение этого человека и возможность для него принадлежать христианской церкви. Однако ясно, что к участнику апостольской евангелической миссии должны предъявляться более строгие требования. Церковь должна заботиться о слабых, испытывающих страх и неустойчивых людях и поддерживать их. Однако разумно не привлекать таких людей для миссионерской работы, когда речь идет о первом знакомстве со словом Божиим. Божье дело — это не игра, в которой можно участвовать, пока она тебе интересна, и бросать ее, когда дела принимают серьезный оборот.

Варнава, по-видимому, не придавал столь серьезного значения проступку Марка и хотел предоставить ему еще один шанс. И действительно, впоследствии Марк неоднократно проявлял себя с хорошей стороны, даже с точки зрения Павла. Так, когда Павел оказался в заключении, он просил прислать ему в служение именно Марка (2 Тим 4: 11). Но даже если бы Павлу было заранее известно, как бу-

дет вести себя Марк, он все равно мог бы счесть, что молодому человеку лучше развиваться и мужать при более благоприятных обстоятельствах, прежде чем опять оказаться в жестких условиях первичной евангелизации.

Может быть, Павел и Варнава не могли прийти к согласию именно потому, что речь шла не о фундаментальных принципах веры, а о практических делах, где каждый мог иметь свое собственное мнение и люди разных темпераментов могли придавать разным аргументам разную силу и значение.

Итак, они расстались. Однако нам не приходится сожалеть об этом вынужденном разделении. Первым его следствием было то, что теперь образовались две миссионерские группы вместо одной, причем каждая из них имела опытного руководителя. Мир так велик, что для этих двух миссионерских групп вполне хватало места!

Во-вторых, разногласия Петра и Варнавы не повлекли за собой разделения внутри церкви. Лука рассказывает, что, когда Павел со своим новым спутником Силой отправились в путь, антиохийские братья поручили их благодати Божьей (Деян 15: 40). Однако ничего подобного не говорится о Варнаве и Марке. Возможно, Антиохийская церковь не одобряла решения Варнавы. Но в то же время ничего не сказано и о спорах, которые могли заставить церковь вынести какое-то официальное определение по этому поводу. Очевидно, что Антиохийская церковь не контролировала деятельность этих миссионерских групп, еще в меньшей степени это относится к Иерусалимской церкви.

Ни Павел, ни Варнава не совершили тяжкого преступления против имени и дела Христа, что стало, к сожалению, распространенным явлением в последние века. Они не создали свои отдельные группы церквей — “Павловскую” и “Варнавскую”, — которые бы имели свою организационную структуру, свой центр и свой символ веры. Они не стремились к тому, чтобы весь мир обратил внимание на это разделение, к тому времени, когда причина разногласия уже будет забыта. Остальной мир ничего не узнал

об их споре. Оба апостола основывали новые церкви, и тело Христово не было разделено.

Обрезание Тимофея

Заключительный эпизод Действия 2 являет собой сильную противоположность с первым. В Деян 15: 1-5 говорится о том, как Павел и Варнава, столкнувшись с требованием обязательного обрезания уверовавших язычников категорически воспротивились исполнению этого требования. Они получили послание из Иерусалима от апостолов, пресвитеров и общины, которые единодушно разделили их точку зрения, согласившись с тем, что такое требование противоречит основам христианского вероучения. В Деян 16: 1-5 сообщается, что Павел и Сила переходили из города в город, зачитывая это послание различным церквям, дабы “церкви утверждались верою” (Деян 16: 5), и однажды пришли в Листру. Там они встретились с юношей-учеником по имени Тимофей. Решив взять его с собой в дальнейшее путешествие, Павел подверг его обрезанию!

Сама структура рассказа об этом событии свидетельствует о том, что Лука хотел обратить наше внимание на видимую непоследовательность поведения Павла, хотя на самом деле это поведение не было непоследовательным. Причина, по которой Павел противился обрезанию в первом случае, состояла в том, что лжеучителя утверждали, что обрезание — это необходимое условие спасения. Тогда как обрезание Тимофея не имело ничего общего с его спасением. Если бы кто-либо стал настаивать на том, что Тимофея следует подвергнуть обрезанию ради его спасения, Павел стал бы возражать против этого, как он и поступил в случае со своим соратником Титом. В этом случае речь шла о самой сути благой вести, поэтому необходимо было поступить так, чтобы у верующих где бы то ни было не было никаких сомнений относительно подлинного смысла Евангелия и условий спасения (Гал 2: 3-5).

В случае с Тимофеем ситуация была совершенно иной. Прежде всего родители Тимофея были разной националь-

ности. Его отец был греком, а мать — еврейкой (Деян 16: 1). Может быть, в этом и заключалась причина того, что он не был обрезан в детстве. Однако, по еврейским обычаям, считался евреем, так как был рожден от матери-еврейки.

Во-вторых, все истинные христиане-евреи согласились с Петром в том, что даже для иудеев обрезание не было необходимым для спасения и ничего не прибавляло к спасению. С другой стороны, многие из них считали, что, коль скоро обрезание было предписано Богом в Ветхом Завете и должно совершаться над каждым младенцем мужского пола, еврей-христиане тоже должны придерживаться этого обычая просто для того, чтобы быть угодными Богу.

Эта ситуация напоминает, например, современную ситуацию с празднованием субботы в среде христиан нееврейского происхождения (за исключением того, что христиане-евреи полагали, что обрезание было предписано только евреям, но не язычникам, независимо от того христиане они или — нет). Все истинно верующие христиане согласятся с тем, что нет необходимости соблюдать субботу для того, чтобы быть спасенным. Однако далее мнения расходятся. Одни люди — и таких, вероятно, большинство — утверждают, что суббота была частью обрядовых законов Израиля, которые были отменены наряду с законами о питании, священством, специальными ритуалами, храмом, и поэтому христианам не обязательно их соблюдать. Другие считают, что суббота является частью нравственного закона, который остается в силе и по сей день. Таким образом, они придерживаются мнения, что истинно верующие должны соблюдать субботу: не для того, чтобы быть спасенными, а потому, что такова была воля Божья, и что теми, кто повинуются не плоти, а Духу, эти законы должны исполняться. Более того, хотя они ясно видят, что соблюдение субботы не является необходимым для спасения, они рассматривают этот обычай как очевидный результат спасения, и потому обязательный для истинно верующих — так что если кто-то исповедующий христианство отказывается в принципе

соблюдать субботу, это ставит подлинность его веры под сомнение.

Представьте себе миссионера, который совершенно уверен в том, что ему нет необходимости соблюдать субботу. Но он чувствует себя призванным проповедовать Евангелие в той части мира, где большинство верующих считают, что истинно верующий должен соблюдать субботу. Что же он будет делать? Или, предположим, что его езда на машине или велосипеде в субботу оскорбляет чувства верующих и приводит к конфронтации с ними. Если этот миссионер обладает элементарным здравым смыслом, не говоря уже о чувстве христианской любви, он последует рекомендациям, которые дает Павел по этому поводу в Послании к Римлянам (14: 1-18, см. особенно стихи 5-6). Он отодвинет на задний план то, что считает своими правами и свободой, и будет соблюдать субботу, чтобы не оскорблять чувства своих братьев во Христе.

Кроме того, в этих местах вполне может оказаться много людей, которые очень религиозны и ищут спасения. Они могут считать, что соблюдение субботы и закона совершенно необходимо для спасения. Наш миссионер, конечно же, захочет убедить их, что спасение приходит не путем соблюдения закона — оно даруется по милости Божьей. Но, если люди видят, что он постоянно нарушает субботу, которая является в их глазах частью морального закона, они отвергнут его проповедь о спасении благодатью Божьей как совершенно противоречивую. Для них это было бы все равно, как если бы он всю неделю воровал товары из местного магазина, а в воскресенье проповедовал спасение благодатью.

Павел подверг Тимофея обрезанию по аналогичным причинам. Он сделал это не как нечто, необходимое для спасения, а из уважения к представлениям как среди евреев-христиан, так и среди иудеев-нехристиан, так как подобное проявление уважения должно было способствовать более эффективному проповедованию благой вести. Как он позднее объяснит коринфянам:

“Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы

больше приобрести: для иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных”

(1 Кор 9: 19-20).

Таким образом, мы опять убеждаемся в том, что тщательно продуманная композиция повествования служит для того, чтобы показать, что верования и поведение первых христиан были свободны от крайностей. Пусть же и в наших душах Святой Дух утвердит подобную гармонию!⁶

Примечания

¹ Текст, приведенный апостолом Иаковом, отличается от масоретского текста несколькими мелкими деталями, а также одним очень существенным моментом. В масоретском тексте книги пророка Амоса говорится:

“В тот день Я восстановлю
скинию Давидову падшую, заделаю трещины в ней
и разрушенное восстановлю,
и устрою ее, как в дни древние...” (Ам 9: 11).

В цитате же, приведенной апостолом Иаковом, сказано следующее:

“Потом обращусь
и воссоздам скинию Давидову падшую,
и то, что в ней разрушено, воссоздам,
и исправлю ее...” (Деян 15: 16).

В этом фрагменте различие по смыслу минимально и не влияет на использование Иаковом данного пророчества.

Более существенное различие находим в следующем стихе. В масоретском тексте сказано:

“...Чтоб они овладели остатком Едома
и всеми народами, между которыми возвестится
имя Мое...” (Ам 9: 12).

В Септуагинте читаем:

“... так, чтобы остальные люди и все народы, между
которыми возвестится имя Мое, искали (Господа)...”

Иаков же цитирует этот фрагмент в иной форме:

“...чтобы разыскали Господа прочие человеки
и все народы, между которыми возвестится имя Мое”.

Таким образом, Иаков ближе к Септуагинте, чем к масоретскому тексту. Возможно, Септуагинта основывалась на древ-

нееврейском тексте, отличном от масоретского (различие в ивритском правописании слов “Едом” и слова, *adam*, имеющего значение “человек”, незначительно). Однако в контексте аргументации Иакова даже эти различия в цитатах из книги пророка Амоса не существенны, так как не меняют смысла его суждения. Наконец, в масоретском тексте сказано:

“...говорит Господь, творящий все сие” (Ам 9: 12).

Иаков же цитирует следующим образом:

“... говорит Господь, творящий все сие. Ведомы Богу от вечности все дела Его”.

По-видимому, последняя (выделенная) фраза заимствована из Ис 45: 21. И в этом случае различия не влияют на смысл сказанного.

² Именно эта проблема волновала автора 88 псалма. Он вспоминает, что Бог обещал Давиду, что

“Семя его пребудет вечно,
и престол его, как солнце, предо Мною” (Пс 88: 37);

но затем с тревогой замечает, что Бог

“...отринул и презрел,
прогневался на помазанника Твоего.

Пренебрег завет с рабом Твоим,

поверг на землю венец его.

Разрушил все ограды его,

превратил в развалины крепости его” (Пс 88: 39-40).

³ Странно слышать утверждение некоторых людей, будто дом Давида по-прежнему лежит в развалинах, в то время как величайший Сын этого дома воскрес из мертвых, чтобы никогда не знать тления.

⁴ Иаков не рассуждает здесь об образовании духовного Израиля, в котором не было бы ни евреев, ни греков. Он имеет в виду различие между христианами-евреями и христианами-язычниками (неевреями).

⁵ Заключение брака было строго регламентировано целой сетью правил. Нарушение этих правил было для иудея “прелюбодением” (так же это звучит и по-гречески). Иаков не имеет здесь в виду нарушение половой морали вообще.

⁶ Не следует злоупотреблять этим принципом. Если определенные обычаи в церковной, общественной или частной жизни явно противоречат слову Божьему и запрещены последним, то не следует искать оправданий для соблюдения этих обычаев в том, что мы будем совершать их не ради спасения,

а из уважения к местной культуре и традициям. Если какие-то обычаи противоречат слову Божьему, то с ними необходимо покончить, как бы это ни отразилось на местных традициях и культуре. Однако обрезание и соблюдение субботы были в Израиле не просто культурной традицией — они являлись заповедями Господа Израилю, данными в Ветхом Завете. Поэтому многие христиане-евреи и сопротивлялись отмене этой традиции, что, впрочем, не имело ничего общего с ритуалами, добавленными фарисеями и не освященными авторитетом Писания, а, по существу, даже и противоречившими ему. Хотя эти ритуалы и были глубоко укоренены в еврейской культуре, Господь не мирился с ними ради мира и спокойствия, а публично отвергал их (Мк 7: 1-23).

РАЗДЕЛ 5

**ХРИСТИАНСТВО
И ЯЗЫЧЕСКИЙ МИР
(Деян 16: 6-19: 20)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ДЕЙСТВИЕ 1:

Святой Дух и силы тьмы
(Деян 16: 6-40)

ДЕЙСТВИЕ 2:

Посланный Богом Мессия и политика, религия и философия языческого мира
(Деян 18: 1-28)

ДЕЙСТВИЕ 3:

Посланный Богом Мессия и новый народ Божий
(Деян 18: 1-28)

ДЕЙСТВИЕ 4:

Святой Дух и имя Господа Иисуса Христа
(Деян 19: 1-20)

РАЗДЕЛ 5

**ХРИСТИАНСТВО
И ЯЗЫЧЕСКИЙ МИР**

(Деян 16: 6 - 19: 20)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

При чтении пятого Раздела Деяний святых Апостолов бросается в глаза разительная перемена обстановки. Отчасти это объясняется тем, что расширяется география событий: уже в начале главы апостол Павел с другими миссионерами отправляется в Европу и посещает целый ряд городов (в том числе очень известных) — Филиппы, Фессалоники, Верюю, Афины и Коринф — прежде чем вернуться в Малую Азию с ее прославленной столицей — Ефесом.

Однако в еще большей степени на изменение обстановки повлиял выбор материала. До сих пор Лука определял христианство, главным образом, сравнивая его с различными религиозными направлениями внутри иудаизма или с падчерицей иудаизма — религией самарян. Он подробно излагает речи Петра, Стефана и Павла перед разными аудиториями, состоявшими из иудаистов, христиан-евреев, или неевреев типа Корнилия, которые, как и христиане, разделяли основной догмат иудаизма о едином истинном Боге.

Единственным исключением является случай в Листре, где Павел и Варнава открыто обличали языческое идолопоклонство (Деян 14: 11-18).

Теперь же ситуация меняется. В пятом Разделе не дается ни одного полного изложения многочисленных проповедей, которые Павел читал в синагогах и в иных местах во время данного путешествия. Иногда упоминаются темы его выступлений (напр., в Деян 17: 3 или 18: 5), но ни разу не приведено их подробное изложение. Несомненно, что в своих проповедях и речах Павел следовал образцу, уже описанному Лукой. Поэтому не было смысла умножать примеры. Единственная речь Павла, довольно подробно изложенная Лукой, — это та, в которой апостол обращается к афинскому ареопагу. Многие, если не все, члены верховного суда Афин были умными и утонченными людьми, но все они, естественно, были язычниками. Излагая основы христианства перед этой аудиторией, Павел учитывает уже не иудейскую традицию, а религиозные, философско-политические учения языческого мира и особенности его жизненного уклада. Лука приводит подробные выдержки из этой речи именно потому, что она вполне отвечает цели, которая стояла перед ним при написании пятого Раздела Деяний.

В своих проповедях Павел часто упоминал имя Иисуса и слово “воскресение” — именно эта особенность удивила некоторых членов афинского ареопага и повлекла за собой приглашение выступить перед его членами. У судей сложилось впечатление, будто Павел приехал в Афины, чтобы познакомить афинское общество с двумя чужеземными богами. Поэтому они пригласили его для разъяснений (Деян 17: 18-19). Таким образом, перед апостолом открылась возможность посвятить язычников в самую сущность христианства, и, судя по рассказу Луки, Павел блестяще справился с этой задачей. Объяснение смысла имени “Иисус” и слова “воскресение” было кульминацией речи апостола (Деян 17: 30-31). В то же время утверждение о том, что Иисус назначен Господом быть Судьей всего человечества, вряд ли произвело бы большое впечатление на дан-

ную аудиторию, если бы сначала Павел не объяснил, о каком Боге он ведет речь, каков этот Бог по своей природе. Вот почему Павел должен был начать с подробного объяснения основ учения, которое христианство унаследовало от иудаизма и которого с тех пор твердо придерживается, т.е. веры в бытие единого, трансцендентного, личного, самодостаточного, всемогущего и святого Создателя, Хранителя и Царя вселенной и всего человечества (Деян 17: 23-29). Таков первый и основной догмат, отличающий христианство от язычества.

Когда Павел провозгласил Иисуса грядущим Судией всего человечества, он изложил на языке, который был понятен каждому язычнику-нееврею, один из аспектов второго основного догмата, по которому Христианство в корне расходится с язычеством, а именно, с догматом о том, что Иисус является тем Мессией, Которого Бог обещал Израилю в Ветхом Завете. В Деяниях, конечно, еще раньше говорится об Иисусе как Мессии (напр., Деян 2: 36) и Судии “живых и мертвых” (Деян 10: 42). Однако в первой половине 17 главы Деяний мы увидим, что евреи из Фессалоник яростно доказывают городским властям, что “Мессия” в христианском понимании является просто политическим термином, что христианское Евангелие является, по своей сущности, политическим манифестом, в котором Иисус противопоставляется римскому кесарю в политическом мире, а христианская евангелизация на самом деле представляет собой попытку спровоцировать широкую политическую борьбу, направленную на разрушение структур римской империи и замену их другой формой правления (Деян 17: 5-8).

Обвинение, казалось бы, имело под собой реальную почву, поскольку внутри самого иудаизма различные направления действительно вкладывали в слово “Мессия” политический смысл, что уже не раз было причиной возмущений (см., напр.: Деян 5: 36-37; 21: 37-39), а позднее привело к народным восстаниям против языческого Рима. Более того, один из учеников Господа Иисуса Христа, Симон Зилот (Лк 6: 15), до своего обращения был членом

одной из таких мессианских политических групп. Павел уже не мог ответить на это обвинение, ибо был изгнан из города. Однако ради распространения благой вести, ради настоящего и будущего, Лука должен был показать, ссылаясь на проповедь Павла сначала в Фессалониках, а потом в Афинах, что данное обвинение беспочвенно. Автор Деяний должен был четко показать, что в христианском учении имеется в виду под представлением об Иисусе как Мессии, Царе и Судии, а также разъяснить, какое отношение имеет Его царствование к политическим реалиям языческого мира.

Третье различие между христианством и язычеством, о котором пойдет речь в данном Разделе, касается христианского понимания Святого Духа. Как видно с самого начала текста Деяний, первые христиане, в особенности после чуда в день Пятидесятницы, много говорили о принятии Святого Духа, об исполненности Духом и, в частности, о водительстве Святого Духа (см., напр.: Деян 8: 29, 39; 10: 19; 11: 12; 13: 2).

Иудеям эта терминология казалась, по крайней мере, понятной, поскольку они знали, что под Духом подразумевается Дух Божий. Но в языческом мире тысячи людей всех сословий считали естественным ради успеха в личной, семейной и общественной жизни прибегать к услугам гадалок, астрологов, ясновидящих, спиритов, оракулов, богов и демонов. На Востоке, а в последнее время все больше и на Западе, многие продолжают заниматься этим. Поэтому вполне естественно, что не только у образованных язычников, но и у новообращенных христиан возникал вопрос (Деян 19: 18), в чем отличие христианского опыта водительства Святым Духом от стремления язычников найти опору в разных формах спиритизма? Совместим ли спиритизм с христианским откровением? Могут ли люди, уверовавшие в Господа Иисуса, продолжать поклоняться духам предков, советоваться с гадалками, прибегать к услугам медиумов и спиритов?

С помощью тщательного отбора материала Лука дает вполне определенный ответ на все эти вопросы. В начале

пятого Раздела дважды говорится о том, что апостолом Павлом и его спутниками в их путешествиях руководил Дух Святой (Деян 16: 6,7). Последняя часть этого раздела открывается рассказом о двенадцати учениках Иоанна Крестителя, которые не уверовали в Господа Иисуса Христа и не получили дара Святого Духа. Уверовав же, они сразу удостоились этого дара; мы увидим, что Павел считает принятие Святого Духа настолько необходимым для каждого христианина, что потом он побуждает этих людей креститься вторично, на этот раз именем Господа Иисуса Христа (Деян 19: 1-7).

С другой стороны, основной сюжет первой части пятого Раздела связан с изгнанием беса из прорицательницы в Филиппах (Деян 16: 16-19). На первый взгляд казалось, что эта женщина относилась к благоговению положительно, оказывала поддержку проповедникам и призывала сограждан принять новое учение. Однако апостол Павел не принял ни ее свидетельства, ни того духа, которому она поклонялась. Очевидно, что он считал спиритизм несовместимым с христианством, и он наглядно показал различие между ними путем изгнания духа из прорицательницы.

Основной сюжет последней части пятого Раздела тоже связан с демонизмом (Деян 19: 11-20). Однако в данном случае речь идет не о различии между христианством и демонизмом, а между истинным христианством и профессиональными заклинателями, которые, не будучи христианами и не собираясь ими становиться, смешивают христианскую фразеологию с прочей для достижения успеха в своем ремесле. Этим занимались, в частности, семеро иудеев из Ефеса, употребляя в своих заклинаниях имя Господа Иисуса Христа. Однако злой дух, овладевший неким человеком, изблещил это псевдохристианство, и одержимый набросился на заклинателей и изгнал их из дома. Это укрепило авторитет имени и силы Иисуса Христа во всем городе и способствовало публичному торжеству слова Божьего над оккультизмом, которым славился Ефес среди древних народов.

Подытожим сказанное. Описывая христианство на фоне

язычества, Лука сосредоточивается на трех основных моментах.

1. Лука указывает на то, что христианство провозглашает существование единого истинного Бога, обладающего определенными свойствами, и утверждает наличие отношений между человеком и Богом. Этот догмат христианства коренным образом отличает его от языческого политеизма в религии и языческих философских концепций о происхождении и организации вселенной, а также о месте и целях человека в ней.

2. Лука говорит о значении и смысле христианской благой вести, о том, что Иисус является Мессией, Царем и Судьей мира в контексте как мировой политики, так и систем нравственности, выработанных некоторыми языческими философами.

3. Лука подчеркивает важность христианского опыта принятия Духа Святого, рассматривая его в разных ракурсах, например, трактуя опыт иудеев, принявших крещение Иоанново, но не уверовавших в Господа Иисуса, или сопоставляя основу христианского опыта жизни в Духе с контактами, которые устанавливает язычество в области спиритизма, демонизма и оккультной практики.

Особый интерес Луки к столкновению христианства с язычеством, разумеется, не означает, будто он хочет, чтобы мы забыли об иудаизме и той роли, которую иудаизм играл и продолжает играть в языческом мире. Лука говорит, что Павел не изменил своей тактики. В каком бы городе он ни оказывался, он обязательно первым делом приходил в местную синагогу (если таковая имелась) и проповедовал благую весть евреям и язычникам, которые там собирались (Деян 16: 3; 17: 2, 10, 17; 18: 4, 19; 19: 8). Те прекрасные свидетельства, которые люди могли слышать в синагогах, повсюду приводили множество бывших язычников к вере в единого истинного Бога, и, следовательно, подготавливали их (иногда незаметно для них самих) к вере в Господа Иисуса как Мессию. Лука неоднократно и беспристрастно фиксирует, что многие люди из греческих и римских городов, обращенные Павлом в христианство, происходили

именно из среды бывших язычников, которые посещали синагоги. Разумеется, наряду с большим числом язычников (Деян 17: 4; 18: 8) среди обращенных оказывалось и немало евреев (Деян 16: 30-34; 17: 12; 18: 8).

С другой стороны, Лука, конечно, не скрывает того факта, что хотя сначала в большинстве синагог Павла принимали с великим почетом (Деян 17: 1-4, 11; 18: 4, 19-20; 19: 8), затем в каждой из них возникали острые споры, нередко связанные с насилием со стороны некоторых прихожан, в результате чего, апостол и его приверженцы изгонялись как из местной синагоги (Деян 17: 5; 18: 6-7; 19: 9), так и из соседних общин (Деян 17: 13). Подобного рода происшествия происходили и прежде (Деян 13: 45-46; 14: 2,5 — обратите внимание на упоминание о начальствующих и правителях), однако теперь, в пятом Разделе Деяний, эта тема получает дальнейшее существенное развитие: в двух случаях евреи преследуют христиан, обвиняя их перед языческими властями в государственной измене (Деян 17: 7) и в распространении запрещенной религии (Деян 18: 12-17). Впоследствии Лука покажет нам, что оба обвинения были ложными. Печально, что иудеи оказывали подобное сопротивление благовествованию¹, однако оно имело и определенный положительный эффект в языческом мире. Ускорилось образование независимых христианских церквей (как, например, в Фессалониках, Коринфе и Ефесе). Слово Божье широко и победоносно распространялось (как это случилось в Ефесе и Азии (Деян 19: 9-10 и 20)). В тех же местах, где иудаизм был уже известен большинству населения (хотя бы понаслышке), люди смогли лучше осознать, что имя Господа Иисуса Христа имеет силу спасать и благословлять в несравненно большей степени, чем иудаизм даже в его лучших (Деян 19: 1-7), не говоря уже о худших проявлениях (Деян 19: 13-17).

Время от времени Лука затрагивает некоторые побочные темы. Одна из них — отношение Евангелия к предпринимательству и богатству. В древнем мире (это относится отчасти и к миру современному) обращение религии в доходный промысел считалось естественным. Одним из

таких примеров являются хозяйка служанки, которая была одержима духом прорицания (Деян 16: 19). Другим похожим примером являются издатели оккультных сочинений в Ефесе (Деян 19: 19). Поэтому интересно рассмотреть, какую роль играло предпринимательство в миссионерской деятельности апостолов. Лидия из Филипп торговала модной одеждой (Деян 16: 14), Акила и Прескилла из Коринфа вместе с Павлом занимались изготовлением палаток (Деян 18: 1-3). В обоих случаях светское ремесло помогает апостолу для того, чтобы проповедовать Евангелие бесплатно и чувствовать себя в Европе материально независимо (ср.: 1 Фес 2: 9; Флп 4: 15-16 с Деян 18: 5; 1 Кор 9: 18 и 2 Кор 11: 7-9).

Другой пример. В своей речи перед членами Ареопага апостол Павел говорит, что Бог

“От одной крови... произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их [народов] обитанию, дабы они искали Бога, не ощутив ли Его и не найдут ли, хотя Он и не далеко от каждого из нас”

(Деян 17: 26-27).

В данном контексте апостол имеет в виду провидение Божье об исторической судьбе народов. Но тот же самый принцип действует и на более индивидуальном уровне, в частности, в миссионерских путешествиях Павла. Когда апостол направляется в Европу, покинув Азию, перед ним распахиваются двери домов: дома Лидии (Деян 16: 15), дом темничного стража в Филиппах (Деян 16: 34), дом Иасона, видимо, в Фессалониках (Деян 17: 5-6), дом Акилы и Прискиллы (Деян 18: 1-3) и позже Тита Юста в Коринфе (Деян 18: 7). Каждый из этих домов сыграл стратегическую роль в распространении Евангелия в Европе. Поэтому там, где возможно, интересно проследить, каким образом и при каких обстоятельствах провидение Божье приводило апостола Павла в эти дома, и почему перед ним распахивались двери этих домов.

Мы уже отмечали выше, что пятый Раздел Деяний состоит из четырех частей, или Действий. Первое, что

говорит о таком построении, — это возможность выделить следующий ряд четырех основных эпизодов, в каждом из которых Павел и Евангелие подвергаются навету, оказываются вначале неправильно истолкованными или понятыми, но затем все-таки реабилитируются и оправдываются³. Обозначим последовательность этих эпизодов и их внутреннюю развертку.

Деян 16: 16-34 (а) *Ложное обвинение*. Павел и Сила обвинены перед городскими властями в том, что они, "...будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам не следует ни принимать, ни исполнять" (Деян 16: 20-21). Их избивают и бросают в тюрьму.

(б) *Оправдание*. Арест Павла и Силы приводит не к прекращению проповеди Евангелия, а к обращению темничного стража и его семьи. Этому способствует "великое землетрясение", которое произошло по божественному проведению. Более того, городские власти, узнав о том, что задержанные являются римскими гражданами, вынуждены явиться в тюрьму и вежливо препроводить их оттуда.

Деян 17: 16-31 (а) *Неправильное понимание проповеди Павла*. Эпикурейцы и стоики воображают, что Павел проповедует двух чужеземных богов — "Иисуса" и "воскресение".

(б) *Разъяснение*. Павел объясняет членам ареопага, что проповедуемый ими Бог не является неким чужеземным божеством, что Он — Творец мироздания и Опора всего человечества. Ни Иисус, ни воскресение не являются чужеземными богами. Для каждого человека исторический факт воскресения реального Человека Иисуса служит божественным подтверждением того, что Иисус будет Судьей всего человечества.

Деян 18: 12-17 (а) *Ложное обвинение*. Иудеи обвиняют Павла перед проконсулом Галлионом в том, что апостол "...учит людей чтить Бога не по закону" (по-видимому, не по иудейскому закону) (Деян 18: 13).

(б) *Оправдание*. Галлион отвергает эти обвинения на том основании, что они относятся к области иудаистской теологии и не имеют отношения к римскому правосудию.

- Деян 19: 13-16 (а) *Злоупотребление*. Некие иудейские заклинатели призывают имя Иисуса в колдовских целях, чтобы усилить действие своих заклинаний.
- (б) *Оправдание*. Истинная природа и сила Иисуса выявляется в словах злого духа: “Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?” (Деян 19: 15), а также в действиях человека, одержимого злым духом, который набрасывается на заклинателей и избивает их.

Кроме указанной последовательности, Действия пятого Раздела обнаруживают определенное движение мысли, которое связывает все четыре основных эпизода:

Действие 1 (Деян 16: 6-40): события на пути в Филиппы и в самом городе

а) Под водительством Святого Духа и под влиянием посланного Богом видения Павел и его спутники едут в Филиппы. сердце женщины по имени Лидия открывается перед Господом. Она становится верующей и приглашает Павла и Силу остановиться у нее в доме (Деян 16: 14-15).

б) Павел изгоняет злого духа из прорицательницы. В результате этого апостол вместе со своим спутником Силой оказываются в темнице. Однако Господь устраивает землетрясение и отворяет двери тюрьмы (Деян 16: 26). Темничный страж обращается к Господу (16: 34) и приводит Павла и Силу в свой дом (Деян 16: 32). Городские власти извиняются перед ними и, выведя их на волю, просят удалиться из Филипп (Деян 16: 39).

Действие 2 (Деян 17: 1-43): В результате преследований Павел оставляет Фессалоники и отправляется в Верию, а оттуда — в Афины.

а) В Фессалониках, а затем и в Верии Павел утверждает, что, согласно Святому Писанию, Мессия должен был умереть и восстать из мертвых. Он говорит также, что смерть и воскресение Иисуса свидетельствуют о Нем как о Мессии, пришествие Которого предсказано в Писании (Деян 17: 2-3, 11).

б) Когда в Афинах апостола спрашивают о значении слов “Иисус” и “воскресение”, Павел отвечает, что воскресение Иисуса является божественным свидетельством всему человечеству о том, что Иисус будет судить мир (Деян 17: 18-19, 30-31).

Действие 3 (Деян 18: 1-28): События в Коринфе

а) Прибыв в Коринф, Павел свидетельствует перед иудеями о том, что Иисус является Мессией (Деян 18: 1, 5). Иудеи ведут себя оскорбительно по отношению к нему; тогда апостол оставляет синагогу и отправляется к язычникам, многие из которых обращаются к Богу (Деян 18: 6-11). Павел живет в Коринфе в течение полутора лет (Деян 18: 11).

б) Иудеи обвиняют Павла перед проконсулом Галлионом, однако проконсул отказывается разбирать это дело (Деян 18: 12-17). Через некоторое время Павел покидает Коринф и отправляется в Асию (Деян 18: 12-17), тогда как Аполлос прибывает из Азии в Коринф (Деян 18: 24-28; “Ахаия” в стихе 27 означает Коринф, см. также: Деян 19: 1); “...и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатию: Ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос” (Деян 18: 27-28), как это делал до него апостол Павел.

Действие 4 (Деян 19: 1-20): События в Эфесе

а) Двенадцать человек, крещенных Иоанном Крестителем, уверовали в Господа Иисуса Христа. Затем они принимают крещение во имя Иисуса Христа и обретают Духа Святого. После проповеди в синагоге в течение трех месяцев противники изгоняют Павла. Павел ежедневно проповедует слово Божье в училище некоего Тиранна на протяжении двух лет, “...так что все жители Азии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины (Деян 19: 10).

б) Семь иудейских заклинателей пытаются изгнать злых духов именем Иисуса, “...Которого Павел проповедует” (Деян 19: 13). Однако злой дух показывает, что заклинатели не имеют права использовать имя Иисуса. Эти события стали известны “...всем живущим в Эфесе Иудеям и Еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса” (Деян 19: 17). Результатом этих событий явилось массовое сожжение оккультной литературы — “с такую силою возрастало и возмогало слово Господне” (Деян 19: 20).

Итак, в каждом Действии автор Деяний следует одной и той же модели описания событий. Это хорошо видно из

таблицы основных эпизодов пятого Раздела (см. сс. 364-365), которая поможет нам понять связь между отдельными частями и отношение каждой части к целому.

Примечания

¹ Еще печальнее то обстоятельство, что после официального признания христианства римской империей христианский мир использовал свое политическое влияние для массового преследования, подавления и очернения евреев.

² Как мы уже видели, перед городскими властями в Фессалониках христианам было выдвинуто чрезвычайно серьезное обвинение (Деян 17: 5-9). Но тогда у Павла не было возможности ответить на это обвинение. Однако Лука строит композицию повествования таким образом, что читатель ожидает окончательного ответа на это обвинение в речи апостола перед членами ареопага в конце главы (Деян, глава 17).

ДЕЙСТВИЕ 1

СВЯТОЙ ДУХ И СИЛЫ ТЬМЫ

(Деян 16: 6-40)

Евангелие и “чужие” культуры

Известно, что миллионам людей, в особенности на азиатском континенте, христианство до сих пор представляется религией западного мира, чуждой их мировоззрению и несовместимой с национальным характером. Они могут относиться к ней с уважением, но при этом держаться в отдалении и сопротивляться всем попыткам миссионеров обратить их в христианство. Они считают, что эти попытки наносят оскорбление их собственным национальным религиям и культурам и являются проявлением грубого и высокомерного западного империализма.

Надо сказать, что само христианство отчасти тому виной, так как миссионеры прошлого бывали очень тесно связаны со своей национальной церковью и даже с правительством своей родины, так что у народов других стран складывалось впечатление, что христианское благовествование является орудием западного колониализма. Это впечатление усиливалось за счет того, что миссионерам часто не удавалось разделить проповедуемое ими Евангелие и атрибуты западной культуры, музыки, архитектуры, формы богослужения и все то, что формировалось в западных странах на протяжении многих веков. Поэтому другие народы стали опасаться христианства как чего-то чуждого и могущего подавить их национальный дух.

Разумеется, эти ошибки сегодня признаются. Однако их критика выливается в противоположную крайность. Все

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица основных эпизодов пятого раздела:
ХРИСТИАНСТВО И ЯЗЫЧЕСКИЙ МИР (Деян 16: 6-19: 20)

<p>ДЕЙСТВИЕ 1: Святой Дух и силы тьмы (Деян 16: 6-40)</p>	<p>ДЕЙСТВИЕ 2: Посланный Богом Мессия и полтика, религия и философия языческого мира (Деян 17: 1-34)</p>	<p>ДЕЙСТВИЕ 3: Посланный Богом Мессия и новый народ Божий (Деян 18: 1-28)</p>	<p>ДЕЙСТВИЕ 4: Святой Дух и имя Господа Иисуса Христа (Деян 19: 1-20)</p>
<p>А. ИЗ ФРИГИИ И ФИЛИППЫ <i>1. Из Фригии в Трояду. Муж Македонянин.</i> <i>Водительство Святого Духа:</i> “...[Павел и Тимофей] не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Асии” (Деян 16: 6); “Дошедши до Мисии, предпринимали идти в Вифинию, но Дух не допустил их” (Деян 16: 7) Выделено мной — Д. Г.). Муж из Македонии предстает перед Павлом в ночном видении (Деян 16: 9-10).</p> <p><i>2. Из Трояды в Филиппы. Дом Лидии.</i> В молитвенном доме Господь открывает сердце Лидии, которая внимает словам Павла. “Когда же крестилась она и домашние ее, то прислала нас, говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите и у меня. И убедила нас” (Деян 16: 15).</p>	<p>А. ФЕССАЛОНИКИ И ВЕРИЯ <i>1. Фессалоники и дом Иасона</i> Павел учит в синагоге, что Иисус является Мессией, предсказанным в Святом Писании. Иудеи обвиняют Павла и Силу в том, что они учат тому, что противоречит повелениям Кесаря (Деян 17: 1-9).</p> <p><i>2. Верия: изгнание из синагоги и из города</i> Люди из верийской синагоги “были благомысленные Фессалонских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так”. В результате многие уверовали. Однако в результате происков иудеев из Фессалоник Павел и Сила были изгнаны оттуда (Деян 17: 10-15).</p>	<p>А. ПРЕБЫВАНИЕ ПАВЛА В КОРИНФЕ (1) <i>1. Коринф. Дом Акилы и Прискиллы</i> Указ кесаря косвенным образом позволяет Павлу обрести пристанище в Коринфе. Каждую субботу апостол проповедует в местной синагоге евреям и грекам (Деян 18: 1-4).</p> <p><i>2. Коринф: изгнанный из синагоги, Павел приходит к живущему неподалеку Титу Иусту</i> Павел неустанно проповедует Иисуса как Мессию. Когда же Иудеи начинают противиться и злословить, апостол говорит: “Кровь ваша на главах ваших” и уходит к Титу. Многие жители Коринфа становятся верующими. Господь являет Павлу ночью. И Павел остается в городе, проповедует в течение полутора лет (Деян 18: 5-11).</p>	<p>А. ПРЕБЫВАНИЕ ПАВЛА В ЕФЕСЕ (1) <i>1. Двенадцать учеников Иоанна Крестителя в Ефесе</i> <i>Принятие Святого Духа:</i> “...приняли ли вы Святого Духа, уверовавши?... мы даже и не слышали, есть ли Дух Святый” (Деян 19: 1-7)</p> <p><i>2. Ефес: изгнанный из местной синагоги, Павел училище Тиранна</i> В течение трех месяцев Павел проповедует в синагоге. Однако по просьбам некоторых иудеев ожесточились и стали поносить путь Господень, апостол оставил их и перешел в училище Тиранна, где проповедовал ежедневно на протяжении двух лет, “...так что все жители Асии... слышали проповедь о Господе Иисусе” (Деян 19: 8-10).</p>

Б. В. ФИЛИППАХ

1. Ложное обвинение

Павел изгоняет злого духа из прорицательницы (Деян 16: 16-18). Хозяйка служанки-прорицательницы обвиняют Павла и Силу в том, что они, "будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедают обычаи, которых нам, Римлянам не следует ни принимать, ни исполнять" (Деян 16: 20-21). Павел и Силу бьют палками и заключают в темницу (Деян 16: 22-24).

2. Отправление

Зачотские Павла и Силы не только не приводит к прекращению распространения благодатной вестии, но через божественное вмешательство, проявившееся в землетрясении, вводит к обращению темничного стража и всей его семьи. Страж приводит Павла и Силу в свой дом (Деян 16: 25-34).

3. Итоги

Городские власти вынуждены лично явиться и вывести Павла и Силу из тюрьмы. Затем они просят их покинуть город. Павел и Сила отправляются в дом Лидии, общаются с братьями и оставляют Филиппы (Деян 16: 35-40).

Б. АФИНЫ

1. Неправильное понимание проповеди Павла

Некоторые стоики и эпикурейцы решают, что Павел проповедует двух чужеземных божеств: "Иисуса" и "воскресение" (Деян 17: 16-21).

2. Разъяснение

Павел не проповедует никаких чужеземных божеств. Он проповедует Бога, который является Творцом и Хранителем всего человечества. Все люди произошли от одного, первого, человека, сотворенного Господом. Бог рядом с каждым из нас. Теперь же он "повелевает всем повсюду покаяться". Он "...будет правосудить вселенную... посредством предопределенного Им Мужа". Подтверждением тому служит воскресение Иисуса (Деян 17: 22-31).

3. Итоги

Услышав о воскресении, одни члены ареопага начали насмеяться над Павлом, другие же отнесли к его словам с уважением. Павел покидает верховный афинский суд, но некоторые люди присоединяются к нему и становятся верующими (Деян 17: 32-34).

Б. ПРЕБЫВАНИЕ ПАВЛА В КОРИНФЕ (2)

1. Ложное обвинение

Иудеи обвиняют Павла перед проконсулом Галлионом в том, что апостол "...учит людей чтить Бога не по закону" (Деян 18: 12-13).

2. Опровержение

Проконсул отказывается разбирать дело, поскольку оно имеет чисто богословский характер и потому не подлежит рассмотрению римского суда: "Я не хочу быть судьей в этом" (Деян 18: 14-17).

3. Итоги

Павел отправляется путешествовать и посещает Ефес, Кесарию и Антихию. Отсюда начинается его третье миссионерское путешествие. В это время в Ефес приходит Аполлос. Он проповедует Иоанново крещение, то есть крещение покаяния. Получив наставления от Акилы и Прискиллы, он отправляется в Коринф, где свидетельствует перед Иудеями о том, что Мессия — это Иисус (Деян 18: 18-28).

Б. ПРЕБЫВАНИЕ ПАВЛА В ЕФЕСЕ (2)

1. Попытка злоупотребления

Бог "творил не мало чудес речами Павла", Семеро иудейских заклинателей пытаются изгнать злого духа именем Иисуса, Которого проповедует Павел (Деян 19: 11-14).

2. Оправдание

"Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?" И одержимый духом человек нахинулся на горе-заклинателей, так что они "нагие и избитые выбежали из того дома" (Деян 19: 15-16).

3. Итоги

Имя Господа Иисуса Христа сделалось известным во всем Ефесе. Публично сожжены оккультные сочинения общей ценой в 50000 драмах. "С такою силою возрастало и возмогало слово Господне" (Деян 19: 17-20).

громче высказывается мнение, что стремление обращать людей в христианство противоречит самому духу Христа, что оно заслуживает порицания как форма религиозного фундаментализма, претендующая на то, что она является единственно истинной. Утверждается, что подлинное христианство должно оставить всякие рассуждения об уникальности Христа и вступить в действительно открытый диалог с представителями других вероисповеданий. Подобное утверждение означает признание изначальной ценности всех основных религий, признание ограничений, которые присущи им всем, включая христианство, а также стремление объединиться с другими религиями в совместном поиске высшей истины. Нас пытаются убедить, что только таким образом христианство может завоевать уважение многочисленных народов Азии и Африки и избежать справедливого обвинения в том, что оно является западной религией, которая пронизана желанием Запада господствовать над остальным миром.

Между тем Лука сообщает нам, что, когда Павел и Сила прибыли в Европу для благовествования, первая же встречаемая ими группа европейцев категорически отвергла их свидетельство как раз на том основании, что Евангелие не сочетается с их национальным характером. Единственное различие между реакцией этих европейцев и наших современников заключается в том, что первые критики утверждали, что Евангелие является религией Восточной Азии и не согласуется с западным стилем культуры. Если бы Павел согласился с их оценкой как серьезным аргументом против попыток обращения в христианство людей других культур и вероисповеданий, то он должен был бы тотчас же прекратить дальнейшие попытки евангелизации Европы, упаковать свои вещи и отправиться восвояси.

Жители Филипп, гордясь тем, что их город имеет статус римской провинции, а сами они — римские граждане, были возмущены деятельностью Павла и Силы из-за того, что

“...сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам не следует ни принимать, ни исполнять”

(Деян 16: 20-21).

Последняя часть обвинения, безусловно, не соответствовала действительности, как покажет впоследствии Лука, приводя суждение проконсула Галлиона в Коринфе (Деян 18: 12-16). Первая же часть обвинения соответствовала истине только отчасти: Павел, будучи евреем, в то же время являлся римским гражданином и был равным любому жителю Филипп. Однако ни толпа, ни городские власти не дали Павлу и Силе заявить об этом, если же и дали, то никто не обратил внимания на их заявление. Их избили и бросили в тюрьму.

На самом деле, римляне недолюбливали евреев, о чем мы узнаем из живых описаний римского сатирика Ювенала. Его потрясли их традиции — показавшийся ему варварским обряд обрезания, соблюдение субботы, эзотерический закон Моисея, — которые придавали им особое положение в рамках римской культуры. Ювенала приводил в недоумение их отказ поклоняться каким-либо другим богам, кроме своих собственных. Ничего, кроме презрения, у него не вызывал вид их маленьких молитвенных домов, спрятанных в боковых улочках, столь непохожих на громадные величественные храмы римской государственной религии¹. В Филиппах, в частности, тоже был “молитвенный дом” (или, по крайней мере, место для молитвенных собраний евреев), который часто посещали женщины², и, насколько нам известно, местные жители оставили его в покое, как того требовал римский закон. Однако когда Павел и Сила положили конец деятельности местной прорицательницы, оскорбленная национальная гордость и возмущение жителей Филипп выплеснулись наружу, и в полном противоречии со своими же собственными законами они бросили миссионеров в тюрьму.

Если бы филиппийцы задумались о происходящем, они бы поняли, что национальная гордость и культура не имеют никакого отношения к вопросу об истинности проповеди Павла и Силы. Павел не собирался, как позднее решили афиняне (Деян 17: 18), навязывать им инородный для их культуры культ. Он был также далек от шовинистского насаждения своих национальных богов в Филиппах. Во-

первых, он исповедовал единого Создателя всего человечества, который создал как филиппийцев, так и всякий другой народ. Иудаисты, конечно, верили в Бога-Творца, в отличие от филиппийцев. Но этот Творец не был ни порождением иудеев, ни их национальной собственностью.

*“Неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников?
Конечно, и язычников; потому что один Бог...”*

(Рим 3: 29-30).

Бог един для всех и дает единые для всех народов условия спасения. И, во-вторых, Павел не проповедовал иудаизм, он проповедовал Христа как высшее самооткровение Бога всему человечеству. Религия, первоначально данная Израилю Богом, была чистой и святой. Однако Павел не навязывал другим народам даже эту, богоданную, религию. Современный иудаизм, сохранив многие благородные черты первоначальной религии Израиля, в то же время искажил другие и, кроме того, официально отрекся и отдал на смерть Сына Божия. Некогда Бог будет судить иудаизм за это. Конечно, Павел не пытался проповедовать филиппийцам иудаизм. Поспешим добавить, что если под христианством понимать обширную религиозно-политическую систему, выросшую вокруг имени Христа, называемую иногда христианским миром, то не стоит теперешним христианам и трудиться обращать людей в такое “христианство”. Подобная форма “христианства” нередко содержала и содержит и теперь много такого, что, очевидно, противоречит Духу самого Христа и учению Нового Завета. Бог будет судить и это. И даже более сурово, чем все остальное.

Итак, Павел проповедовал не иудаизм, а единого истинного Бога, Создателя всех людей, и, конечно, он проповедовал не восточное или западное христианство, но — Христа. Более того, призывая людей всех этнических групп и национальностей забыть придуманные человеком божества и языческие представления о вселенной, Павел лишь призывал их совершить то же самое, что суждено было много веков тому назад совершить его предкам. И, разумеется, мы, так называемые западные христиане, открыто призна-

ем, что наши предки тоже поклонялись божествам, созданным человеческим воображением, до тех пор, пока Евангелие не пришло из Азии в Европу, и это побудило их взглянуть в лицо реальности и обратиться к первоначальной вере человечества в единого, самобытного, независимого Творца, а затем преклониться перед Его самооткровением в лице Иисуса Христа.

Во всем этом не было никаких серьезных оснований ни для ущемленной национальной гордости, ни для чувства культурной ущемленности; во всяком случае их было не больше, чем, скажем, оснований у планеты Нептун чувствовать культурную ущемленность в случае, если бы планета Земля пыталась обратить ее в веру в то, что Нептун вращается вокруг Солнца, как и другие планеты. Когда дело касалось сугубо вопросов культуры, то Павел (как нам известно из его собственных сочинений) был одним из самых гибких людей, способных чувствовать себя евреем среди евреев и греком среди греков (1 Кор 9: 19-22). Однако он бы никогда не согласился с утверждением о том, что выбор между монотеизмом и политеизмом зависит от традиционной для данной культуры интерпретации вселенной. Он никогда не согласился бы и с тем, что можно отвергнуть высшее самооткровение Божье в лице Христа на том основании, что оно не согласуется с национальными, этническими или культурными пристрастиями.

Однако вернемся к филиппийцам. Возможно, были и другие причины их неспособности трезво оценивать происходящее. Описывая изгнание апостолом злого духа из прорицательницы, Лука указывает на две характерные особенности язычества. Первая из них абсолютно неприемлема. Вторую можно, по крайней мере, понять и объяснить.

Прорицательница служила у неких господ, которые пользовались ее способностями для получения доходов. Изгнав злого духа из бедной женщины, апостол тем самым лишил предприимчивых дельцов их доходов (Деян 16: 19). Разумеется, те никогда не заявляли о том, что их обида была основной причиной преследования миссионеров, предпочитая играть на предрассудках и чувстве национальной

гордости толпы и городских властей. Однако истинной причиной сопротивления была угроза, которую представляла проповедь христианства для сокращения их денежных доходов. Извлечение денег из религии было позором на протяжении многих веков, и оно остается им и по-прежнему. Не смог избежать этого позора и христианский мир. Недавние разоблачения финансовых махинаций некоторых американских телепроповедников представляют собой лишь очередной пример злоупотреблений с целью накопления огромных богатств и денежного капитала путем использования имени Христа.

Однако изгнание апостолом злого духа, лишившее прорицательницу способности предсказывать судьбу, задело и более тонкую струну язычества: оно лишило многих жителей города источника наставления со стороны потусторонних сил, которого люди страстно желали и которому неукоснительно следовали, поскольку это считалось непременным условием достижения благополучия. Разумеется, они возмутились действиями Павла.

Много ли найдется людей, которые никогда в жизни не испытывали желания узнать, что ждет их в будущем? Это стремление вовсе не обязательно проистекает из праздного любопытства или жадности, которая одолевает людей, играющих в футбольную лотерею. Время от времени мы сталкиваемся с проблемами, от решения которых зависит очень многое как в нашей собственной жизни, так и в жизни других людей. В подобных ситуациях страшно то, что мы должны принимать решения, не зная, к каким последствиям они приведут — к успеху или катастрофе. Поэтому, в принципе, можно понять то, что люди, никогда не знавшие Бога как любящего Отца, не имеющие никакого представления о даруемом Им спасении, прощении, заботе и помощи, не имеющие веры в мудрость Его провидения, и надежды на то, что все происходит на благо любящих Бога, люди, которые ничего не знают о великой конечной цели Божьей, которая придает смысл и целостность всем событиям в жизни, обращаются к миру духов, к оракулам, прорицателям, медиумам, астрологам, чтобы заручиться у них той под-

держкой, которой им недостает. То же самое происходит и с людьми, пережившими тяжелое горе или утрату. Вполне понятно, что те, кому недостает христианской уверенности в том, что "...лучше выйти из тела и водвориться у Господа" (2 Кор 5: 8), могут чувствовать, что их горе невыносимо и доверчиво отнестись к успокаивающей (но на самом деле ложной) информации о судьбе своих близких, которую передают им медиумы.

Многие люди в древнем мире относились к спиритическим сеансам со смешанным чувством недоверия и суеверного страха. "Трезво мыслящие" философы типа эпикурейцев (с которыми мы вскоре познакомимся) полностью отвергали всякую вероятность общения человека с потусторонним миром³. Однако мало кто в древнем мире был таким "трезво мыслящим" философом. Для многих людей, так же как для миллионов наших современников, этот потусторонний мир был реальным. Поэтому, когда христианство, вслед за ортодоксальным иудаизмом, наложило запрет на общение с этим миром, который был отчасти фиктивным, а отчасти слишком реальным, и в то же время злым, опасным, губительным, многие люди должны были возненавидеть христианство за враждебную, "трезвую", пуританскую религию, которая не знает никакого снисхождения и сочувствия к потребностям человека, оказавшегося в страшном водовороте жизни.

Конечно, они были неправы в своей оценке христианства, и истина прямо противоположна ей. Однако, предоставим слово самому Луке, который ясно и подробно изложил свою точку зрения.

Бог и человек

Обращает на себя внимание необычная композиция первого Действия Раздела 5 Деяний святых Апостолов. Повествование посвящено событию, которое с любой точки зрения имело огромное значение для истории церкви, а именно, первому миссионерскому "вторжению" Павла на европейский континент и основанию в результате его деятельности первой церкви. Однако основание христиан-

ской Церкви не является главным предметом повествования. Правда, говорится о том, что после обращения Лидии и темничного стража члены их семей тоже уверовали в Господа (Деян 16: 15, 31, 33-34), но при этом не приводится никаких подробностей. Упоминается также о том, что, когда Павел и Сила вышли из тюрьмы, они отправились в дом Лидии, встретили братьев и ободрили их. И опять же не сообщается никаких подробностей, — например, о числе братьев. Отсюда можно прийти к заключению, что сам Лука, по-видимому, остался в Филиппах, когда Павел с остальными спутниками отправился дальше. Впрочем, нужно очень внимательно вчитаться в текст, чтобы это понять⁴. Здесь говорится лишь, что к тому времени, когда апостол покинул Филиппы, по крайней мере, ядро церкви уже образовалось, однако Лука совершенно не упоминает того, что он, безусловно, знал ко времени написания Деяний, а именно, что ядро разрослось, образовав сильную церковь, которая существенно помогла Павлу в евангелизации как Европы, так и Азии. Вместо описания подробностей этого процесса почти все первое Действие данного Раздела посвящено двум лицам — Лидии и темничному стражу. Значительная часть Действия 1 посвящена обращению Лидии и тому обстоятельству, что Павел и его спутник остановились в ее просторном доме (Деян 16: 6-15). В другой части описывается отнюдь не то, как городские власти вынуждены были прийти в тюрьму и лично вывести на волю Павла и Силу, чтобы затем любезно попросить их удалиться из города (хороша была бы кульминация!) — в центре внимания оказывается обращение темничного стража и его безудержное ликование, когда в полночный час он, “приведши их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога” (Деян 16: 34). Впервые после эпизода с Корнилием (Гл. 10) повествователь уделяет столько внимания подробностям обращения отдельного человека.

Из этого краткого анализа композиции Первого Действия мы можем предположить, что то, что значимо для Луки, значимо и для Бога. Господь любит весь мир. Нельзя ска-

зять, чтобы Он не был озабочен тем, чтобы благая весть завоевала все страны и континенты. Так, из данного Действия мы узнаем, что в результате проповеди Павла в Ефесе все евреи и греки, жители провинции Асия, услышали слово Божье (Деян 19: 10). Однако, когда речь идет о спасении, Господь меряет не континентами или народами, его интересует отдельная личность. Он знает каждого из нас, Ему ведомы тайны нашего сердца, наши чаяния и упования. Известна наша работа, деловые связи, семейные отношения и поездки, Ему понятно, что с нами происходит. Поистине, Он показал

“...предопределенные времена и пределы их [народов] обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его, и не найдут ли”

(Деян 17: 26-27).

Он знает тех, кто Его действительно ищет, и вознаграждает их поиск.

Сложная цепь обстоятельств предваряет знакомство Лидии с Евангелием и ее обращение к Господу Иисусу Христу. Во-первых, это прямое указание Божье, переданное апостолу Павлу и его товарищам (Деян 16: 6-10). Насколько нам известно, когда они отправились в свое второе миссионерское путешествие, у них не было намерения останавливаться в Филиппах. Сперва они только хотели посетить

“... братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне [во время первого миссионерского путешествия — прим. авт.]...”

(Деян 15: 36).

Мы не знаем точно других планов миссионеров. Однако Раздел 5 начинается с сообщения о вмешательстве Святого Духа, запретившего им проповедовать слово Божие в Азии (Деян 16: 6). Этот запрет, как мы убедимся в дальнейшем (Деян 18: 18-21; 19: 1-20), был только временным. Позднее Господь направит Павла нести благую весть жителям Ефеса. Это, предначертанное Господом, благовествование отозвалось во всей Малой Азии. В данный же момент Бог, по-видимому, наметил нечто более неотложное, однако в

чем именно заключалось дело, Павел и его спутники пока не знали. Миновав Фригию и Галатию, они собирались уже отправиться в Вифинию, когда Господь вмешался снова:

“... но Дух [Иисуса] не допустил их”

(Деян 16: 7).

Тогда они решили отправиться в Троаду, но Господь вмешался еще раз.

“И было ночью видение Павлу: предстал некий муж Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам”

(Деян 16: 9-10).

Итак, на протяжении всего лишь пяти стихов говорится о трояком вмешательстве Бога. Естественно возникает вопрос: ради какой великой цели понадобилось это божественное вмешательство? Ответ гласит: ради души и дома некоей Лидии, торговавшей багрянницей в Филиппах. Разумеется, у Господа были и другие цели в Македонии, а затем в Ахаии. Однако первая цель была связана с судьбой Лидии.

Впрочем, у этой истории есть и другая сторона. До сих пор мы слышали об особом вождении Святым Духом, приведшем Павла и его спутников в Филиппы, где, как всегда, апостол отправился сначала к тому месту на берегу реки, где по обыкновению возносили молитвы евреи. Как же там оказалась Лидия, чтобы встретиться с Павлом, услышать Евангелие и довериться Христу? Об этом рассказано в Деян 16: 12-15.

Лидия родилась в Фиатире, знаменитом городе, где производили пурпурный краситель. Город этот находился в древней земле Лидия (Отсюда и имя женщины: лидийка, жительница Лидии). Что же привело ее в Филиппы? Очевидно, торговые интересы. Как и лобому, ей надо было зарабатывать на жизнь, и вполне естественно, что в своем родном городе она выучилась торговле багрянницей. В Филиппах, в римской колонии, было немало людей, достаточно богатых для того, чтобы покупать багрянницу. Надписи указывают, что в городе существовала целая гильдия торговцев этим товаром. Итак, Лидия отправилась

в Филиппы и занялась ввозом и розничной торговлей. Дела ее пошли в гору: к тому времени, когда она обратилась к Богу, у нее уже был дом, достаточно вместительный, чтобы приютить Павла и всех его спутников (Деян 16: 15). Можно не сомневаться в том, что ни одно из этих обстоятельств не было делом случая. Господь, выбирающий, где нам родиться и жить, позаботился о ее рождении, воспитании, выборе профессии, переезде в Филиппы, успехе в торговле, позаботился также и о той роли, которую всему этому предстояло сыграть в евангелизации Европы.

Лидия могла не встретиться с апостолом Павлом. Но каким-то путем она все-таки пришла к вере в истинного Бога (Деян 16: 14). Где это произошло — мы не знаем: в ее ли родном городе Фиатиры или уже в Филиппах. Нам известно, что в Филиппах она посещала определенное место на берегу реки, где иудеи по обыкновению возносили молитвы (возможно, это был лишь прообраз синагоги). Ей были чужды нелепые этнические и культурные предрассудки, присущие римским гражданам города. Именно через евреев она узнала истину, что существует лишь один Бог. Однако женщина дошла до нее не одним лишь умозрительным путем: сердце ее страстно искало живого истинного Бога. Мы видим это по тому, что она неизменно приходила к этому скромному месту молитвы. И трансцендентный Господь, Которому ведомо всякое сердце, увидел ее стремление, услышал ее молитвы и послал апостола Павла и его товарищей, которые и не догадывались о том, что им предстоит долгое, божественным провидением предусмотренное путешествие для встречи с Лидией и утоления ее духовной жажды. Даже большее сделал Господь: Он

“... отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел”
(Деян 16: 14).

Лишь тот, кто пережил подобный опыт, знает, что такое озарение Духа, которое приковывает внимание и наполняет душу интуитивным знанием и уверенностью в том, что верующий слышит слово Самого Бога, обращенное прямо и непосредственно к его сердцу. Ответом Лидии на этот

призыв была вера в Господа Иисуса Христа. Она обрела Бога, Которого так долго искала.

Прежде чем мы закончим рассмотрение этой истории, следует сделать несколько замечаний. Итак, перед нами свидетельство о том, что вера Лидии была подлинной, а ее духовный опыт — истинным. Не успела эта женщина уверовать и принять крещение, как она ясно поняла, что все ее доходы от торговли и, в частности, ее дом, даны ей Господом и должны быть переданы Господу, использованы для распространения Евангелия. Павлу не пришлось внушать ей, что вносить вклад в дело распространения Евангелия — ее долг. Напротив, Лидия сама убедила Павла и его спутников остановиться у нее в доме. “Она бы не приняла отказа”, — говорит профессор Ф. Ф. Брюс⁵. Женщина настаивала на том, что, если они считают ее истинно верующей в Господа Иисуса Христа, то должны согласиться с ее участием в свидетельстве о Господе в городе, а также с тем, чтобы использовать ее дом в целях распространения благой вести в Филиппах, Македонии, Ахаии и дальше. Когда впоследствии Филиппийская церковь неоднократно направляла денежную помощь для продолжения миссионерской деятельности Павла (Флп 4: 15-16), очевидно, что доля Лидии составляла значительную ее часть. Из вышесказанного можно сделать вывод, что Бог осенил Лидию своей благодатью, однако сделал это не только ради нее самой. Он дал ей личное спасение, но так, чтобы она сама стала источником божественной любви для людей.

Существует и другой повод для размышлений. Лука описывает эпизод с Лидией очень подробно, точно так же делает он и в случае с темничным стражем. Но отсюда, конечно, не следует, будто Лука считал происшедшее каким-то исключительным событием. Скорее это был обычный пример божественной деятельности всюду, где по воле Бога оказывался апостол Павел, то же происходит и сейчас везде, куда Бог посылает своих вестников. Лидия искала истинного и живого Бога, и Господь привел в движение небеса и землю для того, чтобы она Его обрела. Творец, Который определил время, Который определил

место жизни нашей, где бы мы стремились к Нему и находили, сойдя на землю и живя среди нас, дал нам такое обетование:

“Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят”

(Мф 7: 7-8).

Природа Божественного наставления

Прежде, чем обратиться ко второму сюжету — рассказу о темничном страже, человеке, к которому Бог проявил большое внимание, прервемся на минуту, чтобы поразмышлять о природе божественного провидения, по крайней мере в том виде, как оно проявляется в этот период жизни апостола Павла и его спутников. Как мы уже заметили, задуманное Павлом путешествие было трижды прервано Господом с тем, чтобы апостол и его соратники в конце концов оказались в Филиппах.

Возникает целый ряд вопросов. Каково соотношение между прямо и ясно выраженной волей Божьей и способностью человека принимать решения, его здравым смыслом, нравственным и духовным чувством и ответственностью за принимаемое решение? Должен ли каждый христианин ожидать наставления Божьего, и если да, то как часто? Каждый день? Принимая любое или, по крайней мере, любое принципиальное решение? Или же лишь иногда? Разумеется, нам следует остерегаться слишком широких обобщений, основываясь лишь на данном опыте апостола Павла и его спутников. Однако определенные принципы прослеживаются довольно четко.

Во-первых, необходимо отметить, Лука нигде не утверждает, что второе миссионерское путешествие Павла было предпринято по непосредственному внушению Святого Духа, как это было в случае с его первым миссионерским путешествием (Деян 13: 1-3), причина же второго путешествия была гораздо прозаичней:

“По некотором времени Павел сказал Варнаве: пойдем опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых

мы проповедали слово Господне, как они живут”

(Деян 15: 36).

Другими словами, они были намерены исполнить обычную пастырскую обязанность по отношению к своим овцам и духовно поддержать обращенных во время их предыдущего путешествия. Для этого им не требовалось особой санкции свыше. Они и без того располагали указанием Божиим о проповедовании евангелия по всему миру, обучении и упасении церкви. Поэтому Господь был вправе ожидать, что они будут исполнять эти обязанности без постоянного прямого вмешательства свыше, покуда Он не призвет их прервать свои труды. Воспользуемся аналогией из современной жизни. Например, британский подданный не должен получать каждую неделю письма от королевы с напоминанием о том, что ему следует заплатить подходящий налог.

Тот же самый принцип относится и ко всем верующим. Бог сообщил нам о нашем великом предназначении: мы должны уподобиться Его Сыну. В соответствии с этой целью Он ясно изложил нам общие обязанности. Мы обязаны любить Господа Бога нашего всем сердцем, всем разумом своим, всей душой своей и всей крепостью своей, а также любить ближнего, как самого себя. Мы должны подчинить царственной воле Божьей все сферы нашей жизни. Нам следует зарабатывать себе на пропитание, любить и заботиться о членах своей семьи, свидетельствовать миру о Господе Иисусе Христе и о божественном пути ко спасению, участвовать по мере наших талантов и возможностей в благовествовании, любить, поддерживать и ободрять братьев-христиан в церкви, повиноваться “власть предержавшим”, платить долги и налоги, делать всем людям добро и т. д. Все это составляет наши постоянные обязанности. Нам не нужно никакого особого указания свыше для того, чтобы их выполнять. Разве нужно матери молить Бога дать ей особое знамение — кормить или не кормить своего ребенка завтраком?

Во-вторых, примечательно то, что указание, полученное Павлом и его спутниками в первых двух случаях (Деян 16:

6-7), носило запретительный и предупредительный характер и повелевало им не отправляться туда, куда они собирались. Поначалу Святой Дух запретил им проповедовать в провинции Асия. Однако в этом запрещении, по-видимому, не было даже намека на то, что им следовало делать. Поэтому, достигнув Мисии, они попытались пойти в Вифинию, но вновь были остановлены Духом Христовым (Деян 16: 7). Они не устремились бы туда, если б знали заранее, что именно им надлежало делать.

Это свидетельствует о следующем: особое божественное наставление вовсе не обязательно приподнимает завесу над будущим. Господь предоставляет нам возможность трудиться изо дня в день, выполняя наши постоянные обязанности; Он вмешивается только тогда, когда направление нашей деятельности входит в противоречие с определенной божественной целью. Даже будучи удержаны от путешествия в Вифинию, миссионеры еще не знали, что им предстоит отправиться в Македонию и Филиппы. Они пошли в Троаду и только там узнали главное божественное указание, которое последовало в форме видения, — что им требуется идти в Македонию. Мы не знаем, сколько времени заняла у них дорога из Дервии в Троаду, но очевидно, что божественное провидение открывалось им далеко не каждый день. Господь не дает нам подробных указаний, потому что в противном случае Его слуги уподобились бы малым детям, которых недостаточно попросить, скажем, выколоть клумбу, но необходимо каждый раз объяснять, где — цветок, а где — сорняк. Господь хочет, чтобы верующие в Него были зрелыми людьми, которым можно доверить принятие конкретных самостоятельных решений в рамках определенных общих регулятивов, но в то же время подчиняющимися Ему, когда Он считает необходимым вмешаться.

Итак, рассмотрим, какие формы принимало это особое наставление и каковы выражения, употребляемые Лукой для его описания. “...Они не были допущены Духом Святым...” (Деян 16: 6) и “...но Дух [Иисуса] не допустил их” (Деян 16: 7) (Слово “Иисуса” дано здесь в квадратных

скобках, так как его нет в Синодальном переводе, но оно есть в переводе, которым оперирует профессор Гудинг. — Прим. ред.) В Новом Завете встречаются места, где определение “святой” употребляется со словом “Дух”, чтобы подчеркнуть природу этого Духа, — например, в 1 Фес 4: 8, где говорится, что те, кто отвергает призыв Бога жить святой жизнью, непокорны “...не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святого”.

В других же отрывках слово “святой” просто указывает, что упомянутый Дух является Духом Божьим, в отличие от других духов. Возможно, так обстоит дело и в предлагаемом отрывке. Однако даже при таком понимании останется неясным чрезвычайно редко встречаемое выражение “Дух Иисуса”. Ясно, чего оно не означает. Оно не означает, что некий человек по имени Иисус умер, однако его дух живет в потустороннем мире, помогая тем, кто нуждается в этом. Это был бы язык спиритизма, теософии и некоторых разновидностей буддизма. Иисус, несомненно, умер. Тем не менее Он жив. Его телесное воскресение из мертвых описано в Деяниях святых Апостолов в предыдущих главах. Поэтому речь не идет о духе, пережившем смерть плоти. “Дух Иисуса” не что иное, как Святой Дух, а назван Он таким образом потому, что Иисус по Своем вознесении послал Святого Духа Божьего в качестве иного Утешителя (Ин 14: 16-17), чтобы Он просвещал и наставлял верующих.

В таком случае Дух Божий, посланный Господом Иисусом Христом, не будет наставлять на что-либо, идущее вразрез нравственной сущности Иисуса Христа, тому, что Он совершал и высказывал во время Своей земной жизни. Святой Дух не является некоей силой вне нравственных норм. Человек на протяжении жизни бывает одержим разными мыслями и побуждениями. Но не все они исходят от Святого Духа, и поэтому нужно подвергать их нравственной оценке, руководствуясь критериями, данными в Новом Завете (Рим 8: 15; 2 Тим 1: 7; 1 Кор 12: 1-3; 1 Ин 4: 1-3). Не последнюю роль в этой оценке занимает следующий вопрос: совместима ли данная мысль или порыв с сущностью, поведением, наставлениями и заповедями Господа

Иисуса Христа? Но даже если наше побуждение исходит от Святого Духа, это не снимает с нас ответственности за принятие решения. Напротив, руководство Святым Духом даже предполагает это.

Вернемся еще раз к наставлению, полученному апостолом Павлом в его ночном видении в Троаде (Деян 16: 9-10). На сей раз оно было позитивным — не запрещение и не предостережение, а приглашение. Иногда в видениях к апостолу обращался непосредственно Сам Господь (см. ниже в этой же части: Деян 18: 9-10). Однако так происходило не всегда, что и подтверждает рассматриваемый нами эпизод в Троаде. Перед Павлом предстал некий муж из Македонии, прося апостола: "...приди в Македонию и помоги нам" (Деян 16: 9).

Павел был бы плохим апостолом, если бы без видений не мог ощутить призыва многих тысяч людей этого огромного, пребывающего во мраке мира. Поэтому смысл видения не был для Павла неожиданным, но яркость картины говорила, что это особое послание Божье. Но даже несмотря на это Павел не сразу пришел к такому выводу. Сначала он обсудил это видение со своими спутниками. Вот как рассказывает об этом Лука:

"После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там"

(Деян 16: 10).

На этом мы прервемся, чтобы подвести итоги сказанному. Но мы еще вернемся к этой теме, когда будем рассматривать еще один опыт наставления Господом, которое помогло Павлу и Силе встретить и привести к вере во Христа еще одну душу, душу темничного стража, охранявшего тюрьму в Филиппах.

Итак, в своих каждодневных делах, живя в чудесном сотрудничестве с Богом, мы обретаем ясный образ конечных целей, а также получаем от Него твердые правила, которые учат нас, как этих целей достичь. Однако, ведя нас к духовной зрелости, Он не ограничивается установлением общих целей и правил, Он позволяет нам принимать

конкретные решения, касающиеся нашей жизни и профессиональной деятельности, с опорой на наш собственный здравый смысл, нравственные и духовные оценки, но под Его неусыпным оком и в свете данных Им конечных целей. Если бы нам не позволялось принимать самостоятельных решений, а вместо этого нас бы постоянно обрывали и подробнейшим образом наставляли, мы так бы и остались младенцами в нравственном и умственном отношении. Однако, когда, в связи с замыслом Божиим или нашими потребностями, требуется Его прямое вмешательство, Господь милостиво вмешивается, давая нам наставление в той или иной форме. Тем не менее, даже его позитивные указания никогда не подавляют наших собственных моральных и духовных решений. Мы не можем уйти от ответственности за грех или нарушение Закона Божьего, сославшись на вмешательство Святого Духа. Господь призывает проверять, исходят ли наши побуждения от Духа Святого, руководствуясь следующим фундаментальным принципом: то, что исходит от Святого Духа, никогда не может противоречить сущности и учению Господа Иисуса Христа.

“Наставление” сил тьмы

Служанка, которую Павел и Сила повстречали в Филиппах, постоянно следовавшая за ними к месту общественной молитвы и обратно, была прорицательницей. Она утверждала, что обладает способностью видеть будущее и может своевременным указанием или советом спасти людей от беды, в которой они непременно окажутся, если по неведению будут уподобляться слепым. Многие жители города, по-видимому, верили ее предсказаниям и прибегали к ее услугам, потому что хозяева ее извлекали из этих предсказаний огромные барыши. Павел заставил ее замолчать и тем самым навлек на себя и на Силу множество неприятностей. Зачем он это сделал?

Во-первых, ее предсказания отличались от тех несуразностей, что печатают в газетах, когда бойкий журналист

берется в двух-трех предложениях предсказать одну и ту же судьбу тысячам своих читателей, родившихся в один и тот же день. Ее пророчества исходили от беса: она была одержима духом прорицательным, сообщает Лука (Деян 16: 16).

Разумеется, среди медиумов и прорицателей древнего мира, было немало шарлатанов. То же мы видим и сейчас. Однако в Библии неоднократно подчеркивается, что наряду с мошенничеством и суеверием существует реальный мир духов: ангелы, верные Богу, и бесы, изменившие Ему. Разумеется, многие — не в последнюю очередь некоторые богословы — отвергают библейское свидетельство о том, что человек не является высшей фомой жизни в сотворенной Господом вселенной, называя это свидетельство примитивным суеверием. При этом, однако, непонятно, почему они одобряют научные исследования, исходящие из предпосылки, что в огромной и загадочной вселенной велика вероятность обнаружения существ с интеллектом, превосходящим интеллект человека, и что поэтому стоит прочесывать внеземное пространство с помощью радиотелескопов в надежде поймать сообщение этих существ. Библейское мировоззрение ни суеверно, ни спекулятивно. Оно содержит свидетельство Человека, Который был и является Богом, воплощением Самого Творца. Согласно этому свидетельству, злые духи существуют, они могут общаться с человеком, и — что самое страшное — могут овладевать им. Отвергая это свидетельство, мы смертельно рискуем.

Пусть так, но даже и в этом случае уместно спросить, почему апостол Павел решил потревожить это осиное гнездо, изгнав злого духа и заставив служанку замолчать. Ведь она объявила своим согражданам, что "...Сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения" (Деян 16: 17). Разве на тех, кто всерьез принимал ее пророчества, не произвело бы впечатления ее благосклонное отношение к миссионерам, побудив их внимать благовестию?

Зачем же настраивать горожан против себя, публично

отвергая сотрудничество со служанкой, ведь, очевидно, что служанка стремилась вести себя миролюбиво и пыталась показать себя экуменически настроенной по отношению к христианству? Начнем с того, что даже если она и хотела сказать людям правду — относительно чего у нас есть сомнения, — спиритизм, по самой своей сути, несовместим с христианством, и говорящий через нее дух был на самом деле враждебен Господу Иисусу Христу. Все авторы Евангелия отмечают, что во времена жизни Господа нашего на земле злые духи, узнавая его, публично восклицали следующее:

“...Знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий”

(Лк 4: 34).

И каждый раз Иисус заставлял их замолкать. Они говорили правду, но они говорили ее из чувства страха, оказавшись лицом к лицу с воплощенным Господом. В них не было покаяния, и, очевидно, что их правдивые признания не были направлены на то, чтобы привести кого-либо к покаянию и вере в Господа Иисуса Христа. Более того, если бы Христос принял свидетельство людей, одержимых бесом, в глазах многих это означало бы, что Он признал за спиритизмом право на существование. То же самое относилось и к служанке в Филиппах, одержимой бесом. Несмотря на то, что сказанное ею было правдой, принятие апостолом Павлом ее свидетельства в глазах горожан означало бы, что он одобряет подобный вид спиритизма. Апостол должен был показать, что источником ее свидетельства был злой дух, который принципиально и непримиримо враждебен Господу Иисусу Христу. Несмотря на внешнее сходство, прорицательница и апостол Павел не имели ничего общего: злой дух, овладевший ею, был посланцем сил тьмы.

Более того, существует серьезное сомнение относительно искренности характеристики, которую она дала Павлу и его спутникам⁶. В еврейской традиции выражение “Бог Всевышний”, безусловно, относится только к единому истинному Господу. Однако в языческом словаре оно относилось просто к любому богу, которого население той

или иной местности почитало величайшим божеством среди других божеств. Именно так, по всей вероятности, и поняли это выражение филиппийцы, потому такое понимание напрочь отрицало ту главную истину, ради провозглашения которой Павел и оказался в этом городе. Кроме того, последняя фраза в характеристике, данной служанкой могла означать не "...которые возвещают нам путь спасения", а "...которые возвещают нам некий путь спасения". Другими словами, служанка, возможно, подразумевала, что Евангелие является не единственным путем спасения, а лишь одним из многих, включая и ее собственный. Неизвестно, вкладывала ли она в понятие "спасение" тот же смысл, что и Евангелие. Ведь с помощью своих пророчеств она тоже предлагала людям спасение, однако под ним служанка подразумевала свою способность заглядывать в будущее, предупреждать людей о тех бедах, которые их ждут, давая советы, какие шаги следует предпринять, чтобы избежать возможных бед.

Исходя из всех этих соображений, Павел изгнал злого духа, показав, что Евангелие занимает бескомпромиссно враждебную позицию по отношению к спиритизму. Однако он сделал это и по другой причине — из чувства сострадания к самой служанке. Спиритизм нанес ей большой вред. Изгнание злого духа обнаружило, что в нее вселилась враждебная сила. Женщина лишилась свободы и уже не принадлежала самой себе. Когда же во время спиритического сеанса она впадала в транс, и злой дух изрекал через нее свои пророчества, вместо ее обычного голоса раздавался странный неестественный звук. (Вот почему впоследствии людей, которыми овладевал злой дух, стали называть "чревовещателями".) Для язычников, которые прибегали к услугам чревовещательницы, это было свидетельством истинности ее пророчеств, потому что они были уверены в том, что они исходят не от нее самой, а от потустороннего источника, и потому язычники готовы были платить огромные деньги хозяевам служанки, имевшим благодаря ей большие доходы. Но каждому, в ком пребывает Дух Христов, такое постороннее вторжение представлялось

абсолютно несовместимым с достоинством, свободой и возможностями раскрытия личности, которые приносит Святой Дух. Павел повелел злему духу выйти из нее “именем Иисуса Христа”. Эти слова не были пустым заклинанием: призывание имени Господа выразило всю меру сострадания, но также и власти Господа Иисуса Христа (Деян 16: 18). Так проявилась Божья забота о священной неприкосновенности человеческой личности.

“Дух, действующий в сынах противления”

Как бы ни был ужасен упомянутый случай чревоуращения сам по себе, он не должен заслонять от нас того факта, что в то время в Филиппах находились и другие люди, которые, может быть, не столь очевидным образом и не при таких драматических обстоятельствах, но в не меньшей степени находились под воздействием сил, которые Господь однажды назвал “властью тьмы” (Лк 22: 53). Павел описывает людей, подверженных силам тьмы, влияющим на их взгляды и поступки, как

“...мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа действующего ныне в сынах противления...”

(Еф 2: 1-2).

Павел использует здесь понятия, близкие тем, которые использовал Христос. Приведем еще одно подобное высказывание.

“Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих, для неверующих, у которых бог века сего ослепил умы, чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога невидимого”

(2 Кор 4: 3-4).

Как бы жестоко ни прозвучал диагноз, но, согласно Новому Завету, сам сатана манипулирует силами общественного мнения, финансовыми интересами, культурными и этническими предрассудками (не говоря уже о грехах

каждого отдельного человека) для того, чтобы ниспровержение благой вести и борьба против благовестников казались разумным и необходимым делом. Именно так и действовал сатана в Филиппах.

Здесь жила молодая женщина, временами терявшая контроль над собой, впадавшая в транс и начинавшая говорить неестественным голосом по мере того, как ею овладевал злой дух, подавлявший ее личность. Павел положил конец этому чревовещанию, в котором проявлялась власть злого духа. Он вернул служанке ее собственное “я”, разум, свободу духа и здоровье. Ей оставалось только радоваться благой вести и прославлять силу Господа Иисуса Христа, которые были причиной ее нового рождения.

Но тут явились хозяева этой женщины. Они сразу же поняли, что источник их доходов иссяк. В зарабатывании денег самом по себе нет ничего порочного. Однако бессердечно использовать припадки близкой к умопомешательству молодой женщины ради получения прибыли — несомненное зло. Возражать против ее выздоровления и возбуждать общественное мнение против Евангелия на том основании, что иссяк доход, — гнусно и бесчеловечно. Поэтому Мамона всегда была и остается бесчеловечным божеством.

Хозяева женщины привели Павла и Силу в суд, хотя, разумеется, они и не думали говорить о том, что их лишили источника дохода. Плата, которую эти господа требовали за прорицания, могла быть столь огромной, что и судьям, и публике составило бы больших трудов вычислить размер потерь. Кроме того, обвинители могли столкнуться с недоверием. В течение многих дней кряду прорицательница уверяла народ, что Павел и Сила являются слугами Всевышнего Бога. Поэтому вряд ли стоило обращать внимание толпы на то, как эти слуги Божьи изменили прорицательницу. Обвинители пошли на хитрость, решив сыграть на расовых и культурных предрассудках римлян, их неприязни к иудеям, чтобы возбудить их злобу против благой вести и благовестников. Культурные и этнические различия сами по себе — вещь прекрасная. Никто из нас не

захотел бы, чтобы все культуры мира поглотила одна, унифицированная и неизменная, культура. Но когда культурные традиции превращаются в предрассудки, они ослепляют людей и уже не могут быть безобидными регулятивами поведения, какими они являются в норме. То же и с этническими различиями. Используемые для разжигания расизма, они превращаются в демоническую силу, в чем мы не раз могли убедиться на примере двадцатого столетия.

Итак, толпу жителей Филипп, как и следовало ожидать, провоцировали к насилию. Однако Филиппы были римской колонией и городские власти призваны были следить за уважением к римскому праву и законности, к правам отдельной личности. Бить римского гражданина до его осуждения судом было категорически запрещено законом, а Павел не только был римским гражданином, но к тому же ни в чем не нарушил закон. Но городские власти столкнулись с возбужденной толпой и не могли или не хотели заступаться за евреев, чья религиозная деятельность расстроила денежные дела римских граждан. Не дав возможности Павлу и Силе заявить о том, что они являются римскими гражданами, городские власти распорядились побить их палками и бросить в тюрьму.

Можно было бы возразить, что каким бы прискорбным и незаконным ни было поведение властей, в данных обстоятельствах оно было вполне естественным. В каком-то смысле это верно, однако подобное поведение естественно только для человеческой природы, искаженной грехом и находящейся под воздействием демонической злой воли. Темница, в которую бросили посланников Христа, послужила своего рода зеркальным отражением власти тьмы, в которую были ввергнуты души горожан, слепых к свету Евангелия. Если кому-то из них и суждено было освободиться от власти тьмы, Богу для этого нужно было разрушить их духовную темницу. Поэтому Господу понадобилось заключить двух своих слуг в реальную, физическую темницу города Филипп.

Триумф над силами тьмы

Публичное обвинение, выдвинутое против Павла и Силы и против их благовестия, было ложным, приговор — несправедливым, а наказание — жестоким. Однако Бог позаботился об их оправдании: приговор был пересмотрен теми же судьями, которые его вынесли, хотя для этого и понадобилось землетрясение.

Впрочем, это еще не все. Клевета на Евангелие последовала от того, что Павел ополчился против спиритизма. Если бы христианство пошло на компромисс со спиритизмом, проповедники смогли бы продолжать благовествовать. Вместо этого их арестовали, и имя Господа Иисуса Христа было подвергнуто публичному поношению. Неужели силы тьмы взяли верх? Более того, если мы проследим за развитием сюжета и увидим, какое значение придается в Действии I Божьему провидению в отношении слуг Господа, естественно возникнет вопрос: “Где же теперь провидение Божье?” Этот вопрос прежде всего может прийти в голову язычнику. Даже в наши дни верующие на Востоке склонны похвалиться сверхъестественными возможностями тех божеств, которым они поклоняются, и описывать удивительные деяния, которые духи способны осуществлять через посвященных⁷. Они свысока смотрят на христиан, не способных совершить что-либо подобное.

Возникает вопрос. Вся книга Деяний в целом, и данный раздел в особенности, изображает христианских миссионеров посланниками и представителями всемогущего Творца, уполномоченными Самим Богом известить весь мир о том, что Иисус является Сыном Божьим. Выполняя эту задачу, посланники находятся под покровительством Самого Святого Духа Божьего. Но когда мы видим, как Павел и его немногочисленные спутники отправляются путешествовать и бредут по просторам Малой Азии, а затем приходят в Европу, где им противостоит бесчисленное множество бродячих проповедников, уличных философов, заклинателей и фокусников — поневоле закрадывается мысль о том, что их миссия представлять всемогущего, великого Правителя вселенной обречена на провал. Да и что еще

остаётся сказать, когда мы видим, что они публично опозорены, избиты и беспомощны, брошены в тюрьму по наущению нескольких нечистоплотных дельцов и из-за расовых предрассудков толпы? Где же их Бог и Его провидение? Для язычника цель божественного провидения заключается в том, чтобы ограждать от бед, а не навлекать их. Но вот, в подтверждение слов христианских миссионеров о том, что проповедуемый ими Бог есть Творец вселенной, начинается землетрясение. Оно действительно было. У нас нет никаких серьезных оснований для отрицания историчности этого события, разве что кому-то наверняка известно, что никакие чудеса невозможны, и потому рассказ об этом чуде следует отнести к области вымыслов.

Однако это не единственный повод для критики. Поводом для критики выступает и литературная сторона повествования. В частности, утверждается, что история ареста, землетрясения и побега из тюрьмы относится к числу расхожих сюжетов, характерных для литературы древнего мира. Например, когда в знаменитой пьесе Еврипида “Вакханки”, бог Дионис в облике молодого человека посещает Фивы, царь Пенфей арестовывает его. Затем начинается землетрясение, которое разрушает темницу, и Дионис спасается бегством. Лука, говорят такие критики, заимствовал свой сюжет из какого-нибудь литературного источника и вставил его в повествование о том, что произошло с Павлом и Силой в Филиппах, ради усиления драматического эффекта⁸. Что же нам остаётся ответить?

Начнем с остроумного замечания профессора Р. Н. Лонгеккера: повествование Луки *не является* рассказом о побеге из тюрьмы⁹! Фактически ведь побега никто не устраивал: ни Павел, ни Сила, ни кто-либо еще из заключенных. Конечно, они могли бы убежать нарочно, но не стали этого делать. Более того, когда тюремный страж решил покончить с собой, думая, что заключенные, которых он обязан был стеречь, разбежались, Павел громко крикнул ему:

“...Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь”

(Деян 16: 27-28).

И тогда тюремный страж

“... потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе. И, выведши их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?”

(Деян 16: 29-30).

“Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой”

(Деян 16: 31).

Так и произошло, — сообщает автор Деяний.

Здесь, таким образом, и заключена суть рассказа: спасение тюремного стража из Филипп и всего его дома, а в особенности — те замечательные средства, которые употребил Господь для спасения и его самого, и всего его семейства. Отсюда мы видим, что, повелев Павлу и Силе отправиться в Филиппы, Бог особо позаботился об обращении трех человек: Лидии, служанки-прорицательницы и темничного стража. Из этих троих легче всего было обратиться Лидию, так как она уже искала Бога Живого и часто приходила в молитвенный дом, где и познакомилась с благовестниками. С прорицательницей дело обстояло сложнее — произошло столкновение со злыми силами мира духов. При этом князь мира сего оказал ожесточенное сопротивление с помощью своих сторонников и добился того, что Павел и Сила оказались в тюрьме. Однако то, что внешне выглядело поражением, на самом деле оказалось особой частью Божьего замысла по привлечению к Себе и спасению тюремного стража. Мы почти ничего не знаем о его прошлом. Вероятно, это был старый солдат, которого после увольнения со службы поставили начальником тюрьмы. Трудно сказать, искал ли он когда-нибудь в своей жизни Живого Бога. Возможно, он был одним из тех, кого имел в виду апостол Павел, приводя слова Господа:

*“Меня нашли не искавшие Меня;
Я открылся не вопрошавшим о Мне”*

(Рим 10: 20).

Страж этот мог слышать слова прорицательницы о Павле и Силе, мог слышать об изгнании злого духа из служанки, мог присутствовать при избииении проповедников. Однако, не исключено все же, что он впервые встретился с ними лишь тогда, когда избитые Павел и Сила были переданы ему со строгим наказом: стеречь пленников крайне бдительно, поэтому страж определил их в особое, наиболее надежное отделение тюрьмы.

Очевидно, не было лучшего способа предоставить темничному стражу возможность выслушать свидетельство миссионеров, чем поручить их под его ответственность. Не было лучшего способа позволить ему осознать потребность в истине Евангелия, чем поколебать землю, что сразу заставило этого простого язычника почувствовать тщету своей жизни и необходимость примирения с богами, вернее, с единым Богом, в чьей власти все земные дела. И не было лучшего способа запечатлеть в его душе истину благовестия, чем столкнуть его лицом к лицу с теми выдающимися людьми, которые ее проповедовали. Приняв пленников, избитых и израненных, темничный страж приказал забить их ноги в колоду, чтобы они мучились всю ночь. А эти люди, освободившись от цепей благодаря землетрясению, не предприняли попытки бегства, но ради спасения его жизни добровольно остались в тюрьме. Для тюремного стража такое поведение арестованных было наилучшим подтверждением подлинности Евангелия и Господа, Которому они служили: он уверовал в Господа Иисуса Христа и получил спасение.

В связи с этим возникает вопрос. Можно ли обращение темничного стража отнести на счет тактики Бога? Ведь всемогущий Бог мог бы мановением руки совершить такое чудо, которое заставило бы и толпу, и городские власти ползать перед Павлом и Силой на коленях вместо того, чтобы избивать и бросать их в тюрьму. Возможно ли, что Бог сознательно поставил Своих посланцев в такое постыдное и унижительное положение, излил на них гнев толпы, оскорбления, несправедливость, насилие, муки физической боли только ради того, чтобы уверовал темничный страж?

Возможно ли, что все эти страдания были посланы ради одного человека и его семейства?

Этот вопрос неизбежно ведет к другому, еще более серьезному: о сущности и степени достоверности самого Евангелия. Проблема состоит в следующем: зачем всемогущий Бог, Творец двухсот пятидесяти миллиардов солнц галактики Андромеда, не говоря уже обо всех прочих галактиках, отдал Своего воплощенного Сына, заранее зная о Его участии, в руки грешных людей, предопределив Ему быть несправедливо осужденным, претерпеть насилие, жестокость и, наконец, мучительную смерть на кресте, — и все это ради какой-то крошечной планеты, или ради темничного стража в Филиппах, или, как каждый может прибавить, лично ради меня? Из всего Евангелия в это, пожалуй, поверить наиболее трудно.

И все же поверить в это можно. В борьбе Бога со властью тьмы не ставится вопрос: “Кто располагает большей властью?” или: “Кто сотворит большее чудо?”. Ответ очевиден: разумеется, Всемогущий Господь. Многие преклоняются перед властью, полагая, что окончательное решение всякого вопроса достигается обладанием наибольшей властью. Однако это не так. Со времен Эдема суть противостояния состоит в том, что сатана поставил под сомнение не власть Бога, но Его любовь. С тех самых пор клевета эта проникла в души сынов рода человеческого и она дает тьме власть над душой человека. Спор этот нельзя в принципе решить проявлениями чудесной силы, какой бы великой она ни была. Сила могла бы, разумеется, заставить род человеческий пасть на колени от ужаса или открыть рот от изумления, однако само по себе всемогущество Божье ни при каких обстоятельствах не способно отвратить сердце человека от подозрительности, непокорства, гордыни и боязни любить Господа, доверять Ему, благодарить и слушаться Его. Это может сотворить лишь всемогущая Любовь. И Голгофа стала тем местом, где эта безграничная любовь была явлена убедительнейшим образом.

После мученической смерти Христа случилось землетрясение и удивительное воскресение, доказавшие, что

Пострадавший на кресте в самом деле был воплощенным Богом. Именно Страдания Иисуса ведут к примирению наших сердец с Богом. Лука утверждает, что землетрясение в Филиппах было актом божественного провидения, ибо разбило узы проповедников, чтобы те смогли успешно донести евангельскую истину до темничного стража и его семьи. Это, безусловно, замечательная история. И, если основное содержание Евангелия истинно, то по сравнению с ним даже землетрясение, произошедшее по воле Божьей, — сравнительно незначительное событие.

Но остается вопрос: какое право имел Господь подвергать Павла и Силу таким страданиям, хотя бы и ради спасения тюремного стража? Надо сказать, что сами они при этом не жаловались. Лука сообщает нам, что в полночь Павел и Сила, избитые и израненные, с ногами, забитыми в колодки, молились и славили Бога (Деян 16: 25). Насколько можно верить этому сообщению? Предоставим слово самому апостолу Павлу. Несколько лет спустя, снова оказавшись в тюрьме, он решает написать послание христианам города Колосы. Павел напоминает им о радостной обязанности благодарить Отца,

“избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов...”

(Кол 1: 13-14).

Далее, в том же послании, апостол добавляет:

“Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его...”

(Деян 1: 24).

Если бы темничному стражу в Филиппах довелось читать это послание, то, дойдя до этих слов, он живо припомнил бы ту незабываемую ночь, когда, выведя Павла и Силу из тюрьмы, омыл их раны, привел к себе в дом и

“...возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога”

(Деян 16: 34).

Таков истинный Бог. Такова Его благая весть. Таковы

Его истинные и верные вестники.

Итоги

Обращение тюремного стража и его семьи явилось исполнением Божьего замысла, связанного с посещением Филипп апостолом Павлом. На следующий день городские власти попросили апостола и его спутников оставить город, что они и сделали.

Правда, они не согласились тихо уйти через черный ход, как хотели бы того городские власти. Последние нарушили закон, подвергнув Павла и Силу избиению и тюремному заключению без суда и следствия. Подобное обращение с римскими гражданами было серьезным нарушением, и если бы у проповедников достало желания и денежных средств привлечь обидчиков к ответу, у городских властей были бы серьезные неприятности.

Однако у Павла и Силы таких средств не было, да и если бы были, вряд ли бы они стали судиться. Какой был для них в этом прок? Они не жаждали мести, а если бы и так, они понимали, что тяжба еще больше бы настроила римских граждан против благой вести, а значит, против возможности спасения. Это способствовало бы также углублению их предубеждений как против евреев, так и против христиан.

Проповедники предпочли не упорствовать и не требовать, чтобы их оставили в городе, ибо это привело бы лишь к возобновлению протестов. Новообращенные христиане (как и Тимофей) уже могли уверенно стоять на ногах и спокойно, но энергично проповедовать среди граждан Филипп, что они и делали, если судить по посланию к ним апостола Павла.

Поэтому Павлу и его спутникам лучше было покинуть город, хотя апостол и добился того, что городские власти лично пришли в тюрьму и вывели их на волю. Подобная тактика была выбрана совершенно сознательно. Она заставила городские власти в присутствии темничного стража признать незаконность своих действий, и то, что этот факт стал известен городским служителям (Деян 16: 35-38) и

новообращенным христианам, без сомнения, должен был удерживать городские власти от дальнейших преследований христиан, по крайней мере, на некоторое время. Ради спасения других Павел был готов понести незаслуженное наказание и не взывать к мести. Он делал все от него зависившее, чтобы избавить новообращенных от ненужных преследований.

Примечания

- ¹ См.: Ювенал. САТИРЫ III, 14, 296; VI, 543; XIV, 96, 103.
- ² Молитвенные собрания проводились на берегу реки, вероятно, потому, что в городе было недостаточно мужчин-иудеев для организации настоящей синагоги.
- ³ Стойки же, напротив, считали, что раз вселенная представляет разумно организованное целое, можно делать заключения относительно грядущих событий, исследуя отклонения от нормы в форме печени жертвенных животных или наблюдая за полетом птиц.
- ⁴ Впервые местоимение “мы” употребляется в Деян 16: 10, в последний раз в анализируемом фрагменте — в Деян 16: 16.
- ⁵ F. F. Bruce, THE BOOK OF THE ACTS, New International Commentary on the New Testament (Grand Rapids, MI: Wm B. Eerdmans, 2 1988), p. 310. [Ф. Ф. Брюс. Книга Деяний святых Апостолов. Новый международный комментарий текста Нового Завета].
- ⁶ Интересный анализ этого вопроса см. в: Paul R. Trebilco, PAUL AND SILAS ‘SERVANTS OF THE MOST HIGH GOD’ (ACTS 16: 16-18), Journal for the Study of the New Testament 36 (June 1989), pp. 51-73 [Пол Р.Требилко. Павел и Сила — “рабы Бога Всевышнего” (Деян 16: 16-18)].
- ⁷ Как, например, во время фестиваля Тайпусан в Малайзии.
- ⁸ В подтверждение своего предположения они заявляют, что если изъять отрывок Деян 16: 25-40, то читатель не заметит никакого пробела в повествовании. Однако то же самое можно проделать и с тысячами отрывков из различных повествований. Это ровным счетом ничего не доказывает. Кроме того, если вы захотите изъять эпизод с описанием чуда из какой-то книги, то вы, как правило, сможете найти для этого благовидный литературный предлог. См. об этом: С. J. Hemer, THE

BOOK OF ACTS IN THE SETTING OF HELLENISTIC HISTORY, ed. Conrad H. Gempf (Tübingen: J. C. V. Mohr, 1989), pp. 442-443. [Дж. Хемер. Деяния святых Апостолов в свете истории эллинизма].

⁹ R.N. Longenecker, THE ACTS OF THE APOSTLES. In: Frank E. Gaebelin (ed.), The Expositor's Bible Commentary, vol. 9 (Grand Rapids, MI: Zondervann, 1981), p. 464 [Р. Н. Лонгенеккер. Деяния святых Апостолов. В кн.: Комментарии к Библии / Под ред. Франка Гебелена].

ДЕЙСТВИЕ 2
ПОСЛАННЫЙ БОГОМ МЕССИЯ
И ПОЛИТИКА, РЕЛИГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ
ЯЗЫЧЕСКОГО МИРА
(Деян 17: 1 - 34)

В Действии 2 пятого Раздела Деяний святых Апостолов описываются посещения Павлом Фессалоник, Верии и Афин. Лука объединил эти события не только потому, что они происходили последовательно одно за другим, но также и потому, что их сближает общая тема: ответ Господа на вопрос, который мучил человечество со времен Эдема, — речь идет о проблеме зла. Разрешение этой проблемы по-прежнему требует от человека немалых усилий, разума и терпения. В некоторых областях был достигнут несомненный успех. Однако нигде он не оказывался всеохватывающим и очень редко он был постоянным. Зло, независимо от того, проявляется ли оно в общественной жизни или частной, похоже на дракона: стоит отсечь ему одну голову, как тотчас же вырастает другая. Государственные институты и организации, которые сами призваны сдерживать зло, оказываются зачастую зараженными этим злом. И в некоторых случаях вместо того, чтобы излечивать социальные болезни, только усиливают их. Глобальные теории общества типа системы Платона — в древности, или Маркса — в Новое время, тоже не могут не вызывать недоверия: когда поборникам этих теорий представлялась возможность воплотить их в жизнь, обещанные утопии оборачи-

вались вопиющей несправедливостью и миллионами жертв. Да и само Священное Писание предупреждает нас о том, что всеобщий мир и покой на земле достигим только тяжелой ценой — ценой утонченного, но от этого не менее отвратительного, порабощения человеческого духа¹. Должны ли мы, исходя из всего сказанного, сделать вывод о том, что зло есть и всегда будет неискоренимой, пусть иногда и сдерживаемой, чумой, вечным источником страданий на земле?

“Нет”, — говорит нам Господь, — “зло будет искоренено в результате установления Царства Моего Мессии”. Лука уже подробно описывал замысел установления этого царства (см. в особенности Раздел 1), сейчас ему нет никакой необходимости давать это описание еще раз. Теперь Лука повествует об ошибочных представлениях, существовавших в язычестве относительно христианского учения о Царстве Мессии. Властям города Фессалоник было сказано (к сожалению, какими-то иудеями), что христианская благая весть представляет собой, якобы, политическую программу, направленную на разрушение римского государства. В Афинах же у некоторых людей, впервые услышавших проповеди Павла, сложилось впечатление, что он стремится добавить культ двух новых, чужеземных и довольно странных богов к их уже и без того обширному собранию религиозных культов, философских систем и политических теорий, которые афиняне с их ярко выраженной жадой познания создали для того, чтобы объяснить вселенную и помочь человечеству разрешить проблему зла. Лука посвящает все Второе Действие тому, чтобы развеять заблуждения и ошибки фессалоникийцев и афинян.

В первой половине Действия 2 (Деян 17: 1-15) Лука показывает, что неправильное понимание христианской благой вести явилось результатом неверной реакции некоторых иудеев в Фессалониках на изложение Павлом смысла христианских упований. Беседуя с иудеями в синагоге, Павел не мог не использовать понятия “Мессия”, поскольку, несмотря на определенные разночтения, оно было широко известной частью иудаистского религиозного лек-

сикона. По той же причине Павел не мог не обращаться к Ветхому Завету. Подробно и убедительно цитируя Писание, он стремился показать, каково христианское понимание Божьего замысла утверждения царства Мессии на земле.

Во второй части Действия 2 (17: 16-34) рассказывается о том, как Павел излагал смысл христианских упований афинянам. Разумеется, содержание этой проповеди не отличалось от содержания проповеди в Фессалониках, но на сей раз слушатели были язычниками, никогда не читавшими Ветхого Завета и не знакомыми с его понятиями. Поэтому в своей речи перед афинянами апостол не упоминает ни об Иисусе как Мессии, ни об установлении Его царства. Вместо этого он выбирает другое понятие Ветхого Завета, которое язычники могли легко понять — он провозглашает Иисуса как Мужа, предопределенного Господом, чтобы творить праведный суд над вселенной (Деян 17: 31).

Подобное различие при изложении одной и той же идеи было очень умным шагом со стороны Павла. Мы же как современные язычники, располагающие только коротким изложением речи Павла перед ареопагом, тоже должны проявить свой ум и понять, что Павел, будучи иудеем, прибегает к ветхозаветной терминологии, в частности, использует выражение “праведно судить вселенную”. Для современного человека слово “судья” обозначает либо чиновника, в обязанности которого входит председательство во время судебного процесса, либо арбитра спортивных соревнований. Поэтому, когда современный человек узнает, что Христос назначен праведно судить вселенную, перед его мысленным взором может предстать такая картина: звучит финальный свисток, оповещающий о прекращении всей деятельности человека на земле, матч закончен, стадион опустел, игроки покидают поле (все, а не только те, кто был оштрафован во время игры за неспортивное поведение, или запасные игроки). Теперь участникам состязаний будут выданы призы, а некоторым из них — определены штрафы и другие виды наказаний за нарушения

правил во время матча, закончившегося навсегда.

Подобная картинка была бы слишком большим упрощением смысла выражения “праведно судить вселенную”. Чтобы понять его правильно, мы должны обратиться к исторической реальности, которая за ним стоит.

В древнем Израиле судьями называли людей, которые не только судили своих соотечественников, строго взыскивая с них за грехи, призывая грешников к покаянию и следя за исполнением закона. Они также боролись с внешними врагами Израиля, побеждая их и избавляя Израиль от рабства. Помимо этого они в течение многих лет управляли народом и блюли закон. Так, например, мы читаем, что

“...восстал для спасения Израиля Фола... был судьёю Израиля двадцать три года”

(Суд 10: 1-2);

“Иеффай был судьёю Израиля шесть лет”

(Суд 12: 7),

тогда как

“...был Самуил судьёю Израиля во все дни жизни своей”

(1 Цар 7: 15).

Само выражение “праведно судить вселенную”, которое использует Павел в своей речи перед членами афинского ареопага, — это цитата из Ветхого Завета, которая в контексте звучит следующим образом:

*“Скажите народам: Господь царствует!
потому тверда вселенная, не поколеблется.
Он будет судить народы по правде.
Да веселятся небеса, и да торжествует земля;
да шумит море и что наполняет его.
Да радуется поле и все, что на нем,
и да ликуют все деревья дубравные
пред лицом Господа; ибо идет,
ибо идет судить землю.
Он будет судить вселенную по правде,
и народы — по истине Своей”*

(Пс 95: 10-13).

Или еще:

*“Восклицайте Господу, вся земля;
торжествуйте, веселитесь и пойте.
Пойте Господу с гуслиами,
с гуслиами и с гласом псалмопения.
При звуке труб и рѳга
торжествуйте пред царем Господом.
Да шумит море и что наполняет его,
вселенная и живущие в ней;
Да рукоплещут реки;
да ликуют вместе горы
пред лицом Господа; ибо Он идет
судить землю.
Он будет судить вселенную праведно
и народы — верно”*

(Пс 97: 4-9).

Каким бы расширительным смыслом ни обладал язык метафор, но за всеми этими яркими образами — земли, рек, морей, полей и лесов, которые поют от радости и рукоплещут, — никак нельзя увидеть той картины Страшного Суда, когда

*“...небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись,
разрушатся, земля и все дела на ней сгорят”*

(2 Пет 3: 10),

и земля, и небо не устоят в присутствии Судии (Откр 20: 11). Пусть приведенная выше аналогия между Судом Господним и спортивным состязанием груба и, безусловно, неадекватна, мы воспользуемся метафорой спортивной игры еще раз. Смысл обсуждаемого библейского текста, используя эту метафору, можно интерпретировать следующим образом. Земля ликует, видя, что, хотя все другие судьи потерпели неудачу, грядет Верховный Судья, чтобы игра продолжалась согласно правилам до самого конца или пока она не будет перенесена на другие поля. Таким образом, в этом тексте передается ликование земли по поводу установления царства Мессии, Христа, когда Господь будет судить вселенную “по правде”.

Разумеется, установление этого царства начнется суро-

вым судом. Для описания дальнейшей картины воспользуемся фрагментом из Ветхого Завета:

*“И произойдет отрасль от корня Иессеева,
и ветвь произрастет от корня его;
И почиет на нем Дух Господень,
дух премудрости и разума,
дух совета и крепости...
и будет судить не по взгляду очей Своих,
и не по слуху ушей Своих решать дела.
Он будет судить бедных по правде,
и дела страдальцев земли решать по истине;
и жезлом уст Своих поразит землю,
и духом уст Своих убьет нечестивого...
Тогда волк будет жить вместе с ягненокм,
и барс будет лежать вместе с козленком...
Не будут делать зла и вреда
на всей святой горе Моёй...”*

(Ис 11: 1-9).

Это выразительное описание, конечно, представляет собой поэтическую метафору. Однако, как и всякая хорошая поэзия, оно направлено на описание жизни. Она воспеваает жизнь мира, в котором будут царствовать справедливость и покой,

*“...ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды
наполняют море”*

(Ис 11: 9).

Таким образом, смысл христианских надежд и упований остается тем же, независимо от того, кому он проповедуется — евреям или язычникам. Он заключен в обетованиях Ветхого Завета, которые исполнятся Христом. Однако, вопрос заключается в том, как и когда они будут исполнены, и какое отношение эти упования и надежды имеют к нашему современному, преимущественно языческому, миру, к его политике, религиозным и философским системам.

Чтобы ответить на этот вопрос, давайте обратимся к тому, как излагал смысл христианского упования Павел в синагогах Фессалоник и Верии.

Божий Мессия и политика а языческом мире: проповедь Павла в Фессалониках

Евреи, современники Павла, как напоминает нам еврейский ученый профессор М. А. Фишбейн², спорили о личности Мессии, Кем Он был и что делал. В частности, они, подобно христианам, обсуждали, повлечет ли приход Мессии наступление покоя и справедливости в этом мире, или это произойдет после разрушения этого мира, в новых небесах и на новой земле, или это произойдет последовательно, в обоих мирах³. Однако при всех различиях в интерпретации, большинство соглашалось с тем, что окончательным авторитетом в этом вопросе было и остается Священное Писание.

Ортодоксальный иудаизм по-прежнему стоит на этой позиции, тогда как либеральный иудаизм, придерживаясь библейского смысла надежд и упований на будущее, по-видимому, отвергает библейские средства его достижения. Вслед за Вавилонской Аморой, Рав, последователи либерального иудаизма утверждают, что “Все предсказанное уже совершилось; теперь все зависит от покаяния и добрых дел”. Иными словами, по их мнению, все конкретные предсказания Ветхого Завета о личности Мессии уже исполнились в прошлом. Что касается будущего, то апологеты либерального иудаизма

“сохраняют надежду на наступление “мессианского” века в широком смысле искупления человечества, однако больше не верят, что это произойдет внезапно, при драматических обстоятельствах, чудесным, сверхъестественным образом, через посредство одной личности (Мессии). Они полагают, что это будет происходить медленно, постепенно, через последовательные духовные усилия, моральную борьбу и социальные реформы, затрагивая каждого человека и каждый народ... Это всеобщее упование выражается в таких молитвах: “Доверяясь Тебе, Господи, Боже, мы надеемся вскоре увидеть славу Твою, когда ложные боги перестанут занимать место в сердцах людей и мир станет более совершенным благодаря Твоему верховному правлению, когда все человечество призовет имя Твое и, оставив зло, обернется к одному Тебе... Тогда Господь

станет Царем по всей земле. В тот день Господь будет един, и у Него будет одно имя”... “Не будет бушевать насилие, и зло исчезнет, как дым. На земле придет конец тираниям, и только Ты, наш Господь, будешь царствовать над творением Своим”⁴.

Когда Павел отправлялся в синагогу города Фессалоник, чтобы объявить там, что Иисус — Мессия, из-за различных толкований текстов, говорящих о Мессии, он должен был доказывать не одно положение, а целых два. Прежде всего, апостолу предстояло показать, что, согласно обетованию из Ветхого Завета, Мессия — кем бы он ни был — должен был пострадать и затем воскреснуть из мертвых. И лишь потом он мог приводить факты, связанные с жизнью, смертью и воскресением Господа Иисуса Христа и, сравнив их с библейскими обетованиями, продемонстрировать, что Мессия, предреченный пророками, и был тем Иисусом, Которого он проповедовал (Деян 17: 1-3).

Нет нужды вновь обращаться к тем местам из Ветхого Завета, которые должен был цитировать Павел для доказательства первого положения: Лука давно уже привел их, рассказывая о проповедях Петра и Павла. Нам остается сделать выводы, следующие из того факта, что смерть и воскресение Мессии были частью библейских обетований об установлении царства Мессии.

Прежде всего рассмотрим в этом контексте страдания Мессии. Во времена Христа считалось, что Царство Мессии будет установлено посредством определенного Богом военачальника и политического деятеля, который поднимет израильский народ на вооруженное восстание против римских завоевателей и тем самым положит конец иноземной тирании, поборам и жестокостям и сделает Израиль свободным в политическом и экономическом отношениях. Такой взгляд неоднократно приводил к восстаниям против Рима. Очередная попытка сбросить иноземное иго имела место в 66 г.н.э. Затем она повторилась в 131-132 гг., когда раби Акива провозгласил Мессией некоего Бар Кохбу⁵, человека, объявившего войну Риму от имени своего народа. Под его руководством Иудея на время обрела независимость, однако вскоре за этим последовал сокрушительный

разгром.

Многие, в том сами апостолы, поначалу считали, что Иисус станет именно таким Мессией. Они полагали, что Его заявление “Царство Божие приблизилось” является политическим манифестом, и что недалек тот день, когда Иисус возьмет в руки политическую власть в государстве, изменит политическую систему и свергнет римских правителей. Именно это, не подвергавшееся сомнению, допущение помешало апостолам понять настойчивое утверждение Христа о том, что Он как Мессия, должен пострадать, как и сказано о том в Священном Писании. Это утверждение разом перечеркивало политическую интерпретацию Его мессианства. В дальнейшем, к ужасу и разочарованию апостолов, Он запретил им употреблять оружие как ради защиты Его Самого, так и ради учреждения или защиты Его Царства. Иисус пояснил римскому прокуратору:

“Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда”

(Ин 18: 36).

Более того, Иисус настаивал, что страдания Мессии не просто подразумевают, что Его одолеют враги, и Он будет страдать, умрет, но затем воскреснет снова и поведет Израиль на восстание против римского императора Тиберия и его преемников. Иисус указывал, что Его царство сначала будет установлено путем проповедования Его слова в этом мире. Что же касается зла, то Он не собирается использовать Свою силу как исполнителя божественного приговора, чтобы искоренять его до конца века (Мф 13: 24-29, 37-43). Впоследствии Его апостол Петр, наученный горьким опытом, будет увещевать своих братьев во Христе:

“Итак будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, — ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей... Ибо что за похвала, если вы терпите,

когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу, ибо вы к тому призваны; потому что и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его: Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его; будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному”

(1 Пет 2: 13-15, 20-23).

Вот первое, что Павлу потребовалось объяснить в своей проповеди в синагоге Фессалоник. Некоторые из иудеев уверовали и присоединились к Павлу и Силе. За ними последовали и многие чтущие Бога эллины и немало знатных женщин (Деян 17: 4). Позднее они образовали ядро христианской общины. Однако, по свидетельству Луки, большинство иудеев отреагировало совершенно иначе. Они собрали толпу, возмутили ее и повели ее в дом некоего Иасона, где они ожидали найти проповедников. Не найдя их там, они схватили Иасона и нескольких других братьев и повели их к городским властям, крича:

“...Эти всесветные возмутители пришли и сюда, а Иасон принял их; и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса”

(Деян 17: 6-7).

Павлу так и не представился случай ответить на эти обвинения. Иасон уверил городские власти, что апостол немедленно покинет город, что он и сделал. Нам тоже не имеет смысла тратить время на опровержения этих обвинений — настолько очевидными искажениями христианской благой вести они являются. Они не имеют также ничего общего с тем, как излагал ее апостол Павел. Урок, который мы можем извлечь для себя из этой истории, заключается в том, что мы сами должны толковать Евангелие таким образом, чтобы не давать повода для обвинений, подобных приведенному выше. Это, однако, не означает, что мы не можем благовествовать в атеистическом государстве только из-за того, что Евангелие идет вразрез с официальными государственными установками. Но это тем не менее означает, что сама благая весть не может быть использована

как орудие политического переворота или вооруженного восстания. То, что проповедники Нового Завета и новозаветные писатели не призывали христиан примыкать к восстаниям против жестоко преследовавшего их императора Нерона, например, к восстанию, поднятому против него евреями в 66 г. н.э., объяснялось отнюдь не их осторожностью. Причина тому — само содержание, дух Евангелия.

Павел утверждал, что заключенный в Священном Писании замысел установления царства Мессии предполагал не только смерть Мессии, но и Его воскресение из мертвых. Коротко остановимся на том, какое значение имеет это телесное воскресение для понимания обсуждаемого вопроса.

Во-первых, оно означает, что Господь не оставил нашу землю как бестелесный дух, удалившись в некое чисто духовное царство. У Него по-прежнему есть тело, пусть и прославленное, но все же — физическое, подобное тому, каким Он обладал во время Своего пребывания на нашей земле. Как мы уже говорили выше, Его телесное воскресение имело большое значение для всей материальной вселенной. С этого воскресения началось всеобщее восстановление. Между христианами ведутся споры о том, каковы этапы этого процесса. Однако можно смело утверждать, что божественный замысел упрочения царства Мессии распространяется и на нашу землю. Земля, Его творение, ныне изнемогающее от страданий, будет освобождено от рабства тления. Страдания прекратятся, отчаянию и обреченности будет положен конец (Рим 8: 20-22). В Библии сказано, что даже в вечности будут существовать обновленные земля и небо. Господь выражает Свои цели всегда в материальной форме: это гарантируется тем, что Он вечно сохраняет Свою человеческую природу, в том числе и человеческое тело. Вспомним, что в своем последнем видении вечного города Иоанн лицезреет его не удаляющимся от земли в какие-то нематериальные сферы, а спускающимся с неба на землю (Откр 21: 2).

Во-вторых, как отмечает Лука в предшествующем

повествовании, за телесным воскресением и вознесением Христа последует Его телесное возвращение. В Новом Завете постоянно подчеркивается, что Господь Иисус Христос придет опять: не просто верующие люди однажды встретятся с Ним где-то на небесах, Он сам вернется к нам опять. Мы выхолащиваем язык Нового Завета, если полагаем, что Его возвращение заключается в том, что Он остается там, где Он пребывает, а приходим к нему мы сами. Однако, земля, на которой Он был распят, еще не видела Его последнего возвращения (Откр 1: 7).

В-третьих, смерть и телесное воскресение нашего Господа, как Павел написал впоследствии в своем Послании к Фессалоникийцам, дают твердую уверенность в том, что верующие, умершие до Его второго пришествия, не будут лишены радости жить в грядущем царстве Мессии. Павел говорит об этом так:

“Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним... Потому что Сам Господь... сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем”

(1 Фес 4: 13-17).

На мой взгляд, это имеет огромное значение для каждого человека. Настоящий марксист призван сражаться и, если понадобится, отдать жизнь ради грядущего золотого века, который ему (ей), по определению, никогда не суждено увидеть. Тогда что же такое этот марксист, если не слепое орудие эволюции, в которую он верит и которое по достижении цели отбрасывается как ненужное? То же самое можно сказать и о либеральных иудаистах, многие из которых не просто сомневаются, но практически не верят в бессмертие души и жизнь после смерти⁶. Как мы уже говорили выше, их представления о грядущем веке Мессии достаточно возвышенны. Но перспективы достижения этого века, если исходить из данных истории, весьма туманны,

так как ставятся в зависимость от действий отдельных людей и целых народов. Но, если разделяющим подобные идеи, тем, кто работает, молится и приносит жертвы ради их торжества не суждено никогда не увидеть плоды своих трудов, тогда кем же являются такие люди? Маленькими существами, живущими и умирающими, чтобы построить коралловый остров, предназначенный для счастливых, придущих через многие десятки тысяч лет спустя? Христианство дает человеку более радостные перспективы.

И, наконец, в библейском замысле установления царства Мессии есть еще один момент, который мог быть истолкован иудеями Фессалоник как, якобы, завуалированная атака на римского императора. Находясь в Фессалониках (2 Фес 2: 5), апостол Павел говорил, что, когда Господь Иисус Христос явится в сиянии Своей божественной славы, Он будет судить мир по справедливости, в строгом значении слова “судить”. Зло будет низложено, плевелы вырваны с корнем и уничтожены. “Сын погибели”, это воплощение человеческого тщеславия и непокорности Богу, будет свергнут вместе со всеми теми, кто не знает Бога и не прислушивается к благой вести о нашем Господе Иисусе Христе (2 Фес 1: 7-10; 2: 8-12).

Павел описывает “сына погибели” как

“... того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих”

(2 Фес 2: 9-10).

Было бы нелепо утверждать, что описание Павла относится к его современникам — римскому императору Клавдию или даже к преемнику последнего, Нерону. Никого из них даже не подозревали в совершении чудес ради отращения людей от христианской благой вести! Их предшественники, Август и Тиберий, даже издали особые распоряжения, запрещающие астрологам и гадалкам прибегать к помощи своего искусства для предсказания судеб императоров или империи. И это вполне понятно. Если бы кто-нибудь предсказал смерть императора в ближайшем году, это могло бы подстегнуть политических противников форси-

ровать это событие. Но даже в том случае, если Павел имел в виду правившего тогда императора, никто, даже христиане не могли воспринять его слова как призыв к восстанию против кесаря или к попытке его сместить. Когда придет Мессия, чтобы низложить зло и установить Свое правление, Он явится не как своего рода сверхъестественный Бар-Кохба, или Че Гевара, или Александр Македонский в божественном обличье. Он придет не для того, чтобы конкурировать с существующей светской властью. Он явится воплощенным Господом, Сыном Властелина Вселенной. Он поступит со светскими властями так, как они того заслужили. И утверждать это не является со стороны христиан изменой своему правительству.

Божий Мессия и политика языческого мира: Павел в Верии

Проповедь Павла об Иисусе как Мессии вызвала резко враждебную реакцию некоторых иудеев в Фессалониках. В некотором смысле такая реакция понятна. Ведь апостол предлагал не слегка видоизмененную трактовку какого-то второстепенного этического вопроса. Его проповедь была посвящена Иисусу как Мессии, predetermined Богом судить мир “по правде”, чье второе пришествие будет означать суд над всеми людьми. Каким бы религиозным человек ни был, “решение” Суда будет зависеть от того, принял ли он Евангелие и послушен ли он ему (2 Фес 1: 8).

Со всей решительностью Павел заявляет, что религия, пусть даже искренняя, но отвергающая благую весть об Иисусе Христе, является несостоятельной, если не сказать больше. Можно было ожидать, что многие религиозные люди отнесутся к такой радикальной критике в свой адрес с резким неприятием и начнут проявлять свое возмущение. Так и произошло. Фессалоникийцы возмущенной толпой направились к дому, где, по их предположению находился Павел, и потребовали от властей решительных мер по отношению к Павлу и Силе.

И сегодня, пожалуй, найдутся люди, которые поставят

проповедь Павла ему в вину, увидев проявление “фундаментализма” в том, что он считал свою интерпретацию Библии единственно верной и стремился обратить всех других иудеев в свою веру. Этот вид “фундаментализма”, очевидно, раздражает и сегодня многих религиозных деятелей, если судить по их выступлениям и радиопередачам. Понять их позицию можно: они считают, видимо, что в мире и так совершается немало насилия на религиозной почве, и мы своими радикальными взглядами не имеем права усугублять сложности.

Но даже в этом контексте смысл термина “фундаментализм” в его современном понимании остается неясным. Политического деятеля, который заявляет о приверженности христианству, но в то же время прибегает к насилию по отношению к своим политическим оппонентам, а иногда даже и по отношению к своим братьям-христианам, обычно не называют фундаменталистом. Его могут защищать и поддерживать руководители церкви, в прежние времена он мог даже получить материальную поддержку от Всемирного Совета церквей. А подлинных последователей Павла, занимающих твердую и бескомпромиссную позицию в отношении основ христианства, но которые, будучи верными духу проповедуемой ими благой вести, никогда не прибегнут к насилию по отношению к другим людям, иногда называют фундаменталистами и обвиняют в разжигании религиозной розни. Очевидно, что термин “фундаментализм” имеет вполне определенное значение и должен употребляться с осторожностью. Однако он ничего не дает для понимания того, в чем, собственно, состоит существо христианского отношения к жизни.

К счастью, для верной оценки христианской позиции Павла и его методов проповедования мы располагаем свидетельством Луки о поведении иудеев в Верии (Деян 17: 10-15). Точно так же, как в Фессалониках, в Верии Павел проповедовал в синагогах и, несомненно, апеллировал к тем же самым фрагментам Ветхого Завета. Лука отмечает, что верийские жители были

“... благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со

всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так. И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин не мало”

(Деян 17: 11-12).

Конечно, речь проповедников убедила не всех, и не все уверовали. Но при этом не было никакого насилия, а только готовность воспринять то, во что искренне верил Павел. А он верил в то, что проповедуемая им благая весть является неоспоримым словом Божиим. Как апостол, так и его слушатели понимали, что его речь можно либо доказать, либо опровергнуть путем тщательной и разумной интерпретации Писания. Верийцы были готовы внимательно анализировать, соответствует ли то, что говорит Павел, Писанию, и не собирались отвергать его слова “с порога”. Хотя Павел и понимал всю серьезность последствий для тех, кто отвергал благую весть, он не прибегал ни к каким насильственным мерам. Так же сдержанно вели себя и его слушатели, до тех пор, пока не явились иудеи из Фессалоник и не возбудили народ против апостола, заставив его покинуть город.

Почему же фессалоникийцы повели себя таким образом? Ведь Павел был таким же иудеем, как и они. Они, так же, как и Павел принимали Ветхий Завет. Они жили среди язычников, не веровавших в истинного Бога. Что же побудило их прибегнуть к насилию, клеветать на Павла властям, приписать ему нарушение закона, а затем явиться в Верию и спровоцировать гражданские беспорядки, тем самым нарушив этот закон? Трудно представить себе лучший способ навлечь недовольство римских властей как на христиан, так и на иудаистов⁷. Почему же фессалоникийцы пошли на это?

Лука говорит, что они сделали это из зависти (Деян 17: 5). Они наблюдали, как иудеи и значительное число язычников, посещавших синагогу в Фессалониках, принимали христианство. При этом они не задумывались об истинности или содержании того, что проповедовал Павел. Они видели, что под ударом оказалась их религия. Они были готовы использовать или государственный закон, или

насилие, или то и другое вместе с целью ее защиты. При этом они не ощущали, что, защищаясь от рациональных аргументов с помощью насилия и закона, они тем самым признаются в несостоятельности своей религии.

Надо сказать, что христианский мир тоже нередко опускался до широкого применения такой тактики против “неверных” и “еретиков”. В некоторых странах эта практика продолжалась даже в XIX и XX веках. Сейчас об этом горько сожалеет каждый христианин. Прежде чем вешать малопонятный ярлык фундаментализма на других, нам нужно публично покаяться в том, что творили христианские церкви — причем не в столь уж отдаленном прошлом. Это, безусловно, смягчило бы обличительный тон многих современных критиков.

Божий Мессия и религия и философия языческого мира: проповедь Павла в Афинах

Итак, ключевыми моментами проповеди Павла в синагоге Фессалоник были смерть и воскресение Господа Иисуса Христа (Деян 17: 3). Очевидно, что об этом же говорил Павел и в Афинах в своей проповеди о христианской надежде и уповании перед иудеями и греками. Он объявил, что воскресший Господь Иисус Христос был человеком, предопределенным Господом, чтобы судить мир “по правде”. В своей проповеди Павел постоянно употреблял слова “Иисус” и “воскресение”, и некоторые слушатели обратились к нему за разъяснениями по поводу этих слов. У них сложилось впечатление, что он предлагает им поклоняться двум новым, весьма странным богам — “Иисусу” и “воскресению”. Их очень озадачило, как поклонение этим двум новым богам может помочь разрешить все великие жизненные проблемы. Некоторые из этих греков были эпикурейцами, некоторые — стоиками. Какими бы недостатками ни обладали эти философские школы по сегодняшним меркам, они являлись серьезными попытками осмыслить вселенную и место человека в ней, они пытались

выработать разумные принципы поведения, которые позволили бы человеку получать от жизни все лучшее, избегать беды и умножать добро.

Ко времени посещения Афин апостолом Павлом в I в. н.э. этот город уже в значительной степени утратил свой интеллектуальный блеск классической эпохи. Из упомянутых нами философских школ это в особенности касается стоицизма, который постепенно претерпел серьезные изменения. И мы поэтому не можем установить, какую именно форму стоицизма исповедовали философы, пригласившие Павла выступить перед членами афинского ареопага⁸. Однако общая платформа, на которой стояли все последователи этого учения, дает достаточно ясное представление о том, каково было их отношение к жизни, как они советовали бороться со злом и какую давали надежду на будущее. То же самое можно сказать и об эпикурейцах. Обе школы ясно видели, что понимание вселенной — ее происхождения, существования и вероятного конца — неизбежно связано с вопросом о зле: откуда оно возникло, как с ним бороться и какую надежду на будущее можно возлагать. Сразу же заметим, что несмотря на замечательные достижения обеих названных школ, в том, что касается надежд на будущее, они мало что могли предложить.

Немного об эпикурейцах

Коротко остановимся на эпикурействе как особой концепции жизни. Эпикурейцев часто не понимали, приписывая им установку на безграничные наслаждения самого грубого свойства. На самом деле их установка была совсем иной. Вполне возможно, что эпикурейцы считали удовольствие главной целью своей жизни. Но при этом удовольствие они понимали как состояние безмятежного спокойствия. А поскольку грубые удовольствия зачастую связаны с такими тяжелыми последствиями, как психологический разлад, боль и похмелье, эпикурейцы советовали полностью отказаться от подобных наслаждений. Эпикурейская философия формировала людей, славившихся

своей добротой, дружелюбием и верностью. Безмятежное счастье, однако, достигалось ценой сознательного отстранения от жизненных тревог и волнений. Поэтому вряд ли такой философской позиции мог придерживаться обычный работающий человек, домохозяйка или предприниматель.

Душевный покой эпикурейцев укреплялся верой в то, что человек не отвечает перед Творцом за свои поступки. Представители этого философского течения верили в существование богов, но, по их мнению, боги эти были таким же порождением вселенской материи, как и сам человек. Боги обитают в космических сферах и сами являются настоящими эпикурейцами, так как не проявляют никакого интереса к миру человека, его нуждам, делам и поведению. Боги ведут безмятежную жизнь, полную наслаждений. Эпикурейцы считали, что, ведя жизнь в спокойствии и безмятежности, они уподобляются богам.

В физике эпикурейцы восприняли теории своих предшественников — философов Левкиппа и Демокрита, которые утверждали, что вселенная состоит из бесконечного числа неделимых атомов и безграничного пространства. Атомы и пространство существуют вечно. Вначале атомы находились в состоянии свободного падения в космическом пространстве, однако затем произошло небольшое отклонение⁹, которое вызвало столкновение множества тел, и атомы стали наталкиваться друг на друга, отскакивать, в результате чего некоторые из них соединились на долгое время. Таким образом возникли, обрели свои очертания и назначение небеса, воздух, вода и земля. Никакого творца не было. Жизнь человека, согласно этой теории, подобно любой другой жизни, должна была возникнуть постепенно (в результате спонтанного отклонения), поскольку атомы с разнообразными исходными структурами лишь в течение определенного промежутка времени могут, встречаясь с другими атомами, образовывать все более сложные сочетания. По принципу выживания наиболее приспособленных особей наилучшие состояния сохранились и образовали наш сегодняшний мир¹⁰. Однако та же теория предсказывала, что современный мир и жизнь

человека в ее теперешнем состоянии поддерживается благодаря временному равновесию сил, которое рано или поздно должно нарушиться. Тогда все начнет распадаться, и вселенная сгорит. Итак, человек не создан по воле Творца, и в жизни рода человеческого нет никакой цели и ничего существенного не произойдет, если этот род угаснет. Хотя человек, по мнению эпикурейцев, и состоит из тела и души, обе составные части образованы материальными атомами. После его смерти атомы как тела, так и души распадаются, рассеиваются и затем служат для формирования других людей и каких-то предметов. Ничто в человеке не переживет смерти. Смерть кладет предел всему. Именно этот аспект эпикурейского учения больше всего восхищал знаменитого римского популяризатора, поэта Лукреция (94-95 гг. до н.э.), написавшего длинную поэму в шести книгах, где изложил учение Эпикурейцев. С пафосом настоящего проповедника он провозглашает то, что, по его мнению, составляло главное достоинство этой философской школы: освобождение человека от страха перед загробным судом, наказанием и адом¹¹.

Но при этом поэт ни словом не обмолвился о другой стороне проповедуемой концепции, а именно: если она истинна, то она не только избавляет человека от страха загробного суда, но и гасит всякую надежду миллионов людей на восстановление справедливости. Надежда на справедливость становится для них не более, чем иллюзией. Приведем один трагический и весьма известный пример¹². В результате эволюции возникла шестимиллионная нация евреев, веривших в справедливость. Та же эволюция создала Гитлера. Он явился результатом выживания самого приспособленного. Глупо доказывать, что это было несправедливостью. Согласно теории эпикурейцев, не существует никакого праведного суда, к которому человечество могло бы взывать, протестуя против подобной эволюции, не существует также и объективного критерия справедливости, согласно которому можно было бы оценивать результаты эволюции. Справедливость является всего лишь чувством или субъективной оценкой, которые бессозна-

тельная эволюция вложила в людей. Бессмысленно утверждать, что эволюция путем естественного отбора в конце концов сформирует сообщество справедливых людей, достаточно многочисленное, чтобы устранить тех, кто избрал несправедливость. А как же те, кто до той поры будет гибнуть из-за существующей несправедливости? Должны ли мы списывать их как балласт эволюции на ее неосознанном пути к совершенному и справедливому миру? Придерживаться подобных взглядов не только бессмысленно, но и опасно. Большинство всегда склонно навязывать свои взгляды и ценности меньшинству. Предположим, что некогда эволюция путем естественного отбора создаст большинство, предпочитающее справедливость и это большинство начнет устранять тех, чье мнение отлично от его мнения. Какой объективный критерий или независимый суд может гарантировать, что представление данного большинства о справедливости есть подлинная справедливость? Возможно, этот вопрос не имел бы смысла, если бы история доказала нам, что убеждения большинства и их поведение, основанное на этих убеждениях, всегда было высшей справедливостью. На самом деле история часто доказывала противоположное, и в особенности, — история нашего столетия.

Разумеется, всегда можно привести довод, который, согласно эпикурейской школе, является решающим: несправедливо убитые, замученные и умершие голодной смертью уже не могут возражать против своего теперешнего состояния, так как после смерти человека не остается ничего, что бы ощущало произошедшее как несправедливость. Однако из этого довода следует лишь, что для миллионов людей в настоящем, прошлом и будущем смерть всегда была, есть и будет предпочтительней жизни — знай они об этом. Весьма пессимистическая теория!

Таким образом, эпикурейское учение достигло выдающихся по тем временам результатов в осмыслении природы¹³. Кроме того, оно создавало доброжелательную и спокойную атмосферу в узком кругу своих последователей, отстраненных от жизни остального сообщества. Но, как и

другие современные ему концепции, оно оказалось беспомощным перед проблемой зла и не дало человечеству никаких надежд на будущее.

Немного о стоиках

Стоицизм был философией совсем иного рода. Стоики порицали эпикурейцев за то, что те считали главной целью жизни удовольствие. Стоики же утверждали, что благо заключается в том, чтобы быть добродетельным, то есть жить в согласии с разумом. Отсутствие добродетели считалось единственным злом. Взгляды этой философской школы претерпели значительные изменения с течением времени, однако в каждый из периодов своего многовекового развития учение стоиков формировало людей благородных, твердых и бесстрашных. Позднее стоицизм завоевал признание у многих знаменитых людей древнего Рима. Даже упадок не помешал ему сохранить свое влияние в дальнейшем, в эпоху средних веков, вплоть до настоящего времени. Этические взгляды стоиков оказывали глубокое влияние на отцов Церкви. И когда ныне мы говорим о необходимости выработки “философского отношения к действительности”, или провозглашаем, что “в каждом человеке есть искра Божья, или называем кого-то “гражданином мира”, или заявляем о “братстве всех людей”, то тем самым мы, иногда неосознанно, обнаруживаем влияние стоицизма.

Но на вопрос, который мы затронули выше: “Какова надежда на то, что зло когда-нибудь исчезнет из нашего мира?”, стоицизм не дает удовлетворительного ответа. Он учит, что вселенная представляет собой некое разумное целое, где все взаимосвязано цепью причинно-следственных отношений. Эту цепь можно назвать “судьбой”, и все, что происходит во вселенной, служит во благо целого, которое можно назвать “провидением”. Так происходит потому, что центром вселенной является разум, который пронизывает все ее части и составляет активное начало творения и управления всем происходящим. Стоики называли это активное начало по-разному — Природой,

Разумом, Зевсом, Богом. При этом некоторые трактовали Бога или Зевса таким образом, что при поверхностном рассмотрении можно было подумать, что речь идет о Боге иудаизма или христианства. Однако на самом деле божество стоиков не было трансцендентным, личностным и любящим Создателем. Оно было такой же субстанцией, как и все другое во вселенной: оно было просто всепроникающей жизненной силой¹⁴. Иначе говоря, стоики были пантеистами.

Поскольку разум оказывался таким всеохватывающим и подчинял себе все, стоики полагали, что вселенная является “лучшим из возможных миров”. Она уже не может быть усовершенствована. То, что может казаться злом одному человеку, и в каком-то смысле действительно является злом, тем не менее в конечном итоге способствует общему благу. Следовательно, для того, чтобы жить добродетельно, необходимо следовать разуму, а это значит — принимать все происходящее как части рационального целого, ведущего к общему благу. Например, если кто-то считает злом действия некоего человека или национального движения, то с его точки зрения ради разума и справедливости он смело должен выступить против них. Однако, если несмотря на предпринятые усилия произойдет нечто ужасное, то горевать об этом означало бы проявить отсутствие как разума, так и добродетели. Тот факт, что нечто случилось, свидетельствует: произошедшее было действием универсального разума, заботящегося об обеспечении всеобщего блага. Сожалеть об этом противно разуму. Человек должен закалять себя, управлять своими чувствами и воспринимать происходящее философски.

Итак, единственное благо в жизни — это добродетель, которую можно определить как способность жить и поступать в гармонии с разумом. Все прочее, хотя и представляется благом, на самом деле не имеет значения. Поэтому, если разумный человек видит, что шести миллионам евреев угрожает газовая камера, с его стороны будет добродетелью попытка их спасти, так как такое действие может быть рационально обоснованно. Однако, если, несмотря

на все его усилия, эти люди все-таки попадут в газовую камеру, не стоит об этом сожалеть: его усилия по спасению были рациональны и, следовательно, абсолютно добродетельны. Шесть же миллионов жизней сами по себе не были абсолютным благом, они просто не имели никакого значения. Более того, тот факт, что они все же умерли, показывает, что их смерть являлась неизбежным звеном деятельности мирового разума и способствовала всеобщему благу. Мудрость человека заключается в примирении с тем, что происходит по воле рока. Неразумные же и, следовательно, порочные люди пытаются сопротивляться судьбе, попадая под власть переживаний, которые могут стоить им жизни. В конце концов вся разница между разумным и неразумным человеком заключается в отношении к неизбежным событиям, регулируемым всемогущим универсальным разумом, Зевсом или Богом (назовите это как угодно): неразумный человек подчиняется вопреки своей воле, тогда как разумный человек покоряется им без принуждения.

На первый взгляд, учение стоиков созвучно христианскому тезису о том, что “все происходит на благо тем, кто любит Бога”, и поэтому мы можем и должны находить утешение в подчинении воле Бога. Однако на самом деле между стоицизмом и христианством нет ничего общего. Согласно Христу, то благо, которое является результатом всего происходящего для тех, кто любит Бога, не является всеобщим благом в ущерб отдельной личности, но как благо отдельной личности, так и всеобщим благом; не нынешнего мира, но грядущего: это обещанное благо, что каждый верующий уподобится Сыну Божьему как телесно, так и по характеру, а достигнется эта цель в славе грядущей жизни, в том мире, где будет царствовать праведность.

Стоицизм не имеет ничего общего с этим воззрением. Согласно стоикам, мир как он есть, со всем своим злом и страданиями, является лучшим из миров. Он не может быть улучшен, так как каждая его часть возникла в результате действия всеохватывающего мирового разума, который продолжает управлять им ради всеобщего блага как такового. Более того, представители раннего стоицизма утвер-

ждали, что, когда звезды, описав полный цикл, вновь вернутся в свое исходное положение, вся вселенная сторит, а затем снова возродится, и весь исторический процесс повторится во всех своих деталях. Поздние стоики отвергли идею циклического разрушения и повторения, не предложив ничего взамен. В понимании вопроса о существовании души после смерти во взглядах стоиков не было единства и однозначности. Одни утверждали, что души некоторое время пребывают вместе, причем слабые души погибают, а души людей совершенных и мудрых доживут до следующего вселенского пожара. Другие же полагали, что жизнь души после смерти вообще невозможна.

Итак, в вопросе об уничтожении зла в мире, или о достижении всеобщей справедливости ни стоики, ни эпикурейцы не дали людям никакой надежды. Как сказал позднее апостол Павел, они жили в мире без Бога, без Мессии и без надежды (Еф 2: 12)¹⁵.

О других членах ареопага

Разумеется, не все члены афинского ареопага были либо стоиками, либо эпикурейцами. Были среди них и последователи других философских школ, некоторых из них философия вообще не интересовала, кто-то придерживался и традиционной полисной религии. Безыскусные и противоречивые мифы этой традиционной религии не способствовали формулированию какого-либо символа веры и разработке теологии. Нет сомнений, что безнравственное и безответственное поведение полисных божеств, о котором повествовали мифы, не давало никаких оснований надеяться, что мир, которым они, якобы, правили, будет когда-то свободен от зла. Трудно сказать, каким из этих мифов верили простые люди. Верующим не предъявлялось никаких требований. Более образованные сохраняли веру в богов, демифологизировав их. Так, например, стоики отождествляли с Зевсом свой пантеистический мировой разум и считали богов олицетворением различных процессов, происходящих во вселенной. Однако, изучая отношение

верующих на Востоке к своим храмам в настоящее время, или даже отношение к храмам верующих в странах Запада, можно прийти к выводу, что тысячи людей древнего мира были связаны с религией силой традиции, красотой храмов, пышностью и таинственностью обрядов, искусственным художественным изображением богов и общей атмосферой тайны. Причем их связи с религией были тем крепче, чем более свободны они были в доктринальном отношении, чем меньше трудных вопросов об ее рациональных основаниях они задавали.

Речь Павла перед членами ареопага

Итак, послушать апостола в ареопаге собралась довольно пестрая аудитория. Большие различия в мировоззрении и убеждениях ставили перед апостолом трудную задачу — ему нужно было найти общий язык со всеми слушателями, чтобы христианская надежда оказалась созвучной их образу мысли. Ему нужно было выразить благую весть в понятных им словах, представить евангельское учение во всем его величии и ничем не поступиться без ущерба для его содержания.

Апостол Павел блестяще справился с этой задачей. Правда, некоторым критикам показалось, что в его речи собственно христианской благой вести было мало. Чтобы не впасть в подобное заблуждение, мы должны помнить о двух моментах. Во-первых, Лука дает нам резюме — пусть добросовестное, но все же резюме. Во-вторых, даже если бы автор привел эту речь апостола целиком, он все равно не сумел бы пересказать нам полностью все то, что говорил Павел в Афинах. До того, как его пригласили в ареопаг, апостол каждый день беседовал на рынке с самыми разными людьми. Не исключено, что некоторые члены афинского ареопага слушали его там или даже принимали участие в спорах. В этих беседах Павел, несомненно, излагал важнейшие особенности именно христианской благой вести, делая акцент на личности Христа и его воскресении, то есть, в сущности, повторял то, что он говорил в синагоге Фессалоник, но, конечно, же в других выражениях). Именно

постоянное употребление слов “Иисус” и “воскресение” привлекло внимание эпикурейцев и стоиков и послужило причиной его приглашения объяснить эти понятия в афинском ареопаге.

Беспокойство слушателей было вызвано двумя обстоятельствами. Во-первых, у них сложилось впечатление, что “Иисус” и “воскресение” — это два божества. Их языческая мифология наряду с основными богами включала много разного рода второстепенных богов, часть из них когда-то были легендарными земными героями, как, например, Геракл, а после смерти причислены к сонму богов. Язычники поклонялись также и другим богам, считая, что после смерти души этих богов поселяются в гробницах, сооруженных благочестивыми людьми. Стоики присваивали имена богов традиционного пантеона великим и таинственным процессам, благодаря которым существует вселенная. “Воскресение” в понимании сторонников этого учения могло быть одним из таких процессов. Подобное представление было естественным для языческого мышления и, конечно, же неверным. Павел в своей речи попытался это показать.

Второе обстоятельство, обеспокоившее афинян, заключалось в том, что “божества”, о которых говорил Павел, были “чужими”. Два указанных обстоятельства и определили характер речи Павла — его форму и композицию. Ему предстояло скорректировать языческое понимание божественности — Иисус не был одним из многочисленных божеств, Его воскресение было не божеством, а историческим событием, и, наконец, ни “Иисус”, ни “воскресение” не были “чужими” божествами.

Христианство не является “чужой” религией

Итак, давайте рассмотрим речь Павла подробнее, чтобы понять, как он доказывает, что проповедуемое им учение не является чуждым. Бог, Которого он провозглашает, это

“Бог, сотворивший мир и все, что в нем... Сам дая всему жизнь и дыхание и все”

(Деян 17: 24-25).

Бог-Творец не может быть чужеземцем ни в какой части сотворенной Им вселенной. Более того, несмотря на разнообразие рас и культур, все они были произведены Единым Богом, причем — от одного человека (Деян 17: 26). Поэтому ни один народ не может превозноситься перед другим в своей национальной или культурной гордости и рассматривать Бога-Творца как специфическую принадлежность другой культуры, не относящейся к его собственной. Этот Бог является поддержкой и опорой каждого члена каждой нации,

“ибо мы Им живем и движемся и существуем...”

(Деян 17: 28).

Люди всех континентов существуют по воле Единого Бога, а не разных богов. Будучи Творцом и Помощником всему человечеству, Господь по праву

“...повелевает людям всем повсюду покаяться”

(Деян 17: 30).

Нельзя считать, что Господь имеет право вмешиваться в жизнь тех народов и культур, к которым Он близок по характеру и мировоззрению, и, наоборот, не имеет права вмешиваться в жизнь других, если Он чужд их стилю мышления. Он сотворил все народы, Он помогает им и поддерживает их всех и Он повелевает им всем покаяться. Более того, Он будет праведно судить мир — весь мир, а не просто какую-то его часть (Деян 17: 31). Бог имеет право судить все народы, и простая справедливость требует, чтобы Он судил всех одинаково, без пристрастия. День Суда уже назначен, и свидетельство об этом дано всему человечеству. Оно дано в такой форме, которая относится ко всем, независимо от национальности или культуры: Человек, Один из представителей человечества, воскресен из мертвых (Деян 17: 31).

Можно заметить, что в своей речи, по крайней мере, в данный момент, Павел не пытается объяснить, что Иисус, который умер и воскрес, был Сыном Божьим. Хотя это и так, Павел не считает нужным в этот момент поднимать вопрос о сложных и таинственных отношениях между

Лицами Святой Троицы. Очевидно, что все это было бы слишком сложно объяснить язычникам, никогда не слышавших благой вести. Привычными для них были мифологические представления о богах, которые спускались на землю и могли иметь детей от земных женщин. Но даже если бы апостол мог донести до слушателей смысл этих сложных понятий христианства, это не входило в его цели. Слова о том, что Сын Божий восстал из мертвых, хотя и были справедливы, могли быть истолкованы в том смысле, что Он не принадлежит роду человеческому. В этот момент он даже не сказал, что Бог воскресил Иисуса из мертвых, так как само имя “Иисус” звучало для греков как иностранное. Павел же хотел подчеркнуть, что Бог воскресил из мертвых человека. Именно это он и подчеркнул. Дело было совсем не в том, что Он был евреем и потому, — необычным евреем, а в том, что Он был человеком. Телесное воскресение этого человека имело и по-прежнему имеет значение для всех человеческих существ, принадлежащих всем расам, всем нациям, национальностям, носителям разных языков и культур во все времена, причем просто в силу того, что и Он, и они являются людьми.

Воскресение Иисуса — поворотный момент истории

Однако воскресение одного Человека — Иисуса — это не только свидетельство того, что Бог будет судить вселенную по правде. Это и объяснение, почему ныне, после многих веков языческого неведения о Господе, Всевышний повелевает всем людям повсюду покаяться.

Не будем спешить и попытаемся внимательно рассмотреть, какие понятия Павел использует, чтобы правильно понять его мысль.

Начнем с того, почему воскресение Христа является причиной того, что все и повсюду должны покаяться *сейчас*? Очевидно, потому, что факт воскресения удостоверяет реальность грядущего суда. Но неужели это когда-то не было истиной? Разве в свете этой реальности не должны были каяться все прошлые поколения? Почему же именно теперь призыв к покаянию становится таким всеобщим и необхо-

димым?

Далее, отмечая, что Бог допустил времена неведения (Деян 17: 30), не хочет ли Павел тем самым сказать, что за грехи, совершенные народами до рождения, смерти и воскресения Христа, держать ответ не придется, что они отпущены или просто не замечены?

Отнюдь, нет. Апостол Павел не противоречит себе и не идет на компромисс. Позднее, в Послании к Римлянам он напишет, что весь мир — как евреи, так и язычники, независимо от того, когда и где они жили, предстанут держать ответ перед божественным Судом (Рим 1: 18-2: 16). Почему же именно *теперь* воскресение Христа делает необходимым покаяние людей всех национальностей, почему это не было необходимым раньше?

Мы ответим на этот вопрос, если вспомним из нашего предшествующего анализа значение выражения “судить вселенную по правде”. Павел размышляет не просто о суде, который предстоит каждому после смерти. О нем пишет автор Послания к Евреям:

“...человекам положено однажды умереть, а потом суд”
(Евр 9: 27).

Такой суд, несомненно, свершится, и судить будет Сам Иисус Христос. Иоанн говорит в Откровении:

“И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом... и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим”

(Откр 20: 12-13).

Трудно выразить эту мысль яснее: речь идет о загробном суде над мертвыми.

Однако Христос намеревается судить не только мертвых, но и живых; эта мысль не раз повторяется в Новом Завете:

“...Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых”
(Деян 10: 42);

“[грешники]...дадут ответ Имеющему вскоре судить живых

и мертвых”

(1 Пет 4: 5);

“...заклинаю тебя пред Богом и Господом (нашим) Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых в явлении Его и Царствие Его”

(2 Тим 4: 1).

Когда же Он будет судить живых? Разумеется, после Своего второго пришествия. Новый Завет упоминает о будущем “грядущем гневе” не вообще, а в связи со вторым пришествием Господа Иисуса Христа. Вспомним снова, о чем писал апостол Павел Фессалоникийцам вскоре после того, как покинул Афины:

“А вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа, которые подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его, когда Он придет...”

(2 Фес 1: 7-10).

Именно проповедь апостола о грядущем пришествии Господа Иисуса Христа и сопутствующем ему дне гнева Божьего заставила многих жителей Фессалоник обратиться

“...к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева”

(1 Фес 1: 9-10).

Таким образом, почтенным членам афинского ареопага апостол Павел проповедовал то же самое Евангелие, которое он проповедовал в Фессалониках (и во всех других местах): Бог воскресил Иисуса из мертвых, его воскресшее тело, несмотря на то, что отлично от прежнего, является тем не менее физическим телом, которое может и будет взаимодействовать с нашим материальным миром в его современном состоянии. В этом же Своем теле Христос явится вновь (Деян 1: 11), когда придет судить

живых. Его телесное воскресение является божественным доказательством этого грядущего события.

Вот почему апостол Павел призывает Афинян покаяться *ныне*. И в прежние времена язычники, конечно, совершали грехи, и их незнание истинного Бога наказуемо. Если эти люди умерли, не покаившись, не доверившись Богу и не положившись на Его милость, Господь будет “соблюдать [их] ко дню суда, для наказания” (2 Пет 2: 4-9). Однако ни разу на протяжении этих долгих веков, несмотря на грехи народов и вину незнания, Бог не вмешивался и не посылал Сына Своего судить мир. Терпеливо и снисходительно смотрел Он на эти времена незнания. И даже тогда, когда Он все-таки послал Сына Своего в мир, это было сделано не для того, чтобы судить мир, а чтобы спасти его. Во все века, предшествовавшие первому приходу Христа на землю, суд Христов над миром считался сравнительно отдаленным событием. Сначала Он должен был прийти в этот мир и умереть. Но Его смерть и воскресение все изменили. Теперь Его второе пришествие — не просто неизбежно, оно близко. Мы все живем последний час. И когда Он придет, Он будет судить весь мир. Именно поэтому Господь повелевает ныне всем людям покаяться. И это повеление должно быть сообщено всему миру, включая афинян. Они также крайне нуждаются в покаянии.

Но поскольку Христос все еще не пришел, не имеем ли мы после стольких веков ожиданий основания усомниться во всем этом рассказе? Подобные сомнения начали высказываться уже вскоре после смерти Павла (2 Пет 3: 3-4). Ответ, данный в те времена, является убедительным и поныне (2 Пет 3: 9).

Виновность не знающих Бога язычников

Итак, мы уже сказали выше, что незнание истинного Бога язычниками до первого пришествия Иисуса вменялось им в вину. Более того, вся сила аргументации Павла в основной части его речи перед Ареопагом, была направлена на доказательство этого утверждения. Теперь необходимо дать основание этому утверждению.

Во-первых, рассмотрим самое начало речи апостола:

“Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны”

(Деян 17: 22).

Не следует делать из этой реплики поспешного вывода, что Павел собирался хвалить их за это. Лука сообщает нам (Деян 17: 16), что Павел был весьма огорчен, когда, гуляя по городу, увидел огромное количество идолов.

Греческое слово, переданное в переводе на русский язык словом “набожный”, может относиться как к вере, так и к суеверию. В некоторых контекстах очевидно, какое значение вкладывает в это слово говорящий, в других же читатель или слушатель волен выбрать то значение, которое кажется ему более подходящим. Так и здесь. Павел признает, что жители Афин набожны — это неоспоримый факт. А прямую оценку этого факта — вывод о том, какова природа этой набожности — подлинная ли это вера или суеверие — не было необходимости провозглашать во вводной фразе. Она станет очевидной из дальнейшего рассуждения. Таким образом, Павел использовал весьма тактичный прием: само по себе замечание о набожности афинян не означало похвалы. Кроме того, как стоиков, так и эпикурейцев, многое в традиционной полисной религии — и вполне обоснованно — не устраивало. Павел не хотел с первых же слов потерять уважение слушателей, солидаризируясь со сторонниками традиционной религии и превознося их за их ложные и бессмысленные суеверия.

В особенности впечатлила апостола, по его собственному признанию, надпись на одном из многочисленных алтарей, которая как раз и свидетельствовала о крайней набожности афинян (17: 23). Эту надпись можно понять двояко: “Одному неведомому богу” или “Неведомому богу”. Но в обоих случаях имеется в виду не Единый высший и истинный Бог, в незнании которого пребывали афиняне. Надпись выражала их политеизм. Они верили в бесчисленное множество богов и воздвигали в их честь все новые алтари. Когда им приходилось восстанавливать какой-нибудь древний алтарь, на котором уже нельзя было прочи-

тать, какому богу он посвящен, они наносили надпись — “Одному неведомому богу” или “Неведомому богу”. У жителей Афин существовала также легенда о поэте Эпимениде, одно из стихотворений которого Павел впоследствии процитирует. Во время эпидемии чумы он посоветовал жителям города приносить в жертву овец, посвящая жертву соответствующему божеству. Когда же те не знали, какое божество покровительствует данному месту, они писали на алтаре: “Неведомому богу”.

Вот в этом и заключалось все заблуждение политеизма. Если допустить, что существует множество богов, то никогда не будешь знать наверняка, ублажаешь ли ты своими молитвами их всех. Всегда остается вопрос, нет ли еще других, неизвестных тебе богов. И до тех пор, пока единый истинный Бог считается лишь одним, причем неведомым богом из сонма других божеств, нельзя познать Его истинную сущность.

Тем не менее Павел заканчивает свое выступление вполне миролюбиво и доброжелательно:

“Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам”

(Деян 17: 23).

Обратим внимание на нарочитую обтекаемость формулировки. Афиняне вовсе не исповедовали единого истинного Бога — они не знали Его вовсе. В лучшем случае, подобно большинству людей, они инстинктивно преклонялись перед “сверхъестественным”, “сверхчеловеческим”, “божественным”. Ныне же Павел собирался открыть им истину о природе божественности, а именно, о том, что существует единый истинный Бог. Он отличен от всего того, чему они когда-либо поклонялись. Чтобы почитать Его и служить Ему, скажет апостол в Послании к Фессалоникийцам (1 Фес 1: 9), нужно отвернуться от идолов. Нельзя служить Единому Богу и идолам одновременно. В доказательство этого положения он начинает с того, что указывает на порочность их представлений, побуждающих строить многочисленные храмы, которые, в свою очередь, укрепляют заблуждения.

“Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет...”

(Деян 17: 24).

Этот факт настолько очевиден, что сообщение о нем — почти тавтология: если Господь сотворил всю вселенную, то нельзя считать, что Он обитает в ограниченном пространстве человеческого сооружения. Стойки согласились бы с этим фактом, и даже эпикурейцы, чьи боги не имели никакого отношения к сотворению мира, являясь лишь частью материальной вселенной, не могли не согласиться с тем, что их боги не могут уместиться в рукотворных храмах. Эту мысль разделяли не только философы: несколькими столетиями ранее эту мысль выражал великий афинский трагик Еврипид: “Какое же здание, воздвигнутое мастером, может вместить в своих стенах божественный образ?”¹⁶ Если кто-либо из афинян и продолжал думать, что это возможно, и вести себя соответственно этому убеждению, очевидно, что такое невежество было наказуемо.

Нам теперь, конечно, известно, то, чего не могли знать афиняне тех времен, а именно, что у иудеев на протяжении веков существовал храм Божий в Иерусалиме. Более того, по Ветхому Завету, этот храм был построен согласно повелениям Самого Бога (2 Цар 7: 12-13). Хотел ли Павел сказать, что иудейские строители, соорудившие храм, исходили из совершенно неверных представлений? Конечно, нет.

Однако относительно религиозного опыта Израиля следует сделать два замечания. Первое замечание. С самого времени освящения первого храма построивший его царь Соломон и весь народ понимали, что хотя Господу и, возможно, угодно находиться в храме, Он не может быть там постоянно и никогда там постоянно не присутствовал (3 Цар 8: 27). Затем пророк Исаия увидел (Ис 66: 1-2) то, что впоследствии возвестил Стефан (Деян 7: 48-50): храм Израиля — не является идеалом, в лучшем случае — это символ реальности.

Второе замечание относительно Иерусалимского храма

состоит в следующем. Пока он существовал, Израилю был дан строжайший запрет не строить более одного храма. Должен существовать лишь один “дом Божий”. Господу не было угодно, чтобы количество таких “домов Божьих” умножалось. Смысл запрета стал понятен, когда израильтяне, нарушив его, начали воздвигать храмы повсеместно. В результате нарушения неизбежно начало формироваться идолопоклонническое представление о Боге. Единый, истинный Бог Яхве стал восприниматься как “Яхве Бетеля”, “Яхве Дана”, “Яхве Арада” и т.п., то есть оказался “привязанным” к месту расположения соответствующего храма. И сразу же в некоторых городах наряду с храмами, посвященными Яхве, начали появляться храмы Ваала и незаметно Яхве становился одним из местных божеств.

В Израиле в период его духовного упадка имело место то же, что происходило в языческом мире. В каждом греческом городе был храм верховного бога Зевса, однако тут же находились и храмы Аполлона и множества других богов. Если бы вы спросили местных жителей относительно местопребывания, скажем, Зевса, они бы ответили вам, что Зевс находится не только в своем храме: он странствует по всем небесам, и по земле. Однако в их родном городе Зевс обитает в посвященном ему храме, Аполлон — в своем, Афина — в своем, не вторгаясь в храмы других богов. Следовательно, они приходили к достаточно абсурдному представлению о том, что в их городе местопребывание всемогущего Зевса ограничено лишь одним храмом. Этот абсурд проистекал из ложного языческого воззрения на вселенную, но в то же время оказывал и обратное на него влияние, укрепляя данное воззрение в сознании людей. То же самое можно сказать и об алтарях и усыпальницах, кому бы они ни были посвящены — богу, полу-богу, герою, обожествленному человеку или кому-либо еще. Стоики (равно, как и эпикурейцы, исходившие, правда, из ложных оснований) согласились бы со следующим утверждением Павла:

“Бог, сотворивший мир... не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, Сам дая всему

жизнь и дыхание и все”

(Деян 17: 24-25).

Истинность этого утверждения очевидна: если Творец должен давать нам все, что мы имеем, и на самом деле дает, то у нас нет ничего своего, что бы могло удовлетворить Его нужды, если бы они у Него и были. Но таких нужд у Него, конечно, нет. У нас нет также ничего такого, в чем бы Он нуждался, и что мы могли бы Ему дать, и тем самым заключить с Ним “торговую сделку”, получив от Него что-нибудь взамен.

Тогда как в языческом мире идея о том, что люди обладают чем-то таким, что богам нравится и что им необходимо, была чрезвычайно популярна. И не только в языческом. Она была распространена и в Израиле в определенные моменты его истории.

Возьмем, к примеру, жертвоприношения. С самых древних времен, как свидетельствует Ветхий Завет, Бог научил людей приносить жертвы во искупление грехов. Но эти жертвы никогда не мыслились как плата за прощение грехов или взятка, которая должна была сделать Его более снисходительным. Жертвоприношения служили божественно определенными символами, которые приучали человечество к мысли, что грех не может быть прощен без расплаты, без соответствующего греху наказания. Жертвоприношения животных сами по себе никогда не были средствами подобной расплаты, являясь лишь символами, предваряющими великую “расплату за грех”, которую Самому Богу в лице Иисуса пришлось принести на кресте.

Точно так же Господь установил, что люди могут приносить Ему животных и другие предметы как подношения в знак благодарности за Его многочисленные дары. Но опять-таки эти предметы несли в себе чисто символический смысл, а не являлись платой Богу за полученные от Него дары.

Однако практика жертвоприношений была очень быстро извращена. В древней литературе Ближнего Востока существует весьма натуралистический образ богов как мух, кружащихся вокруг жертвенника. Значительно

позднее в Израиле стала доминировать более тонкая идея, что жертвоприношения служат платой за даруемое Богом прощение и что таким путем можно обрести Божье благословение. Все это не могло не вызывать возмущения Бога:

*“Не приму тельца из дома твоего,
ни козлов из дворов твоих;
ибо Мои все звери в лесу,
и скот на тысяче гор.
Знаю всех птиц на горах,
и животные на полях предо Мною
Если бы я взалкал, то не сказал бы тебе;
ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее”*

(Пс 49: 9-12).

Невозможно заплатить Богу, ибо все монеты на свете принадлежат Ему. Утверждать обратное — значит обманывать себя.

Встречаются и более утонченные варианты этого заблуждения, причем не только в язычестве, но и в иудаизме, и в христианстве.

Одна из них заключается в том, что, если мы ведем себя правильно и даже “сверхправильно”, мы можем приобрести перед Богом особые заслуги для получения прощения, или местечка на небесах, или права ходатайства за своих друзей, дабы избавить их от страданий, которые они заслужили. Другой вариант состоит в том, что наши праведные труды или посвящение себя служению Богу может каким-то образом стать частью жертвы Христа за грехи мира и способствовать отпущению наших грехов.

Все подобные рассуждения являются просто рафинированным выражением того же языческого принципа, который развенчал Павел в Афинах. К сожалению, этот принцип приводит к неправильному восприятию и пониманию природы истинного Бога. Господь не занимается сделками. Он не продает Свою любовь и отпущение грехов нам, духовным банкротам, не продает Он нам и спасения. Да это нам и не нужно. Его любовь дает нам это все безвозмездно. Если Господь и использует метафору, связанную с куплей-продажей, то лишь для того, чтобы подчеркнуть, что все

это даруется нам “без платы”:

“Жажущие!

идите все к водам;

даже и вы, у которых нет серебра,

идите, покупайте и ешьте;

идите, покупайте без серебра и без платы

вино и молоко”

(Ис 55: 1).

Да спасет нас Бог от язычества, а если же мы все-таки когда-то и предадимся ему, пусть Он даст нам мудрости покаяться, как нужно было покаяться афинянам.

В заключение своей речи Павел остановился на заблуждении, которое было и по сей день остается очень распространенным в языческом мире. Считается, что поскольку народы развивались в разных частях мира и их культуры и образ мышления существенно различны, они имеют право представлять Бога или богов соответственно своему образу мышления. Если, скажем, афинян более притягивал политеизм, значит, такой взгляд на Бога не менее правомерен, чем монотеизм, который лучше согласуется с иудейской культурой, качественно отличной от греческой. Подобное рассуждение ложно, хотя в нем и есть зерно истины, придающее ей правдоподобность.

Предположим, два разных человека смотрят на тюльпан. Конечно, они найдут в нем много общего. Вместе с тем каждый замечает нечто свое, особенное, но в то же время, если, смотря на тюльпан, один человек заявляет, что он видит кошку, или обезьяну, или слона, это означает, что либо у этого человека не в порядке со зрением или с головой, либо он смотрит совсем не на тюльпан.

Павел не просто признает, что Бог расселил человечество по всему миру, поместив людей в самых разных климатических зонах и условиях, определив им разные исторические судьбы, он подчеркивает это и связывает с верховной властью Бога над миром (Деян 17: 26). (Такой вывод пришелся бы по душе и стоикам!) Существующие, таким образом, естественные культурные различия нужно считать проявлением воли Бога, Его любви к разно-

образию.

Но в основании этого разнообразия лежит глубокое единство. И дело не только в том, что все человечество создал Единый Творец, но дело также и в том, что Он произвел все человечество от единого предка — Адама (Деян 17: 26). Можно, конечно, делать упор на различия между разными народами. Но не следует забывать, что таблица умножения для всех народов одна, не зависят от типа культуры и законы логики. Не зависит от национальных и культурных различий и подлинная справедливость. Стоики, жившие во времена Павла, уже понимали это и порицали узкий национализм и стремление к культурной обособленности, шедшие вразрез с идеей о человеке как гражданине мира.

Более того, говорит Павел, всемогущий Господь расселил людей по всему миру и поместил их в разные условия жизни, так чтобы каждый мог, используя дарованную Богом способность к поиску, искать, ощутить и наконец найти своего личного Бога (Деян 17: 27). Этот поиск, предполагает Павел, для некоторых будет как блуждание наощупь¹⁷. Но тем не менее задача, поставленная перед нами Богом, не столь уж трудна. Мы не будем блуждать очень долго, так как на самом деле Бог не так уж далек от нас. Он хочет, чтобы каждый человек искал и находил Его, поэтому Он рядом с каждым из нас:

“Ибо мы Им живем и движемся и существуем...”

(Деян 17: 28).

Все это не было откровением представителя богоизбранного народа Израиля. Приведенное здесь высказывание Павла представляет собой цитату из сочинения древнегреческого поэта¹⁸. Разумеется, поэт имел в виду не единого истинного Бога христиан, а некое верховное божество, каким бы оно ни было. Однако он достаточно ясно увидел то, что должно стать очевидным любому, желающему прозреть: мы сотворили себя не сами, мы также не способны сами поддерживать стабильное существование земли, на которой мы живем, солнца, которое является необходимым для нашего выживания. Мы всегда и полностью зависимы

от Того, Кто дал нам жизнь и Кто поддерживает нас в этой жизни. Даже воздух, которым мы дышим, был дан Им.

Затем Павел приводит еще более сильное высказывание (Деян 17: 28-29), цитируя Арата, греческого поэта, по своим убеждениям стойка (на сей раз своего земляка, так как он, как и Павел, происходил из Киликии): “Мы Его и род”¹⁹.

Собственно говоря, Арат был пантеистом, и его представление о Боге было неверным. Однако высказывание поэта было очень уместным в речи Павла. Если мы приходим от Творца, то мы можем многое сказать о Творце, глядя на самих себя. Стойки так и делали и поэтому пришли к определенному пониманию истинного Бога. Они обнаружили, что обладают разумом, на этом основании они сделали вывод, что источник, из которого они произошли, должен обладать еще большим разумом. Он должен быть, по существу, Высшим Разумом, началом всякой рациональности во вселенной.

Таким образом, продолжал апостол, языческий обычай изображения божества в виде изваяния из камня или металла должен быть немедленно оставлен. Согласно более утонченным формам язычества, такие изваяния являются лишь символическим изображением богов. Но утонченность формы не меняет ее порочного содержания. Эти изображения — нечто низшее по сравнению с человеческими существами:

*“Есть у них уста, но не говорят;
есть у них глаза, но не видят;
есть у них уши, но не слышат;
есть у них ноздри, но не обоняют...”*²⁰

(Пс 113: 13-14),

в то время как им придается значение не меньшее, но большее, чем людям. Поскольку Господь непостижимо высок, по сравнению с человеком, Он запрещает Своему творению как-либо изображать Себя.

Однако остается неясным один вопрос. Бог, несомненно, выше любого человека, и уж никак не ниже его. У Него нет глаз, однако Тот, Кто наделил нас зрением, не может быть слеп. Пусть у Него нет ушей, но, как говорит древне-

еврейский поэт,

“Насадивший ухо не услышит ли?”

(Пс 93: 9).

Вот почему ложно эпикурейское учение о происхождении человека в любой своей форме — пусть то в древней или в современной. Мы, люди, осознаем себя как личности — и наш Создатель также не может не быть личностью. Стоики были правы, когда утверждали, что раз в человеке есть разумное начало, то Тот, Кто его сотворил, не может не обладать этим началом, и оно присуще Ему в неменьшей степени. Однако в своих выводах стоики не пошли дальше. Они не понимали, что раз мы, человеческие существа являемся личностями, а не просто думающими машинами, то и наш Создатель является личностью в неменьшей степени.

Итак, Господь близок каждому из нас, Он был не менее близок и языческим народам древнего мира. Окружавший их сотворенный мир мог бы рассказать им, если бы они захотели ему внимать, что Создатель земли и неба не может существовать только в пределах храма. Окружавший их мир показал бы им, если бы они захотели увидеть, что Творец, Который дал им все, что они имеют, самодостаточен и не зависит от человека. И им нужно было посмотреть на самих себя, чтобы понять, что их Создатель не может быть в меньшей степени личностью, чем они сами. Он не может быть менее мудрым и рациональным. Многие из них все-таки пришли к пониманию этой истины. Примером тому — Сократ. Поэтому невежество и непонимание не находят себе оправдания.

Отрицание же этих истин лишило и продолжает лишать людей надежды. Если не существует Творца-личности и мы, человеческие существа, возникли из слепой неодушевленной материи под воздействием неких слепых и безличных сил, значит мы, подобно нашим предкам, оказываемся узниками мрачной тюрьмы. Однажды в наше тело проникнет микроб и начнет медленно разрушать нас, наш мозг, наше чувство прекрасного, нашу способность строить планы на будущее и любить. У нас еще может хватить разума понять происходящее, мы убедимся, что точно так же, как

мы не властны решать, являться нам на свет или нет, мы не властны и над безличными, неразумными частичками материального мира, которые нас разрушают. Ирония судьбы заключается в том, что, когда этот микроб разрушит нас, он даже не будет осознавать того, что он сделал. Мы же тем самым навсегда теряем надежду.

Не удивительно, что Бог по милосердию Своему призвал афинян покаяться и побороть свое незнание, открыв им глаза на прекрасную истину: человек Иисус восстал из мертвых, поэтому у человечества и у вселенной есть надежда.

Итоги

Итоги второго Действия кратки, но значительны. Некоторые комментаторы считают речь Павла перед афинским ареопагом неудачной. Однако в результате этой речи несколько человек обратилось к Богу, мы знаем о четверых. А выступление, которое Господь использует, чтобы привести даже одно человеческое существо к примирению и союзу с Творцом и вечной славе, нельзя назвать неудачным.

То, что к Богу немедленно не обратилось значительно большее число людей, не удивительно, по крайней мере, с христианской точки зрения. Ни в чем так явно не проявляется ущербность человеческих отношений со своим Творцом, как в попытке человека быть независимым от Бога. Богач уповает на свои богатства, мудрец — на силу своего разума, который он затем принимает за абсолют, исключаяющий веру в Бога. Однако поступать так — значит злоупотреблять разумом, используя его в несвойственной для него функции²⁰. Так, разум не призван создавать объектов исследования физических наук²¹. Объекты — в данном случае речь идет о всей материальной вселенной — уже даны. Они изначально существуют. Разум принимает эти объекты как данное и изучает их с целью понять. Но отнюдь не создает их. Исходной точкой исследования является, как правило, нечто непонятное, не вписывающееся в существующие теории. Разум не отбрасывает эти непонятные феномены просто потому, что они не вписываются в пробные объяснительные схемы, которые были построены

им ранее.

Так же обстоит дело и с познанием и пониманием Бога. Объектом в данном случае выступает откровение Бога о Самом Себе как о Личности, постигаемой путем веры, которое ведет к пониманию с помощью как веры, так и разума. Но если человек полагается лишь на разум, отбрасывая веру, он тем самым автоматически отсекает и существенную часть объекта и тем самым закрывает себе путь к пониманию божественного Самооткровения (Лк 10: 21; 1 Кор 1: 18-31). Если этот человек будет занимать по-добную позицию и в своей обыденной жизни по отношению к своим близким, то его жене никогда не удастся доказать, что она его любит!

Некоторые члены ареопага, едва услышав весть о воскресении Иисуса Христа, тут же подняли Павла на смех²². Но они смеялись напрасно. Будь они представителями традиционной религии, у них было бы куда больше поводов посмеяться над собственными, порою совершенно абсурдными, мифами о богах. Если в совете были стоики и эпикурейцы, то можно предположить, что они, будучи совершенно уверенными, что их собственные предпосылки точны, сочли, что нет необходимости рассматривать данные о воскресении серьезно и что сама идея воскресения из мертвых может быть сразу же отброшена. Мудрым в Афинах считалось думать, что мертвый человек не может воскреснуть. Так считал, например, знаменитый древнегреческий трагик Эсхил, написавший трагедию, посвященную учреждению ареопага²³. Правда, никто не доказал, что это именно так. Однако никто и не чувствовал потребности в подобных доказательствах, ибо это мнение было общепринятым и предполагать что-либо иное считалось просто бессмысленным.

Так, эпикурейцы считали, что их атомистическая теория по существу доказывает, что смерть ставит точку в судьбе человека. Атомизм не оставлял места даже для сохранения души, не говоря уже о сохранении тела. Вероятно, эпикурейцы смеялись над Павлом больше всех.

Однако, согласно атомистической теории эпикурейцев,

атом считался мельчайшей неделимой частицей материи. Отсюда и происходит термин “атом”. Мысль о том, что атомы могут расщепляться, показалась бы им совершенно абсурдной. Они смеялись бы над ней столь же громко²⁴.

Примечания

¹ Ср., 1 Фес 5: 3 и 2 Фес 2: 3-12, а также Откр 13: 4-8.

² М. А. Fishbane, JUDAISM, REVELATION AND TRADITIONS (San Francisco: Harper & Row, 1987), p. 144 [М. А. Фишбейн. Иудаизм, откровение и традиции].

³ См. подробнее: E. Schurer, THE HISTORY OF THE JEWISH PEOPLE IN THE AGE OF JESUS CHRIST, vol. 2, revised and edited by G. Vermes, F. Millar, M. Black (Edinburgh: T. & T. Clark, 1979), pp. 448-554 [Э. Шурер. История еврейского народа во времена Иисуса Христа, т. 2].

⁴ J. D. Rayner and B. Hooker, JUDAISM FOR TODAY (Union of Liberal and Progressive Synagogues, 1978), pp. 37-38 [Дж. Рейнер и Б. Хукер. Иудаизм в сегодняшнем мире].

⁵ Раби Акива назвал его Бар-Кохбой, то есть “сыном звезды”, имея в виду пророчество о Мессии в Числ 24: 17: “Восходит звезда от Иакова”.

⁶ J. D. Rayner and B. Hooker, Op. cit., p. 35.

⁷ Деян 18: 2, см. также комментарий на с.

⁸ По вопросу о реальности посещения Павлом ареопага и о том, насколько достоверно передает речь Павла Лука, см.: С. J. Hemer, THE SPEECHES OF ACTS II, THE AREOPAGUS ADDRESS, TYNDALE BULLETIN 40. 2 (1989), pp. 239-259 [С. Дж. Хемер. Речи в Деяниях святых Апостолов. II. Речь в афинском ареопаге].

⁹ Ни один из представителей эпикурейской школы так и не объяснил, каким образом произошел этот скачок, а также почему в бесконечном космосе, где отсутствуют понятия верха и низа, первоначально атомы находились в свободном падении.

¹⁰ Современные теории эволюции, в частности, теория доктора Ричарда Докинса (см., напр., его кн.: R. Dawkins, THE BLIND WATCHMAKER (London: Longman, 1986) [Слепой часовщик], в которых выдвигается идея развития, основанного на эффекте постепенного накопления и естественного

отбора, представляет собой лишь дальнейшее развитие этой древней теории. Да и само по себе эволюционное учение является не новым, а достаточно древним.

¹¹ Лукреций. О природе вещей, I. 63-79, 102-19; III. 1014 и след.

¹² Впрочем, вовсе не обязательно приводить такие трагические примеры, как гитлеровский геноцид, сталинские репрессии или массовые убийства, осуществлявшиеся красными кхмерами. Достаточно вспомнить о бесчисленных примерах коррупции в бизнесе, судах, политике, о безжалостной несправедливости, которая может преследовать человека в его личной жизни. Все это хоть и не убивает, но разбивает сердце, служит источником позора, ведет к нищете или тяжелым болезням.

¹³ Как в основах атомистической теории — хотя она и значительно отличается от современной теории строения атомного ядра, — так и в деталях. Например, атомистические представления о запахах сильно напоминают современные взгляды на этот вопрос.

¹⁴ Это несколько напоминает современные представления об энергии. Однако у стойков жизненная сила не преобразовывалась в материю, она понижывала ее.

¹⁵ Возвращаясь к вопросу о “водительстве”, или “руководстве”, который обсуждался в начале настоящего раздела, необходимо заметить следующее: из-за веры стойков в то, что все происходящее связано нерушимой цепью причин и следствий, они считали, что люди, обладающие особым даром (ясновидящие, астрологи, медиумы), могут предсказывать будущее по полету птиц, по состоянию печени жертвенных животных или по необычным совпадениям. Это вело ко всякого рода суевериям.

¹⁶ Еврипид. Отрывок 968. Цит. по: F. F. Bruce, THE BOOK OF THE ACTS, New International Commentary on the New Testament (Grand Rapids, MI: Wm B. Eerdmans, 2 1988), p. 336, п. 65 [Ф. Ф. Брюс. Книга Деяний святых Апостолов].

¹⁷ Слово, которое в переводе Библии на русский язык звучит как “ощутить” означает также “протянуть руку и пощупать”, то есть описывает действия человека,двигающегося в темноте.

¹⁸ Возможно этим автором является Эпименид Критский (живший около 600 г. до н.э.), однако данная гипотеза оспаривается рядом ученых.

¹⁹ Слово, употребляющееся в греческом тексте, означает также “дети”. При этом следует отметить, что Арат не имеет здесь в виду рождение свыше, когда твари Божьи становятся детьми Божиими (Ин 1: 12; 3: 3). В этом, последнем, смысле далеко не все люди являются детьми Божиими.

²⁰ E. H. Andrews, *CHRIST AND THE COSMOS* (Welwyn: Evangelical Press, 1986), pp. 9-20 [И. Х. Эндрюс. Христос и космос].

²¹ См., напр.: T. F. Torrance, *THEOLOGICAL SCIENCE* (Oxford: Oxford University Press, 1969); M. Polanyi, *PERSONAL KNOWLEDGE* (London: Routledge & Kegan Paul, 1958); L. Newbigin, *FOOLISHNESS TO THE GREEKS* (London: SPCK, 1986) [Т. Ф. Торренс. Теологическая наука; М. Полани. Личное знание; Л. Ньюбигин. Для Еллинов безумие].

²² Изложение этой проблемы см.: F. F. Bruce. *Op. cit.*, p. 342.

²³ Эсхил. Эвмениды, 647-648.

²⁴ Современные эпикурейцы (если бы таковые существовали), очевидно, придерживались бы мнения, что неделимы субатомные частицы.

ДЕЙСТВИЕ 3

ПОСЛАННЫЙ БОГОМ МЕССИЯ И НОВЫЙ НАРОД БОЖИЙ

(Деян 18: 1-28)

В Коринфе стояли друг подле друга два здания. В одном из них помещалась синагога, другое было частным домом. В одном для молитвы и изучения Священного Писания собирались иудеи, в другом — христиане, близкие и в то же время — далекие друг другу люди. Нет слов, чтобы передать глубину той пропасти, которая образовалась между евреями и христианами в Коринфе. Откуда пошло это разделение, что оно значило и какие из него следуют выводы, — обо всем этом пойдет речь в данном Действии. А поскольку произошедшее в Коринфе в дальнейшем будет повторяться повсюду и в других частях языческого мира, рассказ об этом волнует нас и по сей день.

Павел как апостол, призванный служить язычникам, снова оказывается там, где начинается раскол, который, как всегда, отдается болью в его сердце (Рим 9: 1-3). Раскол этот был прискорбным в тройном отношении. Во-первых, евреи и христиане, поклонявшиеся одному и тому же Богу и почитавшие одно и то же Священное Писание, афишируя свои разногласия в языческом городе Коринфе, не могли усилить убедительность свидетельства о едином истинном Боге в противовес господствовавшему идолопоклонству и безнравственности жителей этого города. Павлу было мучительно видеть, как евреи обвиняют христиан перед римским судом и пытаются добиться запрета на христианство.

Во-вторых, иудаизм сделал благое дело по отношению

к другим народам, приведя многих из их представителей к вере в Бога, научив их Слову Божьему и явив им тем самым славную надежду Израиля на то, что

“...будет корень Иессеев, и восстанет владеть народами; на Него язычники надеяться будут”

(Рим 15: 12).

Благодаря этому влиянию Тит Иуст, римлянин, чей дом стоял рядом с синагогой, уверовал в Бога. Грустно было видеть, что синагога отталкивает людей, уверовавших в то, что Иисус был корнем Иессеевым, и не только таких, как Иуст, но и других язычников, которые во все возрастающем количестве становились верными Господу Иисусу Христу, оставляли благодаря Ему языческое богослужение, уверовав в истинного Бога Израиля. Когда эти христиане-неевреи начинали свидетельствовать перед своими друзьями о том, что языческие божества являются ложными, истинный же Бог есть Тот, Которому поклоняются иудеи, отношение синагоги к таким христианам нееврейского происхождения чрезвычайно усложняло задачу.

Однако наиболее прискорбным для Павла как истинного сына Израиля было осознание последствий того, что его соотечественники отвергали Иисуса, Чьим именем мы только и можем спастись. В связи с этим возникла проблема, требовавшая безотлагательного богословского анализа. Каждый истинный христианин верил и верит, что Израиль — особая нация, богоизбранный народ, который удостоился чести быть свидетелем Божиим в языческом мире, чтобы провозглашать великую славу Творцу и Спасителю человечества (Ис 43: 10-13) и возвещать о пришествии Мессии Божьего как Света и Искупителя народов (Ис 42: 1-9). Как же понимать, что Израиль в качестве поставленного Господом свидетеля, отказывается признать пришествие Мессии Божьего, предаются злословию (Деян 18: 6) и делают все от них зависящее, чтобы другие народы не уверовали в Него? Значит, ветхозаветное обетование о том, что Израиль является богоизбранным народом и исполнителем предназначенной ему Богом роли, оказывается несостоятельным? Нет, христиане не могли

этого принять, само их благовестие исходило из истинности Ветхого Завета (Рим 1: 2-3; 3: 21) и видело в нем свое обоснование. Что же в таком случае происходило с Израилем, с его положением как народа Божьего и с его ролью свидетеля Божьего? Как можно было понять и объяснить сложившуюся ситуацию?

Изготавливая палатки, проповедуя и путешествуя, апостол Павел долго и мучительно размышлял над этим жгучим вопросом. Ответ, который дал ему Бог, заставил апостола преклониться перед мудростью божественного замысла, направленного на то, чтобы излить милость на каждого. Когда апостол наконец вернулся в Коринф, он написал об этом в длинном послании, направив его римским христианам (Рим. гл. 9-11). Откровение, которое апостол получил от Господа в ночном видении во время своего первого пребывания в Коринфе, должно было послужить частью ответа на этот мучительный вопрос.

Тем временем Лука, осознавая далеко идущие последствия произошедшего в Коринфе и в других местах, например, в Ефесе, приводит не только описание первого посещения Павлом Коринфа, но и рассказ о приезде в Коринф некоего Аполлоса. Оба рассказа наполнены впечатлениями о божественном провидении. Не могло быть простым совпадением, что после того, как свидетельство Павла иудеям Коринфа было отвергнуто еврейской общиной города, и апостол должен был оставить Коринф, некто Аполлос, иудей, толкователь Ветхого Завета, прибыл из Александрии и подтвердил свидетельство Павла о том, что Иисус действительно был Мессией перед той же самой общиной (18: 5, 27-28).

Коринф, первый период: зарождение нового народа Божьего

В начале Действия 2 мы узнали, что иудеи обвиняли христиан перед городскими властями в том, что представители новой религии действуют вопреки указам кесаря и учиняют гражданские беспорядки (Деян 17: 6-8). В начале

и другим менять под давлением острой критики содержание этого послания ради компромисса с теми, кто отвергает послание. Он не будет говорить, что противление слову Божьему и спасению не повлечет за собой катастрофических последствий. В то же время апостол не ищет способа коварно отомстить своим соплеменникам. Напротив, он говорит им, что Бог возложил на него ответственность за них. Поэтому он, Павел, сделал все, что в его силах, ради их спасения, и лишь ныне, ввиду их откровенного сопротивления, не дающего ему возможности сделать большего, он чувствует, что свободен от ответственности и может теперь укрепляя сердце оставить их страдать от неизбежных последствий своего сопротивления. Ведь не меньшую ответственность апостол Павел несет и перед другими народами. Раз его соплеменники-иудеи отвергают своего Мессию и Спасителя, унижают Его посланников и проявляют пренебрежение к слову Божьему в синагоге в присутствии язычников, Павел должен перейти в другой дом, где он сможет спокойно исполнить возложенный на него Господом долг перед язычниками, жаждущими услышать весть о своем Спасителе.

Итак, Павел покинул синагогу, не перестав печалиться по поводу того, что иудеи и христиане молятся отдельно, каждый — в своем доме. Все это не могло не заставить его опять задуматься над принципиальными теологическими вопросами, которые были упомянуты выше.

Однажды, в ночном видении, Господь обратился в Павлу, вдохновляя его продолжать благовествование. Не только содержание этого обращения, но и термины, которые Он при этом использовал, помогли Павлу лучше понять сложившуюся ситуацию. Поэтому мы должны быть очень внимательны к нюансам языка в соответствующем библейском тексте:

“Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла; потому что у Меня много людей в этом городе”

(Деян 18: 9-10).

При поверхностном прочтении выражение “много

людей” можно понять просто как “множество людей”, то есть как “множество людей в этом городе, которые могут обратиться к Богу”. Однако подобная интерпретация означает, что речь идет об отдельных обращенных, что привносит неверный акцент в смысл фразы. В греческом тексте этому выражению соответствует слово “*laos*”, которое имеет значение “группа людей”, “толпа” или “народ”. Множественное значение этого слова имеет значение не “люди”, а “народы”. Но для полного понимания этой фразы необходимо еще учесть то, что данное греческое слово является эквивалентом древнееврейского слова, которое в Ветхом Завете всегда используется для обозначения народа Израиля. “Мой народ”, — говорит об израильтянах Господь. Во Втор 7: 7-8 Он говорит через Моисея, что избрал их не за многочисленность (на самом деле, они были малочисленным народом, по сравнению с другими). Он избрал их потому, что возлюбил их и они стали Его народом.

И вот теперь Господь говорит Павлу, что в Коринфе у Него “много людей”, которым предстоит стать “Его народом” в том смысле, в котором Израиль был Его народом на протяжении многих веков. Но характерный момент здесь заключается в том, что если в ветхозаветные времена израильтяне были “народом Божьим”, а другие народы — нет, то теперь произошла разительная перемена: народ Божий отныне включает в себя как евреев, так и неевреев.

В последующие месяцы своего пребывания в Коринфе и после отъезда оттуда Павел снова и снова обращался в душе к этим словам Господа. Он видел в них свидетельство великого милосердия Божьего: язычники, никогда прежде не принадлежавшие к народу Божьему, ныне получали возможность называться этим именем¹. Однако Павел видел также, что дарование Богом этой возможности уверовавшим из других народов вовсе не походило на план действий, составленный в экстремальной ситуации, возникшей в связи с тем, что Мессия оказался отвергнутым людьми, бывшими народом Божьим до сего времени. Бог заранее предвидел это сопротивление, выработав Свой план действий на тот момент, когда оно начнется.

В Рим 9: 23-26 Павел открывает нам, что ключ к пониманию дают начальные главы книги пророка Осии. В те далекие дни, когда жил пророк, десять колен Израилевых столь далеко отошли от Бога, что Господь повелел Осии известить их во имя Свое:

“...вы — не Мой народ, и Я не буду вашим Богом”

(Ос 1: 9).

Итак, Бог отрекся от десяти колен. Однако милосердие Божье таково, что Он тут же объявляет, что придет день, когда они вновь обретут свой прежний статус “народа Божьего”:

“...и там, где говорили им: “вы не Мой народ”, будут говорить им: “вы сыны Бога живого”

(Ос 1: 10).

Чуть позже Господь повторяет Свое обетование:

“...и скажу не Моему народу: “ты — Мой народ”, а он скажет: “Ты — мой Бог!””

(Ос 2: 23).

Павел получил большое утешение от этих обетований: даже если подавляющее большинство Израиля готово ныне отвергнуть Мессию и пасть, все равно придет день, когда Господь их восстановит. Павел с негодованием отверг мысль о том, что Бог окончательно и навсегда проклял или проклянет Израиль, поступки которого предвидел заранее. Народ как целое оступался, это верно. Но эта ошибка поправима. Некогда весь народ будет спасен (Рим 11: 1-2, 11, 26).

Более того, в словах, которыми Бог много веков назад возвестил о грядущем восстановлении Израиля, апостол Павел сумел распознать замысел и намерения Божьи распространить право быть Его народом и на неевреев. В этих словах Павел увидел также и принцип осуществления этого замысла. Прежде чем Израиль будет восстановлен, он должен признать, что утратил право называться “народом Божьим”. Бог нарек его не “Своим народом”. Если Господь простит его, восстановит его статус и даст ему право вновь

называться почетным именем Своего народа, то это будет исключительно актом Божьей милости, которую народ никак не заслужил. Отсюда следует, что раз Божья милость могла быть дана израильтянам, которые уже не стали “народом Божьим”, то Господь может оказать честь и даровать спасение уверовавшим язычникам, никогда прежде не принадлежавшим “народу Божьему”.

Именно об этом Господь и напомнил апостолу Павлу в ночном видении в Коринфе. Разумеется, это было известно Павлу и ранее. Еще во время Иерусалимского апостольского собора Иаков напомнил присутствующим, что Бог

“...первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое”

(Деян 15: 14).

Однако обращение Бога к апостолу в Коринфе не было лишь напоминанием. Оно заставило Павла с благоговением осознать, что пребывающий с ним Господь продумал стратегию благовествования всему миру.

“Ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла; потому что у Меня много людей в этом городе”

(Деян 18: 10).

Богу было всегда известно, что произойдет по Его воле в Коринфе и каковы будут последствия этих событий. Вот почему (без ведома Клавдия) Он воспользовался императорским указом, чтобы в нужное время привести в Коринф Акилу и Прискиллу, в доме которых нашел пристанище апостол Павел, прибыв в этот город. Для Бога не было случайностью и то, что Акила, Прискилла и Павел (или даже ранее их родители), каждый по своей собственной инициативе, избрали своим ремеслом изготовление палаток.

Будучи “народом Божьим”, Израиль удостоился свидетельствовать о Боге всему миру, он был, если воспользоваться метафорой апостола Павла, маслиновым деревом, на котором прививалась вера других народов (Рим 11: 17-24). Но раз евреи в синагоге Коринфа отвергли Господа Иисуса Христа как Мессию и оскорбили Его и Его благую весть в присутствии язычников, то они тем самым оказались

недостойными роли, определенной им Богом: маслиновая ветвь их веры сломалась. Однако Господь всегда знает, что делать. Он предвидел эти события. Множество язычников, а также и некоторые из евреев, например, Крисп со своей семьей уверовали в Господа Иисуса Христа и приняли крещение. Они удостоились чести быть “народом Божиим” в той же мере, что и Израиль. Ветви дикой маслины, пусть, нередко в прошлом — совсем дикие (1 Кор 6: 9-11), были привиты к маслине (Рим 11: 17) и стали свидетелями Господа в Коринфе.

Произошедшее в Коринфе повторится затем и во всем мире. Отныне свидетельство об истинном Боге будет распространяться главным образом верующими язычниками, хотя и не исключительно ими. Это будет происходить до тех пор, пока, в соответствии с замыслом Божиим, обращение миллиардов людей, некогда бывших язычниками, от идолопоклонства к вере Бога Авраама, Исаака и Иакова не заставит отпавший от веры Израиль возревновать, покаяться и восстановить свое прежнее положение народа и свидетеля Божьего в мире (Рим 11: 13-14).

Коринф, второй период: новое обращение к древнему народу Божьему

Когда сопротивление синагоги утверждению о том, что Иисус — это Мессия, привело к образованию рядом с синагогой крепкой и постоянно растущей христианской церкви, иудеи предприняли в городе новый поход против христианства, который мог закончиться полным его искоренением. Они обвинили апостола Павла перед только что прибывшим из Рима проконсулом Галлионом в том, что Павел “учит людей чтить Бога не по закону” (Деян 18: 13). Не совсем ясно, что имелось в виду под подобным обвинением. Мало вероятно, что его обвинили в государственной измене, как в Фессалониках (Деян 17: 6-7), в противном случае Галлион рассмотрел бы это дело подробней.

Очевидно, под “законом” подразумевались основные положения иудаизма. Евреи утверждали, что убежденность

в мессианской сущности Иисуса настолько противоречит этим положениям, что ни апостола, ни основанную им церковь, треть которой составляли евреи, а остальную часть — язычники со своими специфическими обычаями, нельзя более относить к какому-либо направлению в иудаизме.

Какова была цель подобного обвинения против христиан перед судом римского проконсула? Иудеи в Коринфе (да и в других городах) были разрешенной общиной, то есть пользовались официальным признанием Рима. Они имели все привилегии, распространявшиеся на такие общины, и находились под защитой римского закона. Они стремились доказать следующее. Раз вероисповедание христиан в корне отличается от иудейского, то они не являются частью разрешенной общины. Они не имеют права на самостоятельную общину и могут претендовать на защиту римского закона. Поэтому они, вероятно, заслуживают наказания за незаконную деятельность².

По существу, обвинение основывалось на утверждении местной синагоги о том, что вероисповедание христиан является принципиальной ересью, несовместимой с истинным иудаизмом. Разумеется, это был чисто богословский вопрос, и Галлион постановил, что такой вопрос не находится в компетенции римского гражданского суда.

“...Галлион сказал Иудеям: Иудеи! если бы какая-нибудь была обида, или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас; но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами: я не хочу быть судьей в этом”

(Деян 18: 14-15).

Итак, проконсул отказался рассматривать дело и обвинявшие апостола Павла иудеи должны были покинуть здание суда. Тем временем в городе кипели антисемитские страсти — явление редкое в языческом городе. Толпа окружила Сосфена, начальника синагоги, и стала избивать его прямо перед зданием суда. Сообщается, что Галлион никак не отреагировал на происходящее. Представителям других вероисповеданий и неверующим быстро приедаются богословские споры между сторонниками одного и того же

(по крайней мере, с точки зрения постороннего), вероисповедания, когда одна их сторон пытается одержать верх над другой при помощи гражданского закона. Едва ли что-либо еще вызывает столь сильное отвращение у людей.

И т о г и

Решение Галлиона, несомненно, облегчило христианам жизнь в Коринфе (по-видимому, и в других городах тоже). Однако оно никоим образом не могло разрешить спор между иудаизмом и христианством. Подобный спор и не может быть решен ни в одном гражданском суде — окончательное его разрешение придется отложить до определенного дня, упоминавшегося Павлом в его речи перед членами ареопага, дня, когда Господь

“...будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа”

(Деян 17: 31).

Много времени спустя после знаменательного решения Галлиона Павел покинул Коринф и отправился в Сирию. Лука кратко, всего в нескольких стихах (Деян 18: 18- 23) — как и в начале пятого Раздела, посвященного пути Павла из Азии в Европу, — рассказывает о долгом возвращении апостола через Ефес, Кесарию (и, возможно, Иерусалим) обратно в Антиохию, а затем о третьем миссионерском путешествии апостола в Галатию и Фригию.

О подробностях этого долгого пути почти ничего не сообщается, за исключением одной детали, крайне важной, так как она связана с тем, что Бог попрежнему желал бы сообщить иудеям Коринфа. Павел покинул Коринф вместе с Акилой и Прискиллой. Вероятно, иудеи Коринфа вздохнули с облегчением, когда эти возмутители спокойствия наконец удалились из города. Но если это так, то покой длился недолго.

Прибыв в Ефес, Павел по обыкновению отправился в синагогу — в городе еще не было ни одной христианской церкви — и говорил с иудеями (Деян 18: 19). Это уже бывало и ранее, сперва его приняли хорошо и просили остаться.

Однако апостол, осознавая волю Божью, повелевавшего ему торопиться, отказался и простился с ними, сказав:

“...к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу”

(Деян 18: 21).

И так ушел, оставив в Ефесе Акилу и Прискиллу. Не подлежит сомнению, что те продолжали ходить в синагогу.

В одну из суббот там появился гость из Александрии. Звали его Аполлос, и, похоже, многие ученые, которыми издавна был знаменит Ефес, собирались его послушать. Аполлос обладал огромными познаниями, был авторитетом в том, что касалось Святого Писания и пламенным верующим (как сказано, “горел духом”). “Он был наставлен в начатках пути Господня”, — но лишь до определённой черты: по словам Луки, то, что Аполлос проповедовал об Иисусе, было верным, но единственное крещение, которое он знал, было крещение Иоанна. Тем не менее, излагая свои знания, он произвел благоприятное впечатление на слушателей в синагоге. Его познания и опыт в области христианства, разумеется, не исчерпывались крещением Иоанна и пониманием его смысла, как хорошо видно уже из первого сюжета следующего, четвертого Действия. Тем не менее для Израиля Иоанново крещение было очень важным вступлением и приготовлением к пришествию Мессии. Иоанн был истинным предтечей Мессии, и его крещение играло двоякую роль: объективную и субъективную. Объективно оно свидетельствовало о пришествии Мессии и указывало Израилю: Он — Тот, Который по Своем пришествии будет крестить людей Духом Святым (Лк 3: 15-17). Субъективно же оно должно было приготовить людей, открыв им глаза, дабы они смогли узнать Мессию, когда Он явится, а также “увидеть” Его спасение, испытав его на личном опыте.

Иоанн Креститель говорил, что покаяние является совершенно необходимым условием этого приготовления. Иоанн был иудейским пророком в классическом смысле слова. Его проповедь раскрывала и обличала греховность народа, крещение Иоанна было не только призывом к

покаянию, но и давало возможность совершить его публично (Лк 3: 2-6). Без такого покаяния даже Израиль никогда бы не смог узнать пришедшего Мессию.

В сущности, все люди одинаковы. Речь Павла перед афинянами, религиозно ли, философски ли настроенными, была божественным призывом оставить невежество и грехи и покаяться. Такой же характер носило обращение Иоанна к израильтянам. И вот теперь появился Аполлос, напомнив иудеям Ефеса недавнюю историю Иоаннова крещения, стремясь убедить их в том, что Иисус является Мессией, подготовить их к принятию спасения.

Разумеется, христианская благая весть не сводится только к Иоаннову крещению. После того, как Акила и Прискилла услышали проповедь Аполлоса, они пригласили его к себе и изложили ему сущность пути Божьего “точнее”. Вовсе не случайно оказались они в Ефесе именно в это время и имели беседу с Аполлосом перед тем, как тот отбыл в Коринф. Если бы этого не случилось, новообращенным из недавно возникшей христианской церкви было бы неловко принимать столь ученого и сведущего в Ветхом Завете человека, но знавшего о христианстве меньше, чем они сами.

Итак, когда Аполлосу пришла пора отправляться в Коринф, он прибыл в этот город во всеоружии и

*“...много содействовал уверовавшим благодатию [Божьей]:
Ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая
Писаниями, что Иисус есть Христос [Мессия]”*

(Деян 18: 27-28).

Несмотря на разделение между евреями и христианами, очевидно, что какие-то формы общения между враждующими сторонами еще существовали. Аполлос умело воспользовался этим. Не подлежит сомнению, что он напомнил иудеям о крещении Иоанновом, его исторической роли, моральном и духовном значении.

Это последнее свидетельство перед иудеями Коринфа было свидетельством доброты Божьей. Напомним читателю о том, что произошло в последнюю неделю пребывания Иисуса в Иерусалиме. Главные священники, учителя закона и вожди народа к тому времени уже приняли твердое реше-

ние уничтожить Иисуса. Приблизившись к Нему, когда Он проповедовал Евангелие народу, они властно потребовали, чтобы Иисус сказал им, чьей властью совершает чудеса, и кто дал Ему на это право.

Он же ответил вопросом на вопрос.

“...Спрошу и Я вас об одном, и скажите Мне: крещение Иоанново с небес было, или от человеков?”

(Лк 20: 3-4)

Те сразу же поняли, к чему ведет подобный вопрос, и в присутствии народа признали, что не знают ответа (Лк 19: 47-20: 8).

Точно так же и иудеи Коринфа категорически отвергли благовестие апостола Павла о том, что Иисус является Мессией, и публично осудили христиан перед римским проконсулом. Теперь, когда Павел ушел, молодая христианская церковь имела все основания опасаться новых гонений. Однако для публичных дискуссий с иудеями Бог послал ей Аполлоса, тонкого знатока Библии и экзегета, сильной стороной которого было понимание крещения Иоаннова. Лука свидетельствует, что Аполлос “много содействовал уверовавшим благодатью”. Будем надеяться, что он много содействовал и иудеям в синагоге, потому что зачастую не интеллектуальные затруднения, а неспособность покаяться в совершенных грехах не позволяет человеку увидеть, что Иисус есть Христос.

Примечания

¹ См. замечания Петра в: 1 Петр 2: 9-10.

² Так считает исследователь Ф. Ф. Брюс. См.: F. F. Bruce, THE BOOK OF THE ACTS, New International Commentary on the New Testament (Grand Rapids, MI: Wm B. Erdmans, 2 1988), p. 353 [Книга деяний святых Апостолов, новый комментарий к тексту Нового Завета]. — См. также: С. J. Hemer, THE BOOK OF ACTS IN THE SETTING OF HELLENISTIC HISTORY, ed. Conrad H. Gempf (Tubingen: J. C. V. Mohr, 1989), pp. 119-120 [С. Дж. Хемер. Книга деяний святых Апостолов в свете истории эллинизма].

ДЕЙСТВИЕ 4: СВЯТОЙ ДУХ И ИМЯ ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА (Деян 19: 1-20)

Действие 4 вновь возвращает нас к теме, которая составляет лейтмотив Действия 1: Святой Дух против злых духов язычества. В четвертом Действии обсуждение этой темы достигает кульминации в торжестве слова Божьего над спиритизмом и оккультизмом, которыми был столь известен город Ефес.

В связи с этим в Действии 4 особое значение придается имени Господа Иисуса Христа. В первой части Действия (Деян 19: 1-7) повествуется о том, как двенадцать учеников крестились во имя Иисуса Христа и обрели Святого Духа. Во второй части данного Действия рассказывается о том, как некие иудейские заклинатели попытались прибегнуть к имени Господа Иисуса ради своих целей (Деян 19: 13), что привело к их поражению злым духом (Деян 19: 15-16) и послужило дальнейшему укреплению имени Господа Иисуса Христа в Ефесе (Деян 19: 17).

Такая структура повествования возвращает нас к самому ядру христианской благой вести, которому был посвящен первый Раздел Деяний: отношениям между Господом Иисусом и Святым Духом Божиим. Излияние Духа Святого на апостолов вознесенным Иисусом показывало, что Бог сделал Его Господом (в самом высоком смысле этого слова) и Мессией (Деян 2: 33-36). Излияние Духа Святого давало всем уверовавшим в Господа Иисуса Христа духовное состояние и опыт, которые не были доступны людям прежде. В четвертом Действии будет проанализирован опыт двух

весьма различных групп иудеев, чьи представления о Господе Иисусе Христе и Святом Духе были искаженными. Этот анализ вновь показывает нам, что такое христианство, но теперь уже с совершенно иной точки зрения.

Павел в Ефесе (1): Святой Дух и искаженные представления о христианстве

Рассказ о двенадцати учениках в Ефесе вызывал и продолжает вызывать много споров. Поэтому для того, чтобы правильно понять его, мы будем как можно более точно следить за ходом мысли в самом тексте.

Двенадцать людей, о которых идет речь, названы “учениками”, причем, чьи они ученики, специально не оговаривается. Поэтому можно предположить, что здесь, как и в других местах Деяний, это выражение используется для того, чтобы сказать, что они либо были, либо считали себя учениками Господа Иисуса Христа. Встретившись с ними, Павел спросил их:

“...Приняли ли вы Святого Духа, уверовавши?”

(Деян 19: 2).

Вероятно, он задал этот вопрос потому, что почувствовал в них какой-то духовный изъян. Однако, даже если апостол сделал это без всякой задней мысли, их ответ показал, что такой духовный изъян в них действительно был:

“Они же сказали ему: мы даже и не слышали, есть ли Дух Святый”

(Деян 19: 2).

Слова эти могут показаться странными, но они напоминают другое высказывание, содержащееся в Евангелии:

“Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него; ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен”

(Ин 7: 39).

Смысл текста из Евангелия от Иоанна прозрачен: Свя-

той Дух еще не сошел и не сойдет до тех пор, пока Господь Иисус Христос не восстанет из мертвых и не будет вознесен (Ин 16: 7). Именно поэтому во многих переводах эта фраза звучит так: “Святой Дух еще не сошел...”. Допустим, что именно такой смысл содержится и в словах двенадцати учеников. Однако, как ученики Иисуса могли не знать о сошествии Святого Духа? Где они были все это время? И, если их ответ искренен, то в каком смысле их можно называть учениками Христа?

“Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение”

(Деян 19: 3).

И это все объясняет. Как мы говорили выше, Иоанново крещение было крещением покаяния. Те, кто приняли его, откликнулись на призыв Иоанна покаяться, чтобы подготовиться к приходу Мессии. Итак, люди чистосердечно покаялись, публично приняли крещение в знак искренности своего покаяния и, несомненно, делали все возможное, чтобы в дальнейшем жить в соответствии со своими новыми установками.

Безусловно, покаяние совершенно необходимо, чтобы стать христианином, но оно само по себе недостаточно. Нужно нечто большее. О том, что обязательно должно следовать за покаянием, было сказано Иоанном Крестителем, на которого и сослался Павел. Он сказал:

“Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем [выд. мной — Д. Г.], то есть во Христа Иисуса”

(Деян 19: 4).

Очевидно, что это было не новостью для слушателей Павла, почему же он тогда счел нужным напомнить им об этом еще раз? И почему же эти слова сыграли такую важную роль в жизни двенадцати учеников? Лука сообщает нам:

“Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса. И, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой...”

(Деян 19: 5-6).

Однако это событие было значимо не только для жизни двенадцати учеников, оно стало прецедентом, который должен был всем последующим поколениями показать решающее различие между учеником, который покался, но лично не уверовал в Господа Иисуса Христа, и таким, который покался и уверовал. Поэтому в данном случае Святой Дух явно отметил это различие, используя особый видимый знак:

“И, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святой, и они стали говорить иными языками и пророчествовать”

(Деян 19: 6).

Классическое изложение тех шагов, которые необходимы для того, чтобы стать христианином в подлинном смысле этого слова, будет дано апостолом Павлом позже, в его речи перед пресвитерами церкви в Ефесе (Деян 20: 21). Нужно сделать два таких шага: принять покаяние перед Богом и уверовать в нашего Господа Иисуса. То, что можно совершить первый шаг, не сделав при этом второго, демонстрирует история двенадцати учеников. Вероятно, и сейчас найдется немало людей, оказавшихся в таком же положении, как и эти ученики до их встречи с Павлом. Эти люди тоже искренне покаются, они постоянно каются в своих грехах Богу, и соглашаются с тем, что Иисус является Спасителем мира. Однако, по их собственному признанию, они не примирились с Богом, и в душе у них нет уверенности, что они будут спасены от гнева Господа через Иисуса Христа. Эта уверенность и мир сообщаются Святым Духом всем, кто верит в Господа Иисуса (Рим 5: 1-11). Если же эти чувства отсутствуют, то это означает, что человек, совершивший первый шаг покаяния, не сделал второго, возможно, из-за непонимания того, что значит лично верить в Иисуса Христа, или из-за незнания того, что второй шаг должен быть сделан.

Однако мы не получили ответ на следующий вопрос: почему Павел потребовал, чтобы уже уверовавшие ученики снова приняли крещение? Ведь они уже были крещены крещением Иоанновым. Зачем понадобилось крестить их

вновь, на этот раз именем Господа Иисуса Христа? Понятно, что Павел не был узколобым легалистом или ритуалистом. Ответ заключается в том, что он стремился внушить им жизненно важную идею: человек, не уверовавший в Господа Иисуса Христа лично, не является христианином в полном и истинном смысле слова. Только тогда, когда человек делает этот великий шаг и становится верующим, для него имеет смысл крещение во имя Господа Иисуса Христа. Со стороны Павла было бы непростительным упущением позволить миру думать, что искаженные бездуховные представления двенадцати учеников до того, как они уверовали, и были истинным, полноценным христианством.

В основе искаженных представлений и неверного поведения двенадцати учеников лежала очевидная причина: отсутствие знания слова Божьего. Отсюда следует, что способом исправления этого искаженного духовного состояния должны служить проповедь и разъяснение слова Божьего. Читателя не может не воодушевлять то, как Павел приступил к выполнению этой задачи. В течение трех месяцев апостол смело проповедовал в синагоге. Когда же синагога Ефеса, как и синагога Коринфа, отвергла благовестие и стала публично оскорблять и злословить путь Господний, Павел оставил ее и перешел со своими учениками в училище некоего Тиранна, где и проповедовал в течение двух лет ежедневно, пока все жители провинции Асия — и евреи, и греки — не услышали проповедь о Господе (Деян 19: 8-10). В результате была учреждена и построена не только Ефесская церковь, но и церкви в других, никогда не посещавшихся Павлом городах, так как обращенные из числа его слушателей в Ефесе сами становились проповедниками Слова. Одним из примеров тому было учреждение церкви в Колоссах, основанной, вероятно, учеником Павла Епафрасом.

Павел в Эфесе (2): злые духи и искаженная практика христианства

История с заклинательницей в Филиппах уже показала,

что христианство не имеет ничего общего со спиритизмом, более того, оно решительно враждебно спиритизму. Заключительный сюжет Действия 4, а также пятого Раздела в целом возвращает нас к этому тезису и подчеркивает его: христианство — не магия, будь то черная или белая, оно — его неутомимый враг.

Даже в древнем мире Ефес был знаменит всеми формами магии и оккультизма, и это несмотря на то, что весь древний мир был буквально наводнен ими. К сожалению, магия преобладала не только в языческом мире — она проникла и в некоторые иудаистские круги, подобно тому, как впоследствии она вторглась в христианский мир, где и поныне пребывает.

“Ранний иудаизм, — пишет П. С. Александер, — невозможно понять, если оставить в стороне магию, имеющую огромное значение для его понимания... Магия процветала среди иудеев, несмотря на постоянное и решительное ее осуждение религиозными властями”¹.

Мы рассмотрим ниже один такой печальный пример. Лука предлагает этот пример, чтобы изобличить претензии магии на то, что она является законной формой христианства.

Однако, в нашем осуждении магии нам следует избегать противоположной, столь же ложной, крайности. Авторы Нового Завета неоднократно подчеркивают свою веру в существование дьявола, злых духов, в возможность вселения этих духов в души людей и необходимость их изгнания. Либеральная теология нередко отрицает существование подобных явлений, либо приписывая веру в них пылкому воображению христиан, живших в донаучную эпоху, либо объясняя их элементами магии, унаследованными примитивным христианством от окружающего языческого мира. Однако такой вывод несостоятелен, ибо ставит под сомнение авторитет и дела Самого Господа Иисуса Христа. В Новом Завете часто описывается, как Он изгоняет злых духов. Вряд ли тот, кто мог так заблуждаться относительно проблемы зла, боролся бы с несуществующими духами, имел бы право называть себя Спасителем мира, тем более

воплощенным Богом.

Данный фрагмент Деяний начинается с перечисления необычайных чудес, которые Господь совершил через Павла во время пребывания апостола в Ефесе. Однако они не имели отношения к магии. Обратите внимание, сколь точен язык Луки:

“Бог же творил не мало чудес руками Павла”

(Деян 19: 11).

Бог совершал чудеса посредством Павла, используя при этом необычные методы. Лука не только признает этот факт, но и привлекает к нему внимание читателей. Господь использует даже платки и опоясания Павла. Однако чудеса совершаются именно Богом, от него исходит сила, сами по себе платки и опоясания не обладают никакой магической силой. Когда офицер Ее Величества Королевы возлагает свой жезл на плечо подчиненному и повелевает ему сделать то-то и то-то, этот жезл символизирует власть Королевы, переданную офицеру, и утверждает приказ, в жезле же самом по себе нет никакой магической силы. Какова же разница между действиями апостола Павла и действиями (или побуждениями) семерых иудеев, о которых мы здесь читаем?

Как мы уже сказали, в античном мире было много оккультистов, которые скитались по миру и зарабатывали на жизнь, утверждая, что могут лечить болезни и изгонять злых духов. Среди оккультистов были и иудеи. Лука обращает наше внимание на одну еврейскую семью — отца и семерых сыновей. Отец, замечает автор Деяний, являлся иудейским первосвященником. Невозможно ответить на вопрос, был ли то ложный титул, который самозванец присвоил для того, чтобы поднять престиж своего дела, или же он действительно происходил из семьи иудейского первосвященника. Если он говорил правду, то весьма прискорбно, что человек благородного происхождения опустился до такого низкого духовного уровня. Как бы там ни было, семеро его сыновей, подобно многим другим иудейским заклинателям, стали призывать имя Господа Иисуса Христа над одержимыми злыми духами. Они говори-

ли:

“...Заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует”
(Деян 19: 13).

В этом — суть различия между суеверием и магией, с одной стороны, и верой — с другой.

“Однако, — возразит иной читатель, — надо было иметь веру в Иисуса, чтобы призывать Его имя. В конце концов, заклинание и изгнание злых духов было их ремеслом, и, очевидно, они не могли использовать имя, если бы совершенно не верили в него”.

И опять возникает вопрос: что такое вера? Тот факт, что эти люди надеялись, что имя Иисуса произведет ожидаемое действие, еще не доказывает, что они верили в Господа Иисуса Христа, в библейском понимании этого выражения. Практика чисто языческих заклинаний могла включать среди многих других имен, используемых для колдовства и заклинаний, и имя ветхозаветного Бога. С. Дж. Хемер приводит в качестве примера гадательную табличку из ПUTEОЛА, на которой выгравировано заклинание, содержащее наряду с именем Михаила и Нефто², слова Саваоф, святое имя Йао (Яхве) и Эль. Часто цитируемый парижский “Магический папирус” содержит фразу: “Заклинаю тебя именем Иисуса, Бога евреев”. Вплоть до новозаветных времен имя Бога Яхве считалось среди евреев столь священным, что в ортодоксальных кругах его никто не произносил вслух. Вместо этого использовался и до сих пор используется его заменитель. Имя Бога стало своего рода тайным именем, и с точки зрения представителей оккультного мира знание этой тайны давало великую власть. Это было в буквальном смысле имя для заклинаний.

Подобное, чисто языческое, употребление имени Божьего не предполагало никакой действительной веры. Как раз наоборот. Употребление вместе имен Бога, архангела Михаила и Нефто подразумевало отрицание единого Бога: Йао (Яхве) было лишь одним из многих могущественных имен. Это было уже само по себе кощунством³. Кроме того, заклинатели не придавали никакого значения тому, что Бог нравствен: Йао был для них просто сверхъестественной

силой, духом, которого они хотели использовать в своих целях. Нравственность Бога интересовала их не больше, чем современного человека интересует нравственность электричества, когда он вставляет штепсель в розетку. Их интересовал не Бог как личность, а лишь Его имя, которое можно было бы использовать для колдовства и заклинаний.

То же самое относится и к сыновьям Скевы. Они не принимали во внимание нравственное или духовное учение Христа. Они не верили в Господа Иисуса Христа в библейском понимании этого выражения: они не покаялись в грехах и не искали прощения и примирения с Богом посредством веры в Господа Иисуса. Они не были христианами, да, и не претендовали на это. Иисус был для них лишь названием некоей великой силы, духом в потустороннем мире, которую мог обуздать опытный заклинатель и использовать ее в своих собственных целях, знай он соответствующую формулу, заклинание или колдовство. Они были свидетелями чудес, которые совершил Павел во имя Господа Иисуса, и полагали, что полезно включить его имя в свой набор заклинаний. Они не знали радости личных отношений с Богом, о чем свидетельствует сама формула, которую они пытались использовать:

“Заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует”
(выд. мной — Д. Г.)

(Деян 19: 13).

В этом отношении заклинателей к Богу напоминает современную теософию или некоторые формы буддизма, согласно которым Иисус принадлежит к так называемому “белому братству”, или бодхисатвам, которым удалось выйти из круга перевоплощений. Таких существ довольно много, и они помогают людям, если тем известен способ магического воздействия на этих существ.

Подобные воззрения не имеют ничего общего ни с христианским учением, ни с истинной верой. В лучшем случае — это грубое суеверие, в худшем — демонизм. События в Ефесе доказали это со всей очевидностью: мир духов предпринял контратаку на горе-экзорсисстов. И сегодня те, кто утверждает, будто способны управлять силами из мира

духов, становятся не его владыками, а жертвами.

Итоги

Когда эти события стали известны

“...всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам... напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса”

(Деян 19: 17).

Обратим внимание на то, в словах автора на протяжении всего этого Действия используется словосочетание “Господь Иисус” (Деян 19: 5, 13, 17)⁴, тогда как в репликах сыновей Скевы и злого духа дается только “Иисус”. Этим контрастом Лука задает нам образец подлинного почитания Бога.

Воздействие произошедшего на уже уверовавших в Господа Иисуса Христа было самым благотворным. Новообращенные из язычников обычно с трудом избавляются от страха перед миром духов, страха, усиливаемого семейными традициями и давлением социальной среды. Но, увидев могущество Господа Иисуса, с одной стороны, и подлинную сущность мира духов, с другой, они исповедались в том, что втайне продолжали заниматься колдовством. Многие из них принесли с собой весьма дорогие книги по оккультизму и публично сожгли их.

“С такую силою возрастало и возмогало слово Господне”

(Деян 19: 20).

Хотя это замечание является одним из постоянных выражений Луки, которое он использует здесь, чтобы обозначить окончание одного раздела и начало следующего (Деян 19: 20), тем не менее его роль не сводится к формальному обрамлению. Защитой против суеверия может быть только вера, а истинная вера приходит к людям через проповедь Слова Божьего и его чтение (Рим 10: 17). Сам Господь Иисус Христос, искушаемый дьяволом в пустыне, находил опору в авторитете Слова, которое Он понимал разумом, принимал сердцем и применял в жизни (Лк 4: 4, 8, 12). Ослабьте или искорените веру в Слово Божье, и вы

не всегда получите просто бесхитростное неверие. Вы можете открыть ворота древним суевериям и оккультной практике язычества, которое начинает рядиться в современные одежды типа движения “Новая эпоха” (New Age Movement). Каждый христианин должен быть на страже. Легковесное отношение к духовному опыту может отвратить как отдельных людей, так и целые общины от глубокого изучения Библии и проповедования, основанного на Библии, и привести к искушению подменить Священное Писание более “эффектными” программами и действиями. Однако это искушение нужно подавлять любой ценой, если мы хотим выиграть духовную битву.

Примечания

¹ См.: E. Schurer, THE HISTORY OF THE JEWISH PEOPLE IN THE AGE OF JESUS CHRIST, vol. 3.1, revised and edited by G. Vermes, F. Millar, M. Black (Edinburgh: T. & T. Clark, 1979), p. 342 [Е. Шурер. История еврейского народа в эпоху Иисуса Христа].

² С. J. Hemer, THE BOOK OF ACTS IN THE SETTING OF HELLENISTIC HISTORY, ed. Conrad H. Gempf (Tubingen: J. C. V. Mohr, 1989), p. 121 [С. Дж. Хемер. Книга Деяний святых Апостолов в свете истории эллинизма].

³ Выражение, приведенное Павлом в 1 Тим 5: 21, является обращением, переданным перед Богом, Иисусом Христом и избранными ангелами, а отнюдь не заклинанием их общими силами.

⁴ См. 1 Кор 12: 2-3. Использование просто имени “Иисус” различными группировками, которые проявляют интерес к потусторонним силам, в качестве повторяющегося заклинания не может не вызывать тревоги.

РАЗДЕЛ 6

**ХРИСТИАНСТВО
И ЗАЩИТА
И ПОДТВЕРЖДЕНИЕ
БЛАГОЙ ВЕСТИ
(Деян 19: 21-28: 31)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ДЕЙСТВИЕ 1:

Защита культа природы и защита церкви Божьей
(Деян 19: 21-21: 16)

ДЕЙСТВИЕ 2:

Благая весть в свете ее уважения к традиционному
образу мышления
(Деян 21: 17-23: 11)

ДЕЙСТВИЕ 3:

Оценка Благой вести в ее отношении к морали и
закону
(Деян 23: 12-24: 27)

ДЕЙСТВИЕ 4:

Оценка Благой вести в ее отношении к кесарю и миру
(Деян 25: 1-26: 32)

ДЕЙСТВИЕ 5:

Природные катаклизмы и царствование Бога
(Деян 27: 1-28: 31)

РАЗДЕЛ 6

ХРИСТИАНСТВО И ЗАЩИТА И ПОДТВЕРЖДЕНИЕ БЛАГОЙ ВЕСТИ (Деян 19: 21-28: 31)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В шестом и последнем Разделе повествования Луки происходит еще одно существенное изменение. Этот раздел начинается с сообщения о том, что после двух с лишним лет неустанной и крайне плодотворной миссионерской деятельности в Эфесе Павел принял боговдохновенное решение вернуться в Иерусалим и уже оттуда впервые направиться в Рим (Деян 19: 21). Ради осуществления своих намерений апостол покидает Ефес.

Если бы все происходило по намеченному плану, то Павел продолжал бы проповедовать Евангелие как и прежде и Лука не преминул бы привести новые выдержки из его проповедей. Но этому не суждено было осуществиться. Оставив Ефес, апостол направился в Македонию, чтобы оказать поддержку вновь образованным церквям. Затем он около трех месяцев пробыл в Греции, очевидно занимаясь тем же. Однако перед непосредственным отплытием в Сирию ему стало известно о направленном против него заговоре местных иудеев, и вместо того, чтобы отправиться морем, он снова пошел сушей на север через Маке-

донию. Во время этого путешествия в каждом городе, где появлялся апостол, его ожидало предостережение от Святого Духа о грядущих трудностях, узах и тюремном заключении (Деян 20: 22-24). Ничто не могло запугать смелого проповедника, и он продолжал путь, но едва прошло две недели после того, как он прибыл в Иерусалим, — и предостережения оказались не напрасны. В Храме произошли беспорядки, и Павел оказался в центре событий. Затем он был арестован римскими солдатами и целых четыре года провел в заключении.

Ушли в прошлое времена, когда апостол мог открыто благовествовать в синагогах и на рыночных площадях. Вместо этого начался период допросов, разбирательств, апелляций и судилищ. Однако несмотря на всю тяжесть испытаний и полную меру отчаяния, выпавших на его долю за долгие месяцы и годы пребывания в тюрьме и под домашним арестом, этот период дал узнику такие возможности, каких у него не могло быть прежде. До сих пор он прямо проповедовал, учил и обсуждал благую весть, ныне он вынужден был ее защищать и отстаивать.

Вряд ли стоит доказывать, что Лука поступил правильно, посвятив оставшуюся часть книги этой защите. Не приходится сомневаться в том, что Лука мог бы при желании умножить число отрывков из проповедей апостола или более подробно рассказать о его путешествиях и о церквях, которые Павел основал после освобождения из заключения. Однако новые рассказы едва ли что добавили бы к нашему пониманию проповедуемого им Евангелия, так как проповеди эти существенно не отличались бы от уже изложенных в книге. Описание дальнейших путешествий, учреждения церквей вряд ли бы существенно увеличили наши знания о миссионерской деятельности апостола, свидетельствуя разве что о масштабах этой деятельности.

С другой стороны, при знакомстве с последней частью повествования Луки нельзя не заметить, что после немногих лет павлова благовествования и учреждения им христианских церквей в Малой Азии и в Европе возникли и получили широкое распространение совершенно превратные пред-

ставления о поступках апостола и о содержании его проповеди. Если бы такие толкования и представления об апостоле и его апостольской миссии закрепились и стали неудержимо распространяться, не получая должного отпора, причем отпора публичного и на самом высоком уровне, — очень скоро большая часть разумных и образованных людей никогда больше не захотела бы даже слушать благою весть, не говоря уже о том, чтобы верить в нее. Более того, многие христиане, особенно в местах, подобных Иерусалиму, смущенные ложными, но повсеместно распространяемыми слухами о взглядах Павла, могли бы прийти к заключению, что он является опасным смутьяном, если не настоящим еретиком. Вот почему было так важно, чтобы апостол прервал на какое-то время свои пионерские труды по евангелизации и вместо проповеди благой вести стал отстаивать ее на высочайшем уровне как на востоке, в Иерусалиме, так и на западе, в Риме.

Разумеется, ложные представления и толкования не исчезли сразу же после того, как Павел начал публично защищать благою весть. Поэтому для Луки было очень важно рассказать об этой апологии христианства и ознакомить с ней как можно большее число современников. И поныне для многих Павел отнюдь не является наиболее почитаемым апостолом. А его благая весть кое-где до сих пор вызывает споры и непонимание. Верующие готовы откликнуться на описанную Иоанном любовь Божью, они понимают Петра, того самого апостола, который однажды отрекся от Господа, но затем восхвалил его всем сердцем, их восхищает прямой призыв Иакова к праведной жизни и добрым делам. Однако Павел с его упором на оправдание верой по милости Божьей, с его отрицанием идеи достижения спасения добрыми делами предстает либо педантичным легалистом, либо напротив — опасно противоречивой и непоследовательной личностью. Поэтому нельзя не видеть мудрость Божью в том, что Лука посвятил последнюю часть своего сочинения апологии Евангелия и самооправдания апостола Павла, дабы и у нас, читателей далеких поколений, рассеялись все возможные сомнения.

В отдельных случаях недоразумения по поводу Павла принимали совершенно фантастические формы. Например, римский офицер, спасший апостола от разъяренной иерусалимской толпы, полагал, будто Павел — египтянин, предводитель группы разбойников, насчитывавшей четыре тысячи человек (Деян 21: 37-39)! Другие обвинения, выдвинутые против апостола, были не столь нелепыми. Напыщенный оратор, нанятый иудейскими кругами для того, чтобы произнести обвинительную речь перед правителем Феликсом, заявил, что нашел

“...сего человека [Павла] язвою общества, возбудителем мятежа между Иудеями, живущими по вселенной...”

(Деян 24: 5).

Что ж, действительно, в нескольких городах, где проповедовал Павел, в частности в Фессалониках и Верии, имели место общественные беспорядки, однако по чьей вине они возникли — это, как мы видели выше, совершенно другой вопрос.

Иного рода недоразумения, связанные с учением и поведением Павла, более объяснимы. Они возникали из-за того, что люди получали односторонние представления о деятельности и учении проповедника, а затем делали из них, на первый взгляд, оправданные, но на самом деле ложные выводы. Когда мы познакомимся с тем, как Павел боролся против этих неверных представлений своих современников, нам, вероятно, уже не будет грозить опасность ложных выводов из того, что мы прочли в предыдущих разделах Деяний об учении и деятельности апостола.

Приведем для начала один пример. Павел извлек очень важный теоретический и практический урок из опыта Петра (см. Раздел 3). Мы уже знаем, что он смог войти в дом язычника и разделить с ним трапезу благодаря тому, что Бог отменил законы о питании и ритуальной чистоте, которые помешали бы Петру это сделать. Существовавший в течение многих веков барьер был разрушен. Отныне Петр не только мог, но и должен был поступать так, поскольку среди христиан были люди не только еврейского происхождения, но и язычники. Отказ от участия в совместной

трапезе или просто воздержание от такой трапезы означали бы отрицание благой вести, на что Павел однажды указал ему в достаточно резкой форме (Гал 2: 11-21). Но хотя сам Павел твердо верил в этот принцип и следовал ему в своей жизни, он никогда не думал о том, чтобы перенести его из христианства в иудаизм. Посещая Иерусалимский храм, он и не помышлял изменить его законы и ритуалы или игнорировать их. Вопреки утверждениям иудеев из провинции Асия (Деян 21: 28-29), он ни разу не пытался ввести язычников, даже язычников-христиан, в те части храма, в которые им входить было запрещено.

В этом контексте легко понять мудрость Луки, решившего посвятить последний Раздел своей книги павловой апологии Евангелия. Однако далеко не так легко понять, по крайней мере, некоторым читателям, зачем нужно было посвящать этому вопросу так много места — примерно одну треть всего сочинения, — почему он изложен с такими подробностями и повторами (которые являются повторами опять-таки лишь при поверхностном прочтении).

Большое количество деталей может быть объяснено, во-первых, тем, что большую часть описываемого периода Лука опять был спутником Павла и потому написал о них как непосредственный свидетель случившегося, имевший возможность запомнить множество подробностей. Во-вторых, Лука обладал талантом повествователя, мог живо и точно описывать события. Подлинный мастер рассказа, он мог несколькими росчерками пера набросать особенности темперамента, сильные и слабые стороны, типичные взгляды и реакции участников описываемых событий. Недаром столь известно его подробное, точное в технических деталях и в географических подробностях описание кораблекрушения (Деян, Гл. 27)¹. То же самое можно сказать про многие замечательные новеллы Луки, например про ту, в которой римский офицер в письме правителю дает собственную, выгодную для себя трактовку событий, чтобы создать впечатление, будто он узнал о гражданском статусе Павла (апостол, как известно, был римским гражданином) гораздо раньше и при более благоприятных обстоя-

тельстввах, нежели те, которые имели место на самом деле². Вспомним еще одну новеллу, в которой правитель Феликс резко обрывает беседу с Павлом о нравственности, которая тревожит его совесть, так как он вдруг понял, насколько подлинная причина его частых посещений Павла идет вразрез со взглядами Павла (Деян 24: 24-27).

Однако можно не сомневаться в том, что у Луки была более важная цель, нежели донести до нас подробности событий и обстоятельств, связанных с этим периодом жизни апостола. Павел был поставлен защищать благовестие, как он позднее напишет в Послании к Филиппийцам (Флп 1: 16). Но для надежной защиты благой вести он не мог ограничиться защитой только самой благой вести. Он должен был защитить и самого себя: свой характер и образ жизни. На различных публичных собраниях, судебных разбирательствах и заседаниях как судьи, так и публика проявляли интерес к тому, как Павел излагал благоую весть, и убеждались в том, что это вовсе не подрывная политическая пропаганда и не измышления группы фанатиков-сектантов. В то же время слушатели оценивали и характер, и личность проповедника, обдумывая свидетельства о его прошлом, так что впечатление о благой вести было неотделимо от оценки, даваемой апостолу и повлиявшей на это впечатление. В этом смысле сам Павел был благой вестью.

Разумеется, Павел это прекрасно понимал. Вот почему он не довольствовался внесением поправок в рассказы о том, что он совершил и чего не совершал в храме. По собственному почину Павел решает дважды со всеми подробностями изложить историю своего обращения (Деян 22: 1-21; 26: 9-23), ибо влияние, оказанное благой вестью на его жизнь и поступки, на его взгляды, чаяния, методы и цели, было неотъемлемой частью апологии самой благой вести.

Понимал это не только Павел, но и автор Деяний. Он стремился к максимально подробному описанию отношения Павла к жизни, его отдельных поступков и линии его поведения в разных ситуациях, так чтобы его современники — а теперь и мы с вами — могли увидеть Павла в

действии, изучить его характер, сравнить его с другими главными героями описываемых событий и дать свою собственную оценку личности апостола.

Что же Павел за человек? Подробное повествование Луки позволяет нам оценить хорошо продуманную уважительность Павла как по отношению к языческому храму в Ефесе и тамошним предметам культа (Деян 19: 37), так и по отношению к священности иудейского храма в Иерусалиме (Деян 21: 26; 24: 12-13, 18); отношение Павла к деньгам (Деян 20: 33-35) в сравнении с отношением к деньгам ремесленников из Ефеса (Деян 19: 24-27) и правителя Феликса (Деян 24: 26); смелость и стойкость апостола (Деян 20: 19-20, 23-24, 27; 21: 10-13; 21: 31-32; 31-32; 21: 39-22: 21; 27: 20-26, 30-35) и спокойное отношение к собственным страданиям: в своей преданности Господу Иисусу Христу и Евангелию он был готов на любые страдания и даже на смерть (20: 24; 21: 13), не испытывая при этом чувства мести (Деян 28: 19) или бессмысленного желания пострадать во что бы то ни стало (Деян 22: 24-29; 25: 10-11). Рассказ Луки рисует нам человека, пекущегося не только о высшей теологии и доктринальной чистоте (Деян 20: 30), но и об ответственности Церкви перед обществом (Деян 20: 35), человека, с готовностью отзывавшегося не только на духовные, но и на материальные нужды людей (Деян 20: 33-34; 27: 30-36; 28: 3). Автор Деяний прямо сообщает нам мнение Феста о Павле как безумце, которого свела с ума большая ученость (Деян 26: 24). В то же время живое и подробное повествование Луки позволяет нам сделать собственные выводы относительно того, в чем на самом деле состоит фанатизм (Деян 19: 34; 23: 12-13); в каком смысле апостол являлся сектантом, если его вообще можно считать таковым (Деян 24: 14; 26: 4-7); действительно ли в нем жила слепая ненависть к своему народу, Израилю (Деян 24: 17; 28: 17-20), раз он в отличие от большинства своих соплеменников имел почетный статус римского гражданина (Деян 22: 27-28); каково было его отношение к злоупотреблениям властью духовной (Деян 23: 1-3, 14-17) и гражданской (Деян 24: 26; 25: 3, 9-11).

Таким образом, становится ясным, хотя бы отчасти, для чего Луке понадобилось приводить в последней части Деяний такое обилие подробностей. Какое же объяснение можно дать бросающимся в глаза повторам? Описаны два случая беспорядков в храмах: один — в языческом храме в Ефесе (Деян 19: 23-41), другой — в Иерусалимском храме (Деян 21: 27-22: 22); два длительных путешествия: одно — из Ефеса в Иерусалим (Деян 20: 1-21: 16), другое — из Кесарии в Рим (Деян 27: 1-28: 16); два судебных разбирательства: одно — в Синедрионе (Деян 22: 30-23: 10), другое — перед правителем Фестом и царем Агриппой (Деян 25: 23-26: 32); два судебных заседания: одно — под председательством правителя Феликса (Деян 24: 1-23), другое — под председательством правителя Феста (Деян 25: 6-12); два покушения на убийство апостола Павла из засады: одно — по пути из крепости в Иерусалимский синедрион (Деян 23: 12-21), другое — по пути из Кесарии в Иерусалим (Деян 25: 2-3); дважды Павел рассказывает историю своего обращения (Деян 22: 3-21 и 26: 4-18) и дважды упоминается о важных письмах: одно из них — от тысяченачальника Лисия правителю Феликсу (Деян 23: 25-30), второе — то, которое правитель Фест должен написать императору, однако затрудняется это сделать, что подробно объясняет царю Агриппе (Деян 25: 13-27).

Первое, что можно сказать об этих очевидных повторах: они напоминают другую серию парных повторов из первого Раздела Деяний³. Их подробное изучение показало, что это не авторская фантазия, а реальные, независимые друг от друга, однако похожие события. Точно так же обстоит дело с повторами в шестом Разделе Деяний. Это не просто художественный вымысел. Описанные события действительно имели место, и тщательное изучение показывает, что события каждой пары при всей своей внешней схожести различаются в некоторых важных подробностях, нередко отражая различные и дополняющие друг друга аспекты одной темы.

Так, Павел должен был совершить два длительных путешествия: первое — из Ефеса в Иерусалим и второе два

с лишним года спустя, — из Кесарии в Рим, однако обстоятельства путешествий значительно отличались друг от друга. Лука описывает два случая беспорядков в храмах, но в первом случае речь идет о языческом храме, а во втором — об иудейском, в Иерусалиме. И проблемы, которые возникали в этих двух случаях, были разные.

Лука сообщает нам о двух официальных расследованиях, в обоих случаях римские правители пытались разобраться в сути обвинений против Павла иудеями. Однако состав суда в каждом случае был разным. Римский военачальник, не добившись прока от разъяренной толпы, жаждавшей крови апостола, привел Павла на суд синедриона, пытаясь понять истинную причину возникших беспорядков. Правитель Фест, не сумев распознать истину во время проведенного им судебного расследования, предал апостола суду царя Агриппы и его сестры Вереники. Важно, что мы располагаем результатами двух совершенно различных судебных разбирательств, не менее важны и ясные заключения римского военачальника и правителя Феста о том, что, насколько они могут судить, Павел невиновен.

Исходное обвинение против Павла заключалось в том, что он тайно ввел греков в Иерусалимский Храм. Такое преступление, разумеется, каралось высшей мерой наказания. В храме были бросающиеся в глаза надписи, предупреждавшие всех язычников о том, что под страхом смерти им запрещается входить. Этот запрет был подкреплён как иудейским, так и римским законом. Поэтому если бы было доказано, что Павел действительно ввел в храм чужезранцев, римская администрация без колебаний передала бы апостола синедриону, чтобы с ним поступили по иудейскому закону. Но в обоих случаях, в ходе предварительного расследования и в ходе судебного разбирательства, вина Павла не была доказана, и обвинение сняли. Поскольку же вражда иудейских кругов к апостолу не прекратилась, римская администрация в конце концов пришла к следующему заключению о настоящей причине волнений — по словам Феста, между ними происходили “некоторые споры... об их [иудеев] Богопочитании и о каком-то Иисусе

умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив” (Деян 25: 19). Тут мы затрагиваем самую суть апологии Евангелия Павлом. С первого своего появления перед синедрионом в Иерусалиме до последней встречи со старейшинами иудейской общины в Риме апостол постоянно подчеркивает, что причиной разногласий было не его личное поведение, а вопрос о воскресении Иисуса. Продолжающийся до сих пор основной спор между иудаизмом и христианством ведется не по поводу того, кто в конечном счете ответствен за смерть Иисуса, хотя из-за этого тоже сломано немало копий, — настоящим предметом спора является вопрос о том, действительно ли Иисус после Своей смерти воскрес из мертвых. В этом христианство противостоит не только иудаизму, но и всем прочим религиозным и философским системам.

Луке была понятна настойчивость Павла. Очевидно, что автора Деяний совершенно не смущало, что его будут упрекать в повторах, настолько не смущало, что он счел возможным повторить эту мысль четыре раза:

“...за чаяние воскресения мертвых меня [Павла] судят”

(Деян 23: 6).

“Имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они [обвинители Павла] ожидают.”

(Деян 24: 15).

“И ныне я стою пред судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам... за сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи. Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?”

(Деян 26: 6-8)

“...ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами”

(Деян 28: 20).

Конечно, можно указать на то, что фарисеи, численно весьма превосходившие саддукеев, тоже верили, что в грядущем произойдет всеобщее воскресение мертвых, и не

обвиняли апостола Павла перед римским судом в том, что он верит в такое воскресение. Фарисеи также основывали на этом упование Израиля, оспаривая лишь утверждение апостола о том, что Иисус уже воскрес из мертвых.

Все это верно. Однако суть дела была не в этом. Если бы апостол Павел утверждал, что некий, никому неизвестный, человек воскрес из мертвых, то те же саддукеи смогли бы просто объявить его безумцем, как уже однажды сделал правитель Фест. И тогда никаких оснований для ожесточенной вражды, преследований и официальных обвинений Павла не осталось бы.

Чем же объяснить такую вражду и ненависть? Причина была в том, что Павел утверждал: упование Израиля — не только во всеобщем грядущем воскресении. По словам апостола, ссылавшегося на Моисея и пророков, оно и в том, что Мессия должен пострадать (т.е. умереть), а затем, как первый восставший из мертвых, возвестить свет народу Израиля и язычникам (Деян 26: 22-23). Итак, Иисус объявил Себя Мессией, а вожди народа, борясь с богохульством, добились Его осуждения и смерти. Теперь они должны были любой ценой отрицать факт Его воскресения. Вот почему, по мнению Павла, они столь энергично и настойчиво преследовали апостола. Однако, поступая так, они отрицали самое великое упование Израиля, пытаясь угасить свет воскресения, зажженный над Израилем и всеми другими народами.

Естественно, что из-за этого между апостолом Павлом и старейшинами, как справедливо заметил Фест, возникли разногласия (Деян 25: 19). Эти разногласия существуют и по сей день. В них и заключается суть дела.

Лука разбивает Раздел на пять Действий по географическому принципу, обозначая маршрут путешествий Павла сначала в Иерусалим, а затем в Рим (Деян 19: 21). Первое Действие посвящено путешествию из Ефеса в Иерусалим (Деян 19: 21-21:16).

Второе Действие описывает события в Иерусалиме (Деян 21:17-23:11). Завершается оно ночным видением Павла, в котором Господь, одоббив свидетельство апостола в

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица основных эпизодов шестого раздела:
ХРИСТИАНИСТВО И ЗАЩИТА, И ПОДТВЕРЖДЕНИЕ БЛАГОЙ ВЕСТИ
(Деян 19: 21-28; 31)

<p>ДЕЙСТВИЕ 1: Защита культа природы и защита Церкви Божьей (Деян 19: 21-21: 16)</p> <p>ИЗ ЕФЕСА В ИЕРУСАЛИМ</p> <p>А: МЯТЕЖ И ЕГО ПОДАВЛЕНИЕ (Деян 19: 24-35)</p> <p><i>1. Обвинение</i></p> <p>"... не только в Ефесе, но почти во всей Азии этот Павел своими убеждениями своротил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. А это нам угрожает тем, что ...храм великой богини Артемиды ничего не будет значить..." (Деян 19: 26-27).</p>	<p>ДЕЙСТВИЕ 2: Благая весть в свете ее уважения к традиционному образу мышления (Деян 21: 17-23: 11)</p> <p>ИЕРУСАЛИМ</p> <p>А: МЯТЕЖ И СПАСЕНИЕ (Деян 21: 17-36)</p> <p><i>1. Обвинение</i></p> <p>"...этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Елдинов ввел в храм и осквернил святое место сие" (Деян 21: 28).</p>	<p>ДЕЙСТВИЕ 3: Оценка благой вести в ее отношении к морали и закону (Деян 23: 12-24: 27)</p> <p>КЕСАРИЯ — ФЕЛИКС</p> <p>А: ЗЛОУМЫШЛЕНИЕ ИУДЕЕВ ПРОТИВ ПАВЛА И ЕГО ИЗЪЯВЛЕНИЕ (Деян 23: 12-24)</p> <p><i>1. Заговор</i></p> <p>Более сорока иудеев "...сделали умысел и замышляли не есть и не пить, доколе не убьют Павла" (Деян 23: 12).</p>	<p>ДЕЙСТВИЕ 4: Оценка благой вести в ее отношении к кесарию и к миру (Деян 25: 1-26: 32)</p> <p>КЕСАРИЯ — ФЕСТ</p> <p>А: ЗАГОВОР ИУДЕЕВ ПРОТИВ ПАВЛА И ИЗЪЯВЛЕНИЕ АПОСТОЛА (Деян 25: 1-12)</p> <p><i>1. Заговор</i> (Деян 25: 1-3)</p> <p>"Тогда первосвященник и знатнейшие из Иудеев явились к нему [Фесту] с жалобою на Павла... прося, чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим; и злоумышляли убить его на дороге" (Деян 25: 2-3)</p>	<p>ДЕЙСТВИЕ 5: Природные катаклизмы и царствование Бога (Деян 27: 1-28: 31)</p> <p>ИЗ КЕСАРИИ В РИМ</p> <p>А: БУРЯ, КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ И ВЫСАДКА НА БЕРЕГ (Деян 27: 1-44)</p> <p><i>1. Неразумное решение</i> (Деян 27: 1-13)</p> <p>"...многие давали совет отправиться оттуда, чтобы, если можно, дойти до Финикиа... и там перезимовать. Подул южный ветер, и они, подумавши, что уже получили желаемое, отправились..." (Деян 27: 12-13)</p>
---	--	--	--	--

<p>2. Опасность</p> <p>"Весь город пришел в движение... и, схвативши Павла... хотели убить его" (Деян 21: 30-31)</p> <p>3. Избавление</p> <p>Римский тысяченачальник спасает Павла от разъяренной толпы (Деян 21: 31-33)</p>	<p>2. Опасность</p> <p>"И весь город наполнился смятением" (Деян 19: 29); "Также и некоторые из Асийских начальни ков будути друзьями его, пославши к нему, просили не показываться на зрелище" (Деян 19: 31); "...закричали все в один голос и около двух часов кричали: велика Артемида Ефсская!" (Деян 19: 34). 3.</p> <p><i>Перемена к лучшему</i> "Блоститель же порядка, утишив народ..." (Деян 19: 35)</p>	<p>2. Опасность</p> <p>Племянник Павла сообщает о заговоре римскому тысяченачальнику (Деян 23: 19-22). "...Иудеи согласились просить тебя, чтобы ты завтра вывел Павла пред синедрион... Но ты не слушай их; ибо его подстерегают более сорока человек..." (Деян 23: 20-21)</p>	<p>2. Опасность (Деян 25: 4-9)</p> <p>"Фест, желая сделать угождение Иудеям, сказал в ответ Павлу: хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?" (Деян 25: 9)</p>	<p>2. Опасность (Деян 27: 14-20)</p> <p>"Но как многие дни не видно было ни солнца, ни звезд, и продолжалась не малая буря, то наконец исчезала всякая надежда к нашему спасению" (Деян 27: 20)</p>
		<p>3. Избавление</p> <p>Римский тысяченачальник спасает Павла, отправив его в Кесарию под охраной (Деян 23: 23-24)</p>	<p>3. Избавление (Деян 25: 10-12)</p> <p>Павел требует суда Цезаря, тем самым спасая себя от заговора.</p>	<p>3. Избавление (Деян 27: 21-44)</p> <p>И сказал Павел: "...ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль"; И сказал ангел: "...Бог даровал тебе [Павлу] всех плывущих с тобою"; "...и таким образом все спаслись на землю" (Деян 27: 22, 24, 44)</p>

Б: ЛОЖНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТОЛШЫ О ПАВЛЕ РАЗВЕИВАЮТСЯ ГОРОДСКИМ БЛЮСТИТЕЛЕМ ПОРЯДКА (Деян 19: 35-41)

"А вы привели этих мужей, которые ни храма (Артемидина) не обокрали, ни богины вашей не хулили" (Деян 19: 37)

В. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЕФЕСА В НЕРУСАЛИМ (Деян 20: 1-21: 16)

1. Путь в Милит через Македонию, Трояно, Филиппы, Трояду, Ассамос; семидневное пребывание в Трояде и чудо, произошедшее там (Деян 20: 1-16)

"Между тем отрока приутишили" (Деян 20: 12)

Б: ЛОЖНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИКА О ПАВЛЕ, КОТОРОЕ ПАВЕЛ РАЗВЕИВАЕТ, ГОВОРИ С НИМ ПО-ГРЕЧЕСКИ (Деян 21: 37-39)

"...ты знаешь по-речески? Так не ты ли тот Египтянин, который пред сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?" (Деян 21: 37-38)

В: РАССЛЕДОВАНИЕ РИМСКОГО ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИКА (Деян 22: 1-23: 11)

1. Оправдание Павла перед народом (Деян 22: 1-21)
Апостол рассказывает историю своей жизни, обращения и божественного поручения нести благу юсть язычникам. "Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в раме... Он сказал мне: Иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам" (Деян 22: 17-21)

Б: ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИК НАПРАВЛЯЕТ ПИСЬМО ПРАВИТЕЛЮ ФЕЛИКСУ, В КОТОРОМ ГОВОРИТ, ЧТО ОБВИНЕНИЕ, ВЫДВИНУТО ПРОТИВ ПАВЛА, НЕОБОВАННО (Деян 23: 25-35)

Я "...нашел, что это обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков" (Деян 23: 29)

В: СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ФЕЛИКСА (Деян 24: 1-27)

1. Обвинение
"Нашедши сего человека языко общиства, возбудителем мятежа между Иудеями, живущими по вселенной, и представителем Назорейской ереси, который отваяжился даже осквернить храм..." (Деян 24: 5-6)

Б: ФЕСТ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ДЕЛО ПАВЛА ПЕРЕД АГРИППОЙ, ОПРОВЕРГАЯ ОБВИНЕНИЕ, ВЫДВИНУТОЕ ПРОТИВ АПОСТОЛА ИУДЕЙСКИМИ СВЯЩЕННИКАМИ (Деян 25: 13-22)

"...с жалобою явились первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения его [Павла]... обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я [Фест] предполагал. Но они споры с ним об их Богопочитании..." (Деян 25: 15, 18-19)

В: СУДЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ АГРИППЫ (Деян 25: 23-26: 32)

1. Оправдательная речь Павла перед Агриппой (Деян 26: 1-23)
Павел рассказывает историю своей жизни, обращения к Богу и божественного повеления нести благу юсть язычникам. "За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать" (Деян 26: 21)

Б: ЛОЖНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВА МЕЛИТА (МАЛЬТЫ) ОБ АПОСТОЛЕ ПАВЛЕ РАЗВЕИНЫ ПРОИЗВЕДШИМИ СОБРАТИЯМИ (Деян 28: 1-6)

"...верно, этот человек убийца, когда его [Павла] спасшегося от моря, *суд Божий* не оставляет жить"; "...но, ожидая долго и вида, что не случится с ним никакой беды, переменяли мысль и говорили, что он Бог" (Деян 28: 4-6)

В: ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МАЛЬТЫ В РИМ (Деян 28: 7-31)

1. В Рим через Сиракузы, Рингию, Путеол, Аплинуву площадь, чудо на острове Мальта и недельное пребывание в Путеоле (Деян 28: 7-15)

"...Увидев их [римских христиан], Павел возблагодарил Бога и ободрился" (Деян 28: 15)

2. Речь Павла перед пресвитерами церкви в Ефесе (Деян 20: 17-38)

- а) "Работая Господу со всяким смиренным умом и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев" (Деян 20: 19)
- б) "И вот, ныне я по велению Духа иду в Иерусалим... узы и скорби ждут меня" (Деян 20: 22-23)
- в) "И из вас самих встанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою" (Деян 20: 30-31)

3. Святой Дух предостерегает Павла через пророков в Тире и Кесарии (Деян 21: 1-14)

"...так говорит Дух Святой: жуж, чей этот поясе, так связуж в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников" (Деян 21: 11)

2. Тысяченачальник отдает незаконный приказ повергнуть Павла бичеванию для дознания (Деян 22: 24-29)

"...разве вам позволено бичевать Римского гражданина?..." (Деян 22: 25) "...скажи мне, ты Римский гражданин? Он сказал да"; (Деян 22: 27) "...А тысяченачальник, узнав, что он Римский гражданин, испугался, что связал его" (Деян 22: 29)

3. Судебное расследование на заседании синедриона (Деян 22: 30-23: 10)

"...я всего доброю совестью жил пред Богом до сего дня. Первосвященник же Анания стоявшим пред ним приказал бить его по устам. Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стелна побеленная!" (Деян 23: 1-3)

2. Защита (Деян 24: 10-23)

а) "И ни в святыхлице, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-либо спорящим или произвождающим надобное возмущение" (Деян 24: 12)

б) "...по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих..." (Деян 24: 14)

в) "Имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают" (Деян 24: 15)

г) "...Я пришел, чтобы доставить милостьню народу моему и приношения" (Деян 24: 17)

д) "...за учение о воскресении мертвых я ныне судим вами" (Деян 24: 21)

3. Беседы Феликса с Павлом (Деян 24: 24-26)

"...[Павел] говорил о правде, о воздержании и о будущем суде... Феликс пришел в страх... При том же надеялся он, что Павел даст ему денег..." (Деян 24: 25-26)

2. Возмущение Феста (Деян 26: 24-25)

"...безумствуешь ты, Павел!"; "Нет, достопочтенный Фест... я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла" (Деян 26: 24-25)

3. Последнее слово Павла перед Агриппой (Деян 26: 26-29)

"Верилшь ли, царь Агриппа, пророкам?; ...ты не много не убеждаешь меня следовать Христианином" (Деян 26: 27-28)

2. Обращение апостола Павла к главам иудейской общины в Риме (Деян 28: 16-22)

- а) "...не следив ничего против народа или отеческих обычаев, я в узлах из Иерусалима предан в руки Римлян" (Деян 28: 17)
- б) "...ибо за надежду Иерусалиму обложен я этими узами" (Деян 28: 20)
- в) "...известно нам, что об этом учении вседе спорят" (Деян 28: 22)

3. Предостережение Святого Духа, данное через пророка Исаяню иудейской общине в Риме (Деян 28: 23-28)

"...хорошо Дух Святой сказал отцам нашим через пророка Исаяню... спасение Божие поставлю язычникам: они и услышат" (Деян 28: 25, 28)

<p>4. Пробывание Павла в Иерусалиме (Деян 21: 15-16)</p> <p>“...провожаая нас к некому давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у которого можно было бы нам жить” (Деян 21: 16)</p>	<p>4. Итоги (Деян 23: 11)</p> <p>“...Господь... сказал: дерзай, Павел, ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме” (Деян 23: 11)</p>	<p>4. Павел — узник в Кесарии (Деян 24: 27)</p> <p>“...по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест... Феликс оставил Павла в узах” (Деян 24: 27)</p>	<p>4. Итоги (Деян 26: 30-32)</p> <p>“...можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря” (Деян 26: 32)</p>	<p>4. Пробывание апостола Павла в Риме (Деян 28: 30-31)</p> <p>“И жил Павел целых два года на своем издвении и принимал всех приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе” (Деян 28: 30-31)</p>
---	--	---	--	--

Иерусалиме, призывает его действовать так же и в Риме.

В третьем Действии (Деян 23: 12-24: 27) описаны обстоятельства и причины, по которым Павел был переведен из Иерусалима в Кесарию, где он предстает перед судом римского наместника Феликса, а также объясняется, почему, несмотря на невиновность Павла правитель отсрочил вынесение приговора и продержал его в заточении еще два года.

В четвертом Действии (Деян 25: 1-26: 32) повествуется о том, как наместника Феликса сменил Фест, который вновь судил Павла. Сочтя вину Павла недоказанной, он склонялся к тому, чтобы пойти навстречу просьбам иудеев, хотевшим перевода узника в Иерусалим для дальнейшего расследования. Чтобы избежать этого, Павел потребовал суда кесаря.

Пятое, и последнее, Действие описывает путь Павла из Кесарии в Рим, а также события, произошедшие на пути туда. Это Действие завершается кратким рассказом о том, как узник коротал время в ожидании суда в Риме (Деян 27: 1-28: 31).

Разумеется, подобная организация материала предназначена не для того, чтобы учить нас географии. Чтобы понять, что заключено в этом материале помимо географии, видно уже из таблицы основных эпизодов данного Раздела.

Примечания

¹ Подробный анализ точности и историчности этого описания дается в кн.: С. J. Hemer, *THE BOOK OF ACTS IN THE SETTING OF HELLENISTIC HISTORY*, ed. Conrad H. Gempf (Tübingen: J. C. B. Mohr, 1989), pp. 133-152 [С. Дж. Хемер. Книга Деяний святых Апостолов в свете истории эллинизма].

² Ср. это письмо (Деян 23: 27) с фактическим описанием событий (Деян 21: 31-39 и 22: 24-29).

³ Есть и другие примеры явного сходства между первым и шестым Разделами Деяний святых Апостолов: арест апостолов Петра и Иоанна в храме — арест апостола Павла в Храме; содержание под стражей Петра и Иоанна (а также и остальных апостолов) — содержание под стражей Павла; два

судебных разбирательства по делу Петра и других апостолов в присутствии первосвященника и синедриона — суд первосвященника и синедриона над Павлом; прямое упоминание о саддукеях (Деян 4: 1-6; 5: 17 и 23: 1-10).

ДЕЙСТВИЕ 1

ЗАЩИТА КУЛЬТА ПРИРОДЫ И ЗАЩИТА ЦЕРКВИ БОЖЬЕЙ

(Деян 19: 21-21: 16)

Основной темой первой части Действия 1 шестого Раздела Деяний святых Апостолов является описание мятежа в городе Ефесе, поднятого противниками христианства, в котором некоторые ефесяне видели угрозу своей религии (Деян 19: 23-41). Прежде чем мы начнем разбираться, в чем состоит неправомерность их поведения, отметим, что главной темой второй части Действия 1 является призыв Павла к старейшинам Ефесской церкви оберегать церковь Божью как от внешних, так и от внутренних опасностей (Деян 20: 17-31).

Когда на нас нападают, мы инстинктивно защищаемся. Если человек искренне исповедует свою религию и чувствует, что самому святому в его жизни угрожает опасность, очевидно, что он встанет на его защиту. Если же он этого не делает, то возникают сомнения либо в его вере, либо в его верности этой вере. Эти соображения относятся как к веровавшим в Артемиду, так и к веровавшим в Иисуса Христа в городе Ефесе.

Однако, если мы не вправе осуждать людей, вставших на защиту своей веры, мы все же вправе задаться вопросом о том, каковы методы, используемые ими в процессе защиты. А поскольку используемые методы обычно связаны с характером исповедуемой защитниками веры, то мы и поставим этот вопрос применительно к двум религиозным общинам, упомянутым в данной главе.

Поклонение природе и Его защита

Образ богини Артемиды, которой был посвящен большой храм в Ефесе, был весьма сложен. Она почиталась и как целомудренная дева, и в то же время как богиня-мать всего сущего. В том и другом случае она воспринималась как защитница и покровительница. Как целомудренная дева, она была известна как покровительница диких животных, в особенности молодых особей. В то же время эта богиня покровительствовала и охотникам.

“Противоречие здесь только кажущееся.— пишет В. К. С. Гутри. — Охотник никогда не считает себя врагом преследуемой дичи. Считается, что лисице нравится погоня, владелец охотничьих угодий говорит, что необходимо “охранять” дичь, и с радостью налагает крупные штрафы на тех, кто тревожит лисицу не в сезон или нарушает общепринятые правила охоты. Сегодня эти санкции включены в законодательство, в древности они освящались религией. Одним из первых примеров такой охраны дичи является происшествие в роще Артемиды, где Агамемнон убил оленя, вызвав тем самым гнев богини”¹.

Напомним, что Артемиды считалась не только девой-хранительницей диких животных и их потомства, но и матерью всего сущего, о чем свидетельствуют ее изображения как женщины со многими грудями. В этом своем качестве она считалась покровительницей детей и помощницей роженицам, так как, несмотря на свою девственность, Артемиды каким-то образом была причастна к опыту деторождения.

В Артемиде воплощено то благоговение и трепет, которые ощущает человек, размышляющий о глубинных инстинктах и процессах, связанных с жизнью людей и животного мира, а также естественное желание защитить их от всяческих опасностей. Артемиды и есть эти трепет, тайна и желание, ставшие религией. В ней обожествляются и девственность нетронутой природы, и природа-мать. Утверждать, как это сделал Павел, что Артемиды вовсе не богиня, означало не только подрывать ее культ, но и посягать на глубинные пласты человеческой души. В ответ на это

человек античности просто в силу инстинкта должен был, по крайней мере, попытаться встать на защиту, если не перейти в наступление. Именно это и послужило искрой, которая зажгла пламя бунта в Ефесе. Но сам бунт возник по несколько другой причине. Итак, перечитаем историю еще раз.

Культ “образа, упавшего с неба”

Действие 1 шестого Раздела Деяний начинается довольно спокойно. Уже два года продолжается успешное служение апостола Павла в Ефесе. Благодаря Его неустанному и последовательному благовестию слово Божье распространилось по всей провинции Асия, а разоблачение сыновей Скевы привело к тому, что имя Господа Иисуса Христа стало пользоваться в городе огромным уважением.

Поэтому апостол решил, что настало время покинуть Ефес и двигаться дальше. Для начала он решил посетить Иерусалим, а затем — Рим (Деян 19: 21).

Лука не сообщает нам, какие цели преследовал Павел, планируя эти поездки, хотя из содержания посланий самого Павла мы узнаем, что он решил лично участвовать в доставке помощи, которую христианские церкви языческого мира собрали для братьев в Иерусалиме (Деян 24: 17; Рим 15: 25-29); повидаться с христианской общиной в Риме Павел рассчитывал на своем пути в Испанию, куда он направлялся, чтобы принести благою весть и в эти места (Рим 15: 23-28). Какие бы цели ни ставил перед собой Павел, он, по словам автора Деяний, “положил [свой замысел] в духе”, то есть во всех своих намерениях и решениях полностью полагался на Дух Божий. Убежденный в помощи Господа, Павел послал двоих своих учеников, Тимофея и Ераста вперед, в Македонию, в то время как сам задержался еще на некоторое время в провинции Асия (Деян 19: 22).

В это время и начались все сложности. Огромный величественный храм Артемиды Ефесской был одним из семи чудес света. Посещаемый толпами местных почитателей и тысячами паломников со всего Ближнего Востока, этот храм служил источником дохода, принося огромные при-

были серебряных дел мастерам (серебряникам), в чьих мастерских изготавливались серебряные усыпальницы для местных и иноземных заказчиков. В результате же неустанного благовествования апостола число христиан неуклонно увеличивалось, что стало сказываться на доходах мастеров. Один из главных мастеров по имени Димитрий, встревоженный этой ситуацией, созвал всех серебряников и заявил, что если Павел будет беспрепятственно убеждать людей, что рукотворные боги вовсе не боги, последствия для них всех будут плачевными. Во-первых, ремесло изготовления кумиров перестанет пользоваться уважением. Тревога была обоснованной. Когда люди перестают предаваться идолопоклонству, изготовление идолов, пусть и из серебра, становится малопочитаемым занятием, а их массовое производство для продажи иноземным паломникам отдает цинизмом.

Впрочем, Димитрий совсем не хотел выглядеть человеком, заинтересованным только в извлечении прибыли из религиозного культа. Поэтому в качестве причины своей озабоченности он указал на то, что

“...храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Азия и вселенная”

(Деян 19: 27).

Эта речь оказалась подобной спичке, поднесенной к сухим дровам. Серебряники пришли в неистовство и принялись выкрикивать: “Велика Артемида Ефесская!” (Деян 19: 28). В городе вспыхнули беспорядки, и вскоре чуть ли не все жители устремились в театр, схватив двух спутников Павла. Сам Павел хотел выйти и говорить перед толпой, но его братья-христиане и дружески настроенные по отношению к апостолу городские чиновники упростили его повременить. Побуждаемые встать как на защиту своей религии, так и на защиту своих доходов, почитатели Артемиды превратились в смешавшуюся стаю диких зверей, чувствующих опасность, но не понимающих ее источника. Они были готовы на то, чтобы растерзать обидчика. Если бы Павел появился перед ними, они бы растерзали его.

Местные иудеи, возможно, из опасения, что их могут принять за христиан, выставили некоего ратора Александра в качестве защитника (Деян 19: 33). Но когда толпа увидела, что он иудей, то закричала разом и продолжала кричать в течение двух часов: “Велика Артемида Ефесская!” (Деян 19: 34)

Люди находились во власти стихии — слепой, не рассуждающей, и повинующейся, лишь инстинктам. Но чем же тогда была для них Артемида, если не обожествленными природными инстинктами, одинаковыми как для человека, так и для животных? И если это действительно так, то тогда такой характер выступления в ее защиту был вполне естественным.

Между тем вмешался блюститель порядка — главный городской чиновник — и успокоил толпу, проявив силу авторитета и дипломатичность.

Сперва он напомнил собравшимся тот неоспоримый факт, что город Ефес является известным местом почитания богини Артемиды. Здесь расположен ее храм и ее образ, упавший с неба [В английском переводе фигурирует именно такая фраза — “image that fell from heaven”. Этим и определяется характер нижеследующего комментария. В русском переводе используется слово “Диопет”, которое в Библейской энциклопедии ((Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия Архимандрита Никифора). Москва. Терра, 1991, с. 194) поясняется как “статуя богини Артемиды, или Дианы, в Ефесском храме, по народному преданию, получившая происхождение от Юпитера или Зевса”. Этимология слова “Диопет” — “упавший от Юпитера”. — прим. ред. рус. пер.]. Весь мир знает, что это именно так. А поскольку эти факты неоспоримы, то надо успокоиться и не поступать опрометчиво. В конце концов ничего страшного нет, если неоспоримые факты подвергаются сомнению, ибо они неоспоримы. Раз всему миру известна эта истина, опровергнуть ее невозможно (Деян 19: 35-36).

Во-вторых, он указал на то, что христиане и не покушались на эти неоспоримые факты. Они не ограбили храма

Артемиды и не хулили саму богиню (Деян 19: 37).

В-третьих, он напомнил о законе. Если Димитрий и его друзья хотят выдвинуть обвинение против христиан, для этого существует суд (Деян 19: 38). Если же у горожан есть политические и общественные претензии, следует обратиться в городское судебное собрание (Деян 19: 39).

Он добавил также, что с точки зрения строгих римских правителей, отвечающих за данную провинцию, поведение горожан может быть расценено как мятеж, так как в силу приведенных им доводов у горожан не было повода для возмущения (Деян 19: 40).

Речь блюстителя порядка нуждается в некоторых пояснениях. Первое касается образа, упавшего с неба, на который он ссылается в подтверждение истинности культа Артемиды. Ученые полагают, что это был метеорит. Если это так, то природа сыграла со своими почитателями злую шутку! Объект, вызывавший у них трепетное благоговение и почитание, был всего-навсего одним из многочисленных отбросов вселенной. Природа — замечательный хранитель и слуга человечества, и к ней следует относиться с большим уважением, как в наши дни совершенно справедливо подчеркивают представители движения “зеленых”. Однако она не должна возводиться в ранг богини. И наша забота о ней не должна превращаться в религию. Всегда, когда человек обожествляет природу, она неизбежно превращает его из повелителя земли в раба природных инстинктов, которому придается куда меньшая ценность, чем материальному миру и силам вселенной, которые им повелевают.

Во-вторых, блюститель порядка дал свою оценку поведению христиан. Тут он коснулся весьма деликатного момента, ибо, несомненно, Павел учил, что рукотворные кумиры не являются богами и неоднократно призывал граждан Ефеса и всей провинции Асия оставить идолослужение и обратиться к истинному Богу. Дела серебряных дел мастеров пошатнулись не случайно. Судьба культа Артемиды в свете учения Павла была предрешена.

Тем не менее первая часть заявления блюстителя порядка, несомненно, соответствовала истине: ни сам Павел, ни

его ученики “ни храма (Артемидина) не обокрали, ни богини вашей не хулили...” (Деян 19: 37). Христианское неприятие идолопоклонства не оправдывает грубости и неуважения по отношению к языческим храмам. Если человек, став христианином, уничтожает своих идолов, которым он ранее поклонялся, это правильно и похвально, однако христианину не пристало проявлять неуважение к языческим храмам или идолам.

И вторая часть заявления блюстителя порядка была в определенном смысле справедливой: ни Павел, ни его спутники не хулили богини Артемиды (Деян 19: 37). Апостол Павел неизменно выступал против идолопоклонства в целом, однако ни разу не допустил в публичном выступлении ни одного оскорбительного высказывания непосредственно в адрес Артемиды или любого другого языческого божества. И мы должны следовать ему в этом.

Наконец, напоминание блюстителя порядка о судах и городском собрании говорит о том, что цивилизованная, по-настоящему человеческая жизнь становится невозможной там, где животным инстинктам позволено попирает разум, мораль и закон. Религия, безусловно, взывает к глубоким человеческим чувствам. Однако любая религия, позволяющая своим последователям игнорировать нормы цивилизованного общества и преследовать своих оппонентов, как животное преследует свою жертву, — назовите такую религию, как вам будет угодно, но это будет все та же старая знакомая Артемида язычников, но рядящаяся в другие одежды. Способ самозащиты богини лишает ее доверия в наших глазах, так как стирает ту границу, которая отделяет человека от животного.

Случай с юношей, выпавшим из окна третьего этажа

Во второй половине первого Действия шестого Раздела Деяний речь идет о трех важнейших темах:

1. Павел отправляется из Ефеса в Милит (через Македонию, Грецию, затем снова в Македонию, Филиппы, Троаду (Трою),

Асс, Митилину и Самос) вместе со своими спутниками; в Троаде в последний вечер своего пребывания в городе Павел чудесным образом возвращает жизнь Евтиху (Деян 20: 1-16).

2. Павел обращается к пресвитерам Ефесской церкви, которых он призвал встретиться с ним в Милите (Деян 20: 17-38).

3. Путь Павла и его спутников из Милита в Иерусалим (через Кос, Родос, Патару, Тир, Птолемаиду и Кесарию) (Деян 21: 16); Святой Дух предупреждает об ожидающих апостола преследованиях и заключении; эти предостережения звучат в Тире во время семидневного пребывания апостола в городе, а затем повторяются в Кесарии (Деян 21: 1-16).

Таким образом, центральным в данном Действии оказывается обращение Павла к пресвитерам Ефесской церкви. Апостол призывает пресвитеров защитить Церковь Божью, и его речь посвящена целям и методам такой защиты.

Обратимся сначала к рассказу о юноше Евтихе из Троады. В последний вечер своего пребывания в Троаде Павел допоздна беседовал с общиной, так как не надеялся на новую встречу с ней. Собрание церкви проходило на третьем этаже помещения, и Евтих сидел на подоконнике. Из-за жара масляных светильников и от того, что в помещении было очень тесно, становилось все жарче и жарче. Проповедь продолжалась очень долго. Евтих устал, и природа взяла свое: юноша заснул и выпал из окна. Лука говорит, что его подняли мертвым (Деян 20: 9). Однако Павел, сойдя вниз, обнял юношу и объявил, что душа Евтиха не рассталась с телом (Деян 20: 10). Затем апостол поднялся наверх, преломил хлеб и продолжил беседу. На рассвете он вышел. “Между тем отрока привели живого, и не мало утешились” (Деян 20: 12).

Совершил ли апостол чудо? Некоторые отвечают на этот вопрос утвердительно: раз Лука, будучи врачом, констатирует, что юношу подобрали мертвым, значит он на самом деле умер, а Павел совершил чудо для его оживления. Другие сомневаются в этом. Они приводят выражение Павла: “не тревожьтесь; ибо душа его в *нем*” (Деян 20: 10) (выделено мной — Д. Г.). Они полагают, что Евтих потерял сознание и не дышал тогда, когда Павел и Лука сошли вниз, а когда Павел обнял его, он пришел в сознание. Трудно

решить, какой из комментариев верен. Не исключено, что в те далекие времена остановка дыхания могла считаться признаком смерти, а восстановление дыхания воспринималось как чудо.

Как бы там ни было, сам рассказ тесно связан и с предыдущим, и с последующими сюжетами. Почитатели Артемиды поклонялись “образу, упавшему с неба”, возможно, кусочку метеорита. На месте падения был воздвигнут храм и развернута торговля для паломников. Можно представить себе, как бы почитатели Артемиды раздули эпизод с молодым человеком, который убился до смерти, а потом вернулся к жизни! Они бы выставляли “чудо-юношу” на показ, беря плату по драхме за сеанс. Димитрий да и все местные торговцы были бы в восторге.

Самое замечательное в описании этого чуда — то, что оно подается без всякой помпы, с большим чувством меры. Чудо подается как вынужденный перерыв в собрании церкви. Верующие собрались ради преломления хлебов, то есть на вечерю Господню (Деян 20: 7). Павел проповедовал в течение нескольких часов. После несчастного случая с Евтихом апостол сошел вниз, вернул юношу к жизни и тут же возвратился, чтобы продолжать вечерю Господню, преломить хлеб и проповедовать уже до рассвета (Деян 20: 11).

Кроме того, правильно понять смысл этой истории можно только в контексте последующего повествования в данном Действии. Мы увидим, что, несмотря на это и многие другие чудеса (Деян 19: 11-12), Павел постоянно слышит предостережения о грядущих преследованиях и заточении. Нисколько не смущенный этими предостережениями, апостол продолжает путь в ожидании и готовности умереть ради Господа и Его благой вести (Деян 20: 23-24; 21: 12-13). Его спутники глубоко опечалены, но Павел даже и не пытается их утешать или подбадривать самого себя надеждой на то, что Бог совершит чудо, спасет его от смерти или в случае смерти воскресит его. Он знает, что платой за его служение будет смерть. Но он готов заплатить ее и укрепляет свою волю, чтобы встретить смерть с достоинством (Деян 21: 13).

Защита церкви Божьей

Обращение апостола Павла к пресвитерам Ефесской церкви замечательно тем, что его увещевание пастырей хранить церковь Божью занимает лишь чуть больше четырех стихов. Тогда как даваемый им пример, как именно следует защищать церковь, занимает, по крайней мере, тринадцать стихов. В пример он приводит самого себя и свое поведение по отношению к церкви на протяжении лет, проведенных им в Ефесе. Рассматривая этот пример, мы обнаруживаем явное противопоставление методов защиты своей веры апостолом Павлом и серебряником Димитрием.

Пример, приводимый Павлом, относится ко всему времени пребывания апостола в Ефесе, включая его приезд и отъезд. Описание Ефесского периода было уже дано в Деян 19: 1-20, и будь оно единственным свидетельством, у нас бы сложилось впечатление, что это были два года и три месяца служения непреклонного мужа, совершившего невероятные чудеса и достигшего громкого успеха. Однако фрагмент, который мы анализируем сейчас, рисует перед нами совершенно иную картину. Мы видим, что такое служение Господу на самом деле и что значит быть истинным служителем Божиим. Оно сопряжено с постоянными муками и унижениями со стороны иудеев (Деян 20: 19, 31), угрозами суда. Но обратите внимание на мужество и великодушие, с которыми Павел встречает происки врагов и другие препятствия: “...Я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедывал бы...”, — говорит апостол в Деян 20: 20. И затем в Деян 20: 27 он заявляет: “...я не упустил возвещать вам всю волю Божию”.

По этим выражениям — “Я не пропустил”, “Я не упустил” — можно судить об упорстве и победе над страхом. Проповедовать каждый день на протяжении двух лет, как это делал апостол Павел в училище Тиранна, для любого другого человека было бы чрезвычайно трудной задачей. Но из Деян 20: 20 мы узнаем еще и то, что, помимо публичных проповедей, апостол имел много частных бесед в семьях и с отдельными людьми. Несмотря на то, что это был поистине титанический труд, Павел говорит, что не

упускал ничего полезного и всем делился с церковью. При этом он не брал никакой платы или вспомоществования (Деян 20: 33-34). Время, свободное от проповедей и бесед, он употреблял главным образом на то, чтобы заработать своим ремеслом на свои нужды и нужды своих спутников. Он уделял внимание всем без различия,

“Возвещая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа”

(Деян 20: 21).

Как раз в этом, вероятно, и заключался источник страха. Если бы покаяние состояло просто в сожалении о том или ином прошлом проступке, то мало нашлось бы на свете противников подобного покаяния. Однако Павел верил в необходимость куда более радикальной формы покаяния. “Покаяться пред Богом”, как это сделал сам Павел (Флп 3: 1-9), означает признать то, что самый высокий религиозный, нравственный или духовный уровень, которого мы способны достичь, безнадежно ниже того уровня, который соответствует требованиям Бога. Потерянные и убогие, мы нуждаемся в том даре незаслуженной благодати, который мы принимаем на тех же самых условиях, что и самый худший из грешников. Этот дар — спасение, которое может исходить только от Бога. Попробовали бы вы сказать это гордому фарисею, каким был сам Павел до своего обращения, и вы бы получили в ответ гневный и злой упрек в “нравственном пессимизме”. Попытайся вы сказать еллину или иудею, что спасение дается лишь верою в Господа Иисуса Христа, вас тут же, возможно, обвинили бы в слепом, ограниченном фанатизме. Намного проще произносить общие слова о любви Божьей или о сострадании или о чем-то, столь же неоспоримом. Однако распространение истинной благой вести всегда чревато неприятностями и столкновениями, что доказывает опыт пребывания Павла в Коринфе (1 Кор 1: 18-2: 5). “...Я не пропустил ничего полезного, о чем вам ни проповедывал бы...”, — говорит апостол Ефесянам. Какое смелое и правдивое высказывание! В особенности если вспомнить, что в Ефесе он пережил те же сомнения и страхи, которые он, по его соб-

ственному признанию, пережил в Коринфе, и при этом не отступил и не сдался.

И вот теперь он покидает Ефесскую церковь и в своем прощальном слове напутствует пресвитеров, чтобы они взяли на себя пестование и защиту Божьего стада. Но перед тем, как призвать пресвитеров к исполнению своего долга, Павел приводит им в пример себя, рассказывает о той силе и внутреннем нравственном чувстве, которые вдохновляли его на труд.

“И вот, ныне я по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною. Только Дух Святы́й по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня”

(Деян 20: 22-23).

Почему же апостол все-таки идет навстречу испытаниям? Павел не скрывает, что за сила побуждает его так поступать: это благодатное побуждение и веление Святого Духа. В то же время апостол не пребывает в слепом неведении относительно грядущего. Тот самый Дух, что влечет его вперед, ясно предупреждает его и о грядущих страданиях.

Почему несмотря на это апостол все же продолжает путь? Павел говорит, что все дело заключается в системе ценностей. Господь Иисус Христос поручил ему пройти определенный путь и выполнить определенные задачи. Уже то, что поручение исходило от Иисуса Христа, было для Павла высшей честью, независимо от характера поручения. Завершить же путь и выполнить поручение, угодное Господу Иисусу, было для Павла высшей радостью, какую только может испытать человек!

Итак рассмотрим само поручение. Это поручение состояло в проповеди Божьей благодати и свидетельстве о ней (Деян 20: 24). Величие этой благодати было постоянным источником, побуждавшим Павла действовать и сообщавшим ему силы и энергию. Разумеется, для его спасения требовалось столько же благодати Божьей, сколько и для спасения любого из нас. Различие — если здесь вообще уместно говорить о различии — заключается в том, что

апостол никогда не забывал о величии этой чудесной благодати (Еф 3: 7-8; 1 Тим 1: 12-14). Она изменила всю его систему ценностей. Жизнь сама по себе, без трудов во имя Христа, потеряла свой смысл. Если бы для выполнения той задачи, которую возложил на апостола Господь, потребовалось отдать жизнь, Павел с радостью сделал бы это.

Другой ценностью, вдохновлявшая его на труды, были сами люди. Конечно, речь здесь идет не о материальных ценностях, о которых мы сегодня судим по размерам банковских счетов или прогнозам прибыльности предприятий. (Эти ценности сегодня намного перекрыли ценности, производившиеся серебряником Димитрием). Речь идет о том, что проповедники прошлых времен называли ценностью души. Что означает для человека, созданного по образу и подобию Божьему, погибнуть, быть в муках (Лк 16: 23) или пойти на муки вечные, как сказал об этом Сам Спаситель (Мф 25: 46)? Преступление — не помочь умирающему человеку, если его еще можно спасти. Что же тогда говорить о проповеднике, уклоняющемся от благоговения, когда только благовестие и может спасти человека? Или о тех, кто не решается даже предупредить человека о необходимости искать спасения от надвигающегося гнева? Вспомним, что Бог говорит Иезекииллю:

“Когда Я скажу беззаконнику: беззаконник! ты смертью умрешь”, а ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, — то беззаконник тот умрет за грех свой, но кровь его взыщу от руки твоей”

(Иез 33: 8).

Памятуя об этом великом значении души человека, Павел хочет подчеркнуть, что сделал все возможное для спасения людей:

“И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех; ибо я не упустил возвещать вам всю волю Божию”

(Деян 20: 25-27).

“Не упускал”, — читаем мы опять, и это выражение заставляет нас задуматься о тех соблазнах и тяготах, которые подстерегают проповедников, учителей и служителей церкви, которые довольствуются провозглашением только некоторых сторон божественного волеизъявления, и не идут на полное его провозглашение. Испытание это не ново. Пророк Исаия много веков тому назад уже знал, как ново обратиться к людям, не желающим слышать слово Божье. Такие люди говорили пророкам:

“...Не пророчествуйте нам правды, говорите нам лестное, предсказывайте приятное; сойдите с дороги, уклонитесь от пути; устраните от глаз наших Святого Израилева”

(Ис 30: 10-11).

Но что скажет Пастырь подпаскам, пренебрегшим указанием предупредить овец своих о самом опасном из врагов? Говорившим овцам о том, как зелена трава, но ни разу не обратившим их внимание на волков? Или даже утешавшим овец, говоря, что даже рыскающий и рыкающий лев — всего лишь вымысел?

Здесь Павел прерывает рассказ о своем пребывании в Ефесе, чтобы сделать краткое наставление, а затем вновь возвращается к своему рассказу. Наставление обычно воспринимается лучше тогда, когда подкрепляется личным примером наставника.

“Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями...”

(Деян 20: 28).

Главная обязанность пастырей — быть постоянно на страже. И прежде всего они должны следить за собой. Пастырь, который пренебрегает своим собственным духовным совершенствованием, не уделяет достаточно внимания изучению Священного Писания, углублению богопознания, оказывается неспособным пасти других.

“...Пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею”

(Деян 20: 28).

В связи с этим мы коснемся главного вопроса всякой

истинной апологии церкви и церковного пастырства: это вопрос о цене, заплаченной Богом. Ценой этой была Его кровь, то есть кровь Его дорогого и возлюбленного Сына. Рассказ об этом до сих пор потрясает наше воображение. Это не образ Бога, упавший с неба, а Сын Самого Бога по своей воле снисходит на землю. Это Бог-Отец и Бог-Сын, в своем святом единении, платят такую цену, которую может назначить лишь Сам Бог, чтобы добиться от нас и подобных нам покаяния, веры и любви. Сколь ничтожны по сравнению с этим серебряные усыпальницы Димитрия!

“...Не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни... но драгоценною Кровию Христа”

(1 Пет 1: 18-19).

Это не Артемида, защищающая потомство человека и животных и мстящая разрушителям природы своими смертоносными стрелами. Это не естественный процесс, когда природа уничтожает своего врага ради самосохранения — Сам Творец природы сознательно, решительно и добровольно отдает жизнь за нас, Своих грешных тварей (Ин 10: 15-17). Это вовсе не природа, величественная, но падшая, а трижды святая божественная благодать.

Пастырь явил нам пример того, как защищать овец (Ин 10: 7-13): всякая истинная защита благой вести или церкви должна осуществляться по этому образцу. Насколько же надо быть неверным Пастырю, чтобы для защиты благой вести и церкви прибегать к стихийным законам толпы или к мечу!

Итак, пастыри должны защищать церковь до последней капли крови против двух главнейших опасностей: внешней и внутренней. Павел предостерегает руководителей церкви, ее пастырей, от лютых волков, которые войдут в стан и не пощадят стада (Деян 20: 29). Он не уточняет, что это за волки, скорее всего это те, о ком апостол Иуда говорит:

“Ибо вкрались некоторые люди, издревле предназначенные к сему осуждению, нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству и отвергающиеся единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа”

(Иуд 1: 4).

Апостол Петр также делится своими мыслями на этот счет:

“Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель”

(2 Пет 2: 1).

Ничто так не разрушает церковь и не вводит в заблуждение овец, как поучения лжепастырей о том, что наш Верховный Пастырь якобы не является воплощенным Богом и не рожден от девы Марии; что Он ошибался в части Своего учения, в особенности в учении о Своем втором пришествии, что смерть Его не была искуплением наших грехов и что Он не воскрес из мертвых. Проповедующие подобное — не истинные пастыри и даже не истинные овцы. Они — те волки, приходящие извне, о которых предупреждает Сам Пастырь:

“Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные”

(Мф 7: 15).

Другая опасность, которой должно остерегаться, исходит изнутри, быть может, от самих пастырей. Некоторые из них извращают истину, исповедуют странные, искаженные, эксцентричные учения, что уже само по себе порочно. Однако молитвы, побуждающие их действовать так, еще порочнее: цель их, хотя многие и не признают этого, заключается в том, чтобы увлечь учеников за собой (Деян 20: 30). Прикрываясь личиной пастырей, они жаждут властвовать над овцами. Видимо, они забывают о том, что овцы принадлежат не им, но Тому, Кто выкупил их ценой Своей крови: овцы составляют Божье стадо, а не пастырское. Такие пастыри являются диотрефами Церкви (3 Ин 1: 9); они готовы злословить по поводу других слуг Божьих ради того, чтобы укрепить свое собственное господство над паствой. “Посему бодрствуйте”, — говорит Павел, возвращаясь от поучения к прерванному рассказу о собственном примере, которому мы должны подражать.

“Посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь

непрестанно со слезами учил каждого из вас”

(Деян 20: 31).

Однако теперь, когда Павел оставляет церковь навсегда, что будет служить ей опорой? Этой опорой будет Бог и слово Его благодати (Деян 20: 32). Прежде всего, конечно, Бог, живой Бог, а не набор законов и установлений. И затем, не только Бог, но и Его слово, которое делает Его благодать доступной каждому. В зависимости от своего характера верующий порой придает разное значение первому и второму, иногда практически отвергая одно в пользу другого. Однако и Бог, и Его слово во взаимосвязи необходимы для духовного роста как пастырей, так и овец, они служат духовным наследством верующим, освященным Богом людям (Деян 20: 32).

Казалось бы, на этой высокой ноте Павел мог бы закончить проповедь. Однако следить за духовным состоянием церкви — не единственная задача настоящих христианских пастырей или старейшин церкви. И снова апостол приводит в пример самого себя, призывая старейшин Ефесской церкви следовать его примеру: проповедуя Павел не думал о том, чтобы извлечь из своей работы материальную выгоду.

“Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии”

(Деян 20: 34), —

сказал он, показав слушателям свои натруженные руки. Павел не хвалился и не выставлял себя героем. Он делал обычную работу, показывая пример старейшинам церкви, в чем состоит их долг.

“Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых..”

(Деян 20: 35).

Учителя и старейшины могут легко превратиться в начетчиков, поучающих других людей, как им себя вести и что делать. Но какая польза в поучениях, если они не подкреплены личным примером? Собственная работа является не просто дополнением к обязанности учителя, она

является их необходимой составной частью. “Надобно”, — говорит Павел, — работать столь упорно, чтобы быть в состоянии покрывать свои собственные нужды и поддерживать слабых” (Деян 20: 33-35).

Правда, в других случаях Павел говорит, что проповедник может “жить от благовествования”, что апостолы вроде Петра и даже некоторых пресвитеров наделены божественным правом получать материальную поддержку от церкви (1 Кор 9: 1-14; 1 Тим 5: 17-18). Очевидно, что ни содержащиеся в упомянутых Посланиях замечания, ни рекомендации пресвитерам и старейшинам Ефесской церкви не могут быть возведены в абсолют. В каждой отдельной ситуации нужно стремиться к тому, чтобы выполнять Божью работу наилучшим образом. Но даже если, понимая это, мы настаиваем только на своих правах, это означает, что мы не понимаем главного. Апостол Павел нередко забывал о своих правах, радуясь своим благословенным трудам по оказанию духовной и материальной помощи другим людям. Чем этот путь благословеннее, тем больше радости он приносит. Порукой тому служит опыт Самого Иисуса Христа. Павел говорит, что пресвитеры должны помнить слова Иисуса, сказанные Им по этому поводу (Деян 20: 35).

В Деян 20: 36-38 описана трогательная сцена прощания Павла со своими друзьями, которая более обращена к нашим чувствам, нежели к разуму. Павел уже никогда в этой жизни не увидит этих прекрасных людей, с которыми он сблизился в Ефесе, но придет время, и они встретятся в вечной обители (Лк 16: 9).

Завершение поприща

Оставшаяся часть Действия 1 заполнена, главным образом, географическими подробностями дальнейшего пути Павла в Иерусалим (Деян 21: 1-10). Особый интерес представляют два “внушения” Духа Святого, которые были переданы апостолу в Тире (Деян 21: 4) и в Кесарии (Деян 21: 11). В Тире ученики “по внушению Духа” сообщили апостолу, чтобы он не ходил в Иерусалим; в

Кесарии же пророк по имени Агав, взяв пояс Павла и связав им себе руки и ноги, провозгласил:

“...Так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников”

(Деян 21: 11).

Но апостол продолжал свой путь.

На основании этих текстов некоторые комментаторы делают вывод, что Павел, одержимый своими планами, проявил неразумие, не вняв голосу Святого Духа и не подчинившись ему. В результате он поплатился своей свободой, хотя мог бы сохранить ее и продолжить успешное служение Господу.

Прежде чем присоединиться к этому радикальному выводу, необходимо проанализировать ситуацию. Не в характере апостола было сознательно и решительно пренебрегать тем, что, по его мнению, было категорическим запретом Святого Духа. Должны ли мы в таком случае думать, что в обеих этих ситуациях он воспринял переданные ему сообщения как абсолютный запрет, но, проявив своеволие, решил его нарушить? Это было бы весьма неправдоподобно.

Возможно, он полагал, что ученики в Тире и пророк Агав в Кесарии ошиблись, приняв за голос Святого Духа нечто другое. Однако Лука ничего не говорит об этом.

Продолжим наш анализ. Когда Павел решил, что настала пора покинуть Ефес, он “положил в Духе” двинуться в Иерусалим. Об этом Лука нам сообщает (Деян 19: 21; 20: 22), сообщает так же ясно, как и то, что ученики в Иерусалиме “по внушению Духа” убеждали Павла не ходить в Иерусалим (Деян 21: 4). У нас нет оснований предполагать, что кто-то из них ошибался.

С другой стороны, Агав не был первым, кто предупреждал Павла о том, что в Иерусалиме идеи свяжут его и предадут в руки язычников. В каждом городе по пути в Милит Святой Дух говорил ему то же самое (Деян 20: 23). Но Павел понимал это не как запрещение, а как побуждение Святого Духа продолжать путь. Господь Иисус Христос определил Павлу это поприще, а теперь Святой Дух призывал апо-

стола завершить его (Деян 20: 22-24).

Жители Тира и, тем более, Кесарии были хорошо осведомлены о происходящем в Иерусалиме. Поэтому, когда они слышали о том, что Павел направляется в Иерусалим, они смогли живо представить себе, что его там ожидает. При этом пророк Агав лишь предупредил апостола о предстоящих страданиях, но не запретил ему продолжать путь. Зато другие верующие, услышав пророчество Агава, начали упрасивать апостола отказаться от путешествия. Павел же упрекал их в том, что они пытаются пошатнуть его решимость, внушенную Святым Духом, претерпеть в Иерусалиме заключение в тюрьму и даже смерть, если это необходимо сделать ради Господа Иисуса Христа (Деян 21: 12-13). Человек, который плакал, сталкиваясь с духовными проблемами других людей (Деян 20: 19, 31), не мог позволить себе поддаться чувству жалости к себе самому, которая могла бы поколебать его решимость исполнить задачу, возложенную на него Господом.

Итак, нам осталось рассмотреть только случай в Тире, где Святой Дух вроде бы запрещает апостолу входить в Иерусалим. Нет никакой необходимости видеть в этом ошибку или противоречие. Возьмем для аналогии ситуацию из обыденной жизни. Если жена сообщает мужу, что хочет купить ему в подарок на день рождения японскую стереосистему, муж, вероятно, ответит: “Не делай этого, лучше купи себе на эти деньги новое пальто”. Но, когда в день рождения она все же подарит ему такую систему, он не станет упрекать ее за непослушание, скорее его обрадует ее готовность пожертвовать чем-нибудь ради того, чтобы доставить ему радость. Порой Сам Бог принимает меры к тому, чтобы наши жертвы и наша преданность были совершенно добровольными³. Святой Дух, побуждавший Павла отправиться в Иерусалим и принять страдания во имя Господа Иисуса (Деян 21: 13), о которых Он предупредил апостола, в конечном счете предоставляет Павлу выбор: он может отказаться от путешествия, если захочет. Многие из нас восприняли бы внушение Святого Духа в Тире как абсолютный запрет и обрадовались бы отсрочке, исходя-

щей от Самого Святого Духа. Павел же понял это внушение иначе. Очевидно, мы склонны приписывать происходящее с нами божественному провидению только тогда, когда благодаря ему мы избавляемся от страданий. В противном случае, то есть, попадая в беду, мы начинаем сомневаться в божественном провидении. То, что апостол Павел воспринял послание Духа не как запрещение идти в Иерусалим, как раз и показывает всю глубину его преданности Иисусу Христу. Действительно, Павел полагал, что защита благой вести — это такая задача, за выполнение которой стоит заплатить своей жизнью.

Примечания

¹ W. K. C. Guthrie, THE GREEKS AND THEIR GODS (London: Methuen, 1954), p. 100 [В. К. С. Гутри. Древние греки и их боги]. Автор во многом обязан этой книге.

² Ср. это место с выражением из Кол 1: 13 “возлюбленного Сына Своего”.

³ Одним из примеров этого является обет назорейства (Чис 6), другим — обет безбрачия (1 Кор 7: 26-35).

ДЕЙСТВИЕ 2
БЛАГАЯ ВЕСТЬ В СВЕТЕ ЕЕ
УВАЖЕНИЯ
К ТРАДИЦИОННОМУ ОБРАЗУ
МЫШЛЕНИЯ
(Деян 21: 17-23: 11)

Первое Действие шестого Раздела начиналось с описания беспорядков, вспыхнувших в городе Ефесе в связи с защитой храма Артемиды. Второе Действие открывается описанием беспорядков в Иерусалиме в связи с защитой храма Господнего. Печально, что люди использовали для защиты Божьего дома те же методы, что использовали язычники для защиты своей религии. Тем не менее нельзя отрицать, что обвинение, выдвинутое против Павла во втором случае и послужившее искрой, из которой разгорелся мятеж, было весьма серьезным:

“...этот человек...Еллинов ввел в храм и осквернил святое место сие”

(Деян 21: 28).

У входа в храм можно было увидеть заметные надписи на греческом и иврите, предупреждавшие всех язычников, что им под страхом смерти запрещено входить во внутренний двор. Иудеи имели дарованное римским правительством право казнить даже римского гражданина в том случае, если он нарушит этот запрет. Язычники могли бы возразить, что это запрещение отдавало фанатизмом или даже расизмом. Однако такая оценка была бы неверной:

ведь никто не принуждал язычников посещать храм против их воли. Если же они этого желали, то для них специально был отведен внешний двор.

Но Павел не был язычником. Он был воспитан в традиции, воспрещавшей язычникам входить во внутренний двор. Эта традиция основывалась на представлении о том, что Сам всемогущий Бог пребывает во внутреннем святилище храма. По этой причине данное место было в высшей степени святым. Лишь первосвященник Израиля и лишь один раз в году имел право войти во внутреннее святилище — в Святую Святых. Остальная часть храма тоже почиталась святой, но в несколько меньшей степени. Тем не менее и там могли находиться лишь иудейские священники и никак не простые верующие. Вокруг храма находился внутренний двор. Он тоже считался священным, пусть и в несколько меньшей степени. Язычникам вход туда был запрещен. Даже евреи входили во внутренний двор только после совершения обряда очищения.

Тому было несколько причин. Первая и основная состояла в том, что Израиль считал себя особым святым народом. Бог призвал его и определил как “царство священников и народ святой” (Исх 19: 6). Священники эти призваны были служить в интересах всех народов земли, однако их положение и должность отличались такой святостью и близостью к Богу, какой не обладала ни одна другая нация. В соответствии с этим священным статусом израильтяне были призваны следовать в своей повседневной жизни определенным нормам святости, в частности, совершать обрезание, омовение, блюсти законы о питании. Им было строжайше запрещено любое идолопоклонство — даже употребление пищи, ранее предложенной идолам. Они должны были также воздерживаться от половых извращений, которые были столь распространены среди неевреев.

Итак, Павел был воспитан в традиции почитания храма, которая была тесно связана с идеей особой роли Израиля. Теперь же, по словам обвинителей, он

“...всех повсюду учит против народа и закона и места сего [то есть, храма]”

(Деян 21: 28).

Плохо было уже то, что он проповедовал учение, отличное от ветхозаветной премудрости. Плохо было уже то, что, где бы ни выступал апостол, в своих проповедях ему приходилось обличать свой собственный народ, который взрастил его в единственно истинной вере. Почему же он не мог оставить в покое хотя бы храм? Зачем он пришел и попрали святость “места сего”, приведя язычников во внутренний двор и войдя туда сам, не будучи ритуально чистым?

Разумеется, все эти обвинения были несправедливыми. Но обвинители Павла искренне верили им. Поэтому они считали, что своими действиями (когда они вытащили его из храма и накрепко закрыли двери (Деян 21: 30)) они защищают святость всемогущего Бога.

Современная критика по поводу поведения Павла в храме

Однако иудеи из Азии, которые подняли против Павла толпу (Деян 21: 27-29), были не единственными, кто подвергал Павла критике за произошедший инцидент. Многие последователи его учения об оправдании верой через искупительную жертву Христа также были серьезно смущены поведением проповедника в Храме.

“Прежде всего, спрашивают они, — зачем он вообще пришел в храм? Разве он не верил до глубины своего сердца в то, что провозгласил еще первомученик Стефан: что благодаря Иисусу храм с его священством, жертвами и очищениями становится ненужным? Человек, везде учивший своих обращенных соблюдать вечерю Господню, сам недавно участвовавший в такой вечере в Троаде и торжественно напомнивший собравшимся, что отпущение грехов совершается через жертву Христа на Голгофе, — для чего такой человек стал очищать себя согласно предписаниям иудаизма и участвовать в жертвоприношениях животных на алтаре иудаистского храма?”

Их собственное объяснение этого досадного недоразумения сводится к следующему. Иерусалимские христиане, не представляя себе до конца, каким образом Евангелие

соотносится с иудаизмом и боясь оскорбить иудеев, предложили Павлу способ публичного умиротворения критиков христианства. Среди иерусалимских христиан было четверо, принявших обет назорейства, которые должны были вскоре его исполнить. Павлу предложили отвести назореев в Храм, принять участие в обязательных ритуалах очищения и оплатить расходы на жертвоприношения, принятые при исполнении обета.

Павел, утверждают критики, принял ошибочное решение и согласился на предложение, тем самым пойдя на компромисс, хотя это и было для него крайне нехарактерно. Но, как всегда бывает, компромисс не произвел ожидавшегося впечатления и завершился катастрофой. В результате апостол был вынужден в течение четырех последующих лет проповедовать в тюрьме. А если бы он не пошел на компромисс, рассуждают наши критики, он смог бы, как и прежде, благовествовать на воле.

На самом деле в оценке действий апостола Павла критики ошибаются, делая два неверных допущения. Первое заключается в том, что проповедник якобы привел в Храм греков. На самом же деле Павел никогда бы этого не допустил. Если он ввел их во внутренний двор, почему же толпа не схватила их вместе с ним? Иудеи из Азии, первыми поднявшие шум, так и не смогли представить никаких доказательств вины апостола ни на одном из последующих допросов и разбирательств. Тот факт, что они даже не явились в суд (Деян 24: 18-19), говорит, что подобных доказательств у них попросту не было.

Но и другое критическое замечание основывалось на ложных фактических данных, на предположении о том, что как Павел, так и пресвитеры Иерусалимской христианской церкви пытались успокоить иудейские круги, примириться со всеми иудеями, включая зачинщиков беспорядков, а также с Синедрионом, который пытался использовать представившийся случай и добиться его казни. Ни у Павла, ни у пресвитеров даже и в мыслях не было искать примирения с иудеями. Пресвитеры ясно объяснили, кому именно они стремились помочь — не неверующим иудеям, а

верующим.

“...Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев...”

(Деян 21: 20) (выделено мной — Д. Г.).

Не эти новообращенные устроили беспорядки, схватили Павла и пытались его убить! Напротив, им, по-видимому, помогало, то, что сделал апостол. Пусть их христианский образ мышления был еще не совсем сложившимся, но он был уже достаточно сложившимся, чтобы не допускать ничего подобного. Более того, когда они увидели неоправданно злобное обращение с Павлом иудеев, его изгнание из храма, они вполне могли укрепиться в своей решимости оставить Храм и отказаться от его обрядов.

Согласно пресвитерам, произошло следующее. Тысячам верующих евреев-христиан было объявлено, что Павел потребовал от всех тех евреев, которые жили среди других народов, отказаться от следования закону Моисея — не обрезать младенцев и не жить в соответствии с еврейскими обычаями (Деян 21: 21). Это сообщение выглядело достаточно правдоподобно, хотя мы знаем из предыдущего текста Деяний и из посланий Павла, что на самом деле апостол ничего такого сказать не мог. Павел никогда не требовал от евреев, ставших христианами, чтобы они полностью отрекались от традиций, связанных с законом Моисея.

Павел совершенно открыто — будь то в захолустной Пафлагонии или в самом Иерусалиме — проповедовал нечто иное: обрезание не является непременным условием спасения и ничего не прибавляет к спасению. То же относится и к ритуальным омовениям, святой воде, жертвоприношениям животных, денежным пожертвованиям на нужды храма, благовониям и всем обрядам, совершаемым иудейскими священниками и первосвященником. Более того, подобных взглядов о спасении придерживался не только Павел, но и Петр, и Иаков, — да и все остальные апостолы и пресвитеры Иерусалимской церкви. Напомним знаменитое заявление Петра, сделанное им в Иерусалиме несколькими годами раньше, чем произошли обсуждаемые нами события:

“...мы [еврей] веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа [а не обрезанием или каким-либо другим обрядом, предписанным Законом Моисея] спасемся, как и они [язычники]”

(Деян 15: 11).

Мы также помним, как решительно он опровергал каждого, кто учил евреев или язычников тому, что обрезание и все другие обряды, предписанные законом Моисея, необходимы для спасения или что-либо добавляют к нему:

“Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы?”

(Деян 15: 10)

Несмотря на то, что взгляды Павла, а также всех других апостолов и пресвитеров на вопрос о связи обрезания со спасением были достаточно очевидны, никто из них никогда не учил о том, что еврей-христиане должны немедленно отказаться от практики обрезания своих детей. Обрезание детей предписывалось всем израильтянам Ветхим Заветом. Поэтому многие еврей, став христианами, по-прежнему разделяли образ мышления, который предписывал им соблюдать этот обычай — не для обретения или сохранения спасения, а просто в знак благодарности Господу. Они и не думали требовать этого от христиан-неевреев: в Ветхом Завете ведь нет заповеди об обрезании язычников, и единственным исключением является тот случай, когда они хотят стать евреями. Христиане-еврей ясно осознавали, что верующим из других народов не нужно становиться евреями и затем вести свойственный им образ жизни, чтобы быть спасенными¹. Однако многие из евреев-христиан (тысячи, согласно свидетельству пресвитеров) были убеждены, что все верующие из евреев по-прежнему обязаны соблюдать обряды, предписанные Ветхим Заветом. Они были “ревнителями закона” (Деян 21: 20). Для них это было связано с особым образом мышления, основанном на особым образом понятом слове Божьем. Точно так же, как отношение к воскресению как к дню, который должен быть посвящен Богу, является элементом образа мышления

миллионов христиан, которые, разумеется, не считают при этом, что соблюдение воскресения — необходимое условие спасения.

Ни в Деяниях, ни в посланиях Павла мы не видим, чтобы Павел порицал такой образ мышления. Совсем наоборот. Среди евреев он готов жить как еврей (1 Кор 9: 20), среди язычников — как язычник (1 Кор 9: 21). Отсюда вовсе не следует, что с его точки зрения все еврей-христиане должны принять образ жизни язычников. Если их образ мыслей подсказывал им, что они должны продолжать вести еврейский образ жизни, то Павел это только приветствовал. Напомним, что, когда молодой христианин-еврей по имени Тимофей стал спутником апостола (см. Деян 16, 1-3), тот его обрезал. Павел избрал такую гибкую стратегию совершенно сознательно: он хотел, чтобы благовестию внимали как евреи, так и язычники, чтобы они могли его легче воспринять и обрести спасение (1 Кор 9: 19). Правда, у него была и другая причина. Но прежде чем мы перейдем к ней, давайте проанализируем и другие, не менее серьезные, критические замечания.

Одно из них звучит так. Пусть Павел позволял христианам-евреям (или даже поощрял их, как это было в случае с Тимофеем) соблюдать обряд обрезания, если они ясно осознавали, что обрезание ничего не дает для спасения. Однако в Иерусалиме апостол пошел значительно дальше, можно сказать, непозволительно далеко. Согласившись на предложение пресвитеров, которым он доверял, апостол подверг себя очищению в соответствии с требованиями закона (Деян 21: 24, 26; 24: 18). Тем самым он как бы перечеркнул то самодостаточное раз и навсегда совершаемое очищение, которое мы получаем благодаря Христу (Евр 10: 10, 22). Более того, внося плату и приняв участие в жертвах всесожжения, жертвах за грех и жертвах мирных, предписываемых законом для исполнения обета назорейства (Чис 6: 13-21), Павел тем самым перечеркнул самодостаточность жертвы Христа. Таким образом, с него можно было снять обвинение в том, что он привел язычников во

внутренний двор храма, то есть обвинение, выдвинутое против него иудеями из Азии. Однако, избежав одного обвинения, он навлек на себя другое — обвинение в том, что своим поступком он признавал существование “стоявшей посреди преграды” (Еф 2: 14), преграды, якобы, разделявшей евреев и язычников, которая, как он утверждал впоследствии, была навек уничтожена Христом.

Все это были очень серьезные обвинения, означавшие, что Павел, которого Бог поставил для защиты и обоснования Евангелия, вместо защиты Евангелия пустился на компромиссы. Но и эти обвинения не были справедливыми. Ибо после первых нападков на Евангелие и его защиты, которая завершилась тем, что Павел предстал перед синедрионом, Сам Господь явился Павлу и одобрил то, каким образом Павел осуществил эту защиту:

“В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел, ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме”

(Деян 23: 11)².

Господь вряд ли похвалил бы Павла, пойдя тот в Иерусалиме на компромисс.

Давайте тогда зададимся вопросом: почему было допустимо разрешить евреям-христианам совершать обряд обрезания, но недопустимо принимать участие в храмовых жертвоприношениях? Потому, ответят нам, что жертвоприношения в храме были только прообразом, подобием или тенью жертвы христовой. Продолжать же пользоваться подобиями и тенями тогда, когда реальность уже состоялась, значит — косвенно отрицать самодостаточность этой реальности.

Но и обряд обрезания также был прообразом, копией и тенью! Никто не знал этого лучше, чем Павел, как можно видеть из следующего его замечания:

“В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым”

(Кол 2: 11).

В данном случае Павел не имеет в виду христианский обряд крещения водой, поскольку этот обряд очевидно и безусловно “рукотворен”. Апостол говорит о том глубоко, внутреннем — нравственном и духовном — перерождении, которое происходит в глубине души, когда человек кается и вверяет себя Господу. Однако, несмотря на то, что Павел хорошо понимал и проповедовал, что обрезание является только прообразом, он не видел смысла запрещать евреям-христианам совершать этот обряд, если таковым было веление их совести, — с тем, конечно, условием, что верующие понимали и признавали, что обрезание не приводит к спасению, не способствует ему и не обеспечивает того “обрезания”, которое дается только во Христе (Гал 6: 15).

Сказанное верно не только в отношении обрезания, но и в отношении прочих обрядов, связанных с храмом. Все Иерусалимские христиане-евреи постоянно праздновали Вечерю Господню, во время которой возглашается, что отпущение грехов происходит благодаря жертве и смерти Господа Иисуса Христа и только благодаря ей. Ни один верующий, пресвитер или апостол, тем более сам Павел, не считал, что для твердого и окончательного отпущения грехов жертва Христова должна дополняться жертвоприношениями животных в Храме. Однако некоторые верующие чувствовали необходимость продолжать пользоваться этими прообразами и символами.

Поэтому не было никакого противоречия в том, что Павел в сопровождении четырех христиан-евреев отправился в храм совершать обряды, которые закон требовал при исполнении дней назорейства. Конечно, можно удивляться тому, что люди считали своей обязанностью прибегать к теням и прообразам в то время, когда они уже могли воспринимать саму реальность. Мы были бы чрезвычайно удивлены, если бы узнали, что пилот современного лайнера продолжает в свободное время играть с моделью самолета, которой он играл в детстве. Однако такие игры могут стать опасным занятием только тогда, когда он начнет верить сам и станет затем уверять других, что этот

макет самолета и в самом деле может перенести пассажиров через Атлантический океан.

В этом состоит ответ на обвинение в том, что христиане-евреи, продолжая посещать Храм, поддерживали ту самую “стену разделения” между евреями и язычниками, которую разрушил Христос. Эта стена исчезла в общинах христианских церквей и благодаря светскому общению людей между собой. Если же христиане-евреи допускали на этот счет сомнения, Павел их сурово за это упрекал. Такой упрек он высказал, например, апостолу Петру в Антиохии (Гал 2: 11-21). Однако формы религиозной жизни, которые возникли у христиан, уже нельзя было ввести обратно в иудейский храм. Христиане-евреи при всем своем желании не могли ни уничтожить стену, разделяющую внутренний двор храма от внешнего двора, где имели право находиться язычники, ни отменить жертвоприношения животных, ни сорвать завесу внутреннего святилища и превратить Святыню Святых в христианскую церковь, где евреи могли бы молиться вместе с язычниками. Во-первых, евреи-христиане не несли ответственности за храм. Ответственность нес первосвященник, а также помогавшие ему священники, ни один из которых, разумеется, не был христианином. И во-вторых, пока существовал храм, порядок в нем должен был соответствовать строгим предписаниям Ветхого Завета. Невозможно было внести изменения лишь в некоторые предписания, согласно христианским принципам, оставив без изменения другие. В эту ошибку христианство впало позднее. Следовало либо все сохранить, либо все отменить: третьего пути не было.

Здесь-то и возникает самое главное возражение против действий апостола Павла: разве евреи-христиане не должны были давным-давно оставить храм и все, что с ним связано? Раз они не поступили столь открыто и решительно, следовательно, они действовали вопреки тому, что было ясно изложено в Послании к Евреям.

Несомненно, Послание к Евреям призывает евреев-христиан оставить храм со всеми его обрядами и службами и объясняет, что продолжать их исполнять — значит ставить

под угрозу благую весть Иисуса Христа. Вовсе не ради полемики с этим Посланием отметим, что, когда Павел отправился в храм с четырьмя верующими для участия в обязательных обрядах, связанных с исполнением обета назорейства, Послание это еще не было написано³. Впрочем, это еще не предлог для оправдания такого поведения. Необычайно важен в контексте обсуждаемого вопроса период времени, прошедший от распятия Господа Иисуса Христа, до разрушения храма, предсказанного Иисусом, произошедшего в 70 г. н.э. Очевидно, что смерть, воскресение и вознесение Господа Иисуса Христа должны были отменить — и в самом деле отменили храм, с его священством и жертвоприношениями. Это начал осознать уже Стефан, и Павел, когда он еще носил имя Савла Тарсянина, хорошо это понимал и потому не возражал против казни Стефана. Однако ни в день Пятидесятницы, ни даже в день смерти Стефана Бог не потребовал от евреев-христиан, чтобы они тотчас же и навсегда оставили храм со всеми его службами. Это требование было высказано позднее — в Послании к Евреям. Когда же в 70 г. н.э. Господь попустил римлянам разрушить храм. Он заставил покинуть его не только евреев-христиан, но и всех евреев вообще. Но интервал между днем Пятидесятницы и 64 г. н.э. Богу было угодно сделать переходным периодом, чтобы смена иудаизма христианством протекала постепенно, последовательно и не насильственно.

Чем объяснить такую стратегию? Ответ на этот вопрос откроет нам два принципа во взаимоотношениях между Богом и человеком. Оба этих принципа имеют непосредственное отношение к защите Евангелия, которым посвящено Действие 2 шестого Раздела Деяний, и значение каждого из этих принципов трудно переоценить.

Время покаяния и установления вины

Распятие Израилем Мессии, Сына Божьего, изгнание Наследника Владельца виноградника из Его будущего владения явилось событием чрезвычайного значения. Как и предупреждал Иисус, следствием этого неизбежно должно

было стать разрушение храма (Лк 13: 31-15; 19: 45-20; 20; 21: 5-6, 20-24). Однако между пророчеством о разрушении храма и приведением его в исполнение Бог по милосердию Своему в течение сорока лет ожидал от израильян покаяния, и не просто от всего народа, но, прежде всего, жителей Иерусалима, а в особенности — от высшей саддукейской храмовой аристократии: первосвященника, главных священников и священников. Ведь именно в среде саддукейской аристократии, религиозной и светской, созрел замысел убить Иисуса Христа. Разумеется, ей помогали и одобряли ее действия многие видные фарисеи, которым удалось подбить толпу к требованию распять Иисуса. Но именно саддукейские круги были зачинщиками убийства. Они были ответственны за храм. Именно их злоупотребления осквернили храм, а очищение храма Иисусом Христом вызвало их упорную ненависть к Господу. Именно о саддукейском храме Иисус предсказал, что он вскоре будет разрушен. Именно саддукейским кругам и был прежде всего отмерен срок для покаяния.

Разумеется, ученики Христа не были в числе требовавших Его распятия. Что же до остального народа, то по милосердию своему Бог был готов допустить, что как правители, так и простые люди действовали по неведению (Деян 3: 17). Если бы они покаяться, то были бы помилованы. Согласно тому, что сказали Павлу христианские пресвитеры, тысячи действительно покаяться и приняли Иисуса как Мессию (Деян 21: 20). Однако большинство жителей Иерусалима, и, в частности, саддукейские правители все-таки не покаяться.

Тем не менее Сам Христос сказал, что перед разрушением Иерусалима и храма Он пошлет правителям свидетелей, прежде всего христиан, которых правители будут преследовать, предавая их суду — и суду синедриона, и римскому суду (Лк 21: 12-15). Так и произошло. Сначала пришел Петр и другие апостолы, проповедуя воскресение Христа. Первосвященник и саддукейская аристократия пытались заставить этих свидетелей замолчать и казнили бы их, если бы не заступничество фарисея по имени

Гамалиил (Деян 5: 34-40).

Затем явился Стефан, открыто заявивший, что Христос упразднил храм со всеми его обрядами, и что наступит день, когда храм будет разрушен. Однако и сам Стефан, и иерусалимские христиане относились к храму с исключительным уважением. Они никогда не пытались нарушать храмовые правила или пренебрегать его святынями. Они продолжали ходить в храм, в отличие от членов кумранской секты. И тем не менее первосвященник и синедрион казнили Стефана.

После этого Господь послал Павла, который отправился в храм. Понятно, что саддукейские круги, близкие первосвященнику, хорошо знали апостола. В бытность свою фарисеем, он сотрудничал с тогдашним первосвященником, пытаясь искоренить христианство. Затем он обратился в христианство, и они узнали о его благовествовании в синагогах диаспоры, об основании им христианских церквей, отличных от синагог, и на равных правах принимающих как евреев, так и язычников. Все это не могло не возмущать ни клерикальные круги, ни остальное нехристианское население Иерусалима. Вот почему они с такой готовностью поверили обвинениям асийских иудеев. Но обвинения оказались ложными: Павел вел себя по отношению к храму исключительно корректно, соблюдая до мелочей предписания Ветхого Завета. Поэтому и первосвященник, и главные священники, и саддукейская аристократия прекрасно понимали, что с этой стороны Павел невиновен, о чем совершенно недвусмысленно написал далее Лука. А значит, их продолжающееся отвержение Христа и атаки на Евангелие не имели оправдания.

Связанное с храмом обвинение привело к тому, что Павел столкнулся с первосвященником и его приближенными. Трижды (в синедрионе (Деян 23: 1-10), в римском суде под председательством Феликса (Деян 24: 1-23) и правителя Феста (Деян 25: 1-12)) апостол рассказывал о том, что послужило истинной причиной предъявленных ему ложных обвинений: благовествование о воскресении Иисуса, которого они убили. Однако клеветники не только

не захотели покаяться, но и решили всеми правдами и неправдами добиться казни апостола руками римлян, точно так же, как в свое время добились казни Иисуса.

Однако, срок, отпущенный им Господом для покаяния, уже истекал, и всего несколько лет отделяло их от разрушения храма. Когда толпа, одержимая идеей, что Иерусалимский храм нуждается в защите, схватила Свидетеля Божьего, Павла, и потащила его из внутреннего двора, закрыла ворота, желая добить апостола до смерти (Деян 21: 30-31), тем самым она закрыла себе путь к возврату. А когда происки первосвященника и его приближенных (Деян 23: 12-15; 25: 2-3) в конце концов заставили Павла требовать суда кесаря — они подписали приговор себе, своему священному сану и своему храму.

Не удивительно, что около 64 г. н.э. (по мнению некоторых исследователей, даже немного раньше) было написано и получило распространение Послание к Евреям, которое призывало всех евреев-христиан оставить храмовое богослужение, которое превратилось в средоточие закоренелой ненависти и неприятия Господа Иисуса Христа. Шесть лет спустя храм был разрушен, а саддукейское священство прекратило свое существование. К этому времени их полная и безусловная вина была окончательно установлена.

Благая весть и цельность образа мышления человека

Однако была и другая причина, по которой Бог не потребовал от евреев-христиан, чтобы они немедленно после дня Пятидесятницы или после смерти Стефана оставили иудейские обряды и богослужение. Причина эта заключалась в уважении к традиционному образу мышления.

Евреи-христиане оказались под наплывом невиданных изменений. Всевозможные обряды и законы, в том числе, законы о питании, которые обладали для них значимостью, равной значимости жизни, в силу того, что эти законы, по их мнению, были даны Богом, — все эти законы начинали

упраздниться. Господу не было угодно торопить этот процесс, Он хотел, чтобы образ мышления людей менялся постепенно, приспособляясь к новому порядку.

Отсюда вовсе не следует, что сознание людей является высшим судьей в определении того, что истинно и что является Божьей волей. Таким судьей может быть только подлинное откровение Божье, данное в Его слове и через Его слово. Человеческий разум должен учиться и готовиться к усвоению этого слова и не претендовать на авторитет, которым он не обладает. Точно так же, как мои маленькие наручные часы не могут претендовать на то, чтобы на них равнялась Гринвичская обсерватория!

С другой стороны, Бог не стремится истощить резервы человеческого сознания, тиранически подавляя его. Он с деликатностью относится к механизмам его перестройки и предоставляет время, необходимое для этого процесса. Приучая израильтян к соблюдению закона Моисея в течение многих столетий, он не собирался требовать отказа от соблюдения этого закона за одну ночь. Люди должны были свыкнуться с мыслью, что Тот Самый Бог, Который установил ветхозаветные законы, теперь отменяет их. Только в этом случае пренебрежение законами оказывается проявлением веры, а не непокорности или непослушания⁴.

Не всякий человек способен быстро перестроить свой образ мышления, слабый разум делает это медленнее, чем сильный. Однако Господь стремился к тому, чтобы ни у кого в этом смысле не было преимуществ и чтобы ни один человек не подавлял другого, а каждый развивал свою собственную способность самостоятельно продумывать все эти вопросы в свете прямой ответственности каждого человека перед воскресшим Господом Иисусом Христом (Рим 14: 1-23). Такая способность, однажды сложившись, должна проявляться в решении самых разнообразных жизненных проблем и основываться на том, как Господь уже разрешил конкретные проблемы, связанные с соблюдением закона Моисея, во-первых, с помощью Послания к Евреям, а во-вторых, путем разрушения Храма.

Наконец, еще один важный момент, связанный с поведе-

нием Павла, на который ни Лука, ни пресвитеры не обратили особого внимания. Торжественный обет Богу четверо людей дали еще до прибытия Павла в Иерусалим. Поэтому, когда Павлу задали вопрос, следует исполнять этот обет или нет, он должен был отреагировать совершенно однозначно. Разумеется, благой весть состоит в том, что спасение дается по милости Божьей. Но если выполнение обета, данного Богу, не сопряжено с совершением греха, то из Евангелия будет следовать, что он должен быть исполнен. Если бы в Евангелии содержался другой вывод, можно было бы считать его противоречивым. Приведем аналогию. Верующий не должен жениться на неверующей (1 Кор 7: 39). Однако, если женитьба уже состоялась и был дан соответствующий обет, было бы насмешкой над евангельской идеей спасения благодатью утверждать, что супруг-христианин имеет право нарушить обет.

Павел защищается перед иерусалимской толпой

Римские власти не могли не беспокоиться о беспорядках на религиозной почве, ибо это была та искра, которая могла воспламенить всю страну. Поэтому когда тысяченачальник услышал о беспорядках, он взял команду солдат, спустился по ступенькам Антониевой крепости во двор храма, вырвал Павла из рук толпы и потребовал объяснений. Но смятение в народе было столь велико, что он так и не получил внятного ответа, и потому приказал своим людям вести Павла в крепость. Из-за большого стечения народа, который следовал по пятам, как свора гончих, требуя крови апостола, выполнить этот приказ было непросто.

Когда они поднялись на вершину лестницы, Павел попросил разрешения тысяченачальника обратиться к толпе. Апостол заговорил по-гречески, развеяв тем самым ложные представления о себе, которые до этого были у римского офицера. Несколько лет до описываемых событий самозванный пророк из Египта поднял возмущение в народе и вывел своих сторонников к Масличной горе,

пообещав, что Бог вновь сотворит иерихонское чудо, и стены Иерусалима рухнут сами собой, после чего они смогут ворваться в город и перебить римский гарнизон. Разумеется, ничего подобного не произошло. Римляне подавили восстание, убив одних участников и арестовав других. Тогда как настоящий зачинщик беспорядков благополучно сбежал. У тысяченачальника, плохо помнившего события, родилось подозрение, что Павел и есть тот египтянин, что он посмел вернуться и спровоцировал возмущение в обманутом им народе.

Когда же Павел разуверил в этом римского офицера, тот разрешил апостолу обратиться к народу, возможно, рассчитывая понять из его речи, что собственно произошло.

Для чего же все-таки Павел счел нужным обратиться к народу? Он был чуть ли не до смерти избит. В чем только дух держался?.. В руках римлян он находился в относительной безопасности. Чего можно было ожидать от толпы, стоявшей у лестницы и требовавшей его крови? Ответ — Павел любил этих людей. Он появился в храме для того, чтобы вразумить верующих иудеев, ибо любил их. И теперь, стоя лицом к лицу с безликой толпой возмущенных, неверующих евреев, он продолжал их любить. Это был его родной город. Они впали в ярость, поверив, что он повсеместно настраивал против них других людей (Деян 21: 28). Но это обвинение было откровенной ложью. Он учил христиан-неевреев (христиан-язычников) любить не только евреев-христиан, но и всех евреев (Рим 11: 17-32). Более того, Павел хорошо понимал свой народ. Они думали, что они защищают честь и святость своего Бога. Если бы не вмешательство тысяченачальника, они бы избili Павла до смерти, обрушив на него всю свою ярость. Поступив так, они бы думали, будто служат Господу. Будучи по своей природе добрым человеком, апостол желал развеять это ложное представление. В данную минуту их сердца были исполнены мезтью, подпитывавшейся национальной гордостью, уязвленным эгоизмом, невежеством и страшными грехами, в которых они не раскаялись. Они не только не

служили Богу, но и снова предали бы смерти воплощенного Бога, если бы им представилась такая возможность. То, что они считали религиозным рвением, было на самом деле выражением одной только низменной и порочной человеческой природы. Сколь часто и легко люди впадают в заблуждения в религиозных вопросах, думая, что они защищают Бога, тогда как на самом деле они служат Артемиде и прибегают в своей “защите Бога” к тем методам, которые адекватны культу языческой богини.

Павел прекрасно это понимал. Когда-то он испытывал те же чувства, которые испытывала эта толпа. Он тоже считал, что проявляет верность нации, преследуя, арестовывая, бросая в тюрьму, наказывая и предавая казни евреев-христиан. Он был яростным противником имени Иисуса из Назарета и выступал против него совершенно осознанно, убежденный, что он служит Богу и защищает Его честь. Однако то была не любовь к Богу, а оскорбленная гордость фарисея — именно ее отстаивал Савл с яростью, злостью и жестокостью нераскаявшегося грешника. Обращение ко Христу помогло ему прозреть, увидеть такими, каковы на самом деле и действительность, и Бог, Которому он, якобы, служил, а также увидеть истинную природу своего религиозного рвения. Обращение ко Христу не только изменило мировоззрение Савла, но и научило его другим способам защиты своего мировоззрения. Удручает, когда меняется лишь что-то одно — или мировоззрение, или методы его защиты.

Итак, Павел прекрасно понимал, что движет толпой, и все-таки любил этих людей, любил, хотя они легко могли убить его. Они сильно нуждались в том, чтобы кто-то открыл им глаза и помог освободиться от того ложного рвения по отношению Богу, которое в случае их дальнейшего упорства могло навлечь проклятие на их души. Он должен говорить с ними. Было бесполезно убеждать апостола в том, что попытки обратить их — тщетны. То же самое в свое время можно было сказать и о самом Савле. Тем не менее он уверовал. Будучи истинным миссионером, Павел решил поведать собравшимся историю своего обращения.

Перед собравшимися людьми у него было одно преимущество: он получил образование под руководством знаменитого библеиста Гамалиила, здесь, в крупнейшем центре по изучению Библии, Иерусалиме, тогда как возмущенная толпа Библии не знала. Собравшиеся были ревностными служителями Бога, но отнюдь не в том смысле, в каком был “ревнителем по Боге” (Деян 22: 3) Павел. Их мятеж был просто спонтанным всплеском эмоций, тогда как он преследовал христиан систематически, сознательно, при официальной поддержке тогдашнего первосвященника. В своих преследованиях он был неумолим и методичен. Чему могли научить его люди из толпы в служении Богу или в деле защиты привилегий Израиля и святости храма?

Если Павел удостоился небесного видения, которое дало ему просветленное понимание того, что Иисус из Назарета, Которого Савл неустанно преследовал, является Самим воскресшим и прославленным Мессией, то разве это можно было рассматривать как предательство нации? Разве Моисей, Исаия и другие пророки не получали подобных видений? Почему же тогда из-за этого нужно объявлять Павла еретиком?

Может быть апостол ошибся или неверно истолковал свое видение?

Но, нет. Видение было истолковано Савлу Ананией, верующим из Дамаскской еврейской общины, человеком, который строго соблюдал закон и был уважаем всеми членами общины. Он-то уж наверняка не был еретиком. Анания обратился к Савлу со словами, подтвержденными Самим Богом. Этими словами Бог уполномочил Ананию вернуть Савлу дар зрения, которого он лишился, ослепленный сверкающим видением:

“...Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал”

(Деян 22: 14-15).

Павел был бы еретиком, если бы выступил против учения о едином истинном Боге, учения, унаследованного

Израилем от патриархов. Именно Бог этих патриархов избрал апостола для особой миссии. Господь сообщил Павлу благою весть и теперь тот должен был исполнить божественное поручение, проповедуя всем о том, что Иисус из Назарета и есть упомянутый в пророчествах Праведник. Иисус не самозванец, как считал народ. Сын Божий был прав, а избранный народ заблуждается. Иисус не просто праведен, Он и *есть* Праведник, Мессия Божий.

Речь сильно отрезвила толпу. Удивительно, что она выслушала Павла молча, ни разу не перебив. Затем, продолжая рассказ о своем обращении, апостол ясно сказал, что он не считает себя выше толпы и не считает, что он невиновен, а другие между тем виновны. Он виновен так же; как и все. На Савле лежит даже большая вина, так как он преследовал Иисуса из Назарета больше прочих. Но он нашел в себе силы исповедать свою вину и получил от Бога прощение. Значит то же самое могут сделать и остальные.

Однако — и тут апостол задел чрезвычайно чувствительную струну — почему же в таком случае Павел не остался в Иерусалиме, не продолжая ревностно блюсти интересы Израиля и храма, а вместо этого отправился к язычникам, способствуя падению престижа Израиля?

Потому, — отвечает проповедник, — что когда он вернулся из Дамаска в Иерусалим и испустился молился в храме, к нему явился Господь и велел апостолу немедленно покинуть Иерусалим, так как жители этого города не примут его свидетельства об Иисусе (Деян 22: 17-18).

Это пророчество сбылось, и поведение толпы было тому неопровержимым свидетельством. Но для толпы было страшным ударом услышать, какого невысокого мнения о ней Сам Господь.

Однако Павел, встав как всегда на защиту своего народа, ответил Господу, что израильтяне отнюдь не так уж безнадежны. Они разумные люди. Они знают, как неумоимо Савл преследовал христиан, знают, что он был очевидцем убийства Стефана и одобрял действия его убийц. Конечно, они будут достаточно благоразумны, чтобы внимательно

выслушать его, всегда выступавшего за интересы народа. Они не отвергнут его свидетельство, прежде чем рассмотрят его.

Но Господь просто повторил:

“Иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам”

(Деян 22: 21).

До этого момента толпа вела себя довольно смирно, но при этих словах она взорвалась, и место, где прорвался нарыв, указывает на действительную причину болезни. Для них было большим унижением слышать, что отвергнутый ими Иисус оказался Мессией. Мысль же о том, что отвергнутый Израилем Мессия послан Господом язычникам, и те принимают Его, мысль показалась народу нестерпимой. Поведение толпы напоминало поведение избалованного ребенка, которому мама дала красивую игрушку. По какой-то причине игрушка ему не понравилась, и он отказался ею играть. Тогда мать отдает ее другому ребенку, который с радостью к ней тянется. Избалованный ребенок раздражается. “Ревность по Боге” жителей Иерусалима не была направлена на отстаивание интересов Господа и Его святости. Они защищали свои собственные привилегии. Потому-то жители Иерусалима и вообразили, что чужестранцы врываются в святой храм, хотя никаких чужестранцев не было и в помине.

Павел прекрасно понимал и это. Из-за своей ревности к чужестранцам люди готовы были убить апостола. Но в сердце Павла возникла надежда: не все еще потеряно, некогда сама эта ревность послужит Господу, чтобы привести евреев к покаянию, и вслед за другими народами они примут истинного Бога, Иисуса, Мессию Божьего (Рим 11: 11-16).

Предложение тысяченачальника подвергнуть Павла дознанию

Тысяченачальник, видимо, мало что понял из речи Павла, обращенной к толпе, так как апостол говорил по-

арамейски (Деян 22: 2). Однако этот римский офицер решил выснить всю подноготную Павла. Ведь именно на тысяченачальнике лежала ответственность за соблюдение римского закона и поддержание порядка в городе, известном тем, что религия и политика образовывали здесь взрывоопасную смесь, и легкомыслие одной горячей головы могло зажечь такое пламя, которое в мгновение ока охватило бы весь город Иерусалим. Кроме того, тысяченачальник подчинялся суровым и порой непредсказуемым приказам властей. Он действительно хотел торжества справедливости. Однако, стоя на страже законности и порядка, не приходится особенно церемониться. Закон давал ему право пытаться нарушителей порядка, и римский офицер решил воспользоваться этим правом. Он приказал привязать и растянуть задержанного ремнями (Деян 22: 24), чтобы затем начать бичевание.

Тысяченачальник и не подозревал — хотя ему и следовало сначала спросить об этом, — что Павел является римским гражданином. Связывать и бичевать римского гражданина было серьезным нарушением закона. Стоило Павлу сказать об этом, офицер немедленно отменил экзекуцию. Однако, он очень удивился, узнав, что человек такого вида, какой имел в то время Павел, может быть римским гражданином. “Я за большие деньги приобрел это гражданство”, — признался тысяченачальник. “Павел же сказал: а я и родился в нем” (Деян 22: 28).

Тут всплыло еще одно интересное обстоятельство: изрядная сумма денег, которую тысяченачальник заплатил за римское гражданство, была вообще-то взяткой, каравшейся законом. Несмотря на это, тысячи людей совершали подобные незаконные операции, и многие государственные чиновники так обогащались. Впрочем, какая страна может похвалиться тем, что ее блюстители порядка и закона сами абсолютно не подвластны коррупции? В письме Феликсу тысяченачальник искажает факты, не упоминая о том, что по его приказу чуть было не подвергли пыткам римского гражданина. Можно с уверенностью сказать, что Павел на него не донес.

Тысяченачальник отдает дело Павла в синадрион

На следующий день тысяченачальник, все еще надеясь найти истинную причину происшествия и успокоить город, велел собрать синадрион и распорядился привести туда Павла. Апостол, войдя в зал собраний, прямо взглянул на присутствующих и сказал:

“...Я всю добрую совестью жил пред Богом до сегодня”
(Деян 23: 1).

Это не было ни бахвальством, ни насмешкой над собравшимися. Павел знал, что члены синадриона ненавидят его за все то, что апостол совершил после своего обращения. В их глазах он был опасным изменником и отступником. Обвиняемый же дал им искреннее объяснение своих действий: сколь бы неправдоподобно это ни звучало, он всегда был убежден, что поступает так, как велит ему Бог. Разве они как ответственные члены высшего религиозного суда Израиля не пытаются в своей жизни следовать тому же самому принципу? Может быть, хотя бы этот принцип послужит основой для объединения обвинителей и обвиняемого? При всем своем несогласии с жизнью и учением Павла судьи его могли бы признать, что апостол искренен перед Богом. Возможно ли в принципе обсуждение, или расследование, если одна из сторон не готова для начала допустить, что другая сторона руководствовалась искренними, пусть и ошибочными мотивами? Если суд заранее убежден, что перед ним стоит шарлатан, играющий на религиозных чувствах людей, то о каком свободном обсуждении может идти речь? Надо отметить, что все эти доводы не утратили своей актуальности и в настоящее время. Было бы неверным считать, что различия в основаниях веры не имеют никакого значения, что расхождения в интерпретации этих оснований, не могут помешать нам объединиться. Однако, начиная дискуссию, нужно по меньшей мере допустить, что ваши оппоненты, каких бы взглядов они ни придерживались, действуют из искренних побуж-

дений.

Однако, не успел Павел произнести первую фразу, как председатель суда приказал бить обвиняемого по губам, на что апостол возмущенно воскликнул:

“Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня”

(Деян 23: 3).

Кабинетные ученые, критикуя Павла, обвиняют его в том, что он вел себя неподобающим для христианина образом. Но и сам Христос протестовал (пусть и несколько более сдержанно), когда служитель первосвященника при схожих обстоятельствах ударил Его по лицу (Ин 18: 22-23). Первосвященник, открыто попирающий закон в том самом суде, где он должен его отстаивать и воплощать в жизнь, являет собой крайне возмутительное зрелище. Коррупция в религиозных кругах хуже любой другой коррупции, и потому ее следует разоблачать самым решительным образом.

Но в ответ на эту реплику Павла собравшиеся стали его упрекать:

“...Первосвященника Божия поносишь?”

(Деян 23: 4).

Апостол немедленно извинился, признавшись, что невольно нарушил закон, который тут же и процитировал:

“...Начальника в народе твоём не поноси”

(Исх 22: 28).

Как же могло статься, что Павел не понял, что именно первосвященник приказал бить его по губам? Этот вопрос так и не получил объяснения, которое удовлетворило бы всех, несмотря на то, что вариантов объяснения было предложено много. Но весь этот эпизод показывает нам человека, который знал, что говорит, утверждая, что всю жизнь был искренне предан Богу. Первосвященник же, с которым столкнулся Павел, был гораздо более худшим человеком, чем думал о нем Павел. Он был не прочь ограбить низшее духовенство и не брезговал убийством, если оно было в его

интересах. И в случае с Павлом он, разумеется, шел на грубое нарушение закона. Тем не менее Павел извинился — если не перед самым первосвященником, то перед его саном. Павел знал, что такое библейский закон. Он не мог бы чувствовать себя спокойно, если бы нарушил его, пусть и непреднамеренно или под чьим-то давлением, и потом не извинился.

Между тем первосвященник показал, на что он способен. Какого разбирательства, какого правосудия мог ожидать Павел от такого суда? Обвинения, выдвинутые против апостола иудеями из Азии, приведшие к беспорядкам в городе, были ложными. В любом случае они не были реальной причиной враждебной настроенности синедриона против Павла. Павел хорошо знал по своему прежнему опыту, что представляет из себя синедрион, так как он сотрудничал с прежним первосвященником в преследовании христиан. Он, конечно, знал, почему раньше синедрион мешал проповеди апостолов, и что все они были бы казнены, если бы не вмешательство его учителя Гамалиила, давшего судьям несколько мудрых советов. Ясно, что они враждебно относились к апостолу уже с тех самых пор, как он обратился в христианство. Наиболее серьезной причиной такого отношения было его учение о воскресении Иисуса.

Но можно ли было в суде, где абсолютное большинство составляли саддукеи, ожидать беспристрастного разбора свидетельства о воскресении Иисуса? Как поясняет Лука (Деян 23: 8), саддукеи вообще не верили в возможность воскресения любого человека, тем более Иисуса. Они не верили ни в ангелов, ни в существование души после смерти. Итак, еще до начала разбирательства самые влиятельные члены синедриона были полны предубеждений, что и предопределило приговор, так как фарисеи, которые верили в возможность воскресения и могли пожелать выслушать аргументированное свидетельство о воскресении Христа, составляли в суде явное меньшинство. В случае если тысяченачальник захотел бы составить объективное мнение о решении суда и жизнь Павла зависела от такого

объективного мнения, было бы важно указать на предубежденность наибольшей части членов суда.

И Павел блестяще с этим справился. Он заявил:

“Мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят”

(Деян 23: 6).

Это высказывание разделило присутствующих на два лагеря. Тонкие знатоки Библии из фарисеев, не желавшие уступать саддукеям, возвысили свой голос в защиту Павла, говоря, что он не сделал ничего дурного, что он имеет право исповедовать свои убеждения. Не исключали они возможность и того, что по пути в Дамаск Павел действительно мог получить откровение от ангела или духа (Деян 23: 9).

В конце концов разгорелся такой скандал, что римский офицер стал опасаться за безопасность обвиняемого. Он вызвал солдат и приказал им отвести Павла в крепость. И все же замысел апостола увенчался успехом: тысяченачальник получил возможность сам составить представление о сущности спора и о причине волнений. В своем отчете наместнику римский офицер написал следующее:

“Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в синедрисон и нашел, что его обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет на нем никакой вины, достойной смерти или оков”

(Деян 23: 28-29).

Истинный приговор

И опять многие кабинетные критики осудили бы Павла за его поведение, как будто бы сознательно желая запутать дело, суть которого заключалась не в том, ожидать ли нам вос-кресения всех людей или нет, а в том, действительно ли воскрес человек по имени Иисус Христос. Наверное, этим критикам было бы куда приятней, если бы первосвященник вынес приговор, порицающий и даже осуждающий Павла, и тем самым — приговор благой вести, а тысяченачальник при этом даже не смог бы заподозрить, что добрая

половина суда была полна предубеждений еще до начала разбирательства. О какой справедливости здесь могла идти речь?

Нет, Павлу не о чем было беспокоиться. В ту ночь Господь вынес приговор, единственный приговор, который имел значение. Одобрив свидетельство Павла в Иерусалиме, Он сообщил апостолу, что теперь ему таким же образом свидетельствовать в Риме (Деян 23: 11).

Примечания

¹ Вместе с тем они просили своих братьев по вере уважать образ мышления своих соплеменников и в тех случаях, и по возможности считаться с ним. (См.: Деян 21: 25; 15: 28-29).

² Либеральные критики следуют другому пути реабилитации Павла. Они отрицают историчность всего этого эпизода из Деяний: апостол, дескать, никогда не делал в храме того, о чем пишет Лука. Предлагаемая поправка не просто хуже, чем выдвинутое обвинение. В ней нет необходимости в силу ложности обвинения.

³ Некоторые исследователи полагают, что это послание было написано во время пребывания Павла в Кесарии. Более вероятная дата — 64 г. н.э.

⁴ Тем не менее не следует злоупотреблять этим принципом, ссылаясь на него для оправдания традиций, не подкреплённых авторитетом Библии (Ветхого или Нового Заветов), а находящихся в прямом противоречии со Священным Писанием.

ДЕЙСТВИЕ 3

ОЦЕНКА БЛАГОЙ ВЕСТИ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К ЗАКОНУ И МОРАЛИ

(Деян 23: 12-24: 27)

Заговор с целью убийства Павла

Тысяченачальнику предстояло вскоре узнать, если он не знал этого до сих пор, что религиозные люди не всегда считают нужным соблюдать нормы нравственности, которые предписаны простым смертным. Когда религиозное сообщество обороняется или стремится уничтожить своего врага, оно может убедить себя в том, что во имя торжества истины допустимо отвлечься от морали. И вот на следующий день после заседания синедриона более сорока иудеев решили вступить за честь Бога и святость храма — связать себя нерушимой клятвой, не есть и не пить до тех пор, пока они не смогут обмануть тысяченачальника, не нарушат закон и не уничтожат своего врага (Деян 23: 12-13)! Разумеется, клятва была выражена в другой форме, поскольку религиозное сообщество способно прикрыть свое преступление священными лозунгами. Однако, прикрываясь тем, что они действовали во имя Бога, они все-таки вели себя как преступники, при этом намереваясь вовлечь в свои темные дела первосвященника и старейшин церкви, которые должны были обратиться к тысяченачальнику, чтобы тот опять отдал Павла синедриону, якобы, для нового разбирательства, чтобы заговорщики смогли устроить засаду и убить апостола по дороге в суд. И это был тот самый первосвященник и те самые священники, которые вскоре на римском суде под председательством

Феликса предъявят Павлу крайне серьезное обвинение в нарушении закона!

Каким-то образом слухи о заговоре достигли ушей одного из родственников Павла, рассказавшего обо всем апостолу и по его (павлову) совету поставившего в известность тысяченачальника (Деян 23: 16-18). Римский офицер, будучи человеком умным, увидел, что события начинают выходить из-под контроля. Это не могло его не беспокоить, так как именно он до начала официального судебного разбирательства отвечал за жизнь римского гражданина. И раз уж высший иудейский суд оказался способным на подлую самочинную расправу над Павлом, то это означало, что настало время вмешаться в ход событий, пока они не вышли из-под контроля окончательно. Итак, апостола под охраной отправили в Кесарию, где он должен был предстать перед судом Феликса. Вместе с подозреваемым тысяченачальник послал Феликсу донесение о случившемся. Узнав, откуда Павел родом, он понял, что дело Павла находится под его юрисдикцией (Деян 23: 34), и отдал распоряжение о подготовке к судебному процессу.

Суд под предводительством Феликса

К счастью для Павла суд под председательством Феликса не был похож на синедрион. Высший иудейский суд в своей правовой деятельности основывался на интерпретации Ветхого Завета, которая максимально устраивала как саддукеев, так и фарисеев. Но горе было тому, чье понимание Ветхого Завета было отлично как от фарисейского, так и саддукейского! Феликс же руководствовался римским гражданским правом, для которого религиозные взгляды обвиняемого были не существенны, если они не вступали в противоречие с законами государства.

Более того, заседание синедриона, куда тысяченачальник привел Павла, проходило в форме расследования, а не суда. Председательствовал первосвященник, который сам же и бы главным оппонентом обвиняемого. Ни о каких других обвинителях или свидетелях не упоминается. Цель

заседания состояла в том, чтобы тысяченачальник смог понять, какие претензии были у синедриона к Павлу. Заседание же под председательством правителя Феликса было настоящим гражданским судом. Феликс был (так, по крайней мере, предполагалось) беспристрастным судьей, которому должны были быть представлены обвинения, имеющие отношение к гражданскому суду. Согласно правилу, требовалось присутствие на заседании самих обвинителей, чтобы обвиняемый мог видеть и знать, кто его обвиняет.

В качестве обвинителей в суде выступали первосвященник и ряд старейшин, часть из которых были фарисеями, если судить по одной из реплик Павла (24: 15). От имени обвинителей выступил ритор (античный вариант стряпчего) Тертулл. Он начал свою речь с обычных, но в данном случае несколько преувеличенных, похвал в адрес судей (Деян 24: 2-3), после чего изложил четыре обвинения против Павла:

1. Он был “язвою общества” (Деян 24: 5). Слова “язва общества” или “возмутитель спокойствия” были грубой характеристикой с неопределенным смыслом. Слова эти употреблялись тогда, когда говорящий хотел подчеркнуть, что обвиняемый был замешан в предательстве по отношению к кесарю, однако затруднялся определить, в чем оно состояло. Поскольку данное обвинение было голословным и слишком общим, Павел, когда ему было предоставлено слово, обошел его молчанием.

2. Он был “возбудителем мятежа между Иудеями, живущими по вселенной” (Деян 24: 5).

3. Он был “представителем Назорейской ереси” (Деян 24: 5).

4. Поскольку он “отважился даже осквернить храм, мы взяли его [то есть, арестовали — Д. Г.] (Деян 24: 6).

Последнее обвинение нуждается в некотором уточнении. Первоначальное обвинение, выдвинутое против Павла асийскими иудеями, гласило, что апостол провел во внутренний двор греков (Деян 21: 28). Если бы оно было справедливым, Павла можно было бы обвинять не только в попытке осквернения Храма, но и в самом осквернении.

Между тем на сей раз, в римском суде, иудеи снимают это обвинение, настаивая лишь на “попытке осквернения”, так что смысл фразы “мы взяли его” (то есть, арестовали), заключается, по-видимому, в том, что Павел был задержан еще до того, как привел в исполнение свой замысел. При этом не уточняется, о каком осквернении идет речь, и какой замысел, собственно, вынашивал апостол в отношении храма.

Фраза “мы взяли его” также нуждается в уточнении. На самом деле произошло следующее: разгоряченная толпа схватила Павла в храме, вывела из внутреннего двора и стала избивать; в это время прибыл начальник римского гарнизона и спас апостола от такого “взятия” (Деян 21: 30-33). Хотели ли иудеи во главе со своим первосвященником, действуя через ратора, подчеркнуть, что арест Павла — это, собственно, и их дело и их заслуга?

К сожалению, греческий текст в этом месте весьма неясен. В подавляющем большинстве рукописей речь ратора заканчивается следующей фразой:

“Ты можешь сам, разобрав, узнать от него [Павла] о всем том, в чем мы обвиняем его”

(Деян 24: 8).

Поэтому большинство исследователей полагает, что именно так изначально и было написано у Луки.

Следует, однако, заметить, что в западных изданиях текста Деяний святых Апостолов есть вставка, благодаря которой четвертый пункт обвинения превращается в жалобу на вмешавшегося начальника римского гарнизона:

“...мы взяли его и хотели судить его по нашему закону. Но тысяченачальник Лисий, пришед с великим насилием взял его из рук наших и послал к тебе, повелев и нам, обвинителям его, идти к тебе; ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем том, в чем мы обвиняем его [Павла]”⁷¹

(Деян 24: 6-8).

В этой вставке обвинение утверждает, что оно имело право предать осквернителя храма иудейскому суду, синедриону, — и это было верно. Оно утверждает далее, что

перед прибытием тысяченачальника иудеи как раз и собирались доставить подозреваемого в высший иудейский суд, что, однако, было ложью (не вмешайся Лисий, Павел не предстал бы ни перед каким судом — толпа бы просто убила его. Обвинение далее оспаривает право римского офицера вмешиваться в это дело, что опять-таки было неверным, так как не подлежит сомнению, что Лисий был обязан заступиться за гражданина, в особенности за римского гражданина, и убедиться в том, что против него выдвинуты веские обвинения, и лишь затем передать его для настоящего суда синедриону, а не разгневанной толпе. И, наконец, обвинение утверждает, что начальник гарнизона превысил свои полномочия для освобождения Павла из рук толпы — несколько странно в свете того, что толпа яростно избивала Павла и могла избить его до смерти.

Независимо от того, содержался ли этот отрывок в первоначальном тексте или он является позднейшей вставкой, необходимо сделать два замечания. Во-первых, Феликс в конце концов провозгласил, что он отложит разбирательство до тех пор, пока не прибудет в Кесарию Лисий (Деян 24: 22). Во-вторых, что гораздо важнее, если иудеи действительно жаловались Феликсу на действия Лисия, для Павла это не имело никакого значения: он должен был отвечать лишь на обвинения, которые были выдвинуты против него самого.

Павел защищается в суде под председательством Феликса

Павел начал свою речь с похвалы судье. Хотя эта похвала и была обычной для подобной ситуации, однако в данном случае она была не просто формальностью. Феликс, по словам апостола (Деян 24: 10-11), был опытным правителем. Будучи в течение многих лет наместником Иудеи, он хорошо разбирался во внутренних делах Иерусалима, в позициях как саддукеев, так и фарисеев. Он неплохо разбирался в иудейской религии, так как его жена была еврейкой (Деян 24: 24). Более того, он был хорошо знаком со

взглядами христиан и тем, что они отстаивали (Деян 24: 22). Перед таким человеком не было необходимости оспаривать весьма неопределенное обвинение в том, что христианство было связано с государственной изменой.

Поэтому Павел сразу же перешел к первому из наиболее существенных пунктов обвинения (см. пункт 2 в нашем списке). Оно заключалось в том, что он возбуждал мятежи среди евреев “живущих по вселенной” (Деян 24: 5). Действительно, вследствие проповедей Павла во многих синагогах вспыхивали беспорядки. Достаточно привести в качестве примера события в Фессалониках и Верии. Однако, как мы видели выше, проповеди Павла не обязательно вели к беспорядкам. Все могло протекать и спокойно, при полном соблюдении порядка, как это вначале и было в Верии. Выходили на улицы, учиняли беспорядки и кочевали вслед за Павлом те, кому его учение не нравилось.

Но Павел в своей речи не хотел затрагивать эти события. Они имели место в районах, находившихся вне юрисдикции Феликса и потому не подлежали обсуждению в этом суде. Более того, Галлион, римский наместник в Коринфе, уже решил спор в пользу Павла. Поэтому апостолу оставалось ответить на обвинение в “возбуждении мятежа между Иудеями”, которое относилось к его поведению на территории, находившейся под юрисдикцией Феликса. До прибытия апостола в Иерусалим никаких беспорядков там не происходило. Что же делал апостол в Иерусалиме:

“Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения. И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они [обвинители] не находили меня с кем-либо спорящим или производящим народное возмущение. И не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня”

(Деян 24: 11-13).

Павел не нарушал бы закон, даже если бы он вел богословские споры в храме, в синагогах и на улицах. Между тем он сознательно воздерживался от этого. Было вполне разумно выступать с изложением своих взглядов, например, в синагогах Антиохии или Коринфа, где большинство

могло выслушать его, соблюдая нормы приличия, даже если какая-то кучка безрассудных людей и вела себя при этом вызывающе. Однако в Иерусалиме Павел был на виду. Асийские иудеи ходили за ним по пятам, ожидая предлога для возбуждения против него людей. Проповедь в таком месте была бы не только бесполезной, но и могла бы привести к обратному эффекту. Если бы апостол затеял с кем-нибудь публичную дискуссию, это сразу же привело бы ко взрыву фанатизма и раздорам. У Павла было достаточно здравого смысла, чтобы не делать этого. Он не проповедовал, не устраивал ни выступлений, ни диспутов. Он был совершенно непричастен к беспорядкам в храме.

Следующий пункт обвинения состоял в том, что Павел якобы являлся представителем Назорейской ереси (Деян 24: 5). Исходный библейский термин, который в данном случае переводится как “ересь” весьма неоднозначен. Его эмоциональная нагрузка зависит от того, кто и по отношению к кому его употребляет. В Деян 5: 17 он употребляется по отношению к саддукеям, однако обычно в этом случае он переводится как “партия”. Саддукеи были партией высшей аристократии. К ней относились, как мы уже неоднократно говорили, первосвященник и главные священники. Самая влиятельная часть синедриона тоже принадлежала к саддукеям. Сейчас слово “еретик” по отношению к саддукеям звучит несколько странно. С другой стороны, небольшие религиозные группы, выделявшиеся из иудаизма, как например, христиане, были еретиками в современном значении этого слова. Название “еретики” несло применительно к ним отрицательный смысл и имело дополнительное значение “секта еретиков”. Для осуждения какой-либо группы достаточно было назвать ее ересью. Поэтому, желая добиться осуждения Павла, иудеи как раз и хотели представить его членом маленькой и опасной еретической секты.

И Павел согласился с этим обвинением! Он не претендовал на титул главы секты. Однако он подтвердил, что является одним из членов и лидеров нового движения.

“Но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они

называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих...

(Деян 24: 14).

Затем он начал уточнять, каковы верования этой, так называемой ереси. Во-первых, он сказал, что почитает “Бога отцов”, а не какое-то чуждое, заморское божество, более того, верит “всему, написанному в законе и пророках” (Деян 24: 14). С этим утверждением могли бы согласиться даже самые ортодоксальные иудаисты. Разумеется, оставался открытым вопрос о правильном истолковании Священного Писания. Любопытно, что зачастую малые религиозные группы более строго придерживаются Библии, чем те, кто навешивает на них ярлык “еретиков”. Но правильно ли называть ересью безусловную веру в Писание в целом?

Далее Павел заметил, несомненно, намекая на фарисеев, находившихся среди обвинителей, что имеет

“...надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают”

(Деян 24: 15).

Кто же мог считаться большим ортодоксом, чем фарисей? Несомненно, фарисеев и саддукеев можно отнести к разным партиям, так как между ними существовали острые разногласия по многим вопросам, в частности, по вопросу о воскресении. Между тем никто и не думал судить фарисеев, вешая на них ярлык “еретиков”.

Разные люди могут считать один и тот же предмет или красивым, или безобразным. И для Павла было практически несущественно, считают ли его обвинители христианство ересью или нет. Для него было существенно в тот момент лишь то, подлежат ли выдвинутые обвинения рассмотрению гражданским судом. Феликс как раз и хотел выяснить, каким образом религиозное мировоззрение христиан влияет на их отношение к государству и его законам. Именно на этом Павел и хотел остановиться подробно. Центральное место в его взглядах занимала вера в воскресение праведных и неправедных. Вера эта была не

просто частной точкой зрения. Она определяла все его слова и поступки:

“Посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми”

(Деян 24: 16).

Обратим внимание на два последних слова. Представ перед судом синедриона, Павел заявил, что совесть его чиста перед Богом (Деян 23: 1). Однако синедрион был судом религиозным. Ныне же апостол находился в гражданском суде, перед римским наместником, и, применительно к его собственной совести, слова “чист перед Богом и людьми” отнюдь не были пустой фразой. Апостол верил и учил, что Сам Бог, перед которым он предстанет по воскресении, установил земную власть, в данном случае римское правительство. Сопротивляться существующим властям, следовательно, означало восставать против Бога, так как власти суть Божьи слуги, которые отправляют правосудие и карают преступников. Поэтому христианам полагается повиноваться властям не только из страха возможного наказания, но и по совести (Рим 13: 1-2, 4-5). Нарушать закон государства, если этот закон не противоречит Закону Самого Бога, значит совершать грех перед Господом. Христиане, искренне верящие в воскресение праведных и неправедных, не могут намеренно нарушать государственные законы Римской империи. Они скорее стремятся соблюдать каждую букву закона, чтобы представить Благоую весть в выгодном свете перед властью имущими.

Первосвященник и саддукейские старейшины не верили в воскресение праведных и неправедных. Они сами должны были держать ответ за свой выбор. Однако если бы они хоть немного поверили в то воскресение, в которое верили христиане и фарисеи, это бы им не повредило, а, возможно, и удержало бы их от сговора с шайкой убийц, намеревавшихся вопреки римскому законодательству устроить засаду и напасть на небольшой отряд римских солдат с целью убийства Павла, якобы во имя защиты святости Божьего храма! Разумеется, апостол не стал излагать подобные соображения в присутствии Феликса. Вероятно, в этом и не

было необходимости: Феликс уже прочел письмо Лисия (Деян 23: 30). Но если и нам теперь придется защищать благую весть перед гражданскими властями, как это пришлось делать Павлу, очевидно, что мы должны придерживаться той же позиции в отношении властей, что и апостол Павел, и подобным же образом стараться повиноваться им во всем во имя своей совести, во имя благой вести и Бога.

Последнее обвинение против Павла сводилось к тому, что он, якобы, пытался осквернить храм (Деян 24: 6).

Тот пункт обвинения, в котором утверждалось, что апостол привел в храм чужестранцев, был незаметно опущен: ни один грек не был найден во внутреннем дворе храма или задержан там. Такая же участь постигла и обвинение в том, что апостол, якобы, повсеместно настраивал язычников против евреев, и обвинение в учении против закона и храма (Деян 21: 28). Все эти обвинения были благоразумно оставлены, так как, согласно римскому праву, обвинители должны были присутствовать в суде, асийские же евреи, подбившие толпу на бесчинства, увидев Павла в храме среди молящихся, в суд не явились (Деян 24: 18-19). Что же до оставшегося обвинения в попытке каким-то образом осквернить храм, то факты свидетельствовали, что апостол раздавал милостыню нищим и делал пожертвования. Он был ритуально чист, никого с собой не приводил и никого не беспокоил (Деян 24: 17-18).

Поскольку асийские евреи не явились на заседание, единственным материалом, которым располагали первосвященник и старейшины, были результаты судебного разбирательства в синедрионе в присутствии Лисия. Это разбирательство показало, что можно было поставить апостола в вину

“Разве только то одно слово, которое громко произнеся, стоя между ними, что за учение о воскресении мертвых я ныне судим вами”

(Деян 24: 21).

Но что же в этом было преступного? Разве не ту же веру разделяли все фарисеи в синедрионе и за его стенами? С тем же успехом первосвященник вместе со своими подруч-

ными мог бы просить римлян казнить всех фарисеев.

Выслушав обе стороны, правитель Феликс решил отсрочить это дело. По словам Луки, он был хорошо знаком с христианским учением (Деян 24: 22) и должен был увидеть, что обвинение против Павла не только не доказано, но и нелепо. Почему же председатель суда не оправдал Павла немедленно? Он объяснил свое решение необходимостью дожидаться прихода в Кесарию Лисия, дабы лично расспросить его перед вынесением окончательного решения (Деян 24: 22).

Тем временем Павел был оставлен под стражей, впрочем, узника не стесняли, предоставляя определенные льготы и послабления. Но Лисий либо так и не пришел в Кесарию, либо наместник забыл с ним посоветоваться. Через два года, когда Феликс оставил свою должность, Павел по-прежнему пребывал в узах. Сейчас мы увидим, почему.

Итоги

Третья жена Феликса, Друзилла, принадлежала к иудейской царской фамилии. Ее первым мужем был царь Эмес. Сплетни относительно брака Друзиллы с Феликсом могли бы украсить скандальную хронику любого светского журнала. Через некоторое время после суда Феликс с Друзиллой призвали Павла и выслушали его свидетельства о вере в Иисуса Христа (Деян 24: 24). Часто бывает, что те, кто занимает высокое положение и вращается в избранном обществе, находят определенное удовольствие в том, чтобы украдкой встречаться с людьми самоотверженными, глубоко верующими в Христа, столь непохожими на официальных религиозных деятелей, с которыми им приходится иметь дело на официальных встречах, подобных иудейскому первосвященнику, для которого религия мало что значила помимо власти, богатства и (зачастую грязной) политики. Христианство, будучи молодой религией, могло привлекать Феликса и Друзиллу своей необычностью и новизной.

Павел был пронизательным человеком. Лука не сообщает нам, что именно говорил апостол о Христе. Очевидно,

однако, что беседа шла “о правде, о воздержании и о будущем суде” (Деян 24: 25). Прежде чем рассказывать об Иисусе как Спасителе, следовало сначала поведать о нравственных и духовных последствиях той жизни, которую вели его слушатели.

Вскоре Феликс, почувствовал муки совести и ему стало страшно. Ему стало еще страшнее, когда он понял, к какому выводу склонит его совесть, если не заставить ее молчать. Он овладел собой и прервал разговор, хотя впоследствии часто призывал Павла для дальнейших бесед, однако уже никогда не допускал, чтобы они принимали столь опасное направление. У наместника была и другая причина проявлять интерес к узнику и искать его расположения. На суде Павел упомянул о том, что явился в Иерусалим с немалой суммой денег, которые были собраны христианами всего мира для раздачи бедным евреям Иерусалима (Деян 24: 17). Феликс в любом случае мог узнать об этом через осведомителей. Возможно, деньги уже были розданы. Кто знает? В любом случае, раз Павел хотел поскорее выйти из тюрьмы и пытался убедить его, Феликса, разобраться в его деле и выпустить его на свободу, он мог думать о том, чтобы подкрепить свою просьбу более “весомым аргументом”. В конце концов, стоило ли стремиться к высокой должности, связанной с отправлением правосудия, чтобы никогда не позволять себе прислушиваться к подобным “разумным аргументам”?

Однако благая весть, которую всенародно защищал Павел, беседуя о воскресении, суде, справедливости, соблюдении государственных законов по совести, не позволяло апостолу лично злоупотребить законом и через подкуп обеспечить себе свободу, даже если сам представитель закона готов был этому способствовать. Феликс так и не получил ожидаемой взятки.

Когда же Феликса отозвали в Рим, у него появились и другие причины для отсрочки освобождения. Его управление провинцией привело к серьезному конфликту с иудеями. Выпусти он сейчас узника, это повлекло бы за собой еще большее раздражение синедриона, и мерзкие

жалобы полетели бы за ним вдогонку в Рим. Поэтому Феликс счел за благо на прощание задобрить иудеев, оставив Павла в оковах (Деян 24: 27). В конце концов, содержание под стражей невиновного не такая уж и большая плата за то, чтобы уберечь он неприятностей самого блюстителя правосудия, не так ли?

Примечания

¹ Этот отрывок вошел в так называемую Авторизованную Библию (AV), но был опущен даже в издании: Z.C. Hodges and A. L. Farstad, THE GREEK NEW TESTAMENT ACCORDING TO THE MAJORITY TEXT (Nashville: T. Nelson, 1982), p. 459 [З. С. Ходж и А. Л. Фарстэд. Греческий текст Нового Завета, составленный с учетом большинства текстов]. — Проблема эта обсуждается в новом исправленном издании Bruce M. Metzger, A TEXTUAL COMMENTARY ON THE GREEK NEW TESTAMENT, corrected edition (London/ New York: United Bible Societies, 1975), p. 490 [Брюс М. Метцгер. Текстологический комментарий к греческому тексту Нового Завета].

ДЕЙСТВИЕ 4

ОЦЕНКА БЛАГОЙ ВЕСТИ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К КЕСАРИЮ И К МИРУ

(Деян 25: 1-26: 32)

Судебное заседание под председательством Феста

По прибытии в провинцию новый прокуратор счел своим долгом как можно скорее встретиться с видными иудейскими гражданами. Уже после трех дней пребывания в Кесарии он отправился в Иерусалим (Деян 25: 1).

При встрече, главные священники и аристократия подняли вопрос о Павле и попросили привести узника в Иерусалим, где его дело должно было быть рассмотрено вновь. Будучи человеком новым, Фест, разумеется, не мог знать о существовании преступного сговора, согласно которому по пути в Иерусалим, если бы Павел был туда отправлен, шайка убийц должна была устроить засаду и убить апостола (Деян 25: 3). Не заподозрив ничего худого, новый прокуратор все же потребовал, чтобы обвинители Павла, в соответствии с правилами, явились в канцелярию прокуратора и свидетельствовали против обвиняемого там (Деян 25: 5).

Таким образом, дело было вторично рассмотрено в римском суде Кесарии, на сей раз под председательством правителя Феста. Второй суд протекал по тому же сценарию, что и первый, и Лука не находит нужным описывать его столь же подробно. Впрочем, появляется новое и весьма

значительное обстоятельство. Среди многочисленных и беспочвенных обвинений, выдвинутых против апостола (Деян 25: 7), по-видимому, появились какие-то более конкретные, относительно государственной измены или склонения к ней, поэтому в свое оправдание Павел нашел нужным опровергнуть и их:

“...Я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря”

(Деян 25: 8) (выделено мной — Д. Г.).

Мы не знаем в точности, как были сформулированы эти конкретные обвинения, но, по-видимому, они напоминали обвинение, выдвинутое иудеями Фессалоник: дескать, проповедуя Царство Божье и Господа Иисуса как Царя, Павел отстаивает своего рода политическое мессианство, создающее почву для гражданских беспорядков, целью которых является в конечном счете народное восстание против Римской империи. Как мы уже видели выше, к подобным обвинениям прибегали и раньше, так как они производили сильное впечатление на озабоченных ситуацией в стране римских прокураторов, которым было слишком хорошо известно, каким эффективным оружием служит религия в руках иудеев, нацеленных на политические беспорядки. Подобные беспорядки имели место в прошлом, их можно было ожидать и в будущем.

С другой стороны, обвинение было для римского прокуратора, тем более лишь недавно вступившего в должность, весьма непрымимым. Фест понимал, как видно из его обращения к царю Агриппе (Деян 25: 18-19) и из его слов в ходе судебного расследования (Деян 25: 25), что Павел не был виновен ни в какой измене, как, впрочем, и в других предъявленных ему обвинениях. С точки зрения правителя обвинение было беспочвенным. Однако выдвинуто оно было председателем и членами высшего иудейского суда, представителями местной аристократии. Новый прокуратор не мог позволить себе испортить отношения со столь могущественными людьми в самом начале своей службы. Пойди он на конфликт, они могли бы всячески мешать ему исполнять свои обязанности. Если бы эти люди, пользуясь

щиеся большим авторитетом в еврейском обществе, сообщили в Рим о том, что вопреки их совету Фест освободил из тюрьмы известного мятежника, настраивающего народ против кесаря, прокуратор оказался бы в весьма затруднительном положении. В свое время один первосвященник уже шантажировал подобным образом Понтия Пилата, чтобы убедить его предать казни Иисуса Христа, хотя прокуратор вначале придерживался иного мнения (Ин 19: 12). Случившееся однажды могло повториться.

Поэтому перед тем, как вынести приговор, Фест решил “сделать угодение Иудеям”. Он спросил подсудимого, не желает ли тот отправиться в Иерусалим с тем, чтобы предстать перед судом прокуратора, защищаясь от прежних обвинений (Деян 25: 9). Павел тотчас же понял, какой вред принесет как ему самому, так и благой вести возвращение в Иерусалим, даже без риска быть убитым там. Если бы иудейские круги ограничились обвинением апостола в неуважении к закону и в попытке осквернения храма, то Иерусалим, где по их словам совершались эти преступления, был бы, конечно, подходящим местом для процесса. Но теперь прибавилось новое конкретное обвинение — в государственной измене. В отличие от предыдущих обвинений оно относилось не только к деятельности апостола в Иерусалиме, но и к его поступкам, совершенным во многих других частях империи. Речь шла уже не о посещении храма в состоянии ритуальной нечистоты и не о введении чужестранцев во внутренний двор, но об учении, составлявшем самую суть Евангелия. Павел не был сторонником политического мессианства, обвинять его в этом значило исказить действительность. Апостол проповедовал Иисуса как Мессию-Царя.

По обвинению в измене его должен был судить римский суд, подчинявшийся кесарю, однако Павел уже представлял перед подобным судом в административном центре римской провинции, и поэтому не имело ни малейшего смысла переносить заседание в Иерусалим. Павел понял, что Фест уже пришел к выводу о беспочвенности обвинений, связанных с иудейским законом, храмом или еврейским народом

(Деян 25: 10). Если бы дело Павла по обвинению в государственной измене разбиралось в Иерусалиме, это поставило бы обвиняемого в исключительно невыгодное положение. Фест оказался бы под огромным давлением со стороны первосвященника, главных священников и саддукейской аристократии. Обвинение в измене выдвигалось не каким-то римским официальным лицом, будь то консул, претор, начальник гарнизона или магистрат, а иудеями, и не потому, что они в него искренне верили и не потому, что были всерьез озабочены интересами кесаря. Просто представился весьма удобный способ расправиться не только с Павлом, но и с проповедуемым им Евангелием о восставшем из мертвых Иисусе Назорее. Но так как высокопоставленные иудеи — члены самого представительного судебного органа, синедриона, (не иудейская чернь, как в Фессалониках) — обвиняли некоего еврея в политическом мессианстве, новому прокуратору, еще плохо знавшему этих людей, такое обвинение могло показаться весьма убедительным.

Однако Павел, будучи римским гражданином, имел право требовать суда кесаря. Если бы он на это решился, дело полностью ушло бы из рук местного правосудия, что могло привести к рискованным последствиям. Правосудие при дворе Нерона было далеко не идеальным, но по крайней мере на Нерона невозможно было оказывать давление, подобное тому, которому подвергся бы новоиспеченный правитель провинции в Иерусалиме. Павел не стремился избежать смерти, если заслуживал ее (или если бы Нерон нашел, что подсудимый того заслуживает, что не совсем одно и то же). Однако апостол не хотел, чтобы суд Римской провинции отдал его на милость первосвященника и иерусалимской аристократии, полных предубеждения, и под их давлением вынес приговор, который бы осуждал как самого Павла, так и благою весть от имени римского правосудия. Пусть римское правосудие останется римским правосудием, а не саддукейским произволом, рядящимся в его одежды (Деян 25: 10-11). Кроме того, оправдай Фест Павла в Иерусалиме, этим дело могло бы и не закончиться:

иудеи представили бы против апостола аналогичные обвинения в других провинциях, как они сделали это, например, в Фессалониках или Македонии. Однако если бы Павел был оправдан в Риме, решение это автоматически распространялось бы и на все провинции Римской Империи.

Итак, Павел потребовал суда кесаря. Не последнюю роль в этом решении сыграло то, что еще два года назад Сам Господь сообщил проповеднику, что ему предстоит свидетельствовать о Нем в Риме, как он делал это в Иерусалиме (Деян 23: 11).

Посоветовавшись со своими помощниками, Фест согласился удовлетворить требование Павла (Деян 25: 12).

Фест обращается за советом к царю Агриппе II

То, что Павел потребовал суда кесаря, смутило Феста. По-видимому, из материалов дела он уже понял, что все выдвинутые против апостола обвинения в конечном счете вызваны спором относительно иудейских религиозных воззрений (Деян 25: 18-19). Обвинение же в государственной измене было фальшивкой. Однако понимание этого обстоятельства поставило прокуратора в двусмысленное положение. Если узника придется отослать в Рим, правителю останется написать отчет императору об этом деле. О чем же ему писать? Какого рода дело предстоит разбирать Нерону (Деян 25: 26-27)?

К счастью для Феста в это время в Кесарию прибыли царь Агриппа II и его жена Вереника. Прокуратор решил посоветоваться по этому вопросу с гостем. Уже самый факт, что Фест оказался в затруднении и что Лука счел нужным привести рассказ Феста, в котором тот разъясняет свое положение царю Агриппе (Деян 25: 13-22), имеет огромное значение. Если бы у прокуратора сохранялось хоть малейшее подозрение относительно участия Павла в антиправительственной деятельности, он не испытывал бы никаких сомнений относительно того, что писать в донесениях Не-

рону. Не упомяни Фест даже о самом ничтожном своем подозрении, это могло бы быть расценено в Риме как преступное пренебрежение своими обязанностями или даже как соучастие в преступлении. Если же писать прямо, что подсудимый, по мнению прокуратора, невиновен в государственной измене, зачем вообще препровождать его в Рим? Ведь правитель не мог ожидать от Нерона посредничества в решении чисто богословского спора между евреями?

Агриппа II считался знатоком в вопросах, имеющих отношение к иудейской религии и обычаям (Деян 26: 3). Выслушав Феста, царь пожелал побеседовать с самим апостолом (Деян 25: 22). Слушание дела было назначено на следующий день.

Судебное разбирательство под председательством царя Агриппы II и царицы Вереники

Наставление Феста суду

В официальном наставлении Феста суду перед началом разбирательства содержатся следующие важные положения:

- 1. То, что известно о деле к началу разбирательства.* Иудейская община требует предать смерти на основании целого ряда обвинений (Деян 25: 24).
- 2. Выводы, к которым пришел Фест к началу разбирательства.* Несмотря на то, что предыдущее заседание было прервано (обвиняемый потребовал суда кесаря), и приговор так и не был вынесен, Фест публично заявил, что нашел все обвинения в адрес Павла необоснованными: Павел не совершал ничего “достойного смерти” (Деян 25: 25).
- 3. Требование суда кесаря.* Павел напомнил о своем праве требовать суда кесаря, и Фест признал за обвиняемым это право (Деян 25: 25).
- 4. Характер нынешнего разбирательства.* Оно не является продолжением предыдущего заседания, завершившегося обращением подсудимого к суду кесаря. Не является оно и

новым судом: таковым мог стать теперь только суд кесаря. Это именно разбирательство (Деян 25: 26). Оно не может завершиться вынесением приговора: это право оставлено за кесарем.

5. Цель судебного разбирательства. Приняв обращение Павла к кесарю, Фест обязан написать ему отчет о том, какого рода дело предстояло рассматривать императору. Цель настоящего расследования — выяснить у Павла, во что он верует, чему учит, что проповедует и как поступает в жизни. Собранные сведения будут переданы кесарю, который определит, представляет ли апостол какую-то угрозу для государства или его самого.

Всем присутствующим было важно уяснить, в чем заключается цель данного судебного разбирательства. Однако Павлу это было особенно важно. Ему не нужно было больше отвечать на вымышленные обвинения в попытке осквернения храма или отстаивать принцип свободы совести в иудаизме, как во время заседания синедриона; не нужно было оправдываться в том, что он не нарушал религиозных или государственных законов, и доказывать, что христианская вера обязывает каждого христианина следовать этим законам, как на заседании под председательством Феликса. Теперь подсудимому предстояло ни больше, ни меньше, как изложить сущность и основные положения Евангелия, показать, что приверженность благой вести сама по себе не означает измены кесарю или государству. Представляя благую весть суду, апостол должен был помнить, что он свидетельствует о действительном предназначении христианства не только перед царем Агриппой или Фестом, как бы ни была важна и эта задача. В каком-то смысле он обращался к самому кесарю. Слова его, произнесенные на этом разбирательстве, станут содержанием послания Феста императору. Через Павла благая весть должна была достичь слуха Кесаря и мира, чтобы они узнали, что было в ней для них полезного.

Павел защищает благую весть

Павел очень тактично и согласно обычаю начал свою

защиту с похвалы царю Агриппе, самому именитому человеку из присутствующих, по чьей просьбе и было назначено слушание дела (Деян 25: 22). Однако эта похвала была вполне искренней (Деян 26: 2-3). Ее искренность определялась следующими причинами. Во-первых, обвинение Павла в том, что его благовестие является призывом к государственной измене, было выдвинуто не римлянами, а иудеями. Во-вторых, Павел настаивал на том, что учение, о котором кесарь должен был составить свое мнение, являлось ничем иным, как исконной надеждой и упованием Израиля, правда в особой, христианской, интерпретации. Павел с радостью и воодушевлением воспользовался возможностью объяснить, каково христианское понимание израильского упования и надежды, именитому знатоку иудейской религии и традиций (Деян 26: 3), стоявшему вне предрассудков и корыстных интересов правящей саддукейской группировки в Иерусалиме. Исходя из намерения выступить в защиту исконного упования Израиля, Павел изложил собравшимся свою духовную биографию — она была безупречна. Будущий апостол родился, рос и воспитывался в иудейской среде — в Тарсе и Иерусалиме. С молодых лет он примкнул к самому строгому из ведущих религиозных течений — к фарисеям (Деян 26: 4-5). Об этом знали все. И никто даже в мыслях не допускал, что учение фарисеев ведет к государственной измене!

Будучи молодым человеком, Павел принял исконное упование Израиля, как его понимали фарисеи. И вот, в полном противоречии логике, именно за исповедание и распространение этого упования иудеи и предали его суду:

“И ныне я стою пред судом за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам, которого исполнение надеются увидеть нации двенадцать колен¹, усердно служа Богу день и ночь: за сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи”

(Деян 26: 6-7).

В чем же заключалась эта надежда? Не приходится сомневаться в том, что она была мессианским упованием Израиля. Ни один человек, знакомый с учением ветхоза-

ветных пророков и с современным еврейским богословием и с чаяниями Израиля, не сможет и не станет этого отрицать. Разные группировки давали этому упованию разное истолкование, однако никто не мог отрицать, что прежде всего оно заключалось в уповании на приход Мессии, на установление мессианского века, когда зло будет низложено, влияние сатаны и его дела сведено на “нет”. Повсеместно восторжествует справедливость, и воцарится все-ленский мир. Иудеи обвинили Павла перед римским императором в том, что апостол проповедует упование Израиля и следует ему. Такое обвинение было одновременно и смешным, и трагичным. Ведь как раз это упование отличало Израиль от всех остальных народов и религий. У других народов и религий имелись свои этические принципы и нравственная философия, а надежда была только у Израиля. Та самая надежда, то самое упование, которого неосознанно жаждал весь мир. Было бы трагедией, если бы Израиль решил отречься от него.

Подлинное христианство до сих пор исповедует это упование по той простой причине, что, как мы сейчас услышим из уст Павла, оно составляет самую сущность христианского благовестия. Мы лишим Евангелие жизни и души, если будем представлять его просто как свод нравственных правил, сопровождаемый списком нескольких религиозных обрядов, которые учат людей вести себя максимально прилично, ввиду того, что однажды, после смерти, может наступить суд. Истинное христианство до сих пор исповедует и проповедует многовековое упование на приход Мессии Божьего, Который воскрес из мертвых, чтобы низложить зло, судить мир, управлять им по правде и установить Свое царство всеобщего мира и справедливости.

Разумеется, можно понять, почему некоторые иудейские современники Павла хотели умолчать об этом мессианском уповании или даже отвергнуть его вовсе. В некоторых кругах поддерживалось упорное и разрушительное стремление наполнить это упование политическим содержанием, изобразить Мессию могущественным полководцем вроде

полководцев из династии Маккавеев, Который вооружит Израиль и поведет его на битву с ненавистными римскими завоевателями и свергнет их иго. Однако было бы оскорбительным для христиан лепить из них такой образ. Центральное положение благовестия заключается в том, что Мессия Ветхого Завета сознательно решил пострадать, не прибегая к насилию, и пасть от рук римлян и иудеев. Когда Мессия вернется для учреждения Своего царства, Он не станет сражаться с другими военными и политическими силами, но придет в славе Божьей и с Божьими ангелами, чтобы установить вселенское правление Божье во всем мире.

Как мы знаем, у саддукейских священников были особые причины для того, чтобы отвергать христианское толкование израильского упования, стремиться осудить Павла на смерть и покончить с распространением Евангелия. Важнейшим было то обстоятельство, что именно их предшественники предали на смерть Иисуса, Которого Павел провозгласил Мессией. Другая причина — их сотрудничество с римлянами. В Израиле они были правящим классом и в полной мере пользовались той политической властью, которую давали им римляне. Они занимали должности первосвященника и главных священников. Сборы в пользу храма, поступавшие от евреев со всего мира, приносили им огромные доходы. Эти люди не собирались сдаваться без боя, позволив Павлу беспрепятственно проповедовать благою весть, которая в конце концов должна была ослабить их власть. Их вполне устраивало существовавшее положение дел. Зачем им было нужно мессианское царство?

Всего через несколько лет храм подвергся разрушению, религиозно-политическое влияние саддукеев упало. Более мы уже о них ничего не услышим. Вклад саддукеев в иудаизм оказался минимальным. Ничего не смогли они предложить и миру.

И поныне единственное, что Израиль может предложить миру, — это не этические нормы, сколь благородными бы они ни были, и уж, разумеется, не политику, а свою мессиан-

скую надежду.

Теперь Павел должен был прямо поставить перед Агриппой вопрос о воскресении Господа Иисуса Христа. Это не только ключ к христианскому истолкованию мессианского упования Израиля. Вопрос этот окончательно доказывает непричастность благовестия к политической пропаганде или к измене Римской империи.

Павел хорошо понимал, что первой реакцией Агриппы на упоминание о воскресении Господа Иисуса Христа будет недоверие. Так было и так будет: человеку античного мира было не менее трудно поверить в телесное воскресение Господа Иисуса Христа, чем человеку современному. Однако к первой реакции — чувству недоверия — следует относиться так, как она того заслуживает — просто как к первой естественной реакции. Было время, когда большинство людей думало, что земля плоская. Когда же стала распространяться идея о шарообразности земли, многие (в том числе и весьма умные люди) сначала отвергали ее. Они говорили, что, допуская шарообразность, мы допускаем тем самым, что на другой стороне земли люди ходят вверх ногами. Первой реакцией здравого смысла было высмеять эту идею. Но в конце концов победили факты. “Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?” (Деян 26: 8) — спросил Павел у Агриппы, сознательно употребив здесь множественное число — “воскрешает мертвых”. Фарисеи, ведущая среди иудейства религиозная партия, верили в то, что грядет воскресение праведных. Разумеется, они верили и в грядущий мессианский век. Этому учило Священное Писание. Они хорошо понимали, что если бы не воскресение, то всем поколениям праведников, кроме последнего, не суждено было бы участвовать в благословенных радостях такого века, несмотря на то, что они ждали, надеялись и молились о его приходе, а многие из них даже отдали жизнь в знак верности Богу во времена гонений. О какой еще надежде можно было говорить? Итак, не даром в Ветхом Завете было сказано, что мессианскому веку будет предшествовать воскресение мертвых (Дан 12: 2).

Раз так, то может ли по-прежнему казаться невероятным, по крайней мере, для принявших Писание (Деян 26: 27), что Бог должен воскресить и Самого Мессию? Что это воскресение уже состоялось как своего рода первый образец, как предвестие будущего, чтобы придать основательность и твердость надежде на грядущее славное воскресение всех искупленных (Деян 26: 23).

Все это связано с вопросом о том, должен ли Мессия умереть и умер ли Он в действительности. В самом ли деле пророки предсказывали подобную участь Мессии? Да, именно это они и предсказывали. Таково убеждение христиан; сказал Агриппе Павел (Деян 26: 22-23), приглашая его задуматься надо всем этим самому.

Но в своей речи Павел начал не с этого утверждения. И правда, какой смысл имело предлагать Агриппе изучать предсказания пророков, если Павел не мог привести ему доказательств того, что Господь Иисус уже действительно восстал из мертвых? Какие же доказательства Павел мог в таком случае привести?

Апостол решил рассказать Агриппе историю своего обращения так же, как он рассказывал ее беснующейся толпе, стоявшей у подножия крепостной лестницы в Иерусалиме за два года до встречи с царем (Деян 22: 2-21). Но поскольку и атмосфера, и слушатели были совершенно иными, Павлу потребовалось изменить акценты своего рассказа. Суть рассказа, конечно же, осталась той же. Обращение Павла благодаря его встрече с воскресшим Господом по дороге в Дамаск было и остается до сих пор важным историческим свидетельством о воскресении Христа (1 Кор 15: 4-11). Но смысл этого конкретного свидетельства был особенно важен в данной ситуации слушания дела под председательством царя Агриппы. На карту была поставлена репутация христианской благой вести: была ли она предательской по отношению к императору? А если поставить этот вопрос шире, была ли она вполне обоснованной, несла ли она миру внушающую доверие надежду? В данном контексте характер христианского мессианского упования, основанного на воскресении Господа Иисуса, можно было

правильно оценить по тому воздействию, которое оно оказало на Павла, по перемене, произошедшей в его мировоззрении и поведении, по влиянию, которое благая весть могла произвести на поверивших проповеди Павла.

“Правда,— [сказал Павел, глядя прямо в глаза царю Агриппе],— и я думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея”

(Деян 26: 9).

Обращаясь к иерусалимской толпе, охваченной мнимым (хотя и чреватым кровопролитием), религиозным рвением, Павел дал ей понять, насколько хорошо он представлял себе чувства собравшихся: некогда его переполняло то же рвение защитить честь Бога и святость храма. Оно завело его даже значительно дальше, чем их, ибо он преследовал христиан постоянно и целенаправленно. Теперь же Павел обращался не к толпе, а к благородному, проницательному, искушенному в делах, справедливому, разумному и чувствующему свою ответственность монарху. Он понимал то чувство недоверия, которое было реакцией царя на сообщение о воскресении Иисуса. Апостол хотел, чтобы царь узнал, что и сам Павел когда-то испытывал такое же недоверие, и даже в гораздо большей степени.

Павел преследовал христиан с безжалостным упорством и суровостью не потому, что не слышал их рассказов о том, что Иисус воскрес из мертвых, а как раз в силу того, что слышал их. Он утверждал, что их рассказы не только повествуют о сомнительных фактах, но и с точки зрения того, что делал и говорил Иисус перед Своей смертью, являются сомнительными нравственно и духовно. Святость поведения и образа мышления христиан (Деян 26: 10) не мешала ему преследовать их. История о воскресении Иисуса, которую рассказывали христиане, была хуже, чем просто нечто невероятное: с точки зрения религии, богословия и политики это была вредная ложь, приводящая к кощунственным выводам об образе и природе единого истинного Бога. Павел пытался принудить христиан проклясть имя Иисуса, дабы они спасли свои души от проклятия за то, что поверили и проповедовали Его воскресение (Деян 26:

11).

Совершенное безумие, скажете вы. Да, это было безумием. И сам Павел признает это (Деян 26: 11). Но подобное безумие — о чем следовало напомнить Агриппе и суду — одобрялось и санкционировалось первосвященниками, потому что казалось им мудрым, трезвым и действенным средством для поддержания порядка в государстве, высокого положения ортодоксальной религии и авторитета синедриона (Деян 26: 10).

Что же сделало Павла другим человеком? То, что он встретил воскресшего Иисуса или, точнее, то, что воскресший Иисус Сам явился апостолу. Павел обратился не потому, что его убедили какой-то довод или целая серия доводов, а благодаря фактам, вернее, высшему факту, которому невозможно было что-то противопоставить (Деян 26: 14).

Во всех рассказах о том, что с ним произошло, и более всего, в данном рассказе, апостол свидетельствовал, что самое ошеломляющее впечатление произвел на него свет — свет во всех смыслах слова: сверхъестественный, физический и вместе с тем — символический, нравственный, разумный, эмоциональный и духовный.

Безумие исчезло навсегда. С этого момента — несмотря на то, что Павел страдал от столь суровых преследований, что если бы не обетованная помощь Бога (Деян 26: 17), он давно был бы уничтожен — сам он больше никогда никого не преследовал и не отвечал на преследования тем же.

В то же время его преданность главным священникам сменилась совершенно иной преданностью — воскресшему Господу. Это чувство не только просветлило его разум, но и резко расширило кругозор: ушла навязчивая, ограниченная озабоченность правами и привилегиями Израиля, и ему открылась любовь и великая весть, предназначенная не только Израилю, но и языческому миру (Деян 26: 17).

Итак, Павел изложил Агриппе смысл христианской благой вести (Деян 26: 18) и предоставил ему самому судить, подстрекает ли она на государственную измену. Этот смысл заключается в том, чтобы

1. “открыть глаза им [людям], чтобы они обратились от тьмы к свету”. И это общая, всеми ощущаемая потребность. Мы жаждем света для решения наших внутренних, психологических, а также общественных проблем. Нам нужен свет, чтобы понять жизнь как таковую — имеет ли она какой-либо смысл; познать мир и выяснить, не являются ли справедливость и порядочность лишь некоей всеобщей иллюзией, не сыграет ли идея прогресса с нами злую шутку, и, принимая во внимание то, что мир наш будет однажды разрушен, не является ли единственно логичной позицией разумный пессимизм;

2. обратить людей “...от власти сатаны к Богу”. Ясно, что проблема зла — выходит за рамки личных проблем каждого человека. Общая для всех проблема зла возникает и не просто как сумма проблем отдельных людей, объединенных в группы (в том числе и национальные). Никто из нас не выдумывал нашей врожденной склонности ко злу. В мире действует нечто большее, чем просто злая воля человека. И говорится это не для того, чтобы оправдать человеческие грехи или отсутствие ответственности. Приписывать только самому человеку ответственность за безумную слепоту и извращения, наполняющие мир несправедливостью и жестокостью и заливающие его кровью и слезами, — значит ставить бессердечный, преувеличенный и искаженный диагноз. Однако если дьявол существует и действует, все же у Бога достаточно власти, чтобы спасти нас от него, даровав нам такое освобождение, которого человек не может достичь, полагаясь на собственные силы.

3. люди “...получили прощение грехов”. В основе беспокойства человека остается действительная вина, а отнюдь не надуманная вина психологического свойства. И если только воистину она не прощена, не искуплена благородной жертвой Христа, эта вина отнимает будущее и душевный покой, разрушает все прочие ценности. Мы нуждаемся в прощении гораздо больше, нежели в регулярном принятии пищи.

4. люди получили “...жребий с освященными” (через веру в Иисуса Христа). В конечном итоге, что же может стать истинным достижением в жизни, как не получение вечного наследия, разделяемого истинно освященными, если владение и наслаждение этим наследием начинается уже в этой жизни и будет длиться вечно? Оно дается через веру в Христа.

“Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению” (Деян 26: 19). Павел не кичился своим благо-

честь. Он просто объяснял свое поведение, причины, которые побуждали его к длительным миссионерским путешествиям, природу той силы, которая вдохновляла его призывы ко всем людям покаяться и обратиться к Богу и делами доказать искренность своего покаяния (Деян 26: 20).

Мог ли даже Нерон воспринять подобную проповедь как измену государству? И тем не менее, заявил Павел, именно за эту проповедь иудеи схватили его во дворе храма и хотели растерзать (Деян 26: 21). Только помощь Самого Бога уберегла его и позволила и дальше выступать в качестве свидетеля Благой Вести Христа (Деян 26: 22).

Какие же стороны его благовестования казались иудеям столь кощунственными и противоречащими правоверному иудаизму, что они почувствовали к Павлу такую ненависть? Ничего из содержания Евангелия Павел не придумал сам. Это содержание не было также плодом воображения. Он повторял лишь то, что до него уже предсказали непогрешимо правоверные пророки и Моисей: что Мессии придется пострадать и в качестве первого воскресшего из мертвых возвестить свет Своему народу и язычникам (Деян 26: 22-23; ср.: Ис, гл. 53 и 61)².

Реплика Феста

Во время речи Павла вмешался Фест, воскликнувший громким голосом, который был хорошо слышен в зале суда:

“...Безумствуешь ты, Павел! больша́я ученость доводит тебя до сумасшествия”

(Деян 26: 24).

Удивительная реплика! Во времена Павла в Риме можно было наслаждаться гладиаторскими боями, как это делали богатые и знатные наравне с простыми людьми, с удовольствием наблюдать, как люди убивают друг друга. И эту публику никто не объявлял сумасшедшей. Если же обратиться к примерам из недавнего прошлого, они говорят: можно было быть фанатичным сторонником коммунизма и сознательно уничтожать миллионы людей и не считаться сумасшедшим. Но, начав в Римской империи решительную

борьбу за нравственность и призвав людей покаяться и искать живого Бога, начав проповедовать весть прощения, мира и надежды, Павел навлек на себя как со стороны Феста, так и со стороны других, подозрение в безумии. Как видно, вирус безумия поражает людей весьма избирательно.

Однако Фест не видел преобразования безумной прорицательницы в Филиппах во вполне владеющего собой человека. Он не знал, что одной только фразы из недавнего послания Павла римским христианам (не говоря уже о Послании в целом)

“Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа”

(Рим 5: 1)

было достаточно, чтобы принести душевный покой, свободу, придать умственную и духовную твердость бесчисленным миллионам людей на протяжении многих веков, вплоть до сегодняшнего дня. К тому же правитель ничего не знал о еврейских пророках, и речь Павла была просто недоступна его пониманию. Обвинение в безумии выказало глубокое невежество Феста, что не является редкостью.

Агриппа же знал о пророках (Деян 26: 27) и знал также, как был уверен Павел, все о Господе Иисусе, Его распятии и об утверждении христиан о том, что Он воскрес из мертвых, ибо это событие происходило на глазах у многих (Деян 26: 26). Павел начал уже забывать, что находится под следствием, и наблюдал за царем не как подсудимый, а проповедующий благую весть. Перед ним был человек, которому нужно было примирение с Богом через веру в Иисуса Христа. Он знал, о чем говорили пророки, он был знатоком исконной веры Израиля. Он мог видеть, что история об Иисусе в точности соответствовала пророчествам. Павел задался вопросом: верил ли этим пророчествам Агриппа?

Отметая неуместное замечание Феста и призывая царя не ограничиваться своими собственными обширными, но дилетантскими познаниями об иудействе, а внимательно отнестись к пророкам и лично поверить их писаниям:

*“Веришь ли, царь Агриппа, пророкам?” — спросил Павел.
И сам ответил: “Знаю, что веришь”*

(Деян 26: 27).

Царь почувствовал, что стоит за этим вопросом. Поскольку этот глубоко личный вопрос был задан на публичном суде, он ответил мягко, но уклончиво:

“...Ты не много не убеждаешь меня сделаться Христианином”

(Деян 26: 28).

На что Павел сказал:

“Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз”

(Деян 26: 29).

Величайший проповедник в Европе, — нет, даже в мире, — личный посланник Бога, именем Иисуса Христа, Божьего Спасителя человечества, выразил то, что было у него на сердце. Он хотел, чтобы его услышал весь мир, а не только Агриппа, Вереника, Фест, и Нерон. В зале суда воцарилось молчание.

Затем царская чета поднялась и Фест проводил ее из зала.

Заключение

Все три высокопоставленных особы пришли к заключению, что подсудимый, несомненно, не совершил ничего такого, что заслуживало бы смерти или тюремного заключения (Деян 26: 31). Более того, как заметил Агриппа Фесту, Павла можно было бы отпустить на свободу, если бы он не потребовал суда кесаря (Деян 26: 32).

Примечания

¹ Разумеется, это было распространенное выражение. Однако фраза “двенадцать колен” особо подчеркивает тот факт, что упование разделял весь народ.

² Интересное наблюдение по поводу стиля Павла можно из-

влечь из синтаксиса Луки, в котором сохранены фразы, часто выносившиеся Павлом в заглавие своих лекций: “Должен ли Мессия пострадать?”; “Суждено ли было Мессии восстать из мертвых первым?”; “Должен ли был Мессия возвестить свет Своему народу и язычникам?”.

ДЕЙСТВИЕ 5

ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ И ЦАРСТВОВАНИЕ БОГА (Деян 27: 1-28: 31)

Буря

В последнем Действии Раздела 6 Деяний мы вновь возвращаемся к природе. Но не к Матери-Природе, оберегающей жизнь, которую ефесяне почитали под именем Артемиды, а к природе безликой, располагающей великими силами, бессердечно безразличной к человеческой жизни, бессмысленно жестокой, безнравственно разрушительной и несущей в себе потенциальную смертельную опасность. К той природе, которая делает людей совершенно беспомощными, против которой человек борется, напрягаясь в неравной борьбе за выживание.

Значительную часть Действия 5 занимает подробное и живое описание бури, которая чуть было не потопила корабль, везший Павла в Италию, где он должен был предстать перед судом Нерона. Поскольку посещение Павлом Рима имело большое духовное значение, то дорожные перипетии, которые чуть было не закончились трагически, поднимают некоторые вопросы. Прибыв в Рим, Павел продолжал свои проповеди на обычные для него темы: о Царстве Божьем и о царствовании Бога (Деян 28: 23, 31). Но зададимся вопросом, как связано царствование Бога и стихийные бедствия, вроде того, что чуть не погубило Павла и не положило конец его проповеднической деятельности?

Продолжительность рассказа, его детали, техническая

и географическая точность не оставляют никакого сомнения в том, что Лука сопровождал Павла и все видел своими глазами¹. При этом мы можем быть уверены в том, что Лука привел все эти детали не для того, чтобы представить Павла таким сверхчеловеком, обладающим особой властью над природой и покоряющим ее с помощью ряда эффектных чудес. С того момента, как Павел и его спутники сели на обреченный корабль, и до того холодного и ненастного утра, когда он разбился у берегов Мальты, никаких чудес не происходило. Божественная рука не усмиряла моря, хотя за несколько лет до того буря на Тивериадском озере успокоилась, подчинившись голосу Повелителя стихий. Ангельские силы не препроводили корабль в порт, поддерживая его в целостности и сохранности. Все пассажиры и члены экипажа спаслись, но лишь после более двух недель мучительных страданий, завершившихся бесславным бегством с разваливавшегося корабля на берег.

Перед нами встает вопрос: если Павел действительно был апостолом и посланником, назначенным Самим Богом и поставлен Им проповедовать Евангелие Сына Божьего перед сильными мира сего, и если речь идет о Той Самой Силе, Которая создала природу и управляет ею, владычествует над разъяренными волнами и укрощает их (Пс 88: 10), почему же тогда царственная власть Бога не повелела Средиземному морю проявить в отношении Своего посланника большее гостеприимство и не мучить его в течение двух недель, выбросив затем на берег полуживого?

Значение природы как таковой

Каков бы ни был ответ на наш вопрос, из повествования, которое мы сейчас рассматриваем, и из опыта христианской миссионерской деятельности за последние две тысячи лет ясно, что Бог никогда не помышлял о том, чтобы изменить законы природы, дабы облегчить распространение благой вести. Конечно, чудеса всегда происходили, происходят они и теперь. Но они, все-таки, являются исключением. Правило же состоит в том, что природа продолжает функционировать как заведено. Молния и град, снег, облака,

бурные ветры, которые со дня творения подчинялись Творцу, составляя великие космические процессы нашего мира и вселенной (Пс 148: 8), но не устранялись, не приручались, чтобы обеспечить безопасность путешествий христианских миссионеров. Природа была оставлена в неприкосновенности и будет таковой до всеобщего восстановления. Бури не прекратились. Миссионерам пришлось научиться так же, как и всякому другому, либо избегать непогоды, либо использовать ее в своих интересах. Ни одному, пусть даже выдающемуся по своим человеческим качествам миссионеру, не дается гарантии, что он не утонет во время шторма.

Давайте отвлекусь на минуту от повествования Луки и задумаемся о той огромной пользе, которую приносит человечеству природа. Сама необходимость бороться за выживание помогла человечеству развить ряд совершенно замечательных качеств, таких как храбрость, отвага, изобретательность, способность к познанию. Весьма быстро человечество обнаружило, что природу можно обуздать и использовать в своих интересах. Ветром, разрушающим жилые дома, можно приводить в движение крылья ветряной мельницы и молотить зерно. С помощью волн, приливов, течений и ветров, создающих препятствия мореплавателям, можно приводить в движение парусные суда и тем самым расширить возможности передвижения. Закон гравитации, привязывающий нас к земле, можно использовать для запуска космического зонда с земной орбиты на ту планету, которую хотим исследовать.

Более того, новые смелые достижения в обуздании природы становятся впоследствии необходимым условием выживания человека. Например, флот из больших судов для транспортировки зерна, бороздивших море между египетской Александрией и Римом (на одном из таких судов, которое едва не отправилось ко дну, и плыл Павел), стал жизненно важен для экономики Рима. Если бы не зерно, привозимое на этих судах, огромное население столицы нечем было бы кормить. И наш современный сложный мир вряд ли бы смог существовать без самолетов,

радио, радаров, телевидения и т.п. Более того, и задача распространения христианской благой вести значительно облегчается с помощью разнообразных изобретений, особенно начиная со второй половины нынешнего столетия. Пиетистское замечание о том, что весь этот прогресс противостоит естествен, или даже нечестив, является очевидной ошибкой.

Поэтому, как во имя развития человечества, так и во имя распространения христианства, мы можем желать только, чтобы природа оставалась такой, какова она есть. Разумеется, природные явления могут представлять смертельную угрозу: сила тока убивает в одно мгновение, если вы допускаете небрежность. Она не знает милости. Эта безликая и бесчувственная сила, как и все другие природные силы, может помочь вам в приготовлении пищи, а может и обжечь. Она могущественнее человека, и с нею надо быть осторожным. Бог никогда не менял (и вряд ли будет менять) характер действия сил природы, ради расположение к христианам или к христианским миссионерам. Христианин, спрыгнувший с крыши храма, обнаружит, что Бог не отменил закона тяготения. Безрассудный риск нельзя приравнять к вере.

Природа не была приручена и тем более окончательно покорена. Борьба между ней и человеком остается по-прежнему неравной. Лучшие из современных кораблей разваливаются под натиском сильного шторма. Воздушные лайнеры разбиваются в тумане. Поэтому мы поступаем правильно, когда оцениваем природные условия, в которых должны работать христианские миссионеры. Было бы глупо утверждать, что Бог не сможет или не захочет совершить чудо, чтобы спасти своих слуг; было бы неверием сомневаться в водительстве ангелов (Евы 1: 14); было бы неблагодарностью не видеть огромного числа случаев божественного провидения, которые нам известны, или высказывать скепсис в отношении того, что имели место тысячи других, неизвестных нам, случаев. Но в то же время никто не обещал нам, что ни один миссионер никогда не утонет в море. У нас нет никакой гарантии, что ни один

проповедник никогда не погибнет в авиакатастрофе. Нигде не сказано, что Божья любовь избавит нас от горя, муки, голода, опасностей или смерти. Данное нам обетование гласит лишь то, что ни одна из смертельных сил природы и никакие человеческие страдания не смогут отлучить нас от любви Божьей — ни высота, ни глубина, ни жизнь, ни смерть и никакая тварь (Рим 8: 38-39). Так писал Павел за год или два до того, как сел на грузовое судно, едва не отправившееся ко дну Средиземного моря.

Уроки истории кораблекрушения

Согласно Луке, четыре раза на протяжении этого путешествия Павел делал важные замечания. Следует рассмотреть каждое из них в отдельности.

Во-первых, он предостерегал против ненужного риска. Разумеется, общаясь с природой, нельзя всецело избежать риска. Древний земледелец, сеявший весной, опасался того, что плохие погодные условия могут погубить семена в земле, лишив его всякой надежды на урожай и пищу в следующем году. Колумб никогда бы не открыл Новый Свет, а Давид Ливингстон — Центральную Африку, если бы каждый из них не был готов идти на большой риск.

Вера побуждает идти на риск ради Бога. Однако наступает момент, когда риск становится неоправданным и свидетельствует скорее не о вере, а о предрассудках. Павел был готов умереть ради благой вести, но не отдать свою жизнь впустую. Он не был опытным моряком, но здравый смысл, основанный на многолетнем пребывании на море, подсказывал ему, что сезон навигации был на исходе. Отправляться в плавание, покинув уютный порт в столь позднее время, означало идти на большой и неоправданный риск (Деян 27: 9-11). Целью морского путешествия являлось отыскание более удобной гавани, где было бы спокойнее и сподручнее провести зиму. Однако рисковать потерей корабля и груза и, более того, двумястами семидесятью шестью человеческими жизнями на борту только ради достижения лучшей гавани было с точки зрения Павла неоправданно, о чем он и сообщил. Однако кормчий и вла-

делец корабля решили пойти на риск. Опытность и профессиональный престиж часто служат причиной излишней самоуверенности. И сотник, отвечавший за узников, послушался их совета, а не внял совету Павла.

Как бы то ни было, но отношение Павла к происходившему было весьма поучительным. Его вера была не такова, чтобы выдвигать следующий аргумент: “Вы, конечно, можете идти на любой риск. Я же — посланник Господа, и Он не допустит, чтобы со мной произошло какое-то несчастье. Если потребуется, Он сотворит чудо и успокоит море покуда мы не достигнем ближайшей гавани”. И дело вовсе не в том, что апостол не верил в чудеса или в желание Бога совершать их. Просто не было крайней необходимости плыть в другую гавань, идти же на ненужный риск, рассчитывая, что Бог совершит чудо, дабы помочь избежать гибели — это не вера, а предрассудок. Поэтому здесь, в описании Луки, Павел предстает не как героическая личность, а как человек, чья смиренная, но истинная вера знает свои разумные пределы.

Надежда сильнее природы

Не послушав совета Павла, путешественники отправились в путь и вскоре попали в сильнейший шторм. Самые опытные моряки делали все возможное (Деян 27: 17-19), но тщетно. Природа насмеялась над ними, изматывая качкой (Деян 27: 17). Самый их опыт теперь усиливал ужас перед происходившим (Деян 27: 20). Наиболее искушенные в морском деле прекрасно понимали, что каждая следующая огромная волна может отправить их корабль прямо на дно. Всякая надежда на спасение исчезла.

Именно такие ситуации, когда бессмысленная природа делает посмешищем весь накопленный опыт и знания, сводит на “нет” все усилия человека, потешается над прогрессом и отбрасывает людей вместе с их изобретениями прочь, как буря — былинку. Именно такие ситуации ставят извечный вопрос о сущности жизни. Является ли жизнь человека чем-то большим, нежели просто незначительной частью замкнутой природной системы, беспомощно вовле-

ченной в ее бесконечную, бессмысленную череду обманчивого спокойствия и бессмысленно разрушающих бурь? Или же у человека есть цель помимо и выше природы? Является ли природа со своими временами года постоянной сценой, на которой разворачивается вся драма человечества? Или это только временная сцена, где человечество играет только часть предоставленной ему сыграть драмы, прежде чем действие перейдет на другую сцену, в другом месте, чтобы довести драму до ее славного и торжественного финала?

Благодарение Богу за ответ, прозвучавший громко и уверенно сквозь завывание бури и шум дождя, когда всякая другая надежда уже исчезла:

“...Мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда; теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль; ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою. Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано...”

(Деян 27: 21-25).

Несомненно, что случай с Павлом особый. Но это особый пример той общей истины, что распространяется на весь народ Божий, — Бог существует до, вне и помимо природы, и каждый верующий может описать Его наравне с Павлом как Бога, “Которому принадлежу я”. Мы — Его собственность. Мы для Него — бесценная собственность, купленная, как напомнил Павел священникам Ефесской церкви, кровью Его собственного дорогого Сына (Деян 20: 28). Даже все силы природы, вместе взятые, не смогут отнять Бога у Его драгоценного владения. И каждый верующий может добавить вместе с Павлом: “Бог... Которому служу”. Какой бы ни была эта служба, важной или незначительной, общественной или частной, бессмысленные силы сотворенной природы никогда не смогут отменить цели Творца, Который призывает нас на это служение. Погода, посылаемая Богом, не может препятствовать Божьему делу.

Павел был призван к служению Богу, и для этого он по-

лучил на сей раз особое задание — свидетельствовать о Христе и Евангелии перед кесарем в Риме. Апостолу уже было сказано об этом раньше (Деян 23: 11). Теперь же был послан ангел, чтобы напомнить ему об этом и уверить его: поскольку такова цель Бога, не только Павел, но и все те, кто должен доставить его на берег, будут спасены, невзирая на силы природы (Деян 27: 24-25).

Не всегда Павел получал такие твердые и ясные сообщения о том, что он не умрет, пока не выполнит очередного дела². Еще реже такое происходит с нами. Однако и мы можем быть уверены: коль скоро это касается Бога, бессмысленной природе никогда не будет позволено сокрушить нас, пока Бог не достигнет цели, которую Он имел в виду, когда определял нам наше предназначение.

Вера преодолевает панику и безрассудный эгоизм

Следует заметить, что обещание ангела о том, что Павел и все другие, находившиеся на судне, спасутся, было исполнено без совершения какого-либо (очевидного) чуда³. Для того, чтобы пристать к берегу, морякам по-прежнему требовались все их навыки, весь опыт в управлении судном. Сколь бы ни были хороши познания моряков в навигации, чтобы провести корабль последние несколько сот метров сквозь бурные волны и пристать как можно ближе к берегу, им пришлось сделать все возможное и невозможное. Когда корабль приблизился к берегу настолько, насколько это было безопасно в темноте, и с кормы были брошены якоря, для того чтобы при первых лучах солнца пристать к берегу, моряки, очевидно, поддались панике. Заботясь о своей безопасности больше, чем о безопасности пассажиров, они тайком попытались спустить на море лодку и сбежать.

Между тем Павел увидел, что они собираются сделать, указал на это сотнику и настоял на том, чтобы моряки остались на корабле (Деян 27: 30-32). Павлу было обещано, что каждый из них спасется; но без человеческих средств, навыков и усилий. Его вера не оправдывала эгоистичную панику и упование на чудо. Вера позволила быть бдительным, сосредоточиться на практической необходимости,

подавить безрассудный эгоизм, панику и полагаться на распоряжения сотника. Это сослужило хорошую службу, когда воины предложили перебить всех заключенных, в том числе и Павла, чтобы те не сбежали (Деян 27: 42). Если бы заключенные разбежались, воинов потом казнили бы. Нужно было проявить твердую власть, чтобы заставить их не убивать узников, — сотник сделал это ради Павла (Деян 27: 43).

Сила веры преодолевает страх и отчаяние

Прошло уже две недели, как пассажиры и экипаж корабля почти ничего не ели. И это не удивительно: все находившееся в трюме, смешалось, и, возможно, подмокло. Кроме того, если люди испытывают страх и переживают злключения, их желудок нередко отказывается принимать пищу, даже если они не страдали перед этим морской болезнью. И снова вера Павла принесла практическую пользу. Он поднялся и обратился ко всем двумстам семидесяти пяти людям, плывшим на корабле. Напомнив им об обещании Божьем, что все они благополучно сойдут на землю, он просил их подкрепиться (Деян 27: 34). Они не будут перенесены на землю чудесным образом, на крыльях ангелов. В последней битве с бушующими волнами и отливом понадобится вся их энергия. Поэтому апостол подал пример. Раскрывая перед всеми тайну своего спокойствия и уверенности, он взял хлеб, возблагодарил Бога и, в то время как еще бушевал шторм, стал есть, побуждая спутников сделать то же самое (Деян 27: 35-36).

Обратите внимание, какую роль в этом происшествии сыграла вера. Павел не просто верил, что, раз Бог уполномочил его служить в Риме, Господь проведет его и всех остальных в целостности и сохранности сквозь шторм. В ответ на обетование Божье, что он выживет, дабы исполнить свое предназначение, Павел доверился Богу, и психологически это позволило ему овладеть обстоятельствами, принять все необходимые практические меры, чтобы поддержать корабль на плаву как можно дольше, и он смог подойти как можно ближе к берегу.

В конце концов именно вера и осознание высшей цели помогают преодолеть стихию природы, дают нам силы и отвагу выстоять в жизненных испытаниях перед лицом природных катаклизмов, когда кажется, что надежды рухнули. В самом деле, зачем бы Богу нужно было дальнейшее существование природы, если бы над всеми ее катаклизмами не возвышались великие и вечные цели? По этой причине, даже когда мы проиграем нашу последнюю битву с природой, и она восторжествует над нами в нашей гибели, мы все же победим силой Возлюбившего нас Господа (Рим 8: 37).

Неверные представления о природе в язычестве

Переживших кораблекрушение быстро окружили местные жители. Они пожалели путешественников и развели для них костер (Деян 28: 2). Павел, который всегда проявлял практическую сметку, собрал вязанку хвороста. Но, когда он хотел бросить ее в огонь, спрятавшаяся в ней змея, не выдержав жара, выползла наружу и повисла на руке апостола. У островитян уже было готово свое объяснение случившегося события:

“...Верно, этот человек — убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить”

(Деян 28: 4).

При этом они допустили целый ряд ошибок, которые не религиозные, но суеверные люди допускают и по сей день. Они полагали, что все природные катастрофы, происходящие с людьми, случаются из-за их грехов, и если на человека обрушивается какое-нибудь стихийное бедствие, можно смело утверждать, что он совершил какой-то ужасный проступок, даже если тому нет явных свидетельств.

Начнем с того, что природа с ее безликими процессами вовсе не судия человечества. Эти процессы сами по себе стоят вне нравственности. Воспаленное горло не является свидетельством того, что больной часто лгал⁴. Иногда Бог действительно использует природные катаклизмы, чтобы явить Свой гнев. Небесный огонь, уничтоживший Содом

и Гоморру, положил конец нравственно и общественно опасному поведению жителей этих городов. Однако они прослыли безнравственными задолго до того, как на них обрушилась катастрофа. На основании этих стихийных бедствий нельзя было делать выводов об их моральном облике.

Далеко не все стихийные бедствия являются воплощением Божьего суда. На черном государственном лимузине могут привезти главаря мафии в тюрьму для предварительного заключения. Эту ситуацию можно сравнить с сожжением Содомы (2 Пет 2: 4-9; Иуд 6-7). Однако тот же самый лимузин может привезти национального героя на прием к королеве. В результате стихийных бедствий многие истинно верующие оказались в присутствии Бога.

Если мы хотим извлечь урок из природных катаклизмов, “Божьих кар” и “наказаний”, то лучше всего воспользоваться уроком, преподанным Самим Христом: не стоит полагать, будто люди, страдающие от стихийных бедствий, непременно виновны, тогда как те, кого они не коснулись, свободны от греха. Все люди грешны. Пусть же природные катастрофы лучше служат нам напоминанием о том, что всем необходимо покаяться (Лк 13: 1-5).

Павел стряхнул змею в огонь. Когда островитяне увидели, что он несколько не пострадал, то пришли к выводу, противоположному их прежнему заключению: “что он Бог” (Деян 28: 5-6). Предположим, что случившееся с Павлом было явным чудом. Но ошибочный вывод жителей острова напоминает нам, что даже в истолковании чудесных событий можно ошибаться. Чудеса не являются подтверждением наших, заранее сделанных выводов. Они служат свидетельством, которое нуждается в тщательном анализе. “Человек греха, сын погибели” способен произвести разительные изменения в природе, но они не будут свидетельствовать обоснованность его стремления выдать себя за Бога (2 Фес: 3-4, 9-12). И пример жителей острова Мелита говорит нам о том, что подлинное чудо можно истолковать ошибочно, использовать в поддержку теологически ложного утверждения.

Из Мелита в Рим

Сотник, сопровождавший Павла и других, провел некоторое время на Мальте, но не дольше того, чем требовали обстоятельства. При первом же удобном случае, представившемся в новый период навигации, он посадил узников на другой корабль и отправился с ними в Рим (Деян 28: 11).

Однако вынужденный срок ожидания составил все-таки три месяца; в течение этого времени Бог по благодати Своей поставил Павла совершать чудеса исцеления, которые не только помогли островитянам, но и послужили своего рода благодарностью за их доброту и расходы, которые они понесли, привечая нежданных гостей. Когда же Павел и его спутники в конце концов отбыли, жители острова снабдили их всем необходимым для дальнейшего путешествия (Деян 28: 10)⁵.

Во время путешествия в Рим Павлу позволили провести семь дней в ПUTEОЛАХ, где он общался с тамошними христианами (Деян 28: 13-14), и, вероятно, участвовал с ними в Вечере Господней, как в Троаде и, скорее всего, в Тире, во время путешествия из Ефеса в Иерусалим (Деян 20: 6-7; 21: 4).

И вот наступил последний этап путешествия. Нам не известно, какие чувства охватили Павла, когда он наконец приблизился к великому городу, где ему предстояло исполнить свою нелегкую миссию и, подвергаясь большому риску, предстать перед самим чудовищем Нероном. Впрочем, можно предположить, каковы были эти чувства. Когда на Аппиевой площади он увидел христиан, вышедших ему навстречу, то он, как сказано в Деяниях, “возблагодарил Бога” и “ободрился” (Деян 28: 15). Великий Павел, чья непоколебимая вера и сила характера вселили храбрость в членов экипажа и пассажиров потерпевшего крушение корабля, вновь, в тяжелый момент своей жизни, обрел отвагу, благодаря общению с братьями-христианами, с которыми до сих пор он не был знаком (Деян 28: 15).

Напутствие Павла главам иудейской общины в Риме

Когда Павел был в Мелите, он пригласил пресвитеров Ефесской церкви приехать и повидаться с ним (Деян 20: 17-38). Отметив, что на них лежит долг хранить и наставлять Церковь, он предостерег от лжепророков и лжеучителей, способных причинить Церкви вред — как извне, так и изнутри. Вскоре по прибытии в Рим он пригласил на встречу глав иудейской общины (Деян 28: 17). Павел признавал и уважал ответственность, которую взяли на себя эти люди, чтобы сохранить иудейскую общину в синагогах города. Они, должно быть, получили сведения о нем от первосвященника и синедриона в Иерусалиме. И в любом случае их не могло не взволновать появление в городе известного ученого и иудейского раввина, ставшего христианином, который собирался изложить суть своего дела перед кесарем. При императоре Клавдии результатом споров между христианами и иудеями в городе стало то, что все иудеи были на время высланы из Рима (Деян 18:). Какую беду принесет иудейской общине христианский проповедник на сей раз?

Павел хотел успокоить их, рассказав о своем понимании происходящего. Главным было следующее: он стремился убедить иудеев в том, что целью его обращения к кесарю ни в коем случае не являлось и не является обвинение еврейского народа (Деян 28: 19). В действительности, Павел никогда бы и не подумал требовать суда у кесаря, если бы его не принудили к тому евреи Иудеи. Они предъявили ему ложное обвинение в преступлениях против народа и против его обычаев, которых он не совершал, и в результате этих действий иудеев апостол был предан в руки римлян. Римляне, с их чувством справедливости и чести, хотели освободить его, так как нашли, что он не повинен ни в одном из преступлений (Деян 28: 18), и это могло бы положить конец всему делу. Но евреи Иудеи не приняли приговора суда, и поэтому апостол для спасения собственной жизни вынужден был требовать суда кесаря.

Тем не менее у него не было намерения выдвигать перед кесарем какие-либо обвинения против евреев. Он собирался предстать перед императором как борец за “надежду Израилеву” (Деян 28: 20), он собирался доказывать, что эта надежда не является изменой и не направлена на свержение правительства, и хотел по возможности вызвать благожелательное отношение кесаря к надежде Израиля.

Это воистину была речь настоящего христианина. Евреи из Иудеи пытались убить его своими руками. Когда это им не удалось, они хотели заставить римлян казнить апостола. И, несмотря на это, по-прежнему оставались “его народом” (Деян 28: 19). Он по-прежнему любил их и, призывая христианских старейшин защищать Церковь, сам собирался сделать все возможное, чтобы защитить свой народ, Израиль.

В действительности к тому времени старейшины иудейской общины в Риме не получили о Павле никаких известий из Иерусалима (Деян 28: 21). Все, о чем им было известно, сводилось к тому, что иудейские общины плохо отзывались о христианской “ереси”, и они были рады возможности прийти и лично послушать разъяснения сторонника этого учения. Итак, Павел назначил им день и время (Деян 28: 22-23).

Последнее предостережение Святого Духа иудаизму

В назначенный день они прибыли во множестве и Павел провел с ними подробную беседу на тему о царствии Божьем, приводя свидетельства “из закона Моисеева и Пророков”, которые были связаны с утверждением Иисуса о том, что он является Мессией Израиля. Некоторых настолько убеждала истинность его слов, что они готовы были уверовать. Другие же совершенно отвергали христианское учение. Уходя, слушатели продолжали спорить — уже между собой (Деян 28: 23-25).

Прежде чем они ушли, Павел серьезно предостерег их, но не от своего собственного имени, а словами Святого

Духа, обращенными через пророка Исаию к древнему Израилю. В мрачные дни израильской истории Бог послал Исаие видение Царя (Ис 6: 5), единственного Царя, Который мог спасти народ от личных грехов и национальной катастрофы.

Бог призвал Исаию отправиться к Израилю и рассказать ему об этом видении. Но, посылая пророка на служение, Бог предупредил Исаию, что его проповедь не принесет народу большой пользы. Ибо когда падшая и грешная природа заставляет людей, не раскаявшихся в гордыне и грешной самонадеянности, подавлять собственную совесть, отвращать разум, закрывать уши и глаза, наступает момент, и тогда даже проповедь Евангелия приводит скорее к ухудшению состояния нравственного здоровья, нежели к полному излечению (Деян 28: 25-27; ср.: Ис 6: 9-10).

Но даже и в этом случае существовало еще одно свидетельство, которое даже для людей, находящихся в подобном положении, было и навсегда останется неизбежным и неоспоримым. Прежде всего, отмечает Павел, нужно осознать, что спасение Божье послано язычникам, “послано” в том смысле, что Божья цель и намерение состояли в даровании его язычникам (Деян 28: 28). Без каких-либо сомнений и противоречий Исаия неоднократно и ясно заявлял, что Бог возвысит Мессию как развевающийся стяг, как свет, как спасение язычникам (Ис 42: 6; 49: 6). Во вторых, пророк говорит, что, когда Бог возвысит Мессию для язычников, те в самом деле будут слушать Его. Уже в то время, когда Павел беседовал со своими еврейскими соотечественниками в Риме, тысячи язычников по всей Римской империи вняли Господу. Гораздо большему их числу еще предстояло это сделать.

Прошедшие века доказали истинность сказанного. Слушая Иисуса Христа, бесчисленные миллионы язычников уверовали в Бога Израиля. Некоторые “природные ветви” отломались из-за неверия. Тогда как великое число язычников вопреки природе оказалось “привито”. Наступит день, когда и природные ветви также будут привиты к своей маслине (Рим 11: 17-24).

На этом Лука заканчивает свое повествование. В его намерение не входило представить полный отчет о зарождении и расцвете христианства, но автор Деяний хотел оставить надежный источник, рассказывающий о том, что представляет собой христианство и что воскресший Господь совершал и продолжает совершать. Исчерпывающее повествование о том, что Он еще совершит, разумеется, не может быть написано. И все же к тому времени, когда Лука отложил перо, несмотря на то, что Павел по-прежнему находился в заключении, благая весть о Царствии Божьем начала неудержимо распространяться, преодолевая сопротивление людей и стихийные бедствия (Деян 28: 31).

Примечания

¹ См. знаменитый очерк J. Smith, THE VOYAGE AND SHIPWRECK OF ST PAUL (London, 1848) [Дж. Смит. Путешествие Св. Павла и кораблекрушение, случившееся во время путешествия]; F. F. Bruce, THE BOOKS OF THE ACTS, New International Commentary on the New Testament (Grand Rapids, MI: Wm B. Eerdmans, 21988), pp. 479-99 [Ф. Ф. Брюс, Книга Деяний святых Апостолов]; C. J. Hemer, THE BOOK OF ACTS IN THE SETTING OF HELLENISTIC HISTORY, Ed. Conrad H. Gempf (Tubingen: J. C. V. Mohr), pp. 132-58 [Дж. Хемер. Книга Деяний святых Апостолов в свете истории эллинизма].

² Стоит обратить внимание на сомнения, овладевшие им даже в Послании к Филиппийцам 1: 18-30 и особенно в предыдущих главах данного раздела (Деян 20: 23-24; 21: 13 — когда он думал, что его, возможно, убьют в Иерусалиме).

³ Например, чудо, описанное в Ин 6: 21.

⁴ С другой стороны, следует уважать дела природы. Если небрежно обращаться с электричеством, можно получить смертельный удар током себе и уничтожить густо населенный дом. Пренебрегая заботой об озоновом слое, можно уничтожить всю планету.

⁵ Болезнь, от которой страдал отец Публия, была, по-видимому, мальтийской лихорадкой, передававшейся через микробы в козьем молоке. В наши дни вовсе не обязательно прибегать к чуду для излечения этой болезни. Для сравнения можно ска-

зять, что отец, помогающий завязывать шнурки двухлетнему мальчику, не станет делать этого, когда тому исполнится шестнадцать.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ХРИСТИАНСТВО ПО СВОЕЙ СУТИ АНТИСЕМИТИЧНЫМ?

Некоторые наши читатели, возможно, почувствуют определенную неловкость из-за того акцента на различиях между христианством и иудаизмом, который делается на протяжении всей книги. Им может показаться, что это идет вразрез с господствующими сегодня взглядами на взаимоотношения между двумя великими религиями. Считается, что столетия непрекращавшихся разговоров о распятии Сына Божия евреями как раз и раздували пресловутый антисемитизм, легший позорным пятном на историю христианства, а в наше время нашедший свое завершение в гитлеровских газовых камерах.

Эти читатели, вероятно, полагают, что после таких массовых истреблений евреев неуместно пытаться обращать их в христианство. Во всяком случае, христиане не должны говорить об иудаизме ничего такого, что могло бы оскорбить память об Освенциме и Дахау.

Но поскольку я несу ответственность за содержание книги, я полагаю, что у меня есть право говорить от первого лица и объяснить, в каком ключе она написана.

Во-первых, мне представляется несправедливым объявлять весь народ древнего Израиля ответственным за смерть Иисуса. Разумеется, мы не можем переписать историю. Еврейские вожди действительно *были* замешаны в организации распятия руками римлян. Иерусалимская толпа до последнего момента благожелательная к Иисусу, позволила, подобно любой другой изменчивой толпе, склонить себя высказаться за Его смерть. Однако многие тысячи евреев, в то время жившие в рассеянии, услышали о распятии спустя много месяцев или даже лет, после того как оно

произошло. Про них никак нельзя сказать, что они несут ответственность за это грязное дело. Более того, Бог через Своих апостолов объявил о том, что, по Его мнению, даже высшее священство, руководившее Израилем, и иерусалимская толпа совершили этот поступок по неведению (Деян 3: 17), и потому им было предложено прощение через покаяние.

Во-вторых, я верю, как и каждый истинный христианин, в то, что когда Иисус умер, Он умер и за мои грехи. Руководители еврейского народа и толпа в своей враждебности, сами того не подозревая, были исполнителями Божьего замысла, заключавшегося в том, что Сын Божий должен был умереть за грехи мира (Деян 2: 23; 3: 17-18). Я смиренно благодарю Господа за то, что могу сказать:

“Он грехи наши Сам вознес Телом Своим на древо...”

(1 Пет 2: 24)

и

“...в Котором мы имеем искупление Кровию Его, прощение грехов...”

(Еф 1: 7),

а также знать, что отпущение грехов и спасение предоставлены на этих условиях всем, евреям и язычникам, без различия (Рим 3: 22-24). Я и не подумаю обвинять какого-либо еврея в смерти Иисуса Христа, разве что в том смысле, что и мои грехи, как и его, были причиной смерти Мессии. Но, с другой стороны, я верю, что любому человеку на земле не дано никакого другого основания для прощения и примирения с Богом, кроме как смерть Иисуса. Следовательно, я должен утверждать и утверждаю, что отвержение евреем жертвы и спасения Христа несет в себе такие же мрачные и вечные последствия, как и отвержение Христа язычником.

В-третьих, я всем сердцем поддерживаю восклицание Господа, что Он “не отверг... народа Своего, который Он наперед знал” (то есть народ Израиля (Рим 11: 2)). Некогда “весь Израиль” (то есть весь еврейский народ) будет спасен (Рим 11: 26). Божьи дары и Его призвание непреложны (Рим

11: 29). Народу, который Он некогда призвал и которому предназначил особую роль в мире, будет снова придана особая роль в глазах Бога. Он получит ее не вследствие определенного права. Нельзя также сказать, что он уже обладает этой прекрасной ролью. Надо, чтобы народ покаяться и примирился с Божьим сыном, своим Мессией, и это произойдет. Вместе с профессором С. Е. Б. Кренфилдом и многими другими христианами я порицаю “порочное и не основанное на Писании представление о том, будто Бог просто отверг народ Свой Израиль, поставив на его место Христианскую Церковь”¹, и сожалею о том, что многие направления в христианстве на протяжении веков и вплоть до нашего времени находятся во власти высокомерия, о котором нас, христиан других национальностей, предостерегал Павел. Он говорил, что мы не должны думать, что у Израиля нет будущего как такового (Рим 11: 18, 20, 25).

Однако мне кажется, что, если мы действительно покаемся в неверном отношении к иудаизму в прошлом, мы должны задать серьезный вопрос — что же привело к появлению этого порочного отношения?

Моя бывшая коллега, профессор Е. Мери Смолвуд в своей инаугурационной лекции, с метким, но прискорбным названием “От защиты язычников к притеснениям христиан” дает следующее объяснение. Указав на то, что все римские языческие правители, начиная с Юлия Цезаря, издавали или подтверждали специальные законы в защиту евреев, она продолжает:

“Обращение Константина в христианство в 312 г. н.э. неизбежно означало изменение отношения официального Рима к иудаизму. Церковь и государство почти за одну ночь превратились из непримиримых врагов в союзников. В отличие от языческого Рима, Церковь вела с иудаизмом теологический спор, теперь же она приобретала политическое влияние. Дочь иудаизма всю свою жизнь была на ножах со своим отцом, однако до сих пор ее единственным оружием было слово проповеди и трактатов. Теперь же в ее руках оказалось оружие законодательства, которым она могла воспользоваться”².

И далее:

“То, что началось при Константине как попытка защитить христианство от иудаизма, не в ущерб обеспечению религиозных прав самих иудеев, привело во времена Юстиниана к серьезным гонениям иудаизма со стороны правительства, осуществлявшихся от имени христианства”³.

Таким образом, беда пришла, когда церковь объединилась с государством. Разумеется, во времена Ветхого Завета, когда Израиль был теократическим государством и цари его были “богопомазанниками”, Бог повелевал духовным властям использовать гражданскую власть для того, чтобы наказывать, а, если нужно, то и казнить идолопоклонников и вероотступников (Втор 13: 12-18; 17: 2-7). Даже во времена Нового Завета, когда иудеи Иерусалима утратили политическую власть, они, как сообщает Лука (Деян 12: 1-3), возликовали, узнав, что один из царей из династии Иродов использовал свою гражданскую власть для преследования новой Церкви.

Однако ожидалось, что христианство будет отлично от иудаизма. Христиане были подданными Царя, Царство Которого не от мира сего, Который запретил Своим ученикам обнажать меч как для распространения, так и для защиты Евангелия (Ин 18: 36-37; Мф 26: 52; 2 Кор 10: 4). Ожидалось, что никто не будет становиться христианином под угрозой гражданского наказания или подвергаться дискриминации или преследованиям за то, что он не является христианином. Поэтому настоящим бедствием стала порочная ориентация христианского мира на сакральный тип государства, каким когда-то был древний Израиль. При этом полагалось, что христианский мир является прямым наследником земного Израиля, а значит, у него есть право и даже данная Богом обязанность, подобно Израилю, использовать гражданскую власть для преследования и уничтожения еретиков, вероотступников и неверующих. От этого порочного подражания иудаизму и пошла политическая дискриминация, осуществлявшаяся от имени христианства, крестовые походы неверных, инквизиция и уничтожение еретиков, реки крови и слез во имя Иисуса.

Если наше исследование о различиях между христи-

анством и иудаизмом на основе текста Деяний поможет нам и дальше избегать прежних ошибок, значит, мы потрудились не зря⁴.

Примечания

¹ С. Е. В. Cranfield, A CRITICAL AND EXEGETICAL COMMENTARY ON THE EPISTLE TO THE ROMANS, vol. 2 (Edinburgh: T. & T. Clark, 1979), pp. 448 [С. Е. В. Кренфилд. Критический и экзегетический комментарий Послания к Римлянам].

² E. Mary Smallwood, FROM PAGAN PROTECTION TO CHRISTIAN OPPRESSION (The Queen's University of Belfast, 1979), p. 7 [Е. Мери Смолвуд. От защиты язычников к притеснениям христиан].

³ Ibid., p. 24.

⁴ См. об этом также: Menachem Benhayim, JEWS, GENTILES AND THE NEW TESTAMENT SCRIPTURES: A STUDY OF THE CHARGES OF ALLEGED ANTI-SEMITISM IN THE NEW TESTAMENT (Jerusalem: Yanetz, 1985) [Менахем Бенхаим. Евреи, язычники и Новый Завет: (Анализ обвинений в антисемитизме, которые, якобы имеются в Новом Завете)].

ПРИЛОЖЕНИЕ II

*ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ДЕЯНИЯ СВЯТЫХ
АПОСТОЛОВ НЕ ТОЛЬКО
КОМПОЗИЦИОННО ПРОДУМАННЫМ
ЛИТЕРАТУРНЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЕМ,
НО И НАДЕЖНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ
ИСТОЧНИКОМ?*

Почему бы и нет? Данное исследование, во всяком случае, основывается на твердом убеждении, что Деяния являются таким источником. Правда, мы нигде не пытались доказывать историчность Деяний. Об их историчности подробно говорили другие исследователи. Пожалуй, никто не справился с этой задачей лучше покойного С. Дж. Хемера в монографии, на которую много ссылок в настоящей работе: “Книга деяний святых Апостолов в свете истории эллинизма” [С. J. Hemer, *THE BOOK OF ACTS IN THE SETTING OF HELLENISTIC HISTORY*, ED. Conrad H. Gempf (Tübingen: J. C. Mohr, 1989)]. В ней даны обширные ссылки на изыскания других ученых, работавших или продолжавших работать в данной области, вместе с подробным обсуждением доводов, представляющих противоположную точку зрения. Поэтому в данной работе мы не сочли необходимым повторять заново все многочисленные и подробные доводы других исследователей в пользу историчности Деяний. Историчность подразумевалась и была фундаментом, на основании которого мы перешли к следующему вопросу и стали исследовать материал, отобранный Лукой для включения в свое повествование, изучать, каким образом автор Деяний объединил этот материал, в каком направлении начинает мыслить читатель, благодаря такой организации материала, а также что дает нам использованный материал для понимания важнейших

вопросов, затрагиваемых в книге. Однако если Лука, как мы предположили ранее, разбил свое повествование на шесть разделов, выбрал и расположил материал в каждом из этих разделов так, что он посвящен, по крайней мере, одной из важнейших тем, разве это не означает, что такая разбивка тем самым лишила повествование строгой историчности?

Разумеется, нет. Почему? Когда я пишу эти строки, передо мной лежит историческая монография профессора А. Дж. П. Тейлора, озаглавленная “Борьба за власть в Европе” в 1848-1918 гг. [A. J. P. Taylor, THE STRUGGLE FOR MASTERY IN EUROPE 1848-1918 (Oxford: Clarendon Press, 1954, repr. 1969)]. Монография разбита на двадцать три раздела, в самом исследовании они названы не разделами, как мы называли часть Деяний, а главами. Никто, я полагаю, не осмелится назвать монографию профессора Тейлора ненадежным источником на том основании, что он разбил свое повествование на главы!

Более того, хотя его изложение исторических событий сохраняет их хронологическую последовательность, отдельные главы освещают неравные временные периоды: одни охватывают три, четыре или пять лет, другие — всего лишь год. Таким образом, на первый взгляд, деление представляется весьма произвольным. Далее. Дробление истории на неравные временные промежутки задумано так, чтобы содержание каждой главы соответствовало какой-то теме. Например, первая глава охватывает только один год (1848) и названа согласно теме: “Дипломатия революции”. Глава вторая включает события двух лет (1849-50) и посвящена теме “Дипломатия реакции” (оба последовательных заглавия оказываются симметричными друг другу). Глава семнадцатая охватывает четыре года (1899-1902) и раскрывает тему “Эра мировой политики”.

Далеко не все современные историки согласятся с отбором фактического материала и их интерпретацией, которые даны в книге профессора Тейлора. Но какой здравомыслящий человек может утверждать, что монография профессора Тейлора не является серьезным историческим

трудом, на том основании, что он не включил в нее каждое событие, произошедшее в Европе в период между 1848 и 1918 гг., а также потому, что он разбил отобранные им события на определенные группы, так как они, с его точки зрения, образуют тематическое единство? Если монографии профессора Тейлора нельзя отказать в праве называться надежным историческим источником, то почему можно отказывать в этом же Луке только на том основании, что он разбил свое повествование на разделы, а затем скомпоновал содержание каждого раздела таким образом, чтобы оно соответствовало общей теме? Если уж сравнивать их по этому признаку, то — пусть профессор Тейлор простит меня за эти слова — сочинение Луки представляется мне даже более надежным источником, так как его собственный комментарий к описываемым событиям минимален. Он даже не дает заголовков своим разделам. Что же касается необходимых элементов комментария, включенного в текст Деяний, то на это автор был вдохновлен Святым Духом.

Однако Лука не просто разбил свое повествование на разделы, не просто наполнил каждый раздел тщательно отобранным материалом, относящимся, преимущественно к какой-то одной теме. Он расположил материал каждого раздела в симметричном порядке. По крайней мере мы смогли усмотреть этот порядок в результате нашего анализа. Кто-то может сказать, что именно это и доказывает, что его изложение не может быть исторически точным — ведь нельзя же насильно вместиť реальные события в прокрустово ложе литературной симметрии, не внося искажений.

Что ж, конечно, нельзя, если под “реальными событиями” понимать описание всего, что каждый из участников этих событий говорил, делал, чувствовал, а также все происходившее в течение определенного промежутка времени. Однако, насколько мне известно, еще никто не пытался писать историю такого рода, на это способен только Бог.

Теперь представим себе, что некий историк решил

написать краткую монографию о Второй мировой войне, разбив повествование на пять частей:

1. Причины, приведшие к началу войны.
2. Период превосходства держав Оси.
3. Поворотный пункт.
4. Период превосходства союзников.
5. Прекращение боевых действий и ближайшие последствия войны.

Такая монография будет иметь симметричную форму. Однако отсюда не следует, что историк наложил произвольную симметричную структуру на события войны. Эта структура отражала бы структуру самого хода событий, так что ему не пришлось бы исказить факты истории, чтобы добиться соответствия отобранных событий симметричной модели.

Так же обстояло дело и с Лукой. Два главных путешествия, одно из которых описано в первой, а другое — в последней главе шестого Раздела, создают очевидную симметрию. Однако Лука не выдумывал ни одного из этих путешествий, чтобы построить эту симметричную структуру. Павел не мог попасть из Ефеса в Иерусалим, не проделав долгого путешествия. То же самое можно сказать и о путешествии из Кесарии в Рим¹.

Предположим, что Лука очень избирателен в том, какие события регистрирует. Однако он нигде и не говорит, что пишет исчерпывающий отчет о возникновении и распространении христианства, и мы не можем критиковать его за то, чего он не собирался делать. Беда в том, что многие полагают, еще не начав читать Деяния, что Лука как раз намеревался написать исчерпывающую историю распространения христианства, и оценивают его работу, исходя из этой посылки. Мы же должны подходить к Деяниям непредвзято и по излагаемому им материалу, и по соотношению между частями его повествования попробовать представить себе те события, которые он хотел донести до своих читателей.

Или рассмотрим, к примеру, как первое и последнее Действия пятого Раздела взаимно уравнивают друг друга. В обоих Действиях подробно рассказывается о Свя-

том Духе, в первом — о Его водительстве, в последнем — о Его принятии. В обоих подробно рассказано об одержимых бесами, в первом — об изгнании беса Павлом, в последнем — о попытке изгнания злого Духа некими странствующими еврейскими прорицателями. Здесь мы наглядно можем увидеть технику, используемую Лукой для создания симметричной структуры. Как раз перед этим эпизодом со странствующими евреями он рассказывает о том, что благодаря проповеди Павла в Ефесе многие духи зла покидали жертвы (Деян 19: 12). Но он не приводит ни одного подробного описания изгнания беса Павлом. В чем здесь причина? В первом Действии он уже достаточно подробно описал успешное изгнание апостолом злого Духа (Деян 16: 16-18) и к каким результатам это привело. В последнем же Действии Лука решил дать обстоятельное описание безуспешной попытки изгнания беса, совершенной еврейскими прорицателями, а также последствий, к которым эта попытка привела. Общность темы при разительном различии сюжетов дает определенное представление о создаваемой таким образом композиционной симметрии.

Таким образом, нельзя отрицать, что в процессе создания симметричной структуры Лука действует очень избирательно, решая, что сохранить для подробного описания, а что упомянуть только в общем виде. Нет никакого смысла отрицать этот факт, так как он не ставит под сомнение историчность подробно описываемых им эпизодов. Лука сохраняет последовательность событий во времени (как, впрочем, и профессор Тейлор). Но вместе с тем, подобно ювелиру, составляющему ожерелье из камней разных цветов и размеров, он отбирает из этой временной последовательности те события, которые образуют рациональную симметричную структуру. Какие же основания для сомнений в историчности повествования можно здесь усмотреть?

Предположим, автор Деяний избрал бы другой метод. Вместо того, чтобы следовать хронологической последовательности, он предпочел бы представить свое повествование в виде обсуждения некоей темы. В таком случае разделы его работы начинались бы со вступлений типа: “В

данной главе я предполагаю рассмотреть ряд эпизодов, показывающих отношение апостолов к спиритизму и изгнанию злого духа в противовес языческому отношению к спиритизму и его методам изгнания злого духа". В такой главе описывалось бы как успешное изгнание бесов Павлом из прорицательницы в Филиппах, так и безуспешная попытка изгнания злого духа странствующими евреями в Ефесе. Тогда бы никто, я полагаю, не назвал бы этих два сюжета неисторичными на том основании, что Лука отобрал их из массы других эпизодов, чтобы поместить в одной главе. Почему же первый метод, который Лука и использовал, возбуждает сомнения в историчности этих двух эпизодов, тогда как второй их не вызывает?

Допустим, кто-то питает оправданное, как ему кажется, предубеждение против любых структур, в особенности симметричных, в таких повествованиях, как Деяния святых Апостолов, ибо они слишком уж ограничивают свободу интерпретации. Приведем лишь один пример. Почему мы должны, как говорят такие критики, считать первые шесть стихов Действия 6, относящихся к Стефану, последней частью тщательно продуманной симметричной структуры, охватывающей фрагмент Деян 1: 1-6: 7 (как предлагает автор настоящей книги)? Почему нельзя связать эти стихи (Деян 6: 1-6) с началом проповеди Стефана, о которой говорится в Деян 6: 8 и последующих стихах? Ответ таков: не может быть ни малейшего основания для запрета воспринимать фрагмент Деян 6: 1-6 как начало проповеди Стефана. Авторское деление потока событий на определенные разделы не отменяет того факта, что все эти события являются составной частью исторического континуума. Деян 6: 1-6 повествуют о некоем историческом эпизоде. Тот факт, что сам Лука рассматривает этот эпизод как заключительный отрывок Первого Раздела, не упраздняет одной черты, присутствующей всем подлинным историческим событиям, а именно: при рассмотрении события читатель волен приходить к любому в принципе возможному заключению, если оно не вступает в противоречие с главной целью, побудившей автора это событие зарегистрировать.

Когда путешественник после многих безуспешных попыток наконец находит свободный номер в гостинице, проехав восемнадцать утомительных часов по незнакомому шоссе, это событие может показаться ему настолько важным, что он занесет его в свой дневник в качестве последнего эпизода изнурительного дня. На следующий же день он, возможно, даже не упомянет о том, что выехал из этой гостиницы, поскольку новый факт не кажется ему столь же значительным в сравнении с поисками гостиницы накануне. Однако ничто не препятствует читателю дневника прийти к верному заключению, что путешественник все-таки покинул гостиницу, и увидеть в факте нечто существенное для продолжения описываемого в дневнике путешествия².

Упомянем еще об одной отличительной черте повествования Луки. В своем изложении мы сосредоточили внимание на главных структурных особенностях книги, на разбивке материала на шесть Разделов и на его симметричном расположении в каждом из разделов. Сделано это, в частности, потому, что такая структура определяет смысловое содержание данного повествования. Но главная причина — в том, что мы должны читать Деяния во всех подробностях, стих за стихом как связный рассказ. Мы мало говорили о структурах другого рода. Но, разумеется, они тоже существуют. В такой большой работе, как Деяния, по-видимому, нельзя не подчинить изложение мыслей и событий определенным моделям (patterns). Сравнительное изучение этих моделей может быть весьма плодотворным и поучительным.

Так, например, в Деяниях говорится о трех побегах из тюрьмы:

Часть 1: Ангел чудесным образом освобождает двенадцать апостолов из тюрьмы (Деян 5: 17-32)

Часть 3: Ангел чудесным образом освобождает из тюрьмы Петра (Деян 12: 5-10)

Часть 5: Землетрясение открывает двери темницы, в которой содержатся Павел и Сила, и освобождает их от цепей (Деян 16: 25-28)³.

В качестве метода исследования содержания книги в целом изучение такой последовательности может быть

чрезвычайно полезным. В этом случае становится возможным дифференцированный подход, в результате приложения которого устанавливается сначала сходство между тремя сюжетами, затем — что более существенно — важные различия между ними, и, наконец, способ, которым все эти эпизоды интегрированы в контекст всего Раздела.

Подобные модели не обязательно лежат в основе всей книги, хотя, разумеется, они не вступают в противоречие с ней. Структура и модель — две разные вещи, что можно понять из того факта, что элементы какой-то модели не обязательно созвучны основным структурным элементам книги. Возьмем, к примеру, самый показательный образец модели в Деяниях, из которого можно сделать самые разнообразные выводы: хорошо продуманное равновесие, которое поддерживает Лука в описаниях деятельности апостолов Петра и Павла.

Если условно разделить книгу на две части (главы 1-12 и 13-28), по три Раздела в каждой, то, в целом, можно сказать, что первая половина посвящена преимущественно Петру, а вторая — Павлу. Есть, однако, и исключения. Петр редко фигурирует во второй части, которая посвящена Стефану, Филиппу и Савлу (Павлу). Петру посвящены здесь только одиннадцать стихов (Деян 8: 14-24), и даже меньше, если считать только прямые упоминания. Однако в четвертом Разделе, где речь идет об Иерусалимском соборе, безусловно, Петр и Яков доминируют (Деян 15: 6-29).

И опять же интересно и поучительно отметить, что Петр исцеляет хромого (Деян 3: 1-10), упрекает лжепророка (Деян 8: 18-24), воскрешает мертвого (Деян 9: 37-41) и освобождается из тюрьмы (Деян 12: 5-10). Павел тоже исцеляет хромого (Деян 14: 8-10), упрекает лжепророка (Деян 13: 8-12), воскрешает мертвого (Деян 20: 8-12) и освобождается из тюрьмы (Деян 16: 25-28). Однако если составить план отрывков, которые содержат эти совпадения, мы увидим следующее:

Петр исцеляет хромого (глава 3)	Раздел 1	Павел исцеляет хромого(глава 14)	Раздел 4
Петр защищается	Раздел 1	Петр защищается	Раздел 6

перед синедрионом (главы 4 и 5)		перед синедрионом (глава 23)	
Петр упрекает лжепророка (глава 8)	Раздел 2	Павел упрекает лжепророка (глава 13)	Раздел 4
Петр воскрешает мертвого (глава 9)	Раздел 3	Павел воскрешает мертвого (глава 20)	Раздел 6
Петр освобождает из тюрьмы (главы 5 и 20)	Разделы 1 и 3	Павел освобождает из тюрьмы (глава 16)	Раздел 5

Из приведенного выше материала становится ясным, что структура и симметричное расположение материала в рамках каждого Раздела — не то же самое, что эти разнообразные модели. Все они важны и значимы, не исключают, а дополняют друг друга. Наше понимание текста значительно обогатится, если мы не будем их смешивать, но увидим особую функцию каждого в своеобразной, богато украшенной ткани повествования Луки.

Своего рода вознаграждением за долгий труд исследования Деяний святых апостолов, который проделали со мной читатели, может служить один очень простой, но удивительный пример ряда соответствий между двумя половинами евангельского текста, который поможет нам подвести итоги анализа его основной идеи.

Сначала рассмотрим таблицу некоторых соответствий между Разделами.

Раздел 1
Господу Иисусу, Сыну царя Давида, предназначено воссесть на троне Давида (Деян 2: 29-35).

“Ибо Ты... не дашь Святому Твоему увидеть тления... не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления” (Деян 2: 27, 31).

Раздел 4
Господь Иисус, Сын царя Давида поставлен Спасителем (Деян 13: 22-26).

“А что воскресил [Бог] Его [Иисуса] из мертвых, так что Он уже не обратится в тление, *о сем* сказал так: “Я дам вам милости, *обещанные* Давиду, верно”. Посе-

завершается первая половина упоминанием о смертном и грешном Царе, который, претендуя на почести, воздаваемые Богу, закончил свою жизнь самым гнусным и унижительным образом.

В конце шестого Раздела мы узнаем, что Павел обратился к знатым иудеям Рима с проповедью о царствовании Бога и попытался утвердить их в вере в Иисуса, опираясь на закон Моисея и пророков. Однако многие не поверили апостолу. Поэтому Павел привел грозное предостережение, сделанное Богом через Исаию о том, что неверие Израиля в конце концов ослепит его, огрубит сердца иудеев и сделает их спасение невозможным. Таким образом, вторая половина Деяний начинается с повторного упоминания о Царе, Который не увидел тления, Которому предопределено никогда больше не умереть и Который вознесен Богом как Спаситель Израиля. Заканчивается же вторая половина Деяний словами Бога, сказанными Исаии в тот момент, когда Исаия увидел Царя, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и слава Его заполняла Храм — Царя, Чью славу столь многие в Израиле, увы, так никогда и не увидели (Ис 6: 1-10; Деян 28: 23-28).

Примечания

¹ См. также обсуждение явных повторов в Разделе 1.

² Более подробное обсуждение взаимосвязи литературных приемов Луки и историчности Деяний приведено см. в: I. Howard Marshall, *THE PRESENT STATE OF LUCAN STUDIES*, *Themelios* 14, 2 (1989), pp. 52-7 [И. Говард Маршалл. Современное состояние изучения текстов Луки]; *LUKE: HISTORIAN AND THEOLOGIAN* (Exeter: Paternoster Press, 1970) [Лука как историк и богослов]; C. J. Hemer, *THE BOOK OF ACTS IN THE SETTING OF HELLENISTIC HISTORY*, ED. Conrad H. Gempf (Tübingen: J. C. B. Mohr, 1989), ch. 1 *ACTS AND HISTORICITY* [С. Дж. Хемер. Деяния святых Апостолов в свете истории эллинизма. Гл 1 “Историчность Деяний”]; D. Gooding, *ACCORDING TO LUKE* (Leicester: IVP, 1987) [Д. Гудинг. Евангелие от Луки], pp. 357-62.

³ Данным замечанием, наряду со многими другими весьма полезными соображениями, я обязан доктору Мэтью Р.С.

УКАЗАТЕЛЬ К КНИГЕ ДЕВИДА ГУДИНГА
“ВЕРНЫЕ ВЕРЕ”

- Авраам 108, 109, 110, 113, 159-164, 179-185, 189, 195, 204,
218, 221, 226, 280, 302, 304, 306, 334, 454
Дети рода Авраамова 302, 304
Народ от Авраамова семени 304
- Агав 508, 510
- Агриппа, см. Ирод Агриппа
- Акила 358, 447, 452, 456, 457
- Александрия 212, 443, 457, 573
- Амос 179, 187, 334, 336
- Анна 122, 207
- Анания из Дамаска 159, 220, 222, 223, 224-228п
- Анания и Сапфира 39-41п, 135-136, 138-143, 151
- Антиномизм 302, 304, 317
- Антиохия Писидийская
и иудеи 18, 212, 315, 316, 318
и Павел 291, 295, 297, 302-317, 318-320, 331-333, 345,
348
- Антиохия Сирийская 218, 234, 295
и евангелизация язычников 269
и Павел 291, 297, 320, 328, 339, 340, 456, 521, 544
и церковь 235, 273, 277, 291, 292, 297, 320, 342
- Антисемитизм 113, 144, 145, 260, 449, 456, 591-595
- Аполлос 361, 447, 457, 458
- Апостолы
и Иерусалимский Собор 324, 328, 331-333
проповедь евреям 268
Свидетельство 25, 36-38, 39 65, 69-70, 76-78, 79, 140,
268
и Святой Дух 25, 40, 45, 47, 51, 52, 75
и Синедрион 21, 25, 37, 124, 125, 126-130, 132, 144-
148
и тема проповеди 43, 117, 524

- и чудеса 100, 107, 108, 128, 130, 133, 143
- Ареопаг 22, 26, 352-354, 358, 359, 362к, 400, 401, 415, 422, 428, 429, 441 442л
- Ахаия 361, 374, 376
- Ангелы 283, 239, 241
 - отрицание 14, 537
 - вестники 44
- Апология 302, 304, 31-320, 324, 325-327, 333, 338, 475, 514, 568
- Афины
 - Павел в Афинах 13-14, 22, 29, 351, 352, 361, 398, 400, 414, 415, 424-441, 457
 - афиняне 14, 351, 352, 361, 399, 400, 414, 415, 424-442, 457
 - и религии 14-16
- Бар-Кохба 405, 411, 412л
- Боговоплощение 14, 22п, 48
- Богохульство 467
 - обвинение против Стефана 168-170, 174-176, 178, 182
 - и Павла 563-565
 - наказание 275-276
- Ваал 220, 221, 433
- Вавилонское пленение 160, 180, 198, 207, 276, 336
- Варавва 89, 111, 112, 118
- Варнава(см. также Иосия) 138-139
 - в Антиохии 269, 270, 291, 338, 339, 340, 341
 - с Павлом 280, 291, 293-302, 317-324, 328, 334, 339-342, 351, 378
- Вереника 481, 557, 569
- Верия 18, 351, 360, 390, 411, 412, 414, 476, 544
- Вифиния 374, 379
- Возложение рук 204, 223, 224, 328
- Вознесение 15, 36, 41, 44, 48, 59, 60, 154п, 194п, 170, 174, 204, 380, 409, 522
- Второзаконие 110, 198, 206-207, 275-276, 303-305, 330
- Воскресение
 - всеобщее 243-244, 262, 311, 312, 335, 482-448, 547-

- 550, 562, 564
и естественная смерть 91, 92, 93, 380, 408
отрицаемое 13, 14, 91, 118, 119, 147, 442, 484, 537,
547
и саддукеи 126, 147, 537, 547
- Воскресение Иисуса
в проповеди апостолов 13-14, 21-23, 93, 95, 147, 148,
261, 308, 312, 335, 352, 405, 407, 408, 409, 414, 424-
425, 427-429, 482-484, 524, 340
божественное действие 65-67, 173-174
в пророчествах 92, 93, 97, 98, 204, 216, 404, 405, 482-
484
свидетельство 36-37, 69-70, 91-92, 93-95
- Воскресение. Образы воскресения 41-42, 45, 47, 49, 62-64,
261, 308
- Галатия 374, 455
- Галилея 24, 226, 308
- Галлион 359, 360, 361, 367, 454, 455, 544
- Гамалиил 116, 146, 148, 524, 530, 537
- Гаризим 157, 196, 128, 202, 203, 204-208, 209п
- Гиркан, Иоанн 194, 201
- Голгофа 43, 48, 74, 76, 93, 172, 175, 177, 221, 394-395, 514
- Греки
и проповедь Павла 501
религиозные поверья 13, 14, 15, 408-410
и Храм 482, 513, 516, 541, 548
- Греция 16, 474, 497
- Димитрий из Ефеса 494, 496, 499, 500, 503, 505
- Давид 201, 202, 276, 306-307, 311, 315, 333-335, 344-346п,
604
и Голиаф 72, 305
как пророк 72-75, 76, 79, 80, 82-84, 179, 202, 310-311
и Храм 180, 184, 201
- Дамаск 220
и Павел 218, 221-225, 226, 228, 530, 531, 537, 563
- День Господний 81-85, 97, 98, 143
- Дервия 1291, 317, -318, 379
- Диаспора 218, 524

- Евангелие от Иоанна 173-174, 225, 320, 462-463, 475, 586п
Евтих 498-499
Египет 50, 111, 166, 179, 181-189, 303, 331, 573
Елима 300, 301
Еней 241-243
Ефес 18, 28, 351, 355, 357, 361
 церковь 357, 463, 464, 491, 582
Павел 372, 406, 454-469, 471, 479-480, 484, 491-503, 512, 578,
 582, 599-601
Жертвоприношение 172, 175, 177, 186, 190, -193, 195п, 198,
 218, 514, 515, 516, 519, 520, 522
 как плата за грех 175, 177, 192, 193, 435
Закон Моисеев 196-198, 290, 302, 303, 313, 314, 324, 325,
 367, 516, 517, 583, 605
Закон о Назореях 511п, 515, 518, 520
Законы о питании, иудейские
 и Израиль 246-248, 284-285, 335-336, 514
 отменены 245-246, 247, 249, 251-253, 254, 272-273,
 280, 281-283, 343, 478, 525
 и язычники 246, 247, 249, 253-254, 478
Зевс 21, 219, 317, 420, 422, 433
Земля Мадиамская 178, 187, 189
Иаков 108, 162, 179, 184, 185, 226, 442п, 454
Иаков, сын Зеведея 21, 27, 199, 273, 277-278, 339, 516
 на иерусалимском соборе 333-335, 345п, 346п
Иасон 358, 407
Идолопоклонство 216-217, 317-318, 352, 432-435, 446, 513
 в Ефесе 493, 496
 Израиля 160-161, 187, 275, 305, 432
 самарян 198
 язычников 109, 161-162, 218-220, 450-452
Иерихон 304, 526
Иерусалим 41, 85, 201, 203, 204, 209п, 218
 и апостолы 27, 38, 46, 50, 52, 201-207, 223, 268, 291,
 292
 и иудеи 14, 18, 268-269, 270, 508, 509, 593-595
 и Иисус 201, 306, 460, 522-523
 и Павел 219, 220, 226, 322, 323, 327, 454, 474, 475,

- 480, 482, 484, 508-540, 543, 550, 552, 553, 556, 559, 564, 582, 586п
и Петр 234, 237, 239
разрушение Храма 189, 523
и ученики 40, 41п, 119, 151, 509
и христианская община 100, 118, 120п, 143, 151, 278
- Иерусалимский собор 327-339, 602
- Иерусалимская церковь 268-270, 273, 342
благотворительный фонд 138
вероучение 297, 342
преследование 237, 239, 273
- Иессей 306, 403, 446
- Изгнание злых духов 355-356, 360, 361, 383-384, 386, 391, 460, 464-466, 467, 469, 601
- Израиль
и Евангелие 259
и жертвоприношение 475
и законы о питании 247-252, 281, 283, 335-337, 515
и идолопоклонство 159-160, 187, 275, 304, 432
избранник Божий 179-182, 185, 263-265, 276-277, 303, 305, 334, 438, 446, 452, 453-454, 513-515, 559, 583, 593
и Мессия 106, 108, 110, 112, 114, 195п, 306, 307, 308, 309, 311, 402, 404, 406, 446, 448, 453, 459, 460, 494, 530-532, 559-560, 562, 583, 585, 605-607
и обрезание 346п
праздники 50, 52, 466
и Храм 167, 173-174, 175-176, 178, 430-433, 514-515, 536, 532
и христианство 158, 277-279
- Икония 291, 317, 318, 320, 338
- Илия 11, 142
- Иоанн, сын Зеведеев 25, 37, 48, 103-104, 108, 116, 118, 122-123, 125-126, 141, 199, 279, 490п
- Иоанн Креститель
крещение 48-49, 259, 263-265, 356, 361, 459-464
служение 48, 49, 100, 307
ученики 28, 355
- Иоиль 48, 52, 83-84, 85, 106,

- Иосия(см.также Варнава) 38, 138-139
Иосиф(из Ветхого Завета) 180, 187, 189
Ирод Агриппа I 234, 235, 237, 276, 279, 283-284
 казнь Иакова 273-274, 278
 смерть 235, 283, 285
 тюремное заключение Петра 273, 276, 279, 605
Ирод Агриппа II 480, 482-483, 553, 556, 557, 558, 562-569,
 605
Ирод Антипа 88, 133, 260, 279, 309
Ирод Великий 181, 276
Исаак 108, 162, 180, 226, 452
Исайя 102п, 106, 108, 110, 112, 129, 144, 158, 163, 179, 180,
 182, 210-216, 311, 315, 335, 432, 504, 530, 583, 585, 605,
 607
Исцеление
 Павлом 315, 582, 602-604
 Петром 104, 108, 110, 127, 129, 151, 242, 264-265, 525,
 527
Иудаизм 20-23, 25, 27, 29, 75, 108, 122, 150, 166, 180, 208,
 218п, 271, 275, 279, 315, 356-357, 368, 371, 435, 465,
 523, 557
 и мессианство Иисуса 25, 76-78, 163-165, 353, 398-
 399, 449, 450, 452, 454, 457, 458, 591-593
 Мессия 402, 404, 409-411, 560-563
 монотеизм 128-129, 167, 210-212, 218-220, 436
 обращенные из язычников 212, 214
 разрыв с христианством 25, 27, 116, 122-124, 158,
 160, 168, 189-193, 193, 195п, 216, 218, 232, 234, 253,
 274-275, 276, 278, 290, 291, 352, 440, 445-447, 455, 481-
 482, 591, 592, 594
 самаряне 198-201
 видетельство язычникам 158-160, 214, 216
Иуда Искарот 40, 41, 68-71, 73-76, 135, 138, 139, 151
Иудеи
 в Вери 18, 141, 413
 в Дамаске 220, 226, 530
 в Иерусалиме 14, 16, 261-263, 265, 508, 509, 592-594
 обращенные в христианство 356-357, 411-413, 447,

- 515, 516, 519, 520, 522, 525
 и распятие 260-261, 263, 265, 591
 в Риме 19, 151, 353, 406, 447, 582, 583, 585, 605
 и Самаряне 157, 194-203, 204-206, 207-209п
 спасение от иудеев 201, 2063, 205
 в Фессалониках 18, 29, 149-150, 352, 353, 398, 399,
 404-406, 407, 408, 409-413, 552, 554
- Иудея 23, 149, 166, 199, 202, 218, 235, 269, 279, 291, 322, 325,
 339, 406, 544, 552, 583
 и иудеи 150, 274, 275, 406, 583
 и христиане 235-236, 273-274, 346п
 и церковь 226
- Каиафа 122, 207
- Кесария
 Павел в узак 484, 491, 541, 543, 549, 552, 557
 посещения Павлом 453, 480, 482, 499, 508, 509, 538п,
 599
 посещение Петром 234
- Кипр 268, 298
 и Варнава 138-139, 291
- Клавдий 274, 276, 410, 453
 изгнание евреев из Рима 17, 447, 583
- Коринф 212, 216, 357, 445
 евреи 18, 443, 445, 447, 449, 451-459
 и Павел 351, 361, 367, 448-459, 544
- Колоссы 394, 464
- Корнилий 212, 236-238, 351, 372
 и Петр 25, 44, 203, 234, 238, 240, 245, 253-260, 263,
 268, 280, 327
- Крещение 99, 100, 263, 321п, 325, 329
 Духом Святым 47-50, 263-266, 283-284
 Иоанном 47-50, 260, 263
 насильственное 278
- Кумран 168, 198, 524
- Лидда 234, 242
- Лидия из Фиатир 1212, 358, 360, 372-376, 391, 448
- Лисий 480, 542-543, 549
- Листра 291, 317, 319, 342, 352

Лука

историк 24, 37-39, 284, 286, 292-293, 596-607
с Павлом 571

о происхождении христианства 17

Македония 374, 379, 381, 450

и Павел 474, 497, 556

и церковь 474

Мальта 571, 582

Мария, мать Марка 136, 281

Марк, Иоанн 284, 292, 340-341

Масличная гора 527

Мессианские свидетельства, их использование

Павлом 304, 306, 308, 309, 311, 399, 404, 405, 406

Петром 91-100, 106

Месопотамия 179, 181, 183

Милит 497, 498, 509, 582

Миссия к язычникам 232-234, 295, 313, 334-335, 583-585

и Ефиоп 158, 163, 210, 211, 213

и Павел 148-149, 161-163, 166-168, 292-293, 315-317

и Петр 1269, 274, 277, 328, 330

Михей 55-58, 62

Моисей 30, 73, 108, 109, 111, 112, 124, 138, 158, 164,
169-171, 178-181, 182-187, 198, 200, 202, 204, 221, 228п,
243, 247, 276, 302, 323, 325, 326, 337, 451, 482, 516,
517, 530, 567

Навуходоноср 46, 495п, 335

Нерон, император 408, 555, 557, 567, 569, 571, 582

Обожествление природы 491-497

Обрезание

евреев 275, 277, 336, 347п, 366, 513, 516, 517, 519

и Павел 252, 516

и спасение 20-21, 27, 290, 291, 293, 326, 329-330, 331,
333, 335, 343, 516-519, 520

Тимофея 293, 342-343, 344, 517-519

язычников 255, 289-291, 325-333, 336, 338, 340, 517

Павел

и Варнава 226, 291-302, 315, 317-321, 327, 333, 339-
342, 352, 378

- видения 360, 379, 380, 447, 451, 453, 530, 531
о воскресении 344-45, 213, 547
в день Господний 82
изгнание злых духов 2381-390, 599-601
в изображении Луки 177-480
исцелитель 316, 582, 603
обращение 158, 165, 166, 217, 218, 220, 223-228, 479, 480, 501, 524, 528, 529, 532, 537, 563, 566
обращение к кесарю (требование суда кесаря) 525, 556, 558, 569, 583
поручение 222, 225, 578
преследователь евреев 18
преследователь христиан 156, 166, 218-224, 226, 524, 525-529, 530, 564
проповедник:
среди евреев 300-317, 358
идолопоклонников 400, 403, 423-442
язычников 148-149, 163, 226-228, 273, 299, 315, 317, 320, 358
путешествие и кораблекрушение 571-573, 574-579
речь в ареопаге 21, 26, 351-352, 359, 360, 362п, 399, 416, 423, 424-442
речи в защиту 474, 475, 479, 481, 499-508, 526-530, 544-548, 558-570, 604, 605
римский гражданин 388, 479, 480, 533, 540, 543, 556
и саддукеи 119, 523-524, 526
и Святой Дух 461-463, 474, 502, 508-509, 583, 599
священство 122-126, 524-525, 529, 535, 537, 540, 544
Сила 291, 342, 360, 366, 367, 372, 382, 383, 387-394, 395, 411, 448, 602
Тимофей 292, 293, 341-344,, 395, 448, 493, 518
фарисей 118, 524, 529, 537
и фонд пожертвований в Иерусалиме 550
- Павел, миссионерская деятельность
в Антиохии Писидийской 291, 293, 301-316, 317, 330-333, 335, 448
в Антиохии Сирийской 290, 293, 320, 321, 325, 339, 340, 456, 521, 544

- в Афинах 13, 23, 28, 351, 352, 360, 397, 399, 412, 414, 423-441, 442п
в Верии 397, 411, 412, 544
в Галатии 372
в Дамаске 218, 221-225, 226, 228, 530, 532, 537, 563
в Иерусалиме 218, 220, 226, 321, 323, 325, 457, 474, 475, 480, 481, 483, 508-540, 542, 551, 552, 554, 556, 558, 563, 582, 586п, 599
Коринфе 360, 365, 447-459, 544
Листре 317, 319
Пафе 297, 298
Риме 474, 475, 480-482, 491, 518, 540, 556-557, 570, 578, 579, 582-585, 599
в Тарсе 216, 218, 271-273
Фессалониках 360, 397, 404, 407, 410, 411, 412, 424, 428, 454, 476, 544
в Филиппах 21, 28, 212, 352, 356, 358, 360, 367, 368, 370, 372-376, 381-388, 391, 394, 395, 448, 464, 497, 561, 601
в Эфесе 372, 447, 456-469, 473, 479, 480, 483, 491-508, 512, 578, 599, 601
- Пантеизм 420, 423, 438
Пасха 50, 72, 87, 165, 192, 199, 208П, 276
Паф 291, 298
Пергия 291, 319
Петр
арест 116, 118, 121, 126, 234, 275, 276, 278, 491п
о воскресении 91-100, 524
и Иаков 21, 27
и Иерусалимский собор 327, 602
исцелитель 105-108, 110, 124, 128, 141, 149-150, 242-243, 602-604
и Корнилий 26, 43, 203, 233, 234-236, 245, 253-260, 268, 280, 327-328
в Лидде 242
миссия к язычникам 268-268, 274, 278, 319, 327-328
освобождается из тюрьмы 279, 280, 602, 605
речи 38-39, 48, 50-51, 56-58, 62, 64, 73, 83, 85, 86, 106,

- 108, 109-110, 112, 114, 116, 118-119, 139, 141, 151, 167,
253, 324-326, 475-476, 518
и синедрисон 21, 37, 123, 143-148, 511л, 604
- Покаяние**
крещение 458, 462
призвание к покаянию 100, 101, 112, 114, 144, 151,
205, 260, 295, 305, 424, 426, 430, 458, 522, 524, 568,
606
- Политеизм 159, 160, 220, 318, 360, 430-431, 436
- Понтий Пилат 80, 88, 111, 118, 133, 145, 260, 279, 309, 554
- Послание к Евреям 170, 171, 176, 178, 186, 192, 195п, 427-
429, 521-522, 525, 526
- Послание к Коринфянам 284, 345, 470п, 511п
- Послание к Римлянам 214, 256, 295, 427, 452-453
- Послание к Тимофею 498п,
и Павел 292, 293, 342-345, 396, 451, 493, 518
- Послание к Фессалоникийцам 326, 379, 408-409, 431
- Прискилла 358, 448, 453, 456, 458
- Провидение 377-382, 419
- Пророки 71, 72, 82, 109-114, 162, 186, 187, 189, 200, 202, 204,
212, 243, 262, 307, 334, 335, 482, 504, 550, 545, 560,
563, 567, 568, 584, 605
- Прощение грехов 170-172, 193, 302, 312-313, 314, 315, 316,
333, 520, 566-568, 591-592
- Проповедь прощения 170, 172, 204, 312, 314
- Псалтырь 67-71, 93, 95, 98-100, 126-127, 133, 175, 186, 201,
308, 310-311, 348п, 401-402, 438--439
- Путеол 467, 582
- Путь Господний 218-220, 458, 465, 545-546, 548
- Пятидесятница 23, 35, 36, 203, 222, 269, 278, 522, 525
и день Господний 27, 55-58
праздник Кущей 49-51, 166
и Святой Дух 47-57, 72, 83, 84, 98, 103, 141, 148, 203,
284, 354
- Пятикнижие 2329, 158, 197, 200, 202, 210
- Распятие 46, 49, 68, 74, 76, 81, 82, 84, 85--86, 99, 100-101,
110-112, 118, 124, 126, 133, 144-150, 164, 170, 212, 221,
261-262, 309, 393-395, 522, 523, 568

- Рим 212, 268, 278, 550-554, 573
и иудеи 118, 148-149, 355, 406, 447, 582-585, 605
и Павел 474, 476, 480-489, 538-541, 555-557, 568, 578,
579-580, 582-586, 599
- Саддукеи 14, 87, 116, 117-119, 134п, 146, 148, 198, 253, 482,
490п, 523-524, 525, 537, 540, 543-547, 555, 556, 558-
559
- Самария 24, 162, 218, 269, 323
евангелизация 158, 162, 164, 168, 193, 199, 200-202,
204, 205-208, 223, 226, 325-326
- Самуил 108, 110, 199 (см. 2 Цар.5:6-10,7; 2 Цар.7:13), 304,
305 (1 Цар.)
- Савл из Тарса, см. Павел
- Саул 305, 306, 307
- Свидетельство
апостолов 25, 35-37, 38, 64, 67-70, 74, 75, 76, 141, 269
Израиля язычникам 160, 214, 218
Святого Духа 37-38, 75-76, 86, 130, 140
учеников 233
- Святой Дух
и апостолы 41, 44, 47, 51, 52, 90, 136
вождение 354, 360, 377-380, 390, 494, 501, 522, 508-
510, 597, 599
дар 85, 86, 100, 101, 103, 122, 146, 171, 197, 303, 258,
262, 283, 301, 306, 392-393, 395, 397, 399, 354, 361, 386,
457-458, 501
исполнение 133, 222, 224, 236, 238, 272
крещение 47-49, 263-266, 283-284, 329, 457-458,
457-464
покаяние 204
Пятидесятница 39, 47-52, 55, 85, 86, 98, 99, 103, 141,
148, 203, 355
свидетельство 38, 72, 86, 129-130, 141, 501
чудеса 37, 85, 87
- Святость
иудейская 232, 234, 242, 245, 247, 251, 256, 266, 268,
273, 326
христианская 232, 234, 236, 238, 240, 242, 243, 253,

- 264, 266, 268, 273, 279, 281
- Сергий Павел 291, 298
- Сила 340
с Павлом 291, 342, 360, 366, 367, 372, 383, 387-394, 395, 411, 448, 602
- Симон Волхв 163, 164, 207, 208 209п, 316
- Синай 179, 181, 187, 189, 249
- Синедрион 144-148, 218, 280
и апостолы 25, 37, 121-123, 124-128, 132, 133, 134, 144-150, 490п
и Павел 480, 481, 515, 518, 523-524, 534-548, 550, 555-556, 563-565, 582-583, 604
и Петр 21, 37, 122, 123, 125, 128, 130, 144-150, 490п
- Стефан 178-189
- Сирия 270, 336, 456, 473
- Сихарь 157, 201, 202
- Скева 468, 469, 493
- Скиния 176, 179-180, 181, 182, 184, 190, 266п, 334-335
- Совесть 526-527, 547, 548, 557
- Соломон 179, 180, 181, 182, 201, 306, 432
- Спасение
по благодати 303, 305, 314-320, 331-332, 334, 335, 336, 342-343, 527
по вере 302, 303, 312, 313, 314-320, 324, 326, 332, 334
учение 295, 298, 302, 304, 311, 314-315, 322-323, 332, 334
Спиритизм 207, 298-300, 355, 356, 379, 383, 384, 386, 390, 460, 464, 469, 601
- Стефан
опыт прощения 170-173
и Послание к Евреям 170, 172, 174-176, 192
и синедрион 178-187, 351
служение 195п, 601
смерть 25, 157, 159, 163, 167, 169, 174, 176, 184, 269, 273, 522, 531, 605
и храм 17-18, 25, 157, 167-170, 171-174, 177, 178, 181, 183-186, 191, 193, 197, 432, 514, 522, 524
- Стоики 359, 396п, 410-412, 419-425, 429, 430, 433, 435, 438,

440, 442

Тавифа 236, 243-245, 272-273

Тарс 216, 218, 271, 559

Тертулл 540-542

Тиберий 406, 410

Тир 498, 508, 509, 582

Тиранн 361, 464, 500

Тит Юст (Иуст) 212, 445

Трапеза Господня 170-172, 193, 499, 514, 520, 582

Троада 374, 379, 381, 497, 498, 514, 582

Фарисеи 89, 116, 117, 118, 124, 148, 252, 254, 323, 325, 331,

332, 346п, 482, 501, 524, 537, 540, 543, 546, 547, 550, 562

Феликс 20, 478-480, 483, 489, 524, 533, 540-549, 558-559

Феофил 19, 21, 40

Фессалоники 357

и иудеи 17-19, 27-28, 149-150, 352, 354, 397, 399, 404,

407, 408, 409-413, 553, 555

и Павел 362, 397, 404-406, 407, 409, 411, 413, 424,

428, 454, 478, 544

и церковь 357

Фест 481-483, 489, 524, 553-559, 567, 569

Фиатира 212, 375

Филипп, благовестник 603

в Самарии 162, 164, 196, 200, 203, 204, 207, 214, 218,

603

Филиппы 18, 212, 243, 357

и Павел 20; 28, 212, 352, 354, 357, 360, 366, 367, 370,

372-377, 379-386, 387, 391, 392, 394, 395, 447, 465, 497,

568, 601

римская колония 366, 387

и церковь 372, 377, 478-479

Финикия 269, 324

Фригия 374, 456

Ханаан 168, 180-184, 203, 251, 304, 305

Хасмонеи 201, 274, 276

Храм 70, 116-117, 138, 168-170, 198, 203, 204, 206, 479, 607

беспорядки 474, 480, 482, 513, 515, 525, 526, 527, 529,

534, 544-545, 548

- богослужение 158, 168, 173, 176-178, 179, 188, 190, 198
взгляд Стефана 20, 25, 157, 167-171, 172-179, 180-185, 186, 187, 188, 192, 194, 195п, 199, 433, 522, 524
- Христиане
 происхождение названия 269, 273
- Царство Божье 46, 405, 553
- Цезарь, Юлий 20
- Чудеса 89, 154п, 280, 281, 389, 581-582
 апостолов 100, 102п, 106, 108, 126, 128, 130, 135, 143, 151, 242, 245
 Духа Святого 37, 85, 87, 88
 Павла 290, 465, 466, 498, 499
 Филиппа 203
- Эллинизированное население
 Иерусалим 226-228
 и саддукеи 116-117, 120п, 134п
 и Стефан 168-170
- Эпикурейцы 13-14, 360, 371, 414, 415-419, 422, 424, 430, 432, 433, 438, 442, 442п, 444п
- Языки 50, 86, 87, 100, 140, 463
- Язычество 315, 351-358, 370, 383, 386, 390, 391, 397, 399, 410, 424, 425, 427, 429, 433, 434-435, 438, 445-446, 454, 460, 465, 469, 601

Printed by World Wide Printing
Duncanville, Texas - Minsk, Belarus

Религиозное издание

ВЕРНЫЕ ВЕРЕ

Подписано в печать с оригинал-макета 21.04.98 г.
Формат 84x108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 32,76. Усл.кр.отт. 33,6. Тираж 50100 экз. Зак. 7126.

Типография "ПИКОРП" ЛП № 161 от 30.12.97 г..
220141, г. Минск, ул. Жодинская, 18.